АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

XXIV

1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

Том XXIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1964

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик *М. Н. Тихомиров* (отв. редактор),
Б. Т. Горянов, член-корреспондент АН СССР *П. В. Ерштедт*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*, *Е. Э. Липшиц*,
Г. Г. Литаврин, *Р. А. Наследова* (отв. секретарь),
член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пигулевская*,
Е. Ч. Скржинская, *М. Я. Сюзюмов*, *З. В. Удальцова* (зам. отв. редактора)

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОВ В ВИЗАНТИИ VI в.

(преимущественно по данным законодательства Юстиниана)

Ключевым вопросом для решения проблемы о путях и формах разложения рабовладельческой формации и генезисе феодализма в ранней Византии является вопрос об эволюции рабовладения. Оживленные научные споры последних лет по этому вопросу [1] заставляют нас вновь вернуться к нему, сосредоточив внимание на изменении положения рабов в VI в.[2]

Основной материал о положении рабов в Византии VI в. сохранило законодательство Юстиниана, в сочетании, конечно, с данными нарративных источников, папирусов, надписей. Поэтому необходимо, не вдаваясь во всестороннюю характеристику права VI в.[3], определить наше отноше-

---

[1] В советской историографии этот вопрос поднимался в связи с дискуссией по проблеме генезиса феодализма в Римской империи и Византии. См. А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи. ВДИ, 1953, № 3; М. Я. Сюзюмов. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. ВДИ, 1955, № 1; З. В. Удальцова, А. П. Каждан. О нерешенных проблемах социально-экономической истории Византии. «Вопросы истории», 1958, № 10; М. Я. Сюзюмов. О некоторых проблемах истории Византии. «Вопросы истории», 1959, № 3; Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. «Вопросы истории», 1960, № 2; Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах ранневизантийского феодализма. «Вопросы истории», 1961, № 6; М. Я. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии. «Уч. зап. Свердл. гос. пед. ин-та», вып. 11, 1955, стр. 165—192; Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. О положении рабов см. также А. Hadjinicolaou-Marava. Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde Byzantin. Athènes, 1950 (рецензия М. Я. Сюзюмова на эту книгу — ВВ, V, 1952, стр. 280—284); P. Allard. Les esclaves chrétiens depuis les premiers temps de l' Église Paris, 1914, p. 70—184; W. W. Buckland. The Roman Law of Slavery. Cambridge, 1908; R. Taubenschlag. Das Sklavenrecht im Rechte der Papyri. «Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte, Roman. Abt., Bd. 50, 1930, S. 140—169; idem. The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri, 332 B. C. — 640 A. D. New York, 1944, p. 50—76; A. H. Jones. Slavery in the Ancient World. «The Economic History Review», II ser., vol. IX, № 2; 1956, p. 185—199; J. Imbert. Réflexions sur le christianisme et l'esclavage en droit romain. «Revue International des Droits de l'Antiquité», 2, 1949; W. L. Westermann. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, p. 120—162. Литература вопроса — p. 163—173.

[2] См. З. В. Удальцова. Некоторые изменения в экономическом положении рабов в Византии VI в. (по данным законодательства Юстиниана). ЗРВИ, кн. VIII (1). Београд, 1963, стр. 281—290.

[3] См. И. С. Перетерский. Дигесты Юстиниана. М., 1956. Там же см. литературу вопроса.

ние к законодательству Юстиниана как источнику по социально-экономической истории Византии того времени.

Corpus juris civilis, обширный свод гражданского права, нередко называемый «храмом правовой науки», создание которого приписывалось лишь воле «великого» законодателя Юстиниана, по сути дела был рожден самой жизнью. Коренные изменения социально-экономических и политических отношений в империи IV—VI вв. с неумолимой настойчивостью требовали перестройки старых правовых норм, мертвой глыбой лежавших на пути дальнейшего прогресса. Перестройка законодательства была произведена в сложной обстановке кризиса рабовладельческого строя и отразила в полной мере борьбу с т а р о г о с н о в ы м, отживающих рабовладельческих отношений с рождающимися феодальными.

При сохранении в VI в. в Византии рабовладельческого строя и рабовладельческого государства фундаментом воздвигнутого при Юстиниане здания Corpus juris civilis не могло быть не что иное, как старое римское право. Отсюда консерватизм Юстинианова законодательства. Поскольку рабовладельческий строй не сдал своих позиций, многие институты римского права были еще живы и приемлемы для господствующего класса Византии, могли иметь практическое применение. Однако жизнь требовала внесения серьезных коррективов в нормы римского права. Рождавшиеся н о в ы е социальные отношения создавали н о в ы е правовые установления, возникавшие н о в ы е взаимоотношения классов, сословий требовали юридического оформления.

И действительно, созданный при Юстиниане Свод гражданского права фиксировал и законодательным путем закреплял те важнейшие изменения в социально-экономической жизни империи, которые произошли в IV—VI вв. Менялась экономическая основа общества, росли новые социально-экономические институты, и прежде всего колонат, рабство меняло свои формы, изменялись формы классовой борьбы, складывались новые отношения между людьми, возникали новые социальные категории и прослойки, фактически уже обладавшие своим особым юридическим статусом. Поэтому все нововведения в Своде гражданского права Юстиниана по сравнению с классическим и постклассическим правом не могут быть поняты и объяснены вне органической связи с реальными изменениями в социально-экономических и политических отношениях того времени. В отдельных частях Свода гражданского права влияние их чувствуется по-разному (менее всего — в Дигестах и Институциях, более всего в Новеллах), но именно в фиксации реальных общественных отношений, в отражении существовавшей действительности в юридических формулах — подлинное значение законодательства Юстиниана. Вместе с тем в этом и подлинные причины его создания [4].

Несмотря на многие недостатки Юстиниановой кодификации (наличие противоречий, повторений, ошибок, неудачных сокращений), возникшие в результате компилирования римского права, Corpus juris civilis был не только ценным памятником римской юриспруденции, но и важнейшим источником, отразившим реальные общественные отношения и их эволюцию к VI в. Поэтому значение этого огромного корпуса юридических узаконений для исследователя состоит в том, что он, с одной стороны, может быть источником для изучения эволюции социально-экономиче-

[4] Были, конечно, и чисто юридические причины кодификации права: потребность в пересмотре и систематизации всей правовой системы была связана с тем, что отдельные части древнего права устарели и необходимо было достигнуть «современности» и определенности действующего права. Этого требовали и практические потребности судопроизводства, крайне затрудненного из-за отсутствия точных и современных юридических норм. Но эти вопросы являются предметом специального изучения.

ского строя империи в IV—VI вв., с другой — дает ценный материал (особенно в Кодексе и Новеллах) для подведения итогов этой эволюции в VI в. и воссоздания исторической действительности именно времени кодификации.

Поскольку Corpus juris civilis стал единственным действующим правом в Византии середины VI в., он во многом может считаться основным юридическим источником для исследования и такого важного вопроса, как вопрос о статусе рабов в Византии того времени. Однако право далеко не полно и с большим опозданием отражало социально-экономические сдвиги в жизни общества; рудименты (иногда очень значительные) архаических отношений наполняют Corpus juris civilis (особенно Дигесты) и часто мешают уяснению истинного положения дел. Поэтому всегда надо обращаться за помощью и к другим источникам, позволяющим в какой-то мере установить адекватность юридических норм реальной действительности.

* * *

В VI в. в Византийской империи институт рабовладения сохранял свое значение как в социально-экономической жизни страны, так и в законодательстве, политике, быту. Рабство оставалось привычным жизненным явлением, глубоко укоренившимся в византийском обществе.

В законодательстве Юстиниана официально провозглашается разделение всех людей на свободных или рабов (omnes homines aut liberi sunt, aut servi) [5]. Признание исторической необходимости рабства при этом сочетается с теорией естественного равенства людей. По природе все люди рождаются равными, и это равенство поддерживается «естественным» правом. Однако исторически сложилось положение, когда у народов возник обычай сохранять жизнь военнопленным, но продавать их в рабство [6]. С тех пор по «праву народов» (jus gentium) один человек отдается под власть другого, вопреки природе и первоначальной свободе [7].

При отсутствии статистических данных невозможно, конечно, определить количество рабов в Византии VI в. Однако известно, что завоевательные войны Юстиниана обеспечили постоянный и широкий приток рабов в империю.

Особенно много было захвачено их во время победоносной экспедиции Велизария в Северную Африку. По словам Прокопия, византийские солдаты в королевстве вандалов военнопленных мужчин чаще всего убивали, а женщин и детей обращали в рабство [8]. Много рабов приносили византийской знати и другие завоевательные походы Юстиниана — в Италию и Испанию [9]. Во время войны с Ираном византийские войска вторглись

---

[5] Corpus juris civilis, t. I. Digesta. Ed. Th. Mommsen et P. Krueger. Berolini, 1954 (далее — Dig.), I, 5.3.

[6] Dig., I, 5.4.2: «Servi ex eo appelati sunt, quod imperatores captivos vendere, ac per hoc servare nec occidere solent». Таким образом, латинский термин «раб» (servus) происходит от глагола servare — сохранять, т. е. сохранять жизнь военнопленному, превращая его в раба.

[7] Dig., I, 5.4. 1: «Servitus est constitutio juris gentium, qua quis domino alieno contra naturam subiicitur».

[8] Procopii Caesariensis Bellum Vandalicum, rec. J. Haury. Lipsiae, 1905, II, 3.24 (далее — Procop., B. V.). См. З. В. Удальцова. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане. ВВ, V, 1952, стр. 17 сл. Разбив в Северной Африке туземное племя лавафов, византийцы обратили в рабство всех женщин и детей этого племени (Procop., B. V., II, 21, 14).

[9] З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959, стр. 459 сл.

в Персидскую Армению и обратили в рабство (ἀνδραποδίσαντες) большое число армян [10].

Возможно, что в связи с завоевательными войнами Юстиниана в VI в. произошло даже усиление притока рабов по сравнению с предшествующим временем [11]. Постоянные войны между соседними с Византией варварскими племенами и народами также доставляли значительное количество рабов, продаваемых варварами в империю.

Работорговля в Византии VI в. сохранялась в значительных масштабах. Ввоз в Византию основной массы рабов в это время происходил из областей, расположенных вокруг Черного моря, из стран Восточной Европы и Кавказа. Так, Прокопий рассказывает о том, что жители Лазики обменивали ввозимые византийскими купцами товары на рабов [12]. В несколько меньших размерах Византия вела торговлю рабами с государствами Востока и Средиземноморья. Наиболее интенсивно работорговля велась в пограничных областях империи, куда правительство перенесло рынки рабов, опасаясь рабских восстаний в больших городах страны.

Размах работорговли вызвал ее строгую регламентацию. Законодательство Юстиниана ввело постоянные рыночные цены на рабов от 20 до 70 номисм, в зависимости от квалификации раба [13]. Прокопий рассказывает, что в Северной Африке одного военнопленного выкупили из рабства за 50 золотых номисм, что подтверждает реальность указанной продажной цены рабов [14]. Византийское правительство извлекало доходы от ввоза рабов в империю путем взимания торговых пошлин. В гаванях Абидоса и Гиерона устроены были специальные таможни, следившие за уплатой пошлин работорговцами. Через Гиерон ввозились рабы из стран Восточной Европы и Кавказа, через Абидос — из областей Средиземноморья. Пошлина за ввоз раба обычно составляла $^1/_{10}$ его стоимости и при средней продажной цене неквалифицированного раба в 20 номисм исчислялась в 2 номисмы. Работорговцы всячески уклонялись от уплаты пошлин; в пограничных областях империи, особенно на Кавказе и в Причерноморье, а также на островах Эгейского моря процветала контрабандная торговля рабами.

Тот, кто продавал раба, должен был указывать его этническую принадлежность. Если этническая принадлежность сообщалась неправильно, то сделка аннулировалась. Законодательство объясняло подобное требование тем, что многим происхождение раба внушает ужас, поскольку некоторые племена отличались особенной непокорностью и рабы этих нацио-

---

[10] Procopii Caesariensis Bellum Persicum, ed. J. Haury, (далее — Procop., B. P.), I, 12.20.

[11] Польский ученый Р. Таубеншлаг на основании подсчета количества упоминаний рабов в папирусах пришел к любопытным выводам о возрастании числа рабов в VI в. Он приводит следующие данные: в I в. до н. э. рабы упоминаются 20 раз, в I в. н. э. — 26; во II в. н. э. — 98, в III в. — 35; в IV в. — 15; в V в. — 2; в VI в. — 30; в VII в. — 4. См. R. Taubenschlag. Das Sklavenrecht im Rechte der Papyri, S. 139 f. Ср. idem. The Law of Greco-Roman Egypt, p. 50 sq.

[12] Procop., B. P., II, 28.28.

[13] Corpus juris civilis, t. II. Codex Justinianus, ed. P. Krueger. Berolini, 1954 (далее — CJ), VI, 43.3.

[14] Procop., B. V., II, 22.13—16. Выкуп пленных обычно производился по цене более низкой, чем рыночная цена рабов. Весьма примечательно, что при продаже больше ценились недавно захваченные в плен рабы, так называемые неониты, чем лица, уже бывшие в рабстве, ибо неонитов было легче приучить к какому-либо выгодному для господина занятию или обучить ремеслу (Dig., XXI, 1.37). Работорговля по-прежнему велась через посредников-работорговцев (magnones), профессия которых считалась позорной, унижающей достоинство человека. О работорговле в раннее средневековье см. также Ch. Verlinden. L'esclavage dans l'Europe Médiévale, t. I. Brugge, 1955.

нальностей были опасны для их господ [15]. Таким образом, византийская знать опасалась покупать рабов из свободолюбивых и воинственных варварских племен. За сокрытие опасных для новых хозяев «пороков» раба продавец подвергался штрафу. Он обязан был сообщать о склонности его к бегству, о его попытках к самоубийству и т. п., о строптивости раба. Продавец должен был также осведомлять покупателя о душевных болезнях раба, о склонности его к воровству и т. п.[16] Эти качества рабов снижали их цену. Закон запрещал продажу раба—уроженца империи в чужие страны [17].

В VI в. наряду с торговлей рабами одним из источников рабовладения продолжала оставаться самопродажа бедняков [18] и продажа ими своих детей в рабство. Так, в египетском папирусе VI в. рассказывается о бедной девушке, отданной ее братом кредитору, у которого она должна была отбывать «рабскую повинность» (πᾶσαν δουλικὴν χρείαν) до уплаты долга [19].

В другом папирусе рассказывается о том, что один бедняк был согласен, чтобы его жена оставалась в рабстве до уплаты долга богачу [20]. Распространенным явлением оставалась отдача в залог до уплаты долга своих детей [21].

В VI в. все еще сохранял силу закон, изданный в 329 г. императором Константином, признававший действительной продажу детей в рабство. Правда, при этом делались некоторые весьма важные ограничения. Отец мог продать в рабство своих новорожденных сына или дочь (filium filiaque sanguinolentos) только в случае крайней нужды. Если же судьи устанавливали, что дети проданы родителями в рабство без крайней необходимости, то виновные карались смертной казнью, как совершившие тяжкое преступление — продавшие свободного человека в рабство. Кроме того, родителям даровалось право выкупить своих детей из рабства в любое время [22].

По данным папирусов, в Египте распространенным явлением была самопродажа в рабство за одежду и пропитание на определенный срок [23].

За особо тяжелые преступления иногда наказанием служило обращение в рабство (servitus poenae). Осужденным на смертную казнь, пред-

---

[15] Dig., XXI, 1.31.21.

[16] Dig., XXI, 1.23.3

[17] Экспорт рожденных в доме господина рабов (οἰκογενεῖς), как и раньше, без специального разрешения властей был запрещен, за продажу этой категории рабов в чужие страны взимался особый налог (ἀπαρχή). См. А. Б. Р а н о в и ч. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. н. э. М.—Л., 1949, стр. 205.

[18] Закон предусматривал случай, когда свободный человек (достигший 20-летнего возраста и отвечающий за свои поступки) мог позволить продать себя в рабство, надеясь потом доказать свое свободное происхождение и воспользоваться уплаченными за него деньгами (pretii participandi causa). Если мошенничество обнаруживалось, то свободный становился рабом покупателя [Dig., XL, 12.23; I, 5.5.1; IV, 4.9. 4; Corpus juris civilis, t. I. Institutiones. Berolini, 1954 (далее — Inst.), I, 3].

[19] Pap. Jand., 62 (VI в.). См. А. П. К а ж д а н. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи, стр. 87.

[20] A. Ch. J o h n s o n and L. C. W e s t. Byzantine Egypt. Princeton, 1949, p. 132—133. См. Pap. S. J., 824. Астерий, епископ Амасейский, обличает в своих проповедях жестоких ростовщиков, которые, сами купаясь в роскоши, без всякого милосердия обращали ограбленных ими же бедняков в рабство [A s t e r i i A m a s e a e E p i s c o p i Homiliae. PG, t. 40, col. 210 sq. (III Homilia adversus avaritiam)].

[21] J. M a s p e r o. Papyrus grecs d'époque byzantine. Le Caire, 1915, № 67023 (569 г.) (далее — P. Cairo Masp.).

[22] CJ, IV, 43.2. Ср. CTh., V, 8.1; Dig., XLVIII, 15.1.

[23] F. P r e i s i g k e. Griechische Papyrus der Kaiserlichen Universitäts und Landesbibliothek zu Straßburg. Straßburg, 1912, № 40 (569 г.), № 4490 (VII в.). См. А. П. К а ж д а н. О некоторых спорных вопросах. . ., стр. 87.

назначенным для растерзания дикими зверями или для участия в гладиаторских боях (ad bestias depugnandas, ad ludum gladiatorium), а также приговоренным к пожизненной ссылке в рудники эти жестокие кары могли быть иногда заменены обращением в рабство [24].

Как и во времена Поздней Римской империи, в Византии VI в. важным источником рабства оставался естественный прирост числа рабов. Согласно законодательству Юстиниана, все дети рабыни, независимо от статуса их отца, рождались рабами и оставались во власти господина их матери [25]. Само собою разумеется, что дети раба и рабыни всегда сохраняли рабский статус своих родителей [26]. В случае если рабыня находилась в коллективной собственности нескольких господ, то рожденные ею дети распределялись между ее хозяевами [27]. Только в том случае, когда матерью ребенка была свободная женщина, а отцом — раб, ребенок получал статус свободного человека.

В Византии VI в. рабский труд не потерял своего значения в производстве — как в сельском хозяйстве, так и в ремесле. В законодательстве Юстиниана проводится разграничение между сельскими рабами (γεωργικὰ ἀνδράποδα), труд которых использовался при проведении различных сельскохозяйственных работ [28], и городскими рабами (servi urbani), работавшими в ремесленных эргастериях и торговых предприятиях различных городов империи.

Труд рабов применялся в хозяйстве почти всех категорий земельных собственников. Перечисляя имущество земельного собственника, Кодекс Юстиниана упоминает рабов, скот, плодовые деревья [29]. Рабы трудились в императорских доменах, в имениях крупных светских и духовных землевладельцев [30], на землях долгосрочных арендаторов — эмфитевтов, которые при Юстиниане получили право отпускать рабов на свободу [31]. Рабы имелись во владениях мелких земельных собственников — крестьян. Так, в житиях Евфимия Великого (конец V в.) и Ипатия Руфианского (середина V в.) рассказывается о крестьянах, владевших рабами [32]. В 34-й новелле Юстиниана говорится о земледельцах Фракии, имевших рабочий скот и собственных рабов (mancipia) [33].

О применении труда рабов в хозяйстве мелких земельных собственников сообщает и Кодекс Юстиниана. В одном из предписаний Кодекса говорится: «Если . . . лица, стоящие во главе канцелярий и подчиненные правителям провинций, злоупотребляя своим служебным положением, заставят какого-либо земледельца выполнять какие-либо повинности как своего раба или будут использовать в собственных интересах е г о р а б а и л и б ы к а, то они наказываются конфискацией имущества и вечным изгнанием» [34].

Дигесты упоминают, кроме того, о рабах, принадлежавших колонам.

---

[24] Dig., XXVIII, 3.6.6; XXIX, 2.25.3; XLVIII, 19.1.8.1; 17; 36; Inst., I, 16. 3.

[25] Dig., XLI, 1.6; CJ, III, 32.7.

[26] CJ, XI, 68.4.

[27] CJ, III, 32.7. Об эволюции семейного положения рабов см. ниже.

[28] Corpus juris civilis, t. III. Novellae. Ed. Schoell et G. Kroll. Berolini, 1954 (далее — Nov. Just.), VII, praef., 3.

[29] CJ, X, 10.2.

[30] Nov. Just., VII. В Житии Ипатия Руфианского рассказывается о том, что в пригородных имениях богачей применялся труд рабов (А. П. Р у д а к о в. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 193).

[31] CJ, XI, 62.12.

[32] А. П. Р у д а к о в. Указ. соч., стр. 183.

[33] Nov. Just., XXXIV, 1.

[34] CJ, XI, 55.2.

Если рабы колона сожгут виллу, то колон может отдать их потерпевшему в возмещение убытка [35]. Если раб колона, печник, заснул у печи, а в это время начался пожар и вилла сгорела, то ответственность за небрежность в выборе своих слуг несет колон — хозяин раба [36].

Даже рабы, получившие от господина пекулий, могли владеть другими рабами, так называемыми викариями, которые находились у них в полном подчинении [37].

Ценность всякого земельного владения по-прежнему колебалась в зависимости от числа живших в поместье рабов. Поэтому при дарении поместья, при передаче земельных владений по завещанию или при сдаче их в аренду законодательство Юстиниана предписывает обязательно указывать число рабов, работающих на этих землях [38].

При составлении земельного кадастра владельцы имений по-прежнему были обязаны подавать фиску сведения о числе рабов, живших в их владениях, что учитывалось при налоговом обложении, увеличивая сумму налога, поскольку труд рабов приносил доход владельцу имения [39].

Папирусы Египта содержат ценные сведения об использовании труда рабов в VI в. в поместьях крупных землевладельцев этой провинции [40]. В богатом поместье некой Феодоры, расположенном близ Гермополя, в начале VII в. труд рабов применялся еще в столь значительных размерах, что затраты на содержание рабов составляли сумму в несколько раз бóльшую, чем на оплату труда свободных наемных работников [41].

В Сирии и Ираке (по данным источников IV—V вв.) в поместьях знати работала масса рабов [42]. Труд рабов был столь необходим и мелким землевладельцам этих областей, что даже считалось возможным скорее обойтись без своего поля (и снимать его в аренду), нежели без рабов [43].

Современники рассказывают о применении рабского труда на мельницах; рабы упоминаются в качестве погонщиков мулов, пастухов. В поместьях жили также рабы-ремесленники, изготовлявшие для своих господ предметы роскоши — дорогие ткани, ювелирные изделия, а также предметы первой необходимости — одежду, обувь [44]. Ремесленный труд в поместье играл все бóльшую роль, в связи с чем увеличивались расходы господ на питание рабов и закупки продуктов, выдававшихся рабам-ремесленникам на прокорм [45]. Агиографическая литература содержит ценные данные о рабах-ремесленниках, живших как в городах, так и сельских поместьях. В Житии Иоанна Милостивого (ум. в 619 г.) сооб-

---

[35] Dig., IX, 2.27.11.

[36] Dig., XI, 2.27.9: «Si fornacarius servus coloni ad fornacem obdormisset. . .».

[37] Dig., XV, 1.40.

[38] CJ, III, 38.11; VIII, 55.6; X, 10.2; XI, 63.2.

[39] CJ, XI, 48.3.

[40] The Oxyrhynchus Papyri. Leipzig, 1914 (далее Pap. Oxyr.), № 28.

[41] Veröffentlichungen aus den badischen Papyrussammlungen. Heidelberg, 1923 (далее Pap. Baden.), № 95. См. М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии в V—VII вв. ПИДО, V, 1935, № 1—2, стр. 91.

[42] Ю. А. Солодухо. Значение еврейских источников раннего средневековья для истории Ближнего Востока. «Советское востоковедение», т. II, 1941, стр. 40. В источниках IV—V вв. рассказывается о крупных латифундиях в Сирии и Ираке, где обширные земельные угодья обрабатывались рабами.

[43] Ю. А. Солодухо. Указ. соч., стр. 39—40. Молотьба на полях землевладельцев производилась рабами.

[44] Так, например, в Северной Африке землевладельцы держали в поместьях собственных рабов-ремесленников, которые изготовляли для них роскошные ткани и прекрасные ювелирные изделия (S. Gsell. L' Esclavage rural dans l'Afrique romain. «Mélanges G. Glotz». Paris, 1932, t. I, p. 404).

[45] Pap. Baden, 95, 62, 74, 108, 379, 468, 563; W. L. Westermann. The Slave Systems. . ., p. 144 f.

щается о рабе-ювелире [46]. В том же житии мы встречаем упоминание о рабе, который был нотарием при богатом африканском откупщике [47].

Законодательство Юстиниана особо выделяло городских рабов (servi urbani) [48]. Так, например, мукомолы-манципы широко применяли рабский труд в пекарнях для вращения жерновов, размалывавших зерно. Византийский церковный историк V в. Сократ рассказывает, что мукомолы в городах заманивали обманом иностранцев в пекарни, бросали их тайно в подвалы, где заставляли, как рабов, всю жизнь вертеть жернова [49].

Рабы, жившие в городе, подразделялись на различные категории. Среди них можно выделить рабов, работавших в ремесленных эргастериях и называвшихся рабами-технитами, и рабов, занимавшихся по приказу господина торговлей. Эти рабы, используемые в ремесле и торговле, резко отделялись от домашних рабов, исполнявших обязанности прислуги [50].

В больших городах империи имелись ремесленные мастерские эргастерии (taberna), в которых зачастую работало несколько сотен рабов. Раб считался инвентарем ремесленной мастерской [51]. В мастерских работали как господские, так и наемные рабы. Господа часто извлекали доход от сдачи в наем по праву locatio—conductio своих рабов для работы в ремесленных мастерских [52]. Согласно постановлению Дигест, похитивший нанятого за плату раба наказывался как вор [53].

Во главе мастерской иногда стоял раб, в обязанности которого входило наблюдение за ремесленным производством, закупка сырья и товаров, внесение так называемого эпойкиона — платы за помещение хозяину дома, где была расположена мастерская. Он выполнял и другие важные функции по руководству ремесленным производством [54].

В домах знатных вельмож Константинополя и других городов империи обычно имелись мастерские по производству ценных предметов роскоши; особенно славились женские мастерские — гинекеи, где искусные рабыни-золотошвеи изготовляли одежду для своих господ [55].

---

[46] А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 151. В Житии Парфения Лампсакского, правда, относящегося к более раннему времени (IV в.), есть рассказ о рабах-красильщиках, работавших в государственных мастерских по окраске тканей пурпуром. (А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 147).

[47] Там же, стр. 214. Имеются документы, несколько более ранние, об обучении рабов ремеслу, в том числе даже скорописи (А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв., стр. 205).

[48] Согласно Кодексу Юстиниана, правительство могло даровать вельможам, несущим государственную службу при императорском дворе, освобождение от всяких «низких повинностей» (munera sordida). При этом от несения этих повинностей освобождались и городские рабы этих вельмож. Привилегия эта сохранялась и тогда, когда вельможа покидал столицу и уезжал в провинцию в качестве ее правителя (CJ, XII, 29.1).

[49] Сократ Схоластик. Церковная история. Саратов, 1911, V, 18.

[50] О применении рабского труда в ремесле в Египте преимущественно по данным папирусов см. И. Р. Фихман. К проблеме социального состава ремесленников в Египте IV—середины VII в. н. э. Сб. «Проблемы социально-экономической истории древнего мира». М.—Л., 1963, стр. 355—366. О рабском труде в Антиохии см. Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962, особенно гл. 2.

[51] Dig., XXXIII, 3.1; XXXIII, 7.13.18.

[52] Dig., XIX, 2.45. См. ниже, стр. 11.

[53] Dig., XIX, 2.42.

[54] Dig., VII, 8.20; XIV, 3.1; 3.5.9.

[55] Иоанн Златоуст (Vв.) рассказывает, что знатные дамы заставляли без всякой жалости работать своих рабов в мастерских и днем и ночью (Joannis Chrysostomi Opera. PG, t. 56, col. 538. О производстве драгоценных тканей в домах византийской знати см. PG, t. 47, col. 327, 415, 492).

Свидетельством важности применения рабского труда в ремесле является тот факт, что раб—искусный ремесленник всегда ценился дороже, чем раб, не обученный никакому ремеслу. Законодательство Юстиниана уделяет особое внимание определению критерия ценности раба. Таким основным критерием выдвигается прежде всего доходность производительной деятельности раба. В случае разбора в суде каких-либо исков имущественного характера, где требовалось установить стоимость раба, необходимо было в первую очередь определить, какой доход может быть получен господином от ремесленной или иной полезной деятельности раба. Всякие субъективные критерии оценки раба при этом отвергались. Закон ценил не красоту раба, не те или иные его личные качества, за которые раб люб своему господину, а его ремесленную выучку, полезную новому господину [56].

Насколько изменялась стоимость раба в зависимости от его профессии, мы можем судить по упомянутой выше таксе рыночных цен на рабов. В 531 г. особым законом Юстиниан установил, что взрослые рабы обоего пола, не обученные какому-либо ремеслу, ценились в 20 номисм (дети в 10 номисм). Рабы, знавшие ремесло, продавались уже за 30 номисм. Цена раба значительно возрастала в том случае, когда раб владел редкой профессией, требующей специальных знаний. Рабы-нотарии, обученные римскому праву, ценились в 56 номисм, врачи и акушерки — в 60 номисм. Самая высокая цена в 70 номисм платилась за рабов-евнухов, владевших каким-либо ремеслом [57]. Такса на продажу раба, установленная при Юстиниане, сохраняла свое значение и в реальной жизни. Так, по данным Жития Иоанна Милостивого, молодой раб, обученный ювелирному делу, стоил 30 номисм [58].

Закон запрещал использовать рабов, получивших высшее образование, на «низких» работах, не требующих знаний образованного человека, и принуждать их к «позорным» занятиям [59].

Практиковалась сдача в наем рабов-ремесленников. Дигесты упоминают о сдаче в наем рабов—штукатуров и каменщиков. При этом устанавливалось, что в случае гибели или увечья такого раба, происшедших по вине нанимателя, последний должен вернуть хозяину другого раба той же стоимости [60].

Помимо рабов-ремесленников, работавших в эргастериях частных лиц, в VI в. существовала еще довольно многочисленная категория государственных рабов и рабов, находившихся в распоряжении муниципальных властей. Рабы, принадлежавшие городской курии, как правило, выполняли все работы, связанные с поддержанием чистоты и благоустройством города. Среди них источники упоминают, например, рабов-гидрофилаков, занимавшихся ремонтом городского водопровода [61].

В положении государственных рабов в Византии уже с V в. происходят серьезные изменения. Если рабы в последние века существования

---

[56] Dig., XVIII, 1.43. При разборе в суде различных тяжб принималось, между прочим, во внимание не только знание рабом-технитом того или иного ремесла, но и то, кем раб был обучен этому делу и кто понес известные затраты на его обучение (Dig., VI, 1.29; ср. Dig., XXI, 1.65). Особенно ценилась грамотность раба и знание им ремесла (Dig., XVIII, 1.43).

[57] CJ, VI, 43.3.

[58] А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 151.

[59] CJ, IV, 56.1.2.

[60] Dig., XIII, 6.5.

[61] CJ, XI, 43 (42).10.1: «Universos autem aquarios vel aquarum custodes, quos hydrophylacas nominant. . .». Закон запрещал переводить рабов-гидрофилаков на какие-либо другие работы.

Римской империи могли выполнять (и действительно иногда выполняли) функции государственных чиновников и даже занимали в отдельных случаях довольно высокие посты, то с V в. они полностью отстранялись от государственной службы. Даже мелкие служащие, писцы-табулярии, имевшие дело с оформлением документов, теперь должны были назначаться исключительно из числа свободных. Этот закон сохранял силу и в VI в. и был внесен в Кодекс Юстиниана [62]. В VI в. государственные рабы были преимущественно ремесленниками различных профессий. Большинство государственных рабов в VI в. работало в мастерских по изготовлению оружия, одежды для двора и армии, предметов роскоши [63]. В эти мастерские в первую очередь попадали военнопленные, владевшие ремесленной специальностью.

Византийское правительство дорожило государственными рабами из ремесленных мастерских и принимало ряд мер против их бегства. Так, в Кодекс Юстиниана были включены постановления, карающие высоким штрафом тех, кто давал убежище беглым рабам из императорских гинекеев (ex familiis gynaecii) и ткацких мастерских (textrini nostri mancipia) [64]. В первом случае уплачивался штраф в пять, а во втором — в три либры золотом.

Труд государственных рабов в начале VI в. широко применялся при строительстве общественных зданий, о чем говорит Захария Митиленский [65].

В государственных мастерских и на различных общественных работах трудились и лица, осужденные за различные, главным образом политические, преступления. Кодекс Юстиниана и законы химьяритов, составленные византийскими юристами VI в.[66], предусматривали в качестве наказания за многие преступления ссылку на каторжные работы. Однако при этом законодательство вводило некоторые ограничения. Свободный человек, осужденный за преступление и временно превращенный в государственного раба, по отбытии срока наказания вновь получал свободу. Дети свободной женщины, временно сосланной на общественные работы, сохраняли свободу [67]. В том же случае, если свободная женщина за тяжелое преступление приговаривалась судом к пожизненному отбыванию наказания в государственных мастерских, дети, рожденные ею после вынесения приговора, становились рабами фиска. Рабы, сосланные за особо опасные преступления на работы в государственные рудники, обычно по окончании срока ссылки не возвращались к прежним господам, а передавались фиску. Особенно невыносимой была участь рабов-моряков, работавших на гребных судах — катаргах. Недаром их подневольный труд породил в дальнейшем термин «каторга».

Законодательство Юстиниана, подтвердив полное отстранение рабов от государственной службы, столь же категорически запрещало рабам под угрозой смертной казни служить в византийской армии [68]. Раб мог вступить в армию только при условии освобождения [69]. Предписания

---

[62] Codex Theodosianus, ed. Th. Mommsen et E. Meyer. Berlin, 1905 (далее — CTh.), VIII, 2.5; CJ, X, 69.3 (401 г.).

[63] CJ, VI, 1.8.

[64] CJ, XI, 8.5.6.

[65] Н. В. Пигулевская. К истории социальных и экономических отношений в Месопотамии. ВДИ, 1938, № 3, стр. 151.

[66] Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 242 сл. См. Homeritarum leges. PG, t. 86, col. 567—620.

[67] CJ, IX, 47.4.

[68] Dig., XLIX, 16.11: «Ab omni militia servi prohibentur, alioquin capite puniuntur».

[69] CJ, XII. 34.6.

Юстиниана от 529 и 531 гг. устанавливали, что раб мог быть принят на военную службу лишь с согласия его господина. Если господин добровольно отдавал своего раба в рекруты, он обязан был отпустить раба на свободу до его вступления в армию. При этом господин лишался всех своих прав на этого раба, в том числе и прав патрона по отношению к вольноотпущеннику [70]. В случае, если раб без ведома своего господина самовольно вступал в армию и если господин доказал на суде, что он ничего не знал об этом злонамеренном деянии раба, раб немедленно возвращался прежнему хозяину [71]. В отдельных случаях, правда, закон можно было обойти. Прокопий в «Тайной истории» рассказывает, как корыстолюбие Юстиниана привело к тому, что при нем даже рабы, если они были в состоянии уплатить большую сумму денег, могли приобрести себе воинское звание схолярия, впрочем, к тому времени уже не связанное с реальной военной службой [72]. Но, конечно, подобные случаи были редчайшим исключением. Обычно же рабы использовались лишь как слуги военачальников и солдат византийской армии и выполняли в армии самые трудные и «низкие» работы [73]. Иногда, при нападении врагов на города империи, рабы привлекались для охраны города, но всегда под присмотром свободных граждан [74]. Рабовладельцы зачастую создавали из своих рабов вооруженные отряды, охранявшие их поместья и дома и служившие защитой хозяину во время его путешествий, а иногда использовавшиеся для нападения на соседей господина. Законодательство Юстиниана запрещало господам использовать рабов для совершения различных актов насилия и строго карало за подобные преступления [75].

Многочисленной категорией рабов в Византии VI в. оставались рабы-домашние слуги: повара, стольники, спальники, поставщики рыбы и других продуктов и т. п. Особенно высоко ценились в качестве домашних слуг рабы-евнухи. Закон запрещал оскоплять рабов-уроженцев Византии, и поэтому рабы-евнухи обычно были иноземного происхождения. Оскопленный в Византии раб получал по закону свободу. Многочисленная челядь из рабов наполняла императорский дворец и дома знатных вельмож. Большая свита рабов, окружавших господина, как и раньше, являлась свидетельством богатства и политического влияния вельможи. Византийских послов в их поездках в чужеземные страны всегда сопровождала толпа рабов. Например, посол Юстиниана Сотерих, по словам историка Агафия, прибыл в страну мисимиян в сопровождении многочисленной свиты, в составе которой было много рабов [76].

В Житии св. Артемия рисуется бытовая сценка из жизни византийского общества VI—начала VII в. Там рассказывается, как знатный сановник отправлялся в баню, окруженный рабами, несшими за ним простыни и другие принадлежности, необходимые для мытья [77].

О чрезвычайно жестоком обращении со своими рабами-слугами византийских вельмож сообщает Прокопий. Он так рассказывает о расправе жены полководца Велизария Антонина с рабами, сообщившими мужу об

---

[70] CJ, XII, 34.6; 34.7.

[71] CJ, XII, 34.6.

[72] Procopii Caesariensis Anecdota, ed. J. Haury. Lipsiae, 1913 (далее — Procop., H. A.), XXIV, 18—19.

[73] Procop., B. P., I, 23.

[74] Pap. Oxyr., 204-VB.

[75] Dig., XLVIII, 6; ср. CJ, IX, 12.8; Dig., XLIII, 16; ср. CJ, VIII, 4.5; IX, 33; Dig., XLVII, 8; XLI, 3. См. М. Я. Сюзюмов. О социальной сущности законодательства «Василик». ВВ, VI, 1953, стр. 72 сл.

[76] Agathiae Historiae, ed. Dindorf. Historici graeci minores, t. II. Lipsiae, 1871 (далее — Agath.), III, 16.

[77] А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 132.

ее измене: «У них у всех, как говорят, она велела сначала вырезать язык, а затем, изрубив на мелкие куски, в мешках бросить в море. . . »[78]. Тот же Прокопий передает, что когда императрица Феодора была заподозрена в любви к юному красавцу — рабу Ареобинду, то она, желая снять с себя это обвинение, приказала подвергнуть юношу жесточайшему наказанию плетьми, а затем он исчез и никто не узнал о его судьбе [79]. В чудесах Николая Мирмекийского (VI в.?) упоминается, как Николай спас раба, несправедливо брошенного в темницу и избитого его господином [80].

Наличие в Византии большого числа рабов-челяди отнюдь не говорит, однако, о том, что рабский труд в это время использовался преимущественно для домашних услуг. Приведенные выше данные о применении рабского труда в сельском хозяйстве, ремесле и на общественных работах свидетельствуют, что труд рабов в правление Юстиниана еще не потерял своего значения в производстве. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что к этому времени произошли весьма существенные изменения в формах и методах использования рабского труда, что нашло свое юридическое оформление в законодательстве.

Законодательство Юстиниана в отношении рабов весьма противоречиво и отражает борьбу двух различных социально-экономических и политических тенденций: с одной стороны, явственно прослеживается стремление укрепить рабовладельческие отношения и даже реставрировать их во вновь отвоеванных для империи провинциях Запада [81]. Но одновременно, под воздействием изменений реальных общественных отношений, законодательство Юстиниана санкционирует новые явления в социально-экономической жизни, свидетельствующие о кризисе рабовладения и возрастающей нерентабельности труда рабов. Подобные изменения начались задолго до правления Юстиниана: еще в IV—V вв. можно проследить основные направления этой эволюции. Однако в VI в. они получили юридическое оформление в законодательстве Юстиниана, что говорит об их почти полном развитии, а в отдельных случаях и завершении.

Вместе с тем старые формы использования рабского труда, характерные для классического периода рабовладения, еще существовали в Византии VI в.[82] Так, в Дигесты включено постановление, что имение, лишенное колонов, было передано землевладельцем для возделывания надсмотрщику — актору. При этом хозяин передал своих рабов: виллика Стиха и его помощников — викариев в распоряжение актора для обработки земли. После того как имение попало в заклад за долги, на суде встал вопрос о том, считаются ли в закладе и рабы, переданные актору. Судебное решение гласило, что в заклад попадают лишь те рабы, которые должны были оставаться в имении постоянно, а не были посланы туда временно [83]. Отсюда видно, что землевладелец, в том случае когда он

---

[78] Procop., H. A., I, 1.27.

[79] Ibid., XVI, 11.

[80] А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 215. В чудесах св. Мины (V в.) есть рассказ о том, что раб, боясь наказания за потерю драгоценной чаши, кончил жизнь самоубийством, бросившись в море.

[81] З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в., стр. 68 сл.; 328 сл.; 459 сл.; ее же. Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания. «Вестник МГУ», № 3, 1958, стр. 21 сл.; ее же. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане. ВВ, VI, 1953, стр. 88 сл.; А. Р. Корсунский. Рабы и вольноотпущенники в Вестготском государстве VI—VII веков. «Средние века», вып. IV, 1953; З. В. Удальцова. Рабство и колонат в византийской Италии во 2-й половине VI—VII в. «Византийские очерки». М., 1961, стр. 93—120.

[82] З. В. Удальцова. Некоторые изменения в положении рабов в Византии VI в., стр. 282 и сл.

[83] Dig., XX, 1.32.

не мог обрабатывать часть своих имений при помощи колонов, обращался к старому методу использования труда рабов под наблюдением надсмотрщика. Очевидно, в данном случае перед нами пример латифундиального ведения хозяйства, основанного на рабском труде. Включение этого постановления в Дигесты говорит о том, что подобные казусы имели еще место в жизни и встречались в юридической практике VI в. Вместе с тем то обстоятельство, что подобные постановления в законодательстве Юстиниана редки, само по себе уже свидетельствует о постепенном, хотя и медленном, отмирании старых форм использования рабского труда. Подобное явление, видимо, находилось в прямой связи не только с нерентабельностью труда рабов, но и с сокращением барской запашки в этот период. Для землевладельцев становится все выгоднее, уменьшая собственную барскую запашку, делить имение на мелкие участки—парцеллы, часть которых сдавать в аренду колонам, а другую — передавать для обработки посаженным на землю рабам. Теперь все чаще раб работал в поле на положении quasi colonus [84]. Особенно распространена была эта форма использования труда рабов на землях церкви. Согласно 7-й новелле Юстиниана, значительную часть церковных владений, которые Юстиниан запретил отчуждать, составляли имения, обрабатываемые сельскими рабами, посаженными на землю (ἀνδράποδα ἀγροικικά)[85].

Рабов, посаженных на землю, вносили в ценз имения, и они учитывались при установлении доходности земельных владений и раскладке налогов [86]. При составлении ценза землевладельцы обязаны были сообщать цензору не только количество рабов, обрабатывавших землю в имении, но и их национальность, возраст, должность и специальность [87]. Перевод посаженных на землю рабов в другое имение или их продажа могли повлечь за собой упадок культуры обработки имения, а следовательно, и его доходности. Это нанесло бы ущерб как землевладельцам, так и государству, ибо могло привести к снижению поступления налогов. Поэтому правительство Юстиниана и включило в Кодекс предписание, запрещавшее продавать без земли как оригинариев-колонов, так и сельских, посаженных на землю рабов, внесенных в цензовые списки имения [88].

В постановлении рассказывается о «хитростях», применяемых землевладельцами для обхода закона. Некоторые владельцы имений, продав лишь очень незначительную часть поместья, передавали вместе с ней и большинство зависимых людей, в частности колонов-оригинариев. Формально прикрываясь продажей земли, они фактически продавали своих работников «на вывод» другим владельцам, что приводило к обезлюдению всего поместья и упадку его агрикультуры. Поэтому закон предписывал в случае продажи части имения передавать вместе с землей только то число колонов и посаженных на землю рабов, которое реально обрабатывало эту землю при прежнем владельце [89]. Этот запрет в практике того времени все же, видимо, нередко нарушался, ибо закон предусматривал потерю покупателем покупной цены, уплаченной за рабов, в случае продажи рабов без земли или, наоборот, имения без рабов.

Если продажа признавалась недействительной, продавец имел право требовать от покупателя возврата в имение незаконно купленных

---

[84] Dig., XXXIII, 7. 12.3.
[85] Nov. Just., VII, praef., 1.6.
[86] CJ, XI, 48.3.7.
[87] Dig., XI, 15.4.
[88] CJ, XI, 48.7.
[89] CJ, XI, 48.7. В завещание обычно не вносились недоимки колонов, но обязательно включались рабы, находившиеся в имении в момент смерти завещателя (Dig., XXXII, 78.3).

рабов со всем их потомством. Право требовать возврата рабов, даже в случае отказа самого продавца, получали его наследники без ограничения срока давности [90].

Это предписание показывает, насколько важно было правительству и господствующему классу в целом закрепить за имениями рабочую силу, и прежде всего внесенных в ценз сельских рабов и низшие категории колонов-оригинариев.

Чрезвычайно важным нововведением, внесенным в законодательство Юстиниана, является постановление, что раб, работавший на участке земли в качестве quasi colonus, уже не может считаться просто говорящим орудием, инвентарем имения, как это было раньше: «он уже находился в имении не в качестве инвентаря» («quia non pro instrumento in fundo fuerat») [91]. Поэтому такой раб уже не может быть передан вместе с прочим инвентарем за пределы имения. Это постановление также направлено на сохранение в имении постоянных работников — посаженных на землю рабов, более заинтересованных в своем труде, чем рабы, работавшие при латифундиальном способе их эксплуатации.

Византийское правительство, идя навстречу требованиям крупных землевладельцев, санкционировало закрепление за их поместьями рабов и зависимых земледельцев. При этом оно не забывало и об интересах фиска. Так, согласно предписанию Кодекса Юстиниана, считалось преступлением сокрытие от фиска беглых рабов (vagos servos), переселившихся из заброшенных имений (desertis agris) во владения земельных собственников, Принявший беглых рабов должен был немедленно сообщить о них фиску для включения в податные списки и уплаты за них налогов [92].

В соответствии с этим общим направлением законодательства, закреплявшего рабов (и колонов) за имениями, правительство Юстиниана включило в Кодекс строгие санкции против землевладельцев, принимавших в свои имения чужих рабов, бежавших от прежних господ. Если беглый раб будет найден у владельца имения, то принявший беглеца должен заплатить казне штраф в 12 либр серебра, а бывшему владельцу раба возвратить не только самого беглеца, но в придачу другого раба такой же стоимости [93].

Широкое распространение и законодательное оформление в Византии VI в. получает институт пекулия [94]. Известно, что этот институт был очень древним и основывался на принципе: «все, приобретенное моим рабом, принадлежит мне». Юридическое оформление теория пекулия получила в Дигестах Юстиниана [95]. По определению Дигест, пекулий — это все то, что господин не по обязанности, а по своей воле дает рабу для ведения им самостоятельного хозяйства. Пекулий остается собствен-

---

[90] CJ, XI, 48.7.

[91] Dig., XXXIII, 7.12.3. Однако делалась оговорка, что раб-виллик включается в инвентарь поместья в том случае, если земля им обрабатывается не на условии внесения им твердо установленной арендной платы, а за счет хозяина (Dig., XXXIII, 7.18. 4).

[92] CJ, XI, 48.3.

[93] CJ, XI, 48.12.

[94] О пекулии рабов в Римской империи и Византии см. М. Я. Сюзюмов. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. ВДИ, 1955, № 1, стр. 55 сл.; его же. О правовом положении рабов в Византии. «Уч. зап. Свердловского гос. пед. ин-та», 1955, стр. 174—178; А. Р. Корсунский. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв. ВДИ, 1954, № 2, стр. 52 сл.; Е. М. Штаерман. Рабство в III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи. ВДИ, 1951, № 2, стр. 86 сл.; З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в., стр. 85 сл.; ее же. Некоторые изменения в экономическом положении рабов в Византии VI в., стр. 285 сл.

[95] Dig., XV, 1.2.

ностью господина, закон ничем не ограничивает право хозяина отнять у раба пекулий.

В состав пекулия входило не только то, что раб получил от господина, но и то, что он со временем приобретал благодаря данным ему господином средствам.

В Дигестах содержится весьма образное сравнение пекулия с человеческой жизнью. Пекулий, подобно человеку, рождается, когда господин жалует пекулий своему рабу; затем пекулий растет, по мере того как раб приобретает новое имущество; впоследствии он слабеет (это происходит, когда умирают рабы-викарии, работавшие в качестве помощников раба—владельца пекулия) и, наконец, умирает, если господин отбирает пекулий у раба[96].

Права господина на пекулий раба выражались еще и в том, что при освобождении раба пекулий мог оставаться у господина[97]. В случае отпуска на волю раба, находившегося в коллективной собственности нескольких господ, «пекулий раба остается у всех совладельцев в соответствии с частью, какой владеет каждый в рабе»[98].

Изъятие пекулия у раба было сопряжено с экономическим ущербом как для господина, заинтересованного в доходе, получаемом с пекулия, так и особенно для лиц, связанных различными сделками с рабом. Поэтому изъятие у раба пекулия было редким явлением. Рабы завещались, как правило, вместе с пекулием. В Дигестах сказано, что если завещан раб с пекулием, а он (раб) тем временем перешел к другому владельцу, или отпущен на волю, или умер, аннулируется также завещание пекулия[99].

Обычно пекулий оставался за рабом при его отпуске на волю inter vivos. Правда, если раб при переходе к другому хозяину утаивал какое-либо имущество, входившее в пекулий, то прежний господин мог требовать возврата этих вещей через суд[100]. Но чаще всего господину было выгоднее продать раба вместе с пекулием, так как при этом цена раба значительно повышалась (она включала стоимость пекулия). При подобной сделке могли продаваться вместе с пекулием и входившие в состав пекулия раба подчиненные ему рабы-викарии.

В пределах имения рабы могли распоряжаться пекулием при условии соблюдения хозяйственных интересов всего поместья. «Они (рабы) распределяют, дарят, завещают в пределах дома»[101].

Хозяева молчаливо признавали возможность для раба выкупить себя на свободу за счет какой-то части средств, полученных от распоряжения пекулием. Если раб отпускался на свободу по завещанию при условии уплаты кому-либо определенной суммы денег, то это распоряжение толковалось в том смысле, что раб уплачивал деньги из своего пекулия[102].

Пекулий даровался господами рабам, занятым как в сельском хозяйстве, так и в городском ремесле. Пекулий мог состоять из участка земли, сельскохозяйственного инвентаря и скота, необходимого для возделывания этого участка, или же из ремесленной мастерской, лавки с инвентарем, сырьем, товарами и деньгами для оборота, необходимыми для ремесленной и торговой деятельности. Так, рабы-ювелиры имели мастерские на правах свободного управления пекулием и могли самостоятельно

---

[96] Dig., XV, 1.40. «Peculium nascitur, crescit, decrescit, moritur. . . peculium simile esse homini. . .».

[97] CJ, IV, 14.5.

[98] CJ, VII, 7.1; ср. Dig., XXXIII, 8.19.2.

[99] Dig., XXXIII, 8.1: «Servo legato cum peculio, et alienato, vel manumisso, vel mortuo, legatum etiam peculii extinguitur».

[100] Dig., XVIII, 1.29.

[101] C. Plinius Secundus. Ep., VIII, 16.

[102] Dig., XL, 7.3.1, 7, 8; 13.1; 17; 31.1.

заниматься ювелирным делом, причем не только по приказу господина, но и брать заказы со стороны без ведома господина, накапливая средства для своего выкупа из рабства [103].

В качестве пекулия рабу могли быть переданы и другие рабы, так называемые викарии (servi vicarii), и, таким образом, раб становился как бы рабовладельцем [104]. Раб мог даже покупать других рабов. Он мог выделить из своего пекулия какую-то часть и дать ее в виде пекулия рабу-викарию.

Право свободного управления пекулием было очень важной для раба привилегией, сразу менявшей его статус по сравнению с положением раба, лишенного пекулия [105]. Поэтому хозяева предоставляли свободное управление пекулием далеко не всем рабам, а только тем, которые внушали им уверенность, что они благодаря своему трудолюбию, знанию сельского хозяйства или ремесла сумеют принести доход с переданного им в пекулий имущества. Передача рабу права свободного управления пекулием требовала особого оформления в виде специального разрешения господина и официального оповещения об этом. Получив право свободного управления пекулием на участок земли или ремесленную мастерскую, раб вместе с тем приобретал известную хозяйственную и коммерческую самостоятельность, что было необходимо для ведения дел и извлечения дохода от пекулия. Раб, не имевший права свободного управления пекулием, все сделки мог заключать лишь с разрешения господина. Отнятие у раба пекулия-участка земли, и особенно пекулия-ремесленной мастерской или лавки в городе вызывало, естественно, нарушение нормальной хозяйственной деятельности и тем самым наносило ущерб как хозяину раба, так и лицам, которые были связаны с рабом деловыми отношениями. Поэтому необходимо было дать какие-то гарантии свободным лицам, ведущим дела с рабом. Необходимы были гарантии, что пекулий раба не будет отнят по произволу господина, ибо это нанесло бы ущерб деловым сделкам и хозяйственному обороту контрагентов раба. Особенно это было важно тогда, когда пекулий раба был связан с товарно-денежными отношениями и включался в хозяйственный оборот в городе [106]. Поэтому фактически устанавливалось такое положение, когда господин, дав рабу право свободного управления пекулием (ремесленной мастерской или лавкой), сам фактически не вмешивался в ведение дел, передоверив вместе с тем рабу заключение всех сделок, связанных с управлением пекулием. Раб—владелец «свободного пекулия» — мог: продавать входящее в пекулий имущество, включая и недвижимое (например дом); заключать любые коммерческие соглашения, брать деньги в долг, давать взаймы, давать и принимать залоги; давать поручительство в делах, касающихся своего предприятия, входящего в пекулий; производить изменение сроков уплаты по различным соглашениям; присягать по делам, связанным с пекулием [107]. Сделка с владельцем «свободного пекулия» считалась законной даже в том случае, если господин приказывал ее аннулировать, ибо она была связана с интересами свободных лиц и могла быть отменена только по закону, а не по произволу хозяина раба [108].

---

[103] М. Я. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии, стр. 175—176.

[104] Dig. XV, 1.7.4: «In peculio autem res esse possunt omnes et mobiles, et soli; vicarios quoque in peculium potest habere, et vicariorum peculium, hoc amplius et nomina debitorum».

[105] Dig., XV, 1.7.1.

[106] В этом вопросе мы полностью согласны с выводами М. Я. Сюзюмова («О правовом положении рабов в Византии», стр. 175 сл.).

[107] Dig., XII, 2.11.2; XV, 1.48.1; ср. Dig., XII, 1.11.2.

[108] Dig., XV, 1.29.1; ср. Dig., XVII, 2.18.

Единственное ограничение в деятельности раба сводилось к запрету дарить пекулий, как путем составления официальной дарственной грамоты, так и каким-либо иным, обходным путем [109]. Раб не имел, кроме того, права простить долг, что фактически являлось бы тоже актом дарения какой-то части пекулия. Иными словами, рабу запрещалось безвозмездное отчуждение пекулия, поскольку пекулий принадлежал господину. Любые же сделки, способствовавшие возрастанию доходов с пекулия, всячески поощрялись, так как эти доходы шли хозяину раба.

Для гарантии интересов свободных, ведущих дела с рабом, фактически создавалось такое положение, что хозяин мог отнять «свободный пекулий» только при условии выполнения по нему всех обязательств по отношению ко всем заинтересованным лицам. Законом устанавливались определенные гарантии кредиторам раба — владельца «свободного пекулия». Категорически запрещалось отнимать пекулий у раба в ущерб интересам кредиторов [110]. Если господин забирал у раба часть пекулия и тем нарушал нормальную хозяйственную деятельность предприятия (а это в свою очередь приводило к тому, что раб не мог уплатить долгов), кредиторы имели право возбудить против господина судебное дело и потребовать уплаты той суммы, которую он взял у раба [111].

Рабы получали возможность в качестве обладателей пекулия приказчиков, руководителей мастерских, шкиперов, доверенных лиц своих господ обязывать сделками своих хозяев (actiones adjecticiae qualitatis). Юридически было признано законным actio de peculio, заставлявшее господина отвечать в размере стоимости пекулия по сделкам раба, в том числе уплачивать долги, сделанные рабом. При исчислении стоимости пекулия принимались во внимание обязательства раба, заключенные с посторонними лицами и даже с самим господином [112]. Это вносило огромную перемену в статус рабов.

Таким образом, при наличии развитых товарно-денежных отношений (особенно в городе) господину было не только невыгодно, но и просто весьма затруднительно отнять пекулий раба без каких-то экстраординарных причин.

Раб, распоряжавшийся «свободным пекулием», мог не только иметь рабов-викариев, но даже нанимать для работы в эргастерии лично свободных бедняков — мистиев. Раб, управлявший эргастерием, мог иметь дом, где жили рабы-викарии и свободные работники — мистии. При этом раб-управляющий нес ответственность за поведение не только рабов-викариев, но и мистиев. В случае какого-либо правонарушения, совершенного рабами-викариями или мистиями, раб-эргастериарх подвергался наказанию за то, что не предотвратил преступления. Раб — владелец «свободного пекулия» — мог вести торговые дела и совершать различные сделки с лицами, приезжавшими в город, где он жил, и даже с иностранцами [113].

Раб мог вступить в компанию со свободным человеком и вести совместно с ним дело. Если господин продавал такого раба, его деловые обязательства не аннулировались и он должен был их выполнять, даже перейдя к новому господину. Старые же долги раба подлежали уплате прежним господином в течение одного года [114].

---

[109] Dig., XV, 1.27 (28). 2.
[110] Dig., XV, 1.9.
[111] Dig., XV, 3.1.
[112] Dig., XV, 1.5.4; 9. 2.
[113] Dig., XV, 1.51.
[114] Dig., XVII, 2.58.3. См. В. М. Хвостов. Натуральные обязательства по римскому праву. М., 1898.

Ведя самостоятельное хозяйство на своем пекулии, раб мог стать поручителем в каком-либо деле, однако господин не нес ответственности за поручительство раба [115].

В отдельных случаях раб — владелец пекулия — мог даже быть опекуном. При этом для гарантии прав опекаемого лица закон лишал господина раба какой-либо власти над имуществом подопечного [116].

Все это показывает, что законодательство Юстиниана фактически закрепляло создавшееся в реальной действительности положение, рожденное длительной эволюцией, когда раб в деловых отношениях рассматривался как квази-свободное лицо и мог самостоятельно вести хозяйство. Хозяйственная самостоятельность рабов давала возможность господам использовать их в качестве подставных лиц при ведении различных дел. Так, по данным Кодекса Юстиниана, еретики, лишенные права заниматься какой-либо деятельностью, продолжали вести свои дела, управлять виллами через подставных лиц (per interpositas personas), скорее всего — через своих рабов [117].

Львиная доля доходов со «свободного пекулия» шла господину. Однако, хотя по юридической теории того времени все, приобретенное рабом, становилось собственностью его хозяина, в действительности раб, получив значительную хозяйственную самостоятельность, естественно, стремился утаить от господина часть заработанных средств, чтобы скопить деньги для выкупа себя и семьи из рабства. При наличии пекулия раб мог прирабатывать на стороне и за счет работы по ночам. Папирусы, нарративные источники и само законодательство говорят о наличии собственных средств у рабов, помимо их пекулия [118]. В законодательстве, правда, по вопросу о личной собственности раба нет полной ясности, и суждения, включенные в Дигесты, противоречивы. С одной стороны, юридическая теория исходила из того, что все, принадлежащее рабу, как и он сам, — собственность господина; поэтому раб не признавался законным собственником накопленных им денег. Но, с другой стороны, законодатели вынуждены были признать реальный факт существования у раба личной собственности.

Прежде всего, законодательство признавало за рабом право использовать для выкупа деньги, накопленные сверх дохода с пекулия, отдаваемого господину. Дигесты прямо говорят, что раб мог выкупить себя на собственные деньги [119]. При этом в отдельных случаях требовалось, чтобы раб доказал, что эти деньги принадлежат ему лично. Если раб, живший не у господина, заявлял, что выкупил себя на свои деньги, он должен был это доказать; причем, если он не сумел этого сделать, то возвращался своему господину и мог по желанию господина быть сослан в рудники.

Закон признавал за рабом право подать жалобу префекту города на то лицо, которое утаило деньги раба, предназначенные для выкупа его из рабства [120].

---

[115] Dig., XV, 1.47.1.
[116] Dig., XV, 1.52.
[117] CJ, I, 5.14.
[118] О наличии собственности у рабов помимо пекулия см. R. Taubenschlag. Das Sklavenrecht im Rechte der Papyri, S. 160. Как упоминалось выше, Прокопий сообщает, что рабы могли накопить довольно значительные средства, достаточные, например, для покупки воинского звания схолария (Procop., H. A., XXIV, 18—19).
[119] Dig., XL, 3.8.
[120] Dig., I, 12.1.1: «Servos, qui ad statuas confugerint, vel sua pecunia emtos, ut manumittantur, de dominis querentes audiet».

Весьма важным показателем признания законодательством Юстиниана реального факта существования личной собственности у рабов является изменение законодательных предписаний VI в., по сравнению с периодом Римской империи, относительно завещания раба. В Римской империи раб не мог ни завещать, ни получить что-либо по завещанию. Исключение делалось лишь для государственных рабов, которым разрешалось посредством завещания распоряжаться половиной своего имущества [121]. Если рабу было завещано господином имущество до его отпуска на свободу, то завещание аннулировалось, даже если наследники умершего хозяина отпускали раба на волю [122].

В 531 г. Юстинианом было издано особое предписание, являвшееся важным нововведением: если господин завещал своему рабу какое-либо имущество, то тем самым он отпускал данного раба на свободу [123]. Правда, это постановление касалось только своих, а не чужих рабов. Если раб получал по завещанию какое-либо имущество не от своего хозяина, а от чужого, этот акт не делал раба свободным. Более того, завещанное рабу чужим господином имущество переходило к хозяину раба. Если раб находился в коллективной собственности нескольких господ, то самому рабу предоставлялась возможность указать, на чье имя должно быть передано полученное им по завещанию имущество.

Таким образом, законодательство Юстиниана признавало право раба получить от своего господина имущество по завещанию.

Согласно предписанию Дигест, имущественные обязательства рабов сохранялись и после отпуска их на свободу. Иными словами, деликт, совершенный рабом, порождал право иска уже не против хозяина раба, а против самого раба в случае получения им свободы [124].

Итак, мы видим, что в VI в. в Византии все сильнее пробивает себе дорогу новая тенденция социально-экономического развития — использование труда рабов для ведения мелкого хозяйства как в деревне, так и в городе. Новая форма приводила к усилению заинтересованности рабов в труде и к некоторой интенсификации хозяйства. Более широкое применение передачи рабам пекулия способствовало большей устойчивости хозяйственной деятельности раба. Особенно это сказывалось в городском ремесле, где весь пекулий раба (мастерская, инвентарь, сырье, товар, деньги) находился в обороте и произвольное отнятие его у раба затрагивало интересы свободных, ведущих дела с рабом. В сельском же хозяйстве участок раба — его пекулий — не находился в обороте, он не мог быть продан и раб был более ограничен в распоряжении им, чем ремесленной мастерской в городе.

Однако самый статус раба, его бесправное юридическое положение придавали производственной деятельности раба и в городе ограниченный характер, что, конечно, задерживало развитие производительных сил и рост товарного производства. Все, кто имел дела с рабом, всегда принимали во внимание его рабское, подчиненное состояние, что крайне затрудняло ведение рабом дел в крупных масштабах.

Вместе с тем все сказанное свидетельствует, что экономическое положение рабов в период разложения рабовладельческих и начала становления феодальных отношений существенно изменялось в сторону увеличения их хозяйственной самостоятельности и интенсификации их труда.

---

[121] Ulpian. Fr. tit. 23, § 16.
[122] Gajus. Institutiones, ed. E. Seckel—B. Kübler. Leipzig, 1939, II, 187.
[123] CJ, VI, 27.5.
[124] Dig., XL, 4.7.14.

Эволюция в экономическом положении рабов привела к некоторым изменениям и в их юридическом статусе. Важнейшим из них было ослабление власти господина и защита человеческой личности раба. Власть господина над рабами в VI в. все с бо́льшим основанием можно рассматривать как право над лицом, а не право над вещью. Еще по закону императора Константина господин, убивший своего раба, наказывался как за совершение убийства (homicidium) [125]. В законодательстве Юстиниана у господина фактически было отнято право на жизнь раба. В Кодекс Юстиниана был включен закон, категорически запрещавший убийство раба с преднамеренной целью [126]. Правда, одновременно допускались и некоторые исключения. Например, если раб умирал во время наказания плетьми или заключения в темнице, то господин не нес никакой ответственности [127]. Умышленное убийство раба вызывало осуждение в обществе того времени. Агафий Миринейский рассказывает, что византийский полководец Нарсес во время войны с остготами в Италии приказал казнить одного знатного герула за не оправданное ничем убийство раба, несмотря даже на то, что герул доказывал свое право на жизнь раба [128].

Законодательство запрещало чрезмерную жестокость по отношению к рабам. «У всех без исключения племен — сказано в Институциях Юстиниана, — мы замечаем, что господа имеют над рабами право жизни и смерти, а все то, что приобретается рабом, приобретается для господина. Но в наше время ни одному человеку, находящемуся под нашей властью, не дозволено без причины, установленной законом, сверх меры свирепствовать против своих рабов» [129]. В тех же Институциях прямо указывается и причина, заставлявшая правительство регулировать взаимоотношения господ и рабов: «Для государства важно, чтобы никто не поль-

---

[125] CTh., IX, 12.1.2. См. В. М. Хвостов. История Римского права. М., 1916, стр. 413; M. Voigt. Römische Rechtsgeschichte. Stuttgart u. Berlin, 1902, III. Bd., S. 205 ff.

[126] CJ, XI, 14.1. Еще в Поздней Римской империи было запрещено господам без приговора суда отдавать своих рабов на борьбу с дикими зверями (Dig., XLVIII, 8.11.2). Не допускалась покупка рабов для этой цели, в том числе даже рабов-преступников (Dig., XVIII, 1.42; XLVIII, 8.11.1).

[127] CJ, IX, 14.1. В законе сказано: «Если господин будет бить раба плетьми. . . или заключит его в оковы и бросит в темницу. . ., то пусть не чувствует никакого опасения быть обвиненным в смерти раба. Однако своим правом пусть пользуется умеренно, в противном случае он стал бы убийцей человека, если преднамеренно убил его ударом палки или камня, или пользуясь другим смертоносным оружием, нанеся ему рану, или предписав его повесить, или же ужасным приказанием приведя его к гибели, или же отравив сильно действующим ядом, а также если будет терзать тело жестокими пытками, резать железом ногти, жечь тело поднесенным огнем. . . или же будет подвергать мучительным истязаниям, вследствие которых человек умирает». В V в., по данным Жития Порфирия Газского, господину разрешалось «увещевать» непокорного раба суровыми наказаниями. «Раба (οἰκήτην) непослушного хозяин образумливает всячески, чтобы он служил благожелательно и чистосердечно. Найдя же, что он совершенно не поддался его убеждениям, хозяин по необходимости в дальнейшем воздействует страхом, побоями, цепями и прочими подобными мерами, желая не погубить его, а заставить постичь» (Marc de Diacre. Vie de Porphyre, évêque de Gaze. Paris, 1930, 573, p. 58).

[128] Agath., II, 7.

[129] Inst., I, 8.2. В Дигестах же говорится, что за убийство без причины своего раба господин несет такую же ответственность, как и за убийство раба, принадлежащего другому хозяину (Dig., I, 6.1.2). Но теперь признавалась излишней жестокостью продажа раба с целью мести на таких тяжелых условиях, как работа в кандалах, отсылка в местность с нездоровым климатом или на условии никогда не отпускать раба на свободу. Осуждение бесчеловечного отношения господ к рабам встречалось и ранее, например с особой силой оно звучало, как известно, в проповедях Иоанна Златоуста (начало V в.), но лишь при Юстиниане требования смягчения отношения к рабам получили, наконец, свое юридическое оформление.

зовался своей вещью дурно. . ., ибо из-за этого могут вспыхнуть волнения» [130]. Боязнь рабских восстаний заставляла правительство империи несколько ограничивать произвол рабовладельцев в отношении их рабов. Если раб просил защиты от чрезмерной жестокости господина, то, согласно предписанию Дигест, раба должны были продать другому хозяину [131]. По законам химьяритов (VI в.), жестокий господин, бесчеловечно обращавшийся со своими рабами, моривший их голодом и избивавший, не только лишался их, но и должен был выдать расписку, что он никогда не будет покупать других рабов [132]. Законы химьяритов устанавливали, что наказание провинившейся рабыни поручалось хозяйке дома, а наказание раба — хозяину. Запрещалось бить раба по голове, разрешалось бить только по ногам [133]. Господин был обязан лечить больного раба; если хозяин бросал на произвол судьбы больного или старого раба, обрекая его тем самым на гибель, а тот все же оставался жив, то раб получал свободу [134].

Если закон защищал раба лишь от зверств его собственного господина, то значительно более решительные меры принимались законодательством для охраны рабов (как собственности их владельца) от каких-либо посягательств и насилий со стороны посторонних лиц.

«Даже рабам ч у ж и м нельзя наносить обиды», — гласит Кодекс Юстиниана [135]. За убийство чужого раба или изнасилование чужой рабыни-девушки виновный привлекался к суровой уголовной ответственности [136]. Насилие, причиненное рабу, рассматривалось как оскорбление его господина [137]. Однако даже чужого раба свободному разрешалось бить кулаком, не нанося при этом тяжелых увечий [138].

И в VI в., по юридической теории, господин нес ответственность за преступления раба [139]. Господину обычно предоставлялось при этом право выбора — отдать ли раба для наказания судье или самому взять на себя ответственность за проступок раба. Господин, однако, не мог отделаться от раба передачей его судье в тех случаях, когда он сам являлся соучастником преступления раба [140]. Во всех политических делах, особенно таких, как мятеж рабов, господин нес ответственность перед правительством вместе со своими рабами. За подстрекательство рабом толпы к мятежу и грабежу имущества отвечал и господин раба [141]. Если рабы принимали участие в недозволенных сборищах, то господин

---

[130] Inst., I, 8.1.
[131] Dig., I, 6.1.2.
[132] PG, t. 86, col. 609.
[133] PG, t. 86, col. 605—608.
[134] Dig., XLVIII, 8.8.2.
[135] CJ, IX, 35.1. Закон объявлял бесчестным того, кто осужден за несправедливое оскорбление раба.
[136] CJ, III, 35.3. Если раб был изувечен или убит посторонним лицом, то виновный не только возмещал ущерб господину раба, но и привлекался к уголовной ответственности за убийство. Если рабу было нанесено оскорбление, то господин, независимо от возмещения материальных убытков, получал также право предъявлять виновному иск о нанесении оскорбления (actio injuriarum) (Dig., XLVII, 10.25; XLVIII, 5.6).
[137] Dig., XLVII, 10.15.44. При установлении наказания суд принимал во внимание как положение в обществе хозяина раба (учитывалось также и то обстоятельство, знал ли виновный в насилии над рабом, кто его господин), так и статус самого пострадавшего раба (был ли раб управляющим или викарием и т. п.).
[138] Dig., XLVII, 10.15.44; Inst., IV, 4.3.
[139] CJ, III, 33.20. Согласно этому закону, жаловаться на захват имущества рабом нужно не на раба, а на его хозяина. Но обычно хозяин отвечал за преступления раба в пределах стоимости раба и его пекулия.
[140] CJ, III, 41.4.
[141] Dig., XLVII, 8.2. Ср. CTh., XVI, 4.5.

платил за каждого раба штраф в три либры золотом [142]. Сами же рабы во всех этих случаях подвергались жестоким наказаниям. За вооруженный мятеж рабам всегда грозило сожжение или распятие на кресте.

По уголовным делам рабы во всех случаях сами несли ответственность [143]. По особым делам, например по делу о похищении рабом замужней женщины, обвинение предъявлялось не хозяину, а только рабу [144].

Раб по-прежнему не мог свидетельствовать в суде ни за, ни против своего господина. Однако это древнее установление в VI в. все чаще и чаще нарушалось. По всем политическим процессам (например касающимся оскорбления величества) и по особо важным уголовным делам (о святотатстве, убийстве, прелюбодеянии, похищении девушки) рабы фактически могли привлекаться в качестве свидетелей и против своих господ [145]. Прокопий рассказывает, что император Юстиниан в борьбе с представителями старой римской (языческой) аристократии использовал против своих врагов обвинения в педерастии, привлекая в качестве свидетелей против господ их рабов [146]. Правда, когда императрица Феодора, преследуя сенатора Диогена, выставила в качестве обвинителей его в педерастии двух юных рабов, то суд признал их показания недостаточными для вынесения обвинительного приговора [147].

Показания рабов против господ учитывались на суде при разборе дел, касавшихся взимания налогов, когда были задеты интересы фиска, и при таких имущественных исках, когда не было другой возможности установить истину [148].

В исключительных случаях раб, спасаясь от жестокости господина, мог искать убежища в церкви, и его жалоба рассматривалась префектом города. Но рабы могли предъявить обвинение господину в чрезмерной жестокости, лишь имея на это самые веские основания; в случае же если их обвинение признавалось ложным, они карались смертной казнью [149].

Рабы всегда могли привлекаться в качестве свидетелей против всех других лиц, кроме их господина [150].

В Юстиниановом праве сохранилось жестокое узаконение римского времени, что все свидетельские показания рабов должны даваться только под пыткой [151]. При этом лицемерно требовалось, чтобы раб после пыток оставался живым, однако молчаливо признавалась возможность его гибели, ибо устанавливалась материальная компенсация хозяину за смерть раба. Судья же не нес никакой ответственности, если раб погибал во время пыток [152]. Из «Тайной истории» Прокопия мы видим, что пытки рабов на суде оставались обычным явлением в его время. С высокомерием истого рабовладельца Прокопий пишет: «Он (Юстиниан. — *З. У.*) быстро отказывался от своих обещаний и клятв, как самые низкие рабы, которых страхом перед поставленными перед их глазами орудиями пыток заставляют, дав присягу, подтверждать то или иное показание» [153].

---

[142] CTh., XVI, 4.5.
[143] Dig., XLIV, 7.14.
[144] CJ, III, 41.4.
[145] Dig., XLVIII, 18.1.7—16.
[146] Procop., H. A., XI, 35.
[147] Ibid., XVI, 24—25.
[148] Dig., XLVIII, 18.9.
[149] Dig., I, 12.1.8. Запрещалось истязать рабов, морить голодом и принуждать к непристойному образу жизни.
[150] Dig., XLVIII, 18.1.7—16.
[151] Dig., XLVIII, 18.1.7—17.
[152] Dig., XLVIII, 18.7. Если к судебному расследованию привлекался раб, принадлежавший постороннему лицу, то заранее устанавливалась цена раба, чтобы в случае смерти раба под пыткой возместить его стоимость хозяину.
[153] Procop., H. A., VIII, 25.

Вместе с тем получение рабами права свободного управления пекулием влекло за собой необходимость рассмотрения в суде некоторых самостоятельных исков рабов. Раб не только, как и раньше, мог подать жалобу в суд на свободного гражданина, причинившего ему насилие в отсутствие господина [154], или вчинить иск о незаконном обращении в рабство и сокрытии завещания об его отпуске на свободу, но и вести некоторые самостоятельные имущественные процессы. Раб мог подать иск о принятом и сданном залоге, об уплате долгов и о других делах, касающихся управления пекулием. При этом раб имел возможность прибегать к защите юристов [155].

В этом аспекте очень интересно постановление Дигест с внесенной в него глоссемой о Спартаке: «Если раб, которым я владел, выдает себя за свободного человека, как это сделал Спартак (!), и готов подвергнуться судебному процессу, то он не считается находящимся во владении господина, противником которого (на суде) он готовится быть» [156].

Таким образом, ко времени кодификации римского права при Юстиниане изменения в экономическом положении рабов были уже столь значительными, что они подготовили и некоторые перемены в правовом положении рабов, например в отношении их участия в судопроизводстве. Однако изменения правовых норм происходили медленнее, чем эволюция в социально-экономических отношениях, и все еще отставали от требований жизни.

Довольно существенные изменения произошли к VI в. и в семейно-правовом положении рабов. Получение рабами права ведения хозяйства на пекулии способствовало установлению более прочной семьи раба. И действительно, источники VI в., в том числе и эпиграфические памятники, содержат многочисленные упоминания о семьях рабов [157]. Законодательство Юстиниана о семейно-правовом положении рабов довольно противоречиво. С одной стороны, как мы видели, оно повторяет древние узаконения о том, что дети рабыни всегда считаются рабами, собственностью ее господина [158]. Если рабыня находилась в коллективной собственности нескольких господ, то рожденные ею дети могли быть переданы разным господам и разлучены с матерью. Дети раба и свободной женщины сохраняли статус матери, т. е. оставались свободными. Дитя, зачатое в то время, когда мать его была еще свободной, хотя бы и рожденное уже в рабстве, должно считаться свободным [159].

К этим старым предписаниям сам Юстиниан в 536 г. в своей 22-й новелле добавил еще более суровые постановления, признававшие абсолютно невозможным законный брак между рабами и категорически запрещавшие всякие неравные браки между свободным мужчиной и рабыней [160].

Одновременно в законодательство Юстиниана проникают некоторые новые более реалистические взгляды, считающие необходимым признать

---

[154] CJ, VIII, 5.1.

[155] Dig., XLVIII, 19.19.

[156] Dig., XLI, 2.3.10; см. И. С. Перетерский. Дигесты Юстиниана. . ., стр. 93—94. По его мнению, глоссема в текст внесена неизвестным копиистом III—V вв.

[157] Дигесты упоминают о том, что имения передавались по завещанию вместе с жившими там семьями рабов, с их сыновьями и дочерьми (cum contubernalibus suis, et filiis et filiabus) (Dig., XXXIII, 7.20.1). Надписи, главным образом эпитафии, сообщают о семьях рабов (servi conjuges, conservi, contubernalis). Em. Costa. Corso di storia del diritto romano, t. I. Roma, 1901, p. 351. См. А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах. . ., стр. 85—86.

[158] CJ, III, 32.7; Dig., XLI, 1.66.

[159] CJ, IX, 47.14.

[160] Nov. Just., XXII, 9.10.

de facto семьи рабов. Закон запрещал при разделе имущества разлучать семьи рабов. «Кто же станет отделять детей от родителей, братьев от сестер, мужей от жен?» [161]. Родственные узы, связывавшие рабов, должны были в известной степени приниматься во внимание при отпуске их на волю, хотя иногда отпуск на свободу детей и родителей мог и не быть единовременным актом [162].

Римские юристы стали рассматривать родство между рабами как препятствие к заключению брака по достижении рабом свободы [163].

В особых случаях делались оговорки и к закону, запрещавшему брак свободного и рабыни. Если свободный человек всю жизнь оставался холостым и, «пораженный любовью» (amore affectus), прожил свой век с рабыней как с фактической женой, то после смерти господина рабыня и все ее дети, рожденные от хозяина, становились свободными [164]. Одновременно связь свободного человека с чужой рабыней строго запрещалась под страхом потери свободы [165].

По законам химьяритов, каждый рабовладелец в обязательном порядке должен был найти (или специально купить) жен для всех своих рабов. Если же господин был беден и не имел для этого средств, то он был обязан продать даже одного своего раба [166].

В правление Юстиниана некоторым категориям рабов, в частности императорским рабам, даровались льготы в сфере семейно-правовых отношений. Потомство обоего пола (natos natasque origini), рожденное от браков императорских рабов и рабынь с колонами-адскриптициями или рабами, получало свободу [167].

Вместе с тем в случае, если раб, работавший в государственных мастерских, переходил в дом к частному лицу и женился на его рабыне, то и сам раб, и вместе с ним его жена и дети по закону в принудительном порядке вновь возвращались на общественные работы [168].

В связи с общим улучшением правового положения женщины в государстве Юстиниан отменил древнее жестокое постановление, согласно которому свободная женщина, добровольно вступившая в связь с чужим рабом и не прекратившая этого сожительства, по требованию господина раба сама становилась рабыней [169].

Кроме того, законом были приняты меры против отдачи рабынь для проституции [170]. Если рабыня продавалась с условием «ne prostituatur», то соблюдение условия по закону считалось обязательным для покупателя. В случае нарушения этого предписания рабыня получала свободу [171].

Противоречивость реальных условий жизни приводила к противоречивости законодательных постановлений Юстиниана о семьях рабов.

---

[161] CJ, III, 38.11. При толковании завещаний юристы заботились о том, чтобы не разлучать рабов-супругов.

[162] CJ, VI, 4.4.10. Правда, оговаривалось, что законодатель только рекомендует учитывать семейные узы рабов при их отпуске на свободу (Dig., XXIII, 2.14).

[163] Dig., XXIII, 2.14. 2; Inst., I, 10.10.

[164] CJ, VI, 4.4.3.

[165] Nov. Just., XXII, 9.10. В этом отношении законодательство Юстиниана было даже более суровым, чем узаконения эпохи Поздней Римской империи, согласно которым свободный человек попадал под власть хозяина рабыни лишь в случае совершения насилия над ней. Более того, богач мог в подобном случае возместить убыток хозяину рабыни выдачей ему двух рабов, а бедняк после наказания палками становился коллегиатом соседней городской общины (Nov. Valent., III, 30. 5; ср. Ed. Theod., § 64).

[166] PG, t. 86, col. 613.

[167] CJ, XI, 69.1. Ср. XI, 68.4.

[168] CJ, VI, 1.8.

[169] CJ, VII, 24.1.1; ср. CTh., 4.11.

[170] CJ, IV, 56.1—3.

[171] Dig., XXXVII, 14.7.

Сопротивление влиятельных группировок рабовладельцев всячески затрудняло смягчение семейно-правового положения рабов, но все же некоторые новые веяния пробивали, правда, еще очень медленно, себе дорогу.

Важным показателем разложения рабовладения и увеличения рентабельности мелкого свободного или полузависимого хозяйства в VI в. является возросший в своих масштабах отпуск рабов на свободу.

В Кодекс Юстиниана были включены известные постановления императора Константина (от 316 и 321 гг.), упрощавшие процедуру отпуска рабов на волю. Согласно этим новым узаконениям, разрешалось отпускать рабов публично, в церкви, в присутствии свидетелей. Для манумиссии in sacrosanctis ecclesiis было достаточно устного заявления господина, сделанного в церкви перед священником и народом [172]. По предписанию Юстиниана, полную силу имели также другие способы отпуска на волю: manumissio inter amicos, причем требовалось присутствие пяти amici, игравших роль свидетелей, или manumissio per epistolam (составление этого письменного акта производилось также при пяти свидетелях), или распоряжение в завещании о том, чтобы раб присутствовал на похоронах завещателя в шляпе (pileatus) и после этого получал свободу [173]. Процедура освобождения значительно упрощалась тем, что уже не требовалось обязательного составления особого документа о даровании рабу свободы, заверенного в городской курии или суде. Освобождение рабов могло происходить и в суде, но и при этом были внесены некоторые облегчения. Например, тот же император Константин, запретив проводить какие-либо судебные заседания в воскресенье, сделал исключение только для рассмотрения дел об освобождении рабов [174]. Духовные завещания, в которых говорилось об отпуске рабов на волю, всегда должны были строго выполняться, а в спорных случаях, «из-за уважения к человечности», истолковываться в пользу свободы [175].

Отпустить раба на свободу мог только его господин; если кто-либо отпускал на свободу рабов из патримониальных или эмфитевтических имений, не являясь в то же время их господином, то подобный акт освобождения не имел законной силы. Право отпуска рабов приобреталось вместе с правами на имение [176].

В VI в., как и ранее, господа взимали с раба за дарование ему свободы определенную сумму денег. Если раб не заплатил обещанных им за получение свободы денег, то господин мог потребовать их с вольноотпущенника через суд [177]. По закону раб мог требовать отпуска на свободу, если он уплатил кому-либо деньги с тем, чтобы тот его купил и отпустил на волю, а этот человек, нарушив условие, купил раба, но на волю не отпускает (redentitio suis nummis) [178].

При Юстиниане, как упоминалось, был сделан еще один шаг для того, чтобы облегчить рабу получить свободу: если господин завещал какое-либо имущество своему рабу, то тем самым он уже отпускал его на волю [179].

Раб, обнаруживший фальшивомонетчика, предотвративший похищение девушки или выдавший властям дезертира, получал свободу даже без согласия своего господина [180]. Раб, находящийся в коллективной

---

[172] CJ, I, 13.1—2; ср. Inst., I, 6.1; CTh., IV, 7.
[173] CJ, VII, 6. 1—3.
[174] CTh., II, 8.1.
[175] Dig., XL, 4.1.4.
[176] CJ, XI, 61 (62), 12.
[177] CJ, IV, 14.3.
[178] Dig., XL, 1.4.5.
[179] CJ, VI, 27.5.
[180] CJ, VII, 13.2—4.

собственности нескольких владельцев, мог быть отпущен на свободу одним из них без согласия других, правда, лишь при условии компенсации другим совладельцам убытков, понесенных от потери ими раба [181].

Рабы господ, умерших без завещания и не оставивших наследников, часто по закону освобождались, особенно когда хозяевами рабов были духовные лица. Разрешалось освобождать раба, послав его на военную службу [182] или дав ему позволение вступить в монастырь. Если беглый раб тайно поступал в монастырь, то через три года господин утрачивал на него свои права [183].

В VI в. по закону, без специального акта освобождения со стороны господина, раб отпускался также и в том случае, если он достигал сана епископа или если в течение 25 лет прожил на свободе [184]. Кроме того, Юстиниан отменил ограничения по отпуску рабов, введенные в Римской империи по законам Фуфия Каниния (Fufia Caninia) и Элия Сентия (Aelia Sentia) [185].

В судебных процессах, решавших споры о свободе (causa liberalis), по закону Юстиниана, теперь мог выступать в качестве юридической стороны сам раб, утверждавший, что он свободный человек. Раб уже не был обязан выставлять в таких случаях за себя защитника свободы (assertor in libertatem) — свободного человека, который брал на себя труд доказательства свободного происхождения раба [186]. Это нововведение Юстиниана было очень важным шагом на пути защиты личности раба. Кроме того, закон ограждал свободу, полученную рабом при отпуске на волю. Без причины вольноотпущенник не мог быть возвращен в рабство [187].

Политика Юстиниана, направленная к известному облегчению отпуска рабов на волю, встречала сопротивление некоторых влиятельных группировок рабовладельцев. Так, Прокопий в «Тайной истории» сообщает, что в результате тиранического правления Юстиниана и господства стасиотов партии венетов «. . .многие против воли должны были отпускать на волю своих рабов» [188].

Вольноотпущеник — либертин — после освобождения обычно оставался под покровительством своего бывшего господина [189]. Либертинам и их потомкам запрещалось уходить из имений их бывших владельцев, и они чаще всего становились зависимыми людьми [190]. За принятие чужого

---

[181] CJ, VII, 7.1.

[182] CJ, XII, 34.6—7.

[183] Nov. Just., CXXIII, 17. См. Е. Э. Липшиц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. ВВ, XIII, 1958, стр. 40.

[184] Nov. Just., CXXIII, 4, (546 г.); CJ, IV, 57.3.

[185] CJ, VII, 3.1 (548 г.). Lex Fufia Caninia (эпохи Августа) ограничил число рабов, которых господин мог освободить по завещанию; оно должно было находиться в известной пропорции с общим числом рабов завещателя и не превышать 100 человек (Gajus. Inst., I, 41—46). Lex Aelia Sentia предоставлял лишь ограниченную правоспособность рабам, отпущенным на волю в возрасте моложе 30 лет. Отменялись манумиссии, сделанные господами, не достигшими 20-летнего возраста, и манумиссии, предпринятые господином в ущерб интересам его кредиторов. Рабы-преступники и после освобождения не получали полных прав гражданства. Юстиниан отменил закон Элия Сентия лишь частично (см. В. М. Хвостов. Указ. соч., стр. 290); см. Dig., XL, 9; Inst., I, 6; CJ, VII, 11.1—7; 12.1—2.

[186] CJ, VII, 17.1.2.

[187] CJ, IV, 57.1—6. Правда, в Институции было включено постановление, что вольноотпущенник, проявивший грубую неблагодарность по отношению к патрону, мог по требованию бывшего господина быть снова обращен в раба (revocatio in servitutem) (Inst., I, 16, § 1).

[188] Procop., H. A., VII, 33.

[189] CJ, VII, 7.1.

[190] CJ, VII, 38.1.

либертина землевладелец платил штраф [191]. Либертин под страхом сурового наказания не мог выступать на суде в качестве свидетеля против своего прежнего господина и его наследников [192]. Либертин и его дети, рожденные в то время, когда их отец еще был рабом, приписывались к податному округу бывшего господина. Лишь дети либертина, рожденные уже после отпуска отца на свободу, получали права свободных людей [193]. Либертин ограничивался в правах распоряжения своим имуществом: как правило, он должен был завещать одну треть своего наследства бывшему хозяину; в случае, если вольноотпущеник не имел наследников или умирал без завещания, все его имущество переходило господину.

При Юстиниане, однако, был сделан шаг по пути увеличения прав вольноотпущеников. В 539 г. особой новеллой Юстиниан устанавливал, что после освобождения либертины получали права римского гражданина и рабское происхождение не должно было ущемлять их интересов при ведении гражданских дел [194].

Увеличение масштабов отпуска рабов на волю объясняется как экономическими причинами — ростом экономического потенциала свободного мелкого хозяйства, так и интересами фиска, нуждавшегося в свободных налогоплательщиках. Большую роль играло также все возраставшее сопротивление самих рабов.

Если правительство Юстиниана шло в силу указанных выше причин на некоторое смягчение положения рабов и облегчение их отпуска на волю, то в отношении пресечения всякого сопротивления со стороны всех угнетенных, и в первую очередь рабов, оно было совершенно беспощадно. Предавались сожжению не только рабы, покушавшиеся на жизнь своего господина, но даже лишь замыслившие его убийство [195]. Сожжение грозило и тому рабу, который слышал призывы своего господина о помощи, но не спас его [196]. Раб, спасавшийся в церковном убежище с оружием в руках, не только изгонялся из церкви, но мог быть безнаказанно убит, если оказывал сопротивление [197]. Строптивого раба запрещалось допускать в города, где он мог найти поддержку у городской бедноты [198]. Если рабы при помощи угроз заставляли своего господина отпустить их на волю, то такое освобождение не признавалось законным [199]. За подстрекательство раба к бегству или самоубийству свободный карался как за кражу чужого имущества [200].

Сурово наказывались всякие попытки рабов к бегству. Беглые рабы возвращались владельцу, за их поимку отвечали правители провинций [201]. Бежавшие от господина рабы подвергались жестоким карам. У беглых рабов отрубали ногу, их отправляли работать в рудники или

---

[191] CJ, XI, 53.1.

[192] CJ, IX, 1.21.

[193] Dig., L, 1.6.3.

[194] Nov. Just., LXXVIII, 1—5.

[195] Dig., XLVIII, 19.28.11. Казни подвергались и подозреваемые в соучастии рабы, находившиеся в момент убийства господина в одном с ним доме (см. Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в Западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 76 сл.).

[196] Dig., XXIX, 5.14. Если господин был убит во время путешествия, то смертной казнью карались все рабы, его сопровождавшие. Dig., XXIX, 5.14.

[197] Const. Just., VII—VIII, § 1.

[198] CJ, IV, 55.1. Опасный для господ раб, даже отпущенный на волю, но в прошлом проявлявший непокорность, по закону не имел права появляться в городе, и если он нарушал этот запрет, то его вновь обращали в рабство.

[199] Dig., IV, 2.9.2.

[200] Dig., XI, 3.1.

[201] CJ, VI, 1.2. Беглый раб считался виновным в воровстве, ибо своим бегством нанес материальный ущерб господину. Правительство гарантировало иностранцам владение рабами и помогало им в розыске беглых.

подвергали какому-либо другому наказанию [202]. Беглые рабы, обманным путем поступившие на военную службу и достигшие даже чина протектора, при изобличении их вновь возвращались в рабское состояние [203]. Принявший беглого раба платил штраф в размере четырехкратной стоимости раба и возмещал хозяину ущерб. При исчислении материального ущерба, нанесенного господину, учитывался доход, который мог быть получен хозяином от труда раба за время его отсутствия [204]. Богатый человек, укрывший беглого раба, наказывался штрафом, а бедняк, давший убежище беглецу, карался наказанием плетьми. Обстоятельством, отягчающим вину раба при бегстве, всегда являлось его участие в народных движениях. Если беглый раб вступал в отряды разбойников (latrones), участвовал в поджогах имений или переходил на сторону врагов империи, то он карался смертной казнью [205].

При изучении изменения положения рабов в ранней Византии важен вопрос об отношении христианской церкви к рабству. Отвергая тезис буржуазной науки о том, что облегчение положения рабов произошло якобы исключительно под влиянием христианства и христианской церкви [206], мы не отрицаем некоторого влияния христианской доктрины на изменение отношения к рабству. Будучи первоначально религией угнетенных, в том числе и рабов, христианство в известной мере впитало идеи социального равенства, родившиеся в народных массах. Необходимо всегда различать воздействие на положение рабов христианского вероучения, включавшего некоторые прогрессивные идеи, в частности о равенстве господ и рабов, и практическую деятельность христианской церкви и христианской иерархии, всегда искавшей путей компромисса с государственной властью. Проповедуя на словах равенство всех людей, на деле церковь сохраняла и поддерживала институт рабства. Для привлечения на свою сторону симпатий широких народных масс духовенство всегда выступало с проповедью естественного равенства всех людей по самой их природе.

Церковный писатель VI в. Исидор Пелусиот, например, писал: «Рабов должно использовать лишь на то, что могли бы сделать и мы сами, ибо они такие же люди, как и мы; только установившееся мнение, превра-

---

[202] CJ, VI, 1.3: «Si fugitivi servi deprehendantur ad barbaricum transeuntes, aut pede amputato debilitentur, aut metallo dentur, aut qualibet alia poena afficiantur».

[203] CJ, XI, 68.3.

[204] CJ, XI, 53.1. Имелись и другие аналогичные предписания Так, в Кодексе Юстиниана говорилось, что всякий человек, принявший и укрывший у себя в доме или в своем имении беглого раба (или инквилина), должен за это уплатить в казну штраф в 12 либр серебра, а кроме того, возвратить беглеца прежнему владельцу и передать господину в виде компенсации в придачу еще и другого раба той же стоимости (CJ, XI, 48.12).

[205] Dig., XLVIII, 19.12—16; ср. Dig., XLVIII, 6.5. Дигесты проводят различие между рабами, бежавшими от жестокости господ к своим соседям и друзьям или нашедшими приют у своей матери, а также в церкви, и теми рабами, которые после побега становились бродягами и пополняли отряды разбойников. Для последних наказания за побег были более суровыми (Dig., XXI, 1.17.14). Смягчающим обстоятельством при рассмотрении дела о побеге раба было также и то, что раб, спасаясь от истязаний господина, пытался покончить самоубийством. Раб, отданный в наем, бежавший от несправедливых жестокостей нового господина и возвратившийся к своему прежнему хозяину, не наказывался за бегство. Иными словами, суд должен был всегда выяснить причины бегства раба, и если раб бежал, спасаясь от побоев и бесчеловечного обращения господина и не с целью участия в народном восстании, а только ради спасения своей жизни, то наказание ему смягчалось.

[206] См. J. Imbert. Réflexions sur le christianisme et l' esclavage en droit romain; P. Allard. Les esclaves chrétiens depuis les premiers temps de l'Église; A. Hadjinikolaou-Marava. Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde Byzantin.

ности войны и сила оружия сделали их нашей собственностью. А по природе, по вере и на будущем суде мы все одинаковы» [207].

С той же целью воздействия на широкие народные массы церковь использовала право церковного убежища для рабов. Рабы, получившие убежище в церкви и доказавшие жестокое обращение с ними господ, продавались другим хозяевам. Однако если раб «без основания» искал убежище в церкви, то он после наказания возвращался господину [208].

При Юстиниане церковь не только расширила свои права в отношении церковного убежища, но была даже установлена ответственность духовенства, в том числе и высшего, за нарушение этого права и выдачу беглого, вплоть до лишения сана [209]. Закон Юстиниана налагал тяжелое наказание и на государственных чиновников, применявших силу для того, чтобы удалить раба из церковного убежища. За нарушение права церковного убежища чиновнику, даже занимавшему высокий пост в администрации, грозило отрешение от должности, наказание плетьми и конфискация имущества [210].

Если свободный человек, обращенный в рабство, говорится в законе, убежит от господина и будет искать убежища в церкви, то церковнослужители должны трижды вызвать его хозяина, для того чтобы тот подтвердил свои права на беглеца. Если после третьего вызова господин не явится в церковь, то беглец получает свободу [211]. Но если бежавшие под защиту церковного убежища рабы будут чинить насилия и восставать против господ, то они подвергаются наказанию и выдаются хозяевам. Раб мог лишь униженно просить в церкви спасения, а если он прибегал в церковь, имея при себе оружие, его изгоняли силой. И если при этом господин убивал раба, он не нес никакой ответственности за это [212].

Церковная проповедь способствовала отпуску рабов на свободу: освобождение рабов перед смертью по завещанию или при поступлении хозяина в монастырь прославлялись церковью как богоугодное дело [213].

---

[207] Isidori Pelusiotae Epistolarum libri quinque, lib. I, ep. 471. PG, t. 78, col. 440: «(«Περὶ οἰκετῶν»). Τοῖς οἰκέταις χρηστέον, ὡς ἑαυτοῖς. Ἄνθρωποι γάρ εἰσι καθ'ἡμᾶς. Ἡ γὰρ πρόληψις, ἡ τύχη πολέμου ἢ τυραννὶς ὅπλων, τούτους ἐποιήσατο κτήματα. Ἀλλ' οἱ πάντες ἓν ἐσμεν καὶ τῇ φύσει, καὶ τῇ πίστει, καὶ τῇ, μελλούσι κρίσει». Идеи естественного равенства не были новыми к моменту победы христианства. Они, как известно, встречались уже у Сенеки, Плиния Младшего, Эпиктета и даже проникли в римское законодательство. Ульпиан говорил, что, согласно естественному праву, все люди равны и рождаются свободными. Он уподоблял рабство смерти, по его гражданской безнравственности (Dig., I, 17.1). Другой римский юрист Флорентин также признавал, что рабство противно природе и учреждено по праву народов (Dig. I, 5.1.4). В Новеллах Юстиниана весьма сильно сказалось влияние церковной доктрины о том, что перед богом все равны и нет различия между господами и рабами. См., например, Nov. Just., V, 2: «ἐπὶ τῇ τοῦ θεοῦ λατρείᾳ οὐκ ἔστιν ἄρσεν οὐδὲ θῆλυ, οὔτε ἐλεύθερος οὔτε δοῦλος, πάντας γὰρ ἓν Χριστῷ ἓν εἰκότως νομίζεσθαι». См. M. Voigt. Römische Rechtsgeschichte, Bd. III, S. 70.

[208] Const. Just., VII—VIII, § 1—2. Рабы должны были доказать, что господа морили их голодом, мучили, избивали и что подобное положение уже исправить нельзя. Право церковного убежища восходило еще к римским временам. Рабы, бежавшие в языческие храмы или к статуям императоров (ad fana deorum vel statuas principis), не должны были выдаваться господам (Dig., I, 12.1.8).

[209] Const. Just., VII—VIII, § 2.

[210] Ibidem.

[211] Ibid., § 1.

[212] Ibidem. Особенно нежелательно для государства и церкви было скопление значительного числа беглых рабов в церковном убежище, что угрожало безопасности господ и духовенства. За восстание против господ в пределах церковной ограды рабы жестоко наказывались (ibidem). По законам химьяритов, если кто-либо силой извлекал раба из церковного убежища, то раб получал освобождение (PG, t. 86, col. 604).

[213] PG, t. 104, col. 213. С V в. «Великая» церковь Константинополя имела важную привилегию отпуска на свободу рабов, нашедших в ней убежище. Труд отпущен-

При Юстиниане вновь было подтверждено постановление, запрещавшее нехристианам иметь рабов-христиан. «Эллин, иудей, самаритянин и всякий другой человек, не придерживающийся ортодоксальной веры, не может иметь раба-христианина» [214]. В случае если человек, не исповедующий христианской веры, имеет раба-христианина, он должен уплатить государству штраф в 30 либр золота, а раба — отпустить на свободу [215].

Это предписание правительства Юстиниана, ущемляя интересы язычников и еретиков, должно было поднять авторитет господствующей церкви. Оно являлось выражением общей политики византийского государства в VI в. — политики беспощадного преследования язычников, иудеев, самаритян и еретиков.

По мере сближения христианской церкви и государства церковь все более активно ставила свою проповедь на службу интересам господствующего класса. Поэтому вполне естественно, что церковь отнюдь не выступала против самого существования института рабовладения. Никогда не было издано ни одного канонического предписания православной церкви в Византии, направленного против института рабства [216]. Более того, церковь всегда призывала рабов покорно служить их господам. Политические и классовые интересы духовенства обусловили половинчатость решения такого вопроса, как вопрос о поступлении раба в монастырь. Согласно церковным канонам VI в., раб не мог быть принят в число монахов без предварительного освобождения. Если господин давал согласие на пострижение раба в монахи, то тем самым он отпускал его на свободу. Согласно канону, приписываемому Афанасию Схоластику (VI в.), не разрешалось вводить в клир рабов без соизволения господ, поскольку это могло причинить разорение домам знати [217]. Устанавливался срок в три года для розыска хозяевами рабов, укрывшихся в монастыре. Если игумен монастыря не был уверен в том, какого происхождения вступивший в монастырь человек, то он обязан был выждать три года и лишь по прошествии этого срока имел право постричь пришельца в монахи. Но если беглому рабу в течение трех лет все же удалось скрыть от хозяина свое пребывание в монастыре, то господин терял свою власть над рабом [218]. Раб, поступивший в монастырь и скрывший свое рабское происхождение, в случае если он затем достиг сана епископа, получал свободу [219]. Однако если бывший раб после пострижения в монахи покидал монастырь и становился бродягой, то он возвращался в рабское состояние.

Церковь выступала против неповиновения рабов господам и зачастую помогала господам разыскивать беглых рабов. Церковью был канонизирован святой Феодор-мученик, который, согласно церковным канонам, помогал господам открыть место, где скрывался беглый раб, и за это

ных на волю рабов духовенство использовало в обширных имениях этой церкви. Трулльский церковный собор ввел новое облегчение для освобождения рабов, установив, что для этого достаточно волеизъявления господина в присутствии только трех свидетелей. Е. Э. Липшиц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии, стр. 39—40.

[214] CJ, I, 10.1.2.

[215] CJ, I, 10.2. Правда, это постановление касалось лишь подданных Византийской империи, все же иностранцы, временно поселившиеся в Византии, могли иметь рабов-христиан, сохраняя обычаи своей страны.

[216] М. Я. Сюзюмов. Рецензия на книгу А. Хаджиниколау-Марава. ВВ, V, 1952, стр. 281.

[217] PG, t. 104, col. 557—560.

[218] Житие Ипатия Руфианского содержит рассказ о том, как Ипатий, будучи настоятелем монастыря, отказался выдать господину четырех рабов, скрывавшихся в его обители (А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 215—216).

[219] Nov. Just., CXXIII, 4.17.

получил красноречивое прозвище «Открыватель» Ἅγιον Θεόδωρον τὸν Φανερωτήν) [220].

По мере роста богатства церкви, церковная организация из экономических соображений сама удерживала у себя рабов, используя их труд в своих имениях [221], что находилось в явном противоречии с церковной проповедью о благочестивости отпуска рабов на свободу.

Церковь всегда выступала против восстаний рабов и какого-либо насилия с их стороны против господ. Вспомним хотя бы постановления Гангрского собора IV в., предавшие анафеме не только рабов, не повинующихся господам, но и всех, подстрекающих их к этому. Если кто-либо, проповедуя уход от мирских дел, будет учить раба презирать господина, уклоняться от служения ему и работать без усердия и почтения к господину, тот должен быть предан анафеме [222]. На Гангрском соборе был предан церковному проклятию некий Евстафий и все его последователи, которые учили рабов не повиноваться господам и уходить от них.

Во время народных восстаний византийское правительство зачастую умело использовало влияние церкви и церковные установления в борьбе против народных масс. Так, во время восстания самаритян 529 г. правительство Юстиниана, для того чтобы внести раскол в стан восставших, издало постановление о том, что раб-самаритянин, если он был рабом тоже еретика-самаритянина, но затем перешел в «истинную» веру, — получал свободу [223]. Таким образом, правительство использовало церковное постановление о даровании свободы рабам, которые приняли православие, в то время как их господа по-прежнему оставались еретиками.

Таким образом, политика господствующей церкви по отношению к рабству была крайне двойственной и в конечном счете направлена на поддержание и защиту интересов господствующего класса и самого института рабовладения. Тем сильнее проповедь против рабства звучала в крайних, наиболее демократических еретических движениях, снискивая им тем самым популярность у широких масс угнетенного населения империи.

На основании изучения положения рабов в Византии VI в. мы приходим к выводу о том, что в процессе становления в Византии нового феодального способа производства большое значение имело не только формирование новых форм собственности и эксплуатации, но и изменение самого характера рабовладения. Эволюция рабства происходила в обстановке борьбы старого с новым, умирающего с растущим, рабовладельческого мира с зачатками феодализма. Эта борьба, естественно, проявлялась во всех сферах общественной жизни — в экономике, политике, идеологии. Она оказала решающее влияние и на положение рабов, определив направления и эволюцию рабовладения в VI в. В статусе рабов в Византии VI в. сохранилось еще много старого, унаследованного от классической эпохи развития рабства.

На основании анализа законодательства Юстиниана мы отчетливо видим, сколь цепкими, живучими были старые формы рабовладельческих

---

[220] PG, t. 105, col. 933: «Ἄνθρωπός τις ἔχων δοῦλον χρήσιμον, ἐπείπερ ὁ δοῦλος ἔφυγεν, ἀπελθὼν ὁ κύριος αὐτοῦ εἰς ἅγιον Θεόδωρον τὸν Φανερωτήν, παρεκάλει αὐτὸν φανερῶσαι τὸν δοῦλον αὐτοῦ». См. М. Я. Сюзюмов. Рецензия на книгу А. Хаджиниколау-Марава. BB, V, 1952, стр. 281. B. Granić. Das Klosterwesen in der Novellengesetzgebung Kaiser Leons des Weisen. BZ, XXXI (1931), № 1, S. 63.

[221] Nov. Just., VII.

[222] PG, t. 133, col. 77: «β'. Τῷ πείσοντι τὸν δοῦλον ἀναχωρεῖν τοῦ δεσπότου θεοσεβείας προφάσει καὶ τῷ διακρινομένῳ μεταλαμβάνειν ἀπὸ πρεσβυτέρων ὑπογυναίων, ἀνάθεμα».

[223] CJ, I, 10.2.

отношений, облеченные в закостеневшие римские правовые нормы; сколь упорным было сопротивление против всяких нововведений в статусе рабов со стороны большинства рабовладельцев. Вместе с тем вырисовывается достаточно ясная картина того, как под воздействием общего процесса разложения рабства и формирования феодальных отношений новые, прогрессивные изменения в статусе рабов пробивают себе дорогу. Эволюция в экономическом положении рабов в связи с массовым переводом их на «свободный пекулий», некоторое улучшение их правового статуса, в частности в области семейно-правовых отношений, — яркое тому свидетельство.

Р. ГИЙАН

ОЧЕРКИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ИСТОРИИ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (IV—VI вв.)

ЗАМЕТКИ О ТИТУЛАХ ЗНАТИ: ЭГРЕГИЙ, ПЕРФЕКТИССИМ, КЛАРИССИМ

Иерархия титулов в Византийской империи, вначале относительно простая, очень скоро приобрела сложный характер. Далеко не являясь чем-то застывшим, неизменным, она непрерывно развивалась, претерпевая глубокие изменения. Наиболее высокие титулы в конце концов потеряли прежнее значение: иногда они обесценивались благодаря тому, что раздавались все большему числу лиц; иногда с созданием новых титулов они превращались в почетный эпитет, иногда же они исчезали совсем. Так обстояло дело уже в ранневизантийский период. Иерархия титулов складывалась в то время из следующих шести классов, которые мы располагаем здесь по восходящей линии:

1. Эгрегиат.
2. Перфектиссимат.
3. Клариссимат.
4. Спектабилат.
5. Иллюстрат.
6. Нобилиссимат.

Эти титулы имели значение лишь как показатель знатности; носители их не обладали никакой специфической властью, но лишь пользовались некоторыми определенными для каждого титула привилегиями.

I. Egregius, κράτιστος, эгрегий

Римские всадники, equites romani, οἱ ἱππεῖς ῥωμαῖοι, имели право, в соответствии с их рангом, на различные эпитеты, из которых наиболее обычными были: egregius (vir egregius, V. E., ἀνὴρ κράτιστος) и perfectissimus (vir perfectissimus, V. P., ἀνὴρ διασημότατος) [1]. Сословие всадников, equestris ordo, ὁ ἱππαῖος τάξις, второе по значению после сенаторского, оставалось могущественным еще в начале IV в.[2] В Риме всадники давно уже образовали настоящую знать, equestris nobilitas, за счет которой пополнялись ряды сенаторов. Александр Север (222—235) не разрешал вольноотпущенникам вступать в сословие всадников, которое он называл «сенатским питомником» [3].

[1] Ch. Lécrivain. Le Sénat romain depuis Dioclétien, à Rome et à Constantinople. Paris, 1888, p. 25.

[2] Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines. II, 1. Paris, 1892, s. v. equites, p. 788 sq.

[3] Lampridius. Alex. Sev., 18: Libertinos nunquam in equestrem locum redegit, asserens seminarium senatorum equestrem locum esse.

Начиная с правления Константина Великого (323—337) всадническое сословие постепенно исчезает. Хотя оно еще упоминается в юридических текстах, но, по-видимому, некоторые из этих постановлений распространялись преимущественно на Рим. Закон 321 г. отводит римским всадникам место после перфектиссимов [4], но Кодекс Юстиниана, воспроизводя закон 321 г., опускает упоминание о римских всадниках, к тому времени уже давно исчезнувших (CJ, II, 45. 2, § 2). Между сословиями сенаторов и всадников по мере упадка последнего вклинивается перфектиссимат, постепенно заменивший собой сословие всадников. Тем не менее даже после Константина Великого кодексы все еще упоминают equites romani. Так, в Кодексе Феодосия (CTh., VI, 36. 1, an. 364) говорится: Equites romani, quos secundi gradus in Urbe omnium obtinere volumus dignitatem. В Кодексе Юстиниана [5] содержится следующая фраза: Equites romani secundum gradum post clarissimatus dignitatem obtinere jubemus [6]. Даже в законе 380 г., сохраненном в Кодексе Феодосия (CTh., XIII, 5. 16), говорилось еще следующее: Delatam vobis a divo Constantino et Juliano equestris ordinis dignitatem nos firmamus. Однако в тексте, переданном в Кодексе Юстиниана (CJ, XI, 1), эта формулировка уже отсутствует. Таким образом, к концу IV в. звание всадника являлось всего лишь почетным отличием для членов некоторых больших корпораций [7].

Строго говоря, сословие всадников не исчезло как таковое. Как замечает Ш. Лекривен [8], оно изменило название, или, точнее, разделилось на два. «С одной стороны, существовали городские корпорации, члены которых продолжали называться всадниками; с другой стороны — группа, составившаяся из различных элементов, объединенных пожалованием одного и того же титула». При этом Лекривен справедливо указывает, что перфектиссимат, заменивший сословие всадников, представлял собой совершенно новое явление.

Если юридически перфектиссимат, по-видимому, вобрал в себя всадническое достоинство, то фактически он был особым сословием, новой общественной группировкой, унаследовавшей прерогативы старого сословия всадников [9]. Кодекс Феодосия посвящает обоим званиям две различные главы: de equestri dignitate (VI, 36) и de perfectissimatus dignitate (VI, 37); это деление сохраняется и в Кодексе Юстиниана (XII, 32 и 33).

Слово egregius первоначально являлось эпитетом [10], который прилагался к префектам легионов [11], а также к прокураторам и к префекту Египта (ὁ κράτιστος ἡγεμών) [12]; в 162 г. эгрегиями называли всадников [13]. Эгрегий стал особым титулом знати, по-видимому, при Константине Великом. Действительно, ряд законов, в которых упоминается титул, датирован годами его правления:

CTh., VIII, 4.3 (an. 317): Primipilaribus post emeritam militiam perfectissimatus vel egregiatus dari dignitas potest.

---

[4] CTh., II, 17.1, § 2 (an. 321): senatores. . ., perfectissimi. . ., equites romani et ceteri. . . navicularii.

[5] CJ, XII, 31 (32), an. 364.

[6] Согласно Ш. Лекривену (op. cit., p. 25), закон 364 г. распространялся лишь на Рим.

[7] Ibid., p. 25—27.

[8] Ibid., p. 25—26.

[9] Ibidem.

[10] Перфектиссимат — не титул, а промежуточное звание между сословием всадников и сословием сенаторов (ср. O. Seeck. RE, Bd. V, 1905, col. 2006, 2008).

[11] Ibid., col. 2008.

[12] Ibid., col. 2006.

[13] Ibid., col. 2007.

CTh., X, 7.1. (an. 317): Caesarianos in actu constitutos ad perfectissimatus vel egregiatus dignitates non oportet admitti; sed si inculpate compleverint suum officium. . . hujusmodi dignitatem prodesse eis oportet.

CTh., X, 20. 1 (an. 317): Monetarios in sua semper durare conditione oportet nec dignitates eis perfectissimatus tribui vel egregiatus.

CTh., XII, 1.5 (an. 317): Eos qui in palatio militarunt et eos quibus provinciae commissae sunt quique merite amplissimarum administrationum honorem perfectissimatus vel egregiatus adepti.

. . .Si vero decurio suffragio comparato perfectissimatus vel egregiatus meruerit dignitatem, declinare suam curiam cupiens, codicillis amissis, suae conditione reddatur.

CTh., VI, 22, 1 (an. 321): sive perfectissimi sint, sive inter egregiorum ordinem locumque constituerint. . .

Лактанций (умер в 325 г.) явно имел в виду иерархию титулов своей эпохи, когда писал: Nemo egregius, nisi qui bonus, nemo clarissimus nisi qui . . . aut perfectissimus, nisi qui. . .[14].

Титул эгрегия присваивался чиновникам второго или третьего ранга, чьи функции не давали еще доступа в сословие сенаторов.

Эгрегиат, так же как и перфектиссимат, не был генетически связан с сословием всадников. В IV в. развилась новая иерархия знати. Должностные лица в соответствии с выполняемыми ими функциями включались, если так можно выразиться, автоматически в определенную группу знати. Помимо того, поскольку в Византии постоянно существовала тенденция к возвышению значения должностей, там не могло сохраниться соответствие между старыми всадническими должностями и должностями, дававшими право на эгрегиат.

Титул egregius, как и все византийские аристократические титулы, являлся строго личным. Хотя звание всадника, бесспорно, не было в теории наследственным, фактически же установилась наследственная передача этого звания [15]. Римский всадник, имевший право на эпитет egregius, κράτιστος, передавал его и своей жене, которая титуловалась κρατίστη. Кроме того, в надписях встречается обозначение P. E. (puer egregius) [16]. Наконец, Кодекс Юстиниана (CJ, IX, 41.11) упоминает, что внуки перфектиссимов (иными словами — всадников) не должны были подвергаться наказаниям, установленным для плебеев.

Титул эгрегия, слишком широко распространенный, быстро вышел из употребления. Он исчез, по-видимому, после Константина Великого. Альбом Тамугаса упоминает perfectissimi, но в нем уже ничего не говорится об egregii [17].

II. Perfectissimus, διασημότατος, перфектиссим

Точная дата возникновения этого эпитета неизвестна. Однако весьма вероятно, что он употреблялся уже при Марке Аврелии (161—180) [18]. Древнейшее бесспорное упоминание перфектиссимата как особого эпитета для всадников высшего ранга относится к 201 г.[19] В III в. титул vir perfectissimus, V. P., носили высшие чины сословия всадников:

---

[14] Lactancius. Divin. Instit., V, 13. Ср. Du Cange. Gloss. med. et inf. graec., s. v. egregiatius.

[15] Ch. Lécrivain. Op. cit., p. 27; Ch. Daremberg et E. Saglio. Op. cit., p. 778.

[16] Ch. Daremberg et E. Saglio. Op. cit., p. 784.

[17] Ch. Lécrivain. Op. cit., p. 25.

[18] CJ, IX, 41.11 (an. 290): Divo Marco placuit eminentissimorum quidem, nec non perfectissimorum virorum.

[19] CIL, Orelli, № 1603. Ср. Ch. Daremberg et E. Saglio. Op. cit., III, p. 781, n.

префекты флота, префект анноны и различные прокураторы [20]. Хотя со времени правления Константина Великого всадничество начало исчезать (по крайней мере как самостоятельное сословие), эпитет perfectissimus был сохранен и стал особым титулом знати. С тех пор перфектиссимат составил отдельный разряд знати, в который вошло большое количество чиновников, некогда принадлежавших к сословию всадников. Аристократическое сословие всадников оказалось замененным новым сословием — перфектиссиматом.

При Константине Великом перфектиссимат был достаточно значителен, чтобы составить общественную группировку, следовавшую непосредственно за сенаторским сословием. Об этом свидетельствует Кодекс Феодосия, перечисляющий senatores. . ., perfectissimi. . ., equites romani [21]. Перфектиссимат состоял из следующих категорий:

1. Чиновники, занимающие или занимавшие должность, дающую право на титул перфектиссима. Существовало, по-видимому, большое количество таких должностей как на гражданской, так и на военной службе.

2. Чиновники, которые по занимаемой ими должности не имели права на титул перфектиссима, но получили этот титул через несколько лет службы или при выходе в отставку [22].

3. Главы некоторых корпораций [23]: главы корпораций крупных торговцев [24] и куриалы, прошедшие через все муниципальные должности (CTh., XII, 1.5).

4. Лица, получившие тем или иным путем императорский кодикил, жалующий им перфектиссимат, иначе говоря, те, кому присваивалась почетная должность, дававшая право на титул перфектиссима [25]. Известно, какая торговля этими кодикилами происходила в Византии и как часто, хотя и безуспешно, императоры предпринимали попытки пресечь эти злоупотребления. Число почетных перфектиссимов в IV в., по-видимому, было велико. Эти перфектиссимы фактически не несли никакой службы, связанной с их титулом, но имели право на титул и на соответствующие почести. Им запрещалось, однако, требовать специальных привилегий и льгот, присущих перфектиссимату, приобретенному обычным путем, в результате исполнения указанных выше функций перфектиссима.

В текстах нет перечня должностей, исполнение которых давало бы право на получение титула перфектиссима. Составленный Лекривеном список, видимо, является неполным [26]. Впрочем, любое подобное пере-

---

[20] CIL, Orelli, № 3569: Val. Valens V. P., praefect. Clas. Misen; № 1084: Aurel. Victoriano V. P., praefect. ann. (время Константина Великого). Многочисленные прокураторы носили в соответствии с их рангом титулы: vir eminentissimus, ἐξοχώτατος, vir perfectissimus, διασημότατος, vir egregius, κράτιστος; ср. Ch. Daremberg et E. Saglio. Op. cit., VI, 1 (Paris, 1905), p. 666, s. v. procurator.

[21] CTh., II, 17. 1, § 2 (an. 321); ср. 6,3 (an. 336): Senatores seu perfectissimos. . . и Нов. 4. Маркиана: Nam cum sanciret (Constantinus) ne senatori, perfectissimo. . . (Cod. Th. Leges novellae, ed. Th. Mommsen — P. Meyer. Berolini, 1954, p. 191).

[22] Как правило, чиновник, уходивший в отставку, получал более высокий титул, чем тот, который он имел по службе. Так, уходящий в отставку перфектиссим получал титул клариссима (ср. CTh., VIII, 1.6 и 10; VIII, 4.3; 5.36; X, 7.1).

[23] CIL, VI, № 1696.

[24] CIL, Orelli, № 6476 (an. 307): VV PP (viri perfectissimi) praepositis corporis magnariorum.

[25] CTh., XII, 1.26, 36, 41; XII, 5.15, 42.

[26] Ch. Lécrivain. Op. cit., p. 28—29. Список, составленный В. Энслином для додиоклетиановского периода и для времени Диоклетиана (RE, Hb. 37, 1937, col. 665—668, 668—673), равно как и его основанный на юридических источниках очерк развития перфектиссимата представляют бесспорный интерес, однако не содержат сколько-нибудь значительных данных относительно IV—VI вв.

числение имело бы значение лишь для ограниченного периода времени, так как чиновник-перфектиссим через несколько лет приобретал следующий титул — клариссима.

Большинство законов, относящихся к перфектиссимату, возникло при Константине Великом. В некоторых из них перфектиссимат рассматривается наряду с эгрегиатом, в других говорится только о перфектиссимате [27].

CTh., XIII, 3.2 (an. 326): медики освобождаются ab universis muneribus curialium, senatorum et comitum perfectissimorumque. . .

CTh., XII, 1.15 (an. 327): ita ut et hi, qui perfectissimatus sibi honore blandiuntur, trusi in curiam necessariis officiis publicis inserviant. . .

CTh., XII, 1.26 (an. 338): denique ex perfectissimis honorariis. . .

CTh., IV, 6.3 (an. 336): senatores seu perfectissimos. . . [28].

CTh., XII, 1.42 (an. 354): si qui ex praesidibus vel perfectissimatus accessione cumulati esse nascuntur, manentibus dignitatibus, quas suffragio meruerunt, nihilo minus in sui ordinis consortio perseverent, fungantur officiis curialibus.

CTh., XII, 1.44 (an. 358): Quicumque intra palatium perfectissimus aut comes provectus suffragio est, spolietur honoris indebiti dignitate.

CTh., VIII, 1.6 (an. 362): ex perfectissimis dimittantur.

CTh., VIII, 1.10 (an. 365): (actuarii) honore perfectissimatus in palatio nostro potientur.

CTh., VI, 35.7 (an. 367): a primis quibusdam gradibus usque ad perfectissimatus ordinem.

CTh., VIII, 5.36 (an. 381) : eos honorem perfectissimatus manere praecipimus.

К концу IV в. перфектиссимат, по-видимому, разделился на три группы. В самом деле, в кодексах Феодосия [29] и Юстиниана [30] речь идет о перфектиссимах ordinis primi, ordinis secundi, ordinis tertii. Все эти перфектиссимы разных рангов являлись чиновниками различных дворцовых служб. Возможно, что каждая группа перфектиссимата наделялась специальным эпитетом.

Число перфектиссимов было тем более велико, что большое количество провинциальных чиновников также носило этот титул [31]. Впрочем, Констанций (337—361) очень скупо раздавал аристократические титулы и не увеличивал привилегий государственных чиновников [32]. В годы его правления дуксов не производили в ранг клариссимов — они остались перфектиссимами [33]. Наместник Аравии носил титул vir perfectissimus [34].

Перфектиссимат знаменовал лишь освобождение от части налогов, а также некоторые правовые привилегии, в частности снижение наказаний за преступления. И все же перфектиссимат давал почетное положение в обществе, подобно древнеримскому всадничеству. Но одними этими

---

[27] CTh., VI, 22 (an. 321); VIII, 4.3 (an. 317); X, 7 (an. 317); X, 20 (an. 317); XII, 1.5 (an. 317).

[28] В Кодексе Феодосия (CTh., V, 27.1) (an. 336) соответствующее место гласит: senatores seu perfectissimos.

[29] CTh., VI, 30.7 (an. 384).

[30] CJ, XII, 23 (24). 7 (an. 384). Ср. J. Karayannopoulos. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958, S. 65.

[31] Ср. E. Hanton. Lexique explicatif du Recueil des inscriptions chrétiennes d'Asie Mineure. Byz., IV, 1927, p. 119, n. 9.

[32] Amm. Marc., XXI. 16: erga tribuendas celsiores dignitates impendio parcus; nihil circa administrationum augmenta praeter pauca novari perpessus.

[33] Ibidem: nec sub eo dux quisquam cum clarissimatu provectus est. Erant enim perfectissimi. Но после 386 г. дуксы уже были клариссимами (CTh., XIII, 1. 113). В «Нотиции должностей» они носят титул spectabiles.

[34] CTh., IX, 40.4.

преимуществами нельзя объяснить, почему так велико было стремление получить перфектиссимат; мы должны учесть и другие соображения. И действительно, горожане стремились всеми возможными средствами избавиться от тяжелых повинностей, налагаемых на них курией, и они надеялись, что, получив перфектиссимат, освободятся от невыносимого бремени [35]. Впрочем, императоры пытались бороться против погони за перфектиссиматом, присваивая этот титул со всеми его привилегиями только куриалам, прошедшим все муниципальные магистратуры [36].

Закон также делал различие между перфектиссиматом, полученным нормальным путем, за выполнение общественных функций или за долгую службу, и чисто почетным перфектиссиматом, полученным в виде милости, путем интриг или за деньги, suffragio comparato. Это ясно видно из следующего текста: Eos, qui in palatio militarunt, et eos quibus provinciae commissae sunt, quique merito amplissimarum administrationum honorem perfectissimatus vel egregiatus adepti sunt, nec non et illos qui decuriones vel principales constituti cuncta suae patriae munera impleverunt, frui oportet dignitate indulta. Si vero decurio suffragio comparato perfectissimatus. . . vel egregiatus meruerit dignitatem, declinare suam curiam cupiens, codicillis amissis suae conditione reddatur. . . Eum quoque, qui originis gratia, . . . vocatur ad curiam, perfectissimatus suffragio impetrati dignitas non defendit, qua remota tradi eum curiae oportebit [CTh., XII, 1.5 (an. 317)].

Как бы то ни было, несмотря на неоднократно делавшиеся императорами предупреждения, лица, не состоявшие на государственной службе, продолжали добиваться перфектиссимата и покупать кодикилы, дарующие перфектиссимат, несомненно, не столько ради почестей, связанных с этим титулом, сколько с целью избавиться от курии. Весьма вероятно, что им довольно часто удавалось достигнуть своей цели благодаря слабости государственной власти и содействию высокопоставленных лиц. Во всяком случае закон 338 г. гласит: Quoniam emptae dignitatis obtentu curias vacuefactas esse non dubium est, placuit ut cuncti, qui suffragiis dignitatum insignia consecuti sunt immeriti honoris splendore privati, civilium munerum solennitate fungantur (CTh., XII, 1.25). Кроме того, закон объявлял, что все, получившие перфектиссимат в установленном порядке, сохраняют этот титул со всеми его привилегиями. И наоборот, ряд законов предписывает вернуть в курии тех, кто получил почетный перфектиссимат благодаря пожалованию фиктивной должности (CTh., XII, 1.26, 42, 44).

Поскольку кодикилы, жалующие перфектиссимат, не освобождали от куриальских повинностей, они быстро утратили привлекательность, тем более что большинство должностей, связанных с перфектиссиматом, постепенно превратилось в должности, связанные с клариссиматом [37]. Состав перфектиссимата, оставленного высшими слоями общества, пополнялся представителями низшего чиновничества, занимавшими второстепенные должности. Так как для получения титула перфектиссима не требовалось никакого имущественного ценза, он стал доступен всем и, естественно, обесценился. Можно предположить, что к концу IV в. перфектиссимат не имел уже такого значения, как в начале века [38]. Он все чаще жаловался второстепенным чиновникам. Закон Юлиана 362 г. предоставляет его нумерариям, прослужившим семь лет (CTh., VIII, 1.6). В 365 г. закон Валентиниана и Валента предоставляет его актуариям,

[35] Ch. L é c r i v a i n. Op. cit., p. 26.
[36] CTh., XII, 1.5. Ср. Ch. L é c r i v a i n. Op. cit., p. 38.
[37] Ch. L é c r i v a i n. Op. cit., p. 46 sq.
[38] Перфектиссимат упоминается еще в законе 387 г.

прослужившим 10 лет (CTh., VIII, 1.1). Таким образом, эти гражданские чины получали перфектиссимат при уходе в отставку.

Было бы неверно думать, что перфектиссимат исчез вовсе. Э. Антон ошибается, когда пишет: «В конце IV в. титул perfectissimus исчезает. Его заменяет следующий по рангу титул — λαμπρότατος, clarissimus» [39]. Перфектиссимат упоминается еще в памятниках V в. Правда, Notitia dignitatum Orientis называет лишь иллюстриев, спектабилей и кларисимов, но в ней указаны титулы только высших чиновников. Зато в Notitia dignitatum Occidentis наместник Далмации имеет лишь титул перфектиссима, что доказывает существование этого титула еще в V в. Помимо того, перфектиссимат упоминается в одном из законов Льва I (457—474), адресованном префекту претория Диоскору [40].

Перфектиссимат вышел из употребления, по-видимому, к концу V в.[41], и его исчезновение, возможно, связано с изменениями, происшедшими в составе сената. В самом деле, вполне вероятно, что во второй половине V в. (во всяком случае до Юстиниана) клариссимы и спектабили утратили право участия в заседаниях сената. Это право было сохранено лишь за иллюстриями. Но к тому времени все или почти все чиновники-перфектиссимы получили клариссимат. Разряд клариссимов стал чрезвычайно многочисленным и заметно утратил свое значение. По своему составу он полностью соответствовал старому разряду перфектиссимов, и не было никаких оснований для сохранения перфектиссимата.

Кодекс Юстиниана воспроизводит закон Константина Великого de perfectissimatus dignitate, вошедший в Кодекс Феодосия [42]. В нем говорится: Codicillis perfectissimatus fruentus qui impetraverunt, si abhorreant a conditione servili, vel fisco, aut curiae obnoxii non sint, vel si pistores non fuerint, vel non in aliquo negotio constiterint, nec sibi honorem venali suffragio emerint nec rem alicujus administraverint. Но весьма возможно, что это не более, чем простое упоминание. К тому же в этом законе речь идет лишь о почетном перфектиссимате, приобретенном посредством кодикила. Перфектиссимат не был заменен никаким равноценным титулом. В Византии низшие титулы обычно не заменялись — список званий увеличивался только за счет новых высших титулов, но не за счет низших.

Заметим, наконец, что перфектиссимат, являвшийся строго личным титулом, не передавался детям. С другой стороны, согласно обычаю, жена перфектиссима имела право носить титул своего мужа. Правило, установленное Кодексом Феодосия [43], являлось фактически общепризнанным обычаем. Оно гласило: «Mulieres honore maritorum erigimus, genere nobilitamus». Впрочем, жена не обладала правом собственности на титул своего мужа, и если она выходила замуж вторично, то теряла право на титул своего первого мужа (Nov. Just., XXII, 36).

III. Clarissimus, λαμπρότατος, клариссим [44]

Эпитет clarissimus (греческий вариант — λαμπρότατος [45] засвидетельствован в Новеллах и актах церковных соборов) вначале не имел никакого точного значения и применялся по отношению ко всякому значи-

---

[39] E. Hanton. Op. cit., p. 101.

[40] CJ, I, 3.31 (32): apud virum perfectissimum magistrum census. Magister census становится клариссимом в VI в. (см. CJ, IV, 66.3, § 3: apud virum clarissimum magistrum censuum).

[41] Ср. Ch. Lécrivain. Op. cit., p. 34: список различных перфектиссимов в IV и V вв.

[42] CJ, XII, 32; CTh., VI, 37. Ср. Ch. Lécrivain. Op. cit., p. 35.

[43] CTh., II, 1.7 (an. 392). Ср. CJ, XII, 1.13 (an. 382).

[44] Об употреблении термина λαμπρότατος см. P. Koch. Die byzantinischen Beamtentitel von 400 bis 700. Jena, 1903, S. 10, 11, 13.

[45] Ср. ibid., S. 10.

тельному лицу. После того как Август упорядочил статус сенаторского сословия, представители новой знати присвоили себе (по-видимому, в середине I в. н. э.) эпитет клариссим (vir clarissimus, V. C.), который появляется в надписях той эпохи. Этот эпитет становится официальным при Марке Аврелии [46]. В источниках II в. часто встречается упоминание vir clarissimus [47].

Как видно из многочисленных юридических текстов I и III вв., эпитет clarissimus был не просто официальным эпитетом, но имел значение подлинного титула. Клариссимы составляли первый разряд знати государства. Каждый клариссим являлся сенатором или принадлежал к сенаторскому сословию. Из многочисленных текстов, свидетельствующих об этом, можно процитировать следующие:

Dig., V, 1.52, § 2 (Ульпиан): Si proponas quibusdam clarissimus viris.

Dig., L, 16.100 (Ульпиан): Speciosas personas accipere debemus clarissimas personas utriusque sexus: item eorum, qui ornamentis senatoriis utuntur.

CJ, V, 36.1 (an. 213): Si praesidem provinciae virum clarissimum. . .

CJ, VI, 21.4 (an. 222): Si Rufinus vir clarissimus tribunus. . .

CJ, X, 11.2, § 1 (an. 238): Praeses provinciae vir clarissimus.

Текст, взятый из Дигест [I, 9.8 (Ульпиан)], представляет особый интерес: Feminae nuptae clarissimis personis clarissimarum personarum appellatione continentur. Clarissimarum feminarum nomine, senatorum filiae, nisi quae viris clarissimis sortitae sunt, non habentur. Feminis autem dignitatem clarissimam mariti tribuunt; parentes vero donec plebii nuptiis fuerint copulatae. Tamdiu igitur clarissimae feminae erit quamdiu senatori nupta est (vel clarissimo, интерпретация Трибониана), aut separata ab illo, alii inferioris dignitatis non nupsit.

Этот текст показывает, что клариссимат был званием (dignitatem clarissimam), что титул клариссима употреблялся по отношению к лицам сенаторского ранга, наконец, что титул клариссима передавался женам и переходил даже на дочерей [48]. В действительности, передавался не титул клариссима, а сенаторское звание, с которым было связано ношение титула. По закону сенаторское звание переходило по наследству вплоть до четвертого поколения без каких-либо ограничений, кроме исключительных случаев [49].

В годы правления Константина Великого титул vir clarissimus носили все лица сенаторского звания и, поскольку сенаторское звание передавалось по наследству, титул клариссима принадлежал по праву рождения детям сенаторов без различия полов. Дочери звались клариссимами по своему отцу и сохраняли этот титул. Они теряли его лишь в случае вступления в неравный брак, так как существовало правило, согласно которому жена получала звание своего мужа [50]. Так возникла потомственная сенаторская знать, которая существовала до конца Поздней Римской империи.

---

[46] Ch. Daremberg et E. Saglio. Op. cit., s. v. senatus, c. 1195.

[47] Aul. Gell., Noct. Att., I, 2: Herodus Atticus, Cl. V; Servilianus, Cl. V.; II, 2: V. Cl. praeses Cretae provinciae; XV. 5: vir clarissime; Plin. Jun., Ep., V, 33: vereor, clarissimi consules; IX, 13: Permitto tibi, vir clarissime, dicere. Ср. Dig., XXVII, 9. 1, § 2 (Ульпиан): praetor urbanus vir clarissimus.

[48] Ср. P. Koch. Op. cit., S. 11 f.

[49] Dig., XXIII, 2.42 и 44; L, 1.22, § 5; I, 9.10: Liberos senatorum accipere debemus non tantum senatorum filios verum omnes qui geniti ex ipsis exve liberis eorum dicuntur. Лекривен справедливо замечает (Ch. Lécrivain. Op. cit., p. 62), что передача сенаторского звания не является более ограниченной.

[50] Данный факт достоверен, хотя П. Кох, видимо, придерживается иной точки зрения (P. Koch. Op. cit., S. 12).

При Константине Великом клариссимат составлял многочисленный класс знати, непрестанно увеличивавшийся за счет новых элементов. Все возраставший приток в клариссимат чиновников, функции которых ранее исполнялись всадниками, по-видимому, побудил Константина Великого установить особое отличие для клариссимов, занимавших наиболее высокие посты. Он разрешил им добавить к титулу клариссим новый титул — иллюстрий.

Впрочем это добавление, видимо, не имело вначале официального значения. Иллюстрат в действительности еще не отделился достаточно четко от клариссимата. В 354 г., при Констанции, один юридический текст называет префекта претория Руфина vir clarissimus et illustris (C Th., XI, 16). В надписи 355 г. префект города именуется тем же титулом: V. C. et inl (vir clarissimus et illustris) [51]. Некоторое время спустя иллюстрат, по-видимому, обособился от клариссимата, и Валентиниан I в конституции 372 г. лишь официально зафиксировал фактически сложившееся положение вещей [52]. Надписи также часто упоминают спектабилат в соединении с клариссиматом [53]. Спектабилат, надо думать, также восходит к конституции Валентиниана I 372 г., но первое упоминание этого титула засвидетельствовано постановлением 378 г.[54] В конце IV в. связь, соединявшая иллюстрат и спектабилат с клариссиматом, еще не была окончательно порвана, но с начала V в. иллюстрат, спектабилат и клариссимат имели уже четко ограниченную область применения, о чем свидетельствует Notitia dignitatum.

С конца IV в. сенаторское сословие состояло из трех разрядов знати: иллюстриев, спектабилей, клариссимов, ἐνδοξότατοι καὶ περίβλεπτοι καὶ λαμπρότατοι, и представители каждого из них занимали места в сенате. Такое же положение сохранялось некоторое время и в V в. Однако черты различия между тремя сенаторскими разрядами постепенно становились все более определенными. Иллюстрии все более четко отделялись от спектабилей и клариссимов. Различие между тремя разрядами подтверждается постановлением 412 г., устанавливающим размер пени с еретиков: Illustres poenae nomine fisco nostro quinquaginta cogantur inferre spectabiles auri pondo quadraginta, senatores auri pondo triginta, clarissimi auri pondo viginti. . . [CTh., XVI, 5.52 (an. 412)]. Под сенаторами текст, несомненно, имеет в виду сенаторов-клариссимов; что же касается простых клариссимов, то здесь речь идет о лицах сенаторского сословия, которые еще не вошли в состав сената.

В IV в. клариссимы представляли собой истинную аристократию и были богатым сословием.

Первые лица государства, консулы и патриции, носили титул клариссима, λαμπρότατος [55]. Клариссимы обладали многочисленными приви-

---

[51] CIL, № 1166. Ср. Ch. Daremberg et E. Saglio. Op. cit., III, 1 (1900), p. 385, s. v. illustres.

[52] CTh., VI, 7.1. Ср. XII, 1.78.

[53] R. Cagnat. Cours d'épigraphie latine. Paris, 1914, p. 127; Ch. Daremberg et E. Saglio. Op. cit., IV, 2, p. 1421, s. v. spectabiles; P. Koch. Op. cit., S. 12F; E. Hanton. Op. cit., p. 117.

[54] CTh., VIII, 5.35: vir spectabilis officiorum magister.

[55] Афанасий Александрийский, цит. по: Du Cange. Op. cit., s. v. Λαμπρότατος: ὑπατεία Ἰουλίου Κωνσταντίου τοῦ λαμπροτάτου πατρικίου ἀδελφοῦ τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως Κωνσταντίου τοῦ Αὐγούστου καὶ Ῥουφίνου Ἀλβίνου τῶν λαμπροτάτων. Юлий Констанций, сын Констанция Хлора, был консулом в 335 г. вместе с Целонием Руфом Альбином. В V в. и даже в конце IV в. консулов часто титуловали V. C. [CJ, VI, 23.22: Basilio juniore V. C. cos. (an. 480). Ср. CTh., XI, 36.33: Probo V. C. cos. (an. 406); XVI, 6.6, 7: Lucio V. C. cos. (an. 413); XVI, 8.14: Theodore V. C. cos. (an. 399); XVI, 10.9: Bantone V. C. cos (an. 385)].

легиями: они были освобождены от постоя солдат (hospitium) [56], для прохождения военной службы они образовывали специальный capitulum [57], с 364 г. их освободили от aurum coronarium, а в 396 г. император закрепил их привилегии, установив наследственность сословий [58]. Впрочем, императоры пытались время от времени обложить клариссимов тяжелыми налогами. Констанций приказал установить размеры доходов клариссимов, чтобы подвергнуть их обложению [59]. Стремясь взыскать с них как можно больше, Констанций возложил на клариссимов οἱ ἐν λαμπρᾷ τύχῃ претуру. Эта должность была сопряжена с такими непомерными расходами, что клариссимы предпочитали изгнание столь разорительной магистратуре [60]. Чтобы попасть в сенат, необходимо было пройти претуру, но император зачастую освобождал от действительного исполнения этой должности [61].

В IV и еще в V в. клариссимат давал право на доступ в сенат. Поэтому кодикилы, жалующие клариссимат, были всегда привлекательными, особенно для куриалов, которые, несмотря на неоднократные предупреждения императоров, видели в них средство избавления от курии. Те, кто получил клариссимат установленным путем, действительно исполняя магистратуру, связанную с титулом клариссима, и никак не был связан с курией, пользовались всеми преимуществами этого титула. Для тех, кто просто получил кодикилы, жалующие клариссимат, или, говоря точнее, кто получил лишь почетную магистратуру, соответствовавшую титулу клариссима, но фактически не исполнял этой должности, клариссимат также приносил свои выгоды при условии, что носитель титула не был приписан к курии [62]. Куриалам же дарование кодикилов, жалующих почетный клариссимат, не приносило соответствующих выгод [63]. Закон 418 г. запрещал куриалам даже добиваться кодикилов, жалующих клариссимат [64]. В общем в IV в. клариссимат все еще был широко распространен, и титул клариссима, дававший право зачисления в сенат, многим казался заманчивым (optata clarissimatus dignitas [65]).

Возникновение иллюстрата и спектабилата отодвинуло клариссимат на последнее место в сенаторском сословии. Когда же клариссимы были лишены места в сенате, их титул значительно обесценился: кодикилы, жалующие клариссимат, которых раньше так добивались, во многом утратили свою привлекательность. С начала V в. многие чиновники были причислены к разряду спектабилей, и соответственно должности,

---

[56] CTh., VIII, 8.1, 2. Ср. E. Demougeot. De l'unité à la division de l'Empire romain (395—410). Paris, 1915, p. 21.

[57] CTh., XI, 23.3. Ср. E. Demougeot. Op. cit., p. 22.

[58] CTh., VII, 21.3. Ср. E. Demougeot. Op. cit., p. 163.

[59] Zosimos. Historia nova. Bonnae, 1837, p. 105.

[60] Ibid., 104.

[61] Ch. Lécrivain. Op. cit., p. 10 sq., 62.

[62] Диплом, жалующий номинальную магистратуру, так же давал право зачисления в сенат, как и действительная должность. Ср. Ch. Lécrivain. Op. cit., p. 62. См. CTh., XII, 1. 122 (an. 390): Hi quibus detulimus splendidos magistratus, quosque etiam ornavimus insignibus dignitatum, si non habent curiam, cui aut necessitudinis foedere aut nexu sanguinis teneantur, in splendidissimum ordinem senatorium et illam nobilissimam curiam cooptentur. Ср. также ibid., XII, 1.74, § 5 (an. 371).

[63] CTh., XII, 1.42 (an. 354): Si quis clarissimae meruerit infulaes dignitatis, nec indultit muneris gratiam codicillorum allegatione percepit, impetratae fructum dignitati amittat; 1.74, § 4 (an. 371): Inanes vero umbras et cassas imagines dignitatum codicillis honorariis sectantes, nihil adjuvari praecipimus.

[64] CTh., XII, 1.183 (an. 418): Neminem obnoxium curiae ad incongruam sibi fortunam deinceps adspirare elicitis codicillis clarissimatus magnitudo tua permittat. . . Ср. Ch. Lécrivain. Op. cit., p. 37 sq.

[65] CTh., XII, 1.74 (an. 371).

связанные с титулом клариссима, заняли еще более низкое место на иерархической лестнице, о чем свидетельствует Notitia Dignitatum Orientis. Впрочем, это расширение сферы приложения титула клариссима началось по крайней мере с конца IV в., с исчезновением титула перфектиссима. Уже в 365 г. Валентиниан и Валент даровали клариссимат актуариям, прослужившим более 10 лет [66]. В 396 г. был издан эдикт, согласно которому служащие канцелярий memoriae epistularum, libellorum, dispositionum после 20 лет службы имели право уйти в отставку с титулом клариссима (CJ, XII, 19.3). Эдикт Гонория и Феодосия II, изданный в 413 г., шел еще дальше в этом отношении, распространяя клариссимат на некоторые категории чиновников низших рангов (CJ, XII, 19.5).

Потеря около 440 г. права заседать в сенате сопровождалась для клариссимов и спектабилей (в отступление от общего для всех членов сенаторского сословия правила) разрешением покидать столицу и выбирать место жительства по своему усмотрению [67]. Клариссимы и спектабили широко воспользовались этим разрешением, особенно после того, как они были освобождены Маркианом (450—457) от претуры [68]. Эта мера привела к потере многими клариссимами и спектабилями права заседания в сенате. Впоследствии, видимо, лишились права участия в сенате и все остальные клариссимы. Во всяком случае можно сказать с определенностью, что еще до правления Юстиниана клариссимы и спектабили были исключены из сената. При Юстиниане только патриции, консулы и иллюстрии входили в состав сената и могли выражать свое мнение на его заседаниях [69].

Щедрые пожалования спектабилата в V в. также содействовали сильному снижению уровня клариссимата. Именно в этом веке появился обычай присоединять к титулу иллюстриев также клариссимат. Так, в Gesta de recipiendo codice Theodosiano упоминаются Anicius Acilius Glabrio Faustus V. C. et illuster, tertio ex-praefecto Urbis, praefectus praetorio et consul ordinarius (an. 438), а также Flavius Paulus V. C. et illuster, Urbis praefectus. Правда, другие лица в этом документе называются просто иллюстриями: Antiochum virum illustrem ex quaestore et praefecto, а также Antiochum virum illustrem quaestorem sacri palatii.

Класс клариссимов существовал и в VI в. В 535 г. praefectus Urbi, один из наиболее высоких чинов, носил еще титул clarissimus, а не gloriosus (Nov. Just., XIII, 6); в 540 г. комит доместиков, экс-консул и патриций Фл. Доминик титулуется клариссимом, хотя имеет право на титул gloriosus [70]. Но титул клариссима во многом утратил прежний блеск. В 71-й новелле Юстиниан констатирует, что клариссимы обычно очень бедны: Multos conspicimus dignitates quidem ademptos et inter carissimos inscriptos. . . substantiae vero minoris dominos, ut penitus non sufficiant ad procuratores ordinandos . . . Поэтому, когда Юстиниан реорганизовал провинциальную администрацию, он дал титул спектабиля всем, кого назначил на вновь созданные посты, за исключением двух,

---

[66] CTh., VIII, 1.10.

[67] CJ, XII, 1.15; XII, 2.1 (an. 450).

[68] Ср. E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1949, p. 70.

[69] Dig., I, 9.12 (Ульпиан): Senatores accipiendum est eos qui a patriciis et consulibus usque ad omnes illustres viros descendunt, quia et hi soli in senatu sententiam dicere possunt (текст интерполирован Трибонианом). Ср. Basilica, Eclog. 7: οἱ ἀπὸ τῶν πατρικίων ἕως ἰλλουστρίων εἰσιν οἱ συγκλητικοί. Ср. примечание к Theoph. (ed. Bonn), p. 438.

[70] J. D. Mansi. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, IX, p. 40.

именовавшихся клариссимами [71]. Впрочем, гражданский наместник Ливий был клариссимом [72]. Более того, в IV эдикте Юстиниан упоминает еще чиновников-клариссимов, а новеллы 32-я и 34-я адресованы Агерохию, clarissimo praesidi Aemi-Montis Thraciae, называемому здесь claritas tua [73]. В Египте президи имел титул λαμπρότατος, а иногда также и μεγαλοπρεπέστατος [74]. В папирусах египетским пагархам присваиваются титулы λαμπρότατος, ἐνδοξότατος, ἰλλούστριος, μεγαλοπρεπέστατος [75].

Возможно, что пагархи в официальной титулатуре были всего лишь клариссимами, но подчиненные из вежливости называли их более высокими титулами. Впрочем, вполне возможно, что некоторые пагархи получили номинально придворную должность, дававшую право на получение титула иллюстрия. Наконец, закон 529 г. гласит: Neminem volumus in custodiam conjici absque jussu gloriosissimorum vel illustrium vel clarissimorum magistratuum hujus felicissimae Urbis vel provinciae. . . (CJ, I, 4.22).

Мы ясно видим, как Юстиниан дает титул spectabilis всем, кого он назначает на вновь созданные должности. Так произошло, в частности, с народным претором, который заменил префекта стражи (praefectus vigilum, νυκτέπαρχος). Последний во II в. был простым перфектиссимом, в IV в. стал клариссимом и спустя некоторое время — спектабилем [76]. Народный претор носил титул vir spectabilis (Nov. Just., XIII, 6, an. 535). Но любопытная деталь: в датировках консулы все еще назывались viri clarissimi, λαμπρότατοι, хотя они давно уже стояли во главе разряда иллюстриев. Кодекс и новеллы Юстиниана дают много иных примеров подобного отклоняющегося от нормы титулования [77]. Наконец, есть еще два юридических текста, которые указывают на существование в VI в. трех крупных разрядов знати:

Nov. Just., XIII, 3: Nos nulli praedictam dignitatem trademus, nisi magnificis, illustribus aut spectabilibus comitibus consistorianis, aut clarissimis tribunis praetorianis et notariis. . .

CJ, I, 4.22, § 1 (an. 529): Illustrissimos et spectabiles et clarissimos magistratus admonere. . . (τοὺς ἐνδοξοτάτους καὶ περιβλέπτους καὶ λαμπροτάτους ἄρχοντας). . . ab illustrissimis et magnificentissimis atque clarissimis magistratibus . . .

Все же клариссимат в VI в. обозначал еще определенный ранг, и за ним сохранялось определенное место в официальной иерархии. Но уже в конце VI в. термин λαμπρότατος, clarissimus начал терять свое точное значение. Злоупотребление эпитетами вызвало неизбежное смешение понятий, и вполне вероятно, что в VII в. клариссимат как особый разряд знати исчез, так как последнее упоминание о нем, по-видимому, относится к 639 г. [78] В дальнейшем термин λαμπρότατος служит лишь простым предикатом вежливости, подобно эпитету ὑπερλαμπρότατος, который сопро-

---

[71] E. Hanton. Op. cit., p. 101. Ср. 31-ю новеллу Юстиниана, где не дается точного указания титула.

[72] Edict. XIII, cap. XVII: clarissimus provinciae Libyae praeses; cap. X, § 3: clarissimi tribuni qui cohortibus praesunt (ср. cap. IV, § 3; cap. XI, § 1; cap. XXIII: clarissimus Libyae civilis magistratus).

[73] Об этом титуле ср. P. Koch. Op. cit., S. 111.

[74] G. Rouillard. L'administration de l'Égypte byzantine. Paris, 2e éd., 1928, p. 48.

[75] G. Rouillard. Op. cit., 1e éd., p. 54 (=2e éd., p. 79).

[76] Тот факт, что praefectus vigilum носит у Павла в Дигестах титул vir spectabilis (Dig., I, 15.3), несомненно, объясняется интерполяцией, так как спектабилат в III в. еще не существовал.

[77] CJ, VIII, 47—48. 10—11 (an. 530); Nov. Just., 1, 3, 4, 70, 72, 73, 76.

[78] P. Koch. Op. cit., S. 2, 20.

вождает имена различных высших чиновников в некоторых текстах V в.[79] Именно в этом смысле употребляется термин λαμπρότατος еще в XI в. у Пселла [80].

Исчезновение различных магистратур, соответствовавших титулу клариссима, и передача их функций чиновнику-спектабилю ускорили упадок и в конечном счете исчезновение клариссимата. В VII в. эпитет λαμπρότατος, clarissimus, встречается последний раз [81].

Клариссимат распространялся на определенную группу должностей. П. Кох в исследовании о титулах византийских чиновников в период 400—700 гг. дал почти полный список должностей клариссимов [82]. К его наблюдениям можно добавить лишь следующее.

Дуксы, трибуны и препозиты в 386 г. были еще только клариссимами [83]. Как спектабили они фигурируют в Notitia dignitatum.

Доместики, протекторы и схоларии, достигшие децемпримата, автоматически получали титул клариссима и в таком звании принимались в сенат, освобождаясь при этом от прохождения сенаторских магистратур [84].

Примикирии доместиков и протекторов, произведенные в трибуны, получали титул спектабиля в том случае, если им присваивалось звание дукса; в остальных случаях они имели право только на клариссимат и на достоинство консуляра [85].

Примикирий схолариев получал клариссимат с достоинством комита [86].

Силенциарии были еще только клариссимами при Анастасии I [87]. Они стали спектабилями в 528 г. (CJ, III, 28.30, § 2, an. 528); впрочем, еще к 540 г. относится упоминание о силенциарии Ромуле, названном vir clarissimus [88]. Выдвинувшиеся в декурионы силенциарии уходили в отставку иллюстриями (CJ, XII, 16, 1.3, an. 415, 432).

При Анастасии I префект анноны являлся клариссимом (CJ, XII, 19.12, § 1), так же как и адъютор (CJ, XII, 19.12, § 3). Корникулярий оставался клариссимом примерно до 550 г.[89]

В 413 г. начальники канцелярий центральной администрации числились клариссимами [90]. В конце VI в. чиновники ведомств и командиры низших рангов, по-видимому, титуловались клариссимами [91].

С 396 г. скринарии получили ранг клариссимов. Законы от 14, 15 и 27 февраля 396 г. предоставили этот ранг чиновникам канцелярий memoria, libelli и epistulae, прослужившим 20 лет [92].

Магистры, бывшие клариссимами в 344 г., стали иллюстриями с 368 г. (CTh., VII, 5.30).

Comites stabuli назывались viri clarissimi (CTh., XI, 17.3). Но не исключена возможность того, что они носили титул спектабиля, так как

---

[79] Du Cange. Op. cit., s. v. λαμπρότατος.
[80] C. Sathas. Bibliotheca graeca, v. V, p. 423: λαμπρότατε κύριέ μου.
[81] P. Koch. Op. cit., p. 22.
[82] Ibid., S. 14—21.
[83] CTh., XII, 1.113 (an. 386): Admonitis VV CC ducibus, tribunis, praepositis.
[84] CTh., VI, 24.7, 8, 9, 10 (an. 414, 416, 427): Statim clarissimo nomine decorentur et inter allectos velut ex-consularibus habiti senatoria se praeditos gaudeant dignitate. . .
[85] CTh., XII, 17.2 (an. 432): Consulari, id est clarissimatus dignitate perfruantur.
[86] CJ, XII, 30.2 (ca. 474): Virorum clarissimorum comitum dignitatem.
[87] CJ, XII, 16.5 (an. 500): Jubemus clarissimorum silentiarium. . .
[88] P. Koch. Op. cit., S. 15.
[89] E. Stein. Histoire du Bas-Empire, II (1949), p. 711, n. 6.
[90] CJ, VI, 26.2, § 16 (an. 413): Dignitatem clarissimorum honoremque percipiant.
[91] E. Stein. Introduction à l' histoire et aux institutions byzantines. «Traditio», v. 7, 1949/1951, p. 144.
[92] CTh., VI, 26.7, 8; 27.10.

comes Africae, который в Кодексе Феодосия титулуется spectabilis в том же разделе кодекса назван vir clarissimus [93].

Στρατηγός — бывший первоначально перфектиссимом, стал клариссимом до 365 г. и иллюстром около 371 г.[94]

В своем исследовании о византийских титулах Антон [95] неоднократно ссылается на употребление эпитета λαμπρότατος при титуловании. Этот эпитет применялся по отношению к следующим лицам: ἀργυροπράτης меняла, в VI в., а также и позже; ἄρχων, ἡγημών после V в.; ληγάτος, πατὴρ τῆς πόλεως, ὑπατικός.

Во всех этих случаях, по-видимому, речь идет об официальном титуле, а не об эпитете вежливости.

---

[93] E. Stein. Histoire du Bas-Empire, II, p. 795—797.
[94] E. Hanton. Op. cit., p. 125.
[95] Ibid., p. 100—102.

Р. БЕНЕДИКТИ

ЭКСКУРС О ФУЛЕ У ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

(К вопросу об архаизации при этнографических описаниях в византийской литературе)

Византийские историки, по образцу своих античных предшественников, описывали жизнь и обычаи варварских племен, с которыми Византийская империя общалась в течение своей многовековой истории. Эти этнографические сообщения помогают установить исторические связи между народами; с другой стороны, этнографические отступления делают изложение исторических событий более ярким.

При написании своих сочинений византийцы находились под большим влиянием классиков античной историографии, главным образом Геродота и Фукидида. Византийские историки усердно изучали их труды и подражали им как в области языка и структуры сочинения, так и в способе изложения. Однако главной областью подражания классикам были этнографические описания.

Еще в древней греческой и римской литературе возникла традиция употреблять при описании жизни и обычаев варваров некоторые постоянно повторяющиеся точки зрения, которые позднее стали общими местами (τόποι) [1]. Они нередко оказывали влияние и на истинный исторический сюжет, основанный на непосредственных наблюдениях. В эпоху эллинизма эти общие места стали достоянием образованных слоев общества и проникли даже в поэзию. Поскольку общие места использовались образованными византийцами при описании совершенно различных варварских племен, к их сообщениям следует относиться с осторожностью и данные необходимо во всех случаях подробно исследовать [2].

Архаизация в этнографических описаниях имеет место и в историческом сочинении Прокопия Кесарийского. При описании вспомогательных отрядов варваров, входивших в состав византийского войска, или варваров-неприятелей Прокопий следовал античным образцам. По форме их этнографические сообщения можно разделить на две группы: экскурсы, т. е. довольно большие и связные отрывки, сообщающие подробные известия о жизни и нравах варварских племен, и отдельные замечания,

---

[1] Об общих местах в этнографических описаниях см. K. Trüdinger. Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie. Basel, 1918, S. 75; A. Schröder. De ethnographie antiquae locis quibusdam communibus. Halis Saxonum, 1921.

[2] Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958 [2], S. 199—200; A. Gráf. Antik hatások a korai bizánci történeti irodalom etnografiai tudósításaiban (= Античные влияния на этнографические сообщения в ранневизантийской исторической литературе). «Egy. Philol. Közl.», 57, 1933, p. 25.

т. е. короткие известия, где излагаются какие-либо важные подробности, помогающие уяснить основное содержание [3].

В труде Прокопия имеется пять этнографических экскурсов [4], которые представляют собой как по содержанию, так и по структуре независимое от исторического изложения единство, однако в то же время являются непременной составной частью всего сочинения в целом. Экскурсы отделяются от изложения предшествующих событий посредством стереотипных формул, заимствованных, за исключением немногих, из труда Геродота [5].

При описании легендарной Фулы и ее обитателей перед Прокопием открылось широкое поприще для употребления общих мест. По собственному признанию Прокопия [6], в этих отдаленных краях сам он никогда не был и не располагал о них совершенно достоверными материалами. В народе даже говорили о Фуле, как о самом далеком крае мира, о котором сложилось много легенд, возбуждавших интерес как у писателя, так и у читателя. Поэтому естественно, что в экскурсе о Фуле общие места играют бóльшую роль, чем в остальных экскурсах.

Прокопий сообщает следующее [7]: «Из всех варваров, живущих на Фуле, одно племя, которое называется скритифинами, ведет особенно звериный образ жизни. Скритифины не носят одежды, не ходят в обуви, не пьют вина, не добывают себе никакого пропитания посредством возделывания земли. Они сами не пашут земли, и женщины у них не знают никаких домашних работ, но мужчины вместе с женщинами заняты одной только охотой. Находящиеся там леса огромны, изобилуют дикими и другими животными, а равно и горы, которые поднимаются там. Скритифины питаются всегда мясом пойманных животных, а в шкуры одеваются, так как у них нет ни льна, ни приспособления, чтобы сучить нитки, но, связав звериными жилами кожи друг с другом, они таким образом закрывают все тело. И их младенцы выняньчиваются у них не так, как у остальных людей. Дети скритифинов выкармливаются не женским молоком и сосут они не материнскую грудь, но выкармливаются только мозгом пойманных животных. Как только женщина родит, она заворачивает новорожденного в шкуру животного, тотчас же привешивает ее к какому-нибудь дереву, кладет ему в рот мозг, а сама тотчас же отправляется с мужем на обычную охоту. Они все делают вместе и на это занятие охотой ходят вместе. Таков образ жизни этих варваров. Но другие жители Фулы, можно сказать все, не очень отличаются от остальных людей: они поклоняются многим богам и демонам (гениям), живущим на небе и в воздухе, на земле и в море, и некоторым другим мелким божествам, считающимся, что они находятся в водах источников и рек. Они непрерывно приносят всякие жертвы, приносят жертвы мертвым и героям. Из жертв они считают самой прекраснейшей принесение в жертву человека, который был их первым военнопленным. Они приносят его в жертву в честь Ареса, так как этого бога они почитают выше всех. Они посвящают этого пленника богу, не просто убивая его, как приносят жертву, но вешают его на столбе или бросают на спицы или умерщвляют какими-либо другими особыми способами, вызывающими жалость к его мучениям. Так

---

[3] См., например, Procop., Hist., I, 11, 35; 12, 4; II, 25, 26—28.

[4] Ibid., I, 3, 2—7 (об эфталитах); III, 2, 2—6 (о готах); VI, 14, 1—7 (об эрулах); VI, 15, 16—26 (о Фуле); VII, 14, 21—30 (об антах и склавинах).

[5] H. Braun. Die Nachahmung Herodots durch Prokop. Nürnberg, 1894, S. 6—11.

[6] Procop., Hist., VI, 15, 18.

[7] Ibid., VI, 15, 16—26. Русский текст — по переводу С. П. Кондратьева: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 211—212.

живут обитатели Фулы. Из них самым многочисленным племенем являются гавты, у которых и поселились пришедшие сюда эрулы».

Экскурс структурно делится на две части. Это структурное расчленение отвечает и его содержанию: первая часть (§ 16—22) описывает жизнь и обычаи скритифинов (Σκριθίφινοι), самого дикого племени Фулы, а в другой части (23—26) речь идет об остальных обитателях полуострова. Расчленение экскурса производится посредством стереотипного оборота (§ 23): «τούτοις μὲν οὖν δὴ τοῖς βαρβάροις τὰ ἐς τὴν δίαιταν ταύτῃ πῃ ἔχει».

Фула является единственным местом, где Прокопий не бывал и обитателей которого он лично не видел. Поэтому αὐτοψία не может быть здесь источником, источником в данном случае являются лишь устные сообщения и литературные произведения.

Устные сообщения могли быть почерпнуты Прокопием из двух источников. 1. Еще во времена первых римских императоров с Северной Европой велась оживленная торговля, о которой, между прочим, свидетельствуют найденные на берегах Вислы римские монеты [8]. Вероятнее всего, Прокопий пользовался сообщениями торговцев и слухами, ходившими в народе, об этих отдаленных пространствах и их обитателях. 2. Значительно большее значение имеют свидетельства и сообщения, почерпнутые Прокопием от эрулов, служивших в византийском войске. В состав этих диких воинов вошли и те, которые, как сообщает сам Прокопий, убежав от гепидов в древнее свое отечество, позднее возвратились из отдаленной Фулы и нанялись на службу к византийскому императору. Прокопий по своему обыкновению [9] расспрашивал их, очевидно, о местности и обитателях отдаленного и неведомого края. Те данные в труде Прокопия, которые расходятся с литературными памятниками, имеют своим источником, по всей вероятности, сообщения эрулов.

Из литературных источников, использованных Прокопием, обращает на себя внимание прежде всего труд Тацита «Германия». Известия Тацита о феннах [10] удивительно совпадают с сообщениями первой части экскурса Прокопия о скритифинах:

Тацит	Прокопий
Fennis mira feritas, foeda paupertas: vestitui pelles, victui herba	θηριώδη τινὰ βιοτὴν ἔχουσιν. τὰ δέρματα ἀμφιέννυνται... οὔτε οἶνον πίνουσιν, οὔτε τι ἐδώδιμον ἐκ τῆς γῆς φέρουσιν. οὔτε γὰρ αὐτοὶ γῆν γεωργοῦσιν.
idemque venatus viros pariter ac feminas alit; passim enim comitantur, partemque praedae petunt.	οὔτε τι αὐτοῖς αἱ γυναῖκες ἐργάζονται, ἀλλὰ ἄνδρες ἀεὶ ξὺν ταῖς γύναιξι τὴν θήραν μόνην ἐπιτηδεύουσιν.
nec aliud infantibus ferarum imbriumque suffugium, quam ut in aliquo ramorum nexu contegantur: huc redeunt iuvenes, hoc senum receptaculum	οὐ γὰρ σιτίζονται Σκριθιφίνων παιδία γυναικῶν γάλακτι, ...ἐπειδὰν οὖν γυνὴ τάχιστα τέκοι, δέρματι τὸ βρέφος ἐμβαλομένη κρεμᾷ μὲν εὐθὺς ἐπὶ δένδρου τινός.

Таким образом, известия Тацита и Прокопия сходятся как по своему содержанию, так и по последовательности сообщений.

---

[8] E. Norden. Die germanische Urgeschichte, in: Tacitus. Germania. Berlin—Leipzig, 1920, S. 448—449.

[9] Р. Бенедикти. Взятие Рима Аларихом (К вопросу об историографическом методе Прокопия Кесарийского). ВВ, XX, 1961, стр. 23—31.

[10] Tacit., Germ., 46, 3.

Однако вопрос о связи между обоими авторами все еще является спорным [11].

Подобным же образом сходны первая часть экскурса Прокопия и известия готского летописца Иордана о народе скререфенна [12]: «aliae vero ibi sunt gentes Screrefennae, quae frumentorum non queritant victum, sed carnibus ferarum atque ovis avium vivunt; ubi tanta paludibus fetura ponitur, ut et augmentum praestent generi et satietatem ad cupiem genti».

Сходство между сообщениями Прокопия и Иордана свидетельствует о том, что они заимствованы из одного и того же источника [13]. Этим источником было, вероятно, произведение Приска [14], что подтверждается не только тем обстоятельством, что оба названных автора многие свои сведения почерпнули из труда Приска и даже сохранили из него отдельные фрагменты [15], но также структурой и содержанием экскурса: первая часть, содержащая известия о скритифинах, сходится с известиями Тацита и Иордана; сведений же, имеющихся во второй части экскурса, эти авторы не знают; следовательно, описание жизни и обычаев скритифинов и у Прокопия, и у Иордана заимствовано, вероятно, из труда Приска. Остальные известия, содержащиеся в экскурсе, Прокопий почерпнул из устных сообщений.

Если принять эту гипотезу, то можно объяснить также связь между сообщениями Приска и Тацита. Приск, как придворный чиновник и ритор, должен был знать латинский язык, который в V в. являлся официальным языком в Восточной Римской империи. Сам Приск указывает на то, что он говорил по-латыни [16]. Таким образом, есть основания полагать, что Приск был знаком с трудом Тацита.

Уже при сравнении сообщений Прокопия и Тацита можно установить, что известия Прокопия о жителях Фулы основаны на традиционном материале и представляют собой общие места, ведущие свое происхождение в конечном счете от трудов древнегреческих классиков.

При характеристике жизни и обычаев обитателей Фулы основное внимание уделяется двум их чертам: дикости и невежеству, религии и жертвоприношениям. Обе эти черты были в древней литературе известными общими местами.

Описывая дикий и первобытный образ жизни скритифинов, Прокопий подчеркивает три момента, считавшиеся еще античными классиками характерными для племен, погруженных в глубину невежества и обитающих на отдаленных от Средиземноморья пространствах: 1) у них нет вина и хлеба, так как они не знакомы с земледелием; 2) женщины у них не выполняют домашних работ, но вместе со своими мужьями заняты только охотой; 3) младенцы вскармливаются не женским молоком, а мозгом зверей.

---

[11] Б. Рубин (B. Rubin. Procopios von Cäsarea. Stuttgart, 1954, col. 178) предполагает связь между этими двумя авторами в том случае, если Прокопий знал произведение сенатора Кассиодора.

[12] Jordan., Getica, ed. Th. Mommsen, cap. 21, in: MGH, AA, Bd. V, T. 1. Berlin, 1882.

[13] B. Rubin. Op. cit., col. 178.

[14] Gy. Moravcsik. De Prisci Rhetoris fragmentis. Budapest, 1924, p. 77 (рукопись).

[15] Procop., Hist., III, 3, 12—17 (ср. J. Haury. Prolegomena XIII); III, 4, 30—35 (ср. Gy. Moravcsik. A csodaszarvas mondája a bizánci iróknál. EPhK, 38, 1914, p. 333 sq.); III, 5, 22 (ср. J. Haury. Prolegomena VII); III, 6, 1—2 (ср. J. Haury. Prolegomena IX—X); III, 6, 6 (ср. J. Haury. Prolegomena VII). Об Иордане см. Th. Mommsen. Prolegomena in Jordanem, in: MGH, AA, Bd. V, T. 1.

[16] Excerpta de legationibus, ed. De Boor. Berlin, p. 145.21. Впрочем, разговор Приска с гунном свидетельствует лишь о знакомстве с вульгарным латинским языком.

Старым и очень распространенным общим местом является сообщение, что варвары занимаются только военным делом [17], презирают мирный труд и считают постыдным для себя работать [18]. Страбон, говоря о невежестве германцев, подчеркивает, что они не возделывают землю [19]; тот же автор высказывает интересную мысль, что отсутствие хлеба и вина является признаком примитивного образа жизни [20], хотя в нравственном смысле он считает эту примитивность добродетелью и трезвостью. Та же мысль встречается и в сочинении Юлия Цезаря [21]. Прокопий не связывает отсутствие хлеба и вина с добродетелями скритифинов, для него это является лишь характерным признаком дикого образа жизни этого племени. Впрочем, в другом месте у Прокопия встречается эта мысль: храбрость лазов он объясняет тем, что на родине этого племени ничто не родится [22]; мавры, живущие в большой нужде, также не знают ни вина, ни хлеба [23]. Таким образом, отсутствие хлеба и вина как признак первобытного образа жизни является общим местом античного происхождения.

При описании жизни и обычаев савроматов Геродот рассказывает [24], что амазонки, которые были замужем за молодыми скифами, склонили мужей порвать со своим племенем, так как они не хотели, подобно скифским женщинам, проводившим свою жизнь в телегах, выполнять домашние работы; поэтому женщины у савроматов вместе со своими мужьями заняты только охотой и войной. Описание Прокопием образа жизни женщин у скритифинов полностью совпадает с рассказом Геродота. Это показывает, что Прокопий мог заимствовать общее место для характеристики образа жизни скритифинов у Геродота [25].

О чрезвычайном невежестве скритифинов ярко свидетельствует сообщение о том, что они вскармливают своих детей не молоком, а мозгом зверей. Как древние греки и римляне, так и византийцы считали питание весьма характерным признаком душевного склада народов [26]. Дикость, как мы уже говорили, связывалась с питанием мясом; отсутствие хлеба и вина свидетельствовало о невежестве, а питание молоком считалось признаком кротости и правдивости нрава. Общие места подобного рода встречаются впервые у Гомера [27], рассказывающего о мифических абийцах. Гесиод относит эту характеристику к скифам [28], вследствие чего «ἱππημο-

---

[17] Herod., IV, 103 (Tauri); V, 6, 2 (Thraci); Thuk., I, 5, 1 (он послужил образцом для более поздних авторов); Caesar. Bell. Gall., V, 12,2; VI, 35, 7; Tacit., Germ., 35, 3; Amm. Marc., XXXI, 2, 21 (Alani).

[18] A. Schröder. Op. cit., S. 15—17. См. Herod., V, 6 (Thraci); II, 166; Tacit., Germ., 15; Amm. Marc., XXXI, 20, 2 (Alani).

Идеализация народов, не знающих земледелия, ведет свое происхождение от Гомера (см. жизнь киклопов — Od., IX, 108 sq.). Именно так изображает Гесиод золотой век (Erga, 116 sq.); Платон описывает Атлантиду (Kritias, 114 E sq.), Страбон — землю мусиканов (XV, 694), Плутарх — Испанию (Sertorius, 8), а Ямбул — некий легендарный остров (Diod. Sic., II, 57, 1), где земля родит без всякой обработки. Ср. A. Schröder. Op. cit., S. 41—42.

[19] Strabo, VII, 291.

[20] Ibid., VIII, 304, 11.

[21] Caesar. Bell. Gall., II, 15, 4.

[22] Procop., Hist., II, 28, 27—28; I, 12, 15—19.

[23] Ibid., IV, 6, 13. О влиянии этого места у Страбона на позднейшую византийскую литературу см. G. Kazarow. Die Gesetzgebung des Bulgarischen Fürsten Krum. BZ, 16, 1907, S. 254—257.

[24] Herod., IV, 114—116.

[25] Этот же мотив использует Посидоний при описании лигийцев. Он сообщает, что женщины у них выполняют ту же работу, что и мужчины (Diod. Sic., IV, 20, 2).

[26] A. Graf. Op. cit., p. 29—30.

[27] Hom., Il., XIII, 3—6.

[28] Hes., Erg., 189, 190.

λγός» и «δικαιότατος» стало обычным определением для скифов. Это общее место встречается также у Эсхила [29] и Пиндара [30]. Геродот, упоминая об исседонах [31], о «святых» агримпеях [32] и о гипербореях [33], говорит, что они не едят мяса; Эфор [34] заявляет, что они питаются лошадиным молоком, чем и объясняется их правдивость.

В эпоху эллинизма географические познания греков и римлян значительно расширились. Они познакомились с новыми народами и племенами, жизнь и нравы которых оставались долгое время малоизвестными. Однако под влиянием Посидония старые общие места применялись и к новым племенам, например к мизийцам [35] и бриттам [36]. Идеализация варваров стала в Риме средством критики ошибок и недостатков общества [37]. В период Римской империи это общее место применялось при описании германцев, пресловутых победителей римских легионов [38].

Как мы уже видели, во всей историко-этнографической литературе от Гомера до римлян важным положением было общее место, что правдивость и добродетельность тесно связаны с питанием молоком. Поскольку питание мясом характерно для диких и жестоких племен, наиболее глубокую степень невежества характеризовало то, что даже младенцы не выкармливались молоком, как это было с воспитанным кентавром Хироном младенцем — Ахиллом, который питался внутренностями львов и мозгом медведей и поэтому стал великим героем [39]. Итак, характеризуя чрезвычайную дикость и невежество скритифинов, выражающиеся в том, что они не знают хлеба и вина и даже младенцы у них выкармливаются мозгом зверей, Прокопий применяет здесь древнее общее место.

В его описании религии и жертвоприношений жителей Фулы также заметно влияние античного предания. Если общая характеристика (они поклоняются многим богам и демонам, живущим на небе и в воздухе, на земле и в водах источников, рек и моря) является типичным общим местом, то в описании человеческих жертв в честь Ареса видно влияние Геродота. Прокопий пишет (§ 24): «θύουσι δὲ ἐνδελεχέστατα ἱερεῖα πάντα καὶ ἐναγίζουσι, τῶν δὲ ἱερείων σφισὶν τὸ κάλλιστον ἄνθρωπός ἐστιν, ὅνπερ δορυάλωτον ποιήσαιντο πρῶτον. τοῦτον γὰρ τῷ Ἄρει θύουσιν, ἐπεὶ θεὸν αὐτὸν νομίζουσιν μέγιστον εἶναι». В этом рассказе содержатся два положения: 1) они почитают Ареса превыше всех богов; 2) ему приносят в жертву людей. Если мы сравним это с описанием религии скифов у Геродота, то увидим, что тот говорит о предпочтении Ареса другим богам и о человеческих жертвоприношениях в его честь. Геродот пишет (IV, 62): «τούτῳ δὲ τῷ ἀκινάκεϊ θυσίας ἐπετέους προσάγουσι προβάτων καὶ ἵππων, καὶ δὲ καὶ τοισίδ' ἔτι πλέω θύουσι ἢ τοῖσι ἄλλοισι θεοῖσι. ὅσους ἂν τῶν πολεμίων ζωγρήσωσι, ἀπὸ τῶν ἑκατὸν ἀνδρῶν ἄνδρα ἕνα θύουσι...». Тождественный способ выражения у обоих авторов доказывает, что, описывая поклонение жителей Фулы Аресу, Прокопий следовал образцу Геродота.

---

[29] Aisch., Eum., 703 sq.
[30] Pynd., Olymp., 3. 14; Pyth., 10, 33—46.
[31] Herod., IV, 26.
[32] Ibid., IV, 23.
[33] Ibid., IV, 32—35.
[34] См. Strabo, VII, 302 sq.
[35] Strabo, VII, 296.
[36] Diod. Sic., V, 21.
[37] Ср. Hor., Carm., III, 24; Verg., Georg., III, 367; Justinus, II, 2.
[38] Об идеализации северных варваров см. A. Riese. Die Idealisierung der Naturvölker des Nordens in der griechischen und römischen Literatur. Frankfurt am Main, 1875, S. 7—31.
[39] Apollodoros, III, 13,6.

Итак, можно считать доказанным, что сообщения Прокопия о жителях Фулы сформулированы в виде общих мест античного происхождения. Однако подробное исследование этих сообщений должно показать, что под формой общих мест скрыт истинный исторический материал.

Несмотря на то, что идентификация Фулы до сих пор представляет спорный вопрос [40], в самом тексте труда Прокопия имеются данные, которые могут служить отправной точкой для исследования. Этими данными являются, во-первых, названия двух народов, этимологию которых можно установить, хотя их точная идентификация остается нерешенной.

Этимология имени скритифинов основывается на трех формах, сообщаемых 1) Прокопием (указ. место) — Σκριθίφινοι, 2) Иорданом (указ. место) — Screrefennae и 3) Павлом Диаконом (Hist. Langobardorum, I, 5) — Scritobini (вариант: ~ vini, ~ fini). Основной формой этих трех имен служит форма Scridi-finni, хотя германский эквивалент глагола «бежать» (*scrīđi ~ scrīđa) не передается (ср. все же англосакс. Scridefinnas) [41]. Следовательно, у имени «Σκριθίφινοι» германская этимология. Толкование же этого имени вызвало спор. К. Цейс на основе текста Сакса Грамматика толковал это имя как «ползающие финны» [42]; К. Мюлленгоф на основе текста Павла Диакона (см. указ. место) — как «финны, бегающие на лыжах» [43]. М. Шенфельд отвергает оба эти толкования [44], но в последние годы М. Жираи и Э. Шварц считают более убедительной точку зрения К. Мюлленгофа и толкуют глагол scrīđa как «бегать на лыжах» [45]. Идентификация самого племени также является спорной, хотя оно обычно считается финским племенем [46] и отождествляется с лапландцами, названными германцами германским именем [47].

Другое имя — Γαυτοί — также имеет германскую этимологию. Южное племя шведов именовалось gautar (ныне — götar); в нижнемецком языке это имя приняло форму gothen, следовательно, название gautar отражает состояние, предшествующее переходу звука au > o. По своему происхождению этот народ является северогерманским [48]. Этимология двух племенных названий доказывает во всяком случае, что два племени, о которых идет речь у Прокопия, не являются ученым вымыслом.

Что касается описания образа жизни обитателей Фулы, то, с одной стороны, данные, сообщаемые источниками, очень скудны и неполны,

---

[40] G. Macdonald. Thule. RE, II. Reihe, Hb. XI, col. 627—630. Фула — самое северное место, которого достигал легендарный Пифей; и позднее она считалась краем мира. Точно определить ее местоположение невозможно; можно лишь предположить, что она находилась в одной из трех областей, а именно — в Исландии (главным образом в средние века), Южной Норвегии или в каком-либо другом месте Скандинавии.

[41] M. Schönfeld. Scridifinni. RE, II. Reihe, Hb. III, col. 893.

[42] K. Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837, S. 684 (на основе Saxo Grammaticus. Praefatio, p. 8).

[43] K. Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde, II. Berlin, 1887, S. 44, Anm. 1; S. 53.

[44] M. Schönfeld. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg, 1911, S. 275 f., s. v. Fenni.

[45] M. Zsiray. Finnugor rokonságunk (Наши финноугорские родственники). Budapest, 1937, p. 280; E. Schwarz. Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1955, S. 206.

[46] Ihm. Fenni, in: RE, VI, col. 2186; Wiklund. Finno-Ugrier, in: M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, III. Berlin, 1925, S. 368.

[47] M. Zsiray. Op. cit., p. 281—282; название finn происходит от слова fëпр («бродячий», «странствующий», «номадный»), выведенного из корня *pent = gehen, Pfad; первоначально оно обозначало только лапландцев, а позднее распространилось на всех жителей Финляндии.

[48] R. Much. Deutsche Stammeskunde. Leipzig, 1905, S. 137; E. Schwarz. Op. cit., S. 85.

а с другой стороны, необходимо обратиться к источникам, независимым от античных преданий и сочинений классиков античной литературы, а именно — к трудам арабских писателей, которых очень интересовала легендарная Thule, Thulija, как самое отдаленное пространство дальнего Севера, и которые единодушно подчеркивали невежество ее обитателей [49]. Сравнение этих трудов с сочинением Прокопия показывает, что его сообщения о первобытном образе жизни фулитов не лишены достоверности: общие и скудные известия, почерпнутые им от торговцев и возвратившихся эрулов, он дополнил общими местами античного происхождения и в своем описании использовал слова и выражения Геродота.

В описании Прокопием религии и жертвоприношений фулитов, по форме являющемся общим местом, также содержится подлинная историческая канва. Поклонение многим богам и демонам свидетельствует об анимизме, свойственном религии германцев, которые считали, что у всех явлений природы имеются свои духи-покровители. Среди германцев было распространено поклонение великанам (Riese) и карликам (Zwerge), считавшимся духами гор и лесов. Они поклонялись также русалкам (Nixen или Necken < индогерм. * nig — «мыть», «купаться») — женским духам рек и ручьев; — морским духам, изображавшимся в виде женщин с рыбьим хвостом (Meerweiber, Meerfrauen); — подземным духам (Wichten, швед. Vaetter) [50].

О человеческих жертвоприношениях в честь бога войны у германцев свидетельствует целый ряд достоверных греческих и латинских источников [51]; в древней литературе северных народов сохранились воспоминания о культовых жертвоприношениях вождей племен. Человеческие жертвоприношения были обычной частью богослужения у германцев [52]. Имя бога войны, Ἄρης, является интерпретацией в греческих источниках германского божества (interpretatio Graeca). Хотя интерпретации бога войны в древней литературе встречаются редко [53], однако в двух ex voto надписей засвидетельствован бог, идентифицируемый с Марсом и Аресом: 1) Mars Halamarđ [us] (см. Dessau, II, 456 i). Более подробных сведений об этом боге не имеется. Слово Halamarđ имеет германскую этимологию: ala = all, ganz + древнегерм. mortha = Mord означает Männermordende, «умерщвляющий муж»; 2) Mars Thingsus (см. Dessau, II, 4760). Слово Thingsus < þing означает Dingversammlung, «вече», следовательно, он является богом веча. Толкования имени различны: некоторые исследователи считают его богом, дающим власть над вечем, другие — богом военной дружины. Между тем эти толкования взаимосвязаны: для римлян Thingsus был только богом войны, а у германцев он являлся богом войны и права в одном лице, так как для них война представляла собой не только кровавую расправу, но главным образом вынесенное по определенным правилам решение спорного вопроса между двумя сторо-

---

[49] B. Rubin. Op. cit., col. 182. Ср. А. Я. Гаркави. Θуле (Thule) в арабской литературе. СПб., 1873, стр. 5: «...Сказал Аль-Кинди: в конце обитаемой земли, на севере, находится великое море над северным полюсом. Вблизи его есть город под именем *Тулия*, за которым нет уже людских обиталищ. Его жители — несчастнейшие твари божии, и к ним не приближается ни одно судно».

[50] Jan de Vries. Altgermanische Religionsgeschichte, Bd. I. Berlin, 1956², S. 241—263.

[51] Strabo, VII, 294 (Kimbroi); Tacit., Annales, I, 61; XIII, 57 (Hermunduri); Orosius, V, 16 (Cimbri); VII, 37 (Radagais); Vita B. Antonii (in: Clemen, III, 20); Vita Wulframi (in: Clemen, III, 52); Jordan., Getica, V, 41. О человеческой жертве, принесенной в честь Меркурия см. Tacit., Germ., 9; о богине Nerthus см. ibid., 40.

[52] Jan de Vries. Op. cit., Bd. I. Berlin—Leipzig, 1935, S. 251—252.

[53] Тацит (Tacit., Hist., XIII, 5; Germ., 9) упоминает о Марсе и Меркурии как богах войны; ср. Jordan., Getica, V, 41 — о поклонении Марсу у готов.

нами, в котором третейским судьей выступал сам бог [54]. О таком понимании свидетельствует также тот факт, что саксы подвергли наказанию каждого десятого военнопленного [55], а франки и кимвры утопили в реке в качестве жертвы военнопленных и всю взятую ими добычу [56]. Бог Меркурий также играл роль в войне [57]. О том, что германцы почитали бога войны выше других богов, свидетельствуют Тацит [58] и Иордан [59].

Что касается греческой интерпретации бога войны, то общим правилом у византийцев было использование вместо варварских слов имен и выражений чисто греческих или вошедших в греческий язык слов [60].

Таким образом, нам удалось доказать, что сообщения Прокопия о жизни и обычаях фулитов, несмотря на то, что они сформулированы в виде общих мест, содержат истинный исторический сюжет; общие места использовались византийцем, получившим классическое образование, лишь как способ выражения. Он облекал свои неполные известия и скудные данные в слова, выражения и общие места, заимствованные у Геродота и других классиков античной историографии. Отсюда следует, что античное предание представляет у Прокопия только внешнюю форму, но не затрагивает исторической достоверности сообщений [61].

Этот вывод представляется нам важным с двух точек зрения: во-первых, этнографические известия византийцев о различных варварских племенах, будучи достоверными, в значительной мере дополняют наши знания по ранней истории некоторых современных европейских народов; во-вторых, они помогают нам подробнее выяснить внутреннюю структуру византийских литературных произведений и те приемы, которые использовали византийские авторы при их написании.

---

[54] Jan de Vries. Op. cit., S. 170—175.
[55] Sid. Apoll., VIII, 6.
[56] Procop., Hist., VI, 25. 9—10; Orosius, V, 16.
[57] Mercurius Channo (CIL, XIII, № 7781): Channo происходит от *hen, *han, что означает töten, «убивать»; следовательно, он являлся богом смерти. Mercurius Leudisio (CIL, XIII, № 7859): Leudisio происходит от leudisjan и означает herrschen, «царствовать». См. Jan de Vries. Op. cit., S. 158—169.
[58] Tacit., Hist., IV, 64.
[59] Jordan., Getica, V, 41.
[60] Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, II. Berlin, 1958 [2], S. 7 f.
[61] J. Haury. Zur Beurteilung des Geschichtsschreibers Prokopios von Cäsarea. München, 1896, S. 1—27; G. Soyter. Procopius von Caesarea. BZ, 44, 1951, S. 541; Р. Бенедикти. Указ. соч.

А. П. КАЖДАН

ДВА НОВЫХ ВИЗАНТИЙСКИХ ПАМЯТНИКА XII СТОЛЕТИЯ

1. ПРОДРОМ И ЕГО СТИХИ НА РОЖДЕНИЕ АЛЕКСЕЯ КОМНИНА

В греческом рукописном сборнике Государственного исторического музея № 458/437 (XV в.) содержатся среди других памятников политические стихи Продрома на рождение Алексея, сына севастократора Андроника [1]; эти стихи не изданы — лишь С. Д. Пападимитриу опубликовал из них 10 строк (1, 46—49, 61—65) [2].

Феодор Продром — один из крупнейших византийских поэтов, и тем не менее значительная часть его произведений до сих пор остается в рукописях, основные моменты его биографии по-прежнему не выяснены, круг принадлежащих ему сочинений определен недостаточно четко. Поэтому представляется нелишним предпослать изданию нового продромовского стихотворения несколько вводных замечаний о нашем авторе.

Среди продромовских сочинений выделяют обычно четыре группы: собственно продромовские произведения, стихотворения из рукописи Библиотеки св. Марка в Венеции — Marc. XI, 22, стихотворения на народном языке и некоторые стихотворения из кодекса Флорентийской библиотеки Медичи Laur. Acquisti e doni 341, которые были отнесены издателем к творчеству ученика Продрома Никиты Евгениана. Остановимся прежде всего на трех последних группах.

Стихотворения из Marc. XI, 22, действительно сходные с продромовскими произведениями, давно уже были приписаны нашему поэту; их нередко продолжают включать в число продромовских и в настоящее время [3]. Однако подобному отождествлению препятствуют три немаловажных обстоятельства.

1. Уже К. Нейман обратил внимание на то, что в одном из стихотворений венецианского сборника говорится о «знаменитом риторе» Продроме как о мертвом, находящемся среди мертвецов (θανὼν παρὰ νεκρῶν κευθμῶνι) [4]; однако считая авторство Продрома бесспорным, Нейман по сути дела пренебрег этим свидетельством, заявив, что не видит «вы-

[1] Архим. Владимир. Систематическое описание рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. М., 1894, стр. 666.

[2] С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром. Одесса, 1905, стр. 383—385.

[3] Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958, S. 522 f. (с рядом оговорок). Ср. также P. Lamma. Comneni e Staufer, vol. II. Roma, 1957, p. 23 sg. P. Rassow. Zum byzantinisch-normannischen Krieg 1147—1149. «Mitteilungen des Instituts für österr. Geschichtsforschung», LXII, 1954, S. 215.

[4] С. Д. Пападимитриу. Феодора Птохопродрома Манганские стихотворения. «Летопись ист.-филол. общ. при Новоросс. ун-те», VII, 1899, стр. 11. 27—32.

хода из лабиринта» [5]. Напротив, согласно Пападимитриу, приведенные слова свидетельствовали о невозможности приписать Продрому стихи из Marc. XI, 22 [6]. Казалось бы, это действительно так, однако остроумные соображения С. Шестакова поставили под сомнение гипотезу Пападимитриу. Шестаков предположил, что поэт употребил слово πρόδρομος в нарицательном значении, говоря о своем не названном по имени предшественнике, и что этим предшественником был Михаил Италик [7].

2. Хотя биографические данные о Продроме и об авторе «венецианских» стихотворений кое в чем сходны, однако многое в их жизни казалось различным; особенно существенным являлось различие в годах смерти: если Продром, по мнению Пападимитриу и Э. Курца (см. ниже, стр. 61), умер около 1153 г., то в венецианском сборнике были описаны события вплоть до 1166 г. Однако и этот аргумент оказывается не бесспорным: как мы увидим далее, и среди продромовских вещей встречаются написанные во второй половине 60-х годов. Впрочем, известное несходство биографий обоих авторов остается непреодоленным и поныне.

3. Стихи венецианской рукописи являются анонимными: лишь в одном месте, на л. 71, в середине сборника, упоминается имя Продрома; эту пометку Курц не считает достоверной [8]. Таким образом, в настоящее время трудно отвергнуть возможность авторства Продрома с той оптимистической уверенностью, с какой это делали Пападимитриу и Курц; и все же возражения против отождествления обоих поэтов столь серьезны, что осторожнее было бы рассматривать венецианский кодекс как принадлежащий особому автору (Пападимитриу называл его манганским Продромом, поскольку автор этих стихов жил в Манганах [9]; А. И. Пападопуло-Керамевс предполагал в нем Никиту Евгениана [10]; Э. Курц говорит об анониме [11], В. Лоран — о Псевдо-Продроме [12]).

Из четырех продромовских стихотворений на народном языке, изданных Э. Миллером и Э. Леграном [13], два были написаны в правление Иоанна II, два же относятся к более позднему времени: они обращены к Мануилу I. Эти последние стихотворения, по мнению Г. Хаджидакиса и Пападимитриу [14], не могли принадлежать Феодору Продрому: их автор был в правление Мануила еще молодым монахом, что никак не подходит к нашему поэту; в одном из «народных» стихотворений упоминаются события 70-х годов XII в., когда Феодор Продром, по общему мнению, уже умер; наконец, в некоторых рукописях авторство прямо приписывалось не Феодору, а Илариону Продрому.

---

[5] C. Neumann. Griechische Geschichtsschreiber und Geschichtsquellen im XII. Jhdt. Leipzig, 1888, S. 46 f.

[6] С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 21 сл.

[7] С. Шестаков. ВВ, XIII, 1906, стр. 420 сл.

[8] E. Kurtz. BZ, 13, 1904, S. 227.

[9] С. Пападимитриу. Ὁ Πρόδρομος τοῦ Μαρκιανοῦ κώδικος. ВВ, X, 1903, стр. 149 сл.; ср. его же. Феодор Продром, стр. 37 сл.

[10] А. И. Пападопуло-Керамевс. Εἷς καὶ μόνος Θεόδωρος Πρόδρομος. «Летопись ист.-филол. общ. при Новоросс. ун-те», VII, 1899, стр. 396.

[11] E. Kurtz. BZ, 13, 1904, S. 227; ср. E. Kurtz. BZ, 10, 1901, S. 245 f.

[12] V. Laurent. Les lieux impurs de l'Hirondelle. «Studi bizantini e neoellenici», 9, 1957, p. 264 sq. Ср. H. Grégoire, M. Mathieu. Allusions bibliques dans un poème historique du temps de Manuel Comnène. «Acad. de Belgique. Bull. de la classe des lettres», 5e sér., t. XL, 1954, p. 291 sq.: авторы берут имя Продрома в кавычки.

[13] E. Miller, E. Legrand. Poëmes vulgaires de Théodore Prodrome. «Revue archéologique», 28—29, 1874—1875; E. Legrand. Bibliothèque grecque vulgaire, v. I. Paris, 1880, p. 38—124.

[14] Γ. Η. Χαδζιδακις. Περὶ τῶν Προδρόμων Θεοδώρου καὶ Ἰλαρίωνος. ВВ, IV, 1897, стр. 101 сл.; С. Д. Пападимитриу. Οἱ Πρόδρομοι. ВВ, V, 1898, стр. 91 сл.; ср. его же. Феодор Продром, стр. 44 сл.

Критическое издание народных продромовских стихотворений Д. Хесселингом и Ю. Перно заставило скептически отнестись к гипотезе Хаджидакиса — Пападимитриу; оказалось, что имя Илариона встречается далеко не во всех рукописях и, видимо, является вставкой; вставкой также оказалось и то место, где речь шла о событиях 70-х годов [15]. Однако Хесселинг и Перно, отметив сходство народных продромовских стихотворений с бесспорными сочинениями Феодора Продрома, тем не менее склонны были сомневаться в аутентичности не только двух из них, но и всех четырех, считая, что стиль этих памятников не подходит человеку ученому и знатному (d'une naissance relevée), каким был Продром [16].

Впрочем, сомнения Хесселинга и Перно зиждятся на очень непрочных основаниях: рукописная традиция упорно приписывает эти стихи Феодору Продрому; помимо изученных ими четырех стихотворений, известны и другие продромовские произведения на народном языке: семь маленьких изящных стихотворений было издано Леграном [17]; позднее А. Маюри опубликовал стихи на народном языке, не только в лемме, но и в тексте прямо отнесенные к Продрому [18]. Поэтому естественнее было бы предположить, что изображение себя необразованным (ἀγράμματος) монахом, находящимся на побегушках у игуменов (в одном из народных стихотворений), или жалким мужем под каблуком у своей жены (в другом) — это не биографические свидетельства, а литературная позиция, сознательное «опрощение», снижение образа. Недаром сразу же после слов о своей «необразованности» Продром пишет, что предмет его стихов — не древние мифы, а простые, ясные и понятные всем вещи, встречающиеся в обыденной жизни, о которых он заговорил первым (πρῶτος ἐγὼ σοὶ γράφω) [19]. Поэтому вполне вероятно, что образ молодого монаха, которому столь большое значение придавал Пападимитриу в своих построениях, является литературной фикцией.

Вопрос об атрибуции стихов из Laur. Acquisti e doni 341 возник сравнительно недавно. На этот кодекс обратил внимание К. Галлавотти, отметивший, что рукопись содержит ряд до сих пор неизвестных продромовских стихотворений [20]. Вместе с тем Галлавотти показал, что леммы

---

[15] D. C. Hesseling, H. Pernot. Poèmes Prodromiques en grec vulgaire. «Verhandelingen der K. Akademie van Wetenschappen te Amsterdam». Afd. Letterkunde, N. R., XI, № 1, 1910, p. 17 sq. Против гипотезы Хаджидакиса — Пападимитриу выступали уже до Хесселинга и Перно Пападопуло-Керамевс (указ. соч., стр. 385 сл.), Курц (BZ, 16, 1907, S. 290) и С. Шестаков (ВВ, XIII, 1906, стр. 423 сл.).

[16] D. C. Hesseling, H. Pernot. Op. cit., p. 20 sq.

[17] E. Legrand. Poésies inédites de Théodore Prodrome publiées d'après la copie d'Alphonse l'Athénien. REG, 4, 1891, № 13, p. 72 sq.

[18] A. Maiuri. Una nuova poesia di Teodoro Prodromo in greco volgare. BZ, 23, 1914—1919 (1920).

[19] D. C. Hesseling, H. Pernot. Op. cit., p. 49. 23—27; ср. С. Шестаков. ВВ, XIII, 1906, стр. 423.

[20] C. Gallavotti. Novi Laurentiani codicis analecta. «Studi biz. e neoellenici», 4, 1935; idem. Laurentiani codicis altera analecta. «Atti della Acc. dei Lincei», 346, ser. VIII. Rendiconti. Cl. di sc. morali, IV, 1949.

От Галлавотти ускользнуло, что ряд стихотворений уже давно известен по другим спискам. Так, стихи к императору по случаю ристаний (C. Gallavotti. Laurentiani codicis..., p. 356 sq.) изданы Пападимитриу («Феодор Продром», стр. 374 сл.) по неаполитанской рукописи (Neapol. II Δ 4), где лемма прямо указывает имя императора (Иоанн II), а текст позволяет исправить бессмысленное чтение стк. 12: πέσει τις (надо: πηρωθῇ). В той же неаполитанской рукописи содержатся стихи логофету Стефану Мелиту (стк. 18—28 изданы Пападимитриу. — Там же, стр. 178, прим. 121) и на гробницу Иоанна II (последнее стихотворение имеется также и в Cod. Palat. 43. — Там же, стр. 362); в бодлейанской рукописи (Thomae Roe XVIII) имеются оба стихотворения на смерть Георгия Вотаниата, фрагменты из которых изданы Пападимитриу (там же, стр. 355 сл., 359 сл.) [во втором стихотворении стк. 10 следует читать Δουκὸς ... Καισαρεχγόνου — следовательно, в стихах нет речи о figlia di un gover-

в рукописи недостаточно четки и явные произведения Продрома перемежаются сочинениями на смерть Продрома, принадлежащими Никите Евгениану. Ряд стихов в этом сборнике содержал намеки на события второй половины 50-х годов, когда Феодора Продрома, согласно традиционным представлениям, уже не было в живых: две эпитафии на смерть Михаила Палеолога [21], которая приходится на 1156/7 г. [22], и стихи на смерть какого-то полководца, упоминающие победу у Филадельфии (согласно Галлавотти, в 1157 г.) [23]. Галлавотти высказывает предположение, что автором этих стихов следует считать Никиту Евгениана [24].

Трудность, однако, заключается в том, что и в других сборниках сохранились продромовские стихотворения, относящиеся к позднему времени. Л. Стернбах издал ряд стихотворений, посвященных Алексею Кондостефану, племяннику Мануила I [25], в том числе стихи на кончину Алексея Кондостефана [26], однако Алексей Кондостефан был жив еще в 1166 г.; А. Грегуар склоняется даже к тому, чтобы датировать смерть Алексея 1176 г. [27], но предложенная им датировка весьма гипотетична.

Было бы, пожалуй, слишком смело отвергать достоверность рукописной традиции также и в этом случае, приписывая стихи о Кондостефанах, *сохранившиеся в разных сборниках*, какому-то другому автору.

Но если мы признаем в Продроме автора стихов на смерть Михаила Палеолога и особенно на смерть Алексея Кондостефана, традиционная дата его собственной кончины должна быть пересмотрена.

Эта традиционная дата (1153 г.) основывается исключительно на стихах Псевдо-Продрома, в весьма неопределенной форме упоминающих о Продроме как о мертвом; при этом Продром уговаривает автора вступить в монастырь [28]. Помимо возможности вместе с Шестаковым (см. выше, стр. 59, прим. 7) отнести эти слова не к Феодору Продрому, а к другому лицу, не вовсе исключается и переносное их толкование: Продром умер для мира, т. е. постригся. К тому же и датировать это стихотворение удается лишь с помощью сложной цепи рассуждений и отождествлений [29]. Поэтому вряд ли основанная на нем датировка может считаться более убедительной, нежели основанная на серии продромовских стихотворений.

---

natore (dux), как писал Галлавотти (C. Gallavotti. Laurentiani codicis..., p. 354); Δούκας Καισαρέλγονος — это внук кесаря Иоанна Дуки или, скорее, Никифора Вриенния, чьи потомки называли себя Дуками]; наконец, в Cod. Paris. 2831 сохранено одно из стихотворений на смерть Стефана Кондостефана (см. С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 362). О письмах Продрома логофету Мелиту см. J. Scharf. Neues zu Prodromos. «Zeitschrift der Deutschen Morgenl. Ges.». 111, 1961, S. 392.

[21] C. Gallavotti. Laurentiani codicis..., p. 361 sq.

[22] F. Chalandon. Les Comnène, v. II. Paris, 1912, p. 362 sq.

[23] C. Gallavotti. Laurentiani codicis..., p. 364. 75—81. Филадельфия была центром византийских операций (не очень успешных) против турок в 1160 г. (см. F. Chalandon. Les Comnène, v. II, p. 459 sq.).

[24] C. Gallavotti. Novi Laurentiani codicis..., p. 219 sq.

[25] Одно из них, прославляющее меч Алексея Кондостефана (L. Sternbach. Spicilegium Prodromeum. «Rozprawy Akademii umiejętności». Wydz. filol., ser., II, t. 24. Krakow, 1904, p. 345 sq.), издавалось уже в XVII в. (см. С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 348).

[26] L. Sternbach. Spicilegium Prodromeum, p. 349—360. См. комментарий — ibid., p. 346.

[27] См. о нем K. Krumbacher. Michael Glykas. SBAW, 1894, H. 3, S. 435 f.; H. Grégoire. Notes épigraphiques. «Revue de l'instruction publique en Belgique», 52, 1909, № 3, p. 158.

[28] С. Д. Пападимитриу. Феодора Птохопродрома Манганские стихотворения, стр. 11. 40.

[29] С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 217 сл.

Не менее сложен и вопрос о времени рождения Феодора Продрома: Пападимитриу отнес это событие примерно к 70-м годам XI в.[30] Курц — приблизительно к 1096 г. [31]; Д. Моравчик вообще не указывает никакой даты. Попробуем свести воедино относящиеся сюда данные.

Наиболее ранние сочинения Продрома, которые могут быть более или менее точно датированы, это эпиталамии на свадьбу Алексея, сына Никифора Форвина; в одном из них упоминается, что на свадьбе присутствуют «деды» и дяди жениха — императоры, бабка — императрица Ирина, отец — паниперсеваст [32]. Паниперсеваст Никифор Форвин был женат на Марии, дочери Алексея I, и, следовательно, дед жениха — это император Алексей [33]. Значит, свадьба состоялась до 1118 г., когда Алексей I умер; но она не могла состояться задолго до 1118, так как Мария Комнина, мать жениха, родилась в 1085 г. и в 1118 г. ей было всего 33 года, а ее сын назван в одном из эпиталамиев стратиотом [34].

Следующее датируемое стихотворение Продрома — эпиталамий сыновьям кесаря Никифора Вриенния — относится к 1118 г. или к чуть более позднему времени [35].

Правда, Пападимитриу рассматривает большую группу сочинений Продрома как более раннюю. Однако все эти памятники датированы им не по внешним, независимым фактам, а в соответствии с заранее установленной, априорной биографической канвой Продрома или же на основании очень туманных отождествлений. Сюда относятся следующие произведения:

1. Диалог «Ксенедим», который датирован по отождествлению героев диалога: Ксенедима с Продромом, Феокла с Пселлом, а Эрмагора с Феодором Смирнским [36]. Беспочвенность этих идентификаций была хорошо показана Курцем [37]: в частности, отождествление Феокла с Пселлом основано на том, что Феокл заикался — однако подобный недостáток речи был свойствен не только Пселлу, но и самому Продрому [38].

2. Комментарии к канонам Козьмы и Иоанна Дамаскина, написанные, судя по некоторым рукописям, по побуждению Константина Никомидийского [39]; в последнем Пападимитриу видит Пселла и соответ-

---

[30] С. Д. Пападимитриу. Иоанн II, митрополит Киевский, и Феодор Продром. «Летопись ист.-филол. общ. при Новоросс. ун-те», X, 1902, стр. 25; ср. его же. Феодор Продром, стр. 96 сл., 442 сл.

[31] G. E. Kurtz. Unedierte Texte aus der Zeit des Kaisers Johannes Komnenos. BZ, 16, 1907, S. 69; ср. idem. BZ, 13, 1904, S. 535 f.; BZ, 16, 1907, S. 290 f.

[32] Стихи содержатся в ватиканской рукописи (Vatic. 305), а также в парижской (Paris. Suppl. 501 — см. E. Miller. Poëmes astronomiques de Théodore Prodrome et de Jean Camatère. «Notices et extraits des mss de la Bibl. Nat.», XXIII, 2, 1872, p. 4 sq.). Фрагменты по Vatic. 305 издал С. Д. Пападимитриу («Феодор Продром», стр. 387).

[33] Впрочем, титул «императоры» (βασιλεῖς) прилагался и к ближайшим родственникам императора (ср. издаваемые ниже стихи, стк. 105; ср. стк. 52) — недаром в эпиталамии идет о них речь во множественном числе. Отмечу также, что Ирина названа по имени, а император Алексей нет.

[34] См. С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 381.

[35] С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 261 сл. Согласно Э. Курцу [«Евстафия Фессалоникийского и Константина Манасси монодии на кончину Никифора Комнина». ВВ, XVII, 1910 (1911), стр. 283], примерно к 1122 г.

[36] С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 110 сл., 245.

[37] E. Kurtz. BZ, 16, 1907, S. 291 f.

[38] PG, t. 133, col. 1297 B — 1298 A.

[39] О надписании к комментарию см. G. Mercati. Orphanotrophios. BZ, 23, 1914—1919 (1920), S. 132. В пергаменной рукописи ГИМ 210/311, датируемой XIII в. (архим. Владимир. Систематическое описание..., стр. 426), к сожалению, отсутствует имя лица, побудившего Продрома к написанию комментария, назван только его титул — орфанотроф (л. 2 об.). Зато на л. 2 имеется любопытная помета: эта книга, принадлежавшая Гавриилу Монотропу, была подарена им «во искупление прежних

ственно относит каноны ко времени его жизни [40], т. е. до конца XI в. [41]

Однако и эта комбинация произвольна: Пселла, правда, иногда отождествляют с Михаилом Никомидийским, умершим в 1079 г. [42], но до этого времени комментарии Продрома никак не могли быть написаны, даже если бы он и родился в 1070 г.; что же касается Константина Никомидийского, поименованного в надписании труда Продрома, то не следует ли его считать тем митрополитом никомидийским, приятелем нашего поэта, которого он упоминает в 9-м послании Алексею Аристину [43]; а это послание сам Пападимитриу относит к царствованию Иоанна II [44], когда Пселлу исполнилось бы уже свыше ста лет.

3. Письма Лизику и Феодору, которые Пападимитриу «с уверенностью» датирует временем около 1090 г., полагая, что они написаны сразу же после окончания Продромом курса обучения [45]. Но эта датировка основывается на той дате рождения Продрома, которая сама является искомой величиной.

4. Ряд произведений, датировка которых зависит от определения времени бунта, упомянутого в монодии трапезундскому митрополиту Стефану Скилицы. По мнению Пападимитриу, речь идет о бунте Григория Таронита, подавление которого (и соответственно отъезд Скилицы в Трапезунд) он относит к 1106 г. [46], тогда как в действительности в монодии рассказывается о мятеже Константина Гавры, подавленном около 1140 г. [47] В соответствии с этим оказывается ошибочной датировка прощальных стихов Продрома (согласно Пападимитриу, до сентября 1105 г., когда Продром собирался со Скилицей ехать в Трапезунд [48]); письма митрополиту трапезундскому, отнесенного к 1107 г., когда Скилица уже прибыл в свою епархию [49]; ямбов против Вариса, которые, по мысли Пападимитриу [50], предшествовали этому письму (произвольно и отождествление Вариса с Михаилом Варисом, участником собора по делу Льва Халкидонского около 1092 г.) [51].

5. Три произведения, адресованные монаху Иоанникию, которые Пападимитриу относит к тому же времени (около 1105—1107 гг.), отождествляя адресата их с монахом Иоанникием, сопровождавшим Алексея

грехов» Манганскому монастырю св. Георгия [τῇ σεβασμίᾳ μονῇ Μαγγάνων μάρτυρος (Владимир ошибочно: μεγαλομάρτυρος) Γεωργίου]. Это тот монастырь, в котором провел последние годы жизни Псевдо-Продром.

[40] С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 237.

[41] Дата смерти Пселла (родился в 1018 г.) — спорна: скорее всего, он умер около 1096/7 г. (Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 437).

[42] Michaelis Attaliotae Historia. Bonnae, 1853, p. 296. 20. См. J. Seger. Byzantinische Historiker des X. und XI. Jhdts. München, 1888, S. 37, A. 6. И. Зегер подчеркивает, что в других источниках никаких известий о никомидийском происхождении Пселла нет. Отождествление Зегера произвольно и противоречит принятой ныне датировке смерти Пселла (см. выше, прим. 41).

[43] PG, t. 133, col. 1280 B. Митрополит Контантин Никомидийский (тот или иной?) участвовал в соборе около 1092 г. (PG, t. 127, col. 973 B. О дате см. V. Grumel. Les regestes des actes du patriarcat de Constantinople, f. 3, 1947, № 967).

[44] С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 291.

[45] Там же, стр. 301 сл.

[46] Там же, стр. 103. О мятеже Таронита см. также N. Adontz. L'archevêche Théophylacte et le Taronite. Byz., 11, 1936, p. 581 sq.

[47] L. Petit. Monodie de Théodore Prodrome sur Étienne Skylitzes métropolitain de Trébizonde. ИРАИК, VIII, 1902, № 1—2, p. 3 sq.; E. Kurtz. BZ, 13, 1904, S. 536 f.; F. Chalandon. Les Comnène, v. II, p. 37, n. 5.

[48] С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 104 сл.

[49] Там же, стр. 304.

[50] Там же, стр. 122 сл.

[51] PG, t. 133, col. 973 A.

Комнина в походах еще до его воцарения [52]; отождествление совершенно беспочвенное.

6. Наконец, ранее 1107 г., по мнению Пападимитриу, появились некоторые письма, адресованные орфанотрофу Алексею Аристину [53], в то время как бóльшая часть обращенных к Аристину сочинений отнесена им к правлению Иоанна II [54] либо же не датирована вовсе. Датировка первых писем временем до 1107 г. основывается на отождествлении болезни, описанной в них и в послании митрополиту трапезундскому; но, как мы видели выше, датировка этого послания 1107 г. оказывается ошибочной — более вероятно, что оно было отправлено уже после 1140 г., после подавления мятежа Константина Гавры. К тому же Продром болел не один раз, и его сочинения, говорящие о болезни, могут относиться к разному времени [55].

Алексей Аристин, по словам Продрома, исполнявший обязанности номофилака и протэкдика, т. е. занимавший одновременно светский и духовный пост [56], — лицо известное. Канонист Алексей Аристин, как свидетельствует Вальсамон, сочетал в нарушение VI апостольского канона духовную и светскую должности и должен был по решению синода сложить одну из них [57]. Время жизни канониста Алексея Аристина определяется двумя моментами: из надписания рукописи Государственного исторического музея № 237/319 (XII в.) известно, что в правление Иоанна II он был номофилаком (как и корреспондент Продрома) и составил номоканон по поручению императора; Вальсамон же отмечает, что Аристин был современником иерусалимского патриарха Никифора II (около 1166—1171) [58]. Невозможно допустить, что современник патриарха Никифора II мог быть видным чиновником еще до 1107 г., за 60 лет до этого, поэтому следует все письма Продрома к Алексею Аристину относить к более позднему времени.

Итак, действительно, среди многочисленных сочинений Продрома нет ни одного, которое без серьезных натяжек можно было бы считать написанным задолго до 1118 г. Примерно с этого времени, видимо, и начинается литературная деятельность нашего поэта.

Есть и другие данные, заставляющие предполагать, что Продром не являлся придворным автором Алексея I. В обращенных к Мануилу I стихах Продром заявляет, что он никогда не был «слугой нескольких господ», что он никогда не служил то там, то здесь. «С самого детского возраста (ἀπ' αὐτῆς τῆς βρεφικῆς καὶ πρώτης ἡλικίας) я знал только один двор и одну госпожу — святую царицу, бабку твоей царственности»,

---

[52] С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 238, 330, 336.

[53] Там же, стр. 285 сл.; ср. стр. 130 сл.

[54] Там же, стр. 139 сл., 260 сл., 286 сл., 291, 327, 335, 341. И С. Дж. Меркати относит ко времени Иоанна II анакреонтические стихи в честь Аристина (S. G. Mercati. Sulle anacreontiche di Teodoro Prodromo. «Rendiconti della Acc. dei Lincei, cl. di sc.morali», 28, 1920, p. 427).

[55] Галлавотти издал гекзаметры Продрома, посвященные его тяжелой болезни (C. Gallavotti. Novi Laurentiani codicis..., p. 222 sq.), — возможно, совсем иной.

[56] PG, t. 133, col. 1245 A; ср. col. 1267 A, 1274 A.

[57] PG, t. 137, col. 45 C.

[58] PG, t. 137, col. 640 B. О времени жизни канониста Алексея Аристина см. А. Павлов. К вопросу о хронологическом отношении между Аристином и Зонарою как писателями толкований на церковные правила. ЖМНП, ч. 303, 1896, январь, стр. 172 сл. К протэкдику, номофилаку и орфанотрофу Алексею Аристину обращена речь ритора середины XII в. Никифора Василаки, сохранившаяся в Эскуриальской рукописи Y II 10 (E. Miller. Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque de l'Escurial. Paris, 1848, p. 215). Намек на Алексея Аристина Ж. Даррузе усматривает также в прошении Григорию Антиоха, современника Мануила I (J. Darrouzès. Notice sur Grégoire Antiochos. REB, 20, 1962, p. 84 sq.).

а после ее смерти Продром был слугой отца Мануила, «великого Иоанна» [59].

Итак, Продром не был поэтом Алексея I. В самом деле, хотя он изредка упоминает в поздних стихах о походах этого императора [60] (в том числе в издаваемом ниже стихотворении — стк. 94—95), тем не менее он не оставил ни одного произведения, посвященного тем или иным успехам основателя новой династии. Только около 1118 г. он выступил со стихами к свадьбе Алексея, сына Никифора Форвина и внука своей покровительницы Ирины Дукены, которую именует в них «лучшей из цариц» [61].

Последовавшие за этим сочинения действительно связаны или с Ириной Дукеной, или с близкими к ней людьми: семьями Анны Комниной и севастократора Андроника Старшего, находившихся в оппозиции к Иоанну II [62]. Сюда относятся эпиталамий сыновьям кесаря Никифора Вриенния и Анны Комниной, о котором речь уже шла выше (см. стр. 62); монодия севастократору Андронику [63] и стихи Ирине Дукене по поводу смерти Андроника [64] — оба произведения возникли, естественно, до смерти Ирины, датировка которой затруднительна: Курц относит ее к 1123 г. [65], Пападимитриу — после 1125 г. [66], а Ф. Шаландон — к 1133 г. [67]; возможно, что в то же время были написаны гекзаметры к Анне Комниной, упоминающие «великую царицу» [68], т. е. Ирину; впрочем, датировка их не бесспорна. Наконец, при жизни Ирины была написана и монодия близкому к ней человеку — Григорию Каматиру, жена которого принадлежала к роду Дук [69].

Напротив, специальные вещи Продрома, посвященные прославлению Иоанна II, появляются сравнительно поздно — со времени похода императора на Кастамон в начале 30-х годов [70], а о более ранних победах Продром пишет лишь ретроспективно.

Таким образом, вполне вероятно, что незадолго до 1118 г. Продром стал придворным поэтом Ирины Дукены и оставался им до самой ее смерти, последовавшей около 1130 г. Ирина не могла умереть много раньше этой даты, так как она пережила своего сына севастократора Андроника, а он участвовал в войне с гетами [71], т. е., скорее всего, с венграми, в 1127—1129 гг. [72] К 1132 г. Продром был уже придворным поэтом Иоанна II.

Далее, Продром оказался при дворе Ирины совсем еще юношей — «с самого детского возраста». Не было бы ничего странного, если бы его

---

[59] A. Maiuri. Una nuova poesia..., p. 399. 15—27.

[60] A. Majuri. Anecdota Prodromea dal Vat. gr. 305. «Rendiconti della Acc. dei Lincei, cl. di sc. morali», ser. V, v. 17, 1908, p. 527. 1—2; 541. 13—16.

[61] С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 387.7.

[62] F. Chalandon. Les Comnène, v. I. Paris, 1900, p. 273 sq.

[63] A. Majuri. Anecdota Prodromea..., p. 521—528.

[64] Ibid., p. 541—544.

[65] E. Kurtz. Unedierte Texte..., S. 74.

[66] С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 149.

[67] F. Chalandon. Les Comnène, v. II, p. 15, n. 2.

[68] С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 92.112. Пападимитриу (там же, стр. 93 сл.) относит эти стихи еще к правлению Алексея I, «когда она (Анна. — *А. К.*) была еще девицей», на том лишь основании, что в стихах нет намека на ее супруга!

[69] A. Majuri. Anecdota Prodromea..., p. 531. 12—13.

[70] Курц (E. Kurtz. Unedierte Texte..., S. 72) датировал первый поход на Кастамон 1130 г.; Пападимитриу («Феодор Продром», стр. 151 сл.) — 1133/4 г.; Шаландон, использовав свидетельство бар-Эбрая, отнес захват Кастамона к декабрю 1132 г. (F. Chalandon. Les Comnène, v. II, p. 85, n. 3).

[71] A. Majuri. Anecdota Prodromea..., p. 527.8.

[72] О дате см. А. П. Каждан. Еще раз о Киннаме и Никите Хониате. BS, 24, 1963, p. 11 sq.

рождение пришлось примерно на 1100 г. (стратиот Алексей, сын Никифора Форвина, свадьбе которого посвящены первые из сохранившихся стихов Продрома, был не старше его).

Косвенное подтверждение этой даты содержится в монодии Никиты Евгениана на смерть Продрома, откуда мы узнаем, что поэт поступил в приют для бедняков не из-за старости (οὐ διὰ γῆρας), но из-за постоянных болезней [73]. Даже если считать, что событие это произошло сразу же после смерти Иоанна II в 1143 г. (см. ниже, стр. 68), то и в этом случае Продром не мог появиться на свет много раньше 1100 г.

К той же дате ведет нас и монодия Продрома Стефану Скилице, которого наш поэт считает не только своим другом, но руководителем и учителем (διδάσκαλος) [74]. По расчету Л. Пти и Курца, Скилице в 1126 г. исполнилось 30 лет [75] — следовательно, он родился около 1096 г. Его друг и ученик Продром был, видимо, того же возраста или чуть моложе, во всяком случае не старше на 20—25 лет.

Среди аргументов, выдвинутых в свое время Пападимитриу в пользу более ранней даты рождения Продрома, наиболее сильный заключался в следующем: основываясь на ямбах против Вариса, Пападимитриу считал, что нашего поэта воспитали дед и дядя; последнего звали Христос Продром, и он в 1077 г. покинул Византию, чтобы стать митрополитом киевским под именем Иоанна II [76]. Следовательно, поэт родился до 1077 г.

Не возражая против отождествления дяди Продрома с митрополитом Иоанном, Курц предположил, что в ямбах имеется интерпункция и что фраза о воспитании должна относиться не к словам πάππος и θεῖος (дед и дядя), но к значительно более удаленному от нее слову πατέρες, отцы [77]. Впрочем, легко видеть, что такое перетолкование текста не может считаться обязательным. Но если Пападимитриу был в этом случае прав, то относить рождение Продрома к 1100 г. никак нельзя: соответственно рушатся все наши рассуждения. Однако вернемся еще раз к дяде Продрома.

В ямбах против Вариса Продром, отвечая на обвинения в нечестии, заявлял, что он происходит от благочестивых предков, вера которых подтверждена делами и соответствует их именам, ибо его дед носил имя Продрома, т. е. Предтечи (Προδρομωνύμου), а дядя, называвшийся Христом (Χριστὸν ὠνομασμένον), был епископом Русской земли (γῆς Ῥωσσικῆς πρόεδρον); ими Продром был воспитан в благочестии [78].

Давно уже исследователи обратили внимание на эти слова Продрома и сопоставили их с надписанием Правил Иакову черноризцу митрополита киевского Иоанна II (1077—1088), где к иерарху прилагается эпитет «нареченный пророком Христа»; было предположено, что грек-митрополит Христос Продром (= предтеча) стал под пером переводчика «пророком Христа» [79]. Гипотеза остроумная, но недостаточно строгая.

---

[73] L. Petit. Monodie de Nicétas Eugénianos sur Théodore Prodrome. BB, IX, 1902, стр. 460.11. Предположение Л. Пти (ibid., p. 449 sq.), что этот приют — непременно Манганы, не основано на каких-либо источниках.

[74] L. Petit. Monodie de Théodore Prodrome..., p. 10. 142.

[75] Ibid., p. 3 sq.; E. Kurtz. BZ, 13, 1904, S. 536. Напротив, Пападимитриу относил рождение Скилицы примерно к 1075 г., но его датировка основывалась на произвольной трактовке известия Продрома (в той же монодии Стефану Скилице) о мятеже в Трапезунде (см. выше, стр. 63).

[76] С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 14 сл. См. его возражения Курцу — там же, стр. 442 сл.

[77] E. Kurtz. BZ, 13, 1904, S. 537; ср. С. Шестаков. BB, XIII, 1906, стр. 425.

[78] PG, t. 133, col. 1412 AB.

[79] В. Г. Васильевский. Труды, т. I. СПб., 1908, стр. 174 сл.; Е. Голубинский. История русской церкви, т. I. М., 1901, стр. 286, прим. 4. Эту гипотезу

Прежде всего, греческому Πρόδρομος соответствует «предтеча», а не «пророк», и нужна значительная натяжка, чтобы предположить, будто переводчик имел в виду «пророка Христова» — Иоанна Предтечу; далее, при пострижении византийцы обычно принимали имена, начинавшиеся на ту же букву, что и крещальное имя: превращение Христа в Иоанна поэтому маловероятно; затем, если даже дядя Феодора носил у себя на родине имя Христос, то на Руси он был известен как Иоанн — и непонятно, почему бы он стал подписывать свои сочинения старым, мирским именем. Наконец, крещального имени Христос, как известно, у византийцев не было (ср., однако, новогреческое Христо); «называвшийся Христом» — это в языке Продрома и его современников Мануил, ибо, согласно евангелию (Матф., I, 23), Эммануил было именем сына божьего; так, о Мануиле I Продром говорит: «имеющий имя бога» (ἔχων τὰς κλήσεις τοῦ θεοῦ)[80]; эпитет «называемый Христом» (χριστοκλητώνυμος или χριστώνυμος) прилагается в ту пору к Мануилу[81] — подобно тому, как χαριτώνυμος в терминологии Продрома—Иоанн[82].

Следовательно, дядя Феодора носил имя Мануила; к тому же неясно, звали ли его Продромом, — скорее всего, не звали, ибо имя Продрома наш поэт присваивает только своему деду (впрочем, не значит ли имя Προδρομώνυμος, что дед Феодора прозывался «именем Предтечи», т. е. Иоанном?). Так отпадают все основания отождествлять дядю Продрома с митрополитом Иоанном II. С гораздо большим правом мы могли бы отождествить его, допустим, с греком Мануилом, который стал в 1137 г. епископом смоленским[83], хотя и такая гипотеза не может быть серьезно обоснована.

Таким образом, начало жизненного пути Феодора Продрома предстает в следующем виде: родившийся около 1100 г., он уже к 1118 г. стал придворным поэтом Ирины Дукены, а примерно с 1130 г. — Иоанна II. До самой смерти этого императора он писал официальные славословия по случаю побед византийского оружия, а в 1143 г. оплакал своего покровителя в нескольких надгробных стихотворениях.

Судьба Продрома в первые годы правления Мануила неясна; во всяком случае от этих лет не сохранились стихи, прославляющие императора, — видимо, Продром перестал быть придворным версификатором, хотя, как видно из опубликованных Маюри стихов (см. выше, стр. 64), просил императора сохранить ему прежнее положение. Продром поддерживает в эти годы переписку с духовными лицами: с филиппопольским митрополитом Михаилом Италиком (одно письмо Италику относится к 1144—1145 гг.[84], другое датируется примерно 1147 г.[85]) и с игуменом

принимает и Пападимитриу («Иоанн II, митрополит Киевский...», стр. 2 сл.; его же е. Феодор Продром, стр. 17 сл.), а в последнее время А. В. Соловьев (A. V. Solovi ev, Metropolitensiegel der Kiewer Russland. BZ, 55, 1962, S. 294). Согласно С. Шестакову (ВВ, XIII, 1906, стр. 426), следует читать «прироком (т. е. по прозванию) Христа», — но «нареченный прироком» — явная тавтология.

[80] C. Gallavotti. Laurentiani codicis..., p. 374. 359; ср. θεωνυμούμενος у Глики (K. Krumbacher. Michael Glykas, S. 450. 71).

[81] См., например, C. Neumann. Op. cit., S. 61.7, 67.71. Ср. также Григория Антиоха (W. Regel. Fontes rerum byzantinarum, fasc. 2. Petropoli, 1917, p. 211.9).

[82] PG, t. 133, col. 1348 B, 1353 C, 1355 A. Ср. в издаваемом ниже стихотворении, стк. 97.

[83] См. о нем М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 348 сл.

[84] С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 197 сл. Текст письма — там же, стр. 296—298.

[85] Текст издан: R. Browning. Correspondance between Michael Italicus, Archbishop of Philippopolis, and Theodoros Prodromos. «Byzantinobulgarica», I, 1962, p. 287 f. Р. Браунинг датирует письмо 1146—1147 гг. (ibid., p. 296) в отличие от Пападимитриу («Феодор Продром», стр. 292 сл.), относившего письмо к 1147—1151 гг.

Оксийского монастыря Григорием [86]. Может быть, в эти годы были написаны и «Житие Мелетия», и монодия Скилице, хотя это не более, чем предположение [87]. Случайная фраза Италика позволяет судить, что Продром жил в то время в Константинополе — точнее, в приморском храме св. апостолов [88], т. е., по-видимому, в том приюте, о котором говорит Никита Евгениан. Переселение в приют должно было произойти уже после смерти Стефана Скилицы, который, вернувшись из Трапезунда, застал Продрома в его собственном константинопольском доме [89].

Вряд ли пребывание в приюте радовало Продрома: во всяком случае в стихах против игуменов, обращенных к Мануилу I, он сатирически изображает монастырские порядки [90]. Успехи византийского оружия и смерть видных полководцев дали Продрому предлог снова посвятить свою музу служению богу войны: около 1149 г. он написал стихотворения на кончину Константина Каммицы [91], Михаила Анемы [92] и Стефана Кондостефана [93], а в 1150—1151 гг. — несколько официальных восхвалений императору [94]. Однако прежнего положения ему, очевидно, не удалось вернуть. Продром, оставаясь, по-видимому, в приюте, доживает примерно до 1170 г., время от времени откликаясь на какие-то события в жизни византийской знати. Умер Продром монахом, в глубокой старости, как свидетельствует составленная неким Петром эпитафия «философу Феодору Продрому». Его монашеским именем было Николай [95].

Установив в общих чертах жизненный путь Продрома, возвратимся еще раз к стихам венецианской рукописи, которые, к сожалению, остаются по большей части неизданными и известны преимущественно в приводимых исследователями фрагментах [96]. Описанные в них события относятся к 1142—1166 гг.[97]: самое раннее среди них посвящено смерти севастократора Андроника, самое позднее — браку Феодоры Комниной с Иоанном Кондостефаном в 1165/6 г. [98]

---

[86] PG, t. 133, col. 1289—1292. См. С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 304.

[87] Монодия написана после 1140 г., когда только Скилица смог поехать в Трапезунд. «Житие Мелетия», написанное Николаем Мефонским, появилось в 1141 г. (В. Васильевский. Житие Мелетия Миупольского. ППС, 17, 1886, стр. IV); продромовское житие, точно не датируемое, должно было увидеть свет примерно в то же время, поскольку оба памятника независимы друг от друга.

[88] R. Browning. Correspondance ..., p. 284.54. Из письма Италика следует, что Продром был еще молодым (p. 285.79, 286.137).

[89] L. Petit. Monodie de Théodore Prodrome..., p. 12. 209—210, 13. 211.

[90] D. C. Hesseling, H. Pernot. Op. cit., p. 49. 35 sq.

[91] PG, t. 133, col. 1423 sq. См. С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 360 сл., 362.

[92] Manuelis Philae carmina, v. II. Paris, 1857, p. 356—365. См. С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 352 сл.

[93] C. Gallavotti. Laurentiani codicis..., p. 359—360.

[94] Ibid., p. 366—375, 378—379.

[95] А. И. Пападопуло-Керамевс. Εἷς καὶ μόνος Θεόδωρος Πρόδρομος, стр. 399 сл. После поселения в храме св. апостолов Продром первое время оставался светским лицом (R. Browning. Correspondence ..., p. 285.78).

[96] Важнейшие выборки см. E. Miller. Ex Theodori Prodromi carminibus ineditis. Recueil des historiens des croisades. Hist. grecs, v. II. Paris, 1881; С. Пападимитриу. Ὁ Πρόδρομος τοῦ Μαρκιανοῦ κώδικος. ВВ, X, 1903.

[97] С. Пападимитриу. Ὁ Πρόδρομος..., стр. 116; ср. E. Kurtz. BZ, 13, 1904, S. 227.

[98] C. Castellani. Epitalamio di Teodoro Prodromo per le nozze di Teodora Comnena e Giovanni Contostefano. Venezia, 1888. Впрочем, К. Кастеляни отнес другое стихотворение венецианского кодекса ко второй половине 1172 г. (C. Castellani. Epitalamio di Teodoro Prodromo per le nozze di Giovanni Comneno e ... Taronita. Venezia, 1890, p. 6). Однако его датировка основана на весьма туманном намеке — на упоминании бескровной победы над латинянами (ibid., p. 12. 17—18, 22.83), в которых Кастеляни усматривает венецианцев; но бескровная победа над латинянами могла

Многое роднит Псевдо-Продрома с Продромом — от времени жизни и характера стихов вплоть до общего недостатка речи — заикания; они пишут о тех же событиях и общаются примерно с теми же людьми [99]. И все же жизнь их протекала, видимо, по-разному.

Если Продром был слугой Ирины Дукены и ее сына Иоанна II, то Псевдо-Продром находился по меньшей мере 12 лет на службе у севастократорисы Ирины [100]. К какому времени следует отнести эту службу? Псевдо-Продром возвратился из Болгарии, где он был вместе с Ириной, как раз к рождению Марии, дочери Мануила I [101]. Основываясь на словах Псевдо-Продрома, относящего рождение Марии к десятому циклу (ἐν κύκλῳ τῷ δεκάτῳ), Нейман и Пападимитриу датировали это событие десятым годом царствования Мануила, т. е. примерно 1153 г.; соответственно Пападимитриу считал, что служба Псевдо-Продрома у севастократорисы приходилась на 1140—1152 г.[102]

Однако такое предположение порождает известные трудности. Так как Ирина находилась в опале (см. ниже, стр. 76), трудно предположить, что Псевдо-Продром мог быть одновременно и слугой севастократорисы, и придворным поэтом василевса (хотя Пападимитриу и считает, что «семилетний период» службы Мануилу, о котором поэт упоминает в одном из стихотворений, «конечно» начался «со времени вступления императора Мануила на престол» [103]). Однако среди обращенных к императору стихов Псевдо-Продрома имеются также датированные 1146—1147 и 1151 гг. [104] Может быть, это противоречие разрешилось бы, если отнести вместе с Б. Кайлем рождение Марии Комниной к десятому индикту, т. е. к 1147 г. [105], и считать, что время службы Псевдо-Продрома у севастократорисы приходится на 1134—1146 гг. Вряд ли вопрос этот может быть разрешен до опубликования всех стихов венецианского сборника. И все-таки представляется вполне вероятным, что пока Продром был придворным поэтом Иоанна, а затем жил при храме св. апостолов, Псевдо-Продром служил невестке Иоанна.

Псевдо-Продром, видимо, позднее принял сторону Мануила и, оставив Болгарию, где находилась севастократориса, отправился искать милости императора. В обращенных к Мануилу стихах он отрекался от прежних связей, а свою жизнь называл напрасно протекшей (μάτην παρερρύη). «Я уже старик, и седина свидетельствует об этом, но блеск сегодняшнего дня неизмеримо более ярок для меня, чем все, что было в прошлом» [106].

Совсем по-иному рекомендовал себя Мануилу Продром в «народных» стихах, изданных Маюри: там нет ни малейшего намека на его служение севастократорисе Ирине.

обозначать и вступление Мануила I в Антиохию в 1159 г. Изданное Кастеляни стихотворение посвящено браку Иоанна, старшего сына севастократора Андроника, который изображен юношей с золотыми волосами, чьи щеки подобны розе (ibid., p. 20.67), — в 1172 г. ему было уже около 40 лет.

[99] См. С. Шестаков. ВВ, XIII, 1906, стр. 421; ср. L. Petit. Monodie de Nicétas Eugénianos..., p. 450; A. Maiuri. Una nouva poesia..., p. 407.

[100] С. Пападимитриу. Ὁ Πρόδρομος..., стр. 114.8.

[101] Там же, стр. 131.22—23.

[102] Там же, стр. 123.

[103] С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 30.

[104] С. Пападимитриу. Ὁ Πρόδρομος..., стр. 106, № XXII—XXIII (ср. там же, стр. 123); J. Rácz. Bizánci költemények Mánuel császár magyar hadjáratairol. Budapest, 1941, old. 15, 20.

[105] B. Keil. Die Monatcyclen der byzantinischen Kunst in spätgriechischer Literatur. «Wiener Studien», 11, 1889, S. 106. См. возражения: С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 221.

[106] E. Miller. Poëmes historiques de Théodore Prodrome. «Revue archéologique», 26, 1873, p. 155. 39—45.

Оба поэта кончили жизнь в монастырском приюте. Псевдо-Продром избрал для себя Манганский монастырь св. Георгия, о доступе в который долго просил Мануила I [107]. В стихах Продрома Манганский монастырь не упоминается [позднее некий Гавриил Монотроп подарил Манганскому монастырю пергаменный список комментария к канонам Косьмы и Иоанна Дамаскина, составленного Продромом (см. выше, стр. 62, прим. 39); но может ли это тоже служить аргументом п р о т и в возможности длительного пребывания Продрома в монастыре св. Георгия?], и, как мы знаем из письма Михаила Италика, Продром нашел себе пристанище в храме св. апостолов. Псевдо-Продром в «манганских» стихах (и еще ранее в стихотворной просьбе к севастократорисе Ирине) постоянно ссылался на свою старость (γέρων γὰρ ἤδη) [108] — напротив, Никита Евгениан и Италик знают, что Продром оказался в приюте еще не старым человеком.

Таким образом, несмотря на сходство, в биографиях обоих поэтов прослеживается и известное различие. Впрочем, может быть, публикация их наследия в полном объеме сведет это различие на нет.

Еще более скудны, чем данные о внешней биографии Продрома, сведения о его социальном лице.

Вопрос о социальной позиции Продрома, вовсе не затронутый в специальной монографии Пападимитриу, был поставлен лишь в небольшой статье Г. Капессовой, которая рассматривала нашего автора как человека интеллигентного, но деклассированного, умеющего подмечать пороки существующего строя, но не способного к борьбе [109]. К сожалению, эта характеристика односторонняя, поскольку Капессова отделяет от знатного Продрома другого поэта того же имени, называвшего себя Птохопродромом, Продромом-бедняком, и писавшего на народном языке [110]. Мы видели, однако, что такое противопоставление необоснованно — да и сама Капессова не проводит его последовательно, в частности, распространяя на «Птохопродрома» сведения о жизни автора стихов венецианского кодекса [111].

Продром родился в Константинополе [112], в семье, которую нельзя было назвать совсем низкой (χαμαιζήλου) [113]; он часто говорит о себе как о человеке жалкой судьбы (σχέτλιος τὴν τύχην) [114], ничтожном в сравнении с его блистательными друзьями [115]. Постоянно оплакивает Продром свою бедность [116] и действительно называет себя Птохопродромом; но не нужно принимать на веру подобные жалобы: мы видели, что у него был дом в Константинополе; была, видимо, и челядь [117], был свой проастий и земля, правда, позднее потерянные [118].

---

[107] С. Д. П а п а д и м и т р и у. Феодора Птохопродрома Манганские стихотворения, стр. 3 сл.

[108] С. Д. П а п а д и м и т р и у. Феодор Продром, стр. 24 сл.

[109] H. K a p e s s o w a. Biedaczyna Prodromos — człowiek «niepotrzebny». «Meander», XII, 1957, str. 270.

[110] Ibid., p. 269.

[111] См., например, ibid., p. 281.

[112] L. P e t i t. Monodie de Nicétas Eugénianos..., p. 459. 25—28.

[113] PG, t. 133, col. 1297 A.

[114] L. P e t i t. Monodie de Théodore Prodrome..., p. 6. 7—9.

[115] Ibid., p. 6. 14—15.

[116] Например, PG, t. 133, col. 1354 B; D. C. H e s s e l i n g, H. P e r n o t. Op. cit., p. 45. 82—83. Ср. намек на свою бедность: C. G i a n e l l i. Un altro «calendario metrico» di Teodoro Prodromo. ΕΕΒΣ, 25, 1955, σελ. 168.

[117] D. C. H e s s e l i n g, H. P e r n o t. Op. cit., p. 31.36. Правда, не исключено, что эти данные — не более, как литературный вымысел.

[118] Laur., plut. XXXI, cod. 2, f. 8-v (по: С. Д. П а п а д и м и т р и у. Феодор Продром, стр. 159, прим. 98); в том же письме идет речь о доме и винограднике (там же, стр. 142, прим. 55).

Короче говоря, отнюдь не будучи знатным человеком, Продром принадлежал к тем низшим слоям класса феодалов, которые и составляли как раз основную опору династии Комнинов. Недаром отец прочил Продрома на военную службу, и только слабое здоровье заставило мальчика предпочесть литературный труд [119].

Все, что связано с военным искусством, манит и привлекает Продрома. Длинные копья, которыми вооружены византийские аристократы [120], арабские и фессалийские кони, на которых они скачут [121], постоянно попадают в продромовские стихи. В издаваемом здесь стихотворении Продром разворачивает программу воспитания юного аристократа Алексея Комнина, пока еще лежащего в пеленках: он должен хорошо метать мяч, отлично охотиться, скакать верхом, стрелять из лука, чтобы вырасти умелым воином, обагряющим свой меч в крови варваров (стк. 171—178); подробнейшим образом перечисляет поэт оружие, которое ждет Алексея: панцирь, ясеневое копье, лук, двулезвийный меч... (стк. 74—81).

Поэт не скрывает своего преклонения перед богатством, мечтает о многолюдной челяди, которая заботилась бы о лошадях, подавала бы еду и вино, приготовляла бы шелковые одеяния [122]. С восторгом описывает Продром в издаваемом ниже стихотворении (стк. 150—155) неисчислимые богатства, принадлежащие младенцу Алексею: шитые золотом одеяния, украшенные драгоценными камнями и жемчугом; обширные земли, населенные подданными (χώρας λαμπρὰς ὑποτελεῖς), высокие дома, толпы вооруженных слуг (πληθὺν ὑπασπιστῶν) и конюхов. В другом стихотворении Продром смакует богатства севастократорисы Ирины: есть у нее порфира, расшитые золотом пеплосы, роскошные ложа [123]. Обращаясь к Лизику, ставшему, видимо, высоким должностным лицом, Продром не без зависти пишет о роскоши одеяний своего бывшего сотоварища, о торжественных выездах, о серебряной упряжи и обильном столе; все это волнует поэта, вынужденного ходить пешком [124].

Правда, когда дело доходит до постановки вопроса в общем виде, Продром признает превосходство золотой середины над богатством (не богатые финикияне, а соразмерно жившие эллины были наимудрейшим народом) [125] и готов даже поставить свободу выше богатства и власти [126],— но это лишь дань христианской традиции. И тут же Продром обрушивается на бедность, видя в ней источник неисчислимых зол, утверждая, что именно она порождает святотатцев, осквернителей могил, разбойников [127].

Не менее богатства чтит Продром и знатность. Преклонение перед знатностью рода пронизывает все стихотворение на рождение Алексея: конечно, радость, если в семье родился ребенок, но если младенец знатного рода (γένους εὐγενοῦς), это настоящее торжество. С такой несложной мысли начинается стихотворение (стк. 1—9), а завершается оно пожеланием найти для Алексея жену, достойную его рода (стк. 179). Император

---

[119] См. С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 89.27, 90.41—44.
[120] A. Majuri. Anecdota Prodromea..., p. 542.30; L. Sternbach. Spicilegium Prodromeum..., p. 353. 135; J. F. Boissonade. Anecdota nova. Paris, 1844, p. 374.80.
[121] PG, t. 133, col. 1336 A, 1407 B; ср. еще J. F. Boissonade. Op. cit., p. 377. 172, 379. 200; PG, t. 133, col. 1347 A. См. также публикуемое здесь стихотворение, стк. 69—70.
[122] PG, t. 133, col. 1356 A.
[123] J. F. Boissonade. Op. cit., p. 379. 23—24.
[124] PG, t. 133, col. 1286 A.
[125] PG, t. 133, col. 1317 AB.
[126] PG, t. 133, col. 1294 B.
[127] PG, t. 133, col. 1318 B.

Иоанн — это предводитель рода (τοῦ γένους ἀρχηγός), это цветущее древо, от которого отходят благородные ветви (стк. 35—40). Тот, кто удостоился принадлежать к царственному роду, от рождения полководец (стк. 44—45).

Самое понятие о равенстве кажется Продрому немыслимым. Подобно тому, как в музыке мелодию и ритм нельзя передать с помощью одних только низких или одних только высоких нот, но гармония создается благодаря смешению неравных тонов (τῇ παραπλοκῇ τῶν ἀνισοτόνων), так и «всей нашей жизни провидение мистически придает стройность с помощью неравенства положений (τοῖς ἀνισότησι τῶν πραγμάτων)»[128].

Но это неравенство, необходимо существующее в мире, не должно выливаться в борьбу противоположных сил. Любовь или дружба (φιλία), по мысли Продрома, сплетает противоположности, соединяя то, что разделено по природе (διίσταται φύσει)[129]. Продром полемизирует с Эмпедоклом, объявлявшим вражду творцом всего земного[130], — нет, не враждой, а любовью все живет и управляется[131]. Это представление о естественности неравенства и о любви, примиряющей противоположности и вплетающей весну между холодной зимой и жарким летом[132], расходилось не только с плебейско-крестьянским мировоззрением богомилов, но и с господствовавшей в X в. официальной доктриной, согласно которой все подданные были равны перед всемогущим императором.

Итак, Продром всей душой, всем сердцем с феодальной знатью, и высшим проявлением несправедливости кажется ему внезапный взлет какого-нибудь сына торговки или поварихи, тупого и едва умеющего высморкаться, однако разъезжающего по главной улице и распоряжающегося великолепными домами, конями, мулами и золотыми кирпичами (намек на Креза), — тогда как потомок Кодра, образованием равный Платону, не в состоянии раздобыть себе мула[133].

И в другом месте Продром жалуется на ремесленников, которые обращаются с мудрецами из знатных родов (τῶν γενῶν κοσμίων), словно господа с рабами, награждая их побоями и грубыми ругательствами[134].

Хотя Продром считал ремесленную деятельность позорной[135], тем не менее ему не раз приходилось с завистью посматривать на какого-нибудь сапожника, чье благосостояние казалось поэту солидным[136]. Действительно, материальное положение торговцев и ремесленников оказывалось в ту пору нередко устойчивее, чем состояние мелкого феодала, живущего в значительной мере на щедроты двора и высшей знати[137], — на это жалуются и другие авторы[138]. Среди горожан XII в. появляются, видимо, настоящие богачи, подобные меняле Каломодию[139]. Но не только это беспокоит Продрома. В похвальном слове Исааку Ком-

---

[128] PG, t. 133, col. 1295 A.
[129] PG, t. 133, col. 1324 B.
[130] PG, t. 133, col. 1324 A.
[131] PG, t. 133, col. 1327 A.
[132] PG, t. 133, col. 1325 AB.
[133] PG, t. 133, col. 1293 B.
[134] PG, t. 133, col. 1335 B.
[135] С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 90.39—40.
[136] Там же, стр. 91.68—74; ср. D. C. Hesseling, H. Pernot. Op. cit., p. 76. 70—71 и др.
[137] См., например, PG, t. 133, col. 1373 A.
[138] Мудрец в небольшой пьесе Псевдо-Цеца восклицает: «Я хотел бы быть кожевником, каменерезом или иным ремесленником..., когда мудрец, благородный разумом, голоден, несчастен и беден» (P. Matranga. Anecdota graeca, v. II. Roma, 1850, p. 623 sq.). Это сочинение восходит к пьесе Михаила Аплухира (S. G. Mercati. Giovanni Tzetzes e Michele Haplucheir. Byz., 18, 1948, p. 198 sq.).
[139] Nicetas Choniata. Historia. Bonnae, 1835, p. 692. 20—23.

нину, младшему сыну Алексея I, Продром вкладывает в уста Философии такие обвинения по адресу Ареса: оказывается, бог войны присвоил себе всю царственную, всю лучшую часть людей, оставив ей, Философии, лишь частных лиц и ремесленников (τὴν ἰδιωτείαν καὶ τὴν χειρωναξίαν); питомцы Ареса — это Камбисы, Ксерксы и Киры, тогда как в удел Философии достались меняла Диоген и корабельщик Зинон. И если можно, конечно, вспомнить благородных мудрецов: Александра Македонского, Катона или Марка Аврелия, — то число их невелико и все они принадлежат прошлому (τοῖς ἀνέκαθεν χρόνοις) [140]. Словно подтверждая мысль Продрома, о тяге народных масс к культуре с насмешкой говорил и его современник Иоанн Цец, жалуясь, что теперь все пишут стихи: женщины и младенцы, каждый ремесленник (πᾶς βάναυσος) и жены варваров [141].

Итак, не только богатство оказывается в руках горожан, но они, видимо, захватывают видное место в культурной жизни XII в., что, кстати сказать, приводит к обострению еретических движений и к возрождению материалистических идей [142]. В идейной борьбе XII в. Продром остается на позициях феодальной знати.

Социальные идеалы Продрома во многом объясняют его панегирический тон в отношении Комнинов: дело отнюдь не только в сервилизме византийского поэта, но прежде всего в том, что Продром видел в Комнинах воплощение рыцарского идеала [143]. О Продроме можно было бы сказать то, что справедливо писал о его младшем современнике Киннаме М. М. Фрейденберг: идеализация императора и его близких не есть просто придворная угодливость, но в гораздо большей степени стремление создать образ идеального воина [144].

Насколько далеко заходила эта идеализация, свидетельствуют особенно сравнения императора с богом, с Христом [145]. В издаваемом ниже стихотворении севастократориса Ирина оказывается выше небесной сущности, ибо небо знает лишь одно солнце и одну луну, а Ирина произвела на свет двух сыновей и троих дочерей (стк. 59—65). Юного Алексея, родившегося на пасху, поэт смело сопоставляет с Христом: ты воскрес вместе с Христом — ты, который 9 месяцев был мертвецом, вместе с ним, кто был мертвым три дня, — и явился на свет из одушевленной гробницы (ἐκ τάφου κινουμένου) (стк. 158—162).

При всей феодальной ограниченности миросозерцания, Продром — для своего времени умный и образованный мыслитель, вдумчивый и наблюдательный художник. Его благочестие — чисто внешнее, недаром он навлек на себя обвинения в ереси, в безбожных высказываниях против троицы и сына божьего [146]. В полемике с Климентом Александрийским, одним из авторитетнейших отцов церкви, Продром защищал логическую ясность против мистики и выдвигал тезис о материальности языка как средства общения между людьми. «Я не одобряю, — писал он, — то место,

[140] E. Kurtz. Unedierte Texte..., S. 116. 148—158.

[141] Joannis Tzetzae Historiarum variarum chiliades. Lipsiae, 1826, p. 517. 204—206.

[142] См., например, нападки ритора Михаила в речи, произнесенной около 1167 г., на тех, кто приписывает вселенной несотворенность (τὸ ἀγέννητον) (R. Browning. A New Source on Byzantine-Hungarian Relations in the XIIth Century. «Balkan Studies», 2, 1961, p. 192. 197—202).

[143] О «значительной доли искренности» Продрома в его славословиях императоров с полным основанием писал Д. Шестаков («Три поэта византийского ренессанса». «Уч. зап. Казанского ун-та», 73, 1906, вып. 7—8, стр. 5).

[144] М. М. Фрейденберг. Труд Киннама как исторический источник. ВВ, XVI, 1959, стр. 50.

[145] См., например, PG, t. 133, col. 1387 AB.

[146] PG, t. 133, col. 1408 A, 1409 C, 1410 C, 1412 A.

где автор „Ковров“ (Strom., I, 1) говорит, что никогда не стремился к красоте языка и благородству выражений, считая достаточным, если можно разгадать мысль» [147]. Я и сам, продолжает Продром, считал бы язык несущественным, если бы мы были чисто духовными существами, преодолевшими присущий нам прах. Но так как наши души обременены плотью и мы не в состоянии непосредственно обнаруживать движения разума, было бы неверным не удостоить нам язык первостепенной чести [148].

Продром — вдумчивый художник. И хотя, конечно, многие его произведения сбиваются на простую версификацию, нередко он достигает тонкости и большой простоты. Вот одно из его стихотворений в прозаической передаче:

«О, мои страсти и увлечения, я принял вас малыми, а в моем сердце вы росли и стали великими. Я ждал, пока вы возмужаете, и надеялся на вашу благодарность, но вы меня мучаете — я не знаю ничего более безжалостного» [149].

Продром владеет искусством смеха. Вот он рисует свой облик после болезни: голова стала голая, как пест, но зато выросла гигантская борода, расцвела она, как сады Алкиноя, — только у него не груша на груше, не смоква на смокве, а волос на волосе [150].

Продром владеет и искусством трагичного — не тем пышным искусством трагичного, которое громоздит горы мертвецов и проливает потоки крови (что, впрочем, случается в его панегириках), но умением маленькой деталью, крошечным штрихом передать скорбь и нежность. Севастократориса Ирина оплакивает своего мужа; она обращается к нему, к мертвому, неподвижному: «Ты видишь, что я лью горячие слезы, — что же ты не оботрешь мне щеку своим хитоном?» [151]. Трогательна и та сцена в монодии Стефану Скилице, где тяжко больного митрополита прямо с корабля несут в дом его друга. Носильщики стучат в дверь и говорят Продрому: «К тебе митрополит трапезундский». От радости Продром одним прыжком пересек комнату и закричал: «Где ты, сладкий мой господин?» Они указали на носилки, и Продром не поверил им. Взглянув на несчастного, он едва не набросился с кулаками на носильщиков: «Убирайтесь отсюда, вы, посмевшие сравнить с милым трапезундцем этого полумертвого тельхина!» А тот чуть шевельнул рукой и что-то промолвил, с трудом дыша, — и тут Продром узнал своего друга и сперва оцепенел от неожиданности, а потом попытался исправить неловкость, сведя все к шутке. «Ты прибыл, — сказал Продром, — в чужой плоти, словно подтверждая существование метемпсихоза: твоя прекрасная душа сбросила свое прежнее очаровательное тело и облачилось в новое, уродливое». И, не выдержав, Продром разрыдался. А Стефан, хотя едва мог говорить от мук, «поведал о своей Илиаде, о бедах во время плаванья, о грохоте волн, о неустойчивом суденышке, о головокружениях и тошноте, и прибытии в Трапезунд, о блестящей встрече, о повиновении полководца и войска, о лихорадке, о водянке и, наконец, о том, что он возвратился в царственный град, надеясь посоветоваться с опытнейшими врачами и излечиться от болезни либо уж умереть на родине, среди друзей» [152].

Хотя по своим социальным убеждениям Продром — певец класса

---

[147] PG, t. 133, col. 1265 A.
[148] PG, t. 133, col. 1265 B.
[149] E. L e g r a n d. Poésies inédites..., p. 72.
[150] PG, t. 133, col. 1251 B — 1252 B.
[151] J. F. B o i s s o n a d e. Op. cit., p. 375. 100—101.
[152] L. P e t i t. Monodie de Théodore Prodrome..., p. 13. 211—234. О художественных особенностях продромовского творчества см. несколько замечаний у Д. Шестакова («Три поэта...», стр. 19 сл., 28 сл.).

феодалов, его подлинный герой — маленький человек, на долю которого выпало терпеть и страдать в большом и неустроенном мире. Не только в монодии Стефану Скилице — и в забавной сценке «Палач или доктор», где Продром рассказывает о своих переживаниях в лапах неумелого зубодера, и в написанных народным языком стихах о беззаботном муже, промотавшем состояние жены и вынужденном обманом вымаливать у нее обед, и в стихах и письмах о своей болезни, Продром постоянно возвращается к теме маленького неудачника и страдальца.

В этой человечности Продрома — его значение как художника.

С этим кругом идей Продрома, по-видимому, не связаны панегирики победоносному императору, где настоятельно подчеркиваются трудности и муки, выпавшие на долю василевса. Иоанн II, по словам Продрома, не знал ни дня без трудов, ни ночи без забот [153], изводил себя в подвигах, пока его подданные жили безмятежно [154], голодал и мок под ливнями ради своего народа [155]. Также и Мануил I: он дни и ночи не снимал вооружения, ради подданых перенося жажду, холод и ливни [156]. Константинополь, восклицает Продром, обращаясь к императору, лобзает твой золотой пот, пролитый ради города [157].

Издаваемые ниже стихи посвящены рождению в семье севастократора Андроника Комнина пятого ребенка, названного в честь прадеда Алексеем. Рождение Алексея датируется довольно точно: младший сын Андроника, он был еще малолетним ребенком к моменту смерти отца [158]. Так как севастократор Андроник скончался в 1142 г.[159], рождение Алексея следует отнести примерно к 1140 г. Из публикуемых стихов (стк. 158—159) видно, что его рождение пришлось на пасху.

Отец новорожденного был одним из знатнейших феодалов империи. Второй сын Иоанна II, он рано удостоился высокого титула севастократора, а после смерти старшего брата Алексея [в издаваемых стихах (стк. 26) младенец назван προπαππωνύμος — «носящий имя прадеда и дяди»] некоторое время был самым вероятным наследником престола. Однако Андроник скончался раньше своего отца. Жена Андроника, севастократориса Ирина, была по словам нашего поэта, прекрасна телом и душой, мужественна обликом и стойка (стк. 22—23). Ирина играла роль меценатки: она покровительствовала писателям, в том числе Цецу и Константину Манасси [160]; Продром также посвятил ей дидактические стихи о грамматике [161] и, возможно, об астрономии [162], а после смерти ее мужа написал от ее имени уже известные нам стихи на смерть севастократора [163].

Значительно более тесно был связан с севастократорисой Ириной другой поэт — Псевдо-Продром венецианской рукописи, долгое время

---

[153] PG, t. 133, col. 1394 A.
[154] PG, t. 133, col. 1347 B.
[155] PG, t. 133, col. 1349 C., ср. PG, t. 133, col. 1355 B, 1363 BC, 1365 sq., 1392 A.
[156] C. Gallavotti. Laurentiani codicis..., p. 368.83—85.
[157] Ibid., p. 374.370; ср. ibid., p. 374.382—384.
[158] J. F. Boissonade. Op. cit., p. 375.122—129.
[159] С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 193 сл.
[160] В. Васильевский. О севастократориссе Ирине. ЖМНП, ч. 285, 1893, стр. 183 сл. Посвященная Ирине поэтическая хроника Манасси была написана уже при Мануиле I (Constantinus Manasses. Breviarium historiae metricum. Bonnae, 1837, p. 3).
[161] См. С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром, стр. 252 сл. Заключение Пападимитриу, будто Ирина была иностранкой и брала уроки языка у Продрома, — произвольно.
[162] E. Miller. Poëmes astronomiques..., p. 8—39. К. Хорна, впрочем, считает, что автором этих стихов был не Продром, а Константин Манасси (см. K. Horna. Der Jerusalemer Euripides-Palimpsest. «Hermes», 64, 1929, S. 429 f.).
[163] J. F. Boissonade. Op. cit., p. 371—388.

находившийся у нее на службе. Когда, заподозренная в заговоре против Мануила I, она должна была покинуть Константинополь (видимо, не один раз), поэт последовал вместе с ней. В тяжелую для нее пору Псевдо-Продром составил от имени севастократорисы смелые стихи к василевсу [164], своего рода манифест высшей феодальной аристократии, где Ирина обращается к императору как ровня и смело винит его в несправедливости:

Не уклоняюсь от суда, судьи не избегаю,
И обвинитель-сикофант меня не устрашает. . . .
. . . Пусть без пристрастия судья мое решает дело,
Пускай по справедливости мне приговор выносит,
И если уличат меня, пускай меня осудят! . .
. . . Без обвинителя зачем, судья, меня ты судишь?
Меня ты судишь без истца, один вершишь расправу,
Без обвинений, без улик меня ты осуждаешь!

Гордые строчки бросает поэт в лицо василевсу, заканчивая свою обвинительную речь:

В горниле гнева твоего была опалена я,
В горниле ярости своей испытывал меня ты,
Но жалкой меди не нашел в моей душе—одно лишь
Несмешанное серебро. Чего ж ты хочешь дальше?

В дальнейшем, однако, между императором и семьей его покойного брата было достигнуто примирение. Старший сын Ирины Иоанн занимал высокие посты и пользовался покровительством Мануила; сестры Иоанна вышли замуж за виднейших феодалов — одна за Кантакузина, другая за Гавру; Феодора, фаворитка Мануила I, стала затем женой Генриха Австрийского; ее сестра Евдокия до замужества была любовницей Андроника Комнина, своего двоюродного дяди, будущего императора. Одна из дочерей Иоанна получила иерусалимскую корону, другая была замужем за антиохийским князем.

Алексей Комнин, младший сын севастократора, при дворе Мануила I не играл серьезной роли, хотя совсем еще юношей, в 1157 г., он уже участвовал в заседаниях собора. Но после смерти императора в 1180 г. Алексей, носивший титул протосеваста, сделался фактически правителем государства [165]. Если верить Никите Хониату, он не оправдал предсказаний Продрома и не стал новым Ахиллом, но проводил дни и ночи в роскоши и неге [166]. Конец его был печальным: Андроник I, придя к власти, приказал ослепить его [167].

Среди неизданных сочинений ритора второй половины XII в. Григория Антиоха имеется монодия на смерть сына протосеваста. Поскольку император (Мануил I) назван там дядей по отцу протосеваста, в последнем можно видеть лишь одного из сыновей севастократора Андроника. А так как Иоанна обычно именуют протовестиарием, то в протосевасте монодии Ж. Даррузе справедливо усматривает второго сына севастократора — Алексея [168].

[164] С. Пападимитриу. Ὁ Πρόδρομος. . ., стр. 155—163.
[165] Nic. Chon., p. 299. 9—10.
[166] Ibid., p. 317. 13 sq.
[167] Ibid., p. 324. 21—22. См. о нем O. Jurewicz. Andronik I. Komnenos. [Warszawa], 1962, str. 91—99.
[168] Монодия содержится в Экскуриальской рукописи Y II 10 и известна мне по списку, составленному покойным Н. И. Новосадским. См. о ней J. Darrouzès. Notice..., p. 65. Странным образом Даррузе утверждает, что протосеваст Алексей «без сомнения» то же лицо, что и Алексей Комнин, бежавший при Андронике I на Кавказ, а оттуда в Сицилию. В действительности же этот Алексей был виночерпием и внучатым племянником Мануила (Nic. Chon., p. 384. 12—14). См. о нем Х. Лопарев. Алексей Комнин на Руси и в Сицилии. ЖМНП, ч. 311, 1897, июнь, стр. 415—420; O. Jurewicz. Op. cit., p. 123 sq.

К сожалению, сведения монодии о протосевасте Алексее крайне скудны. Мы узнаем, что он был благочестив и сведущ в писании (л. 206об.), что у него было много детей (л. 206). В одном месте монодии можно усмотреть влияние известных нам стихов Псевдо-Продрома, обращенных к Мануилу от имени матери Алексея, севастократорисы Ирины: смерть сына, рассуждает Антиох, является для тебя посланным от бога испытанием, и ты должен выказать себя чище золота, свободным от дурных примесей (л. 205об.).

Публикуемые ниже стихи содержат обильные сведения о быте византийской феодальной знати, о воспитании молодых аристократов, когда первостепенное внимание уделялось охоте и военным упражнениям. Мимоходом говорится о внешнеполитических успехах империи, внушающей страх «персам» (т. е. туркам-сельджукам) и «кельтам» (видимо, норманнам), «далматам» (сербам) и галатам (стк. 112). Последний этникон заслуживает особого внимания.

Он встречается также в другом стихотворении Продрома — в перечислении народов, подвластных Ирине-Пириске, жене Иоанна II, где галаты опять-таки названы рядом с далматами; «перед тобой дрожат галаты (τὸ Γαλατικόν)», — говорит поэт чуть ниже [169]. В большом стихотворении по случаю взятия Кастамона Продром заявляет, что перед Иоанном II дрожат галаты (τὸ Γαλατικόν) и трепещут «скифы» (печенеги) [170]. Галатов — вместе с итальянцами и сербами — упоминает и Псевдо-Продром [171].

Конечно, галаты Продрома не имеют ничего общего с той Галлией Иакова (Ἰακώβου Γαλλία), о которой наш автор упоминает в «Житии Мелетия» и в которой В. Г. Васильевский справедливо видит Испанию (Галисию) [172]. Галатия, лежащая сравнительно недалеко от области скифов и от страны далматов, — это, скорее всего, Галицкая Русь. Таким образом, в стихах Продрома можно усмотреть новые, хотя и недостаточно определенные, односторонне окрашенные сведения о русско-византийских отношениях XII в. [173]

Словарь Продрома не стал пока еще предметом монографического исследования; к тому же до критического издания всего наследия нашего поэта было бы преждевременным делать какие-либо выводы. И все же можно уже теперь отметить неожиданное сходство словаря издаваемых ниже стихов и словаря эпиталамия Псевдо-Продрома в честь Иоанна, старшего брата Алексея Комнина.

В обоих стихотворениях мы найдем сравнение защищающего город воина с башней и рвом; в обоих встречаются такие редкие слова, как χαριτώνυμος, σεβαστοκρατορίδης, λευκέρυθρον = ἐρυθρόλευκον; в одном и том же контексте употреблены ῥύστης, βλαστός, δένδρον и многие другие [174]. Что это — случайность или свидетельство в защиту тождества обоих поэтов, — сейчас еще рано судить.

---

[169] PG, t. 133, col. 1342 A. В комментарии к этому месту М. Матье (M. Mathieu. Cinq poésies byzantines des XIe et XIIe siècles. Byz., 23, 1953, p. 140 sq.), к сожалению, не разъясняет термина «галаты». Отмечу попутно, что она не учитывает конъектур Пападимитриу («Феодор Продром», стр. 369 сл.).

[170] PG, t. 133, col. 1381 A.

[171] E. Miller. Poëmes historiques..., p. 23.187—188. Τέμπη Γαλατικά упомянуты в одном из писем Италика (J. A. Cramer. Anecdota graeca, vol. III. Oxonii, 1836, p. 175.11).

[172] В. Васильевский. Житие Мелетия, стр. 47.1. Ср. Комментарий — *там же, стр. XVII.*

[173] О победе Мануила над русскими (Ῥώς) см. также в стихах анонимного автора XII в. (С. Шестаков. Заметки к стихотворениям codicis Marciani gr. 524. ВВ, XXIV, 1923—1926, стр. 49 сл.).

[174] C. Castellani. Epitalamio di Teodoro Prodromo per le nozze di Giovanni Comneno..., p. 12.15, 22.88, 30.156, 38.221 etc.

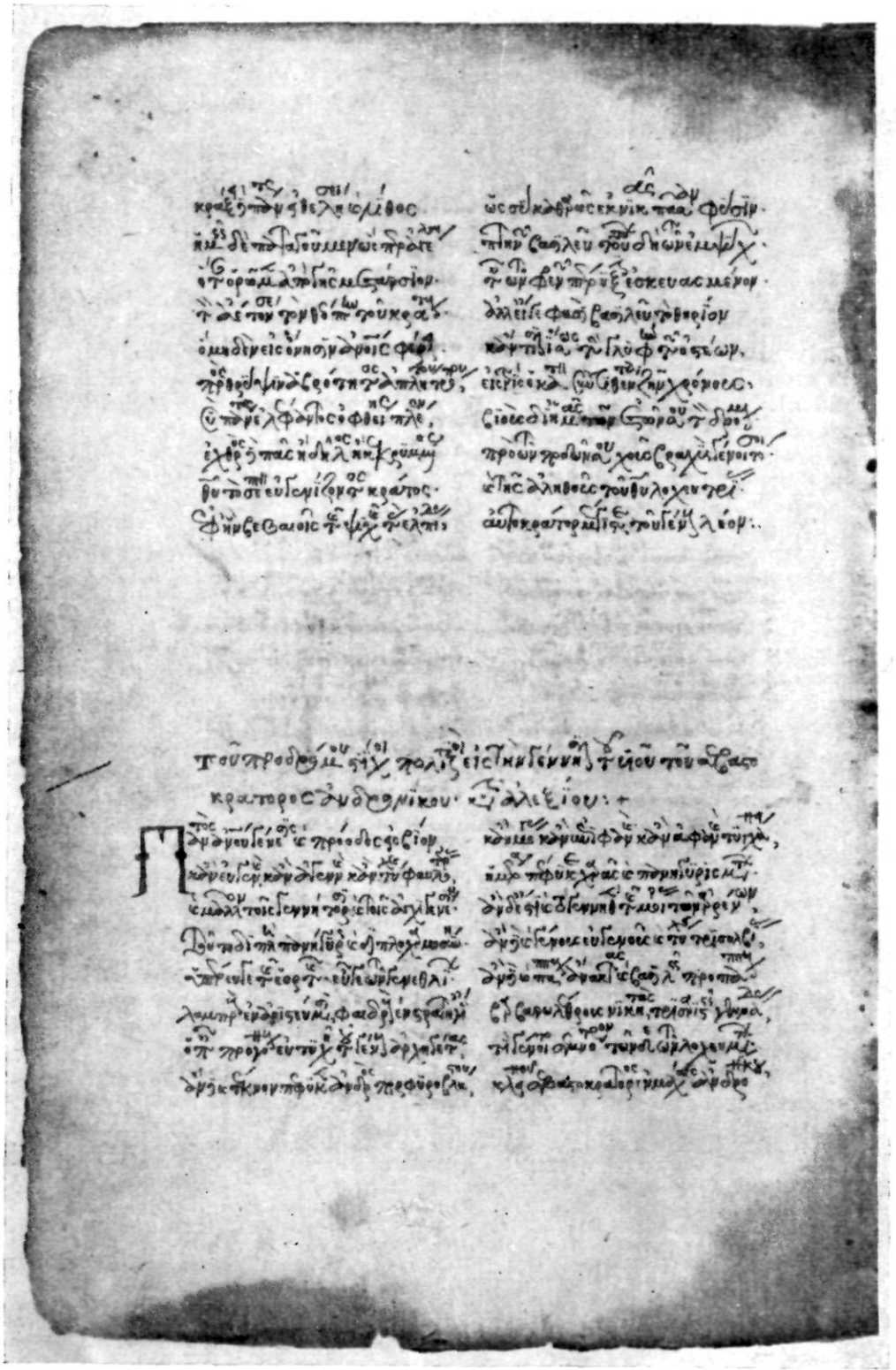

Рис. 1. Надписание и первые строки стихотворения Продрома на рождение Алексея Комнина (Рукопись ГИМ № 458/437, л. 189 об.)

л. 189 об.

Τοῦ ‹Θεοδώρου› Προδρόμου[а]

στίχοι πολιτικοὶ
εἰς τὴν γέννησιν τοῦ υἱοῦ σεβαστοκράτορος Ἀνδρονίκου κυροῦ Ἀλεξίου

Παντὸς ἀνθρώπου γένεσις καὶ πρόοδος εἰς βίον,
κἂν μέγας, κἂν ἐπιφανὴς, κἂν ἀφανὴς τυγχάνει,
κἂν εὐγενὴς, κἂν ἀγενὴς, κἂν τύχης φαυλοτέρας,
ἡμέρα πέφυκε χαρᾶς καὶ πανηγυρισμάτων
καὶ μᾶλλον τοῖς γεννήτορσι καὶ τοῖς ἀγχιγενέσιν.
Ἂν δ' ἔστι καὶ τὸ γεννηθὲν τῆς μοίρας τῶν ἀρρένων,
τοῦτο διπλῆ πανήγυρις καὶ διπλοχαρμοσύνη.
Ἂν δὲ καὶ γένους εὐγενοῦς καὶ τύχης τρισολβίας,
ὑπέρευγε τῆς ἑορτῆς, εὖγε τῶν γενεθλίων.
Ἂν δὲ καὶ πάππους ἄνακτας καὶ βασιλεῖς προπάππους,
λαμπροὺς ἐν ἀριστεύμασι, φαιδροὺς ἐν στρατηγίαις,
βαρβαρωλέθρους νικητὰς, τρισαριστεῖς γεννάδας
ὁ παῖς προγόνους εὐτυχεῖ[б], τοῦ γένους ἀρχηγέτας,
τί γένοιτο σεμνότερον τῶν δὲ τῶν λοχευμάτων;
Ἂν δὲ καὶ τέκνον πέφυκεν ἀνδρὸς πορφυροβλάστου,
κλεινοῦ σεβαστοκράτορος ἐν μάχαις Ἀνδρονίκου
л. 190 καὶ πιστουμένου φανερῶς τοῖς πράγμασι τὴν κλῆσιν,
καὶ χαρακτῆρος ἐναργῶς τῶν πατρικῶν χαρίτων,
καλεῖ πρὸς τὴν πανήγυριν καὶ τὰς ἀψύχους φύσεις.
Ἂν δὲ καὶ γέννημα μητρὸς ἀρίστης χρηματίζῃ[в],
εἰς γένος[г] ἦθος παίδευσιν, εἰς εἶδος ἀσυγκρίτου,
περικαλλοῦς[д] τῷ σώματι καὶ τῇ ψυχῇ τὸ πλέον,
ἀρρενωποῦ καὶ σταθηρᾶς ἐν γυναικείῳ σκήνει,
οὐκ ἔχω τὴν ὑπερβολὴν τῆς ἡδονῆς μετρῆσαι.
Ἅπαντα ταῦτα συνελὼν ὁ σὸς[е] κληροῦται γόνος,
ὁ προπαππωθειώνυμος Ἀλέξιος ὁ νέος,
πασῶν ἀρίστη γυναικῶν, βελτίστη βασιλίδων
καὶ σεβαστοκρατορισσῶν σέβας ὁμοῦ καὶ κράτος.
Τίς οὖν καλῶν ἀνέραστος ἢ φθονερὸς τοσοῦτον
ἢ πέτρινος[ж] λατόμητος ἢ σιδηρέα φύσις,
ὡς μὴ χορεύειν καὶ σκιρτᾶν ἐπὶ τοῖς λεγομένοις,
καὶ γεγηθέναι, καὶ κροτεῖν, καὶ μέγα παιανίζειν;
‹Σ›ὺ τοίνυν χαῖρε, βασιλεῦ, πρὸ τῶν λοιπῶν ἁπάντων
ἐπὶ τῇ γέννᾳ τῇ χρυσῇ τοῦ τηλαυγοῦς ἐκγόνου·

[а] *Лемма:* τοῦ προδρόμου
[б] *Рукопись:* ὁπ̃ προγόνους εὐτυχ̃, т. е. εὐτυχεῖν
[в] *Может быть,* χρηματίζει?
[г] *Рукопись:* γέννος
[д] *Рукопись:* περικαλοῦς
[е] *Рукопись:* ὅσος
[ж] *Рукопись:* πέτρηνος

ὁ γὰρ τοῦ γένους ἀρχηγὸς ἀρχέτω καὶ τοῦ γήθους
καὶ προηγείσθω τῆς χαρᾶς ὁ κόσμου προηγήτωρ.
Ἔχεις τοῦ γένους πληθυσμόν, τοῦ σπέρματος προσθήκην,
ἔχεις, ὦ δένδρον εὐθαλὲς ὑπέρευρυ καὶ μέγα,
τῶν χρυσοκλώνων αὔξησιν ἐκ τῶν παραφυάδων
καὶ τῶν βλαστῶν τῶν εὐγενῶν καὶ τῶν ἀποβλαστίδων,
μετρεῖ μετὰ τῶν παίδων σου καὶ τῶν τῶν παίδων παίδων
καὶ τοῦτον τὸν ἀρτιγενῆ ’αεβαστοκρατορίδην,
л. 190 об. τοῦ γλυκυτάτου σου[а] παιδὸς τὸν τόκον Ἀνδρονίκου,
τοῖς Κομνηνοῖς καὶ Κομνηνὸν ἄλλον προστίθει νέον,
τοῖς στρατηγοῖς σου σύναπτε καὶ στρατηγέτην ἄλλον.
Χαῖρε καὶ σὺ, πορφυραυγὲς[б], κλεινὲ σεβαστοκράτορ,
ἐπὶ τῷ νέῳ καὶ καλῷ καὶ γλυκερῷ παιδί σου,
ἀγκάλισαί σου τὸν υἱόν, περίπτυξε[в] τὸ τέκνον,
κἂν ἐκδημῇς ὡς ἐνδημῶν, ὡς βλέπων κἂν οὐ βλέπῃς,
ῥάνων αὐτὸ καὶ δάκρυον ἐξ ἄκρας χαρμοσύνης,
ἔστι γὰρ δάκρυ καὶ χαρᾶς, ὥσπερ ἔστι καὶ λύπης.
Χαῖρε καὶ σὺ, βασίλισσα, τοῦ γεννηθέντος μήτερ,
περιφανὴς ἐν γυναιξὶ, περικαλλὴς τῇ θέᾳ,
περίβλεπτος ἐν[г] τοῖν γενοῖν, ἐξ ἀρετῶν κοσμία,
ἐκ δὲ τοῦ λόγου μάλιστα πολλῷ κοσμιωτέρα·
τῇ γὰρ τεκούσῃ μάλιστα τὸ γεγηθέναι[д] πρέπει,
τῇ καὶ τοῦ τόκου τὰς πικρὰς ὠδίνας βαστασάσῃ.
Χαῖρε, ψυχὴ βασιλικὴ, χρυσοῦ καθαρωτέρα,
καὶ σῶμα τῆς τῶν οὐρανῶν λαμπρότερον οὐσίας·
ἀπὸ μὲν γὰρ τῶν οὐρανῶν εἷς ἥλιος ἀνίσχει,
σὺ δέ μοι δύο τηλαυγεῖς ἀνέτειλας ἡλίους,
ἄμφω λαμπροὺς καὶ καθαροὺς καὶ φωτεινοὺς ἰδέσθαι,
τὸν ἕνα τὸν προφάναντα καὶ τούτονι τὸν νέον·
καὶ μία μὲν ἐξ οὐρανῶν νυκτιπορεῖ σελήνη,
ἐκ σοῦ δὲ τρὶς[е] ἀνέφαυσαν[ж] ἡμεραυγεῖς σελῆναι.
Ἀλλ’, ὦ μεγίστη γυναικῶν, <ὦ>[з] τρισολβιωτάτη,
ἐκλαθομένη τῶν πολλῶν τοῦ τοκετοῦ φροντίδων,
τὴν πανοπλίαν σκεύαζε τοῦ νέου στρατιώτου·
л. 191 ἵπποι πωλοδαμνείσθωσαν[и] ἰσήλικες τῷ βρέφει,
ἀρραβικοὶ καὶ θετταλοὶ, τῆς μάχης ὑπηρέται,
ἑτοιμαζέσθω χαλινά, φάλαρα τεκταινέσθω,

[а] *Рукопись:* σοῦ

[б] πορφυραυγές. *Ср. C. Gallavotti. Laurentiani codicis..., p. 356.4.*

[в] *Пападимитриу:* περίπτυξαι

[г] *Рукопись:* ἐν ἐν

[д] *Рукопись:* τῶ γεγηθέναι

[е] *Может быть, надо читать* τρεῖς *(так Пападимитриу).*

[ж] *Пападимитриу:* ἀνέφηναν

[з] *Дополняю в соответствии с размером.*

[и] *Ср. Plutarchus. Moralia, 2. F (vol. I. London—New York, 1927, p. 10.26).*

γένος κυνῶν θηρευτικῶν ἰχνευτικῶν δρομάδων,
συνανηβάτω τῷ παιδὶ καὶ γένος ἱεράκων,
σφυροκτυπείσθω σίδηρος εἰς ὅπλων ἐργασίαν,
θώραξ ποιείσθω σιδηροῦς καὶ σιδηρὰ κυνέη
καὶ σάκος ἐπταβόειον[а] καὶ σιδηραῖ κνημίδες,
δόρυ ξεέσθω μείλινον[б], τόξον ἑτοιμαζέσθω,
καὶ τῶν βελῶν τὰ στόματα γενναίως ἀκονείσθω,
σπάθη γινέσθω δίστομος καὶ στίλβουσα ῥομφαία,
καταρτυέσθω γωρυτός, ραπτέσθω τοξοδόχη,
ἅπαν πολέμου πρόβλημα, βέλους παντὸς ἰδέα.
Θρέψον τὸν παῖδα μυελοῖς ἐλάφων[в] καὶ λεόντων,
ὡς ἄλλον ἥρωα χρυσοῦν, ὡς ἄλλον Ἀχιλλέα·
παράδος τοῦτον Χείρωνι, βελτίστῳ παιδοτρίβῃ,
τῆς ἱππικῆς καὶ τοξικῆς ἀρίστῳ διδασκάλῳ,
καὶ Φοίνικι παιδαγωγῷ, σώφρονι καὶ κοσμίῳ.
Τάχα γὰρ μάχη Τρωϊκὴ συγκροτηθῇ καὶ πάλιν,
καὶ πάλιν Ἕκτωρ καθ' ἡμῶν ἐπέλθοι[г] ξιφηφόρος,
ὅλας ῥηγνὺς[д] τὰς φάλαγγας, κτιννὺς τοὺς ἀριστέας
καὶ πυρπολῶν τὰς φάλαγγας καὶ βάλλων τοὺς συμμάχους,
καὶ δεηθῶμεν τοῦ καλοῦ καὶ πάλιν Ἀχιλλέως.
Πρόσθες ἀρχέτυπον αὐτῷ τοὺς τῶν προγόνων ἄθλους,
παρ' οὓς ὁρῶν ἀπευθυνεῖ τὰς ἕξεις τὰς ἰδίας,
πρόσθες μοι τὰς προπαππικὰς μεγίστας στρατηγίας,
л. 191 об. ἐκείνας λέγω τοῦ στερροῦ τὰς νίκας Ἀλεξίου·
πρόσθες μοι καὶ τὰς παππικὰς ἀρίστας ἀριστείας,
τὰς τοῦ κρατίστου μέδοντος καὶ τοῦ χαριτωνύμου,
τὰς τετραχῆ[е] τοῦ σύμπαντος κόσμου καινουργηθείσας —
περὶ δυσμὴν ἀνατολὴν ἄρκτον καὶ μεσημβρίαν.
Χαῖρε καὶ σύ μοι, Βυζαντὶς, ἡ νεωτέρα Ῥώμη,
ἔχεις καὶ πάλιν πρόβολον καὶ πρόμαχον καὶ ῥύστην,
ὑπέρμαχον ἐκδικητὴν, σωτῆρα τροπαιοῦχον,
ἔχεις καὶ πύργον ἕτερον, ἔχεις καὶ τάφρον ἄλλην[ж],
πύργον ἀχειροποίητον, τάφρον ἀδαμαντίνην.
Χαίρετε, θεῖοι βασιλεῖς καὶ θεῖαι βασιλίδες
καὶ σύμπαντες οἱ προγενεῖς σὺν τοῖς ἐξ ἀγχιστείας[з],

[а] *Рукопись:* σάκκος ἐπταβόειος. *Ср. Ил., VII, 219—220, 222.*

[б] *Ср. Ил., V, 666.*

[в] *Ср.* μυελὸς ἐλάφων ἐθρέψατο *в монодии Никиты Евгениана на смерть Продрома (L. Petit. Monodie de Nicétas Eugénianos..., p. 456.11), где вообще часто используются обороты нашего автора.*

[г] *Может быть,* ἐπέλθῃ

[д] *Рукопись:* ῥηγγνὺς

[е] *Рукопись:* τάς τε τραχῆ. *Конъектура С. Кириакидиса. Пользуюсь случаем, чтобы еще раз выразить ему свою благодарность.*

[ж] *Ср. стихотворение Продрома на смерть Мануила Анемы (Manuelis Philae Carmina, II, p. 359.56—57); A. Majuri. Anecdota Prodromea, p. 529.30.*

[з] *Рукопись:* ἐξαγχιστεί(ας)

ἀγάλλου, τὸ γεροῦσιον, σκίρτα, τὸ θεῖον βῆμα,
κροτεῖ, τὸ πᾶν ὑπήκοον, ἢ μάλιστα κροτοῦμεν·
μόνοι θρηνεῖτε, βάρβαροι, μόνοι θρηνεῖτε, Πέρσαι,
ἀρτιθηγὲς γὰρ καθ' ὑμῶν[а] βέλος ἐθήχθη βέλος.
Μάθετε, φάλαγξ ἐθνική, μάθετε, τέκνα Μήδων,
σύνετε, Πέρσαι καὶ Κελτοί, Δαλμάται καὶ Γαλάται·
γνῶτέ μοι, φάλαγξ ἐθνική, γνῶτέ μοι καὶ τροποῦσθε,
ὅτι παιδίον εὐγενὲς υἱὸς ἡμῖν ἐτέχθη,
ὁ Κομνηνὸς Ἀλέξιος, ὁ τρίτος Ἀλεξίῳ,
ἔχων ἐπ' ὤμων ὀχυρῶν τὴν ὅλην δυναστείαν,
οὗ τῆς μητρὸς τῆς ἱερᾶς τῆς εἰρηνεπωνύμου
τῶν ἀμυθήτων ἀρετῶν καὶ τῶν πολλῶν χαρίτων
οὐκ ἔστι<ν> ὅριον οὐδέν, κατὰ τὴν προφητείαν[б].
Ἀλλ' ὦμοι, τέκνον εὐτυχὲς ἀρίστων γεννητόρων,
л. 192 οὐκ ἀπὸ μόνης εὐγενὲς τῆς πατρικῆς ἀξίας,
ἀλλ' ἐξ ἀπείρων γενεῶν, ἀπὸ τρισεπιπάππων,
ὦ βλάστημα βασιλικὸν βασιλικῆς ἐκ ῥίζης,
περικαλλὲς νεόφυτον ὀλβιωτάτου δένδρου,
τῆς σὲ τεκούσης ὀφθαλμέ, τοῦ σοῦ πατρὸς καρδία,
τῶν ἀδελφῶν καλλώπισμα καὶ τῶν πρωτεξαδέλφων,
ἀπὸ πατρός τε καὶ μητρὸς γεννάδα στρατιῶτα
καὶ τῆς ἀνδρείας τὰς πηγὰς ἐξ ἑκατέρων φέρων,
κλῆσις γλυκεῖα καὶ τερπνὴ καὶ μᾶλλον τοῖς γονεῦσι,
ἄστρον λαμπρὸν ἀρτιφαὲς, ἀκτὶς ἡλίου νέα[в],
νᾶμα γλυκὺ νεόβρυτον πηγῆς καθαρωτάτης,
ῥόδον χρυσῆς ῥοδωνιᾶς, λευκέρυθρον[г] εὐώδες,
μάργαρε πολυτίμητε, νυκτιλαμπὶς, λυχνῖτα,
κρίκε χρυσῆς ἁλύσεως, ἄνθραξ, ἐν λίθοις ἄναξ,
ἱέρακος ταχυπετοῦς νεόττιον ὡραῖον,
ἐμφαῖνον ἐκ τοῦ τοκετοῦ τὰς πτητικὰς δινάμεις
καὶ τὸ πρὸς ἄγραν εὐφυὲς ἐξ ἁπαλῶν ὀνύχων,
φιλομοζύγου σώφρονος σεμνῆς τρυγόνος γόνε,
καρπὲ ῥοιᾶς πολυανθοῦς, βότρυ καλῆς ἀμπέλου,
ὑπὲρ τὸ μέλι γλυκερέ, κἂν ὁμφακίζῃς ἔτι,
πέρδικος θείου νεοττέ, χρυσοῦ ταῶνος γόνε,
ὃ πρὶν γενέσθαι ζηλωτὸς καὶ πρὶν τεχθῆναι μάκαρ[д]
καὶ πρὶν ἰδεῖν τὸν ἥλιον, λαμπρότερος ἡλίου.
Καὶ τἄλλα μέν σοι θαυμαστὰ τοῖς πᾶσι καὶ μεγάλα,
τὸ γένος ὡς ἡρωϊκὸν, ὑπὲρ τοῦ Κόδρου γένος[е]

[а] *Рукопись:* ἡμῶν

[б] *Исайя, 9, 17.*

[в] *Рукопись:* νέου, *но над* ου *надписано* α

[г] *Ср. еще у Продрома:* τὸ λευκέρυθρον πορφυράνθητον ῥόδον *(Manuelis Philae Carmina, II, p. 362.129).*

[д] *Рукопись:* μάκρα

[е] *Ср. PG, t. 133, col. 1293B.*

(μυρίων γὰρ ἀπόγονος τυγχάνεις βασιλέων,
л. 192 об. κρατούντων ἐκ διαδοχῆς καὶ μονοκρατορούντων)·
πατέρα κέκτησαι λαμπρὸν, τὸν μέγαν βασιλέα,
μητρὸς ἐξέφυς ἱερᾶς, γένει λαμπρᾶς καὶ κάλλει·
ἔστι σοι πλοῦτος περισσὸς, χρυσοϋφεῖς ἐσθῆτες
(τὰ παιδικὰ καὶ βρεφικὰ καὶ σπαργανώδη ῥάκη,
χρυσᾶ καὶ λιθοκόλλητα[а] καὶ βρίθοντα μαργάροις),
ἔχεις πληθὺν ὑπασπιστῶν[б], πληθὺν ἱπποστασίων,
χώρας λαμπρὰς ὑποτελεῖς, οἰκίας ὑψιστέγους
καὶ τἄλλα τὰ τῆς μείζονος βασιλικῆς ἀξίας.
Ἐγὼ δὲ ταῦτα παρορῶν, ἄλλο θαυμάζω πλέον[в],
τοῦ τοκετοῦ σου τὸν καιρὸν, τῆς γέννας τὴν ἡμέραν·
ἐν γὰρ τῇ πρώτῃ καὶ σεμνῇ τῶν ἡμερῶν δεσποίνῃ
συνεξανέστης τῷ Χριστῷ καὶ συμπροῆλθες τούτῳ,
θαῦμα, νεκρὸς ἐννάμηνος νεκρῷ τῷ τριημέρῳ
καὶ πρὸς τὸ φῶς ὀλίσθησας καὶ τὴν ἡμέραν εἶδες,
πλακὸς ἐκ ζώσης προελθὼν, ἐκ τάφου κινουμένου,
ὥσπερ νυμφίος ἐκ παστοῦ, κατὰ τὴν ψαλμῳδίαν[г].
Ὅθεν καὶ μάντιν ἀγαθὸν ἡγοῦμαι τὴν ἡμέραν,
ὡς πάντα σοι χαρίεντα πρὸς βίον ἀπαντήσοι
καὶ τὸν συναναστάντα σοι καὶ συνεργάτην ἕξεις.
Ἀλλ' αὔξανε καὶ κραταιοῦ, τρισευγενὲς παιδίον,
καὶ πρόκοπτε καὶ πρόβαινε βασιλικῷ τῷ πήχει
καὶ νίκα τοὺς ὁμήλικας καὶ τοὺς πρὸ σοῦ τῷ χρόνῳ,
παῖς ἀπὸ βρέφους μοι γενοῦ, μεῖραξ ἀπὸ παιδίου,
κἀνταῦθα σφαίριζε γοργῶς, ἀρίστως κυνηγέττε[д],
ἱππεύε, τόξευε καλῶς, γυμνάζου πρὸς τὰς μάχας·
л. 193 παράμειψον τὸν μείρακα, τὸν νεανίσκον φθάσον,
κἀνταῦθα μάχου κραταιῶς, συμπλέκου τοῖς βαρβάροις,
ἔκτεινε[е] χεῖρα κραταιὰν, βραχίονι γενναίῳ,
τοῖς αἵμασι τῶν ἀσεβῶν τὴν σπάθην σου πορφύρου
καὶ τέρπε τοῖς τροπαίοις σου τοὺς σὲ γεγεννηκότας,
καὶ πανσελήνους καὶ λαμπρὰς κομίζου μοι τὰς νίκας.
Συζεύγνυσο καὶ γυναικὶ τοῦ γένους ἐπαξίᾳ
καὶ γέννα παῖδας ἐξ αὐτῆς ἄρρενας καὶ θηλείας,
τοὺς μὲν ὁμοίους τῷ πατρί, τὰς δὲ τῇ γειναμένῃ[ж]·
εἰς γῆρας ἔλαυνε βαθύ, μέχρι πεμπέλου φθάνον
καὶ δούλευέ σου τῇ μητρὶ μέχρι τερμάτων βίου.

[а] *Рукопись:* λιθοκόλλιτα

[б] *Рукопись:* ὑσπασπιστων

[в] *Ср. C. Gallavotti. Laurentiani codicis..., p. 373.335.*

[г] *Пс. 18 (19), 6. Ср. подобную же ссылку на псалмы в другом стихотворении Продрома: C. Gallavotti. Op. cit. p. 369.157.*

[д] *Рукопись:* κυνηγέτει. *Можно было бы также* κυνηγετεῖ ἀρίστως

[е] *Рукопись:* ἔκτειναι

[ж] *Рукопись:* τοὺς δὲ τῇ γειναμένῃ

2. СИНОДАЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ 1166 г.

В III выпуске «Патриарших регест» В. Грюмеля упомянуты среди других документов два синодальных постановления. Одно из них, по мнению Грюмеля, потеряно; от него сохранился лишь титул и протокол в московской рукописи ГИМ 445/322, л. 35 об.[1]. Другое, напротив, уцелело (в той же рукописи, л. 38—38 об.), но титул его утерян; содержание этого постановления Грюмелю не известно — он сообщает лишь, согласно каталогу архим. Владимира[2], начальную фразу документа[3].

В действительности, однако, речь должна идти не о двух, а об одном синодальном постановлении. Грюмель был введен в заблуждение недостаточно точными сведениями Владимира, который в свою очередь не обратил внимания на то, что в рукописи перепутаны страницы. В связи с этим следует прежде всего дать новое описание соответствующих листов (лл. 30—41 об.) рукописи ГИМ 445/322 — сборника, который Владимир датировал XV в.

л. 30. Φωτίου τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Περὶ διγαμίας καί τινων ἑτέρων διαφόρων κεφαλαίων[4].

Текст распадается на пять статей:

1) Нач.: Πάντα τῆς ἡμῶν ἀρχιερατικῆς τελειότητος (Photii, ep. 19: PG, t. 102, col. 781D, где стоит ὑμῶν).

л. 31 об. 2) Нач.: Ἔγραψέ σου ἡ ὁσιότης (ep. 20, col. 788A).

л. 32. 3) Нач.: Οὐχ οὕτως ἐμηνύσαμεν (ep. 21, col. 788D).

л. 32 об. 4) Нач.: Θαῦμα ἡμᾶς κατέσχε (ep. 22, col. 789B, где после θαῦμα стоит μὲν).

л. 33. 5) Нач.: Ἀφικεῖται ἡμῖν γράμματα (ep. 23, col. 792A).

л. 33 об. обрывается на середине фразы, заканчиваясь словами: ἐπὶ προδήλῳ τῆς πορνείας ἁμαρτήματι [в изданном тексте (col. 793A): τῆς ἁμαρτίας ἐγκλήματι] ἁλόντας. Продолжение следует не на л. 34, как можно было бы ожидать, а на л. 36: ὡς καθαροὺς καὶ ἀμώμους (изд.: ἀμέμπτους) — и далее до конца послания № 23, где, между прочим, на нескольких строках встречается ряд разночтений:

PG	Рукопись ГИМ
τοὺς ταύτην κακῶς ἀποθεμένους κοσμῆσαι	τούτους κατακοσμῆσαι
δ' ἔστησαν	διέστησαν
ὁ δεύτερος	ὁ δὲ δεύτερος
εἴτε μὴ	εἴτε καὶ μὴ
σύνευσις	συναίνεσις
οὐμενοῦν ἀθώωσιν	οὐμενοῦν οὐκ ἂν εἰς ἀθώωσιν

Приведенные примеры показывают, что рукопись ГИМ 445/322 может оказаться существенной для критического издания писем Фотия[5].

[1] V. Grumel. Les regestes des actes du patriarcat de Constantinople, f. 3; 1947, № 1072.

[2] Архим. Владимир. Систематическое описание рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. М., 1894, стр. 464.

[3] V. Grumel. Regestes..., f. 3, № 1108.

[4] καί τινων ... κεφαλαίων у Владимира опущено.

[5] Уже Грюмель, располагавший фотографией л. 36, правильно заметил, что — вопреки Владимиру — лист начинается не с синодального постановления Луки Хрисоверга; он считал, однако, этот текст решением патриарха Алексея Студита, которое в значительной своей части восходит к актам Фотия (V. Grumel. Regestes..., f. 3, № 1072; ср. ibid., f. 2, № 848). Но в нашей рукописи статья прямо приписана Фотию.

За письмами Фотия следуют три статьи, тесно между собой связанные.

л. 36. Синодальное постановление патриарха Луки Хрисоверга от понедельника (ἡμέρᾳ δευτέρᾳ) 11 апреля 1166 г. о запрещении браков между родственниками в 7-й ступени[6].

Титул и протокол в нашей рукописи отличаются от издания Леунклавия, что частично было уже отмечено Грюмелем[7]; текст, впрочем, не обнаруживает существенных разночтений. Л. 36 об. кончается словами: πῶς δὲ (Leuncl., I, p. 219.3), — следующие же слова (τὸ ἐπιβούλως) стоят не на л. 37, а на л. 34.

Синодальное постановление в нашей рукописи завершается словами: καὶ οἱ ἱερολογῆσαι τολμήσαντες καθαιρεθῆσει ὑποβληθήσονται (Leuncl., I, p. 220.2—3), тогда как имеющаяся в издании Леунклавия скрепа с датой и именем Иоанна Айофлорита здесь отсутствует.

л. 34 об. Новелла Мануила I, подтверждающая синодальное постановление Луки Хрисоверга[8].

Эта новелла издана К. Э. Цахариэ фон-Лингенталем[9] по Cod. Paris. 1355; парижский кодекс датируется XV в.[10] В нашей рукописи новелла имеет иной титул: Νεαρὰ τοῦ μακαρι<ω>τάτου βασιλέως κῦρ Μανουὴλ τοῦ Κομνηνοῦ ἐπικυρωτικὴ τοῦ τοιούτου συνοδικοῦ σημειώματος, тогда как в изданном титуле императорская грамота названа простагмой. Вместе с тем в московской рукописи отсутствует находящаяся в парижском кодексе ошибочная датировка — 18 марта: естественно, что простагма Мануила I должна была быть издана после синодального постановления 11 апреля. Уже Цахариэ предположил, что вместо μηνὶ μαρτίῳ парижской рукописи следует читать μαΐῳ[11]; действительно, 18 мая 1166 г. была среда, как и указано в парижской рукописи (ἡμέρᾳ δ'). 18 мая 1166 г. — дата не издания, а регистрации (κατεστρώθη) простагмы[12].

Текст в московской рукописи значительно отличается от изданного и дает сплошь и рядом лучшее чтение. Привожу разночтения:

	По изданию Цахариэ	По рукописи ГИМ
	стр. 483	
стк.	15: διαγνωσθέντα	ὁρισθέντα
»	17: βαθμοῦ ἐξ αἵματος	ἐξ αἵματος βαθμοῦ
»	22: καὶ γοῦν] τὸν ἐκτεθέντα	καὶ τὸν ἐκτεθέντα

---

[6] V. Grumel. Regestes..., f. 3, № 1068. Издано: J. Leunclavius. Juris graeco-romani tam canonici quam civilis tomi duo. Francofurti, 1596, p. 217—220. 11 апреля 1166 г. действительно понедельник.

[7] Дополнительно можно указать на иной порядок епископов в протоколе (τοῦ Σμύρνης, τοῦ Μιτυλήνης и τοῦ Νίκης, τοῦ Βρύσεως) и на иное написание названий епископий (Κερκύρας).

[8] F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, T. II. München — Berlin, 1925, № 1468.

[9] C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, v. III. Lipsiae, 1857, p. 483—485. Немецкий перевод: J. Zhishman. Das Eherecht der orientalischen Kirche. Wien, 1864, S. 247f.

[10] См. H. Omont. Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale, p. II. Paris, 1888, p. 21 sq. К сожалению, в кратком описании Омона новелла Мануила I не значится.

[11] C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus..., III, p. 483, n. 3. Цахариэ обращает внимание на конец простагмы, где говорится, что она была подписана императором в апреле и зарегистрирована в мае (ibid., p. 485.10—14).

[12] В. Фишер (W. Fischer. Studien zur byzantinischen Geschichte des XI. Jhdts. Plauen i. V., 1883, S. 44) ошибочно относит к 18 мая издание «императорского декрета». Так и J. Zhishman. Das Eherecht..., S. 248, A. 1.

стк. 25:	κατὰ γνώμην] αὐτῆς	αὐτῇ
» 26:	συμβαίνει	συμβαίνουσι
» 27:	διενοήσαντο	διενοηθήσαντο
	стр. 484	
» 9:	ἱερολογήσαντας	ἱερολογήσοντας
» 10—11:	ἐκ βασιλέων [γένους	ἐκ βασιλείου
» 11:	τῶν ἄλλων [εὐγενεστάτων	τῶν ἄλλως
» 15:		опущено: καὶ
» 17:	ἀναγκαίου ζητήματος	ζητήματος ἀναγκαίως
» 20:	πασῶν μὲν προκαθημένη	τῇ πασῶν προκαθημένῃ
» 21:	πᾶν	πάντα
» 24:	εἰτ' ἀληθὲς	ἢ τἀληθὲς
» 25:	ἀποστολικοῖς	πολιτικοῖς
» 26:	εἰς τὸ ἑξῆς	καὶ εἰς τὸ ἑξῆς
» 26:	ἀμετατρέπτως	ἀμεταπτώτως
» 32:	πολλῷ	πολλῷ τε
» 33:	ἀπρεπὲς μετὰ	ἀπρεπὲς μὲν παρέπεται μετὰ
» 35:	ἐγγυτέρω καὶ	опущено: καὶ
» 37:	τῶν γάμων	ἐν γάμοις
» 38:		опущено: καὶ

стр. 485

стк. 1:	πολλαχῶς	πολλαχοῦ
» 2—3:	μᾶλλον αὖθις τὴν αὐτῆς ἀπόστασιν	αὖθις εἰς μᾶλλον τὴν ἑαυτῆς ἀπόφασιν
» 5:	ἡμῶν βασιλεία	βασιλεία ἡμῶν
» 6:	χαρτοφυλακείῳ	χαρτοφυλακίῳ
» 7:	πᾶσι	πᾶσι δὲ

Оба разночтения, приведенные у Цахариэ в соответствии с изложением простагмы у Вальсамона (к стр. 484.24—25), подтверждаются текстом нашей рукописи.

Скрепа в московской рукописи (л. 35 об.) короче: τό·μηνὶ Ἀπριλλίῳ ἰνδ. ιδ'·τοῦ βασιλέως. ἡ διὰ κηροῦ καὶ τὸ λογοθέτου τοῦ δρόμου τοῦ Ἁγιοθεοδωρίτου τοῦ Μιχαήλ. Упоминания о регистрации в мае нет.

л. 35 об. Титул и протокол синодального постановления от понедельника 25 апреля 1166 г. (Действительно, 25 апреля 1166 г. приходится на понедельник).

Конец протокола и неизданный текст постановления (Нач.: ὁ νόμος κυρίου ἄμωμος — на л. 38. Завершается текст на л. 38 об.

л. 38 об. Μιχαὴλ κριτοῦ καὶ ἀνθυπάτου τοῦ Ἀτταλειώτου Ἔκθεσις σύντομος νομικῶν κεφαλαίων πρὸς τὸν βασιλέα.

Рукопись содержит введение [Нач.: ‹μ›έλλων, ὦ θειότατε βασιλεῦ, κατὰ τὸ ἐπιτεταγμένον μοι (изд. Leuncl., II, p. 1 sq., где читаем: ἐπιτετραμμένον)] с рядом разночтений, из которых наиболее значительные — в конце:

Издание Леунклавия	Рукопись ГИМ
стр. 3.7—11	
περιστάντων	περιστάντες
ἐννενήκοντα καὶ πέντε	λζ'
ἀπὸ τῶν προσώπων	ἀπὸ προσόντων
ἐπιγραφὴ	ὑπογραφὴ

Введение оканчивается на л. 39 об., после чего следует полностью 41-й титул сочинения Атталиата (Leuncl., II, p. 35 sq.): Περὶ βαθμοῦ συγγενῶν («О степенях родства»). Л. 39 об. завершается словами τοῦτον τὸν βαθμόν (Leuncl., II, p. 35.20), после чего текст продолжается на л. 37 и 37 об., где последние слова: ἵνα εἰς τὰ τῶν ἰδίων γονέων (Leuncl., II, p. 36.50—51). Далее текст продолжается на л. 40 и 40 об. и завершается словами καὶ ἄλλοις μεταδοίημεν ἀσφαλείας — см. Leuncl., II p. 37. 46—47, где стоит ἄλλης).

Титул 41-й по содержанию примыкает к трем предшествующим статьям.

л. 40 об. Без титула статья с изложением краткой истории римского законодательства от XII таблиц до издания «Василик» и новелл Льва VI.

Нач.: Ἀεῖ γινώσκειν, ὅ τι ἐν τῇ πρώτῃ ἀρχῇ καὶ γενέσει τῆς Ῥώμης.

Отмечу повторяющуюся описку Δίστεγα вместо Δίγεστα.

Статья Владимиром не отмечена.

л. 41 об.: Без титула разъяснение латинских терминов.

Поскольку синодальное постановление от 25 апреля 1166 г. до сих пор не издавалось, привожу его текст по рукописи ГИМ 445/322, л. 35 об, 38—38 об.

Титул: (л. 35 об.)

Συνοδικὸν σημείωμα
ἐπὶ τῇ ἀναγνώσει τῆς νεαρᾶς <τοῦ βασιλέως
κῦρ Μανουὴλ τοῦ Κομνηνοῦ>

Протокол: Μηνὶ Ἀπριλλίῳ κε′, ἡμέρᾳ β′, ἰνδ. ιδ′, προκαθημένου Λουκᾶ, τοῦ ἁγιωτάτου ἡμῶν δεσπότου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου, ἐν τοῖς δεξιοῖς Ἀλεξιακοῖς κατηχουμενείοις, συνεδριαζόντων τῇ μεγάλῃ ἁγιωσύνῃ αὐτοῦ ἱερωτάτων ἀρχιερέων·

τοῦ Γαγγρῶν[а], τοῦ Κορίνθου, τοῦ Μωκισοῦ[б], τοῦ Λαρίσσης, τοῦ Σμύρνης, τοῦ Νέων Πατρῶν, τοῦ Θηβῶν, τοῦ Κερκύρας, τοῦ Παροναξίας, τοῦ Μαρωνείας, τοῦ Ἀρκαδιουπόλεως, τοῦ Προικονήσου, τοῦ Βρύσεως, τοῦ Δέρκου καὶ τοῦ Ἀγχιάλου, (л. 38) <π>αρισταμένων καὶ θεοφιλεστάτων δεσποτικῶν ἀρχόντων.

Текст: Ὁ νόμος <τοῦ>[в] κυρίου ἄμωμος, ἐπιστρέφων ψυχάς· τοῦτο πάλαι μὲν τῷ ἱεροφάλτῃ Δαυὶδ [προερραψῴδηται?][г], μελῳδοῦντι ἐν πνεύματι[д], ὑφ' ἡμῶν δὲ σήμερον ἐπικαιρότατα ἁσματίζεται. Ὁ γὰρ θεοστεφὴς ἡμῶν αὐτοκράτωρ, ἡ θεόσοφος ὄντως ψυχή, ᾗ ὡς πλάκινον τῷ[е] δακτύλῳ θεοῦ ὁ θεῖος νόμος καὶ τὰ τοῦ θεοῦ δικαιώματα[ж] καὶ τὰ σωτηριώδη διδάγματα ἐγκεκόλαπται, ᾧ καὶ χύμα σοφίας καὶ καρδίας[з] πλάτος ὡς νέῳ Σολομόντι ὑπὲρ τοὺς πώποτε βασιλεῖς ὁ θεὸς ἐδωρήσατο, τὸ πρὸ μακροῦ μικροῦ τὴν οἰκουμένην πᾶσαν ἐπινεμόμενον δεινόν, δηλαδὴ τὸν ὑπὸ τοῦ ἐξ αἵματος ἑβδόμου βαθμοῦ τολμώμενον γάμον, θείῳ προσκυνητῷ θεσπίσματι τῆς ἀκαθέκτου ῥύμης στήσας, τὴν ἐπὶ τὸ πρόσω καὶ ἔτι φορὰν αὐτοῦ διεκώλυσεν, ἀπὸ τοῦ τῆς καρδίας αὐτοῦ ἀγαθοῦ θησαυροῦ[и], ἐν ᾗ ὁ τοῦ κυρίου νόμος ἄμωμος τεταμίευται, θεῖον νόμον ἀπερευ-

---

[а] *Грюмель:* Γαγγῶν

[б] *Рукопись:* Μωκησοῦ

[в] *Пс. 18, 8.* Τοῦ *восстанавливаю по каноническому тексту псалма.*

[г] *В рукописи непонятно:* προκεκ θαρώδηται

[д] *Ср. Мтф., 22, 43.*

[е] *Ср.* πλάκας λιθίνας γεγραμμένας τῷ δακτύλῳ τοῦ θεοῦ — *Исх., 31, 18. Ср. Втор., 9, 10. В рукописи* τῇ

[ж] *Ср. Исх., 24, 3; Втор., 4, 40 и др.*

[з] *Ср.* χύμα καρδίας — *III Царств, 4, 25 (29).*

[и] *Втор., 28, 12.*

ξάμενος, ψυχὰς τοῖς τοῦ παρόντος βίου ἐναπομενούσας ποικίλοις τερπνοῖς πρὸς θεὸν ἐπιστρέφοντα. Καὶ ὡς τῆς τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίας τὴν ἐπιστημοναρχικὴν ἐμπεπιστευμένος θεόθεν πρὸς τὴν τοῦ κυρίου ἐκκλησίαν καὶ τὸν λαὸν ἐξαπέστειλε, τὰ περὶ τῆς ἡμῶν μακαριώτητος[к] καὶ τῆς ἱερᾶς ἀδελφότητος ἔναγχος περὶ τοῦ ῥηθέντος γάμου τοῦ ἐξ αἵματος ἑβδόμου βαθμοῦ ἐκφωνηθέντα καὶ ὁροθετέντα, ὡς τοῖς θείοις θεσμοῖς καὶ τοῖς πολιτικοῖς συνάδοντα νόμοις, οὐ μόνον ἀποδεξάμενος, ἀλλὰ τὴν εἰς τὸ ἀπέραντον διαμονὴν αὐτοῖς βεβαίαν καὶ ἀπαράτρωτον χαρισάμενος διὰ τοῦ ῥηθέντος θείου προσκυνητοῦ προστάγματος, ὃ καὶ εἰς ὑπήκοον ἀνεγνώσθη, ὡς ἄνωθεν ἡ νεαρὰ διέξεισι κατὰ ῥῆμα.

Ὡς οὖν τὸ τοιοῦτον θεῖον προσκυνητὸν πρόσταγμα ἀνεγνώσθη, ἅπαντες προσεκύνησαν καὶ στήλην σωτηριώδους τοῦτο θεσμοθεσίας ὠνόμασαν, τοὺς μὲν ἐννόμους γάμους κρατύνουσαν, τοὺς δὲ κιβδήλους διακωλύουσαν, ἐκκλησιαστικῶν τε κανόνων ὑπέρεισμα καὶ πολιτικῆς νομοθεσίας ἑδραίωμα προσηγόρευσαν, ὃ καὶ τῷ ὑφ' ἡμᾶς εὐαγεῖ χαρτοφυλακίῳ οἷα θησαυρός τις ἐναποκείσεται (л. 38 об.) ἄσυλος.

Скрепа: Ἡ ὑπογραφή· ὁ χαρτοφύλαξ τῆς ἁγιωτάτης[л] μεγάλης ἐκκλησίας καὶ ἀρχιδιάκονος Ἰωάννης ὁ Ἁγιοφλωρίτης.

Издаваемое здесь синодальное постановление завершает законодательную деятельность, связанную с запрещением браков между родственниками в седьмой ступени. Начало было положено постановлением, принятым 11 апреля в синоде под председательством патриарха Луки Хрисоверга (1157—1169/70); вслед за тем появилась новелла Мануила I, которая, между прочим, приоткрывает политический смысл всего законодательства. Мануил прямо говорит о лицах императорской фамилии (τῶν ἐκ βασιλείου γένους) и о знатных лицах или занимающих высокий пост (τῶν ἄλλως εὐγενεστάτων καὶ περιδόξων ἐν ἀξιώματι)[13], брачные *связи которых стремится контролировать император*[14].

Мануилу I приходилось постоянно опасаться оппозиции высшей феодальной знати, особенно своих ближайших родственников, принадлежавших к клану Комнинов. Севастократор Исаак Комнин готов был в любой момент выступить против брата, занявшего престол, который должен был бы достаться ему самому[15]. Еще более опасен был двоюродный брат Мануила — Андроник. Ирина, вдова покойного брата василевса, севастократора Андроника, по-видимому, непрерывно интриговала против Мануила: во всяком случае ее высылали по подозрению в заговоре (см. выше, стр. 76).

Разумеется, браки между представителями высшей знати, скрепляя политические союзы виднейших фамилий, могли стать опасными для императора. Вот почему думается, что постановлением, запрещавшим браки между близкими родственниками, Мануил I стремился в первую очередь поставить под свое наблюдение брачные союзы знати. Церковь поддержала василевса.

[к] *Рукопись:* μακαριότητος

[л] τῆς ἁγιωτάτης *опускает Владимир.*

[13] C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus..., III, p. 484.10—12. Конъектуры по рукописи ГИМ 445/322 (см. выше, стр. 86).

[14] Дж. Финлей (G. Finley. A History of Greece, vol. III. Oxf., 1877, p. 148) видит в новелле Мануила I лишь лицемерное постановление в условиях, когда при дворе обычным явлением становятся связи между близкими родственниками.

[15] См. F. Chalandon. Les Comnène, v. II, Paris, 1912, p. 215 sq.

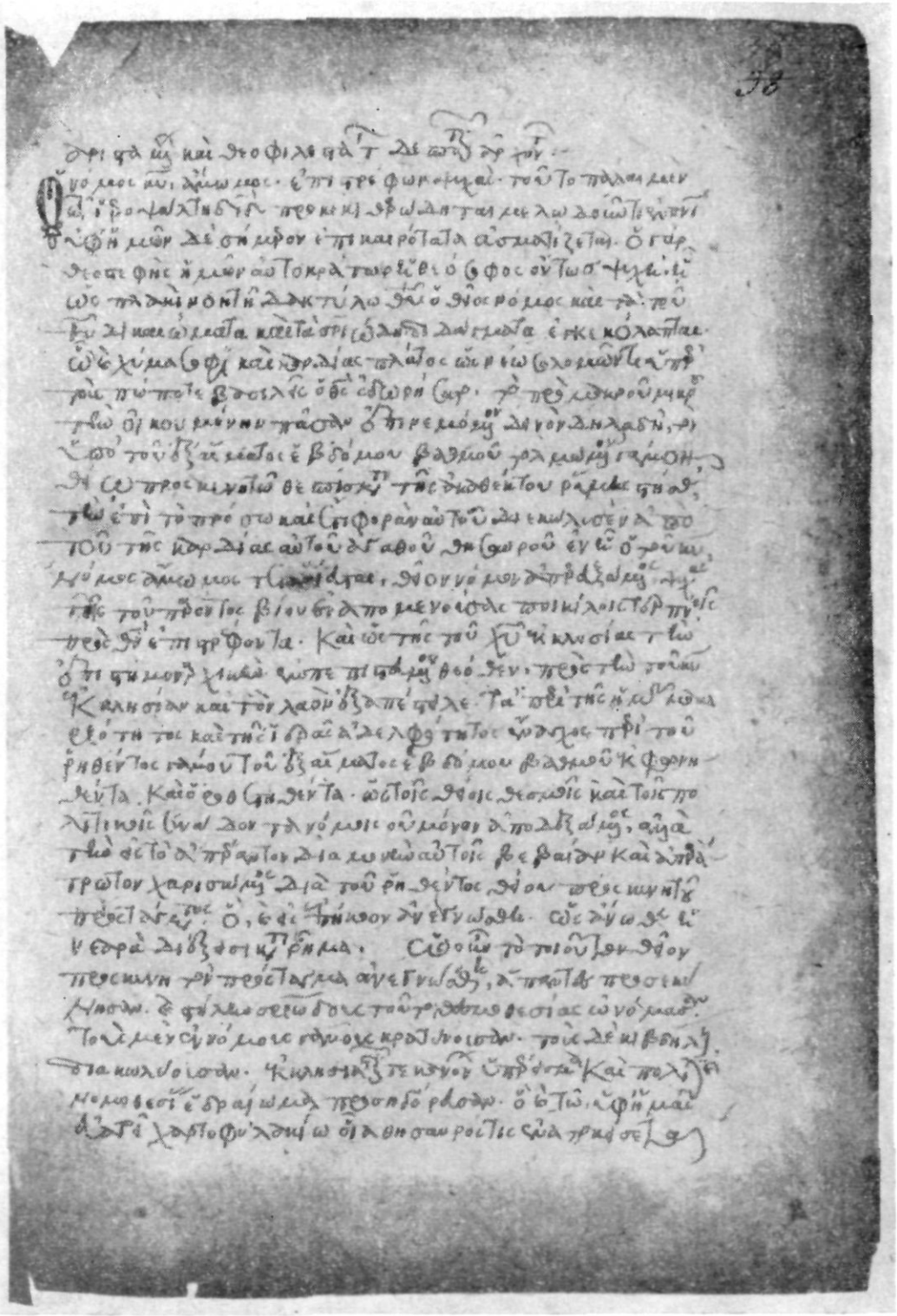

Рис. 2. Текст синодального постановления 1166 г. (Рукопись ГИМ № 445/322, л. 38)

Новелла Мануила была издана вскоре после 11 апреля, ибо уже 25 апреля появилось второе синодальное постановление. Из него мы узнаем, что новелла Мануила читалась повсеместно — это лишний раз подчеркивает, сколь большое значение император придавал вопросу, который мог бы показаться на первый взгляд узко каноническим. О том же свидетельствуют и похвалы законодателю, расточаемые патриархом и синодом.

Действительно, второе синодальное постановление (также принятое в заседании под председательством Луки Хрисоверга) — набор льстивых фраз в адрес Мануила I, которого восхваляют за верность божественным постановлениям: широта ума императора возносит его, словно нового Соломона, над всеми царями; он уничтожил зло, охватившее почти всю вселенную, а именно обычай брака между родственниками седьмой ступени, не только приняв патриаршее постановление по этому вопросу, но и придав ему прочное бытие на вечные времена. Императорская простагма была прочитана перед подданными, которые единодушно ее одобрили, назвав «столпом спасительного законодательства» и «оплотом церковных канонов и гражданских законов». Оригинал надлежало сохранять в патриаршем хартофилакии, как и другие подобные документы.

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

К ИСТОРИИ ТЕКСТА СЛАВЯНСКОЙ КНИГИ ЕНОХА

(Следы памятников Кумрана в византийской и старославянской литературе)

Ветхозаветные апокрифы уже давно привлекали к себе внимание ученых. В этих произведениях, созданных в эпоху около начала нашей эры, справедливо усматривали отражение идеологии, свойственной позднеиудейским сектантским кругам, близким по времени и мировоззрению к складывавшемуся в то время христианству.

Особый интерес к литературе этого вида был вызван в последнее время, после открытия памятников иудейского сектантства в Хирбет-Кумране, около Мертвого моря. Изучение рукописей Кумрана показало, что многие ветхозаветные апокрифы, до этого известные только по относительно поздним переводам на греческий, латинский, сирийский, эфиопский, армянский и старославянский языки, представлены в достаточно многочисленных отрывках на еврейском и арамейском языках среди обнаруживаемых документов древней ессейской общины[1].

Открытие первоначальных древнееврейских или арамейских оригиналов этих апокрифических произведений имело большое значение и в том отношении, что многие их места, содержавшие мессианистические высказывания, до недавнего времени рассматривались учеными как позднейшие интерполяции христианской эпохи. Однако фрагменты именно этих мест апокрифов оказались обнаруженными и в рукописях, найденных в пещерах Кумрана. Таким образом, отпадает необходимость видеть в этих мессианистических пророчествах христианские добавления. Их принадлежность к оригиналам не может сейчас вызывать сомнения[2].

К числу ветхозаветных апокрифов, сохранившихся и в старославянских переводах, относят «Завещания 12 патриархов», «Откровение Авраама», «Житие и исход Моисея», «Вознесение Исайи» и ряд других. Видное место в этом перечне занимает и славянская книга Еноха, которой мы и посвящаем настоящее исследование.

Так называемая книга Еноха представляет собою одно из наиболее сложных и интересных апокрифических произведений ветхозаветного цикла. Этот апокриф составляет целый круг легенд, объединяемых общим именем главного действующего лица, известного из книги «Бытия» праотца Еноха, за свою благочестивую жизнь взятого на небо живым. В этой

[1] См. И. Д. Амусин. Рукописи Мертвого моря. М., 1961, стр. 24—32 и 111—117.

[2] J. M. Allegro. Further Messianic References in Qumran Literature. «Journal of Biblical Literature», 1956, 75, part III, p. 174—187.

ветхозаветной апокрифической книге справедливо находят первоначальное зерно распространенного в мировой литературе сюжета о странствии героя по кругам загробного мира, сюжета, воплощенного в средневековую эпоху в гениальной «Божественной комедии» Данте. В этом же апокрифе видят исток другого «мирового» сюжета: восстания ангелов, которое впоследствии было изображено в поэме Мильтона «Потерянный рай».

Книга Еноха дошла до наших дней на различных языках. Обычно различают три основные извода этого произведения: так называемый Енох 1, представленный эфиопской версией (на языке геез), а также в довольно многочисленных греческих фрагментах, найденных и изданных в разное время; под Енохом 2 понимают рассматриваемую в настоящей статье славянскую версию; наконец под Енохом 3 известна поздняя еврейская трактовка того же сюжета, отразившая в немалом числе цитат, сохраненных в Талмуде и Мидрашах, а также изданная в виде отдельной книги по рукописи 1511 г. Гуго Одебергом[3]. Что касается недавно обнаруженных в Кумранских пещерах фрагментов, то они настолько разрознены, что пока еще не удается точно отождествить их содержание с той или иной версией книги Еноха. Однако некоторые данные позволяют утверждать, что эти отрывки иногда отступают от текста признаваемой наиболее древней эфиопской версии апокрифа [4].

Кроме того, переработкой апокрифической книги Еноха признается обычно и так называемая «Книга гигантов», от которой дошли до нас фрагменты на согдийском, среднеперсидском и парфянском языках. Эти отрывки восходят к древнему манихейскому своду III—IV вв. н. э. [5]

Славянская книга Еноха праведного занимает видное место среди этого цикла апокрифической письменности. Этот извод всегда привлекал к себе пристальное внимание исследователей как специалистов по славянской филологии, так и библеистов [6].

Текстологическое изучение славянской книги Еноха в свою очередь устанавливает в составе достаточно многочисленных списков две основные редакции этого произведения: пространную и краткую. Пространная редакция представлена тремя рукописями — болгарского, болгарско-румынского и южнорусского происхождения, относящимися к XVI—XVII вв. Краткая редакция читается главным образом в русских списках XIV—XVII вв.; сербские копии этой редакции, как показало их пристальное исследование М. Н. Сперанским, восходят к более ранним русским протографам[7].

В настоящей статье автор ставит себе задачу остановиться на некоторых вопросах, связанных с историей текста славянской книги Еноха. Это, во-первых, вопрос о взаимоотношении между пространной и краткой редакциями: какая из двух названных редакций должна быть признана первоначальной и какая позднейшей? Во-вторых, это вопрос о месте первоначального появления «Славянского Еноха»: у южных славян или в Древ-

---

[3] O. Eissfeldt. Einleitung in das Alte Testament. 2-e Aufl. Tübingen, 1956, S. 765—769.

[4] «Revue biblique», t. 65, № 1. Paris, 1958, p. 70—78.

[5] В. Б. Никитина, Е. В. Паевская, Л. Д. Позднеева, Д. Г. Редер. Литература древнего Востока. М., 1962, стр. 158.

[6] М. И. Соколов. Славянская книга Еноха праведного. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. ЧОИДР, 1899, вып. 4, стр. 1—112 (далее — М. И. Соколов, 1899) и ЧОИДР, 1910, вып. 4, стр. 111—182 и 1—167 (далее — М. И. Соколов, 1910).

[7] М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, стр. 93—94.

ней Руси возникла его древнейшая редакция? В-третьих, это вопрос об оригинале славянского перевода: с какого именно языка могла быть переведена первоначальная редакция славянской книги Еноха?

* * *

Пространная редакция славянской книги Еноха представлена, как сказано выше, тремя списками. Первый из них, открытый и изданный М. И. Соколовым, — это список бывшей Белградской национальной библиотеки № 321, относившийся к XVI в. Как показывает исследование М. И. Соколова, эта рукопись является поздним молдавским списком с сербского или с болгаро-сербского оригинала, за которым, в свою очередь, можно видеть среднеболгарскую редакцию более древнего текста[8]. В настоящее время список не существует, так как он сгорел вместе со всеми собраниями Белградской национальной библиотеки в 1941 г. Вторая рукопись пространной редакции сохранилась в сборнике XVI в. среднеболгарской редакции, переписывавшейся в Молдавии. Это рукопись бывшей коллекции А. И. Яцимирского, ныне хранящаяся в Библиотеке Академии наук СССР (БАН № 13.3.25). Список изучен и описан М. И. Соколовым[9], но до сих пор не издан полностью. Текст книги Еноха в этом списке не закончен и прерывается в начале XXIII гл. Третий список принадлежал к бывшей коллекции Хлудова, был изучен и издан А. Н. Поповым в 1880 г.[10] Этот список был переписан в Полтаве в 1679 г., он представляет собою очень дурную и полную ошибок копию более древней молдавско-болгарской рукописи, текст которой наиболее близок к предшествующей.

В настоящее время рукопись хранится в Государственном Историческом музее в Москве[11].

Краткая редакция «Славянского Еноха» представлена шестью относительно полными списками. Первый из них остается еще не изданным. Это список так называемого «Академического хронографа» XV в. (БАН № 45.13.4)[12]. В этой рукописи текст книги Еноха занимает листы с 357 по 366 об. В нашей работе мы пользуемся текстом апокрифа по данному списку. Второй список, наиболее близкий по содержанию и по языку к вышеназванному, — это список бывшей коллекции Уварова № 3 (18), тоже XV в., ныне хранящийся в ГИМ. Этот список был издан и изучен М. И. Соколовым[13] и положен в основу издания текста книги Еноха А. Вайаном[14]. Третий список — это список бывшего собрания Е. В. Барсова, XVII в., ныне находящийся в ГИМ. Эта рукопись издана и изучена М. И. Соколовым, в книге А. Вайана по ней подведены варианты. Четвертая рукопись находилась в Белградской национальной библиотеке (№ 151/443) — сербской редакции, но с явными следами русского оригинала, с которого она была скопирована. Список был издан Ст. Нова-

---

[8] М. И. Соколов, 1899, стр. 1—80; М. И. Соколов, 1910, стр. 10—32.

[9] М. И. Соколов, 1910, стр. 44—53.

[10] А. Н. Попов. Библиографические материалы, ч. II—VII. ЧОИДР, 1880, вып. 3, стр. 66—139; М. И. Соколов, 1910, стр. 32—33.

[11] Собрание б. Хлудова № 321.

[12] См. В. И. Срезневский. Отчет отделению русского языка и словесности имп. акад. наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии. ИОРЯС, т. VIII. СПб., 1903, стр. 122—123.

[13] М. И. Соколов, 1899, стр. 1—80 (в вариантах текста); М. И. Соколов, 1910, стр. 111—130, а также стр. 32—34. Далее этот список обозначен: У.

[14] Le livre des secrets d'Hénoch. Texte slave et traduction française par André Vaillant. Paris, 1952 (далее — A. Vaillant).

ковичем в 1884 г. [15] и описан М. И. Соколовым [16]. Пятый список, также содержащий сербскую копию XVII в. с русского оригинала, хранится в Венской национальной библиотеке. Текст этого списка изучен и описан М. И. Соколовым и М. Н. Сперанским [17]. Наконец, следует назвать еще второй список из коллекции Барсова, датируемый 1701 г., изданный и описанный М. И. Соколовым и также хранящийся ныне в ГИМ [18].

Кроме этого, сохранилось еще несколько выдержек из текста краткой редакции славянской книги Еноха в древнерусских памятниках. Из них наиболее древняя и наиболее обширная читается в «Мериле праведном», известном юридическом памятнике, созданном не позднее конца XIII в. и представленном в пяти списках, из которых самый старший, Троице-Сергиевский № 15, восходит к XIV в. [19]

М. И. Соколов, а вслед за ним болгарский ученый Иордан Иванов [20] и М. Н. Сперанский считали первоначальной пространную редакцию «Славянского Еноха». Это мнение разделялось также первыми переводчиками славянской книги Еноха на западноевропейские языки В. Р. Морфиллем [21] и Н. Бонветчем [22], которые опирались на работы М. И. Соколова.

Сторонники этого мнения полагали, что пространная редакция, восходящая к греческому оригиналу, могла быть переведена в Болгарии в X—XI вв., при этом она отразила в себе богомильские воззрения. Краткая редакция признавалась возникшей позднее и, поскольку она сохранена только в русских списках или в копиях с русских протографов, как Белградская и Венская рукописи, то, с известной долей вероятности, местом происхождения второй редакции признавалась Киевская Русь. М. Н. Соколов видел в тексте краткой редакции лишь механическое сокращение полной редакции «Славянского Еноха» [23]. Зарубежные библеисты, основывавшиеся в своих трудах на переводах Морфилла и Бонветча и на книге М. И. Соколова, тоже в большинстве своем разделяли выше названные взгляды.

В книге А. Вайана, опубликованной в 1952 г., было дано тщательно подготовленное критическое издание текста обеих редакций славянской книги Еноха. Однако автор этой книги тоже не имел непосредственного доступа к рукописным материалам и лишь обрабатывал данные, содержавшиеся в трудах М. И. Соколова.

А. Вайан доказывал первоначальность краткой редакции и называл пространную редакцию позднейшей ревизией текста «Славянского Еноха», осуществленной в Болгарии не ранее XIV в. При этом он все же считал возможным предположить, что краткая редакция могла быть переведена с греческого оригинала в Болгарии не позднее X в. [24]

М. И. Соколов, помимо пространной и краткой редакций, предполагал еще наличие так называемой промежуточной, к которой он относил Уваровский список. А. Вайан признал этот взгляд основанным на недо-

[15] St. Novaković. «Starine», t. XVI. Zagreb, 1884, S. 67—81.
[16] М. И. Соколов, 1910, стр. 72—74.
[17] М. Н. Сперанский. Указ. соч., стр. 87—94.
[18] М. И. Соколов, 1910, стр. 133—142 и 69—72.
[19] Рукопись Троице-Сергиевская № 15, хранящаяся ныне в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве, фототипически издана М. Н. Тихомировым («Мерило праведное». Изд. АН СССР. М., 1961). Текст выписан из книги Еноха и занимает в этом списке листы 36—38 об.
[20] И. Иванов. Богомилски книги и легенди. София, 1925, стр. 165—191.
[21] W. R. Morfill. The Book of Secrets of Enoch. Oxford, 1896.
[22] N. Bonwetsch. Das slavische Henochbuch. Berlin, 1896; idem. Die Bücher der Geheimnisse Henochs. Leipzig, 1922.
[23] М. И. Соколов, 1910, стр. 33—34.
[24] A. Vaillant, p. IV et XIII—XXVI.

разумении, так как, по его наблюдениям, текст списка У ничем не отличается от краткой редакции, кроме заглавия.

В нашей работе над текстом «Славянского Еноха» мы опираемся на списки, еще вовсе не привлекавшиеся к исследованию, как список БАН № 45.13.4, оставшийся не известным М. И. Соколову, и на список БАН № 13.3.25, хотя и названный в трудах этого ученого, но использованный им лишь частично, по выпискам, предоставленным в его распоряжение А. И. Яцимирским.

Привлечение названных неизданных материалов позволяет, во-первых, уточнить вопрос о существовании так называемой промежуточной редакции «Славянского Еноха». Как уже сказано, список БАН № 45.13.4 наиболее близок к Уваровскому и по содержанию, и по языку. Их сопоставление не оставляет сомнений в том, что их текст представляет собою именно краткую редакцию книги. Таким образом, в этом предположении А. Вайан оказался прав. С полным правом мы будем говорить поэтому лишь о двух редакциях «Славянского Еноха».

Необходимо признать правоту этого французского исследователя и в решении им другого основного вопроса. Действительно, сравнение текста краткой редакции славянской книги Еноха, в том числе и по вновь привлекаемой нами рукописи, с текстом пространной редакции убеждает нас в бесспорном приоритете именно краткой редакции. Это явствует прежде всего из самого содержания книги. В краткой редакции мы находим упоминание о древнем иудейском солнечном календаре, насчитывавшем 364 дня. Этот календарь, до недавнего времени известный только по апокрифу «Книга Юбилеев» и не привлекавший внимания ученых, обнаружился в памятниках Кумрана и вызвал сейчас весьма обширную научную литературу [25]. По-видимому, этого древнего солнечного календаря, сложившегося в жреческой среде, придерживались кумранские сектанты в отличие от остальных иудеев, которые во главе с представителями официального иерусалимского культа перешли около I в. до н. э. на лунный календарь, заимствованный из Вавилонии. Наличие такого древнего календаря в тексте краткой редакции не может быть случайным. Наоборот, в пространной редакции этот календарь исправлен в соответствии с общераспространенным в средневековой Европе юлианским календарем с его 365 днями. Более того, в календарь пространной редакции введены даже такие подробности византийской пасхалии, как «круг солнца», «епакта» и др. [26] В тексте пространной редакции мы встречаемся не только с названиями вавилонских лунных месяцев, как Нисан, Тебет, Таммуз, но и с египетскими их названиями: Фаменоф и Фармуфи. В пространной редакции говорится о знаках Зодиака, приводятся античные греческие названия планет: Кронос (Сатурн), Афродита (Венера), Дий (Зевс-Юпитер). Всему этому нет места в тексте краткой редакции.

В этой же пространной редакции цитируются тексты различных библейских книг, знание которых естественно кажется несовместимым с предполагаемой хронологией жизни Еноха. В качестве других курьезов хронологии Вайан указывал на подсчет числа лет и дней, прожитых самим Енохом, на специально добавленные рассказы о его рождении и смерти, о построении Ноем ковчега и о потопе. Обо всем этом также не содержится ни малейшего намека в краткой редакции.

Пространная редакция изобилует реминисценциями из многих апокрифических произведений, обычно поздних по происхождению. Так, в ней

---

[25] A. Jaubert. La date de la Cène. Calendrier biblique et liturgie chrétienne. Paris, 1957.

[26] A. Vaillant, p. XV—XVII.

мы читаем легенду о Сатанаиле, упоминаются семь составных элементов, из которых создан Адам. Особенно показательно наличие в тексте пространной редакции толкования имени Адама по названиям четырех сторон света, первые буквы которых на греческом языке составляют своеобразный акростих. Находим в этой редакции также учение о седьмой тысяче лет, сказание о могиле Адама и о погребении Авеля, а также другие легенды, не оставляющие сомнения о позднем происхождении всей компиляции.

Все подобные упоминания могли проникнуть в пространную редакцию славянской книги Еноха из хорошо известных в славянской переводной письменности средних веков источников, как «Сказания об Адаме и Еве», «Беседа трех святителей» и др.

Одним из доказательств того, что пространная редакция «Славянского Еноха» была уже известна в Киевской Руси в XII в., М. И. Соколов считал наличие в одной из проповедей Кирилла Туровского ряда выражений, очень близко стоящих к фразеологии именно этого текста: «И паки промысли богъ создати вторую тварь в малѣ велику, еже есть человѣка създати, втораго ангела на земли, поклонника богу» [27]. В самом деле, в приведенном отрывке совпадают с пространным текстом «Славянского Еноха» такие сочетания слов, как «помысли създати», «(вторую) тварь в малѣ велику» и «человѣка създати, втораго ангела на земли». Возражая против мнения Соколова, А. Вайан, совершенно правильно, на наш взгляд, заметил, что, «во-первых, проповедь, откуда взят данный пример, является более поздней, чем XII в., и ложно приписываемой Кириллу Туровскому. Самое же главное, что оба памятника — и пространная редакция славянской книги Еноха, и Псевдо-Кирилл — заимствовали выделенные словосочетания из одного общего источника, из тридцать восьмого «Слова» Григория Назианзина, хорошо известного в Киевской Руси по древнему переводу, сделанному не позже XI в.» [28]

Материалом, на основании которого удается установить крайнюю раннюю дату появления пространной редакции на славянской литературной почве, А. Вайан справедливо признает греческие и славянские тексты известного позднего полемического сочинения против латинян «Прения Панагиота с Азимитом». Названный памятник возник в Византии после неудачной унии с Римом, заключенной императором Михаилом Палеологом в 1284 г.; это острая сатира на католиков-латинян и на их сторонников в Константинополе, униатов. Вскоре, уже в XIV в., появляется и славянский перевод этого произведения в его сербской редакции. Русские тексты «Прения» обильно представлены в списках XV—XVI вв.[29]

Можно считать несомненным, что из этого поздневизантийского антикатолического сочинения в пространную редакцию «Славянского Еноха» были внесены такие места, как описание рая, насажденного посреди него дерева жизни и рек, протекающих в Эдеме. Оттуда же попали в текст книги Еноха и упоминание о Фениксе и Халкендри, двух чудесных птицах, сопровождающих солнечную колесницу, вообще о птицах, воспевающих хвалебные песни приближающемуся дню. М. И. Соколов, приведя все указанные места в своей работе, считал их, наоборот, доказательством того, что автор «Прения» был знаком с текстом пространной редакции славянской книги Еноха. Однако зарубежные библеисты, вос-

---

[27] М. И. Соколов, 1910, стр. 121.
[28] A. Vaillant, p. XVII.
[29] А. Н. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян — XI—XV вв. М., 1875, стр. 238—286.

принявшие текст славянской книги Еноха только через труды М. И. Соколова, принимая его концепцию относительно взаимной зависимости пространной и краткой редакций, испытывали немало затруднений, поскольку были принуждены все дополнения подобного рода относить к раннехристианской эпохе, так как апокриф в целом обычно датировали этим временем. Краткая же редакция, наоборот, совершенно свободна от всех этих дополнений и потому, несомненно, представляет собою более ранний этап в развитии текста книги Еноха.

Помимо данных, относящихся к содержанию книги Еноха и приведенных у Вайана, укажем еще на ряд наблюдений над языком и стилем обеих редакций «Славянского Еноха».

Прежде всего нужно заметить, что текст краткой редакции, без сомнения, должен быть признан аутентичным по отношению к пространной редакции, так как он отличается большей лаконичностью и ясной строгостью стиля. Краткая редакция лишена ненужных распространений, столь обычных для пространной редакции, и поэтому выражает мысли определеннее, конкретнее и прямее. Кроме того, в тексте краткой редакции встречаются редкие древние слова, смысл которых оказывался непонятным для позднейших редакторов и переписчиков книги, и они поэтому опускали их или заменяли другими, более новыми словами. Покажем это на примерах:

Текст краткой редакции	Текст пространной редакции
Морю же повелѣ породити своя рыбы и всѧкъ гадъ плазѧщи по земли (лист 360 в) [30].	И въ днь пѧти повелѣх море и породи рыбы и птице многоразличные, и вьсѣкъ гадь лазещь и ходѧщь по земли четвероногъ и парѧщь по воздоухоу [31].

Текст краткой редакции в данном месте, несомненно, превосходит своего соперника по выразительности и энергичности. Пространная же редакция, напротив, поражает вялостью и рыхлостью изложения. Для краткой редакции характерно слово «плазѧщь», т. е. ползающие по земле гады. Это слово, по всей видимости, принадлежит к своеобразным искусственным старославянизмам, которые в XI—XII вв. нередко создавались древнерусскими книжниками для замены казавшихся им недостаточно торжественными и не отвечавших требованиям церковного стиля восточнославянских слов с полногласными сочетаниями. В данном случае глагол «плазити», отсутствующий в старославянских памятниках, очевидно, искусственно образован по аналогии с древнерусским глаголом «ползити». Для южнославянского же редактора, который обрабатывал текст пространной редакции в XIV в., это слово оказалось непонятным, и он заменил его созвучным, но явно не подходящим по смыслу «лазити».

Второй пример может быть признан не менее показательным со стороны стиля обеих редакций:

Текст краткой редакции	Текст пространной редакции
И написахъ тутенъ громныи и дивъ молниины, и указаша ми ключехранителѧ ихъ (л. 361 с).	И написахъ тоутенъ громныи и млънии, и оуказашѧ ми ключѧ и хранителѧ ихъ [32].

[30] Текст краткой редакции дается нами по рукописи БАН № 45.13.4.

[31] Текст пространной редакции приводится по изданию: М. И. Соколов, 1910, стр. 29.

[32] М. И. Соколов, 1910, стр. 32.

В этом случае характерным нужно признать то, что южнославянский редактор вовсе опустил наиболее выразительное и редкое слово «дивъ», хорошо засвидетельствованное древнейшими русскими памятниками, в том числе и «Словом о полку Игореве». Точное значение существительного «дивъ» еще не может быть с достаточной достоверностью установлено, однако явно, что для редактора XIV в. в Болгарии оно было непонятно, иначе он вряд ли бы мог его выпустить с ущербом для смысла. Обращает на себя внимание также замена в пространной редакции сложного существительного «ключехранителя», вполне соответствующего смыслу контекста, ничего не выражающим сочетанием «ключ҃а и хранител҃а». Это тоже, без сомнения, показатели непонимания текста поздним редактором.

Таким образом, мы можем полностью поддержать предположение, высказанное А. Вайаном. Краткая редакция, бесспорно, должна быть признана более древней и первоначальной, чем пространная редакция славянской книги Еноха. Считать краткую редакцию лишь механическим сокращением пространной, как полагал М. И. Соколов, тоже абсолютно невозможно. Это, несомненно, самостоятельное и яркое по стилю произведение.

* * *

Где же могла возникнуть краткая, первоначальная редакция славянской книги Еноха?

Как мы показали выше, все списки краткой редакции, восходящие к XV—XVII вв., являются или русскими по происхождению, или переписанными с первоначальных русских оригиналов, как Белградский и Венский. Наиболее древним свидетельством о существовании краткой редакции «Славянского Еноха» на русской почве является список «Мерила праведного», датируемый XIV в. Естественно, что в языке всех рукописей краткой редакции наблюдается большое количество русизмов. Остановимся на отдельных примерах, как нам кажется, восходящих к первооригиналу краткой редакции.

В главе VI при описании «Четвертого неба» читаем: «И несоста м҃а мужа ко востоку небесѣ и показаста ми врата, ими же выходить солнце» [33]. Здесь в качестве характерного элемента восточнославянской лексики следует признать глагол с приставкой «вы-», соответствующий аналогичному глаголу с приставкой «ис» в других местах текста. Вайан считал необходимым исправить в данном месте этот глагол согласно списку Б2 (XVII в.) на чтение «вьсходить». Однако эта конъектура не может быть признана нами достаточно обоснованной. В параллельном месте, где идет речь о вратах луны, употреблен глагол «исходить» [34].

Далее, на л. 360в, мы читаем: «Дах (посрѣдѣ земл҃а) и море предѣл вѣченъ, не перетергнетс҃а от вод». В этом случае мы находим также глагол с восточнославянской приставкой «пере-», читающийся по всем без исключения спискам. Следовательно, нет оснований предполагать, что он не имелся уже в протографе краткой редакции. Еще далее, на л. 362в, находим: «Егда требуетъ гдь хлѣба или свѣща или борова или гов҃да, но тѣмъ искушаетъ гдь сьрдьце чловѣку». И в данном месте характерная восточнославянская форма существительного «борова» с полногласным сочетанием тоже засвидетельствована всеми списками, хотя несколько ниже, на л. 365а, тоже во всех списках читается параллельная форма с неполногласным сочетанием — «бравы». Еще большее количество вос-

[33] Рукопись БАН № 45.13.4, л. 358в.
[34] Там же, л. 359а.

точнославянизмов находим в списках «Мерила праведного». Так, если в списке БАН № 45.13.4 читаем: «И видѣхъ ключныа стража адовы стоаща у превеликых вратъ» (л. 361д), то в списке Троице-Сергиевском № 15 это же место передано следующим образом: «И видѣхъ сторожа адовныя, стояща у превеликихъ воротъ (л. 38). Отметим, что в книге А. Вайана разночтения «Мерила праведного» в данном месте не приводятся.

Таким образом, как рукописная традиция текста краткой редакции, так и языковые черты большинства ее списков делают наиболее вероятным предположение, что краткую редакцию славянской книги Еноха нужно признать памятником русского извода старославянского языка, относящимся к древнейшему его периоду. Тем самым устанавливается и русское, а не южнославянское происхождение перевода этой редакции.

Однако А. Вайан все же, вопреки непосредственной очевидности, считает возможным предполагать за русскими списками какой-то южнославянский протограф еще более древнего времени. Возникновение этого восстанавливаемого им протографа А. Вайан склонен был относить к X в. и приурочивал к Западной Болгарии. Основанием такого предположения для французского исследователя служили отдельные слова и грамматические формы, обнаруженные им в краткой редакции «Славянского Еноха». Большинство этих слов, считаемых А. Вайаном исконными и восходящими к архетипу, написанному первоначально на старославянском языке болгарского извода, не сохранились в тексте неприкосновенными. Эти слова были искажены или заменены другими, новейшими, в результате работы позднейших, русских, правщиков и переписчиков рукописей. Поэтому Вайан вносит в таких случаях свои достаточно смелые конъектуры, часто не вытекающие непосредственно из чтений, находимых в списках. При помощи подобных конъектур А. Вайан в большинстве случаев и обосновывает свои выводы.

К словам этого рода А. Вайан относит, например, следующие: «елеи», «иереи», «о шуюю», «иждеконьнъ», «притранъ», «съгрѣзитисѧ», «тимѣние». К числу искаженных переписчиками и восстанавливаемых им путем конъектуры он причисляет такие слова, как «етеръ», «вънрадити», «оуядрити», а также частицу «оша». По мнению А. Вайана, эти слова показательны именно для предположительно восстанавливаемого им болгарского архетипа, лежавшего в основе русских списков апокрифа. Эти слова, как думает французский исследователь, не вошли якобы в русский извод старославянского языка.

Свидетельством о болгарском происхождении архетипа краткой редакции А. Вайан признавал также несколько грамматических форм, встреченных им в тексте русских ее списков. Сюда он относил, например, форму двойственного числа третьего лица с флексией «-сте»: «показасте», «указасте», «сътвористе», «омысте», когда речь идет о двух ангелах, сопровождавших Еноха в его странствованиях по небесным кругам. Причастие «погыблющими» и личная форма этого же глагола «гыблю» с эпентетическим «л» тоже признаются А. Вайаном за древние болгаризмы. К этой же группе языковых отличий отнесены им отмеченные еще М. И. Соколовым формы несигматического аориста: «отътръгу», «претръгу», «сѣдъ», «обрѣтъ», а также восстанавливаемые в конъектурах словоформы «придъ», «сънидъ» и некоторые другие. Признаком, указывающим более точно именно на западноболгарское происхождение памятника, А. Вайан считал такие слова и грамматические формы, как «оуядрити» и «етеръ», как прилагательное «шоуии», вместо «левый», а также оборот «камо грѧду», вместо «камо иду». О таком же западноболгарском оригинале, по предположению А. Вайана, свидетельствует и употребление заимствованного из греческого языка слова «порода», вместо существительного «рай».

Не говоря уже о шаткости доводов, построенных на конъектурах, не читающихся ни в одном из дошедших до нас списков «Славянского Еноха», доказательства А. Вайана во многих случаях не могут быть признаны достаточно убедительными потому, что громадное большинство приведенных в его списке слов весьма нередко встречается в письменных памятниках русского извода старославянского языка. Более того, они не один раз зарегистрированы и в произведениях, принадлежащих перу русских авторов.

Постараемся в дальнейшем изложении представить примеры, доказывающие возможность использования подобных слов, кажущихся А. Вайану несомненными болгаризмами, в памятниках славяно-русского письменного языка древнейшей эпохи.

Широкое распространение в старославянском языке русского извода таких слов, как «елеи», «иереи», «ошуюю», а также местоименения «етеръ», общеизвестно и в особых доказательствах не нуждается.

Обратимся к прилагательному «иждеконьнъ» (древний, исконный). В списке БАН № 45.13.4 на л. 362д мы читаем: «Блаженъ хранѧ основаніа от[ь]ць идѣжконечных, проклятъ (иже) расскажает оуставы и предѣлы от[ь]ць своихъ». В списке У на месте прилагательного «идѣжконечных» находим сочетание «идеже конечных». В Барсовском списке читается «иждеконных». Наиболее близкое к первооригиналу чтение, по-видимому, обнаруживается в списке «Мерила праведного»: «ижеконьныхъ». Данное прилагательное образовано от наречия «иждекона» — «иждекони» («изъ-кона»), значившего «искони». Согласно «Материалам для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского такое наречие имеется в «Псалтыри толковой» XII в. (Пс. CV, 16) и в «Слове об антихристе» Ипполита Римского XII в.[35] Оба памятника с несомненностью принадлежат к русскому изводу старославянского языка. Правда, прилагательное, образованное от данного наречия, кроме приведенного места из «Мерила праведного», отмечено у Срезневского только в таких памятниках, как «Богословие» в переводе Иоанна Экзарха и в «Слове о письменех» черноризца Храбра, что указывает на его распространение в древноболгарском изводе старославянского языка. Однако наличие этого слова в «Мериле праведном» в своей наиболее точной в этимологическом отношении разновидности не оставляет сомнения в возможности его употребления и в древнерусском языке.

Не менее показательно и прилагательное «притранъ». В тексте книги Еноха оно восстанавливается лишь по конъектуре А. Вайана. В списке БАН № 45.13.4 на л. 359с читаем: «Видѣхъ г[оспо]да, лице его силно и преславно и страшно». Такое же чтение находим и в списке У. В Барсовском списке вместо «преславно» — «пристрашно». А. Вайан считает, что на месте двух последних прилагательных нужно с несомненностью читать: «притрано». Между тем чтение это, конечно, не отличается такой несомненностью. Однако если даже и принимать конъектуру Вайана, то и тогда необходимо еще доказать невозможность употребления этого прилагательного в славяно-русских памятниках. По данным «Материалов» И. И. Срезневского, это слово зарегистрировано в «Житии Андрея Юродивого», в Ипатьевской летописи под 1252 г., в «Изборнике Святославовом» 1073 г., в «Словах» Кирилла Иерусалимского XII в., в «Житии Власия» и в других памятниках русского извода [36]. Наиболее же характерно употребление этого прилагательного в «Повести временных лет» под 1093 г.:

---

[35] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стр. 1026 и 1029.

[36] И. И. Срезневский. Материалы..., т. II. СПб., 1895, стр. 1479—1480.

«И се притранѣе и страшнѣе, яко на хретстьяньстѣ родѣ страхъ, и колѣбанье и бѣда упространися» [37]. Правда, цитируемое место принадлежит к так называемому «Поучению о казнях божиих» и имеет явно церковнославянскую стилистическую окраску; возможно, что это «Поучение» и восходит к какому-либо южнославянскому источнику, однако самый факт возможного употребления прилагательного «притранъ» русским книжником XI в. остается неопровержимым.

Обратимся к глаголу «съгрѣзитисѧ». Это слово встретилось нам в тексте краткой редакции два раза, в первый раз в форме третьего лица единственного числа. В рукописи БАН № 45.13.4 на л. 360д мы находим: «И всѧ землѧ съгрѣшит неправдами и обидами». В списках У и Барсовском первом — «согрѣшит»; в Барсовском втором — «согрѣзит сѧ»; подобные же чтения находятся в параллельных местах пространной редакции. На этом основании А. Вайан считает возможным исправить текст следующим образом: «И всѧ землѧ согрѣ[з]ит [сѧ] неправдами и обидами» [38]. В другой раз мы находим этот же глагол далее на л. 364д.: «И людие на люди съгрѣзѧтсѧ, и языкъ на языкъ възмутитъ рать». Чтение списка У в основном совпадает с приведенными нами. В Барсовском первом — «согрозѧт сѧ». Вайан принимает чтение нашего списка. Что же касается употребления самого глагола «съгрѣзитисѧ» — смешаться, блуждать, разрушиться, пасть, обрушиться, напасть, — то в «Материалах» И. И. Срезневского по поводу этого имеются следующие данные: «Палея» XIV в., книга Осии, гл. IV, 14 по списку XV в., книга Иисуса Навина, гл. V, 6 по списку XVI в., книга Исайи, гл. III, 8 (по списку попа Упира XI—XV вв.) и др.[39] То есть это слово тоже не редкость в памятниках церковнославянского языка русской редакции.

Рассмотрим употребление существительного «тимѣние» — тина, грязь. Это слово находим в тексте краткой редакции по нашей рукописи на л. 360д: «И землѧ сама съкрушитсѧ в тимѣніе велико». В списке У взамен глагола «съкрушитсѧ» читается «сотроушится». Первоначально это ошибочное чтение было и в списке БАН, однако впоследствии писец заметил неправильность и переправил букву «т» на «к». А. Вайан, не зная нашей рукописи, произвел в своем издании подобное же исправление по смыслу. Что же касается слова «тимѣние», то о нем можно привести следующие данные: оно зарегистрировано в «Прологе» XIII в., в «Хронике» Георгия Амартола, в Минее четьей за апрель XIV в. и многих других. Таким образом, опять не приходится сомневаться, что это существительное было известно русскому изводу старославянского языка.

Остановимся на существительном «порода» в значении «рай». В нашем тексте оно находится дважды, при описании «третьего неба»: «И поѧста мѧ оттуда моужа. . . и постависта мѧ посред[ѣ] породы» (л. 357д) и далее: «И агг[е]ли хранѧщи породу свѣтлѣ зѣло» (л. 358а). Это слово, заимствованное из народногреческого языка и восходящее к существительному παράδα, в свою очередь образованному от прилагательного παραδείσιος [40–41], достаточно часто представлено в памятниках старославянского языка, болгарских по своему происхождению. Но не менее часто слово «порода» может быть обнаружено и в произведениях, написанных заведомо русскими авторами. Так, например, в «Слове Философа» из «Повести временных лет»: «От древа вкушь, испаде породы». Находим его

---

[37] «Повесть временных лет». Изд. АН СССР. М.—Л., 1950, стр. 143.
[38] A. Vaillant, p. 35, 3.
[39] И. И. Срезневский. Материалы..., т. III. СПб., 1903, стр. 693—694.
[40–41] См. М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, ч. III. СОРЯС, т. LXXXVI, № 1. СПб., 1909, стр. 157.

и в «Изборнике Святославовом» 1076 г.: «Разбойникъ на крьстѣ бѣ, нъ породу отъвьрзе» (л. 234). Это же слово есть и в «Житии Феодосия», и в его «Словах», и в Путятиной минее, и в «Пандектах» Антиоха, и во множестве памятников славяно-русского языка древней поры [42]. Таким образом, доказательством нерусского происхождения памятника оно служить не может, тем более не является свидетельством обязательно западноболгарского происхождения краткой редакции «Славянского Еноха», как предполагал А. Вайан.

Доказательнее, чем лексические признаки, те грамматические формы, которые приведены у А. Вайана в качестве реликтов первоначального древнеболгарского подлинника, стоящего будто бы за русскими списками. Действительно, форма двойственного числа третьего лица глаголов на «-сте» встречается в таких памятниках, как Мариинское евангелие, Синайская псалтирь, Клоцов сборник, Зографское и Ассеманово евангелие. В таких же, как Савина книга или Супрасльская рукопись, это окончание появляется, только очень редко [43]. В этих же памятниках и в Остромировом евангелии окончание «-стѣ» может быть только при подлежащих, выраженных существительными женского рода [44]. Что касается славяно-русских памятников, то в них подобная форма пока не отмечалась. Впрочем, они с этой стороны еще почти не изучены.

Что касается форм несигматического аориста, то они тоже обычно признаются характерными для собственно старославянских памятников. А. Вайан в своем «Руководстве» признает их проявлением древнемакедонской традиции; для русских церковнославянских памятников характерны, по его мнению, лишь новые формы аориста [45]. Однако он же отмечает форму 3-го лица множественного числа «обрѣту» в переводе «Хроники» Георгия Амартола, правда, с оговоркой, что такие формы «являются несомненным свидетельством древнемакедонского или, скорее, западного происхождения текста» [46]. Впрочем, поскольку вопрос о происхождении перевода «Хроники» Амартола не решен окончательно, постольку и этот тезис А. Вайана нуждается в более тщательном обосновании.

Что же касается доказательств, приводимых А. Вайаном в пользу того, что списки краткой редакции славянской книги Еноха могут восходить к протографу, написанному первоначально глаголицей, то они покоятся лишь на показаниях поздних рукописей или явно испорченных и нуждающихся в конъектурных поправках мест [47].

Таким образом, гипотеза А. Вайана о первоначальном западноболгарском происхождении краткой редакции «Славянского Еноха» не может быть признана доказанной. Она нуждается несомненно в более тщательных текстологических изысканиях. Напротив, значительно более обоснованным именно с текстологической стороны нам кажется предположение о том, что в лице краткой редакции славянской книги Еноха мы имеем дело с памятником русского извода старославянского языка и что редакция эта возникла в древней Руси.

* * *

Каков же мог быть архетип славянской книги Еноха в ее краткой редакции? С какого языка это произведение могло быть переведено?

---

[42] И. И. Срезневский. Материалы..., т. II, стр. 1208—1210.
[43] А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1953, стр. 249.
[44] Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 302—303.
[45] А. Вайан. Указ. соч., стр. 255—265.
[46] Там же, стр. 265.
[47] A. Vaillant, p. XV.

Обычно признавалось, что «Славянский Енох», без сомнения, должен восходить к недошедшему до нас греческому оргиналу.

Основанием для этого утверждения служило наличие в тексте пространной редакции толкования имени Адама через акростих, состоящий из греческих названий четырех сторон света: «восток» — ἀνατολή; «запад» — δυσμαί; «север» — ἄρκτος; «юг» — μεσεμβρία [48]. Однако, как уже сказано, данный акростих содержится только в пространной редакции, краткая же не имеет ни малейшего намека на что-либо подобное. А. Вайан, подчеркивая, что в тексте краткой редакции нет этих бесспорно восходящих к греческому подробностей, тем не менее полагает, что и краткая редакция все же была переведена с греческого языка. Ее архетип он называет «Христианским Енохом», в противоположность «Иудейскому Еноху», как обозначается та версия апокрифа, которая сохранена в эфиопском переводе и называется обычно «Енох 1» [49].

Доказательством наличия на греческом языке «Христианского Еноха», т. е. архетипа славянской книги, А. Вайаном признается свидетельство того же полемического произведения, созданного в XIII в., которое послужило одним из источников пространной редакции, «Прения Панагиота с Азимитом». Упоминание в этом «Прении» названия птицы Феникс среди ангелов, сопровождающих солнце, а также рассказ о том, как надевают и снимают венец с солнца при его восходе и закате, должно, по мнению А. Вайана, непременно восходить к существовавшему в то время архетипу на греческом языке. Косвенным признаком того, что «Славянский Енох» переведен с этого же гипотетического оригинала, А. Вайан склонен считать предположительно восстанавливаемые им в тексте краткой редакции якобы кальки с греческого, взамен испорченных в рукописях мест.

Остановимся подробнее на ряде вопросов, связанных с историей текста книги Еноха на греческой почве. Во-первых, это вопрос о дошедших до нашего времени отрывках греческой книги Еноха и их соотношении с различными версиями апокрифа. Мы имеем четыре группы греческих памятников, содержащих фрагменты книги Еноха. Прежде всего, это давно известная цитата из этого апокрифа в новозаветном каноническом послании Иуды (стих 14—15). Затем также давно уже попавшее в поле зрения исследователей место из византийской «Хроники» Георгия Синкелла [50]. В 1892 г. стали известны опубликованные фрагменты папирусов, открытых в одной из гробниц Ахмима и хранящихся в Каирском музее [51]. Наконец, в 1937 г. Кэмпбелл Боннер издал папирусы из коллекции Честер-Битти, также содержащие греческие отрывки из книги Еноха [52]. Однако все указанные тексты, без сомнения, могут быть определены как части той версии апокрифа, которая носит наименование Енох 1 и полностью представлена в эфиопском переводе.

От этой версии Енох 2, т. е. архетип славянской книги Еноха, отличается весьма существенно и прямых текстуальных соответствий не имеет. «Славянский Енох», особенно если иметь в виду его краткую, первоначальную редакцию, отличается от Еноха 1 своей большей лаконичностью и логической последовательностью. Наиболее четко изложены в этом апокрифе все этапы небесного путешествия Еноха с разграничением их по «семи небесам». Много внимания уделяется в этом апокрифе моральным

---

[48] М. И. Соколов, 1910, стр. 30.
[49] A. Vaillant, p. IX—XI.
[50] А. Смирнов. Книга Еноха. Казань, 1888, стр. 475—476.
[51] Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologie française du Caire, t. IX, fasc. 1, 1892, p. 93—136.
[52] The Last Chapters of Enoch in Greek by Campbell Bonner. London, 1837.

поучениям и необходимости соблюдать правду на суде. Наконец, последняя часть апокрифа, не находящая себе соответствия в Енохе 1, это история Мелхиседека, которая по месту в повествовании параллельна с «Книгой Ноя», имеющейся в эфиопской версии. В «Славянском Енохе» вовсе отсутствует раздел «Притчей», лишь коротко и туманными намеками передается в нем сказание о грехопадении ангелов. Нет в «Славянском Енохе» и того места из гл. 6, которое процитировано в «Послании Иуды». Все это делает Еноха 2 в текстологическом отношении совершенно иным произведением по сравнению с Енохом 1 и дает возможность легко опознать его при встрече даже с небольшой по объему выдержкой, находимой в каком-либо ином, позднейшем произведении. Можно ли признать указанные А. Вайаном места в «Прении Панагиота с Азимитом» за прямые цитаты именно из архетипа Еноха 2?

Произведем текстуальное сопоставление. В краткой редакции «Славянского Еноха» находим: «И пострѣди ихъ 7 фуникъ и 7 херувимь шестокрилець, едино глаголюще к собѣ и поюще к собѣ» (л. 359в).

В греческом «Прении Панагиота с Азимитом» упоминание этой легендарной птицы феникса приводится в следующем контексте: «...καὶ εὐθὺς δύο ὄρνιτα καλούμενα γρύψι, τ'ὄν καλεῖται φοίνιξ καὶ τὸ ἕτερον χαλέδρις ὡς ἀπὸ πηχῶν ἐννέα, καὶ βρέχουσι τὸν ἥλιον ἵνα μὴ καύσῃ τὸν κόσμον». (И вот две птицы, называемые грифами, одна называется феникс, а другая халедри, [длиною] около девяти локтей. И они окропляют солнце, чтобы оно не сожгло мир). В славянском переводе по списку 1384 г. сербской редакции этот же текст имеет следующий вид: «И абие двѣ вещи: гриписи небеснии и финики и халькендри по 60 лакоть, и поквашають крила свои в океаньскои рѣцѣ...»[53].

Как видим, сходство между обоими произведениями весьма отдаленное, и усматривать во втором из них след протографа первого, как предлагает А. Вайан, можно лишь с большой натяжкой.

Не больше дает и сопоставление другого из указанных им мест. В «Славянском Енохе» читаем: «Възведоста мѧ мужа на запад небесѣ и показаста ми тоу врата шестера велика отвръста по обходу небесных восточных противу, ими же заходит солнце по входу восточных врат и по числу дьньному. Тако заходит западными враты. И егда изыдет от западных вратъ, и возмут и четыре аггели вѣнець его, и възнесоуть я ко господеви, а солнце обратит колесницу свою и иде без свита» (л. 358с).

Аналогичный рассказ в греческом тексте «Прения» читается так: «ὅταν βασιλεύῃ ὁ ἥμος ἐκδύουσιν αὐτὸν οἱ ἄγγελοι καὶ παραδίδουσι τὰς θείας στολὰς αὐτοῦ τὸν ζωοδότην μου Χριστὸν, κἀκεῖνος οὖν ἔρχεται παρὰ τῆς θαλάσσης ὅπου σχίζεται ἡ θάλασσα ἀπὸ δυσμῶν ἕως ἀνατολῶν καὶ ἀπελαύει τοῦτον ἡ θάλασσα μετὰ τῶν κυμάτων αὐτῆς». В славянском переводе: «Да егда преидеть солнце всю землю и заидеть тогда толѣ аггелъ совлачить солньце и понесуть одежду и вѣнець на престолъ господеви, предають божественную одежду владыце моему Христу и остають у солнца 3 аггели. И оно проходить в море»[54].

И в данном случае текстуальные соприкосновения настолько отдаленны, что видеть во втором тексте отражение архетипа «Славянского Еноха» невозможно.

Обратимся к лексическим и фразеологическим грецизмам в тексте краткой редакции. Действительно, мы находим там такие слова, как «змурение» (смирна—благовоние), л. 359д (σμύρνιον), «григорьи» (греч.

---

[53] А. Н. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян — XI—XV вв., стр. 274.

[54] Там же, стр. 272.

ἐγρήγοροι —бдящие — название группы ангелов, скорбящих о грехопадении своих собратьев), л. 359а и др. Выше уже отмечены были такие грецизмы, как прочно вошедшие в словарный состав старославянского литературно-письменного языка древнейшего периода слова: «елеи», «иереи», «порода» и ряд других. Как нами было показано в другой работе, подобные слова греческого происхождения, в особенности связанные с народногреческим языком византийского периода, как, например, в нашем памятнике слово «порода», могли свободно употребляться в древнем славяно-русском письменном языке и без прямой и непосредственной связи с греческим оригиналом [55].

Фразеологические и синтаксические грецизмы устанавливаются А. Вайаном в тексте краткой редакции «Славянского Еноха» исключительно на основании его же конъектур. Для того чтобы дать понятие о его методике, приведем одно из его восстановлений. На л. 364д мы читаем: «И языкъ на языкъ возмутитъ рать». А. Вайан в своем издании приводит текст по списку У, совпадающему в данном месте с нашим. Однако он считает необходимым взять в скобки слог «-ти» в глагольной форме и, таким образом, предлагает читать «возмуть рать», хотя ни в одном списке такого чтения не обнаруживается и наиболее близким к конъектуре, предлагаемой А. Вайаном, оказывается текст пространной редакции, рассматриваемый им же как явно несовершенный. Это выражение «възʌати рать» А. Вайан и признает калькой с греческого ἀίρεσθαι πόλεμον [56]. Остальные конъектуры, в которых А. Вайаном усматриваются следы греческих фразеологизмов, не менее смелы и, на наш взгляд, не отличаются доказательностью [57].

Таким образом, утверждать, что краткая редакция «Славянского Еноха» непременно переведена с греческого и что ее источником был греческий извод Еноха 2, или «Христианского Еноха», можно только в качестве гипотезы, нуждающейся в серьезной проверке и обосновании.

Возникает также вопрос о том, насколько закономерно противопоставление Еноха 2 в качестве «Христианского Еноха» — Еноху 1 как якобы более «иудейскому». А. Вайан, выдвигая такое предположение, не приводит никаких положительных доказательств, однако там же говорит об эллинистических и иудео-христианских элементах в этом тексте [58]. На наш взгляд, как Енох 1, так и Енох 2 в одинаковой степени могут быть названы «иудейскими», поскольку в их содержании отразились многие черты мировоззрения иудейских сектантов, действовавших в Палестине и за ее пределами около начала нашей эры.

Находки новых рукописей в районе Мертвого моря представляют громадную ценность для решения поставленного нами вопроса. Как мы уже упоминали, среди фрагментов рукописей, обнаруженных в пещерах Хирбет-Кумрана, найдены тексты многих ветхозаветных апокрифов, в их числе есть и несколько отрывков книги Еноха.

Пока из этих фрагментов изучены и опубликованы весьма немногие. В 1956 г. Бартелеми и Милик обнародовали несколько небольших отрывков, которые, по их мнению, принадлежат к источникам Еноха 1, а также, может быть, к так называемой «Книге Ноя» [59]. Все эти отрывки происходят из пещеры Кумран 1. В 1958 г. тот же Милик напечатал статью, где опуб-

---

[55] Н. А. Мещерский. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка. ВВ, XIII, 1958, стр. 246—261.

[56] A. Vaillant, p. 35, 3.

[57] Ibid., p. 14, 6; 17, 13; 30, 19; 34, 1—2; 34, 10; 37, 7; 38, 6.

[58] Ibid., p. XI.

[59] Discoveries in the Judaean Desert I, Qumran Cave I, by D. Barthelemy and J. T. Milik. Oxford, 1955—1956, p. 84—86, 152.

ликовано еще четыре фрагмента, найденных в пещере Кумран 4 в сентябре 1952 г. Три из этих отрывков отождествлены с текстом Еноха 1 по эфиопской версии (главы XXXI, 2—XXXII, 3). Четвертый отрывок по содержанию примыкает к главам XXXV—XXXVII того же текста, однако, по замечанию Ж. Т. Милика, принадлежит к редакции текста, отличной от той, которая представлена в эфиопской версии [60]. К сожалению, крайне ограниченный размер и объем текста в этом отрывке не позволяет сделать пословного сопоставления с текстом славянской книги Еноха. Между тем это было бы чрезвычайно важно для решения вопроса о соотношении версий этого апокрифа. Поэтому пока мы имеем возможность высказывать наши догадки лишь в сугубо предположительной форме.

Дело в том, что в языке и стиле краткой редакции «Славянского Еноха» обнаруживаются такие черты, которые отнюдь не свойственны ни старославянскому, ни греческому языку, эти языковые явления ставили в тупик А. Вайана, пытавшегося видеть в них следы «иудео-христианских элементов». Вместе с тем подобные же языковые явления обнаруживались нами при изучении древнерусских письменных памятников, переведенных с еврейских оригиналов в киевский период. К числу этих переводов с древнееврейского языка относится прежде всего книга «Есфирь», а затем также отрывки из книги «Иосиппона» и ряда древнерусских изводов ветхозаветных апокрифов, в том числе «Житие и исход Моисея», «Соломон и Китоврас», «Суды Соломона» и др.[61]

К числу названных языковых особенностей мы относим, во-первых, сохранение в тексте памятника отдельных древнееврейских слов, оставленных без перевода. В славянской книге Еноха по ее краткой редакции к числу таких относится слово «Офанимъ», употребленное в качестве названия одного из ангельских «чинов» (лл. 359в, 360в). Буквальное значение этого существительного — «колеса». Сравни текст книги Иезекииля, гл. I, ст. 15—21.

Второй приметой переводов с еврейского языка нужно считать транслитерацию собственных имен в соответствии с еврейским их написанием, а не с славяно-греческой традицией, восходящей к переводу «Септуагинты». В качестве примера подобного написания приведем имя «Мефусалом», тогда как традиционным в византийско-славянской письменности являлась бы форма «Мафусалъ». Особо должен быть рассмотрен вопрос о написании имен ангелов, однако для этого мы в настоящей работе не располагаем еще всеми необходимыми данными.

Наиболее же показательным для установления оригинала, написанного первоначально на одном из семитических языков, мы признаем наличие в славянском тексте таких синтаксических и фразеологических построений, в состав которых входят существительные «лице», «глава», «рука», «душа» и другие, употребленные не в прямом значении, а в функции служебных слов, выражающих пространственные и другие отношения. Как известно, такое употребление этих слов свойственно древнееврейскому и арамейскому языкам. К этому следует добавить еще характерное предложное управление в тех случаях, где в греческом или в славянском языках могло бы ожидаться отсутствие предлогов.

Приведем примеры подобных конструкций из текста книги Еноха в ее краткой редакции: «А нѣсте служаще в лице господне. . .», «. . . и взиде гласъ ихъ в лице господне» (л. 359а), «И стани пред лицом моим

[60] J. T. Milik. Henoch au pays des aromats. «Revue biblique», t. 65, № 1. Paris, 1958, p. 70—78.

[61] Подробнее см. Н. А. Мещерский. К вопросу об изучении переводной письменности киевского периода. «Уч. зап. Карело-Финского пед. ин-та», т. II, вып. 2. Петрозаводск, 1956, стр. 138—219.

в вѣкы» (л. 359с), «. . . пожрети Мефусалиму в лице господне и в лице людско» (л. 364b), «А Мефусаломъ ста на главѣ олтаря и на главѣ всих людии» (л. 364с), «И честенъ бысть Мефусаломъ в лице господне и в лице всих людии» (л. 364е) и др.

Показательны и некоторые черты славянской лексики и словоупотребления. Так, только в таких двух памятниках древнейшего периода, как перевод «Есфири» и краткая редакция «Славянского Еноха» нами отмечен глагол «потухнути». Из редких слов, наблюдаемых в обоих памятниках, можно еще назвать существительные «домачадець» — «домачадица». Можно еще сравнить описательное выражение: «Стояние еже есть о нем» (л. 359с) и «странамъ и бояромъ земнымъ, и иже их о немь» (Есфирь, гл. I, ст. 3) [62]. Все эти совпадения не могут быть случайны и наводят на мысль, что краткая версия славянской книги Еноха могла бы быть причислена к произведениям, переведенным в древней Руси с еврейского языка.

В таком случае источником этого апокрифа следует считать средневековую иудейскую «Книгу тайн Еноха», следы которой в достаточно большом количестве обнаруживают в Талмуде и Мидраше.

Присутствие в этом архетипе «Славянского Еноха» древнего солнечного календаря, насчитывавшего 364 дня, является наиболее убедительным доказательством связи этой поздней еврейской книги с источниками Кумрана [63].

Встает естественный вопрос о соотношении этого гипотетически восстанавливаемого архетипа «Славянского Еноха» с Енохом 3, поздней средневековой еврейской книгой Еноха, изданной Г. Одебергом по рукописи первой половины XVI в. в 1928 г.[64]

Эта книга имеет заглавие «Книга Еноха (изложенная) через рабби Ишмаила бен Елиша, первосвященника». В этом произведении 48 глав. В предисловии повествуется, как рабби Ишмаил (пострадавший от римлян в годы Адриана) был поднят в своем видении на небеса, где получил от бога руководителя, «Метатрона», в лице Еноха. Поучения, услышанные рабби Ишмаилом от этого метатрона, и составляют главное содержание книги. Об этих поучениях говорится в гл. 3—16 и в гл. 48. В гл. 17—28 приводятся сведения из ангелологии, гл. 29—33 рассказывают о божественном суде, ежедневно осуществляемом над людьми, оставшиеся главы повествуют о «небесных тайнах», о созвездиях, о космических силах, о судьбе душ умерших людей и др.[65]

Таким образом, по своему составу славянская книга Еноха в ее краткой редакции наиболее близка к центральной части этого позднего еврейского произведения. Г. Одеберг в своем исследовании уделил специальную главу вопросу о соотношении еврейского и славянского изводов

---

[62] А. И. Соболевский считал («Переводная литература Московской Руси». М., 1903, стр. 435) последний оборот калькой с греческой синтаксической конструкции οἱ περὶ αὐτὸν и признаком того, что книга «Есфирь» была переведена с греческого оригинала. Теперь, однако, факт перевода «Есфири» с еврейского признан установленным и не вызывает сомнения. Приведенный оборот соответствует выражению с еврейского оригинала לְפָנָיו.

[63] По вопросу о вновь открытом солнечном жреческом календаре, принятом у кумранских сектантов, существует колоссальная литература на многих языках мира. На русском языке краткое изложение вопроса с историко-астрономической стороны см. С. И. Селешников. История календаря и его предстоящая реформа. Л., 1962, стр. 109.

[64] H. Odeberg. 3 Enoch or the Hebrew book of Enoch. Cambridge, 1928.

[65] См. рецензию на вышеназванную работу: R. Bultmann. «Theologische Literaturzeitung». Leipzig, 1937, № 25, S. 449—453.

этой апокрифической книги. Он склонен был признавать «Славянского Еноха» одним из источников изданного им произведения [66]. Однако Одеберг, как и другие библеисты его времени, имел дело не с краткой, а с пространной редакцией славянской книги Еноха, со всеми характерными для этой позднейшей компиляции фантастическими добавлениями. Текстуальное сопоставление краткой редакции «Славянского Еноха» с еврейским текстом, изданным у Г. Одеберга, почти невозможно по причине совершенно различной структуры обоих произведений и не совпадающей манеры изложения. Однако отдельные фразеологические совпадения, безусловно, возможны, и их обнаружение будет одной из задач нашего дальнейшего исследования.

Первоочередной же задачей, которую мы ставим себе на ближайшие годы, является, безусловно, подготовка нового критического издания славянской книги Еноха по ее краткой и пространной редакциям с привлечением всех ранее не опубликованных рукописей. Это издание должно сопровождаться подробным текстологическим изучением, основанным на сопоставлении всех изводов этой апокрифической книги.

В заключение укажем, что в славяно-русской письменности сохранились еще и другие ветхозаветные апокрифы, архетипы которых восходят к литературе Кумрана. Это тексты «Завещаний 12 патриархов», «Откровения Авраама», «Видения Исайи» и другие, которые ждут еще своего подробного исследования.

---

[66] H. O d e b e r g. Op. cit., p. 52 ff.

Б. Л. ФОНКИЧ

О РУКОПИСНОЙ ОСНОВЕ ТЕКСТА АЛЬДОВСКОГО ИЗДАНИЯ ТРАГЕДИЙ СОФОКЛА*

В августе 1502 г. в Венеции вышло первое печатное издание (editio princeps) трагедий Софокла [1], явившееся вместе с тем и первым опытом незадолго до этого основанной Neacademia Aldina [2]. Высокие достоинства текста альдовского Софокла на протяжении долгого времени побуждали многочисленных исследователей рукописной традиции софокловских трагедий искать ту рукопись, которая легла в основу издания Альда. Однако самые тщательные поиски не давали возможности сделать определенные выводы.

Вопрос, казалось бы, получил разрешение в 1926 г., когда вышли из печати две работы В. Н. Бенешевича, посвященные хранящемуся в Рукописном отделе Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде списку трагедий Софокла (шифр: греч. 731; обозначим эту рукопись индексом Lg: Leningradensis) [3]. Текст Ленинградского кодекса был подвергнут в самом начале XVI в.[4] редакционной правке, характер которой возбуждал мысль о том, что эта рукопись была использована в типографии при наборе текста софокловских трагедий. Оставалось только сличить Lg с ранними печатными изданиями Софокла, чтобы установить имя того издателя, который пользовался Ленинградским манускриптом в своей работе. Уже беглая колляция рукописи с editio princeps Софокла совершенно убедила В. Н. Бенешевича в том, что именно Альд Мануций был тем издателем, который употребил кодекс греч. 731 в качестве рукописной основы своего печатного издания. Таким образом, манускрипт, явившийся оригиналом Альдины, был найден.

Однако в 1952 г. американский исследователь А. Турин в своей замечательной работе, посвященной анализу рукописной традиции трагедий

---

* Приношу глубокую благодарность Е. Э. Гранстрем, обратившей мое внимание на исследуемый здесь кодекс греч. 731 и постоянно помогавшей своими советами в процессе изучения этой рукописи, а также Н. В. Варбанец и В. С. Люблинскому — за консультации по специальным вопросам ранней истории книгопечатания.

[1] Σοφοκλεους τραγωδιαι επτα μετεξηγησεων. Sophoclis tragaediae septem cum commentariis. Venetiis, in Aldi Romani Academia, mense Augusto MDII.

[2] Впервые именно в издании софокловских трагедий появляются слова: in Aldi Romani Academia.

[3] В. Бенешевич. Кодекс Альда Мануция в Российской Публичной Библиотеке. Сборник статей в честь С. А. Жебелева. Л., 1926 (далее — В. Бенешевич.); W. Beneševič. Das Original der Ausgabe «Sophoclis tragaediae septem» 1502 von Aldus Manutius. «Philologische Wochenschrift», 41/42, 1926. (далее — W. Beneševič).

[4] К этой датировке мы еще вернемся.

Софокла [5], отверг (не приводя каких-либо доказательств) вывод В. Н. Бенешевича относительно роли Ленинградского кодекса [6] и указал на существование рукописи, текст которой полностью (исключение составляют лишь несколько легко объяснимых расхождений) совпадает с изданием Альда. Этой рукописью оказался Венский список трагедий Софокла (Österreichische Nationalbibliothek, codex philos. philol. graec. 48, индекс Y) [7], датируемый второй половиной XIV в.[8] Полагая, что именно Y явился манускриптом, который лег в основу Альдины, А. Турин считает вопрос о рукописном прототипе первого печатного издания Софокла окончательно разрешенным [9].

Следует, однако, заметить, что, пренебрегая выводами статьи [10] В. Н. Бенешевича и удовлетворяясь лишь формальным совпадением текста Y и Ald., А. Турин подошел к исследованию указанной проблемы только как филолог-классик, не проявив интереса к ранней истории книгопечатания, и в частности к издательским приемам работы знаменитого Альда.

Правда, уже сам грандиозный объем работы по учету, анализу и систематизации всех сохранившихся до наших дней списков софокловских трагедий мог ограничить задачи американского ученого и заставить его отказаться от подробного рассмотрения возникающих в ходе исследования второстепенных (с точки зрения целей автора) вопросов. Совершенно достаточно и того, что книга А. Турина, впервые дающая подробное описание Венской рукописи и ее частичную колляцию с изданием Альда, еще раз поднимает, казалось бы, уже решенную проблему и позволяет подойти к рассмотрению интересующего нас в этой работе вопроса об основе первопечатного издания Софокла с новым материалом в руках.

Итак, обратимся к сравнительному анализу Ленинградского и Венского [11] манускриптов, а также editio princeps софокловских трагедий.

Кодекс греч. 731[12], написанный во второй половине XV столетия [13] и содержащий трагедии «Эант», «Электра» и «Эдип-царь» (последняя обрывается на 1033-м стихе: οἰδ' οἴμοι τί τοῦτ'ἀρχαῖον ἐννέπεις κακόν), поступил в Рукописный отдел ГПБ в 1915 г. в составе коллекции греческих рукописей, принадлежавших А. И. Пападопуло-Керамевсу [14].

Особое значение этого манускрипта заключается в той редакционной правке, которой был подвергнут текст рукописи в начале XVI в.[15] Ха-

---

[5] A. Turyn. Studies in the Manuscript Tradition of the Tragedies of Sophocles. «Illinois Studies in Language and Literature», vol. XXXVI, № 1—2. Urbana, 1952 (далее — A. Turyn).

[6] Ibid., p. 27.

[7] Ibid., p. 173—176.

[8] M. Wittek. Manuscrits et Codicologie. «Scriptorium», VII (1953), № 2, p. 283; H. Hunger. Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek, Teil I. Wien, 1961 («Museion. Veröffentlichungen der Österreichischen Nationalbibliothek». Neue Folge, Reihe 4, Bd. I) S. 170.

[9] A. Turyn, p. 176.

[10] Из двух имеющихся работ Бенешевича А. Турин, очевидно, знаком только со второй (в «Philologische Wochenschrift»), так как первая статья, помещенная в отпечатанном всего в четырех экземплярах на машинке сборнике статей в честь С. А. Жебелева, могла оказаться для него недоступной.

[11] Мы глубоко признательны дирекции Австрийской национальной библиотеки, приславшей по нашей просьбе микрофильм рукописи Y.

[12] Его подробное описание см.: Μαυρογορδάτειος Βιβλιοθήκη ἤτοι Γενικὸς Περιγραφικὸς Κατάλογος τῶν ἐν ταῖς ἀνὰ τὴν Ἀνατολὴν Βιβλιοθήκαις εὑρισκομένων Ἑλληνικῶν χειρογράφων ὑπὸ Ἀ. Παπαδοπούλου τοῦ Κεραμέως. Τ. Ι. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1884, σελ. 123—124 (ἀριθ. 267) и особенно в указанных работах В. Н. Бенешевича.

[13] W. Beneševič, S. 1145.

[14] Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Краткий отчет Рукописного отдела за 1914—1938 гг. Л., 1940, стр. 239.

[15] О датировке корректуры греч. 731 см. прим. 21.

рактер корректуры позволяет отказаться от исчерпывающего перечисления всех исправленных мест и дает возможность соединить их в определенные группы.

Корректор

1) исправил текст;

2) написал по-гречески и по-латыни заглавия трагедий [16];

3) отредактировал аргументы трагедий [17];

4) раскрыл сокращения слов ἄνθρωπος, πατήρ, μήτηρ и т. п., зачеркнув эти слова в сокращенной форме и выписав их полностью на полях;

5) поставил в нужных местах ι subscriptum;

6) заключил прямую речь в кавычки;

7) над буквами, которые должны быть заглавными, поставил крестик (+);

8) два стиха, написанные в одну строчку, разделил, сопроводив указанием dasoposta;

9) соединил неправильно разъединенные писцом буквы, а также четко написал те из них, которые были написаны небрежно;

10) произвел расчет количества строк на странице и отметил начало каждой страницы: *α* 1, *α* 2, *α* 3 и т. д.; *β* 1, *β* 2, *β* 3 и т. д.; *γ* 1, *γ* 2, *γ* 3 и т. д.

Но для каких же целей неизвестный корректор проделал всю эту работу? Имеем ли мы какой-нибудь материал, который смог бы облегчить поиски ответа на поставленный вопрос?

Да, имеем. Нашим помощником в этом случае оказывается Венецианский список «Лексикона» Гезихия, который, как точно установлено [18], послужил рукописной основой первого издания названного автора, выпущенного в свет Альдом в 1514 г.[19] Прежде чем отдать манускрипт в типографию, Марк Музурус, редактор большинства Альдин, подверг его текст корректорской правке, которая должна была облегчить работу наборщика. «Музурус. . . зачеркнул имеющиеся в ней (т. е. в рукописи Гезихия. — *Б. Ф.*) сокращения и лигатуры, которые могли бы хоть немного затруднить наборщика, написал сам эти слова полностью на полях, разделил слоги, которые писец неудачно соединил, и соединил те, которые были неудачно разделены. Не ограничившись этим, он сделал большое количество исправлений, изменений, перестановок, дополнений, сокращений, добавил то, что он счел нужным. . . Наборщик точно им следовал и всегда печатал не в соответствии с чтением, которое находилось в рукописи и которое Музурус зачеркнул, но следуя исправлениям, которые этот ученый сделал на полях. . .» [20].

Легко заметить, что характер работы корректора рукописи Гезихия в основных своих чертах совершенно совпадает с характером редакционной правки, обнаруженной в рукописи греч. 731. Но если корректура списка «Лексикона» имела своей целью подготовку данной рукописи с печати, то едва ли могут быть сомнения в том, что и целью редактора

---

[16] Л. 47. Σοφοκλέους ἠλέκτρα. Sophoclis Electra; л. 94. Σοφοκλέους οἰδίπους τύραννος. Sophoclis Oedipus tyrannus.

[17] См. В. Бенешевич, стр. 466—468; W. Beneševič, S. 1147.

[18] É. Legrand. Bibliographie Hellénique, ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des Grecs aux XV et XVI siècles, t. I. Paris, 1885. p. CXVII.

[19] ΗΣΥΧΙΟΥ ΛΕΞΙΚΟΝ. Hesychii Dictionarium. Venetiis, in Aedibus Aldi et Andreae Soceri. Mense Augusto MDXIIII.

[20] É. Legrand. Op. cit., t. I, p. CXVII. Подробное описание рукописи, из которой приведена цитата, см. Bibliothèque Nationale. Département des Manuscrits. Catalogue des Manuscrits Grecs. Troisième Partie. Le Supplément Grec, t. III, № 901—1371, par. Ch. Astruc et M.—L. Concasty. Paris, 1960, p. 31—34 (особенно p. 33).

Ленинградского Софокла являлась подготовка манускрипта для передачи его в типографию, в руки наборщиков.

Итак, рукопись греч. 731 была тем кодексом, с которого осуществлялся набор текста одного из ранних печатных изданий Софокла. Благодаря работам В. Н. Бенешевича мы знаем, что этим изданием оказалась editio princeps трагедий великого афинского драматурга, вышедшая в свет в Венеции в августе 1502 г. из типографии Альда Мануция [21].

В самом деле, текст Lg с учетом всех исправлений, изменений, дополнений, сделанных рукой корректора, совершенно совпадает с текстом Альдины. Прежде всего, в Ald. учтено подавляющее большинство отмеченных редактором Lg разночтений и напечатаны именно те из них, которые являются *исправлением* текста греч. 731. Затем, полностью совпадают с Ald. отредактированные в Lg аргументы трагедий, а также греческие и латинские их заглавия. Наконец, в Ald. мы находим кавычки, набранные крупным шрифтом некоторые строки, заглавные буквы, соблюдение указаний dasoposta и нумерацию тетрадей α, β, γ и т. д. точно такими и в тех местах, как мы их встречаем в рукописи греч. 731, написанными рукой корректора. Тождество почти полное. Все встречающиеся крайне редко расхождения являются, по-видимому, результатом работы над текстом в корректурных листах.

Однако ограничиться лишь доказательством того, что с Ленинградской рукописи производился набор текста Ald., значило бы отказаться от попытки решить ряд важных проблем, возникающих при исследовании кодекса греч. 731.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что в *тексте* Lg внесены исправления. Являются ли эти исправления результатом сличения нашего кодекса с другим, совершенно определенным списком трагедий, или же их нужно отнести за счет критической работы издателя, основанной на изучении рукописной традиции софокловских творений? Ответ на этот вопрос позволил бы отказаться от нередко встречающихся в посвященной Альду Мануцию литературе общих фраз о том, что венецианский издатель и его друзья были прекрасными филологами, проводившими при издании произведений античных авторов значительную текстологическую работу, и дал бы возможность на конкретных примерах иллюстрировать альдовские принципы подготовки рукописного текста к печати.

В. Н. Бенешевич установил самый факт исправления текста и предположил существование рукописи, по которой правили греч. 731 [22]. Однако в то время (т. е. в 1926 г.) ни В. Н. Бенешевичу, ни какому-нибудь другому ученому не было известно такой рукописи, текст которой в точности совпал бы с текстом Ald. и смог бы объяснить происхождение текстуальных изменений в Ленинградском кодексе. И только изучение и колляция *всех* дошедших до нас списков софокловских трагедий, проведенные А. Турином, показали, что действительно существует рукопись, в отношении текста полностью тождественная Альдине. Этой рукописью явился упомянутый уже Венский кодекс Y.

Колляция Y и Ald. показывает, что текст печатного издания совпадает с текстом Венского манускрипта не только в основных чертах, но и в тех

---

[21] Теперь мы можем возвратиться к вопросу о датировке корректуры рукописи греч. 731 (см прим. 15). Если Новая Академия, усилиями которой был выпущен первопечатный Софокл, была основана в 1500 г. (É. Legrand. Op. cit., t. I, p. CXI—CXII), а editio princeps трагедий появилась в 1502 г., то совершенно очевидно, что подготовка рукописи греч. 731 к печати могла производиться в промежутке между этими двумя датами, т. е., как мы сказали выше, в самом начале XVI в.

[22] В. Бенешевич, стр. 471.

случаях, когда встречаются чтения, присущие только Y[23]. Это — несомненное свидетельство в пользу того, что Венская рукопись была использована Альдом при напечатании editio princeps трагедий Софокла. А раз это так, то, после Lg, Y — уже в т о р а я рукопись, имеющая непосредственное отношение к первому изданию Альдовской Академии.

Но какую же роль играла каждая из этих рукописей?

Для освещения этого вопроса произведем колляцию обоих манускриптов и Ald. в той части, которая заключает в себе трагедию «Эант» (этого будет совершенно достаточно).

60. εἰσέβαλον Lg	εἰσέβαλλον YAld.
64. οὐχ Lg	κοὐχ YAld.
67. θροεῖς Lg	θροῇς YAld.
75. ἀρεῖς Lg	ἄρῃς YAld.
84. ὀφθαλμοῖσι Lg	ὀφθαλμοῖς γε YAld.
91. διογνὲς Lg	διογενὲς YAld.
96. γάρ ἐστι Lg	πάρεστι YAld.
97. ἀτρείδεσιν Lg	Ἀτρείδαισιν YAld.
107. κερδάνεις Lg	κερδάνῃς YAld.
108. πρι Lg	πρίν YAld.
111. ὧδ' αἰκίσῃ Lg	ὧδέ γ' αἰκίσῃ YAld.
114. στέρψις Lg	τέρψις YAld.
119. προυνούστερος Lg	προνούστερος YAld.
127. ὑπέρκομπον Lg	ὑπέρκοπον YAld.
132. τἀνθρώπια Lg	τἀνθρώπεια YAld.
145. βατὰ Lg	βοτὰ YAld.
147. κτείνωντ' Lg	κτείνοντ' YAld.
152. μᾶλλον χαίρει Lg	корректор изменил порядок: χαίρει μᾶλλον YAld.
153. ἄχεσι Lg	ἄχεσιν YAld.
154. ἰεὶς λόγους Lg	корр. поставил λόγου. ἰεὶς YAld. (λόγου нет)
178. ἐλαφηβολίας Lg	корр. исправил ἐλαφηβολίαις YAld.
180. μομφάν Lg	корр. испр. μορφάν YAld.
198. βάσαις LgY	βάσσαις Ald.
203. στονοχὰς Lg	στοναχὰς YAld.
211. δορυάλωτον Lg	δοριάλωτον YAld.
227. οἴμοι LgY	ὤμοι Ald.
233. κεῖθεν ἐκεῖθεν Lg	κεῖθεν κεῖθεν YAld.
241. ῥιτῆρα Lg	ῥυτῆρα YAld.
243. ἐνάζων Lg	δεννάζων Y ἐννάζων Ald.
257. ἄρῃ LgY	ἄρην Ald.
260. ἐσλεύσειν Lg	ἐσλεύσσειν YAld.
297. εὔκερών Lg	корр. добавил τ': εὔκερών τ' YAld.
301. ὑπαῖξας LgY	ἐπαῖξας Ald.
323. ποιᾶδε Lg	τοιᾶδε YAld.
328. ἐστάλλην Lg	ἐστάλην YAld.
329. δύνασθαί τι Lg	δύνασθέ τι YAld.
335. βοήν LgY	βοάν Ald.
351. φονίας Lg	φοινίας YAld.
357. ἐπέβαν Lg	корр. испр. ἐπέβας YAld.
377. λογοίης Lg	корр. испр. ἀλγοίης YAld.
401. μα'διὸς Lg	μ' Ἀδιὸς YAld.

[23] A. T u r y n, p. 175.

419. σκαμάνδριοι Lg — Σκαμάνδροιο YAld.
421. μή LgY — με Ald.
444. ἄν αὖτ' Lg — корр. испр. ἄν τις αὖτ' YAld.
493. συναλλάχθης Lg — корр. испр. συνηλλάχθης YAld.
499. δουλείαν Lg — корр. испр. δουλίαν Y δούλιον Ald.
541. κλεῖσε Lg — корр. испр. καλεῖσε YAld.
543. λελειμένω Lg — корр. испр. λελειμμένῳ YAld.
549. πωλοδαμεῖν Lg — корр. испр. πωλοδαμνεῖν YAld.
552. νῦν Lg — корр. испр. καὶ νῦν YAld.
555. μάθοις Lg — μάθῃς YAld.
557. δείξεις LgY — δείξῃς Ald.
558. πνεύμασιν Lg — πνεύμασι YAld.
561. στυγναῖσσι Lg — корр. испр. στυγναῖσι YAld.
οὔτ' Lg — корр. испр. ὄντ' YAld.
566. δε Lg — корр. испр. τε YAld.
569. δείξει LgY — δείξῃ Ald.
570. ἐσαεί Lg — корр. испр. εἰσαεὶ YAld.
576. ἑπτάβιον Lg — ἑπτὰβοιον YAld.
582. θροεῖν Lg — корр. испр. θρηνεῖν YAld.
585. δράσεις Lg — δρασείης YAld.
591. ἀκούουσι Lg — корр. испр. ἀκούουσιν YAld.
593. συνέρξεθ' LgY — ξυνέρξεθ' Ald.
635. κρέσσων Lg — Κρείσσων YAld.
664. ἐστιν Lg — корр. испр. ἔστ' YAld.
παροια Lg — корр. испр. παροιμία YAld.
667. μαθησόμεθα L — μαθησόμεσθα YAld.
677. γνωσόμεθα Lg — γνωσόμεσθα YAld.
683. ἑταιρείας LgY — ἑταιρίας Ald.
685. εἴσω LgY — ἔσω Ald.
691. δε Lg — корр. испр. δ' YAld.
695. ἁλίπλακτε Lg — корр. испр. ἁλίπλαγκτε YAld.
700. νύσια LgY — Νύσσια Ald.
724. ἀφέστησαν Lg — корр. испр. ἀμφέστησαν YAld.
734. δηλοῦν τάδε Lg — корр. испр. δηλοῦν λόγον YAld.
735. ἔδον Lg — корр. испр. ἔνδον YAld.
741. ἔνδοθε Lg — корр. испр. ἔνδοθεν YAld.
743. τι Lg — τοι YAld.
744. λόχου Lg — корр. испр. χόλου YAld.
748. παρόν Lg — корр. испр. παρών YAld.
749. κύκου Lg — корр. испр. κύκλου YAld.
758. κᾀκόνητα Lg — корр. испр. κᾀνόνητα YAld.
761. φρονεῖν Lg — корр. испр. φρονεῖ YAld.
764. ἐνέπει Lg — корр. испр. ἐννέπει YAld.
767. ὥ Lg — корр. испр. ὧν YAld.
780. τοσαῦθ' Lg — корр. испр. τοιαῦθ' YAld.
784. τέκμησα Lg — Τέκμησσα YAld.
794. ὠδίειν Lg — корр. испр. ὠδίνειν YAld.
824. καὶ εἰκὸς Lg — корр. испр. καὶ γὰρ εἰκὸς YAld.
828. νεοράντω Lg — корр. испр. νεορράντῳ YAld.
836. τα Lg — корр. испр. τὰν YAld.
838. διόλυμαι Lg — корр. испр. διόλλυμαι YAld.
839. πανολέθρους Lg — корр. испр. πανωλέθρους YAld.
843. ἐρινύες Lg — корр. испр. Ἐριννύες YAld.
845. αὐτὸν Lg — корр. испр. ὦ τὸν YAld.
848. ἄτας Lg — корр. испр. ἄτας τὰς YAld.

849. τῇ δε Lg	корр. испр. τῇ τε YAld.
857. προσενέπω Lg	корр. испр. προσεννέπω YAld.
877. βολῶν Lg	корр. испр. μολῶν YAld.
880. ἁλιδᾶν Lg	корр. испр. ἁλιαδᾶν YAld.
886. λεύσων Lg	корр. испр. λεύσσων YAld.
890. λεύσειν Lg	корр. испр. λεύσσειν YAld.
895. συγκεκραμμένην Lg	корр. испр. συγκεκραμένην YAld.
896. οἴχωμ' Lg	корр. испр. οἴχωκ' YAld.
916. παμπύδην Lg	παμπήδην YAld.
920. βαστάση Lg	βαστάσει YAld.
923. ὢν, ἔχεις οἵως Lg	корр. переставил слова: ὢν οἵως ἔχεις YAld.
926. στερεόφρων Lg	корр. испр. στερεόφρον YAld.
951. ἄνυσαν Lg	ἤνυσαν YAld.
969. πῶς δῆτα LgY	τί δῆτα Ald.
976. μέλλος Lg	корр. испр. μέλος YAld.
990. μέλλειν Lg	корр. испр. μέλειν YAld.
995. σπλάχνον Lg	σπλάγχνον YAld.
996. τὸ σὸν Lg	τὸν σὸν YAld.
1000. δείλαιος LgY	δύστηνος Ald.
1014. κανδρίᾳ Lg	корр. испр. κακανδρίᾳ YAld.
1017. ἐγήρᾳ Lg	корр. испр. ἐν γήρᾳ YAld.
1019. ἀποστὸς Lg	корр. испр. ἀπωστὸς YAld.
1022. παῦρα LgY	παῦροι Ald.
1033. θανασήμῳ Lg	θανασίμῳ YAld.
1040. κρύψης Lg	корр. испр. κρύψης. κρύψεις YAld.
1053. ἄξειν Lg	корр. испр. ἄγειν YAld.
1058. εἴληχε Lg	εἴληχεν YAld.
1061. ποίμναις Lg	ποίμνας YAld.
1068. μέλῃς Lg	θέλῃς YAld.
1074. καθεστήκοι LgY	καθεστήκει Ald.
1083. ἐξορίων Lg	корр. испр. Ἐξ οὐρίων YAld.
1087. παραλάξ Lg	корр. испр. παραλλάξ YAld.
1088. μέγα φρονῶ Lg	корр. испр. μέγ' αὖ φρονῶ YAld.
1113. ἐνώμοτοις Lg	корр. испр. ἐπώμοτος YAld.
1136. ἐμοῦ Lg	корр. испр. ἐμοὶ YAld.
1154. ἄνθρωπε LgY	ὦ' νθρωπε Ald.
1168. πλησίοι LgY	πλησίον Ald.
1181. νικησάτω Lg	корр. испр. κινησάτω YAld.
1220. συνίου Lg	корр. испр. Σουνίου YAld.
1224. ὁρμόμενον Lg	корр. испр. ὁρμώμενον YAld.
1230. ἐφρόνεις Lg	корр. испр. ἐφώνεις YAld.
ὁδοιπόρεις LgY	ὡδοιπόρεις Ald.
1243. πολλοῖς Lg	πολλοῖσιν YAld.
1274. ἐντὸς Lg	οὗτος YAld.
1278. ἐς Lg	корр. испр. εἰς YAld.
1297. ἑλοῖς Lg	корр. испр. ἑλλοῖς YAld.
1300. ὅς Lg	корр. испр. ὅστις YAld.
1302. ἔκτριτον Lg	корр. испр. ἔκκριτον YAld.
1310. μοι τόδε Lg	корр. оставил только μοι YAld.
1315. ἤ ν' ἐμοὶ LgY	ἤ γ' ἐμοὶ Ald.
1321. ὀδισσεῦ Lg	корр. испр. Ὀδυσσεῦ YAld.
1322. συγνώμην Lg	корр. испр. συγγνώμην YAld.
1338. ἔμπης Lg	корр. испр. ἔμπας YAld.
1343. γὰρ τοιοῦτον Lg	корр. испр. γάρ τι τοῦτον YAld.

1345. οὐδε Lg	корр. испр. οὐδ' YAld.
1348. προσεπεμβῆναι σε Lg	προσεμβῆναί σε YAld.
1358. ἔμπληκτοι Lg	корр. испр. ἔκπληκτοι YAld.
βροτοῖς LgY	βροτῶν Ald.
1360. τοιὰς Lg	корр. испр. τοιοὺς YAld.
1363. ἕλληνας Lg	корр. испр. Ἕλλησι YAld.
1374. ὅστις Lg	корр. испр. ὅστις σ' YAld.
1389. πρεσβέβων Lg	корр. испр. πρεσβεύων YAld.
1407. ἐκλησίας Lg	корр. испр. ἐκκλισίας YAld.
1419. ἰδεῖν Lg	корр. добавил δ': ἰδεῖν δ' YAld.

Какие же наблюдения можно сделать, анализируя данные сличения Lg с Y и Ald.?

Прежде всего, текст греч. 731, бесспорно, исправлялся по Y. На это указывает как подавляющее большинство корректорских исправлений, так в особенности слово μορφάν (ст. 180), встречающееся в такой форме только в Y и Ald. и заменяющее в греч. 731 обычное для всех рукописей μομφάν.

Во-вторых, в Lg мы находим несколько мест, не исправленных по Y, тогда как в Ald. эти же места совпадают с чтениями Венского кодекса. Особенно значительно количество неисправленных разночтений в начале «Эанта» (правка осуществляется лишь с 152 ст.), но изредка они встречаются и в других частях трагедии. Систематическое же исправление текста Lg по Y проводится только с 357 ст. Все эти факты мы можем объяснить следующим образом.

По-видимому, в самом начале своей работы по подготовке манускрипта к набору корректор альдовского издательства не имел в виду препарирование текста находившегося в его распоряжении кодекса греч. 731 путем его сличения с одной лишь Венской рукописью, но — и это не исключено — предполагал привлечь для изучения и другие списки софокловских трагедий.

Поэтому первоначально он ограничился только постановкой знаков, которые должны были облегчить работу наборщиков, а также внесением тех поправок в текст, наличие которых было необходимо независимо от сличения с какой-либо рукописью (ι subscriptum, знаки препинания и т. п.) [24]. Но уже очень скоро, когда редактор занимался изучением еще только четвертой сотни стихов, очевидно, было принято решение ограничиться сличением Lg и Y. С этих пор начинается почти сплошная правка текста рукописи греч. 731 по Венскому списку. Если же и после этого мы еще обнаруживаем некоторое количество мест в Lg, отличающихся от чтений Y и Ald., то, как показывает анализ этих дискрепанций, почти все такие места представляют собой либо ошибки писца Lg [25], либо относятся к разряду чтений, окончательную судьбу которых (как и судьбу отмеченных ошибок) должен был решать, как бы мы теперь ска-

[24] Отсутствие на л. 2 каких-либо следов корректорской правки объясняется, вероятно, тем, что уже в начале XVI в. часть имеющихся здесь стихов, как и в наши дни, читалась с трудом, чего нельзя сказать об оборотной стороне этого листа, где и различается впервые рука корректора. Возможно, несколько начальных стихов «Эанта» были переписаны специально для наборщиков на отдельном листе.

[25]

499. τροφίν Lg	τροφῆν YAld.
576. ἑπτάβιον Lg	ἑπτάβοιον YAld.
743. τι Lg	τοι YAld.
916. παμπύδην Lg	παμπήδην YAld.
1033. θανασήμῳ Lg	θανασίμῳ YAld. и т. п.

зали, ответственный научный редактор, а не корректор нашего манускрипта [26].

Судя по тому, что отмеченные только что места не исправлены в тексте Ленинградской рукописи, можно думать, что они исправлялись в корректурных листах. По-видимому, в этих же листах подвергались изменению и те чтения (очень немногочисленные) Y, которые совпадали с греч. 731, но не совпадают с Ald.

Ко всем этим наблюдениям, основанным на изучении текста Lg, Y и Ald., можно добавить еще следующее.

В Венском кодексе совершенно отсутствует та корректорская правка, которая имеется в греч. 731 и которая должна была облегчить труд по набору текста трагедий. Но без предварительной подготовки рукописи к печати манускрипт не мог быть отдан в типографию, ибо в противном случае наборщику пришлось бы самому наблюдать не только за правильностью набора, но и решать вопрос об организации книги, расположении текста на странице и пр. Едва ли это могло случиться, особенно в то время, когда к печатанию каждой книги подходили с чрезвычайно высокими требованиями, следя как за абсолютной правильностью набираемого текста, так и за соразмерностью шрифтов, форматом книги, красотой расположения строк на листе и т. д. Наборщик должен был заниматься лишь набором текста, а для облегчения его работы необходимо было соответствующим образом препарировать текст лежавшей перед ним рукописи.

Из всего сказанного совершенно ясно, что Венский список трагедий Софокла, которого не коснулась рука корректора, не мог быть отдан в типографию, и, следовательно, набор текста трагедий производился по Ленинградской рукописи, исправленной в свою очередь по Y [27].

Результаты изучения Ленинградского и Венского списков трагедий Софокла, а также первого издания произведений этого автора сводятся к следующему.

1. Установлено происхождение тех текстуальных поправок, которые встречаются в Lg: все они являются итогом сличения рукописи греч. 731 с Y, произведенного редактором Альда.

2. Прослежены стадии работы корректора над текстом обеих рукописей. Отмеченные чтения Lg, которые корректор, по-видимому, не решился

[26]
419. σκαμάνδριοι Lg	Σκαμάνδροιο YAld.
555. μάθοις Lg	μάθῃς YAld.
667. μαθησόμεθα Lg	μαθησόμεσθα YAld.
677. γνωσόμεθα Lg	γνωσόμεσθα YAld.
784. τέκμησα Lg	Τέκμησσα YAld.
920. βαστάσῃ Lg	βαστάσει YAld.
1068. μέλῃς Lg	θέλῃς YAld. и пр.

[27] Может возникнуть вопрос: почему же Альд, обладая почти с самого начала своей работы над текстом Софокла двумя рукописями — Lg и Y — и считая (как это показала коллляция) лучшим именно Венский список, не отбросил Lg и не стал готовить к печати лишь один кодекс Y? На это легко ответить, сделав сличение хотя бы отдельных мест Y и Ald. Текст Венской рукописи расположен на странице двумя столбцами, причем довольно часто длина строки одного столбца вовсе не соответствует длине одного стиха, принятой в Ald. В этом случае корректор обязан был отметить для наборщика все такие места, а так как этих мест не так уж мало, то листы рукописи Y оказались бы покрытыми целым лесом одних только помет относительно переноса строк. Если же учесть, что сюда необходимо было добавить огромное количество крестиков (для обозначения заглавных букв), исправлений в тексте, кавычек и пр., то станет ясно, какие трудности ждали бы наборщика при его работе. В Ленинградской же рукописи нет отмеченного здесь недостатка Y. Поэтому Альд не отказался от Lg, но сделал ее коллляцию с Венским кодексом.

самостоятельно исправить, предоставляют специалистам прекрасный материал для суждения о критическом таланте главного научного редактора первого печатного издания Софокла [28].

3. Определена роль, которую играла каждая из привлеченных здесь для изучения рукописей.

Правда, на пути окончательного отождествления рукописи греч. 731 с тем кодексом, который при издании софокловских трагедий лежал перед наборщиками альдовской типографии, существует еще одно препятствие. Ленинградский манускрипт содержит не семь трагедий, как это мы видим в Y и Ald., а лишь три (причем конец «Эдипа-царя» не сохранился). Имела ли эта рукопись только три первые трагедии, т. е. триаду (а таких рукописей в средние века было очень много) [29] — если это так, то для издания должна была быть привлечена еще одна рукопись, содержавшая либо остальные четыре трагедии [30], либо же «полного» Софокла, — или в состав греч. 731 входили все сохранившиеся до нашего времени произведения афинского драматурга? Решить эту проблему помогает работа А. Турина.

Исследуя группу рукописей, к которой принадлежит венский манускрипт, — так называемый Парижский класс рукописей Софокла [31], — автор выделяет те места текста, которые являются характерными особенностями этого класса и, следовательно, дают возможность отнести тот или иной кодекс, если его чтения совпадают с отмеченными Турином местами, именно к этому классу [32]. Ленинградская рукопись полностью удовлетворяет всем необходимым для вхождения в эту семью требованиям [33] и может быть, тем самым, отнесена к Парижскому классу списков софокловских трагедий. Но все входящие в этот класс манускрипты содержат с е м ь трагедий. Следовательно, мы должны признать, что и греч. 731 когда-то имела также с е м ь трагедий, и лишь позже, вероятнее всего, после 1502 г., бóльшая часть рукописи была утрачена. Таким образом, и это препятствие устраняется, и мы можем еще раз, уже окончательно, с полной уверенностью сказать: первое издание трагедий Софокла было напечатано с Ленинградской рукописи греч. 731, текст которой исправлялся по кодексу Y, хранящемуся ныне в Рукописном отделе Австрийской национальной библиотеки.

* * *

Весьма интересным является также вопрос о том, кто же готовил рукописи Софокла к печати, сверяя Y и греч. 731 и внося в последнюю

---

[28] О личности этого редактора см. ниже.

[29] A. T u r y n, passim.

[30] О рукописях, содержащих трагедии «Антигона», «Эдип в Колоне», «Трахинянки» и «Филоктет», см. A. T u r y n, p. 165—172 и passim.

[31] В этот класс, кроме Венской, входят также Парижская (Ancien fonds grec 2712, индекс A) и Венецианская (Bibl. Marciana, graec. 467, индекс U) рукописи.

[32] A. T u r y n, p. 174.

[33] Греч. 731, как и YAU (в той части, которая заключает в себе триаду), принадлежит к рецензии Мануила Москопула. Например: «Эант»: 58. ἐμπιτνῶν, 80. ἐν δόμοις, 112. ἐγὼσ' ἐφίεμαι, 488. τινες, 717. μετεγνώσθη, 1011. ἥδιον, 1369. γ'; «Электра»: 42. χρόνῳ μακρῷ (здесь расхождение: YAU — μακρῷ χρόνῳ), 433. ἀπὸ, 809. οἵχῃ φρενὸς, 890. λοιπὸν ἢ (YAU: λοιπὸν ἵν' ἢ), 1141. ξέναισι, 1375. ὅσοιπερ πρόπυλα; «Эдип-царь»: 50. στάντεστ', 250. γένητ' ἐμοῦ συνειδότος (YAU: γένοιτ' ἐμοῦ συνειδότος). Текст греч. 731, подобно YAU, относится к Москопуло-Планудовскому классу ξρ: «Эант», 1369: παντaχοῦ; «Электра», 238: ἐβλαστ'; «Эдип-царь», 652: οὔπωτε (YAU: οὔποτε). Текст Lg совпадает с YAU в некоторых отклонениях от редакции Москопула: «Эант», 546. που τόνδε; «Электра», 486/87. αἰσχίσταις εἰν αἰκίαις; «Эдип-царь», 957: μοι σὺ σημάντωρ (YAU: μοι σημάντωρ). Ср. A. T u r y n, p. 174.

поправки. Поставивший этот вопрос В. Н. Бенешевич, отвергнув возможность участия в издании Иоанна Ласкариса и Марка Музуруса по той причине, что их почерк не совпадает ни с одним из почерков в Ленинградской рукописи [34], не пришел к какому-либо положительному ответу.

В самом деле, с точностью отождествить почерк корректуры рукописи греч. 731 с почерком какого-либо гуманиста пока не удается [35]. И все же, еще не определив корректора Lg, мы можем с известной уверенностью выявить круг лиц, работавших над первым изданием трагедий Софокла.

Прежде всего, нужно лишний раз подчеркнуть, что это издание явилось п е р в ы м изданием произведений античной литературы, выполненным совместными усилиями членов альдовской Новой Академии. Поэтому и принять участие в подготовке первого издания Софокла должны были все крупнейшие в то время знатоки греческих авторов, которые объединились вокруг Альда Мануция.

Среди них первое место принадлежит, бесспорно, Марку Музурусу, критскому эрудиту [36], работавшему вместе с Альдом с самого начала его издательской деятельности [37]. Блестящий филолог [38], превосходно изучивший на Крите, в гуманистической школе Аристобула Апостолида [39], и во Флоренции, у Иоанна Ласкариса [40], греческую литературу, Марк Музурус пользовался огромным авторитетом у итальянских ученых и любителей классической древности [41]. Поэтому трудно предположить, чтобы Музурус, будучи членом Новой Академии [42] и находясь в момент подготовки издания Софокла (т. е. в 1501—1502 гг.) в Венеции [43], не оказал существенной помощи Альду своими советами относительно текстологической правки софокловских рукописей. Исходя из известной нам характеристики Марка Музуруса, мы склонны даже думать, что именно этот ученый играл главную роль при издании трагедий Софокла (как, впрочем, и большинства других Альдин), именно он являлся главным научным редактором этого издания, и, вероятно, при определении отмеченных выше спорных мест текста трагедий именно за ним было решающее слово.

Постоянным помощником Альда Мануция был также грек Иоанн Григоропул, получивший филологическую подготовку вместе с Марком

---

[34] В. Б е н е ш е в и ч, стр. 469—470.

[35] Этот почерк не совпадает с образцами гуманистического письма, приведенными у: A. A. R e n o u a r d. Annales de l'imprimerie des Alde, ou histoire des trois Manuce et de leurs éditions, 3-ème éd. Paris, 1834, вклейки между стр. 518—519 и 520—521; A. F i r m i n - D i d o t. Alde Manuce et l'Hellénisme à Venise. Paris, 1875, вклейка между стр. 500—501; H. O m o n t. Fac-similés de Manuscrits Grecs de XVe et XVIe siècles. Paris, 1887.

[36] M. W i t t e k. Op. cit., p. 291—293. См. главу «Marcus Musurus» в кн.: D. J. G e a n a k o p l o s. Greek Scholars in Venice. Studies in the Dissemination of Greek Learning from Byzantium to Western Europe. Cambridge, Massachusetts, 1962, p. 111—166.

[37] É. L e g r a n d. Op. cit., t. I, p. 20, CX—CXI.

[38] U. von W i l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f. Geschichte der Philologie. Leipzig, 1959, S. 14.

[39] M. W i t t e k. Op. cit., p. 291—293.

[40] É. D e n i s s o f f. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'Histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris—Louvain, 1943, p. 205. Ср. также É. L e g r a n d. Op. cit., t. I., p. 79, где М. Музурус назван studiosissimus tui (т. е. И. Ласкариса. — *Б. Ф.*) ... discipulus.

[41] J. M o r e l l i u s. Aldi Pii Manutii scripta tria longe rarissima. Bassani, 1806, p. 52—53; É. L e g r a n d. Op. cit., t. I., p. 79.

[42] D. J. G e a n a k o p l o s. Op. cit., p. 131.

[43] É. L e g r a n d. Op. cit., t. II, p. 396. Quod tanti laboris particeps mecum fueris... Речь идет об издании Стация, выпущенном Альдом Мануцием почти одновременно с изданием Софокла (т. е. в августе 1502 г.). См. A. A. R e n o u a r d. Op. cit., p. 35.

Музурусом на Крите [44] и во Флоренции [45]. Поселившись в 1497 г. в Венеции [46], Иоанн Григоропул стал работать у Альда в качестве переписчика греческих текстов и корректора подготовлявшихся к печати рукописей[47]. Одним из первых он вошел в состав Новой Академии [48] и, по-видимому всегда принимал самое активное участие в выпуске всех альдовских изданий. Едва ли и на этот раз, печатая Софокла, Альд обошелся без совета Иоанна Григоропула.

Наконец, не может быть сомнений и в том, что значительную работу по подготовке к изданию софокловских трагедий проделали крупнейшие среди итальянских гуманистов на рубеже XV и XVI вв. знатоки греческого языка Сципион Картеромах [49] и сам Альд Мануций.

Вопрос же о том, чьей рукой был правлен Ленинградский список Софокла, остается все еще открытым [50].

Возможно, что над обработкой текста этого манускрипта потрудился, по выражению В. К. Ернштедта, один из альдовских корректоров minorum gentium [51].

* * *

В заключение хотелось бы указать на важность выявления и изучения рукописного материала, подобного тому, который мы попытались исследовать в данной работе. Это позволило бы определить приемы подготовки манускрипта к печати, установленные у отдельных издателей, и путем сопоставления этих приемов представить с полной ясностью издательскую технику, существовавшую на заре западноевропейского книгопечатания. Это предоставило бы также возможность (причем, пожалуй, единственную) получить конкретные данные для суждения о критических способностях издателя, для оценки издателя как ученого. И пусть нет никакой надежды окончательно выяснить многие подробности интересующих нас проблем — ведь рукописи типа Lg почти все безвозвратно утрачены, а наш пример исследования сразу д в у х кодексов, привлеченных при издании о д н о г о и т о г о ж е автора, следует признать очень редким, — все же постоянные поиски и тщательное изучение подобного материала чрезвычайно важны; это принесет пользу не только специалистам по истории раннего книгопечатания и филологам-классикам, но и ученым, работающим над вопросами истории Возрождения и гуманизма.

---

[44] M. W i t t e k. Op. cit., p. 292.

[45] Ibidem; É. D e n i s s o f f. Op. cit., p. 203.

[46] M. W i t t e k. Op. cit., p. 292; É. D e n i s s o f f. Op. cit., p. 203.

[47] J. M o r e l l i u s. Op. cit., p. 51—53; J. S c h ü c k. Aldus Manutius und seine Zeitgenossen in Italien und Deutschland. Berlin, 1862. S. 77; A. F i r m i n - D i d o t. Op. cit., p. 435—438; A. O l e r o f f. L'Humaniste dominicain Jean Conon et le crétois Jean Grégoropoulos. «Scriptorium», 1950, t. IV, № 1, p. 106.

[48] A. F i r m i n - D i d o t. Op. cit., p. 435—438; A. O l e r o f f. Op. cit., p. 106.

[49] О нем см. J. M o r e l l i u s. Op. cit., p. 53—57; A. F i r m i n - D i d o t. Op. cit., p. 435—438; É. D e n i s s o f f. Op. cit., p. 206—207.

[50] Возможность участия в издании трагедий Софокла Иоанна Ласкариса приходится отвергнуть не только ввиду различия между его почерком и почерком корректуры рукописи греч. 731, но и потому, что в момент подготовки первопечатного Софокла знаменитого греческого ученого в Венеции не было (É. L e g r a n d. Op. cit., t. I, p. 79). Однако И. Ласкарис постоянно интересовался работой Новой Академии (ibidem). Преклоняясь перед авторитетом этого выдающегося эрудита, Альд и его сподвижники посвятили ему свой первый совместный труд — editio princeps софокловских трагедий.

[51] В. К. Е р н ш т е д т. Об основах текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга, в кн.: V i c t o r i s J e r n s t e d t Opuscula. СПб., 1907, стр. 34.

Г. К. ВАГНЕР

К СУДЬБАМ ВИЗАНТИЙСКОГО НАСЛЕДИЯ ВО ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ ПЛАСТИКЕ

Первая треть XIII в. в русской истории всегда рисуется каким-то добавлением к XII в., хотя по степени насыщенности этого короткого предмонгольского отрезка времени событиями его можно считать значительным и самостоятельным периодом. Ведущую роль в это время продолжала играть Северо-Восточная Русь, где власть «великого и могучего» Всеволода Большое Гнездо находилась в зените. Завоевание в 1204 г. Константинополя латинянами и утверждение церковной самостоятельности Владимира еще более укрепило общерусский престиж владимиро-суздальских князей, чего не могли поколебать начавшиеся после смерти Всеволода (1212 г.) усобицы. При Георгие, Ярославе и Святославе Всеволодичах владимиро-суздальская культура и искусство переживают новый расцвет. Созданные в это время памятники зодчества (соборы в Суздале, Нижнем Новгороде, Юрьеве-Польском), живописи (врата Суздальского собора) и пластики (резьба Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском) обнаруживают смелую переработку всего богатейшего художественного наследия. Именно к этому времени можно отнести сложение в собственной национальной иконографии ряда важных сюжетов, в том числе «Покрова богоматери», что происходило в условиях обостренного внимания не только к византийскому, но и к киевскому искусству. Много интересного в этом отношении дает изучение фасадной пластики Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.). В настоящей небольшой работе рассматривается один из фасадов собора — южный, в пластическом оформлении которого нашла очень интересное развитие тема владимиро-суздальского палладиума—богоматери Боголюбской, восходящей, как известно, к византийской Агиосоритиссе.

Южный фасад Георгиевского собора сохранился хуже всего. К первоначальной кладке относится только притвор, сама же стена, обрушившаяся в XIV—XV вв., была заново переложена мастером В. Д. Ермолиным в 1471 г.[1] Именно на этой стене образовалось основное скопление рельефов, перемешанных В. Д. Ермолиным при восстановлении собора [2].

Для реконструкции первоначального вида южного фасада очень важное значение имеют два обстоятельства: 1) сохранение in situ рельефа

---

[1] К. К. Романов. Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском. ИАК, вып. 36. СПб., 1910, стр. 75.

[2] См. А. А. Бобринский. Резной камень в России, вып. 1. М., 1916, табл. 21, рис. 1—2; рис. 2.

богоматери Панагии над южным порталом [3] и 2) установленный нами основной принцип оформления собора, состоящий, кратко говоря, в том, что центральные закомары содержали рельефные композиции на главные евангельские темы, а боковые закомары — на «параллельные» им темы не евангельские (библейские, апокрифические и т. п.). Первое обстоятельство позволило предположить, что оформление южного фасада было посвящено богородичной тематике [4]. Действительно, после того как определился состав рельефных композиций северного и западного фасадов, на долю южного остались такие сюжеты, как «Вознесение Христа» и «Покров богоматери». В композициях «Вознесения» изображение богоматери занимает центральное место. Еще большее значение образ богоматери имеет в композиции «Покрова». Однако вопрос об этих композициях оказался сложнее, чем рисовалось раньше.

В 1909 г. К. К. Романов обследовал фасады Георгиевского собора и обратил внимание на рельеф, изображающий богоматерь среди двух ангелов. К. К. Романов определил этот рельеф как фрагмент композиции «Покров богоматери» [5]. Основанием послужило сходство данного рельефа с композицией «Покрова» на западных вратах Суздальского собора. И там и здесь богоматерь изображена не en face, а в профиль, обращенной влево и воздевшей руки к небу. Ангелы как бы служат богоматери [6]. Однако К. К. Романов не сразу пришел к такому решению. В его архивах имеется запись, относящаяся к интересующему нас рельефу: — «Покров или Вознесение?» [7]. К. К. Романову было, конечно, известно, что в истории искусства существуют такие композиции «Вознесения», в которых богоматерь изображена не en face, а в боковом повороте, т. е. так же, как на суздальской композиции «Покрова». Ниже нам придется касаться этих композиций. Возможно, что уникальность композиции «Покрова» на суздальских вратах, а также хронологическая и стилистическая близость суздальских врат и рельефов Георгиевского собора склонили К. К. Романова к тому, что юрьев-польской рельеф он определил все же как «Покров богоматери». Вслед за К. К. Романовым такого же мнения придерживались другие исследователи [8] и даже Е. С. Медведева, занимавшаяся специально древнерусской иконографией этого сюжета [9]. Правда, Е. С. Медведева подробно не исследовала сохранившийся юрьев-польской рельеф, так как считала его неполноценным (в силу фрагментарности) для иконографического и художественного анализа.

Против принадлежности интересующего нас рельефа к композиции «Покров богоматери» высказался С. Г. Щербов, отнесший его к сюжету «Вознесение» [10]. Но автор не развил и не аргументировал своей точки

---

[3] К. К. Романов. Указ. соч., стр. 71, рис. 4.

[4] Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, стр. 308—311.

[5] К. К. Романов. Указ. соч., стр. 84, рис. 16; см. также А. А. Бобринский. Указ. соч., табл. 40, рис. 2.

[6] Древности Российского государства, Отделение VI (без года и места изд.), табл. 31; И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. VI. СПб., 1896, рис. 103.

[7] Архив ЛОИА АН СССР, ф. 29, д. 514, л. 40.

[8] А. А. Бобринский. Указ. соч., стр. 22; Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское зодчество XI—XIII вв. Докторская дисс. Архив ИА АН СССР, разд. 2, № 359, стр. 766—767; его же. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской, стр. 308.

[9] Е. С. Медведева. Древнерусская иконография Покрова. Архив ИА АН СССР, разд. 2, инв. № 1728, стр. 244, 259, 266. Рукопись представляет вторую часть канд. дисс.

[10] С. Г. Щербов. Белокаменные рельефы Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. Канд. дисс., 1953, стр. 59.

Рис. 1. Богоматерь с ангелами. Рельеф Георгиевского собора. Фотография

зрения. Ввиду важности и спорности рельефа мною было произведено специальное его обследование [11].

Богоматерь (рис. 1—2) изображена на рельефе в повороте влево с молебно поднятыми головой и руками. На ней поверх основной узкорукавной одежды далматика с очень широкими рукавами и плащ. Состояние моления выражено не только движениями головы и рук, но и всем корпусом фигуры, слегка согнутой так, что линия спины образует плавную кривую. Такого движения нет не только в фигуре богоматери в сцене Покрова на суздальских вратах, но ни в одном из известных нам изображений богоматери рассматриваемого иконографического типа, как одиночных, так и в композициях. Забегая вперед, можно сказать, что

[11] Камень обломан слева, справа и сверху. Настоящие его размеры 48 × 48 см. Высота фигур 47—48 см, т. е. камень обломан до самих фигур. Часть головы богоматери сколота. Сколоты обращенные к краям части фигур ангелов. Пользуюсь случаем выразить здесь глубокую благодарность директору Краеведческого музея г. Юрьева-Польского Ф. Н. Полуянову за содействие в работе.

Рис. 2. Богоматерь с ангелами. Рельеф Георгиевского собора

психологически такое эмоционально подчеркнутое движение скорее предполагает сцену Вознесения Христа, т. е. прощание матери с сыном, нежели Покров богоматери — молитву за людей. В композициях «Покрова богоматери» образ последней развивался в сторону все большей фронтальности [12], в то время как в композициях «Вознесения», наоборот, он терял свою древнюю иератичность и наполнялся эмоциональностью. В отношении «Вознесения» это хорошо видно из сравнения хотя бы купольной росписи церкви св. Георгия в Старой Ладоге [13] с волотовской фреской XIV в. [14]

Позы обоих ангелов на рельефе чрезвычайно типичны для композиции «Вознесение». Левый ангел изображен en face, голова его повернута в сторону от богоматери, в то время как жест поднятой руки повторяет жест рук богоматери. Правый ангел тоже изображен en face, но рука его приподнята в молебном жесте перед грудью, ладонью вперед. Если поза

[12] Ср. «История русского искусства», т. III. М., 1955, стр. 11.
[13] В. Н. Лазарев. Фрески Старой Ладоги. М., 1960, табл. 27.
[14] В. В. Михайловский, Б. И. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи. М.—Л., 1941, стр. 24—25, табл. XXI.

левого ангела повторяет не только позу соответствующего ангела в многих композициях «Вознесения» [15], но и позу ангела в суздальской композиции «Покрова», то поза правого ангела совершенно не характерна для «Покрова». Вместо порывистого движения вверх мы видим самоуглубление. Такая поза встречается в фигурах ангелов из сцен Вознесения. Лучший образец — Вознесение в Евангелии пармской Палатинской библиотеки (конец XI в.) [16]. Таким образом, рельеф Георгиевского собора далеко не повторяет композицию «Покрова» на суздальских вратах, и если здесь все же была связь, то скорее всего идейная, а не формальная.

Из сказанного уже видно, что юрьев-польской рельеф скорее принадлежал композиции «Вознесение», нежели «Покрову богоматери». Однако для категорического утверждения этого нужны более основательные данные. Прежде всего необходимо задаться вопросом: какие другие рельефы дошли до нас от композиции «Вознесение» или от предполагаемого «Покрова»? К композиции «Вознесения» совершенно бесспорно принадлежат два довольно больших рельефа с парящими ангелами [17]. Ноги у ангелов согнуты в коленях и обращены ступнями вверх. Одна из рук запрокинута за голову. В таких позах парящие ангелы изображались только в сценах Вознесения (Христа, Животворящего Креста или в редких случаях — богоматери) [18]. Положение рук ангелов обусловливалось тем, что ангелы изображались поддерживающими миндалевидную или круглую глорию (мандорлу), окружающую фигуру возносящегося Христа. Кроме двух больших фигур парящих ангелов, поддерживающих глорию снизу, у глории сверху нередко изображались еще два ангела, как бы помогающих нижней паре. Они обычно изображались по пояс скрытыми за контуром глории [19]. Такой второй пары ангелов среди рельефов Георгиевского собора нет. Повторяю, что четыре ангела у глории изображались далеко не всегда. В частности, на тех же суздальских вратах в очень редком апокрифическом сюжете «Вознесения богоматери» [20] у глории изображено два ангела. Итак, наличие двух парящих ангелов среди сохранившихся рельефов Георгиевского собора неопровержимо свидетельствует о существовании в его декоре композиции «Вознесение». Сохранился и небольшой фрагмент глории Христа. Он имеет вид треугольного заострения [21], вызвавшего у К. К. Романова ассоциацию с «завершением фронтона» [22].

Заостренный отрезок глории представляет либо верхний, либо ниж-

---

[15] Ср. Евангелие Раввулы VI в. («Христианские древности». СПб., 1864, кн. 6, табл. 1), псалтырь короля Ательстана, начало VIII в. (Rohault de Fleury. La Sainte Vierge. Études archéologiques et iconographiques, vol. 2. Paris, 1878, ср. 426), Евангелие пармской Палатинской библиотеки, XI в. (В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II. М., 1948, табл. 148), Гелатского монастыря, XII в. (Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. «Труды VIII археологического съезда», т. I. СПб., 1892, рис. 200), Омилии монаха Иакова, XII в. (там же, рис. 202), росписи церкви св. Георгия в Старой Ладоге, XII в. («Христианские древности», 1871, кн. 3, табл. 4) и т. д.

[16] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II, табл. 148.

[17] А. А. Бобринский. Указ. соч., табл. 41, рис. 8. Высота камней 65—67 см.

[18] Как известно, в композициях «Покрова богоматери» XIV—XV вв. тоже изображались парящие ангелы, держащие за концы покров. Но обе руки этих ангелов всегда соединены вместе, а не разведены.

[19] Евангелие Раввулы (см. выше), греческая псалтырь из б. собрания Хлудова, IX в., ныне в собрании ГИМ (В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I. М., 1947, табл. VII а), Евангелие пармской библиотеки (см. выше), Арундельский аворий, XI в. («Христианские древности», 1864, кн. 6, табл. 3), Гелатское Евангелие (там же, табл. 2, а), Омилии монаха Иакова (там же) и многие другие памятники.

[20] И. Толстой и Н. Кондаков. Указ. соч., рис. 103.

[21] А. А. Бобринский. Указ. соч., табл. 22, рис. 2. Высота камня 37 см, толщина глории 9 см.

[22] Архив ЛОИА АН СССР, ф. 29, д. 17, л. 38.

ний ее конец, т. е. глория имела килевидные концы, как это и было во многих памятниках того времени [23]. Оставляя пока в стороне вопрос о том, какой рельеф Христа находился в глории, обратимся к нижнему регистру реконструируемой композиции. По сторонам богоматери здесь изображались два ангела и апостолы. Фигуры ангелов встречаются не во всех композициях «Вознесения» [24], но в подавляющем большинстве. Число апостолов бывает различно. В раннехристианских памятниках встречаются изображения с двумя апостолами, очевидно, в собирательном значении [25], но чаще всего изображалось двенадцать апостолов или одиннадцать. Последнее характерно для русских памятников [26], но далеко не для всех.

Среди рельефов Георгиевского собора есть две группы святых, явно происходящие из одной композиции центрального характера. На одном из камней [27] изображена группа из шести святых, обращенных влево. Три фигуры во весь рост изображены на первом плане. Передняя фигура с воздетыми руками; вторая — с рукой в молебном жесте перед грудью; третья — с книгой в руке. На переплете книги — четырехконечный крест. Три фигуры изображены на втором плане, от них видны только прически и нимбы. У правого края камня видна внешняя часть крыла ангела, фигура которого находилась на соседнем камне. Высота описываемого камня равна 56 см, высота фигур без нимбов — 45 см.

Второй камень находится в непосредственной близости от только что описанного [28]. Камень заметно обломан, но хорошо различаются пять фигур святых, обращенных вправо [29]. На первом плане тоже три фигуры во весь рост, все держат в руках книги с крестами на переплетах. От двух фигур заднего плана видны только прически и нимбы. Высота фигур 46 см.

Совершенно очевидно, что перед нами одиннадцать апостолов, среди которых четыре апостола-евангелиста. Не подлежит сомнению, что оба рассмотренных камня с рельефами апостолов составляли нижнюю часть композиции «Вознесение», т. е. ее левую и правую крайние части. Изображений «Вознесения» с одиннадцатью или двенадцатью апостолами известно такое большое количество, что приводить здесь аналогии излишне. Упомяну лишь «Вознесение» на ампуле Монцы (VI в.) [30] и на Арундельском аворие (XI в.) [31], особенно интересные тем, что среди двенадцати апостолов здесь изображены четыре евангелиста [32]. Конечно, таких памятников было гораздо больше.

---

[23] Лучший образец—миниатюра Афонского Евангелия (Н. Покровский. Указ. соч., рис. 201). Здесь следует отметить, что фрагмент глории из композиции «Вознесение» имеет растительную орнаментацию.

[24] Их нет, например, в изображении Вознесения на ампулах Монцы (VI в.), на так называемом Арундельском аворие (XI в.), на миниатюре Афонского Евангелия и т. д. (см. Н. Покровский. Указ. соч., рис. 201, 203, 204).

[25] Н. Покровский. Указ. соч., рис. 198. Два апостола изображены и в «Вознесении» на настенном кресте новгородского Софийского собора («Христианские древности», 1864, кн. 6, стр. 87, рис. 6).

[26] Н. Покровский. Указ. соч., стр. 444.

[27] Находится на западной лопатке южного фасада.

[28] А. А. Бобринский. Указ. соч., табл. 36, рис. 4.

[29] Пять фигур на этом камне различал и К. К. Романов (Архив ЛОИА АН СССР, ф. 29, д. 17, л. 65).

[30] Н. Покровский. Указ. соч., рис. 203.

[31] Там же, рис. 204.

[32] В «Вознесении» церкви монастыря Бауит в Египте (VII—VIII вв.) все апостолы с книгами (Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. 1. СПб., 1914, рис. 153). Судя по композиции в тимпане портала собора в Везлэ XII в., эта особенность была развита в романской иконографии (см. М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. I. М.—Л., 1948, табл. 187).

Фрагмент крыла ангела на камне с левой группой апостолов свидетельствует, что в окружение центральной фигуры богоматери входили и два традиционных ангела. Естественно было пересмотреть все сохранившиеся рельефы ангелов, которые по отсутствию у них правого (левого от зрителя) крыла или внешней его части, а также по масштабу подходили бы к камню с фрагментом крыла. Таким камнем и оказался камень с рельефом богоматери и двумя ангелами по ее сторонам, относимый большинством исследователей к композиции «Покрова» [33].

Можно привести и другие данные в пользу того, что камень с богоматерью, относимый некогда к «Покрову», составлял центральную часть композиции «Вознесение». Среди рельефов Георгиевского собора нет не только никакого другого рельефа богоматери, который масштабно подходил бы для композиции «Вознесение», но нет и подходящих рельефов ангелов. Большой рельеф богоматери Оранты, находящийся в кладке западной части южного фасада [34], происходит не из композиции «Вознесение», так как фигура богоматери почти на 20 см превышает фигуры апостолов и на камне нет никаких признаков того, чтобы рядом с богоматерью были изображены ангелы [35]. Имеющиеся в кладке стен собора и внутри его (в собрании разрозненных камней) рельефы ангелов, стоящих фронтально с лабарами и сферами в руках [36], иконографически совершенно не подходят к «Вознесению». Не подходит также и ангел, изображенный в повороте вправо, с жезлом и поднятой вверх рукой [37].

Все сказанное заставляет нас отнести рельеф богоматери с двумя ангелами по сторонам к центральной части нижнего регистра композиции «Вознесение».

Как это ни странно, но более сложен вопрос с рельефом возносящегося Христа. Возносящийся в глории Христос изображался чаще всего во весь рост, сидящим на радуге и благословляющим правой рукой. В левой его руке — Евангелие или свиток. Но встречаются изображения Христа, стоящего во весь рост, а также благословляющего обеими руками [38]. Памятники подобного рода тяготеют к романскому миру, но А. И. Кирпичников в свое время привел пример из византийских миниатюр [39]. Надо принять во внимание и то, что Пантократор в куполе изображался часто благословляющим обеими руками, что не могло не сказаться на композициях «Вознесения». Как бы то ни было, в декоре Георгиевского собора имеется только такой рельеф Христа [40], иных (кроме поясных) нет. Указанный рельеф не включается ни в одну из композиций на евангельские темы, и трудно предположить, в какую композицию он мог бы быть включен. Все это дает основание считать,

---

[33] Точного совпадения не может получиться, так как камень с богоматерью с края стесан при расширении окна (Архив ЛОИА АН СССР, ф. 29, д. 17, л. 61).

[34] А. А. Бобринский. Указ. соч., табл. 37, рис. 1.

[35] Этот рельеф входил в какую-то другую композицию, возможно в «чин» с пророками (см. ниже).

[36] А. А. Бобринский. Указ. соч., табл. 39, рис. 2, 3.

[37] Там же, рис. 4.

[38] Евангелие Раввулы (см. выше). Ср. также двери церкви св. Сабины в Риме, VI в. (Н. Покровский. Указ. соч., рис. 198), латинский манускрипт IX в. из библиотеки Арсенала в Риме (Rohault de Fleury. L'Évangile, études iconographiques et archéologiques, vol. 2. Tours, 1874, табл. XCIX, фиг. 2) и сакраментер XI в., происходящий из Вердена (там же, табл. XCIX, фиг. 1). Великолепный рельеф сидящего Христа, но благословляющего обеими руками, см. в тимпане портала собора в Везлэ, XII в. (М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. I, стр. 324, табл. 187).

[39] А. И. Кирпичников. Иконография «Вознесения Христа». «Труды VI археологического съезда», т. III. Одесса, 1887, стр. 390.

[40] А. А. Бобринский. Указ. соч., табл. 36, рис. 4.

что рельеф происходит из композиции «Вознесение». Правда, камень, на котором изображена фигура Христа, на 10—12 см короче камней с фигурами ангелов, но, как увидим ниже, это находит свое объяснение. Теперь композицию «Вознесение» можно реконструировать с достаточной точностью (рис. 3).

Камни с рельефами летящих ангелов были, конечно, в одном горизонтальном ряду с рельефом Христа. Расстояние между всеми тремя камнями определяется реконструкцией конфигурации глории. Камень с сохранившимся фрагментом глории должен был примыкать к блоку с фигурой Христа, подобно композиции «Преображение». При этом очень небольшие отрезки глории, вследствие ее килевидности, заходили на камень с Христом. По-видимому, они находились на верхней части камня и позднее были стесаны В. Д. Ермолиным, почему камень с фигурой Христа оказался укороченным. Боковые части глории должны были находиться на камнях с фигурами ангелов и тоже отсутствуют (следы стески видны на концах рук ангелов). Таким образом, глория получается довольно округлой формы.

Как видно из предлагаемой реконструкции, композиция «Вознесение» на южном фасаде Георгиевского собора занимала четыре ряда кладки. Высота трех рядов нам известна (56 см+67 см+37 см=160 см). Высоту четвертого промежуточного ряда можно принять за 40 см. Общая высота композиции вырастает до 2 м. В боковых закомарах свободное поле (от перемычек окон до вершин тимпанов закомар) не превышало 2 м 40 см [41], т. е. композиция «Вознесение» размещаться здесь не могла. Для нее остается место только в центральной закомаре, где указанное расстояние составляло около 3 м 33 см [42]. Следовательно, остается еще около 1 м 40 см на свободный ряд кладки внизу композиции и на заполнение вершины тимпана закомары.

Некоторая разномасштабность фигур ангелов и остальных фигур нисколько не противоречит реконструкции, так как подобное явление было нередко в композициях «Вознесения» [43]. Не должна смущать также небольшая разница в стилистической трактовке между фигурами ангелов и фигурами нижнего регистра композиции. Большая композиция «Вознесения» могла выполняться не одним, а двумя мастерами, как это имело место и в других групповых композициях Георгиевского собора, даже небольших.

* * *

Исходя из главного принципа оформления фасадов Георгиевского собора (см. выше), мы должны представить себе в боковых закомарах южного фасада такие композиции, которые содержали бы элементы смыслового параллелизма с центральной евангельской композицией, т. е. с «Вознесением». И здесь естественнее всего встает вопрос о композиции «Вознесение Александра Македонского на небо». Это был традиционный сюжет владимиро-суздальской фасадной пластики. Он входил в оформление фасадов Успенского собора Андрея Боголюбского (1158—1160 гг.)[44],

---

[41] Г. К. Вагнер. О первоначальной форме рельефной композиции «Семь спящих отроков» на фасаде Георгиевского собора г. Юрьева-Польского. СА, 1960, № 2, стр. 269.

[42] Там же.

[43] Ср. композицию «Вознесение» на ампуле Монцы (Н. Покровский. Указ. соч., рис. 203), на панагиях московских князей Василия Дмитриевича и Василия Васильевича (Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII веков в собрании Загорского музея. Загорск, 1960, рис. 11—12) и др.

[44] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961, т. I, стр. 174.

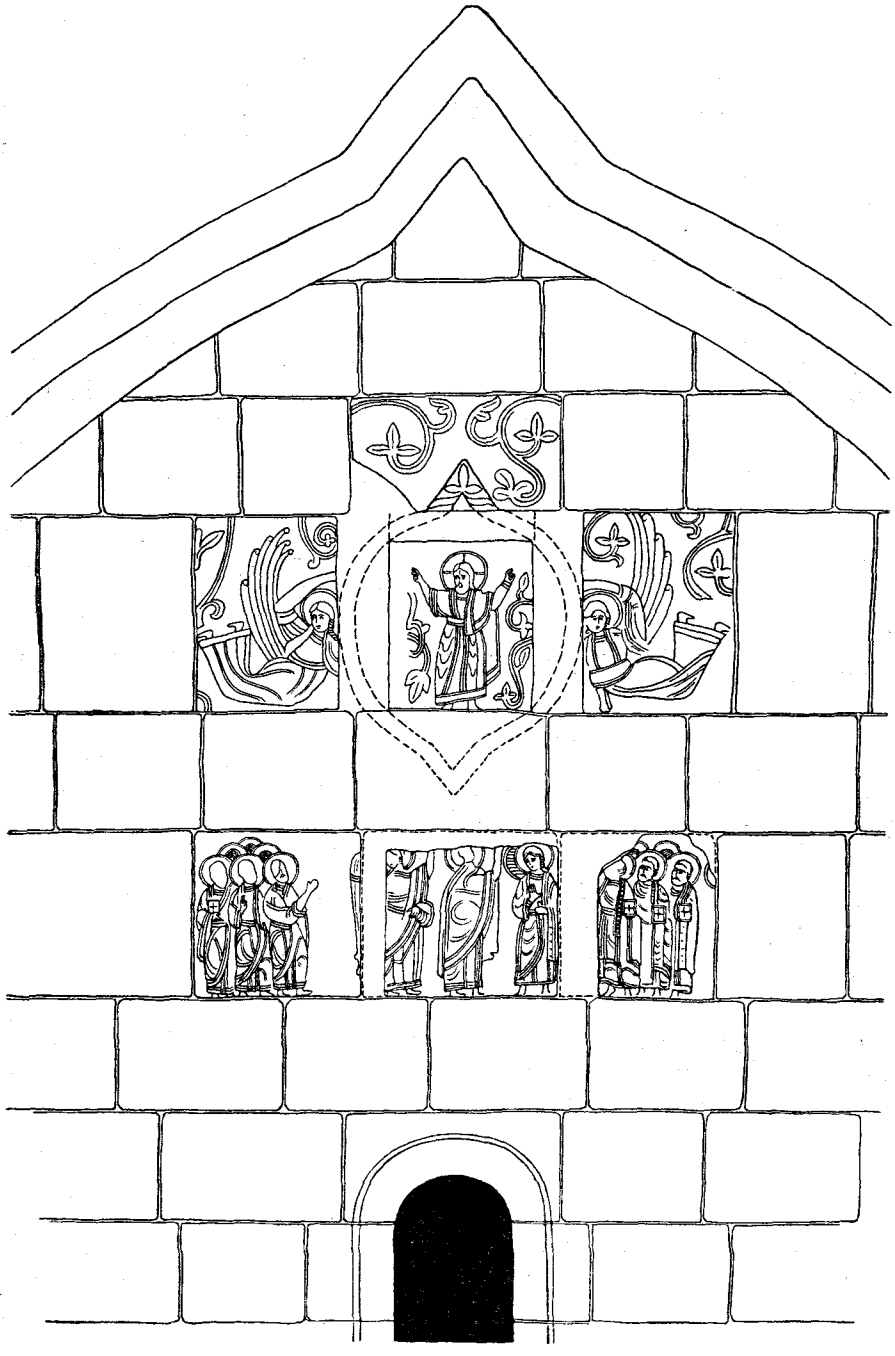

Рис. 3. Композиция «Вознесение». Реконструкция

Дмитриевского собора князя Всеволода III [45] и, возможно, дворцового собора Боголюбова. В фасадной пластике Георгиевского собора этот сюжет тоже сохранил свое значение [46]. Большая плита с фрагментами двух грифонов — вот, к сожалению, все, что от него осталось.

Уже из названия сюжета видно, насколько хорошо он «аранжирует» евангельскую тему «Вознесения Христа». В раннем христианстве переселение души в рай представлялось в виде сцены, в которой птицы возносят человека на небо [47]. Н. П. Кондаков даже считал, что такая сцена послужила прототипом иконографии «Вознесения Александра Македонского» [48]. Композиционно сюжет «Вознесение Александра» очень близок к «Вознесению Христа». На некоторых памятниках Александр изображался в виде оранта [49], что повторяет фигуру Христа. Вместо двух или четырех ангелов Александра поднимают два грифона, к которым иногда присоединяются два льва. Как известно, сюжет «Вознесение Александра Македонского» символизировал апофеоз сильной царской власти [50], следовательно, он и по гражданскому смыслу перекликался с «Вознесением Христа».

Вопрос о том, в какой из боковых закомар южного фасада находилась рассматриваемая композиция, менее существен. Можно все же считать, что она размещалась в правой (восточной) закомаре (рис. 4), так как именно на этом месте расположено «Вознесение Александра» на Дмитриевском соборе г. Владимира. Относительно размещения «Вознесения Александра» на западной стене западного притвора, за которой находилась княжеская «ложа» [51], приходится высказаться отрицательно. Здесь, несомненно, должен был быть оконный проем, не меньший по высоте, чем боковые верхние окна западного фасада, т. е. равный примерно 1,8—1,9 м [52]. Над окном естественно разметить рельеф богоматери Оранты, который, как мы видели, не входил ни в «Вознесение», ни в другие композиции.

Остается под вопросом заполнение левой (западной) закомары южного фасада. Если среди фасадных композиций все же был «Покров богоматери», что вполне допустимо, то лучшее место для этой композиции именно здесь. Она соседствовала бы с композицией «Семь спящих отроков», культ которых еще на эфесской почве был тесно связан с культом богоматери [53].

Оформление южного фасада Георгиевского собора, конечно, не сводилось к перечисленным закомарным композициям. В непосредственной близости от композиции «Вознесение» следует размещать рельефы птиц, издавна символически связываемых с «Вознесением». Ниже, по сторонам окон, размещались фигуры святых. К оконным проемам должны были тяготеть рельефы зверей. Над аркатурным поясом было место «проро-

---

[45] А. А. Бобринский. Указ. соч., табл. 12, рис. 3.

[46] Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества XI—XIII вв. М., 1945, стр. 75.

[47] Н. Кондаков. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876, стр. 201. Григорий Богослов сравнивал вознесшегося Христа с птицей (там же).

[48] Там же.

[49] См., например, абхазский рельеф XII в. МАК, вып. IV. М., 1894, табл. VII.

[50] В. Н. Лазарев. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. История русского искусства, т. I. М., 1953, стр. 416; Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской, стр. 95.

[51] Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества, стр. 72.

[52] Г. К. Вагнер. О первоначальной форме рельефной композиции «Семь спящих отроков», стр. 269.

[53] Y. Moubarac. Le culte liturgique et populaire des VII dormants martyrs d'Éphèse (Ahl al-Kahf). Roma, 1961, p. 6.

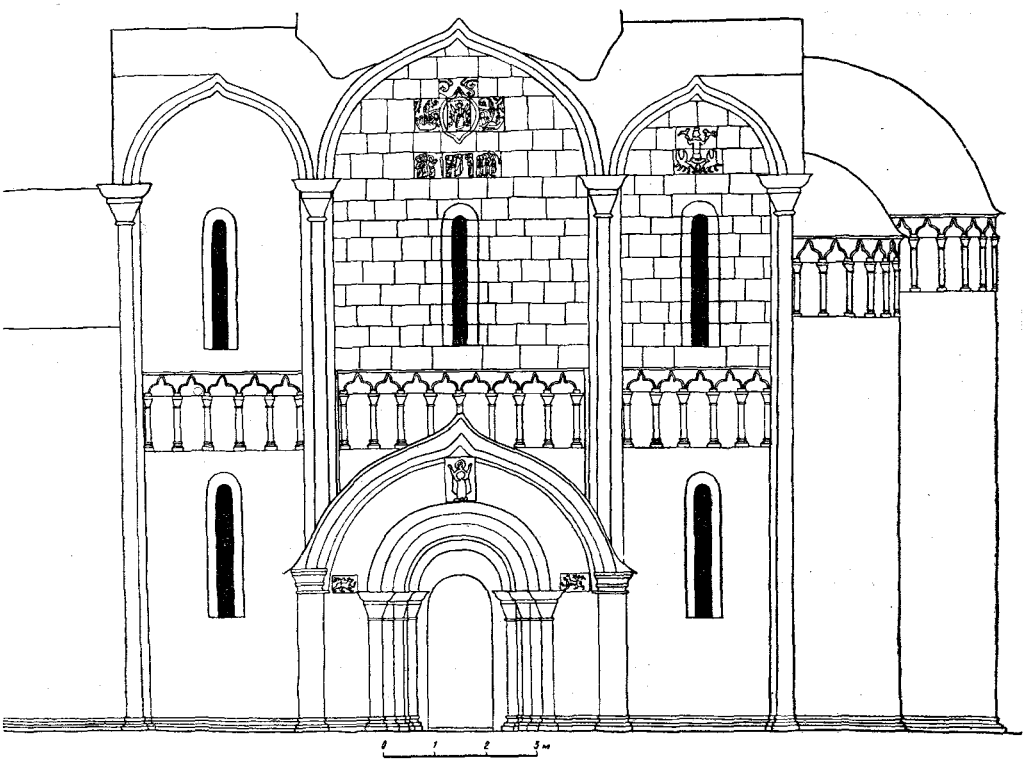

Рис. 4. Южный фасад Георгиевского собора. Реконструкция

ческому чину», который имел своим центром западный фасад западного притвора. О фигурах аркатурного фриза мы пока ничего не знаем, они до нас не дошли [54].

* * *

Скрупулезная работа по реконструкции того или иного памятника древности особенно необходима и оправдана в том случае, когда с ней могут быть связаны существенные исторические наблюдения и выводы. В этом плане необходимо учесть, что композиция «Вознесение Христа» уже с VI в. увенчивала собою всю византийскую систему оформления храма. Она располагалась в центральном куполе, где Христос означал главу церкви небесной. Богоматерь при этом изображалась, как правило, в типе Оранты [55]. В послеиконоборческое время та же система восстанавливается в росписях Софии Солунской, Софии Константинопольской, в соборе св. Марка в Венеции и т. д. С уменьшением куполов эта многофигурная композиция была расчленена, в куполе остался Пантократор, в барабане — апостолы, а богоматерь Оранта переместилась в центральную апсиду, где она символизировала церковь земную [56]. Впервые новая

[54] Мною было высказано предположение, что в колончатом фризе южного фасада находились рельефы святых, соименных либо владимиро-суздальским иерархам, либо представителям женской половины рода владимиро-суздальских князей.

[55] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 77.

[56] Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. I, стр. 69—71; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 77; его же. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 29.

система была применена в Новой церкви Василия I (867—886 гг.)[57]. В XI—XII вв. в византийских композициях «Вознесения» стала изображаться также богоматерь с раскрытыми перед грудью руками[58]. Роо де Флери назвал этот иконографический извод Gloria[59], что означает прославленная.

Росписи Софии Киевской и Софии Новгородской воспроизводят систему Новой церкви Василия I[60], а в росписях церкви Спаса Нередицы и св. Георгия в Старой Ладоге продолжала жить еще более старая система с богоматерью Орантой в куполе[61]. Но мы не знаем ни одной домонгольской монументальной композиции «Вознесения» не только с богоматерью Gloria[62], но и с деисусной.

Рельефную композицию Георгиевского собора, по существу, следует рассматривать как эквивалент монументальной росписи, во всяком случае, ее значение на фасаде в тимпане средней закомары было столь же существенным. От фресок Нередицы и Старой Ладоги рельеф Георгиевского собора отделяет не более четырех десятков лет. Поэтому отказ от изображения в «Вознесении» Оранты и замена ее торжественного образа фигурой богоматери деисусного типа не могли быть делом вкуса мастера-резчика.

В начале статьи говорилось, что в истории искусства известны композиции «Вознесения», в которых богоматерь изображена не Орантой, а в деисусном типе. Они были распространены в миниатюрах и в мелкой пластике. Древнейшие примеры уводят в VI в., в искусство христианского Востока — в ту же Сирию, где сложилась и иконография «Вознесения» с богоматерью Орантой. Я имею в виду широко известные ампулы Монцы. На них среди нескольких сцен «Вознесения» с Орантой есть одна композиция с богоматерью деисусного типа[63]. В известной греческой псалтыри IX в. из б. собрания Хлудова (ныне в ГИМ) «Вознесение» представлено в таком же изводе[64]. Миниатюры Хлудовской псалтыри, с чертами народного искусства, восходят к сирийской же редакции. В послеиконоборческое время влияние восточнохристианской иконографии на столичное византийское искусство было очень сильным[65]. В частности, миниатюры Хлудовской псалтыри оказали большое воздействие на иллюстрации более поздних рукописей[66], и их иконография, несомненно, была хорошо знакома на Руси. Но все же юрьев-польскую

---

[57] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 76—78.

[58] Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. I, стр. 288, рис. 190; т. II, стр. 359 и сл., рис. 206, 213.

[59] Rohault de Fleury. La Sainte Vierge, p. 102.

[60] В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской, стр. 26 и сл.

[61] В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Новгорода, стр. 102—104. Такая же композиция была в соборе Мирожского монастыря в Пскове (В. Н. Лазарев. Фрески Старой Ладоги, стр. 38—39).

[62] Мнение Н. П. Лихачева, что подобное изображение богоматери было в апсиде Десятинной церкви Киева (Н. П. Лихачев. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. «Труды Музея палеографии», вып. 2. Л., 1928, стр. 273—274) ошибочно. Десятинная церковь расписывалась солунскими художниками (Н. П. Сычев. Искусство средневековой Руси. В кн.: «История искусства всех времен и народов», вып. 4. Л., 1929, стр. 184) и естественно видеть здесь Оранту, изображенную в Софии Солунской (ср. В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской, стр. 29).

[63] Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. I, рис. 129.

[64] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 72—73, табл. IIа.

[65] Там же, стр. 71—72. В одной из лучших иллюстрированных рукописей XII в. — Омилиях монаха Иакова — Вознесение изображено с богоматерью деисусного типа (Н. Покровский. Указ. соч., рис. 202).

[66] Е. С. Медведева. Указ. соч., стр. 223.

композицию «Вознесения» нельзя объяснить только влиянием миниатюр [67]. Суть дела, несомненно, состоит в особом осмыслении образа богоматери деисусного типа. Последняя не отождествлялась с образом земной церкви, как Оранта. Оранта даже во II тысячелетии, т. е. когда она уже окончательно отождествлялась с богородицей, выступает в византийском искусстве как исключительно торжественный образ государственного значения, как покровительница византийцев-ромеев. Этот образ носил название знаменитой Влахернитиссы [68] и был палладиумом Константинополя.

Богоматерь деисусного типа получила в Византии название Агиосоритиссы, а по местоположению храма — Халкопратийской. Агиосоритисса с развернутым свитком в руках толковалась Н. П. Кондаковым как заступница «за некоторых прибегающих к ней людей», а ее изображение — «как общий тип обетной иконы за ктитора, правителя и владыку страны» [69]. В варианте без свитка заключался, видимо, более широкий смысл, но все же отличный от Оранты.

Агиосоритисса (Халкопратийская) уже в IX в. получила широкое распространение, о чем говорят не только мозаики [70], но и византийские печати [71]. Для нас интересно изображение этого извода богоматери именно в качестве обетного образа «за ктитора, правителя и владыку страны». Такова мозаика в церкви св. Марии (Марторана) в Палермо [72], относящаяся к середине XII в., т. е. вплотную приближающаяся к знаменитой иконе богоматери Боголюбской.

Обстоятельства возникновения иконы богоматери Боголюбской хорошо известны. Андрей Боголюбский ушел с днепровского юга на клязьменский северо-восток с целью превращения его в новое ядро Руси. Для этого князь Андрей должен был сломить сопротивление старого боярства и добиться для Владимира церковной независимости от Ростова, Киева и даже от Константинополя. В этой политике оплотом Андрея Боголюбского были «мизинные люди» новых городов, прежде всего Владимира. В средние века «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде» [73]. Таким образом, в условиях того времени было совершенно необходимо обеспечить всему новому национальному делу высшее божественное покровительство. По традиции, идущей от Византии, Киева и Новгорода, нужен был владимирский палладиум в виде «собственного» заступнического образа и культа богоматери. Им и стала Боголюбская, иконографически тождественная Халкопратийской.

Интерес Андрея Боголюбского и его политических сподвижников к данному иконографическому изводу богоматери объясняется стремлением именно к независимости от Византии, где, как уже сказано выше, особо чтимым образом и палладиумом считалась Влахернитисса, т. е. Оранта [74]. Вероятно, этим объясняется и то, что в основу владимирского

---

[67] Ср. там же, стр. 252.
[68] Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, ч. II, стр. 64.
[69] Там же, стр. 297.
[70] Мозаика в капелле Зенона церкви св. Праксиды в Риме, 817—824 гг. (Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. I, стр. 331—335, рис. 228); мозаика в церкви Дмитрия Солунского, IX в. (там же, стр. 359—361, рис. 236, табл. VI).
[71] Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. II, стр. 296, рис. 162—164.
[72] Там же, стр. 298, рис. 165.
[73] Ф. Энгельс. Л. Фейербах и конец классической немецкой философии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. О религии. М., 1955, стр. 203.
[74] Е. С. Медведева. Указ. соч., стр. 121 сл.

культа богоматери не была положена знаменитая киевская Оранта — «Нерушимая стена», палладиум Киева [75], равно как и богоматерь Печерская, тоже слишком тесно связанная с Киевом. Икона же богоматери Елеусы, которая получила название Владимирской и которую Андрей Боголюбский привез из киевского Вышгорода к себе на северо-восток Руси, вероятно, еще живо напоминала о привозе ее из Византии, что, по-видимому, имело место в 30-х годах XII в.[76]

В течение очень короткого времени, в 60-х годах XII в., во Владимире, при самом активном литературном участии Андрея Боголюбского, создаются идеологические и церковные основы для местного культа богоматери, сыгравшего большую прогрессивную роль в национальной стабилизации Руси.

Е. С. Медведева исчерпывающе и блестяще доказала, что заимствованный из византийской иконографии образ богоматери Халкопратийской (Агиосоритиссы), получившей во Владимире название Боголюбской, очень скоро перерос из княжеско-патронального в общерусско-патрональный [77]. Именно поэтому богоматерь в таком же иконографическом изводе перешла в первое владимиро-суздальское изображение Покрова на суздальских вратах. В соответствии с литературными памятниками владимиро-суздальской земли XII в., в которых утверждался новый местный культ Покрова, богоматерь деисусного типа в композиции «Покрова» понималась как заступница владимиро-суздальских городов, «мизинных» людей и всех русских людей вообще. Поэтому и ее патрональное значение в отношении владимиро-суздальских князей, проводивших национально-объединительную политику, было окрашено в общерусские тона.

Все сказанное объясняет нам также, почему во владимиро-суздальском искусстве была столь широко развита тема деисуса, в композициях которого, независимо от состава деисуса, богоматерь изображалась в типе Агиосоритиссы, т. е. Боголюбской. В пластике Георгиевского собора тема деисуса повторена несколько раз: в громадном «деисусном чине» междуярусного фриза [78], в пятифигурном деисусе алтарной преграды [79] и в малом деисусе над проемом в апсиду усыпальницы князя Святослава Всеволодовича [80]. Напомним, что в таком же иконографическом изводе богоматерь изображена в композиции «Распятие», находившейся ранее в центральной закомаре северного фасада [81]. Таким образом, для завер-

[75] В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской, стр. 29. Оранта изображалась во всех киевских храмах (там же, стр. 30). Распространение Оранты в живописи Новгорода, вероятно, отчасти определялось тесными византийскими связями Новгорода.

[76] А. И. Анисимов. Владимирская икона Божьей матери. «Seminarium Kondakovianum», II. Prague, 1928, стр. 9—15. Хотя икона Владимирской богоматери чрезвычайно чтилась во Владимире, но она не так прямолинейно выражала идею заступничества, как образ богоматери Боголюбской. Кроме того, ее изображение с младенцем на руках не позволяло использовать данный иконографический извод в других композициях, например в «Покрове», деисусе, «Вознесении». Возможно, что и первоначальная поза богоматери не совсем совпадала с представлениями владимирцев о богоматери-покровительнице (см. интересную работу об этом: В. И. Антонова. К вопросу о первоначальной композиции иконы Владимирской богоматери. ВВ, XVIII, стр. 199 сл.).

[77] Е. С. Медведева. Указ. соч., стр. 111 сл.; см. также стр. 128.

[78] Г. К. Вагнер. Аркатурно-колончатый фриз Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. СА, 1961, № 3, стр. 86 сл.

[79] Н. Н. Воронин. О некоторых рельефах Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. СА, 1962, № 1, стр. 149—150.

[80] Там же, стр. 150—151.

[81] Г. К. Вагнер. К вопросу реконструкции северного фасада Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. Сб. «Архитектурное наследство», № 14. М., 1962, стр. 29—31, рис. 1.

шения цикла на тему заступничества богоматери и покровительства ее владимиро-суздальским городам, русским людям и владимирским князьям оставалось изобразить богоматерь Боголюбскую и на южном фасаде Георгиевского собора. Этот фасад был обращен к оборонительно-крепостному валу, и образ владимирской защитницы был здесь особо необходим. Композиция «Вознесения», расположенная высоко в центре фасада, давала прекрасную возможность развития в ней патрональной темы, а существование композиций «Вознесения» с богоматерью деисусного типа в миниатюрах служило своего рода формальным обоснованием. Богоматерь выступает в фасадной композиции «Вознесения» не как символ земной церкви, а скорее как защитница владимиро-суздальской церкви, княжества, городов и всех людей. Возвышаясь над рельефом богоматери Панагии, она тем самым как бы господствует и над палладиумом Константинополя. Несомненно, что большую роль здесь сыграла и композиция «Покрова» на суздальских вратах. Можно думать, что тема «Покрова богоматери», если она не была представлена специальной рельефной композицией, как бы вошла в тему «Вознесения». Вознесение *означало одновременно Христа во славе* [82]. *Это облегчало* расширительную трактовку «Вознесения», и в восточно-христианской иконографии мы действительно видим очень ранние примеры такой расширительной трактовки. Например, на одной из композиций «Вознесения» ампул Монцы над фигурой Оранты изображен спускающийся сверху голубь [83], что, по мнению Н. П. Кондакова, повторяло мозаику храма на Елеоне [84]. А. И. Кирпичников давно указал, что здесь представлено не столько «Вознесение», сколько «торжество христианской церкви», поскольку «Вознесение» слилось с догматом пятидесятницы («Троица» и «Сошествие св. Духа») [85].

В рельефной композиции Георгиевского собора мы отметили другую особенность: Христос изображен благословляющим обеими руками. Думается, что и эта особенность, первоначально вызывающая сомнение в принадлежности указанного рельефа к «Вознесению» (см. выше), является не чем иным, как средством подчеркивания особого значения данной композиции в оформлении южного фасада. Если «Вознесение» понималось одновременно и как «торжество христианской церкви», т. е. как слава Христа, то ничто так не способствовало выражению величия композиции, как фигура Христа с распростертыми руками. Автор старой двухтомной иконографии Евангелия Роо де Флери почти сто лет тому назад писал, что такая поза Христа в сцене «Вознесения», «независимо от красоты живописи, а также от века и места, даже и в репродукции говорит о величии оригинала» [86]. Как уже говорилось выше, хотя подобное изображение Христа в композиции «Вознесения» было знакомо византийскому искусству, но не получило в нем развития. Во владимиро-суздальском искусстве, наоборот, были особые условия для акцентировки именно такого изображения. Н. Н. Ворониным и Е. С. Медведевой выяснено особое место и значение праздника Спаса (1 августа) в церковно-политической жизни владимиро-суздальского княжества [87]. Он был установлен тоже Андреем Боголюбским в память

---

[82] Н. Покровский. Указ. соч., стр. 442.
[83] Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. I, рис. 131.
[84] Там же, стр. 206.
[85] А. И. Кирпичников. Указ. соч., стр. 389, 392.
[86] Rohault de Fleury. L'Évangile. . ., p. 303.
[87] Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское зодчество. . ., стр. 436 сл.; Е. С. Медведева. Указ. соч., стр. 86 сл.; см. также Н. Н. Воронин. О некоторых рельефах Георгиевского собора. . ., стр. 141 сл.

победы над болгарами (1164 г.), причем празднику был придан не только покровительственный владимиро-суздальскому княжеству смысл, но и значение, по крайней мере уравнивающее владимирское княжение с Византией. Наряду с темой заступничества богоматери это делало деисусные композиции еще более важными для владимирских «самовластцев». Отсюда — особо величественная трактовка фигуры Христа. Ранний пример во владимиро-суздальской пластике дает композиция «Три отрока в пещи огненной» на южном фасаде Успенского собора во Владимире, относящаяся к фасадному убранству Андреевского собора 1158—1160 гг. В пятифигурном деисусе алтарной преграды Георгиевского собора Христос изображен благословляющим обеими руками [88] — явление довольно редкое [89] и говорящее о желании усилить патрональное значение художественного образа. Следовательно, то же самое мы можем сказать и про фигуру Христа в композиции «Вознесение».

* * *

Нам уже не раз приходилось отмечать, что глубина выраженных в пластике Георгиевского собора национальных идей оказала воздействие на московское искусство. Традиции владимиро-суздальского идейно-художественного наследия следует видеть не столько в каких-либо частностях иконографического порядка, хотя, конечно, и это имело место, сколько в общей направленности московского искусства. Так, например, в архитектуре, кажется, только один Успенский собор 1326 г. может быть связан с Георгиевским собором г. Юрьева-Польского, но если смотреть глубже, то почти все московское зодчество XIV—начала XV в. разрабатывало идею центрического храма с ярусным покрытием, а имеющиеся исключения объясняются опять-таки владимирскими аналогиями. Так же следует подходить и к вопросу владимиро-суздальского наследия в области пластики. Отсутствие на раннемосковских храмах скульптурного декора ничего еще не говорит о забвении традиции. Дело в том, что за полуторавековый период, наполненный упорным сопротивлением татаро-монголам, изменился самый взгляд именно на фасадную скульптуру, ее функции частично перешли к живописи и мелкой пластике. Развитие иконостасов в интерьерах московских храмов не может быть понято без фасадной пластики Георгиевского собора, в которой сложились все элементы развитого иконостаса: деисусный и пророческий «чины», «праздники» и т. п. Даже изображение в деисусных чинах XV в. апостола Андрея, содержавшее очень глубокий национальный смысл, имело своим прообразом большой скульптурный деисус Георгиевского собора [90].

Насколько при этом владимиро-суздальские традиции усваивались творчески, можно судить как раз по судьбам композиции «Вознесение».

Очень показательно, что после изображения этой композиции на фасаде Георгиевского собора образ богоматери Оранты в московских композициях «Вознесения» не встречается. Исключение представляют некоторые второстепенные памятники малого масштаба. Правда, в композициях «Вознесения» утверждается изображение не Боголюбской богоматери, а богоматери Gloria, но есть все основания считать, что это произошло не без влияния владимиро-суздальского искусства. Богоматерь Gloria была изображена еще на суздальских вратах в очень редком апо-

[88] А. А. Бобринский. Указ. соч., табл. 39, рис. 6.

[89] Оно встречается в грузинских резных деисусах (см. МАК, вып. IV, М., 1894, табл. XVIб).

[90] Г. К. Вагнер. Аркатурно-колончатый фриз Георгиевского собора, стр. 87, 98—100, рис. 1, 4.

крифическом сюжете «Вознесения богоматери» (см. выше). Образ богоматери Gloria по смыслу был близок Боголюбской. Изображение богоматери Gloria понималось как «эмблематическая формула молитвы», поэтому оно помещалось на именных медальонах [91]. Видимо, это способствовало изображению богоматери Gloria в композициях «Вознесения», которыми обычно оформлялись крышки панагий. Ранние владимиро-суздальские панагии XIV в. украшены именно такими композициями «Вознесения» [93]. Похищение этих панагий из Владимира последним отпрыском суздальско-нижегородских князей Иваном Даниловичем и переделка их на личные мощевики (для себя и своей матери)[93] говорят о том, что с образом владимирской заступницы, по-видимому, еще связывались какие-то сепаратистские надежды.

Точно такие же композиции «Вознесения» украшают личные панагии московских князей Василия Дмитриевича и Василия Васильевича [94]. Т. В. Николаева считает такие особенности композиций, как два ангела у глории, а также большие распущенные крылья у ангелов признаками московского искусства [95]. Теперь мы можем видеть, что через владимиро-суздальские панагии эти черты восходят к рельефной композиции Георгиевского собора. В дальнейшем в московском искусстве миндалевидная глория заменяется круглой [96], потом у нее появляется не два, а четыре ангела [97], но богоматерь изображается по-прежнему не Орантой. Наоборот, в новгородском искусстве даже в XVI в. «Вознесение» изображается с Орантой [98].

То же самое наблюдается и в иконографии Покрова. В суздальских и московских памятниках богоматерь хотя и изображается en face, но не в типе Оранты, а с опущенными и протянутыми вперед руками, в которых она держит покров [99]. Фоном служит архитектурный стаффаж владимиро-суздальского типа [100]. В новгородской живописи Покров изображался с Орантой [101], а вся композиция развертывалась на фоне интерьера Влахернского храма [102]. Такое различие композиций, сопровождавшееся не менее яркими стилистическими отличиями, объясняется тем, что в Новгороде не придавали празднику Покрова того национально-объединительного значения, какое было усвоено Москвой в качестве владимиро-суздальского наследия. Более того, в новгородской иконографии Покрова явно проводилась антимосковская линия [103]. Таким образом, в московской редакции композиции «Покрова», в частности в в фасном расположении фигуры богоматери, следует видеть не уступку византийской Влахернитиссе [104], а ту же Боголюбскую, но в более широком, общерусском аспекте.

---

[91] Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. II, стр. 364.
[92] Б. А. Рыбаков. Из истории московско-нижегородских отношений в начале XV в. МИА, № 12, 1949, рис. 1.
[93] Там же, стр. 187 сл.
[94] Т. В. Николаева. Указ. соч., стр. 49—51, рис. 11—12.
[95] Там же, стр. 57.
[96] Ср., например, иконы Благовещенского собора в Москве («История русского искусства», т. III, стр. 115), Успенского собора во Владимире (там же, стр. 151), оклад Владимирской иконы (там же, стр. 207).
[97] Т. В. Николаева. Указ. соч., рис. 14а, № 96а, 102а.
[98] «История русского искусства», т. III, стр. 227.
[99] «История русского искусства», т. III, стр. 11; см. также: Б. В. Михайловский, Б. И. Пуришев. Указ. соч., табл. XL.
[100] Е. С. Медведева. Указ. соч., стр. 280 сл.
[101] «История русского искусства», т. II. М., 1954, стр. 227.
[102] Е. С. Медведева. Указ. соч., стр. 300 сл.
[103] Там же, стр. 314.
[104] Там же, стр. 275.

Можно было бы на многочисленных примерах московской живописи и шитья показать, насколько культ богоматери Боголюбской продолжал сохранять свое значение в деле национального объединения Руси. Ограничимся одним примером: на хорошо известном серебряном ковчежце суздальского архиепископа Дионисия (1383 г.)[105] в одном из четырех боковых полукружий квадрифолия, именно в верхнем, изображено «Вознесение», почти полностью воспроизводящее композицию Георгиевского собора. Отличие состоит в том, что Христос изображен по пояс и в круглой глории. Центральная группа — богоматерь с двумя ангелами — очень близка к композиции «Покрова» на суздальских вратах.

История ковчега очень интересна. Его изготовление связано с последними попытками суздальских феодалов сохранить былое величие Суздаля [106]. Если изображения на боковых полукругах считать одновременными центральной части, то в традиционно суздальской композиции «Вознесения» можно было бы видеть продолжение тех идей, которые вдохновляли создателей суздальских врат и рельефов Георгиевского собора. Однако боковые изображения сделаны, по-видимому, позднее [107] и их следует рассматривать уже как владимиро-суздальскую традицию на московской почве. И в этом отношении показательно, что богоматерь изображена в типе не Оранты, а Боголюбской.

Национальное самосознание русского народа в XV—XVI вв. формировалось не столько на основе теории «Москва — третий Рим», сколько на основе усвоения владимиро-суздальского наследия, в которое входило представление о самобытности христианства на Руси (легенда об апостоле Андрее). Вместе с этим владимиро-суздальское наследие усваивалось Москвой не пассивно, а творчески, даже с некоторой иконографической переработкой, что свидетельствует о живом интересе к старым темам, наполнявшимся еще более широким национальным содержанием. Все это обусловливало особый стиль московского искусства. Таким образом, великие традиции совмещались с новаторством, что всегда следует иметь в виду при исследовании художественной культуры великорусского государства.

---

[105] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 640—641.

[106] Б. А. Рыбаков. Из истории московско-нижегородских отношений, стр. 187, 190.

[107] Сообщено М. М. Постниковой.

Н. К. ГОЛЕЙЗОВСКИЙ

ЗАМЕТКИ О ТВОРЧЕСТВЕ ФЕОФАНА ГРЕКА

Автор монографического труда «Феофан Грек и его школа» В. Н. Лазарев, собрав воедино и исследовав скудный материал дошедших до нас источников, убедительно иллюстрировал его мастерским анализом сохранившихся произведений художника и его учеников, благодаря чему фигура гениального византийца предстала перед нами во весь свой исполинский рост. Работа В. Н. Лазарева, содержащая систематическое и строго научное описание деятельности живописца, предоставила историкам возможность заняться детальным рассмотрением «белых пятен» в творческой биографии Феофана.

В настоящей статье ставится ряд вопросов, окончательное решение которых позволит в дальнейшем с возможной полнотой восстановить облик Феофана-«философа» и определить его влияние на современников не только как художника, но и как мыслителя.

Пожалуй, наименее ясным и в достаточной мере загадочным остается вопрос о причинах «эмиграции» живописца на Русь и связанные с ним вопросы об истоках творчества Феофана, о его философских убеждениях, а также о «крымском» периоде его деятельности.

По свидетельству предполагаемого автора «Послания Кириллу Тверскому» — Епифания Премудрого, Феофан расписал за свою жизнь «многи различные множае четвородесяточисленных церквей. . . В Константине граде и в Халкидоне, и в Галафе, и в Кафе, и в велицем Новегороде, и в Нижнем» [1]. За отсутствием иных источников трудно судить об этом списке. С другой стороны, до нас дошло слишком мало памятников византийской монументальной живописи XIV в., которые позволили бы с достаточной полнотой восстановить картину художественной жизни Византии этого периода и говорить о времени наступления реакции в византийском искусстве, столь ярко проявляющейся в памятниках XV в. Поэтому было бы недостаточно обоснованным связывать переезд Феофана в Россию с наступлением реакции. Думается, что этому противоречит сам факт работы художника в Константинополе, Халкидоне и Галате, а также специфические особенности его произведений, позволяющие хотя бы частично представить идеологические убеждения Феофана.

Умами соотечественников живописца — его современников — владели варлаамо-паламитские споры. Историки искусства неоднократно останавливались на вопросе о причастности Феофана к паламитам или варлаамитам, однако никому не удалось убедительно аргументировать свои

[1] В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961, стр. 113.

предположения. «Суровость феофановских образов, их особая одухотворенность, их порой преувеличенная экстатичность — все это связано с исихазмом, все это вытекает из существа исихастского учения», — отмечает в своей книге В. Н. Лазарев. «Однако, — пишет он далее, — произведения Феофана свидетельствуют и о другом — они непреложно говорят о глубокой неудовлетворенности мастера этим учением» [2]. Но в чем конкретно выразилась эта неудовлетворенность?

Пожалуй, единственным веским аргументом в пользу такого утверждения является отличие живописной манеры Феофана от манеры исполнения сохранившихся произведений его константинопольских собратьев [3].

Показательно, что не только Епифаний Премудрый в «Послании Кириллу Тверскому», но и древнейший московский летописный свод в полном согласии именуют художника «философом» [4]. Подлинные религиозно-философские взгляды Феофана Грека нам неизвестны. Единственное дошедшее до нас в передаче Епифания высказывание Феофана о возможности частичного постижения непознаваемого, которое бесконечно выше бытия, через бытие [5] может принадлежать только представителю апофатического богословия, к которому не мог примыкать сторонник учения Варлаама. Высказывание это, являясь оригинальным истолкованием издавна существовавших в византийской богословской литературе взглядов на значение символов для церкви, перекликается с мнением современника Феофана, борца за утверждение исихастского учения, патриарха Филофея Коккина, высказанным в его обширном втором слове к епископу Игнатию («. . .от предметов низменных и ничтожных понемногу как бы по лестнице какой возводит к предметам возвышеннейшим и совершеннейшим»)[6].

Такое понимание роли символов отражало традиционную апологетическую идею отношения чувственного образа и трансцендентного прообраза, восходившую к платоновскому соотношению между предметом и идеей [7]. Оно имело непосредственную связь с вопросом об иконах, о зна-

---

[2] В. Н. Лазарев. Феофан Грек. . ., стр. 29.

[3] Росписи Цаленжихского храма, исполненные Киром Мануилом Евгеником между 1384 и 1396 гг., свидетельствуют, на мой взгляд, не столько об упадке византийского искусства, сколько о разнообразии творческих манер внутри константинопольской школы, а также о личных вкусах заказчиков, пригласивших этого художника.

[4] В. Н. Лазарев. Феофан Грек. . ., стр. 113; ср. М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 445: «Феофан иконник гръчин филосов».

[5] В. Н. Лазарев. Феофан Грек. . ., стр. 114: «Не мощно есть. . . того ни тебе улучити, ни мне написати; но обаче докуки твоея ради мало нечто аки от части вписую ти, и тож не яко от части, но яко от сотыя части, аки от многа мало, да отсего маловидного изображеннаго пишемаго нами и прочая большая имаши навыцати и разумети». Речь идет об изображении церкви св. Софии в Константинополе. Хотелось бы отметить, что художественно-философское восприятие цареградской Софии как некоего образа непостижимого было не только у Феофана, но и у русских людей, его современников, посещавших Константинополь в середине XIV в. См. «Путешествие Стефана Новгородца»: «А о святой Софии Премудрости божией ум человечь не может ни сказати, ни вычести, и что видехом, то и написахом» (И. Сахаров. Сказания русского народа, т. 2, кн. 8. СПб., 1849, стр. 52).

[6] Арсений. Филофея, патриарха константинопольского XIV века, три речи к епископу Игнатию. Новгород, 1898, стр. 76.

[7] Ср. Г. А. Острогорский. Гносеологические основы византийского спора о св. иконах. «Seminarium Kondakovianum», II. Prague, 1928, p. 50. Интерес к этой теме, думается, не случаен и у Епифания Премудрого, побывавшего на Афоне и в Константинополе, по-видимому, как раз в годы подъема исихастского движения. Епифаний, несомненно, был вовлечен в исихастские споры, что в какой-то мере отразилось на его творчестве. Ср. О. Ф. Коновалова. К вопросу о литературной поэзии писателя конца XIV в. ТОДРЛ, т. 14. М.—Л., 1958, стр. 210. К мнению О. Ф. Коноваловой можно добавить, что многие высказывания Епифания (например, о «воз-

чении художественного образа, и нашло место еще в сочинениях первых защитников иконописания, а также в постановлениях VII вселенского собора [8]. Эти взгляды получили распространение и в древней Руси. С изложением их мы сталкиваемся в конце XV в. в известном «Послании иконописцу», приписываемом исследователями Иосифу Волоцкому [9].

Подобное освещение роли художественного образа вело за собой своеобразный подход к творчеству художника. Епифания Премудрого привлекала в Феофане его способность творить, не оглядываясь на образцы, смело создавая собственные образы и композиции, «умом дальная и разумная обгадываше; чювственныма бо очима разумныма разумную видяше доброту си» [10]. А вот что писал о художественном творчестве другой современник Феофана — Николай Кавасила, который, как и Филофей, был ярым приверженцем исихазма: «И живописцам возможно иногда писать по образцу, с картин составляя свое произведение, иногда же они пользуются для сего памятью, в душе созерцают образец, и всякий знает, что это случается не с живописцами только, но и с ваятелями, и со всеми работающими художниками. И если бы нашлась какая возможность увидеть глазами душу художника, ты увидел бы самый дом, или статую, или иное какое-либо произведение, только без вещества» [11]. Исихасты полностью восприняли учение об иконах, слившееся у них с учением о божественной энергии, в результате чего подлинным художником стал для них не бездумный копировальщик, а художник-творец, создающий произведения непосредственно по «божественному» вдохновению, как бы созерцающий их в себе. Эта оценка художественного творчества, логически вытекающая из сущности исихастского учения, не могла не привлечь любого вдохновенного мастера.

Однако несравненно больше для воссоздания философских взглядов Феофана дают те немногие из его работ, которые сохранились до наших дней, и в первую очередь фрески новгородской Преображенской церкви.

Анализируя систему этих росписей, В. Н. Лазарев останавливается на описании сюжетов и, по-видимому, не ставит себе целью раскрыть общий философский замысел художника [12]. Действительно, этому в значительной мере препятствует фрагментарность уцелевших фресок. Лишь росписи Троицкого придела сохранились более или менее полно.

Но даже эти остатки заставляют думать, что далеко не случайно приглашенным для исполнения росписей церкви Преображения оказался именно Феофан, свидетель споров о фаворском свете, «преславный мудрок, зело философ хитр» [13].

Варлаамо-паламитские споры, вероятно, были хорошо известны в России, что видно, например, из грамоты 1347 г. Иоанна Кантакузина

движении ума», «очищении сердца» и т. п.) навеяны сочинениями писателей-исихастов. Общие философские интересы способствовали сближению Епифания с Феофаном Греком.

[8] См., например, «Деяния вселенских соборов», т. 7. Казань, 1873, стр. 134: «От видимого образа наш ум, в своем духовном полете, возносится к невидимому величию божества. . .».

[9] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 336: «И от вещнаго сего зрака (имеется в виду живописный образ. — *Н. Г.*) възлетаеть ум наш и мысль к божествьвеному желанию и любви, не вещь чтуще, но вид и зрак красоты божествьвенаго оного изъображения». Ср. там же, стр. 334.

[10] В. Н. Лазарев. Феофан Грек. . ., стр. 113.

[11] Николай Кавасила. Семь слов о жизни во Христе. М., 1874, стр. 113—114.

[12] Ср. В. Н. Лазарев. Феофан Грек. . ., стр. 38—41.

[13] Там же, стр. 113.

великому князю Симеону Ивановичу и митрополиту Феогносту [14]. Об этом свидетельствует и рассмотренная в специальной работе А. И. Клибанова тверская «распря о рае» [15]. Ознакомлению русских с учением о фаворском свете, безусловно, способствовали частые поездки духовных и светских лиц в Константинополь (в частности, думается, поездка Алексея для поставления в митрополиты в 1353—1354 гг.), отдельные факты «эмиграции» в Россию византийских монахов (например, Сергия Нуромского) и в особенности официальное утверждение этого учения и канонизация вождя исихастов Григория Паламы патриархом Филофеем (1368 г.). Рассказ о ереси Варлаама встречается впервые в Никоновской летописи под 1328 г.

Необходимо отметить, что именно в эти годы на Руси заметно возрастает интерес к теме Преображения, неразрывно связанной с учением о фаворском свете. Ярче всего интерес этот проявляется в постройке многих церквей в честь праздника Преображения [16].

Заказчик Преображенского храма на Ильине улице боярин Василий Данилович, как и многие другие торговые люди Новгорода, был, без сомнения, человеком для своего времени широко образованным, а новгородская любознательность не могла не вызвать у него желания увидеть в живописных образах то учение, о котором было известно по слухам. Феофана же, в свою очередь, должна была привлечь возможность свободно и по-настоящему творчески поработать в древнем городе над созданием большого монументального цикла росписей. Быть может, мы встречаемся с Феофаном первоначально именно в Новгороде еще и потому, что в эти годы постройка каменного кремля в Москве только начиналась, а в Новгороде беспрерывно требовались опытные руки живописцев.

О том, что роспись церкви Спаса Преображения — серьезно продуманный и вместе с тем глубоко эмоциональный, образный рассказ о близком художнику направлении мистической философии, говорят прежде всего фрески Троицкого придела, позволяющие с достаточной полнотой представить замысел этой самостоятельной части росписи.

Первое, что бросается в глаза — несвойственное новгородской живописи подчинение красочной гаммы одному основному тону (серебристый оранжево-лиловый), в котором остальные как бы содержатся и из которого исходят. Напрашивается вывод, что такое решение подсказано известным положением идеалистической философии: бесконечно разнообразные и не похожие друг на друга образы мира есть проявление одной трансцендентной сущности. Благодаря этому доминирующее значение приобретают оттенки белого цвета, который, как известно, символизировал свет.

---

[14] «Памятники древнерусского канонического права», ч. I. Русская историческая библиотека, т. 6. СПб., 1880, стлб. 22, 26, 28. Ср. А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1958, стр. 233—263.

[15] К истории русской реформационной мысли (Тверская «распря о рае» в середине XIV в.). ВИРА, вып. 5. М., 1958, стр. 233—263.

[16] Достаточно упомянуть церкви Спаса Преображения: «на бору» в Московском Кремле, 1330 г.; «на Ковалеве» (Новгород), 1345 г.; в Нижнем Новгороде, 1350—1352 гг. Спасоевфимиевского суздальского монастыря, 1352 г.; на Ильине улице (Новгород), 1352 г.; в Нуромском монастыре, конец XIV в.; Видогощского монастыря (близ Новгорода), 1406 г.

Преображенский собор «на бору» в Москве, ставший княжеским монастырем, являлся важным очагом древнерусской образованности. М. Н. Тихомиров в книге «Средневековая Москва в XIV—XV веках» (М., 1957, стр. 21) подчеркивает: «Значение этого монастыря, как одного из центров московской образованности, как-то осталось незамеченным историками Москвы, хотя летопись особо отмечает заботы Ивана Калиты о процветании Спасской обители. . .». Во главе монастыря князь поставил архимандрита Ивана, «разумна же и словесна, и сказителя книгам» (там же, стр. 188).

По учению Паламы, божественный свет (который, в сущности, есть благодать) невещественен и невыразим. Тем не менее, он проявляется не только духовно, но и чувственно, как светились, например, лица Моисея или первомученика Стефана. «Не возникает и не исчезает, не описывается и не воспринимается чувственною силою *Свет* (курсив мой. — *Н. Г.*) господня Преображения, *хотя и виден был телесными очами...*», — писал Палама [17]. Достигнувший благодати человек видит этот свет двояко: умом и чувством в их единстве. Ум воспринимает невещественный свет, который есть знание, чувство — видимый свет, освещающий материальные предметы [18]. Божественный свет — неотделимая от непостижимой и неописуемой сущности божества описуемая, постижимая энергия — его образ (σχέσις), подражание (μίμησις) и подобие (μίμημα). В росписи Феофана все пронизано этим светом.

Созерцающие благодать, ушедшие в себя в молитвенном экстазе столпники и святые, умышленно изображенные около знаменитой «Троицы», в Троицком приделе храма, заставляют вспомнить прекрасно иллюстрирующие мысль художника слова Григория Синаита: «Созерцание бывает возможно, когда ощущение, касающееся чувственных предметов, объединяется с ощущением умственным посредством Духа. Тогда они непосредственно и по сущности познают природу божественных и человеческих вещей и ясно созерцают их основания, наблюдая, насколько возможно, единую причину всего — Троицу» [19]. К этим исполнившимся божественного знания столпникам применимы также следующие слова Паламы: «...очистившие сердца посредством священного безмолвия и смешавшиеся неизреченно со Светом, превышающим чувство и ум, видят в себе бога, как в зеркале» [20]. Зрение их обращено внутрь, они погружены в «умную молитву», в созерцание «невещественного света», словно наполнены им и светятся изнутри. Достаточно всмотреться в эти отрешенные от мира, но лучащиеся всеведением и мудростью лица, в озаренное чудесным сиянием изображение Троицы, в фигуру центрального ангела с его всеобъемлющими крыльями, чтобы понять глубочайший философский замысел и новаторство гениального мастера.

Нижний ярус росписи Троицкого придела сохранился хуже. Тем не менее, можно думать, что оба пояса фресок были задуманы в неразрыв-

---

[17] Василий [Кривошеин.]. Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы. «Seminarium Kondakovianum», VIII. Prague, 1936, p. 141.

[18] Ср. И. И. Соколов. Г. Х. Παπαμιχαήλ. Ὁ ἅγιος Γρηγόριος Παλαμᾶς ἀρχιεπίσκοπος Θεσσαλονίκης. ЖМНП, 1913, май, стр. 182.

[19] К. Ф. Радченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898, стр. 77. Ср. аналогичное высказывание Григория Паламы: «Когда единое ума делается троичным, оставаясь единым, тогда он сочетается с богоначальной Троичной Единицей». См. Василий [Кривошеин]. Указ. соч., стр. 106.

[20] Василий [Кривошеин]. Указ. соч., стр. 115. Несколько слов о влиянии Феофана Грека на новгородскую иконопись. Считаю, что замысел «загадочной», по выражению В. Н. Лазарева, иконы Гос. Третьяковской галереи «Отечество» конца XIV в. (см. «История русского искусства», т. 2. М., 1954, стр. 220, 221), где по сторонам центрального изображения Троицы в образе Отца, Сына и Духа помещены фигуры столпников и неизвестного святого (?), настолько близок замыслу росписи Троицкого придела, что заставляет думать если не о прямом заимствовании новгородским мастером феофановской идеи, то, во всяком случае, о ее перетолковании. Надо полагать, что до нас не дошли какие-то другие «иконографические» новшества Феофана. Быть может, не только он один участвовал в создании новых композиций. Во всяком случае, когда сто лет спустя возник первый известный мне конфликт между церковной «цензурой» в лице новгородского архиепископа Геннадия и псковскими иконописцами, последние оправдались тем, что новые композиции, в создании которых упрекал их Геннадий, взяты «с мастерских образцов старых, у коих есмя училися, а сниманы с греческих» (см. Горский. Максим Грек, святогорец. Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе, ч. 18. М., 1859, стр. 192).

ном идейном и смысловом единстве. Феофану потребовалось связать отвлеченную философскую тему столпников и Троицы с конкретной обстановкой.

Старая деревянная церковь Спаса на Ильине улице, на месте которой Василий Данилович построил новый каменный храм, была дорога сердцу каждого новгородца историческими воспоминаниями, связанными с борьбой за независимость Новгорода. Это был едва ли не древнейший в городе христианский храм [21]. Именно отсюда новгородский архиепископ Иоанн вынес в 1170 г. икону богоматери «Знамение», которая, по преданию, помогла горожанам отразить численно превосходившего их неприятеля [22]. Феофан изобразил богоматерь «Знамение» с предстоящим архангелом Гавриилом на южной стене придела. В этом же регистре были расположены почти не сохранившиеся изображения святых и четырех подходящих к престолу святителей. В. Н. Лазарев полагает, что «здесь была представлена популярная в XIII—XIV веках композиция «Поклонение жертве» [23].

Объяснение связи этого цикла изображений с расположенными выше Троицей, столпниками и святыми можно найти в третьем слове к епископу Игнатию упомянутого выше патриарха Филофея [24]. Основной идеей росписи Троицкого придела являлось величие мироздания как проявление божественной энергии, исихастское познание этого величия, которое в византийском богословии отождествлялось с Премудростью — Софией. «Премудрость... есть общее действие всей единосущной и нераздельной Троицы, разумею — единого, всемогущего и неслиянного божества, действие, достойным подаваемое во святом Духе, едином от Троицы боге, содействовавшем и вместе совершившем создание мира»,— писал Филофей [25].

Возможно, тема Премудрости была подсказана Феофану заказчиком росписи. Нет нужды приводить здесь доказательства того, насколько популярна была эта тема в Новгороде, где Софии был посвящен главный храм, в городе, который, по тогдашним убеждениям, находился под особым покровительством св. Софьи [26]. Но всего вероятнее, что мысль эта принадлежала самому Феофану, интерес которого к этой теме особо отметил в своем «Послании» Епифаний. Не случайно изображение храма Софии, исполненное художником, было четырежды скопировано Епифанием и помещено в начале каждого из четырех евангелий в переписанной им книге *как символ Премудрости*.

Тема Премудрости объединяла, на мой взгляд, все входящие в состав росписи и, казалось бы, далекие друг от друга изображения Троицкого придела. И если одним образ богоматери «Знамение» напоминал о героическом прошлом, апеллируя к местному патриотизму, то другие могли видеть в нем «матерь ипостасной Мудрости бога Слова, принявшей плоть человеческую» [27], или «дом Премудрости» [28], в то время как композиция

---

[21] Н. Костомаров. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада, т. 2. СПб., 1886, стр. 382, 383.

[22] Впоследствии этот сюжет получил отражение в ряде икон под названием «Битва суздальцев с новгородцами».

[23] В. Н. Лазарев. Феофан Грек. . ., стр. 39.

[24] Здесь следует отметить, что труды Филофея имелись в русском переводе, исполненном племянником Сергия Радонежского, игуменом Симонова монастыря Феодором Ростовским (см. С. М. Строев. Библиографический словарь. СПб., 1882, стр. 300).

[25] Арсений. Указ. соч., стр. 102—103.

[26] См., например, А. И. Никитский. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879, стр. 36, 77.

[27] Арсений. Указ. соч., стр. 118; ср. стр. 121.

[28] Там же, стр. 110.

«Поклонение жертве» намекала на искупительную жертву Христа как самой Премудрости [29].

Не исключено, что тема Софии — Премудрости явилась подосновой общего замысла стенописи церкви Преображения. К сожалению, плохая сохранность остальной части росписей не позволяет с уверенностью делать какие-либо выводы. Однако на эту мысль наталкивает помещение в апсиде композиции «Евхаристия», приводящей на ум другие слова Филофея о Премудрости (Христе): «И скудоумным сказала: идите ешьте мой хлеб и пейте вино, мною для вас растворенное...» [30] — и далее: «Таковы жертвы Премудрости божией, и к ним хлеб, вино и чаша; и таково значение участия и участвующих в них» [31].

Роспись купола и барабана построена на обычных иконографических принципах. Тем не менее образы, созданные здесь художником, оставляют совершенно особое, незабываемое впечатление.

Пантократор в куполе подавляет своей грандиозностью. Феофан изобразил не примитивного «грозного владыку», а «кладезь Премудрости», такой глубокий, что в него страшно смотреть. Архангелы и в благоговейном трепете прикрывшиеся крылами серафимы несоизмеримы с ним. Невольно вспоминаются слова Жития Евфросина Псковского (XVI в.): «...ангелы и архангелы, херувими и серафими, купно и вси служебнии дуси крилами закрывают огненная лица своя, не терпяху зрети страшныя славы зари присносияющей от безначального пламени божества его непостижимаго...» [32]. Но зато исполненные знания, в непосредственной близости к Пантократору, торжественно и уверенно стоят праотцы и пророки, к которым можно было бы отнести высказывание Паламы: «И кругообразно (κυκλιχῶς) движимые божественные умы соединяются в безначальных и бесконечных блистаниях добра и красоты. Для вечных сам бог, а не иное что, есть свет, и чем служит солнце для чувственных, тем для мысленных (νοητός) бог, и он есть первый высший Свет, освещающий всякую разумную природу» [33].

Титаническая сила феофановского гения, конечно, не только в удивительном проникновении в сущность исихастской философии и не только в метафоричности мышления. Его обаяние в том, что он создает весомые и предельно выразительные образы, из которых любой неповторим в своей индивидуальности. Каждый его образ — это вневременный идеал духовного совершенства, проявляющийся в бесконечном разнообразии земных форм. Но согласно исихастскому учению, Феофан передает в них не физические страсти, — и в этом поразительная сила художника, — а тончайшие градации движений духа совершенного человека, стремящегося к еще большему совершенству.

Нюансы неповторимых выражений лиц феофановских столпников и святых наводят на сопоставление с психологическими экскурсами Григория Синаита, различавшего на этой ступени нравственного совершенства три проявления душевного взлета: изумление, исступление, любовь. «Изумление есть всецелое восторжение душевных сил к тому, что познано из велелепной славы божества, — другими словами: изумление, есть чистое и всецелое простертие (ἀνάστασις) ума к сущей во Свете беспре-

---

[29] Там же.
[30] Там же, стр. 124.
[31] Там же, стр. 131.
[32] Н. Костомаров. Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлеченные из рукописей. Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860, стр. 87.
[33] Алексий. Византийские церковные мистики 14-го века. «Православный собеседник». Казань, 1906, февраль, стр. 237.

дельной силе. Исступление же есть не только душевных сил к небу восхищение (ἁρπαγή), но и выступление за пределы самого чувства», — говорит Григорий. — «Любовь есть опьяняющее (μέθη) устремление духом мыслей к лучшему, коим отнимается и чувство (или сознание) внешних отношений (σχέσις)»[34].

Думается, что пребывание Феофана Грека в Новгороде, несмотря на зримый след, оставленный им в новгородском искусстве, было сравнительно непродолжительным. Новгородские ученики и последователи Феофана по-своему истолковали его искусство, восприняв главным образом живописные особенности мастерства и внешнюю выразительность образов, созданных великим художником. Здесь не нашлось мастера, который сумел бы так глубоко проникнуть в душу феофановского творчества, понять, переоценить и переосмыслить его идеи, как суждено было это Андрею Рублеву.

Перечисляя города, где работал Феофан, Епифаний Премудрый перед Великим Новгородом упоминает Галату и Каффу. Это были крупные торговые пункты, принадлежавшие генуэзцам. Вместе с итальянцами в них проживало много византийцев, имевших свои православные храмы, подчиненные патриарху и архиепископу. В Галате имелось три таких церкви, одну из которых мог расписывать Феофан[35]; в Каффе, объявленной в 1352 г. генуэзцами вольным городом, их было значительно больше[36]. Работа художника в Каффе могла быть следствием приглашения сугдейского архиепископа, в чьем ведении находились церкви этого города. Не менее вероятно, что поездками Феофана распоряжался в этот период сам византийский патриарх (Филофей или Каллист). В середине XIV в. архиепископом сугдейским был Евсевий, принимавший участие в борьбе с противниками исихазма — Варлаамом и Акиндином[37]. В знак благодарности за это патриарх мог послать к нему одного из талантливейших константинопольских художников.

Крымские купцы — «сурожане», среди которых были не только «латины», но и православные — византийцы и русские, вели интенсивную торговлю с Москвой. Некоторые из них сражались вместе с Дмитрием Донским на Куликовом поле. В одной из так называемых двинских грамот, относящейся к 1389 г., упоминается некий Андрей Фрязин, во владение которому передается печерский край, принадлежавший прежде его дяде Матвею Фрязину[38]. Здесь уместно напомнить, что первый известный нам заказчик Феофана новгородский боярин Василий Данилович вел во второй половине XIV в. (летописи упоминают о нем под 1366 и 1367 гг.) крупные торговые операции по эксплуатации двинской земли[39]. Не исключено, что именно сурожане принесли в Россию слух о замечательном живописце.

---

[34] Там же, июль-август, стр. 475.

[35] В. Н. Лазарев. Феофан Грек. . ., стр. 12, прим. 1.

[36] По сведениям источников, в XV в. в городе функционировали 44 христианских храма (см. В. Х. Кондараки. В память столетия Крыма. История и археология Тавриды. М., 1883, стр. 112). Вот что сообщает о Каффе московский священник Иаков, побывавший в Крыму в 1634 г. много лет спустя после турецкого завоевания: «В Кафе три города каменных; город в городе велик зело; грады, в них же многие християнские церкви зело велики и украшены вельми. . .» (см. М. Оболенский. Сказание священника Иакова (1634 г.). ЗООИД, т. 2. Одесса, 1850, отд. 2—3, стр. 691). Любопытно отметить, что в XIV в. в Каффе имелась русская церковь (см. М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва, стр. 125).

[37] В. Х. Кондараки. История христианства в Тавриде. Одесса, 1871, стр. 55.

[38] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. 5, СПб., 1834, стр. 113—114.

[39] А. Строков и В. Богусевич. Новгород Великий. Л., 1939, стр. 104.

С другой стороны, и независимо от этого, отправить Феофана на Русь мог византийский патриарх (Филофей), питавший дружеские чувства к митрополиту Алексею [40] и даже назвавший его однажды «великим человеком» [41].

Следом за Новгородом Великим Епифаний Премудрый называет Нижний Новгород. Вполне логична гипотеза В. Н. Лазарева о том, что эта поездка Феофана была связана с необходимостью восстановления памятников, погибших в результате татарского нашествия 1378 г.[42] На этот раз пригласить художника мог суздальский архиепископ Дионисий, который в 1382 г. привез из Константинополя в Великий Новгород патриаршии грамоты против стригольников и в этом же году через Псков и Суздаль возвратился в Нижний.

Если в Москве и знали о Феофане, то вряд ли нуждались в его услугах в эти суровые годы. После смерти в 1378 г. митрополита Алексея началась отчаянная борьба за митрополичий престол, продолжавшаяся вплоть до окончательного утверждения Киприана в 1390 г. Одновременно развернулись грозные события, требовавшие предельного напряжения всех государственных сил и средств (войны с Литвой, Куликовская битва и т. д.), завершившиеся разорением Москвы Тохтамышем в 1382 г.

Новый митрополит Киприан, проведший юные годы на Афоне и получивший там всестороннее образование, находился в тесных сношениях с Константинополем и, вероятно, участвовал в борьбе с противниками исихазма, что подтверждается его личными связями с Филофеем и блестящим знанием трудов патриарха [43].

В 1391 г. Киприан посетил Великий Новгород. «Архиепископ Иван срете его с кресты, с игоумены и с попы в ризах, с многими крестьяны, *оу святаго Спаса на Ильине оулици* (здесь и далее курсив мой. — *Н. Г.*). И митрофолит вшед в святыи Спас, с владыкою своим, и *с архимандритом Нижняго Новагорода. . .*», — сообщает новгородская летопись [44].

Трудно сказать, прибыл ли Феофан в Москву до подчинения ей Нижнего Новгорода в 1392 г.[45] или же это случилось после того, как митрополит Киприан получил возможность лично ознакомиться с новгородской работой художника и оценить его дарование. Первая работа Феофана в Москве упоминается в летописи под 1395 г., когда митрополитом был

---

[40] См., например: грамота Филофея митрополиту Алексею, 1370 г., июнь. «Памятники древнерусского канонического права», ч. I, стлб. 106.

[41] Грамота Филофея великому князю Дмитрию Ивановичу, 1370 г., июнь. См. там же, стлб. 102.

[42] В. Н. Лазарев. Феофан Грек. . ., стр. 69. Если вслед за В. Н. Лазаревым предположить, что наиболее вероятной работой художника в Нижнем являлась роспись кремлевского Спасского собора (там же, стр. 12, прим. 3), посвященная опять-таки теме Преображения, то это лишний раз свидетельствует о том, каким авторитетом пользовался Феофан-философ.

[43] Ср. И. Мансветов. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882, стр. 107.

[44] ПСРЛ, т. 4, ч. I, вып. 2. Л., 1925, стр. 371.

[45] Не лишено вероятности предположение В. И. Антоновой о том, что в 1382 г. Феофан мог по поручению вдовы Дмитрия Донского княгини Авдотьи работать в Коломне (см. В. Антонова. О Феофане Греке в Коломне, Переславле-Залесском и Серпухове. «Гос. Третьяковская галерея. Материалы и исследования», вып. 2. М., 1958, стр. 14—15). Связываемая с Коломной икона «Богоматерь Донская» (Гос. Третьяковская галерея, № 14244), действительно, очень близка манере Феофана, чего, на мой взгляд, нельзя сказать о «Преображении» из Спасского собора Переславля-Залесского (Гос. Третьяковская галерея, № 12797), отличающимся совершенно несвойственным Феофану колоритом, построением человеческих фигур, системой наложения пробелов в одеждах и «светов» в лицах, использованием очень жидких красок. Поэтому основанный на этом произведении вывод автора относительно «обрусения» Феофана (там же, стр. 25) неубедителен.

уже Киприан. Можно с уверенностью утверждать, что именно в Москве, в последнее десятилетие XIV в. и в первые годы XV в., Феофан нашел самое обширное поле деятельности. Митрополит Киприан, будучи страстным грекофилом [46], должен был оказывать живописцу всяческое содействие.

Дошедшие до нас московские работы Феофана Грека блестяще охарактеризованы в книге В. Н. Лазарева. Хочется еще раз подчеркнуть, что Епифаний Премудрый, встретившийся с художником в Москве, говорит о нем прежде всего как о «книги изографе нарочитом» [47]. Думается, что деятельность Феофана в Москве была связана главным образом с иллюстрированием рукописей, с созданием целой школы — мастерской иконописцев и миниатюристов, из среды которых под влиянием Феофана выделились талантливые живописцы-монументалисты.

Вероятно, именно в Москве проявилась вся разносторонность феофановского гения, вся широта его интересов. «Послание» Епифания говорит об изображении Москвы в росписях Михайловского собора и терема князя Владимира Андреевича, о «незнаемой подписи» терема великого князя. Епифаний особо отмечает, что среди изображений Благовещенского собора Феофаном были исполнены «Корень Иесеев» и «Апокалипсис». Темы эти были очень актуальны в начале XV в. в связи с продолжавшейся борьбой с еретиками-стригольниками, отрицавшими церковную иерархию, а, следовательно, и Христа как первосвященника и главу церкви («Корень Иесеев»), воскресение мертвых («Апокалипсис»), таинства (вспомним изображение Евхаристии в новгородском Преображенском соборе) и т. д., с религиозными волнениями в Твери (Евфимий Вислень) и Ростове (Маркиан).

Здесь хотелось бы остановиться на одной незначительной на первый взгляд детали, имеющей, однако, принципиальное значение для истории древнерусской живописи. Существует ошибочное мнение, будто деревянные постройки древней Руси не украшались внутри стенописью. На этом основании некоторые исследователи переносят не дошедшие до нас феофановские росписи терема Владимира Андреевича в Серпухов, где как будто существовал *каменный* терем князя. Предположение это лишено основания. Какие-то живописные (видимо, орнаментальные) украшения светских деревянных построек существовали уже в домонгольское время, что видно, например, из учительного слова XII в., содержащего упреки богачу. «Ты, живя в дому, *повалуши исписав* (курсив мой. — *Н. Г.*), а убогий не знает, где главы подклонити!» — говорится в этом слове [48]. До наших дней в Карельской АССР сохранились деревянные шатровые церкви, имеющие расписные потолки — «небеса». Имеются также сведения, восходящие, правда, ко времени не ранее XVII в., о внутренних росписях деревянных палат московских царей и цариц [49]. При этом чаще всего живописью покрывались потолки, а иногда изображения наносились на загрунтованный холст и прикреплялись к стенам. О содержании и характере этих росписей трудно сказать что-либо определенное, но самый факт их существования может служить основанием для предположения о живописных работах Феофана именно в *деревянных* теремах московского Кремля. Роспись могла быть испол-

---

[46] Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. 2, первая половина. М., 1900, стр. 350.

[47] В. Н. Лазарев. Феофан Грек. . ., стр. 113.

[48] ИОРЯС, т. X, вып. V. СПб., 1863, стр. 550.

[49] И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1895, стр. 178—184.

нена и непосредственно на деревянной стене в том случае, если она предварительно была отшлифована и покрыта левкасом.

Размышляя о творчестве Феофана Грека, невольно задаешь себе вопрос: достаточно ли имеется оснований для того, чтобы называть его отъезд из Византии преднамеренной эмиграцией? Ведь продолжительность его пребывания в России может быть объяснена иначе. Прибыв на Русь, Феофан оказался захлестнутым кипением общественной и политической жизни зарождающегося централизованного государства, он был окружен интереснейшими людьми эпохи, завален заказами, приобрел много талантливых и любящих учеников. Наконец, задержать художника в России могла воля великого князя, как это случилось впоследствии с Аристотелем Фиоравенти, с Максимом Греком.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать следующие основные выводы:

1. Феофан был художником, в чьем творчестве сочетались блестящие живописные традиции палеологовского стиля начала XIV в. и страстное увлечение мистической философией исихастов, вернее, теми ее разделами, которые по сравнению с западной схоластикой и построениями варлаамитов давали бóльший простор художественному творчеству и изучению сокровенных областей человеческой психики. При этом не имеется никаких оснований думать, что Феофан примыкал к реакционным политическим позициям исихастов.

2. Для русской культуры той эпохи Феофан явился в первую очередь мыслителем, обширность и глубина познаний и широта интересов которого помогли многим русским мастерам по-новому взглянуть на роль и значение искусства в общественной жизни, переосмыслить понятие мастерства, что привело в итоге к замечательному расцвету русской живописи XV в.

А. М. ГИЛЕВИЧ

НОВЫЙ КЛАД ХЕРСОНО-ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ

В июле 1960 г. севастопольские школьники во время осмотра херсонесского городища в обвалившейся после дождей стенке нашли клад херсоно-византийских монет. Помещение, в стене которого были спрятаны монеты, раскопано в 1948 г.[1] Клад хранился, по-видимому, в нише, столь искусно заложенной, что при раскопках и зачистках стенки в 1948 г. она не была замечена. Ниша находилась в капитальной стене, разделявшей помещение 15 и 16, со стороны помещения 15. Помещения погибли от пожара в конце X в.[2] Находка монет в заложенной нише указывает на то, что клад был сокрыт намеренно. Часть монет клада лежала тремя стопочками, остальные рассыпались вместе с кладкой. Всего было собрано 38 монет, покрытых густым налетом дикой патины. Во время чистки две монеты разрушились, а от одной сохранился лишь незначительный обломок. Сохранность монет различна: некоторые из них потерты, часть испорчена окисью (см. рис. 1).

Состав клада следующий.

ВАСИЛИЙ I (867—886 гг.)

1. Av. — начальная буква имени Василия I — во все поле монеты. Выпуклый линейный ободок, справа двойной. Рельеф уплощенный.

Rv. Шестиконечный крест на ступенях, по сторонам креста шарики. Двойной выпуклый линейный ободок.

↑; д — 17 мм; вес — 4,22 г. Литники обрублены и обломаны. Инв. № 8412. Ор.[3], IX, 20.

2. То же.

Av. Буква во все поле монеты, выпуклый ободок. Рельеф уплощенный.

Rv. Рельеф отчетливый, выпуклый двойной ободок.

↑; д — 18 мм; вес — 3,72 г. Гурт округлый. Инв. № 8413. Ор., IX, 21.

3. То же.

Монета сильно потерта и испорчена окисью. Ободки на лицевой и оборотной сторонах сглажены.

↑; д — 14 мм; вес — 2,47 г. Инв. № 8414. Ор., IX, 20—21.

---

[1] Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий, А. Л. Якобсон. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.). МИА, 1953, № 34, стр. 222, пом. 15.

[2] Г. Д. Белов. Итоги раскопок в Херсонесе за 1946—1950 гг. Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 245.

[3] А. В. Орешников. Херсоно-византийские монеты. «Труды МНО», т. III, вып. 2. М., 1905.

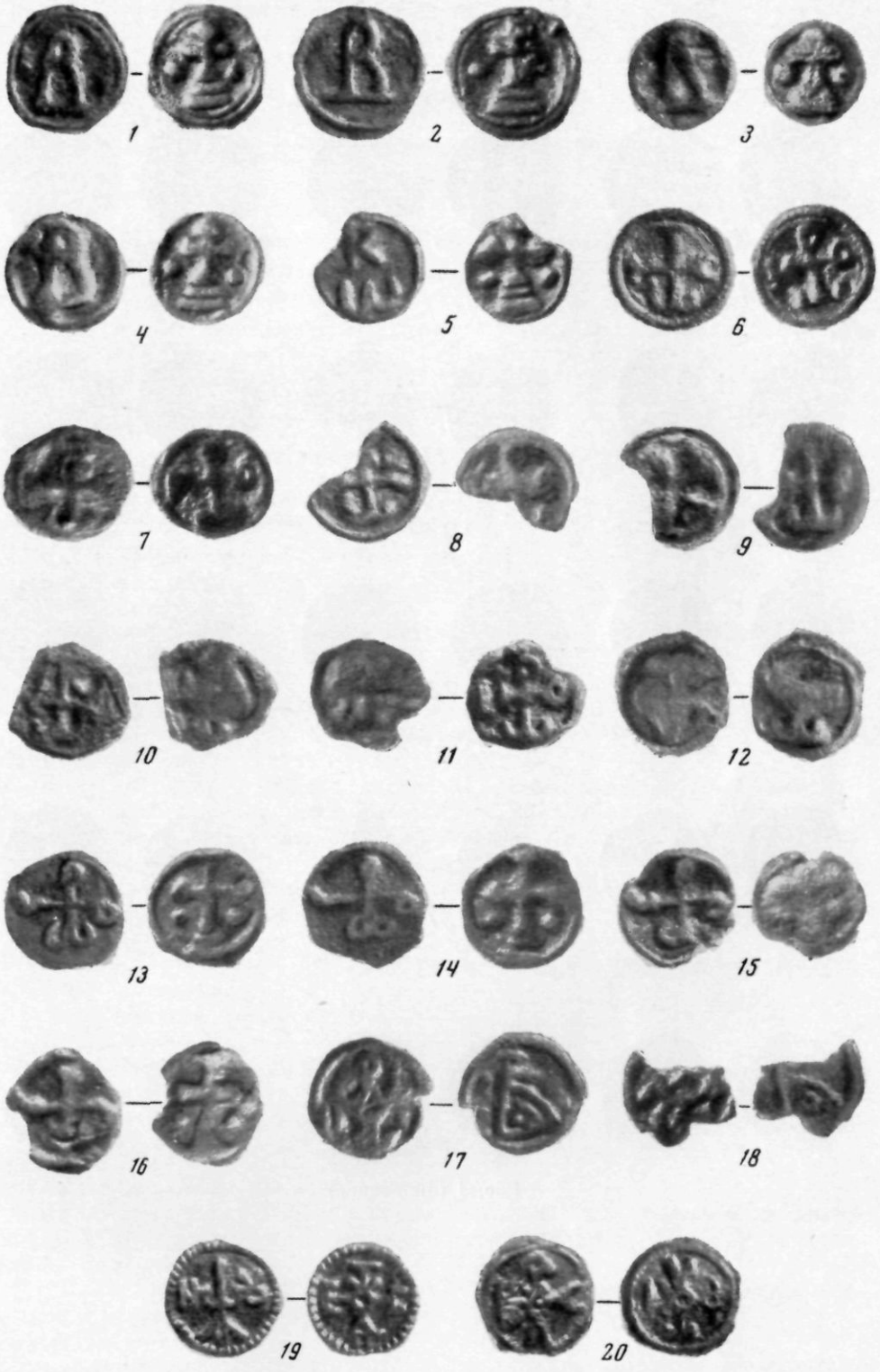

Рис. 1. Херсоно-византийские монеты из клада 1960 г.

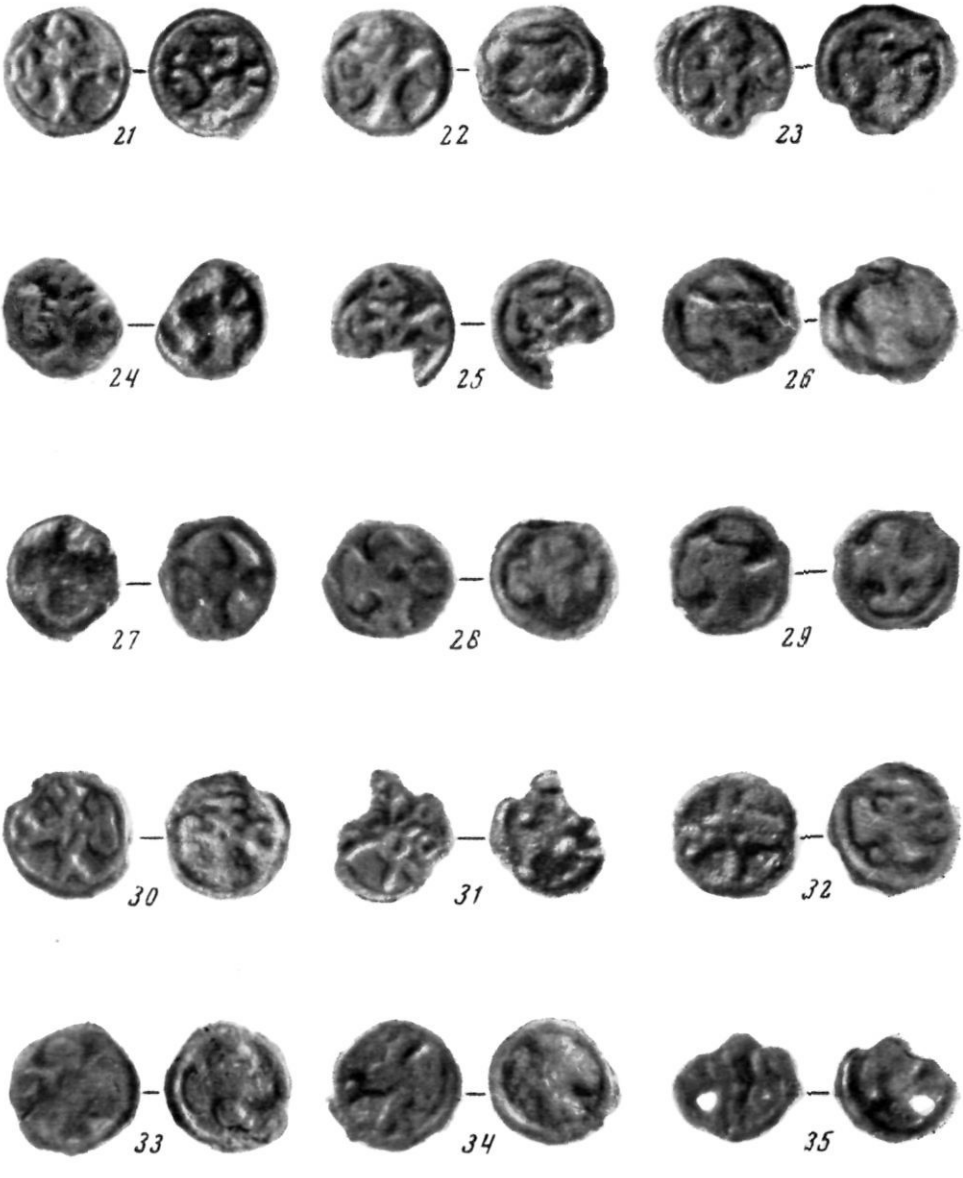

Рис. 1 (окончание)

4. То же.
Av. Рельеф уплощенный и расплывчатый.
Rv. Рельеф четкий.
↑; д — 16 мм; вес — 2,93 г. Гурт сглаженный. Инв. № 8415. Ор., IX, 20—21.

КОНСТАНТИН VII (944—959 гг.)

5. Av. — начальные буквы имени Константина, одна над другой. Выпуклый линейный ободок с острыми гранями.
Rv. Четырехконечный крест на ступенях. По сторонам шарики.
↗; д — 15 мм; вес — 2,00 г. Гурт сглаженный. Монета обломана. Инв. № 8416. Ор., X, 47.

КОНСТАНТИН VII и РОМАН II (948—959 гг.)

6. Av. — монограмма имени Константина из букв: κ, ω, ν, с и τ, расположенных в форме креста. Выпуклый точечный ободок сглажен. Рельеф уплощенный.
Rv. — монограмма имени Романа из букв ρ, ω, μ и α, расположенных в форме креста. Точечный ободок.
↓; д — 16 мм; вес — 2,60 г. Инв. № 8417. Ор., X, 48.
7. То же.
Рельефы на обеих сторонах сглажены. Гурт острый. Литник обломан.
↓; д — 16 мм; вес — 2,36 г. Инв. № 8418.
8. То же.
Обе стороны сильно потерты. $^1/_3$ монеты обломана.
↓; д — 16 мм; вес — 1,78 г. Гурт потертый. Инв. № 8419.
9. То же.
Рельефы на обеих сторонах сглажены. Часть монеты отрублена. На гурте и на ободке лицевой стороны следы напильника.
↓; д — 17 мм; вес — 2,32 г. Инв. № 8420.
10. То же.
Рельефы на обеих сторонах плоские. Литники обрублены.
↓; д — 15 мм; вес — 2,85 г. Инв. № 8421.
11. То же.
Обе стороны потерты. Рельеф оборотной стороны более четок. Монета частично обломана.
↓; д — 16 мм; вес — 2,16 г. Инв. № 8422.
12. То же.
Обе стороны с плоскими рельефами. По сторонам обрубы литников.
↓; д — 16 мм; вес — 2,48 г. Инв. № 8423.

РОМАН II (959—963 гг.)

13. Av. — монограмма имени Романа, состоящая из букв ρ, ω, μ и α, расположенных в форме креста.
Rv. Четырехконечный крест на ступенях. Его верхний и левый концы с перекрестиями, конец правого загнут вниз. По сторонам шарики. Линейный ободок.
↘; д — 16 мм; вес — 2,88 г. Гурт округлый. С двух сторон обрубы литников. Инв. № 8424. Ор., X, 51.
14. То же.
Рельеф лицевой стороны плоский. Гурт острый. Литники обрублены и обломаны.
↓; д — 16 мм; вес — 2,53 г. Инв. № 8425.
15. То же.

Рельеф оборотной стороны плоский. Гурт острый, частично обломан. Монета очень тонкая.
↓; д — 17 мм; вес — 1,70 г. Инв. № 8426.

16. То же.
Рельеф на обеих сторонах плоский. Монета испорчена окисью, обломана.
↓; д — 16 мм; вес — 1,92 г. Инв. № 8427.

РОМАН II и ВАСИЛИЙ II (960—963 гг.)

17. Av. — монограмма имени Романа из букв ρ, ω, μ и α. Точечный (?) ободок заглажен.

Rv. — начало имени Василия: буквы β с вписанной в нее α. Ободок рельефный точечный, но точки заглажены.
↑; д — 17 мм; вес — 2,91 г. Гурт округлый. Инв. № 8428. Ор., X, 55.

18. То же.
Обломок (монета разрушилась при чистке).
↑; д — 16 мм. Инв. № 8429. Ор., X, 55—56.

ИОАНН ЦИМИСХИЙ (969—976 гг.)

19. Av. — монограмма имени Иоанна, состоящая из букв ι, ω, α, ν и ου (в лигатуре). Точечный ободок.

Rv. — монограмма титула «деспот», состоящая из букв δ, ε, c, π, ο, τ и ου (в лигатуре). Точечный ободок.
↘; д — 16 мм; вес — 2,72 г. Сохранность отличная. Инв. № 8430. Ор., X, 58.

ВАСИЛИЙ II и КОНСТАНТИН VIII (976—1025 гг.)

20. Av. — монограмма имени Василия, состоящая из букв β, α, c, λ и ου (в лигатуре). Точечный ободок.

Rv. — монограмма титула «деспот», как на монете Иоанна Цимисхия. Точечный ободок. Рельеф букв очень плоский.
↖; д — 15 мм; вес — 3,91 г. Гурты лицевой и оборотной стороны не совпадают. С четырех сторон литники обрублены. Инв. № 8431. Ор., X, 59.

21. То же.
Монета очень тонкая, потерта. Литники обрублены.
↗; д — 16 мм; вес — 2,21 г. Инв. № 8432.

22. То же. Рельефы обеих сторон плоские, особенно на оборотной стороне. Гурт заглажен напильником.
↗; д — 16 мм; вес — 3,33 г. Инв. № 8433.

23. То же.
Рельефы обеих сторон плоские. Гурты лицевой и оборотной сторон не совпадают.
↖; д — 17 мм; вес — 2,84 г. Инв. № 8434.

24. То же.
Рельефы обеих сторон плоские. Монета частично обрублена с одной стороны.
↖; д — 15 мм; вес — 2,57 г. Инв. № 8435.

25. То же.
Рельеф оборотной стороны плоский. Часть монеты выщерблена.
↑; д — 16 мм; вес — 1,81 г. Инв. № 8436.

26. То же.
Рельефы обеих сторон плоские. Монета расплющена (?).

↑; д — 17 мм; вес — 3,15 г. Инв. № 8437.

27. То же. Рельефы плоские. Гурты лицевой и оборотной сторон не совпадают. Литники обрублены.

↑; д — 16 мм; вес — 2,72 г. Инв. № 8438.

28. То же. Рельефы плоские. Гурт округлый. Литники обрублены и обломаны небрежно.

↑; д — 15 мм; вес — 2,70 г. Инв. № 8439.

29. То же.

Рельефы очень плоские. На гурте следы напильника.

↑; д — 15 мм; вес — 2,70 г. Инв. № 8440.

30. То же, но тип Ор., X, 60.

Рельеф оборотной стороны совершенно плоский. Гурт лицевой и оборотной сторон не совпадает.

↑; д — 15 мм; вес — 2,50 г. Инв. № 8441.

31. То же.

Рельеф лицевой стороны выпуклый, оборотной — плоский. Края монеты разрушились в результате чистки.

↑; д — 16 мм; вес — 1,95 г. Инв. № 8442.

32. То же.

Рельеф обеих сторон плоский. Литники обрублены и обломаны.

↑; д — 17 мм; вес — 2,42 г. Инв. № 8443.

33. То же.

Рельеф обеих сторон плоский. Заусеницы (заплыв металла в пространство между плохо прижатыми полуформами).

↑; д — 17 мм; вес — 2,60 г. Инв. № 8444.

34. То же.

Рельефы обеих сторон плоские, особенно на оборотной стороне. Гурты лицевой и оборотной сторон не совпадают. Заусеницы.

↑; д — 16 мм; вес — 2,86 г. Инв. № 8445.

35. То же.

Рельефы обеих сторон плоские. Часть монеты обломана. В поле монеты отверстие. Обрубы литников сглажены напильником.

↑; д — 16 мм; вес — 1,71 г. Инв. № 8446.

Остальные три монеты, разрушившиеся при чистке, по фактуре и следам букв могут быть бесспорно определены как херсоно-византийские IX—X вв.

Многие монеты клада изготовлены очень небрежно (особенно монеты Василия II). Литники часто обломаны, а не обрублены. Места обломов и обрубов не зачищены. При литье некоторых монет обе половинки литейных форм[4] были наложены неаккуратно, в результате гурты их лицевой и оборотной сторон не совпадают (рис. 1, № 20, 23, 27, 30, 32, 34). Многие монеты нашего клада имеют расплывчатые и плоские рельефы. Это можно объяснить рядом причин. Первая: при заливке форм пользовались недостаточно перегретым металлом, что делало отпечаток не очень четким. Вторая: в связи с тем, что монеты отливались группой, наиболее дальняя от устья литника монета получалась с худшим рельефом из-за того, что металл доходил до нее уже охлажденным. Третья причина связана с изношенностью штампов. При изготовлении форм для лучшего совмещения их половинок, вероятно, употреблялись модели, подобные тем, которые и ныне используются в литейном деле. При помощи их получали углубления нужных размеров. Затем штам-

[4] По мнению Д. Н. Косцюшко-Валюжинича, монеты Херсонеса этого времени отливались в формах из обожженной глины (см. Д. Н. Косцюшко-Валюжинич. Заметки о технике монетного дела в Херсонесе Таврическом. «Нумизматический сборник», т. III. М., 1914, стр. 5).

пиком в них наносился отпечаток букв и монограмм. В ряде случаев пользовались изношенными штампиками, что и приводило к нечетким и плоским рельефам на монетах. Д. Н. Косцюшко-Валюжинич считает[5], что штампики изготовлялись из дерева. Однако не исключена возможность использования и другого материала.

Низкое качество многих монет вызвано еще и изношенностью литейных форм, которые использовались, видимо, неоднократно. Литые медные херсоно-византийские монеты выпускались в огромном количестве. Правда, интенсивность выпуска монет в течение IX—X вв. была неравномерной (см. табл. 1 и схему 1).

Начавшийся в середине IX в. экономический подъем Херсонеса, развитие товарного хозяйства вызвали потребность в собственной городской монете, выпуск которой возобновился после почти трехсотлетнего перерыва. Вполне естественно, что первые выпуски были очень обильны, так как быстрое развитие внутреннего рынка требовало большого количества монеты. Видимо, к концу IX в. эта потребность была удовлетворена, и выпуск монет резко сокращается, а затем, с начала 20-х годов X в., опять увеличивается и к середине века, ко времени правления Романа II (959—963 гг.), достигает своего апогея (421 монета на год правления). К концу X в. интенсивность выпуска снова падает. Возможно, что после взятия Корсуня Владимиром в 988/89 г. выпуск херсоно-византийских монет вообще прекратился[6]. Вероятно, в конце X в. Херсонес пережил новый экономический кризис, который тянулся до второй половины XI в.[7]

Однако после X в. херсоно-византийские монеты не вышли из обращения. При раскопках Херсонеса в слоях XI—XIII вв. их часто находят вместе с византийскими монетами этого времени. Херсонесским музеем зарегистрировано свыше 11 тысяч херсоно-византийских монет, найденных в Херсонесе и его ближайшей округе (см. табл. 1)[8]. В ряде случаев эти находки носят характер специально сокрытых кладов или денежных накоплений, оставшихся в силу каких-то обстоятельств в разрушенных помещениях.

В 1928 г. раскопками К. Э. Гриневича у западной оборонительной стены Херсонеса было открыто средневековое помещение «А». В нем найдено 37 херсоно-византийских монет IX—X вв., из которых 16 были разбросаны на полу (кв. I, сл. I) помещения, а 21 монета лежала стопочкой в углу[9].

Монеты эти следующие[10]:

---

[5] Д. Н. Косцюшко-Валюжинич. Указ. соч., стр. 8.

[6] Количество монет, которое приходится на год правления Василия II (12 экз.), приведенное в табл. 1, выведено из расчета, что все 49 лет правления императора Херсон выпускал свою монету. Если же исходить из того, что после осады Корсуня Владимиром выпуск прекратился, то интенсивность выпуска монет при Василии II составляла 48 монет в год.

[7] Д. Л. Талис. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья. ВВ, XVIII, 1961, стр. 73.

[8] Число их значительно больше, так как нами учтены только те монеты, которые включены в описи находок в Херсонесе и его округе начиная с 1888 г. Из этих монет часть хранится в Херсонесском музее, остальные были отправлены в свое время в Археологическую комиссию, в Гос. Эрмитаж и ГИМ. Монеты, хранящиеся в этих, а также других музеях страны и поступившие туда из разных собраний или из раскопок Херсонеса до 1888 г., нами не учтены. В частности, в наш список не вошли монеты из собраний ГМИИ им. Пушкина, Одесского археологического и Крымского областного музеев.

[9] Полевой дневник раскопок за 1928 г. в западной части Херсонеса. Архив ГХМ, д. 278, л. 7 — угол между стенами ГД и ЕЖ.

[10] Инвентарная книга монет ГХМ, инв. № 3761—3795. Определение Л. Н. Беловой.

	На полу	Стопочкой в углу
Василий I	1	2
Константин VII	2	1
Константин VII и Роман II	4	1
Роман II	5	9
Иоанн Цимисхий	2	—
Василий II	2	8
Всего:	16	21

В 1960 г. во время раскопок экспедиции Уральского государственного университета под руководством Е. Г. Сурова на том же участке, но в смежном помещении «Б» были найдены 23 херсоно-византийские монеты [11], лежавшие на полу близко одна от другой:

Константин VII и Роман II	2
Роман II	3
Иоанн Цимисхий	1
Василий II	9
IX—X вв.[12]	8
Всего:	23

Почти все найденные здесь монеты мало изношены в обращении (гурт острый, обломы литников сохранили рваные острые края). Однако, как и монеты клада 1960 г., многие экземпляры имеют плоские и расплывчатые рельефы.

Оба помещения «А» и «Б», раскопанные в 1928 г. и 1960 г., вероятнее всего, были частями одного здания и, возможно, принадлежали одному хозяину. Монеты, которые лежали в углу помещения «А» стопочкой, видимо, были спрятаны специально их владельцем. Монеты, найденные на полу обоих помещений, оказались там в результате гибели здания [13]. Основной материал в этих помещениях датируется IX—X вв. (керамика, черепица и т. п.). Гибель помещений произошла, скорее всего, в конце X в.

Клад из 68 херсоно-византийских монет был найден в пристройке к базилике, открытой в 1935 г.[14], во время раскопок Г. Д. Белова в 1949 г. Клад состоял из следующих монет:

Василий I	6	Роман II и Василий II	2
Лев VI	1	Никифор Фока	2
Константин VII	4	Иоанн Цимисхий	3
Константин VII и Роман II	12	Василий II	19
Роман II	18	IX—X вв.	1

[11] А. М. Гилевич. Описание монет из раскопок в западной части Херсонеса в 1958—1960 гг. В кн.: Е. Г. Сурова. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961, стр. 135—139. (По вине издательства статья набрана безграмотно и изобилует многочисленными опечатками).

[12] Эти монеты рассыпались при чистке; фактура и следы монограмм на них, которые удалось проследить до чистки, позволяют отнести их к IX—X вв.

[13] Следы горения обнаружены раскопками 1928 г. (Архив ГХМ, д. № 278, л. 2). Помещение «Б» погибло в результате катастрофы (Е. Г. Сурова. Херсонес Таврический, стр. 98).

[14] Г. Д. Белова. Итоги раскопок в Херсонесе в 1949—1953 гг. СА, XXIV, 1955, стр. 276.

Сохранность монет этого клада в целом несколько лучше, чем во всех остальных перечисленных выше группах. Никаких следов сосуда, в котором мог храниться клад, не было найдено. Вероятно, монеты находились в кошельке или были завернуты в тряпку. Помещение, где найден клад, погибло от пожара в конце X в.[15]

Таблица 1

Количественное соотношение херсоно-византийских монет по годам правления византийских императоров

Императоры и годы их правления	Число лет правления	Количество монет	Отношение количества монет к числу лет правления
Михаил III и Василий I (866—867 гг.)	1	247	247
Василий I (867—886 гг.)	19	2685	141,3
Василий I и Константин (869—870 гг.)	1	413	413
Лев VI (886—912 гг.)	26	358	13,8
Лев VI и Александр (886—911 гг.)	25	164	6,6
Александр (912—913 гг.)	1	3	3
Роман I (919—944 гг.)	25	3561	142,4
Роман I и Христофор (920—944 гг.)	24	10	0,4
Константин VII (944—959 гг.)	15	693	46,2
Константин VII и Роман II (948—959 гг.)	11	846	76,9
Роман II (959—963 гг.)	4	1684	421
Роман II и Василий II (960—963 гг.)	3	33	11
Никифор Фока (963—969 гг.)	6	158	26,3
Иоанн Цимисхий (969—976 гг.)	7	78	11,1
Василий II и Константин VIII (976—1025 гг.)	49	580	11,9
Всего:		11513	

Во время раскопок Р. Х. Лепером северо-восточных кварталов Херсонеса в ряде помещений были найдены группы херсоно-византийских монет, по составу аналогичные нашим кладам. К сожалению, очень краткие записи в полевых дневниках Лепера не дают возможности выяснить обстоятельства находки монет. Только иногда указано, что монеты найдены под полом или на вымостке, но в большинстве случаев дана лишь ссылка на номер помещения. Поэтому к использованию этого материала следует относиться очень осторожно, и из большого количества монет, найденных в северо-восточных кварталах, нами взяты только находки из трех помещений: XVII (раскопки 1909 г.), XXI (раскопки 1911 г.) и 49 (раскопки 1912 г.)[16].

[15] Г. Д. Белов. Указ. соч., стр. 277.

[16] Л. Н. Белова. Описание монет, найденных при раскопках северо-восточной части Херсонеса в 1908—1912 гг. «Херсонесский сборник», вып. III. Севастополь, 1931, стр. 143—215.

В этих помещениях найдены следующие монеты:

	1909 г. п. XVII	1911 г. п. XXI	1912 п. 49		1909 г. п. XVII	1911 г. п. XXI	1912 г. п. 49
Василий I	1	1	9	Роман II	3	3	10
Василий I и Константин	—	—	1	Роман II и Василий II	—	1	—
Лев VI	—	—	1	Никифор Фока	—	1	1
Лев VI и Александр	—	—	2	Иоанн Цимисхий	—	—	2
Константин VII	1	2	7	Василий II	2	1	3
Константин VII и Роман II	2	2	6	IX—X вв.	2	—	—
				Всего:	11	11	42

Из отмеченных здесь находок специально сокрытыми кладами можно считать клады 1949 и 1960 гг. и, видимо, стопочку монет, найденную в углу помещения «А» в 1928 г. По своему составу все перечисленные группы однородны и с небольшими вариантами содержат почти все херсоно-византийские монеты от Василия I до Василия II (табл. 2), что определенно указывает на совместное обращение этих монет в течение всего периода их выпуска. Количественный состав кладов и групповых находок соответствует интенсивности выпуска монет в IX—X вв. (схема 1). Исключение составляют лишь самые поздние монеты, число которых в кладах, естественно, должно преобладать. Клады наглядно отражают состояние денежного хозяйства Херсонеса в конце X в., когда количество всех обращавшихся монет было прямо пропорционально их выпуску на протяжении всего времени от Василия I до Василия II.

Таблица 2

Состав кладов херсоно-византийских монет

Императоры и годы их правления	1909 пом. XVII	1911 пом. XXI	1912 пом. 49	1928 пом. «А» на полу	1928 пом. «А» стопкой в углу	1960 пом. «Б»	1949 клад	1960 клад	1891 клад	1955 пом. IV	Всего
Василий I (867—886 гг.)	1	1	9	1	2	—	6	4	—	—	24
Василий I и Константин (869—870 гг.)	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Лев VI (886—912 гг.)	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	2
Лев VI и Александр (886—911 гг.)	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2
Роман I (919—944 гг.)	—	—	—	—	—	—	—	—	66	7	73
Константин VII (944—959 гг.)	1	2	7	2	1	—	4	1	—	—	18
Константин VII и Роман II (948—959 гг.)	2	2	6	4	1	2	12	7	—	—	36
Роман II (959—963 гг.)	3	3	10	5	9	3	18	4	—	—	55
Роман II и Василий II (960—963 гг.)	—	1	—	—	—	—	2	2	—	—	5
Никифор Фока (963—969 гг.)	—	1	1	—	—	—	2	—	—	—	4
Иоанн Цимисхий (969—976 гг.)	—	—	2	2	—	1	3	1	—	—	9
Василий II и Константин VIII (976—1025 гг.)	2	1	3	2	8	9	19	16	—	—	60
IX—X вв.	2	—	—	—	—	8	1	3	—	—	14
Всего:	11	11	42	16	21	23	68	38	66	7	

Интересно, что ни один клад не содержит монет Романа I (919—944 гг.). Вместе с тем известны два клада, состоящие только из монет Романа I. Один клад из 66 монет найден в 1891 г. на Севастопольском кладбище [17] (в двух км к югу от Херсонеса). К сожалению, обстоятельства находки клада неизвестны. Второй клад из 7 монет Романа I обнаружен в помещении IV (пекарня) при раскопках Г. Д. Белова в 1955 г. в северной части Херсонеса [18]. Монеты лежали стопочкой под обломком сосуда в углу помещения. Помещение IV датируется XIII веком. Вне кладов монеты Романа I встречаются повсеместно с остальными херсоно-византийскими монетами IX—X вв. Вопрос об отсутствии монет Романа I в составе наших кладов остается пока открытым и требует специального исследования.

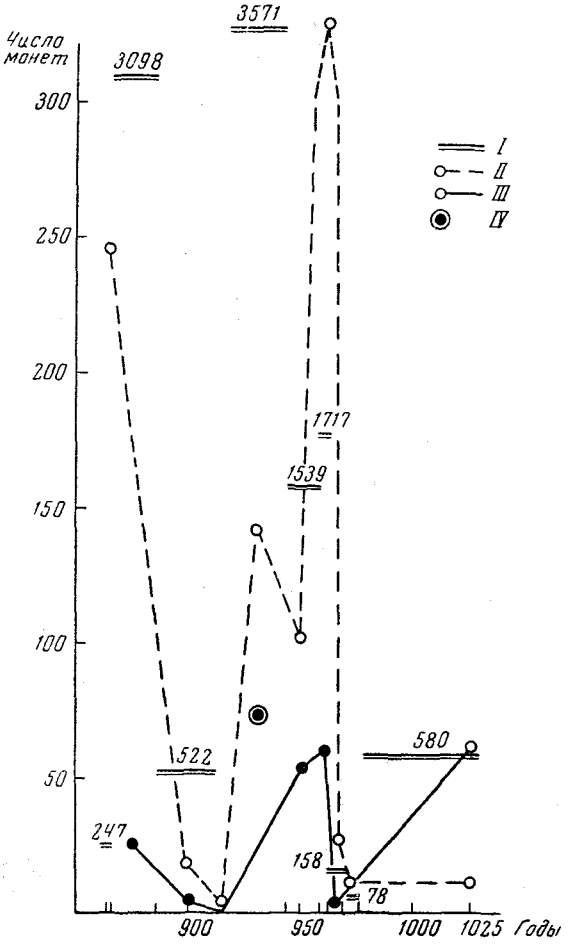

Схема 1. Соотношение общего количества найденных херсоно-византийских монет (*I*), количества монет в кладах (*III*) и интенсивности выпуска (*II*) по периодам правления византийских императоров. *IV* — клады монет Романа I

Каковы же причины возникновения кладов? Здесь уже говорилось о гибели некоторых помещений с кладами в конце X в. Как известно, в 988—989 гг. Херсонес был осажден киевским князем Владимиром Святославичем. Вполне естественно связать сокрытие кладов с этим событием. Несомненно, что во время длительной осады жители Херсонеса прятали свои богатства, в том числе и деньги, в подвалах и стенах домов. Гибель некоторых зданий или их хозяев, вполне вероятная во время столь долгой борьбы, привела к тому, что часть сокрытых кладов осталась неиспользованной. Помимо намеренно запрятанных кладов, в разрушенных домах остались денежные накопления их хозяев. И те и другие группы монет представляют несомненный интерес для изучения денежного хозяйства Херсонеса в конце X в.

---

[17] Архив ГХМ, д. № 56, л. 88. Указано только место находки, количество монет и тип (П. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям. . ., ч. I. Одесса, 1884, XVII, 142).

[18] Л. Н. Белова. Определение монет, найденных при раскопках Херсонеса в 1955 г. «Херсонесский сборник», вып. V. Симферополь, 1959; стр. 72 (в описи ошибочно указано помещение V вместо помещения IV).

К. В. ГОЛЕНКО

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК АНАКОПИЙСКОЙ КРЕПОСТИ в 1957—1958 гг.

Настоящая заметка посвящена монетам [1], найденным при раскопках, которые производились в 1957—1958 гг. под руководством М. М. Трапша близ Нового Афона (абхазск. Псырхца) на Иверской горе, где в древности находился город и крупнейшая крепость Абхазии — Анакопия [2].

Значение издаваемых монет достаточно велико, если принять во внимание, что они являются наиболее надежным датирующим материалом археологических комплексов, исследованных в Новом Афоне. Кроме того, в отличие от подавляющего большинства монет из Закавказья, которые происходят из случайных находок, наши монеты обнаружены во время квалифицированных раскопок.

Всего на Иверской горе найдено 15 монет, из которых две (№ 13—14[3]) серебряные, а остальные медные. Несмотря на посредственную их сохранность, все монеты, за исключением одной [4], поддаются достаточно точному определению. Древнейшая из анакопийских монет (№ 1) относится ко времени Льва VI (886—912), наиболее поздняя (№ 14) чеканена при грузинском царе Георгии II (1072—1089), время ее выпуска определяется достаточно точно благодаря упоминанию в легенде титула кесаря [5], который «царь абхазов и грузин» получил от императора в 1081 г. Кстати, эта серебряная монета — единственная невизантийская среди найденных в Новом Афоне.

Таким образом, анакопийские монеты относятся к сравнительно короткому отрезку времени, равному менее, чем двум столетиям: рубеж IX—X вв. — конец XI в. Несмотря на то, что монеты этого времени весьма многочисленны в находках в Закавказье, а к указанному периоду относится расцвет Анакопии, мы должны отметить хронологическую компактность и обособленность публикуемых монет, что, по всей вероятности, объясняется локальными особенностями тех археологических объектов, при раскопках которых найдены монеты. Судя по отчетам М. М. Трапша,

---

[1] Пользуемся случаем принести благодарность М. М. Трапшу за любезно предоставленное нам право публикации монет из Нового Афона.

[2] Об этих раскопках см. статьи М. М. Трапша: «Археологические раскопки в Анакопии в 1957—1958 гг.» «Труды АИЯЛИ», вып. XXX. Сухуми, 1960, стр. 121. сл.; «Археологические раскопки в Анакопии в 1957—1958 гг.» ВВ, XIX, 1961, стр. 260 сл.

[3] Здесь и далее номера приведены по общему списку монет.

[4] Далее эта медная монета не учитывается и не упоминается.

[5] Монета Георгия II, представляющая большой интерес для грузинской нумизматики, специально издана: Д. Г. Капанадзе. Неизданный вариант грузинской монеты XI века. «Труды АИЯЛИ», вып. XXX, стр. 101 сл.

археологические материалы Анакопии средневекового периода принадлежат VII—XII вв., или, иными словами, среди них есть более ранние [6] и более поздние памятники, нежели публикуемые монеты.

Исключая позднейшие серебряные монеты (№ 13, 14), нумизматические находки в Анакопии в целом обычны для Закавказья. Однако можно отметить некоторые особенности, характерные только для анакопийского комплекса. Прежде всего, обращает на себя внимание достаточно большое число монет первой половины X в.[7] (№ 1—4), которые в находках встречаются гораздо реже, чем более поздние — конца X—начала XI в. Исключительно плохая сохранность этих монет, предполагающая длительное обращение, отличает их от более поздних монет — анонимной меди, менее изношенной. Вместе с тем обе группы монет хронологически составляют одно целое. Следуя общепринятой классификации анонимной меди, принадлежащей М. Томпсон [8], шесть монет (?) из числа найденных в Новом Афоне принадлежат Иоанну Цимисхию (969—976) (№ 5—10) и по одной — его преемникам: Василию II и Константину VIII (976—1045), (№ 11), Роману III (1028—1034) (№ 12).

Среди анонимной византийской меди монеты, относимые к чекану Иоанна Цимисхия, а также Василия II и Константина VIII (с погрудным изображением Христа и четырехстрочной надписью), — несомненно, наиболее распространенные. Даже принимая во внимание сказанное, мы должны отметить явное преобладание в группе монет из Анакопии чекана времени Иоанна Цимисхия [9]. Бросается в глаза и другая особенность публикуемого комплекса — полное отсутствие медных монет, чеканенных позже правления Романа III. Медь, относимая к Михаилу IV, Константину IX, Исааку I и Константину X, достаточно часто встречается в кавказских находках, и ее отсутствие в анакопийских материалах не может рассматриваться как результат простой случайности. Небольшой объем раскопок в Новом Афоне не позволяет, к сожалению, дать убедительное объяснение отмеченным особенностям состава монетных находок. Но, как нам кажется, в этом отношении могут быть сделаны некоторые частные наблюдения. Отсутствие среди византийской меди из Анакопии монет времени преемников Романа III — явление, несомненно, локального характера, поскольку в целом памятники, исследованные М. М. Трапшем, датируются XI—XII вв., а в башнях № 4, 6 обнаружены монеты 40—50-х и 80-х годов XI в. (№ 13, 14). Однако сравнительно ранние медные монеты, о которых идет речь, в большинстве своем принадлежат только двум объектам раскопок — храму и раскопу № 5. Исследования в районе храма, который находился на склоне горы вне цитадели, дали разновременный материал VII—XII вв. Но храм как таковой датируется X—XI вв.[10] Топография монетных находок позволяет здесь, кажется, ставить их в непосредственную зависимость от храма.

---

[6] Засвидетельствованы находками и ранние нумизматические материалы из Нового Афона. Ср. серебряную монету Юстиниана I и медную, очевидно, того же времени, обнаруженные в погребениях у подножья Иверской горы (Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик и областей Кавказа, вып. III. Баку, 1940, № 790).

[7] К публикуемым монетам нужно присоединить и монету Льва VI, аналогичную нашей (№ 1), найденную «за Иверской горой» (Е. А. Пахомов. Указ. соч., вып. IV. Баку, 1949, № 1072).

[8] M. Thompson. Coins. The Athenian Agora, vol. II. Princeton, 1954, p. 73 f., 109 ff.

[9] Компактность группы монет Иоанна Цимисхия лишний раз подчеркивает то обстоятельство, что из четырех анонимных монет, сохранность которых позволяет точно установить принадлежность к определенной разновидности, три принадлежат, несомненно, к одной серии (№ 5—7).

[10] М. М. Трапш. Указ. соч. ВВ, XIX, стр. 282.

Что касается раскопа № 5, то он был заложен за стеной, построенной позже (во второй половине X—начала XI в., по наблюдениям М. М. Трапша [11]), чем остальные крепостные сооружения второй линии обороны. Эта стена была воздвигнута позади угловой юго-западной башни — основного узла второй линии обороны, прикрывавшей наиболее важный участок — ворота крепости.

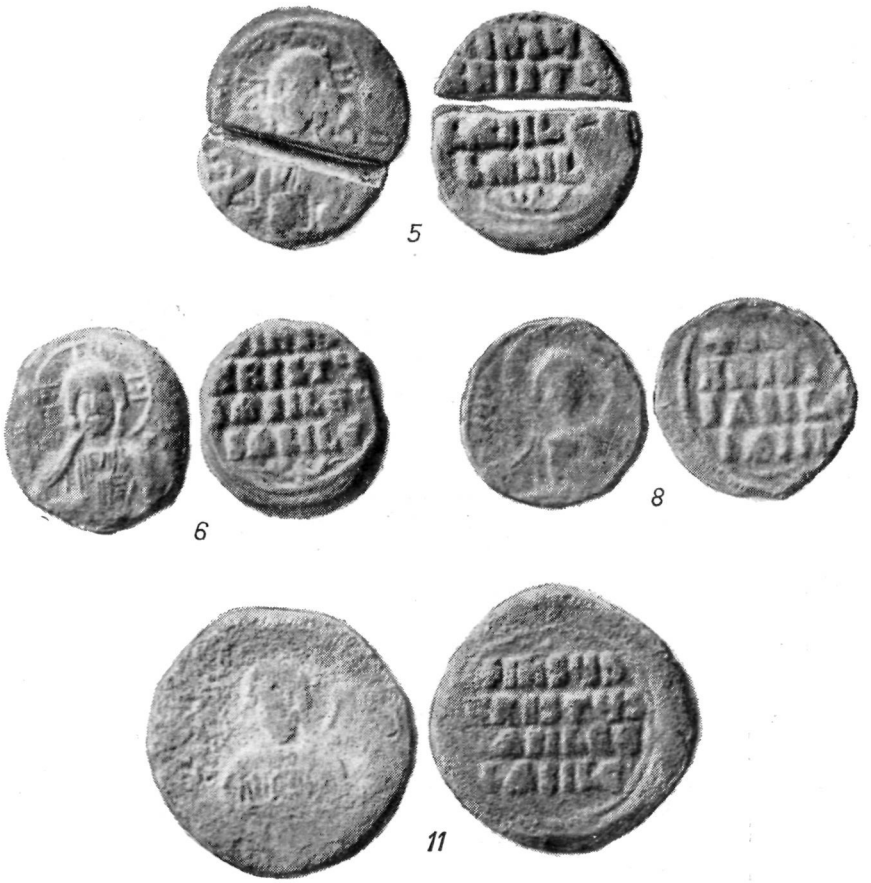

Рис. 1. Анонимные византийские монеты рубежа X—XI вв. из раскопок в Анакопии

Несмотря на неодинаковое местоположение и различное функциональное назначение обоих архитектурных памятников, они, по-видимому, одновременны. Характерно, что состав монетных находок в обоих случаях примерно одинаков. Так, в районе храма обнаружены четыре монеты: наиболее ранняя — Романа I (?) (919—921), позднейшая — Иоанна Цимисхия (969—976); в раскопе № 5 найдены также четыре монеты — от времени Льва VI (886—912) до Романа III (1028—1034). Если сделанные нами наблюдения подтвердятся новыми материалами, то можно предполагать, что оба сооружения (храм и дополнительная стенка у юго-западной башни) перестали функционировать одновременно где-то на рубеже X—XI вв. Иными словами, не исключена возможность того, что

[11] Там же.

Таблица

Список монет

Порядковый номер	Год и место находки	Определение	Краткое описание		Вес (г)	Литература
			лицевая сторона	оборотная сторона		
1	1958 раскоп № 5	Лев VI (886—912)	бюст императора в фас в короне и полудаментуме	...ЄО... nΘЄ... ...I...	8,65	B M C*, II, p. 446—447, № 7—10
2	1958 раскоп № 5	Лев VI (886—912) или Константин VII (945)	бюст императора в фас	Єn... SIL... OmЄOn	6,07	B M C, II, p. 446—447, № 7—10 или p. 463, № 45—57
3	1957 храм, погребение	Роман I (?) (919—921)	бюст императора в фас	....Єω...? ...VS...	5,40	B M C, II, p. 455—457, № 14—29 (?)
4	1957 храм, погребение	Константин VII (945)	бюст императора в фас в короне и полудаментуме, с маппой и сферой в руках	+CO... ЄnΘ...Oъ A SIL...VSR OmЄOn	4,40	B M C, II, p. 463, № 45—57

* Здесь и далее B M C, II — W. W r o t h. Catalogue of the Imperial Byzantine coins in the British Museum, vol. II. London, 1908.

Таблица (*продолжение*)

Порядковый номер	Год и место находки	Определение	Краткое описание		Вес (г)	Литература
			лицевая сторона	оборотная сторона		
5	1957 храм, погребение	время Иоанна Цимисхия (?) (969—976)	бюст Христа в крещатом нимбе, с евангелием в руках, в фас (полосы креста украшены двумя точками) *	+ InS ч S XRIS T ч S bΛSILЄY bΛSILЄ (вверху и внизу — виньетка)	6,59 (сломана пополам)	типа ВМС, II, р. 488, № 26—35
6	1957 храм, погребение	время Иоанна Цимисхия (?) (969—976)	как № 6	как № 5	6,99	типа ВМС, II, р. 488, № 26—35
7	1957 башня № 5	время Иоанна Цимисхия (?) (969—976)	типа № 5—6 (полосы креста украшены пятью точками)	как № 5—6	6,69	типа ВМС, II, р. 488, № 26—35
8	1958 случайная находка	время Иоанна Цимисхия (969—976)	типа № 5—7	типа № 5—7 (виньетка ◆)	7,12	типа ВМС, II, р. 489, № 38—40
9	1958 случайная находка	время Иоанна Цимисхия (969—976)	типа № 5—8	типа № 5—8	8,58	—

* На большинстве публикуемых анонимных монет добавочные изображения (украшения креста, евангелия, виньетки) не сохранились; в тех случаях, когда они есть, они фиксируются в описании.

Таблица (*окончание*)

Порядковый номер	Год и место находки	Определение	Краткое описание		Вес (г)	Литература
			лицевая сторона	оборотная сторона		
10	1958 раскоп № 2	время Иоанна Цимисхия (969—976)	типа № 5—9	типа № 5—9	7,07	—
11	1958 раскоп № 5	время Василия II и Константина VIII (976—1025)	типа № 5—10	типа № 5—10 (внизу и вверху по крупной точке)	17,24	типа В М С, II, р. 478, № 22—23
12	1958 раскоп № 5	время Романа III (1028—1034)	типа № 5—11	по сторонам креста на голгофе IS – XS bA S – ILЄ bA S – ILЄ	14,12	В М С, II, р. 497, № 6—15
13	1957 башня № 6	Константин IX Мономах (1042—1055)	внутри легенды M BΛΛKЄP–NITICA образ Влахернской богоматери	внутри сложного ободка · ÷ · — · ÷ · ΘKЄRΘ KΩNCTAN TINΩΔЄC ΠOTHTΩ MONOMA · ÷ · X′ · ÷ ·	5,20 (разбита на несколько кусков)	В М С, II, р. 503, № 18
14	1957 башня № 4	грузинский царь Георгий II (1081—1089)	образ Влахернской богоматери	легенда, переходящая в центральную надпись, шрифтом асомтаврули: «Христе, возвеличь Георгия абхазов и грузин царя и кесаря»	0,50	Д. Г. Капанадзе. Указ. соч.

некоторые сооружения, связанные со второй линией обороны, были частично или полностью разрушены во время бурных событий начала XI в., в которых анакопийская крепость играла первостепенную роль [12]. Подобному предположению не противоречат наблюдения М. М. Трапша, согласно которым башни второй линии обороны были частично разрушены в X—XII вв.[13]

Помимо медных монет, при раскопках найдены и две серебряные, относящиеся к более позднему времени. Одна из них — милиарисий Константина IX Мономаха (1042—1055) (№ 13). Несмотря на то, что тип лицевой стороны (Влахернская богоматерь) именно этих монет послужил образцом при чекане грузинского серебра второй половины XI—начала XII в.[14], представленного в нашем комплексе монетой Георгия II (№ 14), милиарисии Константина Мономаха в кавказских находках известны не были. Это не случайно: в отличие от многочисленной анонимной меди, в Закавказье практически неизвестны находки одновременного ей серебра [15] (например многочисленных милиарисиев Иоанна Цимисхия или Василия II и Константина VIII, нередко встречающихся в кладах Руси и Восточной Европы). Таким образом, находка монеты № 13 — явление уникальное для всего Кавказа. Не исключено, что эта монета была завезена морем непосредственно из пределов империи.

Что касается другой серебряной монеты — № 14, то она позднейшая в анакопийском комплексе и единственная, представляющая местный чекан. Этот экземпляр с изображением Влахернской богоматери и сокращенной грузинской надписью на оборотной стороне составляет большую нумизматическую редкость и специально издан Д. Г. Капанадзе [16].

Заканчивая обзор монет из Нового Афона, следует отметить еще раз, что все сделанные наблюдения носят предварительный характер, поскольку основаны лишь на очень ограниченном материале. Нужно надеяться, что дальнейшие археологические исследования в Новом Афоне расширят наши представления об особенностях состава денежного обращения в Анакопии — крупнейшем средневековом центре Западного Закавказья.

---

[12] См., например, З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми, 1959, стр. 179 сл.

[13] М. М. Трапш. Указ. соч. ВВ, XIX, стр. 281.

[14] См., например, Е. А. Пахомов. Монеты Грузии, ч. I (домонгольский период), отд. отт. из ЗНОРАО, т. 3, вып. IV (СПб., 1910), стр. 69.

[15] Для Закавказья, кажется, известен лишь один случай обнаружения милиарисия X в. — Иоанна Цимисхия в Берда (Азербайджан). Ср. Е. А. Пахомов. Монетные клады. . ., вып. VIII. Баку, 1959, № 1953.

[16] Д. Г. Капанадзе. Указ. соч.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

КАТАЛОГ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ ЛЕНИНГРАДСКИХ ХРАНИЛИЩ

ВЫПУСК 5. РУКОПИСИ XIII века

Настоящий, пятый, выпуск каталога греческих рукописей ленинградских хранилищ содержит описания рукописей XIII в. и составлен по тем же правилам, что и предыдущие выпуски.

427. Иоанн Лествичник. Лествица с дополнительными статьями. XII в.

Пергамен. Минускул. Рукопись написана несколькими писцами. Заголовки и инициалы карминные. На л. 345 об. карминная запись писца без указания его имени и без даты: «Εἴληφε τέρμα τριακον/τόπους κλίμαξ. Καὶ χεὶρ/μὲν ἡ γράψασα σήπεται τάφω,/γραφὴ δέ μένη πᾶσα εἰς χρόν(ους)/πληρεστάτους.»

На л. 1 помета XIX в.: «Γρηγορίου ἱερομονάχου τοῦ ξένου» и запись (начало этой записи утрачено) рукой писца: «Φροντίσας μέντοι μετὰ πάσης ἐπιμελεί(ας)/τοῦ π(ατ)ρικοῦ χαρακτῆρος, καὶ τῷ σκοπῷ αὐ/τοῦ παρακολουθήσας ἐν ἀκριβεία, μὴ/οὖν τίς μοι μεμφέσθω τούτου χάριν, ἀ/λλὰ μᾶλλον ὑπερεύχέσθω τῆς ἀθλίας/μου ψυχῆς καὶ ζωῆς, τοῦ ἁμαρτωλοῦ/Γρηγορίου μοναχοῦ.»

В нижнем правом углу листов проставлена нумерация тетрадей, причем эта нумерация обрывается на л. 217, где помечена тетрадь κϑ. Листы разлинованы нечетко, тип разлиновки напоминает тип I_{2a}. Переплет — доски в тисненой коже.

350 лл. 16,4×12,5 и 11,0×8,3. 22 строки.

Содержание: лл. 1—2 об. Ἐπιστολὴ τοῦ ἀββᾶ Ἰωάννου ἡγουμένου τῆς Ῥαϊθοῦ πρὸς Ἰωάννην τὸν ἀξιάγαστον τὸν Σιναίου ὄρους ἡγούμενον. Текст см. PG, t. 88, col. 624_A—625_B; лл. 2 об.—4. Ἐπιστολὴ ἀμοιβαία, Ἰωάννης Ἰωάννῃ χαίρειν. Текст см. там же, col. 625_B—628_C; лл. 4—4 об. Λόγος ἀσκητικὸς τοῦ ἀββᾶ Ἰωάννου. Текст сходен с текстом Πρόλογος, см. там же, col. 632; лл. 4 об.—236 об. Πλάκες. Текст см. там же, col. 632_A—1161_A; лл. 237—257 об. Τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ τῆς Κλίμακος λόγος πρὸς τὸν ποιμένα. Текст см. там же, col. 1166_A—1208_A; лл. 258—345 об. Схолии к Лествице. Схолии эти по своему составу отличаются от схолий, напечатанных PG, t. 88; лл. 346—349 об. Στίχοι τοῦ λογιωτ(ά)του Φιλῆ κῦρ Μανουὴλ εἰς τ(ὴν) παροῦ(σαν)/δέλτον τὴν ὁσίαν Κλίμακα. Текст см. Manuelis Philae Carmina. I. Ed. E. Miller. Parisiis, 1855, p. 380—387, № 1—31, причем в № 31 утрачена последняя строчка. Между № 17 и № 18 помещено четверостишие под заглавием: «Ἐν τῷ αὐτῷ περὶ ακτημοσύνης», а между № 29 и № 30 — четверостишие под заглавием:

«Περὶ διαφορᾶς καὶ διακρίσεως ἡσυχιῶν.» Эти два четверостишия отожествить не удалось. На лл. 350—350 об. записаны молитвы и неразборчивая помета. Происхождение р-си установить не удалось. E. Muralt. Catalogue..., p. 57—58.

ПБ, греч. № 102.

428. Чтения из Нового Завета. XII в.

Пергамен. Минускул. Заставки и инициалы рисованы красками и чернилами. Тип разлиновки I_{7a}. На некоторых листах имеются пометы к тексту и пробы пера; на л. 35 об. — рисунок пером, изображающий галеру. Нумерации тетрадей не обнаружено. В картонном переплете XIX в.

82 лл. 16,5×12,5 и 12,5×10,0. 20 строк.

Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1282, индекс **1+a1430**. Происхождение рукописи установить не удалось. Начало и конец утрачены, некоторые листы оборваны.

ПБ, греч. № 656.

429. Минея на месяц апрель. Отрывок. XII в.

Пергамен. Минускул. Заставки и инициалы карминные.

2 лл. 28,5×20,5 и 23,0×18,0. 2 столбца. 45—46 строк.

Содержит отрывки из службы Иосифу Песнописцу и из службы Евтихию, архиепископу Константинопольскому.

Возможно, что этот отрывок до поступления в Библиотеку Академии наук принадлежал В. Н. Бенешевичу, так как его имя помечено на обложке.

Листы измяты и запачканы. Текст местами пострадал.

БАН, Собр. иностранных рукописей, F, № 6/3 (старый шифр XXA а/в 1, № 8).

430. Филиппа Инока Диоптра. Отрывок. XII—XIII вв.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Тип разлиновки I_{26a}. На л. 1 и л. 9 помечены рукой писца тетради: δ̄, ε̄. Из рукописи Синайского монастыря № 490. В картонном переплете XIX в.

16 лл. 24,1×17,2 и 17,8×12,2. 30—32 строки. Начало: «Οὐκ ἤκουσας, φρενόλειπτε, τοῦ προφήτου βοῶντος», конец: «Ἐπείπερ ὡς ἀπέδειξας τὴν μὲν ψυχὴν κυρίαν»[1].

Собр. Типендорфа. Бенешевич. Описание, 1, стр. 515—516, 605; C. Tischendorf. Notitia edtionis codicis bibliorum Sinaitici. Lipsiae, 1860, p. 61, № 15.

ПБ, греч. № 88.

431. Евангелие от Марка XV_{11}—XVI_3. XII—XIII вв.

Пергамен. Минускул. Карминные инициалы. На полях позднейшей рукой, киноварью, размечены стихи. Тип разлиновки I_{26c}. В обложке с пометой Порфирия Успенского: «Из верхней библиотеки Лавры Саввы Освященного».

---

[1] Текст отожествить не удалось, ввиду отсутствия в ленинградских библиотеках нужных для отожествления текста изданий. В статье V. Grumel. Remarques sur la Dioptra de Philippe le Solitaire. BZ, Bd. 44 (1951), S. 198—211 описываемая рукопись не учтена. Известно много списков этого сочинения в славянском переводе. См., например, А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, II_2. М., 1859, стр. 449 сл.; И. Я. Порфирьев. Описание рукописей Соловецкой библиотеки, находящихся в Библиотеке Казанской Духовной академии, ч. 1. Казань, 1881, стр. 541 сл.

2 лл. 21,0×15,8 и 15,5×10,5. 26 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Происхождение р-си определить не удалось. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1197, индекс **e2154**; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 125.

ПБ, греч. № 295.

432. Богослужебный текст. Отрывки. XII—XIII вв.

Пергамен. Минускул. Киноварные инициалы. В переплете XIX в.

4 лл. 20,5×14,4 и 14,5×10,0. 22 строки.

Собрание А. Ф. Гильфердинга. Отчет ПБ за 1873 г., стр. 12. Текст не поддается прочтению, так как листы сплошь заклеены прозрачной бумагой.

ПБ, греч. № 196.

433. Устав церковный. Отрывок. 1201 г.

Пергамен. Минускул, переходящий в курсив. Инициалы карминные. В обложке с пометой Порфирия Успенского. Из р-си Лавры Саввы Освященного № 312.

2 лл. 21,6×15,0 и 17,0×10,5. 29 строк.

Собрание Порфирия Успенского. Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσ. Βιβλιοθήκη, τ. II, σελ. 441.

ПБ, греч. № 349.

434. Профитологий. Отрывок. 1202 г.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы писаны чернилами и киноварью. Тип разлиновки неясен (I_{1a}?). Из рукописи Библиотеки св. Креста № 48. В обложке с пометой Порфирия Успенского.

2 лл. 26,3×17,5 и 20,5×12,5. 31 строка.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1281, индекс **1[a] 1416**; Rahlfs. Verzeichnis d. griech. HSS d. A. T., S. 83, 230, 442, без индекса; Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσ. Βιβλιοθήκη, τ. III, σελ. 104—105.

ПБ, греч. № 325.

435. Псалтирь. XC_{1-15}. 1203 г.

Бумага без филиграней. Минускул. Карминные инициалы. Помета Порфирия Успенского. Из рукописи Синайского монастыря № 130.

2 лл. 17,0×12,8 и 11,8×8,0. 15 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Rahlfs. Verzeichnis d. griech. HSS d. A. T., S. 230, 292, 370, индекс **1872**; Бенешевич. Описание, 1, стр. 624; его же. Памятники Синая, II, tab. 61; Церетели и Соболевский. Exempla..., II, tab. 33.

Края листов разорваны и загрязнены.

ПБ, греч. № 390.

436. Часослов. Отрывок. 1210 г.

Бумага без филиграней. Литургический минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Лист не разлинован. Помета Порфирия Успенского. Из рукописи Синайского монастыря № 904.

1 л. 20,5×14,0 и 13,8×8,7. 13 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, 1, стр. 628; его же. Памятники Синая, I, tab. 63; M. Vogel und V. Gardthausen. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909, S. 207; В. К. Ернштедт. Список датированных греческих рукописей Порфирьевского собрания. СПб., 1885, стр. 12.

ПБ, греч. № 449.

437. Стихирарь. Отрывок. 1235—1236 гг.

Бумага без филиграней. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Нотные знаки. Листы не разлинованы. Помета Порфирия Успенского. Из рукописи Синайского монастыря № 1231.

2 лл. 33,7×24,2 и 26,5×18,0. 23 строки.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, 1, стр. 136—137, 627; его же. Памятники Синая, II, tab. 65; M. Vogel und V. Gardthausen. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909, S. 332; В. К. Ернштедт. Список датированных греческих рукописей Порфирьевского собрания. СПб., 1885, стр. 12; J. B. Thibaut. Monuments de la notation ekphonétigue et hagiopolite de l'église grecque. St. Pétersbourg, 1913, p. 111.

ПБ, греч. № 439.

438. Евангелие от Иоанна II_{20-39}. 1243 г.

Бумага без филиграней. Минускул. Киноварные инициалы. На л. 1 помечен номер тетради: ις̄. Помета Порфирия Успенского. Из рукописи Синайского монастыря № 201.

1 л. 25,8×17,5 и 19,0×12,0. 25 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1198, индекс **e2167**; Бенешевич. Описание, 1, стр. 95—96, 625; его же. Памятники Синая, II, tab. 66; Церетели и Соболевский. Exempla..., II, tab. 34.

ПБ, греч. № 396.

439. Евангелие от Луки V_{29}—VI_{18}. 1247 г.

Пергамен. Беглый минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Из рукописи Синайского монастыря № 77 (169). Лист наклеен на картон. Помета Порфирия Успенского с указанием даты и происхождения рукописи.

1 л. 20,0×16,5 и 16,2×13,0. 32 строки.

Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1197, индекс **e2158**; Бенешевич. Описание, 1, стр. 96 и 615; его же. Памятники Синая, II, tab. 68.

ПБ, греч. № 308.

440. Купчая на земельный участок около Диррахия. 1249 г.

Пергамен. Беглый минускул. Под текстом подписи свидетелей и писца Николая Перегрина (Νικόλαος ὁ Περεγρῖνος). На обороте — почти стертые архивные (?) пометы на латинском и греческом языках.

1 л. 54,0×30,0.

Участок этот был продан неким Иоанном (Ἰωάννης γαμβρὸς ἐπὶ θυγατρὶ τοῦ ἰατροῦ Ἰωάννου Σκηνᾶ) Симеону Вране (Συμεὼν ὁ Βρανᾶς). Текст издан: Α. Παπαδόπουλος—Κεραμεύς. Δυρραχηνά. BZ, XIV, 1905, S. 569—571; Церетели и Соболевский. Exempla..., II, tab. 35.

Собр. Порфирия Успенского.

Лист измят, на сгибах разорван.

ПБ, греч. № 389.

441. «Петров Синаксарий». Синаксарь. 1249 г. (Константинополь?).

Бумага без филиграней. Минускул. Имеются небольшие заставки, рисованные тусклыми красками. Тип разлиновки напоминает типы $II_{1а-в}$. На л. 154 запись писца: «Ἰστέον, ὅτι / ἐν τῷ πληρώματι τῆς ἁγίας / τεσσαρακοστῆς ἐπληρώθ(η) καὶ τὸ / παρὸν βιβλίον, αὐτῇ τῇ παραμονῇ τοῦ ἁγ(ίου) καὶ δικαίου Λαζάρου, / ὥρα ἐννάτη, διὰ χειρὸς Ἰωνᾶ μοναχ(οῦ) / ἀναγνώστου· ὃς καὶ πληρώσας, / καὶ ἀναστάς ὄρθριος καὶ τὰς χείρας / ἐκτείνας, εἶπον, τὸ· δόξα σοι ὁ θ(εὸ)ς / ἐκ

τρίτου· καὶ σὺν τῶ λόγω ἐσή/μανεν καὶ ἡ θ̅. Καὶ πάλ(ιν) δόξα ὁ θ(εό)ς / ὁ εὐδοκήσας καὶ κατευθύνας / ἐμοῦ τοῦ ἁμαρτωλοῦ τὸ χωρικώ/τατον ἔργον. Ἔτους ͵σψνζ. / Πίστευσον, ἀδελ(φέ), ὅτι μεγάλως θέ(λει) / ἐλευθερίασιν ἄρτι ὁ νοῦς μου ὅτι εἴχατο μεγάλην ἔννοι(αν)».

Нумерация тетрадей не сохранилась, за исключением пометы рукой писца на л. 8 об.: α̅. На некоторых листах имеются пометы Порфирия Успенского. Переплет — картон в тисненой коже, XIX в.

154 лл. 25,8×20,3 и 21,5×18,0. 2 столбца. 38—45 строк.

Содержание р-си было изучено архим. Сергием (Полный месяцеслов Востока, т. 1, изд. 2-е. Владимир, 1901, стр. 293—301, 587—588), наблюдения которого и печатаются ниже, так как указанная работа Сергия в настоящее время мало известна и представляет библиографическую редкость:

«Пролог Петра есть особый вид пролога, совершенно отличный от месяцеслова Василия и редакций его как по слогу сказаний, так и по объему: одни из них кратки, другие пространны; он имеет большое сходство со стишным греческим прологом и служил основанием его; около половины и не менее трети сказаний Петрова пролога взошли в стишной греческий пролог, о коем будет ниже.

Пролог Петров в отношении к памятям имеет свои, впрочем, немногие, особенности, коими отличается от других известных нам прологов и всех календарных памятников, именно: 1 сент. прозрение ап. Павла, 20 окт. сказание об Андрее Критском, который после разных мук от иконоборцев скончался в Царьграде отсечением ноги (в слав. редакции месяцеслова Василия он назван Андроником с кратким историческим замечанием), 8 дек. Иоанна Молчальника вместо 3 дек., 24 янв. есть сказание о мученице Феодуле (в других прологах только имя ее, так что из них неизвестно, кто она была), 28 янв. преп. Афраата вместо 29 янв., 13 мая мученика Савина (неизвестен, если не 16 марта), 20 июня Кириака Отшельника (известен только один 29 сентября), 26 июля муч. Илима (есть только в одном древнем синайском канонаре). В сей пролог в первый раз внесены сирские подвижники из Истории боголюбцев Феодорита и при том все, начиная с Иакова Нисивийского от 13 января и кончая Домниною 1 марта, в том же порядке, в каком они поставлены у Феодорита (большее число падает на февраль, чем на январь)[2]; в месяцеслове Василия взяты из истории Феодорита только три памяти на одно 28 февраля: пр. Фалалея, Марины с Киррою и Домнины. Но в Петровом прологе нет многих памятей 70 апостолов, которые группами расположены по разным дням в месяцеслове Василия и других прологах (именно: 7, 10 и 27 сентября, октября 30 и 31, ноября 5, 10, декабря 8, апр. 15, июля 28 и 30), нет в общей их памяти ни 3, ни 4 января; только 8 апреля группа апостолов из 70 приведена без всяких исторических сведений и 20 июня повторена с прибавлением, что память их совершается в храме Ирины у моря, а между тем еще в IX веке Иосифом песнописцем составлены каноны многим из сих групп и всем вообще 70 (янв. 4).

Пролог Петра написан не ранее начала XI века; в нем из святых последние по времени: 15 мая Николай Мистик, патриарх Константинопольский (†925) и пр. Лука Елладский (7 февраля, † ок. 950 г.), Лука Новый Столпник (11 дек., † ок. 970 года).

---

[2] Так они перешли после в стишной пролог и наши святцы, впрочем, некоторые под другими числами: Акепсим в Петровом 13 февр. и 3 ноября. Значит, он 3 ноября внесен был еще прежде Петрова в какой-либо пролог, если не все, или Петр повторил его ради Акепсима мученика.

Самый же список пролога у преосв. Порфирия относится к 1249 году, в котором пролог переписан монахом и чтецом Ионою.

Вообще по внутреннему содержанию его можно заключать, что он написан вскоре после месяцеслова Василия, около половины XI века.

В предисловии к прологу Петрову говорится, что в нем приложено, «что следует петь и читать в каждый день». В списке пролога преосв. Порфирия нет этих прибавлений, поэтому проф. Мансветов полагает, что предисловие взято от другого пролога, как оно же отнесено и к редакции месяцеслова импер. Василия, но там автор называется не Петром, а Илиею. Против этого должно сказать, что Петров пролог впоследствии сокращен и отчасти изменен, но в существе дела или в отношении памятей святых тот же. И на это есть доказательства. По описанию иерусалимской библиотеки Пападопуло-Керамевса (т. II, стр. 244) есть синаксарь или пролог XI века в этой библиотеке. Начинается он таким заглавием: «месяц сентябрь, имеющий 30 дней, день в 12 часов и ночь в 12 часов. Сказание в сокращении о святых на каждый день, откуда каждый и от кого произошел, в какие времена жил и потом принял смерть через подвиг». П.-Керамевс говорит, что этот кодекс содержит синаксари на каждый день празднуемых святых, еще же и тропарь каждого праздника и типик (устав) его, и для примера приводит 14-е число сентября, в какой день, после сказания об обретении креста, излагается служба на этот день и особенно пространно вечерня, а после утрени чин воздвижения креста архиереем согласно с настоящим. Описание службы занимает почти две печатных страницы. В синаксаре же преосв. Порфирия совсем нет ни сказания о воздвижении креста, ни показания службы, но праздник обозначен аббревиатурою на поле; что же касается до памятей святых, то за месяцы сентябрь и октябрь они отчасти выписаны Керамевсом и суть те же, что в прологе преосв. Порфирия с небольшими разностями, например, в иерусалимском 8 окт., кроме Артемона, положено страдание Иувентина и Максима, а в Порфириевом-Петровском 9 октября. Из вышесказанного видно, что пролог или предисловие написано еще к полному синаксарю, имевшему действительно уставные указания и тропари; написано оно уже после смерти Петра неизвестным лицом, ибо о Петре говорится в третьем лице и он называется трудолюбивейшим Петром, чего не мог сказать о себе Петр.

Предисловие написано еще к полному прологу, список же иерусалимский не имеет предисловия, потому что написан прежде составления предисловия. Но хотя пролог преосв. Порфирия сокращен и в нем выпущены служебные указания, но из предисловия место об них не выпущено. Список синаксаря преосв. Порфирия переписан монахом и чтецом монастыря Лазаря в 1249 г.; естественно, что служебные указания в нем выпущены, ибо место им в другой книге — в уставе, который в XIII веке уже образовался вполне, они обременяли только синаксарь, кроме того с XI до половины XIII века произошло довольно изменений в уставе. Переписан синаксарь, по всей вероятности, для монастыря праведного Лазаря в Константинополе, ибо в нем на первом месте 17 окт. стоит перенесение мощей св. праведн. Лазаря. В этот день перенесены мощи св. Лазаря четырехдневного из Кипра в Царьград при Льве Философе в 898 году и тогда установлен сей праздник.

Сравнение синаксаря с двумя уставами Великой церкви IX и начала X века и половины X века показало, что автор, вероятно, пользовался ими, но труд его самостоятельный. Много памятей в нем новых, иные поставлены в другие дни, и на первом месте поставлены другие памяти согласно, за некоторыми исключениями, с установившимся после иерусалимским уставом. Разности прологов первых в памятях показаны ниже,

в приложении 15. Из этого синаксаря видно так же, как и из краткого стишного синаксаря Христофора Митиленского, что месяцеслов иерус. устава установился, хотя не вполне, или начал устанавливаться еще в первой половине XI века в Константинополе.

Сравнение памятей его с памятями месяцеслова Василия показало, что по количеству более Василиева почти на 70 памятей; в Петровом прологе опущено до 70 памятей месяцеслова Василия и до 140 прибавлено новых; всего же в Петровом прологе около 900 памятей. Вообще между обоими прологами в памятях (но не сказаниях) большое сходство. Из памятей месяцеслова Василия не находится, как сказано выше, в Петровом прологе памяти 70 апостолов; в нем нет тех памятей, которые в месяцеслове Василия имеют одни изображения без сказаний; таких в первом полугодии 13 памятей; в нем еще нет таких памятей, которые автор месяцеслова Василия внес вновь, раздробляя одно и то же житие на разные картины, наприм., 20 ноября персидские мученики разделены на три группы с тремя картинами и сказаниями, 22 дек. о муч. Хрисогоне и мученице Феодоте из дружины мученицы Анастасии два особых сказания с изображениями; житие великомуч. Георгия (23 апр.) дало три новых особых изображения с особыми сказаниями: 19 апр. о мучч. Феоне, Христофоре и Антонине, 21 апр. о муч. царице Александре (сия есть еще в синайском евангелии IX в.) и об Исаакии, Аполлосе и Кодрате, 14 января о синайских и раифских отцах 4 сказания и т. п. При всем этом непонятно, почему в прологе Петра, если он пользовался месяцесловом Василия, опущено до 40 памятей, которые имеют самостоятельное значение, и особые сказания в месяцеслове Василия. Можно бы посему думать, что Петр не знал о месяцеслове Василия, и хотя сходство между прологами Петра и Василия велико в отношении к памятям, но его можно и даже должно объяснять тем, что автор месяцеслова Василиева и Петр имели под руками один первоисточник — пролог с неравномерными сказаниями, подобный Петрову. Впрочем, трудно представить и то, чтобы Петр, как видно, цареградец, не знал о столь знаменитом прологе императора, недавно перед тем написанном. Различие между прологом Петра и месяцесловом Василия объясняется просто. По самому предисловию к прологу Петра видно, что в то время в деле составления прологов царил произвол; иные составители прологов относились к своему делу с недостаточным вниманием и усердием, другие не имели достаточных сил и средств к сему делу. Это еще нисколько не удивительно, что Петр, имея в виду месяцеслов Василия при составлении своего пролога, опустил до 40—50 памятей со сказаниями по особым соображениям или по недосмотру; автор 1) руководился более другими прологами, чем месяцесловом Василия; он хотел дать книгу для чтения — для слуха, а не для глаза; 2) он переставлял памяти прежних прологов сообразно с уставом, и при этом очень возможны опущения; 3) в месяцеслове Василия и других прологах нередко замечаются повторения памятей и сказаний по недосмотру, почему не может быть опущений? В самом месяцеслове Василия есть опущения замечательнейших памятей святых, коим написаны были каноны Иосифом и Феофаном, как показано выше; 4) автор месяцеслова Василия несомненно знал Историю боголюбцев Феодорита; ибо привел из конца ея 28 февр. три памяти в том порядке, в каком они у Феодорита. Почему не внесены в месяцеслов памяти более славных подвижников из сей истории, чем приведенные? Если они были только в первоисточнике Василиева месяцеслова, почему там не все приведены? Итак, здесь дело личного усмотрения. Потому же и Петр не внес памяти 70 апостолов и другие, хотя и знал об них. Может быть, автор хотел дать книгу для чтения полную, т. е. содержащую памяти на все дни года, но в то же время не обременительную, как

того требовала самая цель прологов. Всего вероятнее, что Петр знал месяцеслов Василия.

Из пролога видно, что писатель его цареградец; ибо в нем, кроме памяти праведн. Лазаря 17 окт., весьма часты цареградские праздники: 11 мая обновление Царяграда, избавление от врагов (5 июня, 7 и 16 августа), трус 25 сентября стоят на первом месте, указаны многие соборы святых, совершившиеся во славу их в разных константинопольских храмах.

Сказания из сего пролога помещены в студийских минеях преосв. Порфирия по 6 песни. Расположение памятей в прологе не вполне сходствует с расположением означенных миней; но он гораздо ближе к сим минеям, чем к студийским славянским в России; на весь год оказалось только около 30 дней, в кои первым памятям пролога не соответствуют службы в минеях пр. Порфирия (исключая немногие службы, которые находятся в минеях в ближайшие дни). В нем на первом месте поставлено до 9 памятей, коим служб доселе не найдено в известных нам минеях; без сомнения им были службы во время составления пролога, но до нас не дошли или нам не известны; постоянно открываются службы в минеях рукописных, кои доселе не были известны: наприм., Косма халкидонский в Петровом прологе на первом месте 18 апр., ему открыта мною служба 14 февр. в синод. греч. минее XII в. № 181; в Петровом прологе св. Никита Мидикийский поставлен на первом месте 4 мая, а не 3 апреля; ему найдена служба 4 мая в софийской минее XII в. и т. п.

Памяти в Петровом прологе на первом месте, которым служб не найдено: окт. 17 перенесение мощей св. прав. Лазаря из Кипра в Царьград, 27 окт. Капетолина и Еротиида, но память их только одних в сей день в Кт.[3], января 5 Аполлинария и в Кт. на первом месте, февр. 28 Нестор муч. и епископ на первом же месте в Кт. и месяцесл. Василия, марта 20 муч. Фотина, марта 28 Филит и дружина, апр. 15 Сава Готфин и в Кт. на первом месте, июля 28 Евстафий Анкирский первым стоит и в Кт. и месяц. Василия, авг. 4, муч. Елевферий. Кроме миней Порфириевых, сказания и Памяти из Петрова пролога находятся в служебной минее XII в., сентябрь—ноябрь (Иерус. библ., т. II, стр. 20). Итак, он имел обширное распространение».

«П р и л о ж е н и е 15. Памяти пролога Петрова, коих нет в редакциях месяцеслова Василия или древнейших славянских прологах, но некоторые есть в Конст. типиконе IX—X вв.

Сентябрь. 3 царя Константина. Октябрь, 4 Домнины, Вереники и Просдоки, 7 память труса, муч. Полихрония, 12 мучч. Андромаха и Диодора и Кт., 13 муч. Диоскора, 30 муч. Ерминигельда. Декабрь. 4 св. Иоанна Поливотского, 26 пр. Константина Синадского. Январь. 15 пр. Космы, творца канонов, 17 Иулиана Савы (из Феодорита), 18 пр. Маркиана кирского (из Феодорита), 26 пр. Симеона ветхого (из Феодорита), 27 Маркианы царицы, 29 мучч. Романа, Иакова, Филофея, Иерихия и дружины. Пр. Афраата (из Феодорита). Февраль. 5 пр. Феодосия в Скопеле (из Феодорита), 8 Макария, еп. Пафа и Кт., 9 пр. Романа Киликийского (из Феодорита), 10 пр. Зинона (из Феодорита), 11 пр. Македония (из Феодорита), 13 пр. Мавсимы (из Феодорита), 14 пр. Марона (из Феодорита), пр. Авраамия (из Феодорита), 15 пр. Евсевия (из Феодорита), 17 обретение мощей мученика Мины. Пр. Саламана (из Феодорита), 19 пр. Мара (Марина или Мариса из Феодорита), 20 пр. Иакова кирского (из Феодорита), Киндея, еп. писидийского, пр. Евтропия. Пр. Анина

[3] Буквами Кт. архим. Сергий обозначил устав Константинопольской Великой церкви. См. а р х и м. С е р г и й. Указ. соч., т. I, стр. 138—143, т. II, стр. XIX.

(во 2 редакцию внесен в России), 21 муч. Маврикия и 70 воинов, 22 пр. Фаласcия и Лимнея (из Феодорита), 25 препп. Асклипия и Иакова (из Феодорита). Муч. Антония. 26 пр. Варадата (из Феодорита), 29 муч. Геласия. Март. 15 пр. Иоанна в Руфинианах, 30 Иоанна, патр. иерусалимского. Апрель, 5 мучч. 120 в Персиде, 15 мучч. Феодора пресвитера и Кт. и Павсолипия, 17 св. Евфимия чудотворца, 24 св. мучч. в Халкидоне. Май. 9 патриарха Тимофея, 12 Никифора ефапсийского, 14 муч. Александра, Варвара и Аколуфа, 16 муч. Евфимии, 20 муч. Антиоха, 22 муч. Софии. Муч. Маркелла. Муч. Кодра. 26 муч. Аверкия и Елены и Кт. 28 Каталия и Еало. 30 муч. Евсевия, Романа, Телетия, Харалампа и Христины и многих в Никомидии и Кт. Июнь. 12 пр. Иулиана константинопольского. Июль. 4 пр. Доната ливийского и Кт. Пр. Марка исповедника и Кт. 6 свв. Архиппа, Филимона, Аполлония, Александрия, Епимаха, Онисима и Кт. 7 Евстафия, Поликарпа и Кт. (с Евангеллом). 13 муч. Маманта в Сигме, 26 муч. Илима».

Собр. Порфирия Успенского. Церетели и Соболевский. *Exempla. . . , II, tab. 36; H. Delehaye. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae.* Bruxellis, 1902, p. XVIII—XX (Propylaeum ad AASS novembris).

Некоторые листы утрачены, края листов обрезаны.

ПБ, греч. № 240.

442. Октоих. Отрывок. 1258 г. Синай?

Бумага без филиграней. Небрежный минускул. Инициалы киноварные. На л. 1 об. имеется арабская помета. Помета Порфирия Успенского с указанием, что рукопись написана в 1258 г. диаконом Арсением, на Синае. *Из рукописи Синайского монастыря № 817.*

1 л. 22,0×14,0 и 16,7×10,5. 20 строк.

Собрание Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, 1, стр. 628; его же. Памятники Синая, II, tab. 67; M. Vogel und V. Gardthausen. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909, S. 46 (с неверным шифром: 451); В. К. Ернштедт. Список датированных греческих рукописей Порфирьевского собрания. СПб., 1885, стр. 13.

ПБ, греч. № 450.

443. Четвероевангелие (1260-е—1280-е годы. Константинополь).

Пергамен. Минускул. Миниатюры, орнамент и инициалы рисованы золотом и красками. Тип разлиновки $I_{3за}$. Лл. 1—5 и 214—215 об. покрыты *пометами пилигримов XVII—XIX вв. на новогреческом языке.* В переплете XIX в.

215 лл. 18,8×13,6 и 13,8×9,5. 26 строк.

E. Colwell and H. Willoughby. The Four Gospels of Karahissar, vol. 1—2. Chicago, 1936; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. 1. М., 1948, стр. 161, 163—164, 340; Gregory. Textkritik d. N. T., S. 204, 1108, индекс e **574**; Н. В. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. СПб., 1892, стр. XIX—XX, 12, 383, 427, 431, 450; архим. Амфилохий. О миниатюрах и украшениях в греческих рукописях. М., 1870, стр. 8, 32—51. Поступила в ПБ в 1854 г. от В. П. Титова, русского дипломата в Константинополе.

Краски миниатюр повреждены.

ПБ, греч. № 105.

444. Иоанн Лествичник. Лествица. Отрывок. 1272 г.

Пергамен. Беглый минускул. Заголовки и инициалы писаны красной и синей краской. Тип разлиновки близок к типу I_{1h}. На л. 1 помета современная р-си: φῦλλα γ̄. Помета Порфирия Успенского. По предположению В. Н. Бенешевича, подтверждаемому М. Ришаром, из р-си монастыря Дохиар на Афоне № 45 (2719)[4].

1 л. 20,5×14,2 и 13,2×9,3. 22 строки.

Текст см. PG, t. 88, col. 929_C (последняя строка 17-й беседы); 932_{B-D}, беседа 18-я с начала и до слов: «καὶ ἐπὶ τῇ πι[κρίᾳ»].

Собрание Порфирия Успенского. Церетели и Соболевский. Exempla..., II, tab. 35a; В. К. Ернштедт. Список датированных греческих рукописей Порфирьевского собрания. СПб., 1885, стр. 13.

ПБ, греч. № 340.

445. Евангельские чтения. Отрывок. 1274—1275 гг.

Пергамен. Минускул. Инициалы в красках. Тип разлиновки определить не удалось. На л. 1 — арабская помета. Из р-си Лавры Саввы Освященного № 153. В обложке с пометой Порфирия Успенского.

2 лл. 29,7×21,8 и 23,8×17,0. 2 столбца. 27 строк.

Собр. Порфирия Успенского.

Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1280, индекс **11410**; Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσ. Βιβλιοθήκη, τ. II, σελ. 239;

Отчет ПБ за 1883 г., стр. 127; В. К. Ернштедт. Список датированных греческих рукописей Порфирьевского собрания. СПб., 1885, стр. 13.

ПБ, греч. № 309.

446. Евангельские чтения. Отрывок. 1276 г.

Пергамен. Минускул. Инициалы, заголовки и экфонетические знаки писаны тусклой киноварью. Тип разлиновки определить не удалось. Из рукописи монастыря Дохиар на Афоне № 13[5]. Помета Порфирия Успенского: «Из рядового Евангелия 1276 года. Дохиар». Лист наклеен на картон.

1 л. 29,5×20,3 и 22,5×16,5. 2 столбца. 26 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1280, индекс **11411**; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 128; В. К. Ернштедт. Список датированных греческих рукописей Порфирьевского собрания. СПб., 1885, стр. 13.

ПБ, греч. № 310.

447. Литургия преждеосвященных даров. Отрывок. 1280 г.

Бумага без филиграней. Крупный литургический минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Помета Порфирия Успенского с указанием, что этот лист — из рукописи, писанной в 1280 г. Григорием Критянином.

2 обрезка. 24,8×13,5 и 24,0×10,0. Сохранилось 17 неполных строк.

Собрание Порфирия Успенского. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 148; Церетели и Соболевский. Exempla..., II, tab. 37; В. К. Ернштедт. Список датированных греческих рукописей Порфирьевского собрания. СПб., 1885, стр. 13; M. Vogel und V. Gardthau-

[4] См. Sp. Lambros. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos, I. Cambridge, 1895, p. 238.

[5] См. ibid., p. 236.

sen. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909, S. 93.

ПБ, греч. № 419.

448. Четвероевангелие. 1281 г. Остров Родос.

Пергамен. Минускул. В начале каждого из евангелий имеется миниатюра и заставка в красках. Тип разлиновки близок к типу II_{5a}. Тетради пронумерованы позднейшей рукой от первой до четырнадцатой, по 8 л. каждая. Переплет — доски, обтянутые листами из пергаменной Минеи XII—XIII вв. Описание см. выше, № 419. На листе, хранящемся в ПБ, запись писца: «Ἐτελειώθη τὸ παρὸν δι' ἐξόδου τοῦ μοναχοῦ κῦρ Καλλίστου, χειρὶ δὲ τοῦ ταπεινοῦ καὶ παρ'ἀξίαν ἱερέως καὶ πρωτεχδίκου τῆς ἁγιωτάτης μητροπόλεως Ῥόδου Συμεὼν τοῦ Καλλιανδρῆ, ἐν ἔτει ≠ςφπθ μηνὶ αὐγούστῳ, ἰνδ(ικτιῶν)ος ἐννάτης»[6].

На л. 1 об. рукописи, хранящейся в БАН, имеется полустертая запись XIV—XV вв., читаются только слова: «Οἰκτρὸς Ἰωσὴφ μελενδύτης».

109 лл. 22,5×17,5 и 17,0×12,5. 2 столбца. 37 строк.

Собр. Порфирия Успенского и собр. Русского археологич. института в Константинополе.

Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1197, индекс **e2159**; Церетели и Соболевский. Exempla..., II, таб. 38; В. К. Ернштедт. Список датированных греческих рукописей Порфирьевского собрания. СПб., 1885, стр. 13 (указанная библиография касается только листа, хранящегося в ПБ). Ранее рукопись хранилась в Симонопетрском монастыре на Афоне под № 34[7]; Русским археологическим институтом в Константинополе рукопись эта была куплена в 1912 г. у Стилиана Ригопуло, о чем сохранилась помета. Лист, хранящийся в ПБ, должен быть помещен между л. 98 и л. 99 рукописи собр. РАИК № 76.

Последний лист утрачен; краски миниатюр сильно пострадали.

БАН, собр. РАИК, № 76 (старый шифр А 31) и ПБ, греч. № 311.

449. Кондакарь. Отрывок. 1284—1285 гг.

Бумага без филиграней. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Разлиновка листа нечеткая. Имеется арабская помета. Помета Порфирия Успенского с указанием, что рукопись написана в 1285 г. на Синае. Из рукописи Синайского монастыря № 927.

1 л. 21,1×12,8 и 15,1×9,0. 21 строка.

Собрание Порфирия Успенского. Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Λείψανον κοντακαρίου σιναϊτικοῦ. BZ, XVI, 1907, S. 202—203; Бенешевич. Описание, 1, стр. 628; его же. Памятники Синая I, tab. 69.

ПБ, греч. № 451.

450. Сборник сочинений Раймонда Медульонского. 1292 г.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Тип разлиновки I_{1a}. Тетради помечены киноварью, римскими цифрами, от

---

[6] Этот же писец Симеон написал в 1293 г. евангелие с комментариями Феофилакта Болгарского, хранящееся ныне в Эскуриале под шифром. Escur. Ω. I—16. См. M. Vogel und V. Gardthausen. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909, S. 408.

[7] Как известно, библиотека этого монастыря сгорела в 1891 г. Отожествление рукописи, так же как и определение принадлежности к ней листа, хранящегося в ПБ под шифром греч. № 311, принадлежит доктору Kurt Treu (Берлинская Академия наук), исследовавшему рукопись во время своего пребывания в Ленинграде в 1957 г. Описание этой рукописи см. Sp. Lambros. Op. cit., I, p. 116, № 34.

IIII (л. 26) до XXVIII (л. 218). На последних листах тетрадей имеются кустоды[8] (например лл. 8 об., 113 об., 121 об. и др.). На л. 223, в конце последней беседы, имеется запись: «Δέδοται /ἐν τῷ κάστρω Μεδουλλιόνης τρίτη ἡμέρᾳ/πρὸ τῆς ἑορτῆς τῆς μακαρίας ἀγαπη/τρίας τοῦ κ(υρί)υ Μαρίας τῆς Μαγδαληνῆς,/ἔτει αὐτοῦ χιλιοστῷ διακοσιοστῷ ἐνε/νηκοστῷ δευτέρῳ».

Почти на всех листах имеются пометы и поправки по-латыни (лл. 3 об., 4 об. — 6, 47—48 и др.) и по-гречески, но написанные рукой латинянина (лл. 13, 36, 39, 50, 93 об., 108 об., 185 и др.). Латинские пометы, как правило, представляют собой перевод отдельных греческих слов. На лл. 81, 113 об., 174, 223 об. — 224 об. находятся рисунки пером, изображающие музыканта, поединок двух рыцарей, единоборство рыцаря с драконом, цаплю, львов, дракона, пожирающего рыбу, и рыцаря на коне. Переплет — картон, обтянутый кожей, с застежками; на верхней крышке переплета вытиснен золотой герб канцлера Пьера Сегье, а на корешке переплета — его монограмма. У переплета вплетены бумажные листы XVII в. (7 у верхней крышки и 7 у нижней крышки), филигрань — кувшинчик. С внутренней стороны верхней крышки переплета и на первом бумажном листе имеются пометы рукой Монфокона. На л. 1 и л. 223 — пометы П. П. Дубровского: Ex musaeo Petri Dubrowsky.

224 лл. пергаменных и 14 лл. бумажных. 18,2×13,0 и 13,0×8,5. 23 строки.

Содержание: лл. 1—17 об. Трактат о христианской вере. Без заглавия. Начало: «Ἐπειδήπερ πολλοὶ ἐπι/θυμοῦσιν εἰδέναι ἢ ἀκοῦσαι /ἐκεῖνο, ὅπερ πορεύομαι ἀ/ναγγέλλων καὶ βοῶν διὰ πάντ(ων) /τῶν μερ(ῶν) τῶν χριστιανῶν, διὰ τοῦτο /εἰς τιμὴν τοῦ ἡμετέρου κ(υρί)υ Ἰ(ησο)ῦ/Χ(ριστο)ῦ καὶ εἰς ἀσφάλειαν πάντων /τῶν φίλων τῆς ἀληθείας τῆς εὐαγγε/λικῆς, αὐτὸ θέλω ἐν συνόψει βραχεία ἀνα/φέρειν ἐνώπιον τοῦ κυρίου ῥηγὸς ἐν γραπτῶ».

Под этим королем следует разуметь Карла II Анжуйского;

лл. 17—50 об. Трактат о спасении души. Без заглавия. Начало: «Αἰνετὸς καὶ εὐχά/ριστος εἴη ὁ ἡμέτε/ρος θ(εὸ)ς κ(ύρι)ος Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστὸ)ς, /ὃς ἐδωρήσατο ὑμῖν/ πόθον ἔνθερμον τοῦ / εἰδέναι ποῖον ἐστι /τὸ πρᾶγμα τὸ πλέον /ἀναγκαῖον τῇ σωτηρίᾳ/ τῆς ψυχῆς»;

лл. 51—72. Синопсис духовной жизни. Σύνοψις βίου πνευματικοῦ. Начало: «Πάντες ἐκεῖνοι, οἳ θέλουσι /ποιῆσαι/βίον πν(ευματ)ικόν, μέλλουσιν ἐξαιρέτως/ τηρῆσαι καὶ φυλάξαι ἓν πρᾶγμα...»;

лл. 72—81. Трактат аскетического содержания. Без заглавия. Начало: «Θύγατερ, μέλλετε εἰδέναι, ὅτι τὸ πρόσωπον...».

В начале этого трактата текст поврежден, читается плохо, чем и объясняется, что Le Clerc в указанной ниже работе приводит другое начало этого трактата;

лл. 81 об.—108. Диалог об элементах католической веры. «Ἄρχεται διάλογος διδασκαλικὸς ἐπὶ τοῖς στοιχείοις /τῆς καθολικῆς πίστεως». Начало: «Ὑπάρχεις σὺ πιστός; Ὑπάρχω, κύριε. Διὰ τί /λέγεις σε εἶναι πιστόν»;

лл. 108 об. — 113 об. Возражения против сказанного.

«Ἀντιλογίαι κατὰ τῶν εἰρημένων.» Начало: «Δοκεῖ μοι αὐθάδεια καὶ εὐήθεια, ὅτι ὑμεῖς /οἱ ἐστε παῖδες..., σχολάζετε ἐν τῇ ἁγίᾳ γραφῇ...»;

лл. 114—173 об. Философия католическая. «Ἄρχεται ἡ φιλοσοφία καθολικὴ καὶ θεία, ἡ διδοῦσα τέχνην τοῦ οὐδενῶσαι τὰς πανουργίας τοῦ μεγίστου ἀντιχρίστου καὶ πάντων τῶν μελῶν αὐτοῦ, πρὸς τὴν ἁγίαν ὁμήγυριν τῶν Ῥωμαίων». Начало: «Ἄνθρωποι λοιμοὶ διαχέουσι πόλιν»; л. 174 — рисунки пером; лл. 174 об. — 184 об. О распознании истинных и ложных пророков.

[8] Эта рукопись является древнейшей греческой рукописью с кустодами. См. I. Bick. Die Schreiber der Wiener griechischen Handschriften. Wien, 1920, S. 11.

«Ἀρχὴ τοῦ Εὐλογίου περὶ γνωρίσματος ἀληθινῶν καὶ ψευδοπροφητῶν». Начало: «Ἐπειδήπερ ὁ ἀπόστολος πρὸς Θεσσαλονικεῖς»;

лл. 186—223. О тетраграмме. «Ἄρχεται ὁμιλία ἐπὶ τῇ σημασίᾳ τοῦ ὀ/νόματος τοῦ τετραγραμμάτου, τόσον/ἐν τῇ γλώττῃ τῇ ἑβραικῇ, ὅσον τῇ λα/τινῇ, ἐπὶ τῇ δηλώσει τοῦ μυστηρίου τῆς τριάδος». Начало: «Πλεονάκις ἐπεθύμησα, μακαριώ/τατε π(άτε)ρ, ἵνα τὸ σπέρμα ἐκεῖνο/τῆς ἑβραικῆς γλώσσης»; лл. 223 об. — 224 об. — рисунки пером.

Собр. П. П. Дубровского. Ранее рукопись хранилась в библиотеке Сен-Жерменского аббатства и в библиотеке канцлера Сегье. См. B. de Montfaucon. Bibliotheca Coisliniana olim Segueriana. Paris, 1715, p. 585 № CCCLXXIX, olim XXXVI; V. Le Clerc. Raymond de Medullione dominicain, évêqu. e de Gap, archevêque d'Embrun, in: Histoire littéraire de la France, t. XX. Paris. 1842, p. 252—266; Церетели и Соболевский. Exempla ..., II, tab. 39a; арх. Амфилохий. Описание греческих рукописей определенных лет, III. М., 1879, стр. 18 и табл. 9.

Переплет рукописи поврежден.

ПБ, греч. № 113.

451. Стихирарь. Отрывок. 1292 г.

Пергамен. Минускул. Киноварные инициалы и заголовки. Нотные знаки написаны чернилами и киноварью. Помета Порфирия Успенского. Из рукописи Ватопедского монастыря на Афоне № 1499[9].

1 л. 40,2×29,2 и 29,5×21,0. 18 строк текста.

Собрание Порфирия Успенского. Церетели и Соболевский. Exempla..., II, tab. 39; В. К. Ернштедт. Список датированных греческих рукописей Порфирьевского собрания. СПб., 1885, стр. 13; J. B. Thibaut. Monuments..., p. 113.

ПБ, греч. № 364.

452. Псалтирь $СП_{12}$—$СПП_{3}$. 1293 г.

Бумага без филиграней. Минускул. Карминные инициалы. Помета Порфирия Успенского. Из рукописи Синайского монастыря № 94.

1 л. 20,7×14,0 и 15,0×9,5. 13 строк.

Собрание Порфирия Успенского. Rahlfs. Verzeichnis der griech. HSS d. A. T., S. 230, 290, 369, индекс **1839**; Бенешевич. Описание, 1, стр. 624; его же. Памятники Синая, II, tab. 70.

Край листа поврежден.

ПБ, греч. № 391.

453. Стихирарь. Отрывок. 1298—1299 гг.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Нотные знаки написаны чернилами и киноварью. Помета Порфирия Успенского. Палимпсест. Смытый текст писан унциалом IX в. По указанию М. Ришара, этот лист — из рукописи Ватопедского монастыря на Афоне № 1486[10].

1 л. 28,0×19,0 и 21,0×13,5. 21—22 строки.

Собрание Порфирия Успенского. Церетели и Соболевский. Exempla..., II, tab. 40; В. К. Ернштедт. Список датированных греческих рукописей Порфирьевского собрания. СПб., 1885, стр. 13; J. B. Thibaut. Monuments..., p. 112.

ПБ, греч. № 368.

[9] См. S. Eustratiades and Arcadios Vatopedinos. Catalogue of the Greek Manuscripts in the Library of the Monastery of Vatopedi on Mount Athos («Harvard Theological Studies», t. XI.). Cambridge, 1924, p. 235—236.

[10] Ibid., p. 233—234.

454. Сборник документов. XIII в.

Бумага без филиграней. Курсив. Киноварные инициалы и заголовки. В. Г. Васильевский[11] описывает рукопись так: «Порфирьевский сборник византийских документов есть рукопись, писанная на бомбицине, на 150 листах в большую 4-ку, довольно мелким строчным (минускульным) письмом, в XIII—XIV вв. На л. 77 внизу написано киноварью: «Ἰσαὰκ τοῦ Μεσοποτάμου ἡ βίβλος αὕτη»; то же, только с другой расстановкой слов (ἡ β. αὗ. Ἰ. τ. М.) на лл. 118 и 147; а на л. 120 — «Ἰσαὰκ μοναχός»; чернилами написано «Ἰ(σαά)κ» на л. 94. Рукопись эта, прежде чем сделалась собственностью преосв. Порфирия, принадлежала византийскому монастырю, как видно из недавней приписки на л. 135: «Τῆς τοῦ Σινᾶ Ὄρους βιβλιοθήκης» и из описания этой рукописи преосв. Порфирием в числе достопримечательностей Синайского книгохранилища (см. архим. Порфирий Успенский. Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 году. СПб., 1856, стр. 211—213). Много листов в разных местах рукописи утрачено; всего недостает теперь приблизительно одной четверти рукописи, судя по старой нумерации вверху каждого (или почти каждого) листа. Нумерация эта сделана цифрами арабскими, римскими и греческими: на л. 2 значится 5, на л. 3 — 6 и на л. 6 — XVIIII, затем до л. 49 (LXXVI) идет римская нумерация, на стр. 50 и 51 поставлены и римские (LXXVIII и LXXVIIII), и греческие цифры (οη и οθ), далее от листа 52 (83, πγ) и до 94 (143) опять двойная нумерация, арабскими и греческими цифрами, из которых, впрочем, последние, находясь ближе к краям, весьма часто пострадали; наконец, от л. 95 (CXLIIII) и до 149 (CCVII) цифры римские и греческие. Порядок тетрадей обозначен на лл. 87 г. (ις), 95 г. (ιζ), 103 г. (ιη), 117 v. (ιθ и κβ), 118 г. (κγ), 135 (κα), 136 (κα), 142 v. (κς), 143 v. (κβ), 144 г. (κβ), разными почерками». Переплет XIX в., тисненая золотом кожа.

150 лл. 28,0×22,0 и 22,5×17,0. 33 строки.

Содержание[12]:

1) лл. 1—3 об. Василия Охридского, архиепископа Солунского, надгробное слово императрице Ирине, супруге Мануила I Комнина. Начало утрачено. Издано: В. Г. Васильевский. Василия Охридского, архиепископа Солунского, неизданное слово на смерть императрицы Ирины, супруги Мануила I Комнина. ВВ, I, 1894, стр. 102—132;

2) л. 4. Отрывок (всего несколько строк) из какого-то решения по бракоразводному делу, слушавшемуся в Яннине. Начало: «... τὰς πηδητικὰς ἀκρίδας ἐφ'ἑτέρου μεταβαίνειν εἰς ἕτερον...»;

3) лл. 4—4 об. Τοῦ αὐτοῦ πανυπερτίμου μητροπολίτου Ναυπάκτου κῦρ Ἰωάννου τοῦ Ἀποκαύκου ἐπιστολὴ πρὸς τὸν ἁγιώτατον Ἀθηνῶν τὸν Χωνιάτην, ὅτε ἀπὸ τῆς Κέω ἦλθεν εἰς τὴν ἐν τῇ Μουντινίτζ[α] μονὴν τοῦ Προδρόμου, κατωτέρω δὲ προβῆναι οὐδ'ὅλως ἠθέλησεν. Начало: «Ἐπῆλθέ μοι, θειότατε δέσποτα, ἐγγίσαντός σου».

Это ответ на письмо Михаила Акомината, напечатанное Ламбросом, см. Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζόμενα, ἐκδ. παρὰ Σπ. Λάμπρου, II. ἐν Ἀθήναις, 1880, стр. 330—332, № 166;

---

[11] В. Г. Васильевский. Описание Порфирьевского сборника византийских документов (греч. № CCL). СПб., 1885 (Приложение IV к Отчету ПБ за 1883 г.). В основу нижеследующего перечня статей положено это описание В. Г. Васильевского с добавлением ссылок на литературу и незначительными изменениями.

[12] В перечне отсутствие библиографических ссылок при отдельных статьях описываемого сборника означает, что найти печатные издания этих статей не удалось.

4) л. 4 об. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν (часть заголовка не читается)... στείλαντος αὐτῷ ὠοτάριχα ἑκατὸν καὶ ὄρυζα. Письмо это, видимо, было адресовано либо самому Михаилу Акоминату, либо кому-нибудь из его близких;

5) лл. 4 об.—5 об. Иоанна Апокавка письмо к Докиану. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν κῦρ Δοκειανόν. Начало: «Δύο μοι κατὰ ταυτόν». Конец утрачен;

6) л. 6. Определение по бракоразводному делу некоего Ксифилина, слушавшемуся перед епископом города Велы (Βελᾶς). 1221 г. (?). Начало утрачено. Издано полностью по списку Иерусалимской патриаршей библиотеки № 276: Ἀ. Παπαδόπουλος—Κεραμεύς. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, IV. СПб., 1897, стр. 119—121, № 38, без даты;

7) л. 6. Соборное постановление о поставлении Георгия Вардана митрополитом острова Керкиры.

Издано: В. Г. Васильевский. Epirotica saeculi XIII. ВВ, III (1896), стр. 260—263, № 13 (с дополнениями из греческой рукописи ПБ № 251); см. также: Ἀ. Παπαδόπουλος—Κεραμεύς. Παρατηρήσεις εἰς τὰ Epirotica saeculi XIII. ВВ, XI (1904), стр. 864—866;

8) л. 6 об. Феодора Комнина, деспота Эпирского, письмо Иоанну Апокавку, митрополиту Навпактскому. Без заглавия. Конец утрачен. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 252—253, № 7, с дополнением по другому списку; А. И. Пападопуло-Керамевс. Noctes Petropolitanae. СПб., 1913, стр. 249—250, № 1 («Записки Классич. отделения имп. Русского археологического общества», т. VII, приложение); его же. Παρατηρήσεις..., стр. 864;

9) л. 7. Иоанна Апокавка, митрополита Навпактского, письмо Михаилу Акоминату. Начало утрачено; начинается словами: «Καθέλκει δὲ ταύτας ὁ ἐμὸς ἐφάμαρτος βίος...»;

10) л. 7. Письмо Иоанна Апокавка Никите Хониату. Πρὸς τὸν λογιώτατον κῦρ Νικήταν τὸν Χωνιάτην. Начало: «Πολλῶν λόγων εὑρήμαθ' ὥστε μὴ θανεῖν τὴν Ἑκάβην»;

11) лл. 7—7 об. Иоанна Апокавка, митрополита Навпактского, письмо неизвестному. Без заглавия. Начало: «Ἀγαθὴ παραίφασις ἐστὶν ἑταίρου...»;

12) л. 7 об. Иоанна Апокавка письмо Горианитису. Πρὸς τὸν Γοριανίτην. Начало: «Τοῦ μὲν ἐπισκοπείου μεσάζων λαμπρότητος»;

13) л. 7 об. Письмо Иоанна Апокавка Феодору Комнину. Πρὸς τὸν κραταιὸν Κομνηνόν. Издано: Пападопуло-Керамевс. Noctes Petrop., стр. 259—260, № 5. Конец утрачен;

14) л. 8. Отрывок какого-то письма. Начало: «... καλῶς ὡς ὁ τιμῶν ἐπισκόπους...»;

15) л. 8. Иоанна Апокавка письмо Николаю Горианитису. Πρὸς τὸν μεσάζοντα. Издано по списку Бодлеянской библиотеки в Оксфорде: S. Pétridès. Jean Apokaukos, lettres et autres documents inédits. ИРАИК, XIV, 1909, стр. 26, № XXV;

16) лл. 8—8 об. Письмо Иоанна Апокавка митрополиту Афинскому Михаилу Акоминату. Πρὸς τὸν παναγιώτ(α)τ(ον) Ἀθηνῶν. Начало: «Ὅταν ἀπίδω πρὸς ἐμαυτ(όν)»;

17) лл. 8 об.—9. Письмо Иоанна Апокавка Марии, жене деспота Эпирского Феодора Комнина. Πρὸς τ(ὴν) κραταιὰ(ν) Δούκαιν(αν). Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 241—242, № 1; Пападопуло-Керамевс. Noctes Petrop., стр. 260—262, № 6; см. также: его же. Παρατηρήσεις..., стр. 853—854;

18) л. 9. Письмо Михаила Акомината Иоанну Навпактскому. Τοῦ παναγιωτ(ά)τ(ου) Ἀθην(ῶν) πρὸς τ(ὸν) Ναυπάκτ(ου). Всего две строки. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 254—255, № 9 (по другому списку); Пападопуло-Керамевс. Noctes Petrop., стр. 233—234, № 14;

19) л. 9—9 об. Ответ Иоанна Апокавка Михаилу Акоминату. Ἀντίγραμμα πρὸς τ(ὴν) τοιαύτ(ην) γραφήν. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 255—256, № 10; Παπαδοπуло-Керамевс. Noctes Petrop., стр. 234—235, № 15; см. также: его же. Παρατηρήσεις..., стр. 858—859;

20) л. 9 об. и л. 26. Георгия Вардана письмо Иоанну Апокавку. Τοῦ χαρτοφύλακος Ἀθην(ῶν) κῦρ Γεωργ(ίου) τοῦ Βαρδάνη. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 256—258, № 11; см. также: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Παρατηρήσεις..., стр. 859—860;

21) л. 10 Иоанна Апокавка письмо Феодору Комнину, деспоту Эпирскому. Начало см. на л. 12 об., № 29. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 243—244, № 2; см. также: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Παρατηρήσεις..., стр. 854; его же. Noctes Petrop., стр. 262—263, № 7;

22) л. 10—10 об. Иоанна Апокавка письмо епископу Вотротскому Димитрию. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν ἐπίσκοπον Βοθρωτοῦ κῦρ Δημήτριον. Издано: Pétridès. Op. cit., стр. 23—24, № XXII (по списку Бодлеянской библиотеки в Оксфорде);

23) лл. 10 об.—11. Определение по делу о наследстве. Σημείωμα γεγονὸς ἐπὶ τῇ μέσον τοῦ πρωτοκεντάρχου καὶ τοῦ γαμβρὸς αὐτοῦ ὑποθέσει. Начало: «Σοφῶς οἱ νομοθέται ὡρίσαντο». Часть текста утрачена; начало и конец сохранились;

24) лл. 11—11 об. Письмо Иоанна Апокавка епископу Кастории Константину. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν ἐπίσκοπον Καστορίας κῦρ Κωνσταντῖνον καὶ πρωτόθρονον τῆς κατὰ Βουλγαρίας συνόδου. Издано: Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Συμβολὴ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Ἀχρίδος. В кн.: «Сборник статей, посвященных почитателями академику... В. И. Ламанскому», ч. 1. СПб., 1907, стр. 248—250, № 8;

25) л. 11 об. Иоанна Апокавка письмо архиепископу Болгарскому Димитрию. Конец утрачен. Издано там же, стр. 238—239, № 5;

26) л. 12. Отрывок какого-то письма (Иоанна Апокавка?). Только последние две строки. Начало: «Μελιγαλᾶν ἐγχείρησις τούτων»;

27) л. 12. Иоанна Апокавка письмо к неустановленному лицу. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν αὐτόν. Начало: «Ὅτε μετερχόμην τὴν ἐγκύκλιον παίδευσιν»;

28) лл. 12—12 об. Иоанна Апокавка письмо протовестиарию Феодора Комнина. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν πανευκλεέστατον πρωτοβεστιάριον τοῦ κραταιοῦ Κομνηνοῦ. Начало: «Ὁ παρὼν ἔστιν ἐμός»;

29) л. 12 об. и л. 10. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν κραταιὸν Κομνηνόν. См. выше, л. 10, № 21;

30) лл. 13 и 26 об. Начало см. на листе 26 об. Иоанна Апокавка письмо Феодору Комнину. Πρὸς τὸν κραταιὸν Κομνηνόν. См. также ниже, № 63. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 244—246, № 3; Παπαδοπуло-Керамевс. Noctes Petrop., стр. 266—269, № 11; см. также: его же. Παρατηρήσεις..., стр. 855—856;

31) л. 13 об. Иоанна Апокавка письмо митрополиту Лариссы. Πρὸς τὸν μητροπολίτην Λαρίσσης. Начало: «Ὁ ὑπό σε Γαρδικίων οὗτος»;

32) лл. 13 об.—14. Иоанна Апокавка письмо Иоанну Костомарису. Πρὸς τὸν λογαριστὴν κῦρ Ἰωάννην τὸν Κοστομάρην. Начало: «Ἀλλ' οὐδὲ πρώην ἠγνόουν»;

33) л. 14. Иоанна Апокавка письмо епископу Вотротскому. Πρὸς τὸν Βοθρωτοῦ. Начало: «Βορέης μὲν αἰθριγενέτης»;

34) лл. 14—14 об. Иоанна Апокавка письмо Феодору Комнину. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν κραταιὸν Κομνηνόν. Издано: Παπαδοπуло-Керамевс. Noctes Petrop., стр. 263—264, № 8;

35) лл. 14 об.—15. Иоанна Апокавка письмо епископу города Велы. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν πανιερώτατον ἐπίσκοπον Βελᾶς, ἐρωτήσαντα διὰ γραφῆς, εἰ δί-

καιόν ἐστι διαζευχθῆναι τὸ μέσον τοῦ Φραγγοπούλου συστᾶν συνοικέσιον καὶ τῆς θυγατρὸς τοῦ Παραδεισιώτου, διὰ τὴν τοῦ ἀνδρὸς πρὸς τὴν γυναῖκα ἔμμονον καὶ πολυχρόνιον κάκωσιν;

36) лл. 15—15 об. Иоанна Апокавка решение по делу о насилии и побоях. Σημείωμα τοῦ αὐτοῦ μηνὶ ὀκτωβρίῳ(?) ιε ἰνδ(ικτιῶνος) ι. Начало: Ἡ τοῦ σώματος ἡμῶν πληθώρα»;

37) л. 15 об. Иоанна Апокавка письмо к протовестиарию по поводу болезни последнего. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν πρωτοβεστιάριον νόσῳ περιπεσόντα καὶ δὶς πίοντα καθάρσιον. Начало: «Εἰς ὑγείαν σοι τὰ καθάρσια»;

38) л. 15 об. Иоанна Апокавка(?) письмо к Николаю Горианитису. Πρὸς τὸν Γοριανίτην κῦρ Νικόλαον. Только заглавие, текста письма нет;

39) л. 16. Иоанна Апокавка (?) письмо неизвестному монаху. Начало утрачено. Начинается словами: ...ζυγὸν ἐκ νεότητος»;

40) лл. 16—16 об. Ставленная грамота Иоанна Апокавка (?) игумену монастыря св. Николая в Ахелое Зикхию. Σιγίλλιον ἡγουμενείας. Начало: «Ἀποβραβεύουσι μὲν τοῖς ἐπισκόποις»;

41) лл. 16 об.—17. Иоанна Апокавка (?) письмо к неизвестному логофету. Без заглавия. Начало: «Ἐγὼ καὶ πρὸ τοῦ εἰς ἱερόν»;

42) лл. 17—17 об. Соборное постановление Навпактской митрополии по поводу неурядиц в епископии Дринополя. 1219 г. января 9. Μηνὶ ἰαννουαρίῳ θ ἡμέρα δ ἰνδ(ικτιῶνος) ζ ἐπὶ παρουσίᾳ τῶν κληρικῶν τῆς καθ' ἡμᾶς ἁγιωτάτης ἐκκλησίας. Издано: Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Συνοδικὰ γράμματα Ἰωάννου τοῦ Ἀποκαύκου. «Βυζαντίς», I, 1909, стр. 8—9, № 1;

43) л. 17 об. Письмо Иоанна Апокавка к деспоту Эпирскому Феодору Комнину. Без заглавия. Издано: Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 264—265, № 9;

44) л. 17 об. Иоанна Апокавка письмо Горианитису. Πρὸς τὸν Γοριανίτην. Начало: «Τὰς μὲν αἰτίας τῆς τῶν ἐμῶν γραφῶν ἡσυχίας»;

45) лл. 17 об.—18. Евфимия Торника питтакий Константину Дуке. Τοῦ δεσπότου κῦρ Εὐθυμίου τοῦ Τορνίκη πιττάκιον πρὸς τὸν Δούκαν κῦρ Κωνσταντῖνον διὰ στίχων. Издано: Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 202, № 5;

46) лл. 18—18 об. Постановление Навпактской митрополии о передаче монастыря Богородицы ἐν τῷ δρούγγῳ Τρεβενίων в ведение светского лица. Начало: «Ὁ τῆς ἐφορείας λόγος δοκεῖ μὲν εὔκολος εἶναι». Издано по другому списку[13]: Pétridès. Op. cit., p. 74, № V.

47) л. 18 об. Иоанна Апокавка письмо Феодору Комнину, деспоту Эпирскому. Πρὸς τὸν κραταιὸν Κομνηνόν. Конец утрачен. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 253—254, № 8; Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 265—266, № 10; см. также: его же. Παρατηρήσεις..., стр. 858;

48) л. 19. Иоанна Апокавка(?) письмо неизвестному. Всего четыре конечных строки письма. Начало: «Ἐκ Θέσβης, ἀλλὰ τὸν σόν»;

49) л. 19. Иоанна Апокавка(?) письмо к епископу(?) города Арты. Без заглавия. Начало: «Ἀλλὰ ταῦτα μὲν οὕτω, τίμιε δέσποτα»;

50) лл. 19—19 об. Иоанна Апокавка письмо Никифору Горианитису. Πρὸς τ(ὸν) Γοριανίτην κῦρ Νικηφόρον. Начало: «Εἰς ἔννοιαν ἔρχομαι»;

51) лл. 19 об.—20 об. Постановление церковного собора города Арты от 1222 года февраля 28 по жалобе монаха одного из местных монастырей. Μη(νὶ) φεβρ(ουαρίῳ) κη ἡμέρα β ἰνδ(ικτιῶνος) ι ἐπὶ παρουσίᾳ τοῦ δεῖνος καὶ ⟨δεῖνος⟩). Издано: Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Συνοδικὰ γράμματα..., стр. 9—13, № 2;

[13] А. П. Каждан любезно сделал мне это указание, а также и некоторые другие.

52) лл. 20 об.—21. Вопрос митрополита Керкиры Георгия Вардана клиру Навпактской митрополии по делу об убийстве, совершенном одним из керкирских священнослужителей. Ἐρώτησις ἐπενεχθεῖσα τῶ ἁγιωτ(ά)τ(ῳ) μ(ητ)ροπο(λί)τῃ Ναυπάκτου καὶ τοῖς ὑπ' αὐτοῦ ἐπισ(κόποις) πα(ρὰ) τοῦ μ(ητ)ροπο(λί)του Κερκύ(ρων) κῦρ Γεωργ(ίου) τοῦ Βαρδ(ά)ν(η) πε(ρὶ) ἱερέ(ως) τινος Κερκυραίου ἐγκλήματι ἀκουσίῳ περιπεσόντος, καὶ λαβοῦσα λύ(σιν) πα(ρὰ) τῆς αὐτοῦ ἁγιώτ(η)τ(ος). Издано: Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Κερκυραϊκά. Ἰωάννης Ἀπόκαυκος καὶ Γεώργιος Βαρδάνης. ВВ, XIII, 1906, стр. 335—336, № 1;

53) лл. 21—21 об. Решение митрополита Керкирского Георгия Вардана о владении церковной землей неким Алексеем Педиадитом. Μηνὶ καὶ ἐπὶ παρουσία. Издано там же, стр. 336—338, № 2;

54) лл. 21 об.—22. Решение по бракоразводному делу. Σημείωμα διαζυγ(ίου). Начало: «Αἰτίαι μ(ὲν) ἐξ ὧν τινα τῶν ἐννόμ(ων) συνοικεσί(ων)»;

55) лл. 22—22 об. Выписка из судебного дела, касающегося наследства некоего Георгия Мезимери. Ἐρώτη(σις) Γεωργ(ίου) τοῦ Μεσημέρη πε(ρὶ) π(ατ)ρώων καὶ μ(ητ)ρώων αὐτοῦ πραγμάτ(ων) διαφερόντ(ων) αὐτῶ, κατεχομ(έ)ν(ων) δὲ παρὰ τοῦ πατρίου αὐτοῦ. Начало: «Γεώργιος ὁ τοῦ Μεσημέρη Κωνσταντίνου υἱός»;

56) лл. 22 об.—23 об. Иоанна Апокавка письмо архиепископу Болгарскому Димитрию. Τοῦ αὐτοῦ ἐπιστολὴ πρὸς ἀρχιεπίσκοπον Βουλγαρίας κῦρ Δημήτριον. Конец утрачен. Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Συμβολή..., стр. 239—244, № 6;

57) лл. 24—24 об. Иоанна Апокавка определение о подсудности бракоразводных дел. Без заглавия. Начало: «Παράλογος οὐκ οἶδα, πόθεν ἐν Ναυπάκτω συνήθεια ἐπεκράτησε»;

58) лл. 24 об.—25. Иоанна Апокавка письмо Евфимию Торнику. Πρὸς τὸν Τορνίκην ἐπιστολὴ τοῦ αὐτοῦ Ναυπάκτου. Начало: «Τὴν ἀγαθότητα τοῦ θ(εο)ῦ ὁ Θεολόγος»;

59) лл. 25—25 об. Решение по бракоразводному делу. Σημείωμα διαζυγίου δύο παρανόμων συναλλαγμάτων. Конец утрачен. Начинается словами: «Ἡ τῶν νόμων διάταξις ἐπὶ τοῖς γαμικοῖς συναλλάγμασι»;

60) л. 25 об. Иоанна Апокавка письмо Априцелу. Πρὸς τ(ὸν) Ἀπριτζέλην ἀντίγραμμα τοῦ αὐτοῦ. Начало: «Καὶ τοῦτο, φίλη μοι κεφαλή, ἔργον ῥητόρων». Конец утрачен;

61) л. 26. Георгия Вардана (?) митрополита Керкиры письмо Иоанну Апокавку. Начало утрачено. Начинается словами: «Παραίτιον· Μεμένηκα δὴ οὖν»;

62) лл. 26—26 об. Ответ Иоанна Апокавка на предыдущее письмо. Ἀντίγραμμα τοῦ Ναυπάκτου πρὸς τὴν τοιαύτην γραφήν. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 258—259, № 12; см. также: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Παρατηρήσεις..., стр. 860;

63) л. 26 об. Иоанна Апокавка письмо Феодору Комнину. Πρὸς τὸν κραταιὸν Κομνηνόν. Конец утрачен. См. также выше, № 30. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 244—246, № 3; Пападопуло-Керамевс. Noctes Petrop., стр. 266—269, № 11;

64) лл. 27—27 об. Иоанна Апокавка письмо архиепископу Охридскому Димитрию. Начало утрачено. Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Συμβολή..., стр. 244—248, № 7;

65) лл. 27 об.—28 об. Иоанна Апокавка письмо Феодору Комнину. Ἰωάννου τοῦ Ναυπάκτου πρὸς τὸν κραταιὸν Κομνηνόν, ὅτε τὸν Πλατάμονα παρέλαβεν καὶ ὑπέστρεψεν. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 246—248, № 4; Пападопуло-Керамевс. Noctes Petrop., стр. 269—270, № 12; см. также: его же. Παρατηρήσεις..., стр. 856;

66) лл. 28 об.—29. Определение по поводу стихийного бедствия в Навпактской митрополии. Σημείωμα γεγονὸς ἐπὶ τῇ φθορᾷ τῶν γεννημάτων

τῆς ἐπισκέψεως Βαρεσόβης καὶ τῶν λοιπῶν χωρίων. Начало: «Ἀνεμοφθόρον ἐν ἀμιτῷ υἱὸν παράνομον»;

67) лл. 29—29 об. Иоанна Апокавка письмо митрополиту Керкирскому Георгию Вардану. Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Κερκυραϊκά..., стр. 338—340, № 3;

68) лл. 29 об.—30. Письмо Георгия Вардана Иоанну Апокавку. Τοῦ χαρτοφύλακος Ἀθηνῶν κῦρ Γεωργίου τοῦ Βαρδάνη ὄντος ἐν τῇ ἐπισκοπῇ Γρεβενῶν καὶ προσκληθέντος παρὰ τοῦ Ναυπάκτου ἐν τῇ ἐπισκοπῇ Βονδίτζης. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 248—250, № 5; см. также: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Παρατηρήσεις..., стр. 856—858;

69) лл. 30—30 об. Иоанна Апокавка ответ на письмо Георгия Вардана. Ἀντίγραμμα πρὸς αὐτὸν τοῦ Ναυπάκτου. Конец утрачен. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 250—252, № 6: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Παρατηρήσεις..., стр. 858;

70) л. 31. Иоанна Апокавка письмо епископу Диррахия. Начало утрачено. Текст определен по изданию: Pétridès. Op. cit., стр. 27—28, № XXVII, где текст издан по другому списку;

71) лл. 31—31 об. Иоанна Апокавка письмо дисипату Георгию. Πρὸς τὸν δισύπατον κῦρ Γεώργιον τὸν λογαριαστήν. Начало: «Σὺ δέ, τί ἐλάλεις»;

72) л. 31 об. Письмо Георгия Вардана, митрополита Керкиры, Иоанну Апокавку. Τοῦ Κερκύρας. Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Κερκυραϊκά..., стр. 340—341, № 4;

73) л. 31 об. Иоанна Апокавка ответ Георгию Вардану. Ἀντίγραμμα πρὸς τὴν τοιαύτην γραφήν. Конец утрачен. Издано там же, стр. 341, № 5;

74) л. 32. Определение Иоанна Апокавка о передаче какого-то монастыря в ведение архиепископа Гардикийского Иоанна. Начало утрачено. Начинается словами: «Ἐπιμελείας αὖθις μοχλόν»;

75) л. 32. Иоанна Апокавка письмо Феодору Комнину, деспоту Эпирскому. Без заглавия. Издано: Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 271—272, № 12a; Pétridès. Op. cit., стр. 23, № XXI, где текст издан по другому списку;

76) лл. 32—32 об. Иоанна Апокавка письмо Горианитису. Πρὸς τὸν Γοριανίτην. Начало: «Πανυπερεντιμώτ(α)τ(ε) καὶ ῥητορικώτ(α)τ(ε)»;

77) лл. 32 об.—33. Иоанна Апокавка письмо хартофилаксу Никеи Метритопулу. Πρὸς τ(ὸν) χαρτοφύλακ(ον) Νικαίας τ(ὸν) Μετρητόπ(ου)λ(ον). Начало: «Ὁ παρὼν ἀσπασμός»;

78) л. 33. Иоанна Апокавка письмо некоему Иоанну, живущему в Никее. Без заглавия. Начало: «Πανεντιμώτ(α)τ(ε) δέσποτα»;

79) лл. 33—33 об. Иоанна Апокавка письмо дисипату Георгию. Πρὸς τ(ὸν) λογαριαστὴν τ(ὸν) δισύπατ(ον) κῦρ Γεώργιον. Начало: «Τὰ πολλὰ τῶν ἐμῶν»;

80) лл. 33 об.—34. Никиты Хониата письмо Иоанну Апокавку. Τοῦ λογιωτ(ά)τ(ου) κῦρ Νικήτα τοῦ Χωνιάτ(ου) πρὸς τ(ὸν) Ναυπάκτου. Начало: «Αἴφνης καὶ ὡς εἰπ(εῖν) αὐθωρ(όν)». Издано: А. И. Пападопуло-Керамевс. Ἰωάννης Ἀπόκαυκος καὶ Νικήτας Χωνιάτης, в кн.: Τεσσαρακονταετηρὶς τῆς καθηγεσίας Κ. Κόντου. Ἐν Ἀθήναις, 1909, стр. 376;

81) л. 34. Ответ Иоанна Апокавка. Ἀντίγραμμα τ(οῦ) Ναυπάκτ(ου). Начало: «Τοῖς μ(ὲν) ὑφάντ(αις)»;

82) лл. 34—34 об. Иоанна Апокавка письмо Евфимию Торнику. Πρὸς τ(ὸν) Τορνίκ(ην) κῦρ Εὐθύμιον. Начало: «Εἴ που παρὰ τῷ γήρα»;

83) л. 34 об. Иоанна Апокавка письмо какому-то священнику. Τοῦ αὐτοῦ πρός τινα ἱερέα πατρηγν(όν) αἰτήσαντα μαθεῖν κεφαλαιώδη τινὰ ἀπὸ τ(ῆς) τῶν Λατίνων αἱρέσεως. Начало: «Θεοσεβέστ(α)τ(ε) δέσποτα καὶ κ(α)τ(ὰ) θ(εὸ)ν ἀδελ(φέ)· διαφόρ(ους) σου γραφάς». Конец утрачен;

84) л. 35. Иоанна Апокавка письмо некоему Алексею. Только пять конечных строк. Начало: «Καὶ τὸ σεβάσμιον τοῦ ἐνδύματος»;

85) лл. 35—35 об. Иоанна Апокавка письмо патриарху. Πρὸς τ(ὸν) ἁγιώτ(α)τ(ον) π(ατ)ριάρχην. Издано: Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 292—294, без номера;

86) лл. 35 об.—36. Иоанна Апокавка письмо Евфимию Торнику. Πρὸς τ(ὸν) Τορνίκην κῦρ Εὐθύμιον. Начало: «Ἡμέρα κ(υρίο)υ, ὡς παγίς»;

87) л. 36. Иоанна Апокавка письмо епископу города Велы Константину. Πρὸς τ(ὸν) ἐπίσκοπ(ον) Βελ(ᾶς) κῦρ Κωνστα̃ν(τῖνον). Начало: «Ἤκουσταί μοι θορυβηθῆναι σε»;

88) лл. 36—37 об. Иоанна Апокавка письмо митрополиту Керкиры. Πρὸς τ(ὸν) μ(ητ)ροπο(λί)τ(ην) Κερκ(ύ)ρ(ας) διά τι συνάλλαγμα παρ' αὐτοῦ ἱερολογηθ(ὲν) καὶ πέμπτ(ῳ) βαθμ(ῷ) εὑρισκόμεν(ον). Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Κερκυραϊκά..., стр. 342—348, № 8;

89) л. 37 об. Иоанна Апокавка письмо тому же митрополиту Керкиры. Πρὸς τ(ὸν) αὐτ(όν) Κερκύρας. Только три первые строки письма. Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Κερκυραϊκά..., стр. 341—342, № 6;

90) л. 38. Иоанна Апокавка (?) отрывок письма к неизвестному. Только последняя строка;

91) л. 38. Иоанна Апокавка определение по делу жителя города Арты Иоанна Гостилопуло о духовном завещании. Μη(νὶ) μαρτ(ίῳ) $\overline{κη}$ ἡμέρα $\overline{ς}$ ἰνδ(ικτιῶνος)... ἐπὶ παρουσίᾳ τοῦ ἐπισκόπ(ου) Ἀχελώου τοῦ Ἄρτης, τοῦ πρωτοκεντάρχ(ου), καὶ ἑτέρ(ων) οὐκ ὀλίγ(ων). Начало: «Ἔστιν ἡμῖν γνωστὸς πρὸ πολλοῦ»;

92) лл. 38—39. Иоанна Апокавка письмо Никифору Горианитису. Πρὸς τ(ὸν) Γοριαν(ί)τ(ην) κῦρ Νι(κη)φόρ(ον). Начало: «Εἰς ὅψιν 'ελθὼν τῶ δοκιμωτ(ά)τ(ῳ) τούτω 'αρχιητρῶ»;

93) л. 39—39 об. Иоанна Апокавка письмо к архиепископу Болгарскому Димитрию. Πρὸς τὸν ἀρχιεπί(σκοπον) Βουλγ(α)ρ(ίας) κῦρ Δημήτρ(ιον). Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Συμβολή..., стр. 232—235, № 2;

94) лл. 39 об.—40. Решение Навпактской митрополии по делу о прелюбодеянии. Σημείωμα μη(νὶ) καὶ 'επὶ παρου(σίᾳ). Издано по Иерусалимскому списку: Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Συνοδικὰ γράμματα..., стр. 27—28, № 10;

95) л. 40. Иоанна Апокавка письмо митрополиту Эфесскому Иаситу. Πρὸς τ(ὸν) μ(ητ)ροπο(λί)τ(ην) Ἐφέσου τ(ὸν) Ἰασίτην. Начало: «Τίς μ(ὲν) ὁ παρὼν καὶ πόθ(εν)»;

96) л. 40—40 об. Иоанна Апокавка письмо Николаю Горианитису. Πρὸς τ(ὸν) Γοριανίτ(ην) κῦρ Νικόλ(αον). Начало: «Εἰ μ(ὲν) ἤσθα τῶν δεομέ(νων)»;

97) лл. 40 об.—41. Иоанна Апокавка письмо Никифору Горианитису. Πρὸς τ(ὸν) Γοριανίτ(ην) κῦρ Νικηφόρ(ον). Начало: «Ἔστην ποτὲ π(αρὰ) φάραγγα»;

98) л. 41. Иоанна Апокавка письмо архиепископу Болгарскому. Πρὸς τ(ὸν) ἀρχιεπίσκοπ(ον) Βουλγ(α)ρ(ίας). Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Συμβολή..., стр. 236—237, № 3;

99) лл. 41—41 об. Иоанна Апокавка письмо митрополиту Диррахия. Πρὸς τ(ὸν) Δυρραχ(ίου). Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Δυρραχηνά, S. 572—573, № 2;

100) л. 41 об. Иоанна Апокавка письмо Костомиру. Πρὸς τ(ὸν) λογαριαστὴν τὸν Κωστομ(η)ρ(όν). Начало: «Ἔστι ταῖς 'αληθεί(αις)»; конец утрачен;

101) л. 42. Георгия Вардана, митрополита Керкиры, определение по делу о наследстве. Начало утрачено. Издано: Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Κερκυραϊκά..., стр. 342, № 7;

102) л. 42. Иоанна Апокавка письмо неизвестному. В середине письма имеется оставленный писцом пропуск. Начало: «Ἅγιε μου δέσποτα καὶ κ(α)τ(ὰ) θ(εὸ)ν ἀγαπ(η)τ(ὲ) αὐθέντα καὶ ἀδελ(φέ)· ὑγίαινε·»;

103) л. 42. Иоанна Апокавка письмо некоему Никите. Без заглавия. Начало: «Μετάθες οὖν αὐτὸς τ(ὴν) τοῦ καιροῦ καὶ τῶν πραγμ(ά)τ(ων) φορ(άν)»;

104) л. 42—42 об. Иоанна Апокавка письмо митрополиту Афинскому. Начало: «Εὖγε τῆς ῥοπῆς, ἣν πρὸς τ(ὴν) ἡμετ(έ)ρ(αν)»;

105) лл. 42 об.—43 об. Письмо Мануила, деспота Эпирского, патриарху Герману II. Издано: В. Г. Васильевский. Обновление болгарского патриаршества при царе Иоанне Асене II в 1235 году. ЖМНП, ч. 238, 1885, апрель, стр. 234—236, № 1; русский перевод см. там же, март, стр. 41—43; Ed. Kurtz. Christophoros von Ankyra als Exarch des Patriarchen Germanos II. BZ, XVI, 1907, S. 131—134, № 1;

106) л. 43 об. Патриаршая грамота о назначении патриаршим наместником Анкирского митрополита и о предоставлении ему доходов с монастырей. Без заглавия. Издано: Васильевский. Болгарское патриаршество..., стр. 236—237, № 2; Kurtz. Op. cit., S. 136—137, № 3;

107) лл. 43 об.—44. Грамота патриарха Германа о восстановлении власти патриарха над так называемыми царскими монастырями во владениях Эпирского деспота. Πρὸς τ(ὸν) π(ατ)ριάρχ(ην). Издано: Васильевский. Болгарское патриаршество..., стр. 237—238, № 3; Kurtz. Op. cit., S. 137—139, № 4;

108) л. 44—44 об. Иоанна Апокавка письмо епископу Вотротскому Димитрию. Πρὸς τ(ὸν) Βοθρωτ(οῦ) κῦρ Δημ(ή)τρ(ιον) τοῦ Ναυπάκτ(ου). Начало: «Ἀφικοντό μοι τὰ παρὰ σοῦ». В тексте встречаются пропуски;

109) л. 44 об. Письмо некоего Иоанникия епископу города Яннины. Τῷ ἁγιωτ(ά)τ(ῳ) ἀγαπ(η)τ(ῷ) δεσπότῃ μου τῷ Ἰωαννίν(ων) ὁ ἁμαρτ(ω)λὸ(ς) Ἰωαννίκιο(ς). Начало: «Τὰς εὐγνωμονούσ(ας) πε(ρὶ) τ(οὺς) εὐεργέτ(ας)»;

110) лл. 44 об.—45. Иоанна Апокавка письмо митрополиту Керкирскому Георгию Вардану. Без заглавия. Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Κερκυραϊκά..., стр. 348—349, № 9;

111) л. 45—45 об. Мануила, патриарха Константинопольского, письмо Иоанну Апокавку. Μανουὴλ ἐλέῳ θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κων(σταντινου)πόλ(εως) Νέ(ας) Ῥώμ(ης) καὶ οἰκουμεν(ικ)ὸ(ς) π(ατ)ριάρχ(ης) τῷ ἱερωτ(ά)τ(ῳ) μ(ητ)ροπο(λί)τ(ῃ) Ναυπάκτ(ου) ἐν κ(υρί)ῳ ἀγαπ(η)τ(ῷ) ἀδ(ελφῷ) καὶ συλλειτ(ου)ργ(ῷ) τ(ῆς) ἡμ(ῶν) μετριότ(η)τ(ος). Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 264, № 14;

112) лл. 45 об.—46 об. Иоанна Апокавка ответ патриарху на предыдущее письмо. Ἀντίγραμμα τοῦ Ναυπάκτ(ου) πρὸς τ(ὸν) π(ατ)ριάρχ(ην); Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 265—267, № 15; см. также: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Παρατηρήσεις..., стр. 861—862;

113) л. 46 об. Михаила Пселла письмо императору Роману Диогену. Τοῦ σοφωτάτου κῦρ Μιχαὴλ τοῦ Ψελλοῦ εἰς τὸν βασιλέα τ(ὸν) Διογένην, ὅτε ἐτυφλώθ(η). Конец утрачен. Издано по другому списку: Μιχαὴλ Ψελλοῦ ἱστορικοὶ λόγοι, ἐπιστολαὶ καὶ ἄλλα ἀνέκδοτα. Ἐν Παρισίοις, 1876, σελ. 316—318 (=K. Sathas. Bibliotheca Graeca Medii Aevi, V);

114) лл. 47—48. Иоанна Апокавка (?) письмо митрополиту Солунскому. Начало утрачено. Начинается словами: «... ἐξώρμησε πρὸς τ(ὸν) κάρμηλ(ον)»;

115) л. 48—48 об. Иоанна Апокавка письмо митрополиту Лариссы. Πρὸς τ(ὸν) μ(ητ)ροπο(λί)τ(ην) Λαρίσσ(ης). Начало: «Τόσα, δέσποτα, ἠγάπησα»;

116) лл. 48 об.—49 об. Соборное определение Навпактской митрополии по делу о двоемужестве. Μη(νὶ) ἰουν(ίῳ) ἰνδ(ικτιῶνος) ῑ̅ε̅ ἐπὶ παρουσ(ί)α τῶν κληρι(κῶν) καὶ ἀρχόντ(ων). 1227 г. (?) Начало: «Γυνὴ Κορινθία, ὀνομα Εἰρήνη»;

117) лл. 49 об.—50. Отрывок какого-то письма. Начало: «ὡς ᾽εοικ(εν), ὅτι πραγμ(άτων) ἥττους». Всего три строки;

118) л. 50. Иоанна Апокавка письмо митрополиту Керкирскому Георгию Вардану. Начало утрачено. Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Κερκυραϊκά..., стр. 350—351, № 10;

119) л. 50. Иоанна Апокавка письмо епископу города Арты. Πρὸ(ς) τ(ὸν) Ἄρτης. Издано: Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Συνοδικὰ γράμματα..., стр. 20—21, № 4;

120) л. 50—50 об. Определение Навпактского митрополита (Иоанна Апокавка?) по делу о сыноубийстве. Σημείωμα. Начало: «Ὁ ἀπὸ τῆς νήσου Λευκάδ(ος) Βασίλειος ὁ Καλίγ(ης)»;

121) лл. 50 об.—51 об. Иоанна Апокавка письмо Феодору, деспоту Эпирскому. Πρὸς τ(ὸν) κρατοῦντ(α). Издано: Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 272—274, № 13;

122) л. 51 об. Иоанна Апокавка письмо Марии, супруге деспота Эпирского Феодора Комнина. Без заглавия. Конец утрачен. Издано: Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 275—276, № 14;

123) л. 52—52 об. Иоанна Апокавка письмо Феодору Комнину, деспоту Эпирскому. Начало утрачено. Издано там же, стр. 276—278, № 15;

124) л. 52 об. Иоанна Апокавка (?) письмо царскому грамматику Каматиру. Πρὸς τὸν βασιλ(ικὸν) γραμματ(ικὸν) τ(ὸν) Καματ(η)ρ(όν). Начало: «Τὰ πρὸς τ(ὸν) β(ασι)λ(έα) ἐμά»;

125) лл. 52 об.—53. Иоанна Апокавка письмо митрополиту Солунскому. Πρὸς τ(ὸν) Θεσσαλ(ονίκης). Начало: «Ἐμέ, πανάγιε δέσποτα, ἐπὶ τοσοῦτ(ον) αἱ ἀρρωστίαι»;

126) л. 53. Иоанна Апокавка письмо епископам города Водицы и города Химары. Τῶ Βονδίτζ(ης) καὶ τῶ Χιμάρ(ας). Начало: «Πανιερώτ(α)τοι καὶ ἐν κ(υρί)ω συναδελ(φ)οὶ Βονδίτζ(ης) καὶ σὺ Χιμ(ά)ρ(ας)»;

127) л. 53—53 об. Определение Навпактского митрополита (Иоанна Апокавка?) по делу об обвинении в убийстве. Σημείωμα. Начало: «Ὁ ἐκ μικρ(ᾶς) Βαγενιτί(ας)»;

128) л. 53 об. Иоанна Апокавка письмо Марии, супруге деспота Эпирского Феодора Комнина. Πρὸς τ(ὴν) δέσποιν(αν) κυρὰν Μαρί(αν). Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 282, № 21; Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 278—279, № 16;

129) л. 53 об. Иоанна Апокавка окружное послание иерархам Навпактской митрополии. Начало: «Θεοσεβέστ(α)τ(οι) κληρικοὶ τ(ῆς) καθ'ἡμ(ᾶς) ἁγιωτ(ά)τ(ης) ἐκκλη(σίας) Ναυπάκτου». Конец утрачен;

130) л. 54. Письмо неизвестного брату (?) Иоанна Навпактского. Начало утрачено. Начинается словами: «Ἐγὼ δ'οὐκ εἰμί, εἰ γοῦν θέλεις ἐμὸς ἀδε(λφ)ὸ(ς) εἶναι»;

131) л. 54. Иоанна Апокавка письмо архиепископу Болгарскому. Πρὸς τ(ὸν) Βουλγ(α)ρ(ίας). Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Συμβολή..., стр. 237—238, № 4;

132) л. 54. Иоанна Апокавка (?) разъяснение, касающееся брачного права. Без заглавия. Начало: «Πολλαὶ τῶν ἐρωτημ(α)τικῶν ὑποθέσε(ων)»;

133) л. 54—54 об. Иоанна Апокавка (?) послание неизвестному монаху. Начало: «Οὐκ ἐσμὲν τοιοῦτοι, πανιερώτατε μοναχέ»;

134) л. 54 об. Иоанна Апокавка письмо епископу города Арты. Πρὸς τὸν Ἄρτης. Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Συνοδικὰ γράμματα..., стр. 23, № 8;

135) л. 54 об. Иоанна Апокавка окружное послание духовенству города Арты. Без заглавия. Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Συνοδικὰ γράμματα..., стр. 21, № 5;

136) лл. 54 об.—55. Иоанна Апокавка окружное послание духовенству того же города. Без заглавия. Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Συνοδικὰ γράμματα..., стр. 21—22, № 6;

137) л. 55. Иоанна Апокавка письмо Феодору Комнину, деспоту Эпирскому. Издано: Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 279, № 17; его же. Συνοδικὰ γράμματα..., стр. 22, № 7;

138) лл. 55—57. Πρᾶξις ἐκχωροῦσα εἰς τὸ τὴν ἐν τῇ Ἄρτῃ τῆς Βλαχερνιτίσσης ἀνδρῶαν μονὴν μεταμειφθῆναι εἰς γυνάικείαν, τοῦτο οὕτω θελησάσης τῆς κραταιᾶς Κομνηνῆς. Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Συνοδικὰ γράμματα..., стр. 14—20, № 3;

139) лл. 57—57 об. Иоанна Апокавка письмо Феодору Комнину, деспоту Эпирскому. Без заглавия. Издано: Пападопуло-Керамевс. Noctes Petrop., стр. 279—282, № 18;

140) лл. 57 об.—58. Иоанна Апокавка письмо нескольким епископам Навпактской митрополии с распоряжением совершить церемонию рукоположения епископов городов Водицы и Велы. Начало: «Ἅγιοί μου δέσποται καὶ ἐν κ(υρί)ῳ ἀγαπητοὶ ἀδελφοὶ καὶ συλλειτ(ου)ργ(οὶ) Ἀετοῦ, Ἀχελώου, Βοθρωτ(οῦ) καὶ Ἀνδραγαμέστου»;

141) л. 58. Соборное определение Навпактской митрополии о провозглашении царем Феодора Комнина Дуки Эпирского. Μη(νὶ) νοεμβρ(ίῳ) ἰνδ(ικτιῶνος) $\overline{\alpha}$ ἔτει $\overline{\text{ϛϡλϛ}}$ Ἰω(άννης) εὐτελ(ὴς) ἐπίσ(κοπος) τ(ῆς) ἁγιωτ(ά)τ(ης) μ(ητ)ροπόλ(εως) Ναυπάκτ(ου). Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 285—286, № 24; Пападопуло-Керамевс. Noctes Petrop., стр. 258—259, № 4; см. также его же. Παρατηρήσεις..., стр. 863;

142) лл. 58—59. Иоанна Апокавка письмо Феодору Комнину, деспоту Эпирскому. Τῷ βασιλεῖ. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 286—288, № 25; Пападопуло-Керамевс. Noctes Petrop., стр. 282—284, № 19; см. также его же. Παρατηρήσεις..., стр. 863;

143) лл. 59—60. Иоанна Апокавка послание епископу города Арты по делу о разрешении от эпитимии одного из местных дьяконов. Μη(νὶ) ἀπριλ(ίῳ) $\overline{\delta}$ ἡμέρ(ᾳ) $\overline{\gamma}$ ἰνδ(ικτιῶνος) $\overline{\alpha}$, ἐπὶ παρου(σία) τῶν κληρικ(ῶν) τῆς καθ'ἡμ(ᾶς) ἁγιωτ(ά)τ(ης) ἐκκλη(σίας) καὶ ἐτ(έ)ρ(ων) οὐκ ὀλίγ(ων). Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Συνοδικὰ γράμματα..., стр. 23—27, № 9;

144) л. 60. Иоанна Апокавка письмо митрополиту Лариссы. Τῷ ἁγιωτ(ά)τ(ῳ) Λαρίσσ(ης). Начало: «Θερμοποτήσαντ(ες) ἐν τῇ πόλει»;

145) л. 60—60 об. Иоанна Апокавка письмо Феодору Комнину. Τῷ κρατ(αιῷ) βασιλεῖ. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 284—285, № 23; Пападопуло-Керамевс. Noctes Petrop., стр. 284—285, № 20;

146) лл. 60 об.—62. Питтакий иерархов Навпактской митрополии патриарху. Πρὸς τ(ὸν) π(ατ)ριάρχ(ην) πιττ(άκιον) τῶν ὅλ(ων) ἀρχιερ(έων) σχεδιασθ(ὲν) π(αρὰ) τοῦ Ναυπάκτ(ου). Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 288—293, № 26; см. также: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Παρατηρήσεις..., стр. 863—864;

147) л. 62—62 об. Иоанна Апокавка питтакий патриарху. Τοῦ αὐτ(οῦ) πρὸς τ(ὸν) αὐτ(ὸν) π(ατ)ριάρχ(ην) ἰδικ(ῶς) πιττ(άκιον). Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 293—295, № 27; см. также: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Παρατηρήσεις..., стр. 864;

148) л. 62 об. Иоанна Апокавка письмо Феодору Комнину. Τῷ βασιλεῖ. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 295—296, № 28; Пападопуло-Керамевс. Noctes Petrop., стр. 285, № 21;

149) л. 63. Иоанна Апокавка письмо Феодору Комнину. Τῷ κρατ(αιῷ) βασιλ(εῖ). Издано: Пападопуло-Керамевс. Noctes Petrop., стр. 285—286, № 22;

150) л. 63. Разрешительная грамота Иоанна Апокавка, данная им некоей Феодоре Мавродукене, от обета поклониться св. Гробу в Иерусалиме. Без заглавия. Начало: «Τῇ εὐγενεστάτῃ κυρᾶ Θεοδ(ώ)ρα τῇ Μαυροδουκαίν(ῃ)»;

151) л. 63. Иоанна Апокавка молитва за царя (Феодора Комнина, деспота Эпирского). Τοῦ αὐτ(οῦ) εὐχ(ὴ) πρὸς τ(ὸν) β(ασι)λ(έ)α. Издано: Пападопуло-Керамевс. Noctes Petrop., стр. 286, № 23;

152) лл. 63—64. Решение по делу об убийстве. Σημείωμα φόνου. Начало: «Ἐλθὼν εἰς τὴν καθ' ἡμ(ᾶς) ἐκκλη(σίαν)»;

153) л. 64—64 об. Определение по делу об убийстве. Ἔτ(ε)ρ(ον) σημείωμα. Начало: «Τρεῖς ἄνδρες ἀπὸ τοῦ λεγομένου Λόγγ(ου)»;

154) л. 64 об. Иоанна Апокавка письмо епископу Левкадии. Без заглавия. Начало: «Πανιερώτ(α)τ(ε) Λευκάδος»;

155) л. 64 об. Иоанна Апокавка письмо Феодору Комнину, деспоту Эпирскому. Τῷ κρατ(αιῷ) β(ασι)λ(εῖ). Издано: Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 286—287, № 24;

156) л. 65. Иоанна Апокавка письмо епископу Вотротскому. Без заглавия. Начало: «Πανιερώτ(α)τ(ε) Βοθρωτ(οῦ)»;

157) л. 65—65 об. Решение по бракоразводному делу. Σημείωμα διαζυγίου. Начало: «Ἐκεῖνα τὰ συνοικέσια»;

158) л. 65 об. Иоанна Апокавка письмо Феодору Комнину, деспоту Эпирскому. Πρὸς τ(ὸν) β(ασι)λ(έα). Издано: Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 287—288, № 25;

159) лл. 65 об.—66. Иоанна Апокавка ответ на какой-то вопрос клира острова Керкиры. Без заглавия. Начало: «Θεοσεβέστατοι κληρικοὶ τῆς ἁγιωτ(ά)τ(ης) μ(ητ)ροπόλ(εως) Κερκ(ύ)ρ(ας)»;

160) л. 66. Вопрос епископа города Велы, касающийся брачного права. Ἐρώτησις τοῦ Βελᾶς. Начало: «Δέσποτά μου ἅγ(ιε), γυνή τις καταλειφθεῖσα ὑπὸ τοῦ ἀνδρός»;

161) л. 66—66 об. Иоанна Апокавка ответ на предыдущий вопрос. Ἀπόκρισ(ις) πρὸς ταῦτ(α) τοῦ μ(ητ)ροπ(ολί)τ(ου). Начало: «Περὶ οὗ δὲ ἠρώτησ(ας), ἔχ(εις) διδάσκαλ(ον)...»;

162) л. 66 об. Иоанна Апокавка (?) письмо епископу города Яннины. Без заглавия. Начало: «Πανιερώτ(α)τ(ε) ἐπίσκοπε Ἰωαννίν(ων)...»;

163) л. 66 об. Акт вассальной присяги графу Маттео (Madio, Maio), владетелю острова Кефалинии, данной латинским епископом Бенедиктом. Без заглавия. Начало: «Ἐν ὀνόμ(α)τ(ι) τοῦ π(ατρὸ)ς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγ(ίου) πν(εύματο)ς». Текст издан: N. A. Bees. Ein politisches Treubekenntniss von Benedictus dem römisch-katholischen Bischof von Kefalonia (1228). BNJ, III, 1922, S. 165—176; этот акт упоминается также: Васильевский. Болгарское патриаршество..., стр. 24—25, прим. № 2;

164) л. 66 об. Μη(νὶ) ἰουλ(ίῳ) $\overline{κη}$ ἡμέρ(ᾳ) $\overline{ς}$ ἰνδ. $\overline{α}$ ἐπὶ παρουσία τοῦ δεῖνος. Только дата; текста нет;

165) л. 67. Иоанна Апокавка (?) письмо неизвестному по делу о неурядицах в Яннинской митрополии. Отрывок. Начало: «...τίζειν τὰ ὑπὸ γῆν»;

166) л. 67—67 об. Феодора Комнина, деспота Эпирского, хрисовул. Χρυ(σόβου)λλ(ον). Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 296—299, № 29; Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 250—254, № 2;

167) л. 68. Иоанна Апокавка письмо неизвестному. Начало утрачено. Начинается словами: «...βόσκετ(αι) καὶ τ(ὴν) ἐκ θλίψεων ἐπιθήκην ὁ κ(α)τ(ὰ) Ναύπακτ(ον) τύραννος»;

168) л. 68. Иоанна Апокавка письмо митрополиту Диррахия. Τοῦ αὐτ(οῦ) πρὸς τ(ὸν) Δυρραχίου μ(ητ)ροπολίτην. Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Δυρραχηνά..., S. 573—574, № 3;

169) л. 68—68 об. Иоанна Апокавка решение по какому-то делу; маленький отрывок. Начало: «Πολλοὶ τῶν ἀν(θρώπ)ων εἰ μὴ καὶ πάντ(ες)»;

170) л. 68 об. Иоанна Апокавка письмо некоему Докиану. Начало утрачено. Начинается словами: «Πλινθουργοῦσιν· οὐδ' οἰκοδομοῦσιν»;

171) л. 68 об. Иоанна Апокавка ответ епископу города Вотрот. Τοῦ αὐτ(οῦ) πρὸς τ(ὸν) ἐπίσκο(πον) Βοθρωτ(οῦ) ἀντίγραμμα · μετακολούμ(ενος) γ(ὰρ) αὐτ(όν)

ὁ ἐπί(σκοπος) ἐν τῇ κατ'αυτ(ὸν) ἁγιωτ(ά)τ(η) ἐπισκοπ(ῇ) δι' ἰδί(ας) γρα(φῆς). Конец утрачен. Начало: «Ταυτόν τι τάχα ποι(εῖς), ἀδελ(φὲ) τίμιε»;

172) л. 69. Иоанна Апокавка письмо Марии, супруге Феодора Комнина, деспота Эпирского. Издано: Пападопуло-Керамевс. Noctes Petrop., стр. 288, № 26;

173) л. 69. Иоанна Апокавка письмо Никите Хониату. Τῷ Χωνιάτ(ῃ). Начало: «Οὐκ οἶδα, εἴ τις πλέ(ον) ἐμοῦ»;

174) л. 69—69 об. Иоанна Апокавка письмо митрополиту Лариссы. Τῷ Λαρίσσ(ης). Начало: «Ἔχω καιρ(ὸν) καὶ ἡμέραι παρέδραμον»;

175) л. 69 об. Иоанна Апокавка письмо епископу города Яннины и Феодору Ватаци. Τῷ ἁγιωτ(ά)τ(ῳ) Ἰωαννίν(ων) καὶ τῷ λαμπροτ(ά)τ(ῳ) πν(ευματ)ικῷ υἱῷ κῦρ Θεοδώρ(ῳ) τῷ Βατάτζῃ. Начало: «Ἐφ' οἷς ἐγράψατε τῇ ἐμῇ ταπεινότ(η)τ(ι)»;

176) л. 69 об. Письмо некоего Иоанникия епископу города Яннины. Τῷ τιμίῳ καὶ ἁγ(ίῳ) Ἰωαννίν(ων) ὁ ἁμαρτ(ω)λὸς Ἰω(αννίκιος). Начало: «Τὰ ζυγοφλάσκια ἐδεξάμ(ε)θ(α)»;

177) л. 70. Иоанна Апокавка (?) письмо какому-то епископу. Начало: «Ἴδει μ(ὲν) ἡμᾶς, ὦ τίμιε καὶ ἰσόθεε ἀδελ(φέ)»;

178) л. 70. Письмо некоего Иоанникия епископу города Яннины. Τοῦ Ἰωαννικ(ίου) πρὸς τ(ὸν) Ἰωαννίν(ων). Начало: «[Σ]οὶ δὲ ἄρα φροντὶς πε(ρὶ) ἡμ(ῶν)». См. выше, № 176;

179) л. 70—70 об. Христофора, епископа Анкирского, письмо Болгарскому царю Иоанну Асеню II. Πρὸς τ(ὸν) βασιλέα. Издано: Васильевский. Болгарское патриаршество..., стр. 53—55 (с русским переводом); Kurtz. Op. cit., S. 141—142, № 7;

180) лл. 70 об.—71. Письмо неизвестного брату (?) Иоанна Апокавка (?) по случаю смерти последнего. Без заглавия. Начало: «Πότε ἥξω καὶ ὀφθήσομαι τῷ προσώπ(ῳ) σου»;

181) л. 71—71 об. Георгия Вардана, митрополита Керкирского, письмо Христофору, митрополиту Анкирскому. Без заглавия. Издано: Васильевский. Болгарское патриаршество, стр. 46—47 (отрывок в русском переводе); Kurtz. Op. cit., S. 139—140, № 5;

182) лл. 71 об.—72. Соборное определение Ахридской архиепископии по поводу спора между супругами о приданом. Μη(νὶ) ἰουν(ίῳ) $\overline{ζ}$ ἡμέρα $\overline{ς}$ ἰνδ(ικτιῶνος) $\overline{γ}$ προκαθημ(ένου) Δημητρ(ίου) τοῦ παναγιωτ(ά)τ(ου) ἡμ(ῶν) δεσπότ(ου) τοῦ ἀρχιεπι(σκόπ)ου πάσ(ης) Βουλγ(α)ρ(ίας) ἐν τῷ προτεμενίσμ(α)τι τ(ῆς) ἁγιωτ(ά)τ(ης) ἐπισκοπ(ῆς) Σθλανίτζ(ης), συνεδριαζόντ(ων) τῇ μεγ(ά)λ(ῃ) ἁγιωσύν(ῃ) αὐτοῦ ἱερωτ(ά)τ(ων) ἐπισκόπ(ων) Μιχα(ὴλ) Σθλανίτζ(ης) καὶ Θεοδ(ώ)ρου Γρεβενοῦ, παρισταμ(έ)ν(ων) καὶ θεοφιλεστ(ά)τ(ων) δεσποτ(ικῶν) ἀρχόντ(ων), τοῦ τε ὁ δεῖνος καὶ τοῦ δεῖνος καὶ ἑτ(έ)ρ(ων). Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Συμβολή..., стр. 229—232, № 1;

183) л. 72—72 об. Того же Иоанникия (см. выше № 176 и 178) письмо к епископу города Яннины. Τοῦ Ἰωαννικ(ίου) πρὸς τ(ὸν) Ἰωαννίν(ων). Начало: «ὦ δέσποτα, καιρὸς εὐχ(ῶν)»;

184) л. 72 об. Его же (?) письмо тому же. Без заглавия. Начало: «Ἁγιώτ(α)τ(ε) δέσποτα Ἰωαννίν(ων)· καιρὸς ἀντιλαβέσθαι»;

185) л. 72 об. Иоанна Апокавка письмо епископу города Яннины. Τῷ Ἰωαννίνων ὁ ἁμαρτ(ω)λὸς ποτε Ναυπάκτου. Начало: «Ἁγιώτ(α)τ(ε) Ἰωαννίν(ων) καὶ ἠγαπημ(ένε) μοι δέσποτα· εὐχόμ(ε)θ(α)»;

186) л. 72 об. Иоанна Апокавка письмо епископу города Яннины. Τῷ ἁγιωτ(ά)τ(ῳ) Ἰωαννίν(ων) ὁ ἁμαρτ(ω)λὸς ποτε Ναυπάκτου. Издано: Kurtz. Op. cit., S. 140—141, № 6;

187) л. 73. Иоанна Апокавка (?) письмо некоему Николаю. Начинается словами: «Σὲ μὲν γάρ, παρῆλθεν ὁ στόλος». Начало заклеено и не читается, первые слова приведены по вышеуказанному описанию этого кодекса, составленному В. Г. Васильевским;

188) л. 73—73 об. Иоанна Апокавка (?) письмо ему же. Τὰ ἐπερχόμενα τῶ αὐτ(ῷ). Начало: «Ὁ πεμφθεὶς μειρακίσκος»;

189) лл. 73 об.—74. Иоанна Апокавка письмо Димитрию Евгениоту. Τῶ πανεντιμωτ(ά)τ(ῳ) καὶ ἐν κ(υρί)ω ἀγαπ(η)τ(ῷ) μου υἱῶ κῦρ Δημητρί(ῳ) τῶ Εὐγενιώτη ὁ Ναυπάκτου Ἰω(άννης). Начало: «Ἐντιμώτ(α)τ(ε) καὶ ἐν κ(υρί)ω ἀγαπ(η)τ(έ) μου υἱὲ κῦρ Δημήτρ(ιε)· ὅσα πε(ρὶ) τοῦ σταλέντος»;

190) л. 74. Иоанна Апокавка письмо епископу города Водицы. Τῶ πανιερωτ(ά)τ(ῳ) Βονδίτζ(ης) ὁ Ναυπάκτου Ἰω(άννης). Начало: «Πανιερώτ(α)τ(ε) Βονδίτζ(ης) καὶ ἐν κ(υρί)ω συνάδελ(φε)· ἡμ(ᾶς) ὁ θ(εό)ς»;

191) л. 74. Иоанна Апокавка письмо епископу города Водицы. Τῶ αὐτῶ Βονδίτζ(ης). Начало: «Πανιερώτ(α)τ(ε) Βονδίτζ(ης) καὶ ἐν κ(υρί)ω συνάδελ(φε)· ἐλπίς μοι»;

192) л. 74—74 об. Иоанна Апокавка (?) письмо епископу города Водицы. Без заглавия. Начало: «Πανιερώτ(α)τ(ε) Βονδίτζ(ης) καὶ ἐν κ(υρί)ω συνάδελ(φε)· ἀπηλαγμέ(νον) εἶναι»;

193) л. 74 об. Иоанна Апокавка (?) письмо ему же. Без заглавия. Начало: «Πανιερώτ(α)τ(ε) Βονδίτζ(ης) καὶ ἐν κ(υρί)ω ἀγαπ(η)τ(ὲ) ἀδελ(φὲ) καὶ συλλειτ(ουργὲ)· ἡ μονὴ τοῦ Σ(ωτῆ)ρ(ος)»;

194) л. 74 об. Иоанна Апокавка письмо Клименту Мономаху. Τῶ πανυπερεντιμοτ(ά)τ(ῳ) δεσπότη μου καὶ κ(α)τ(ὰ) θ(εὸ)ν ἀγαπ(η)τ(ῷ) ἀδελφῶ κῦρ Κλήμεντι τῶ Μονομ(ά)χω ὁ Ναυπάκτου Ἰωάννης. Начало: «Ἐλάσαντί μοι πρὸς γῆρ(ας)». Конец утрачен;

195) л. 75. Иоанна Апокавка письмо Михаилу Акоминату (?). Начало утрачено. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 278—279, № 18; см. также. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Παρατηρήσεις..., стр. 862;

196) л. 75—75 об. Иоанна Апокавка письмо врачу Константину. Τοῦ αὐτ(οῦ) Ναυπάκτ(ου) πρὸς τ(ὸν) ἀρχϊητρ(ὸν) κῦρ Κων(σ)τ(αντῖνο)ν. Начало: «Ἰατρικὴ μ(έν) σοι τὸ ἐπιτήδευμα»;

197) л. 76. Иоанна Апокавка (?) письмо неизвестному. Начало утрачено. Начинается словами: «Τοῖς μέρεσι καὶ πρόσφορος προσφορά»;

198) л. 76—76 об. Иоанна Апокавка письмо деспоту Солунскому. Θεσσαλον(ίκης) δεσπότη Θετταλί(ας) ἐξ πρωτοσεβάστου τῶν θυτ(ῶν) οὗτος λόγος. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 280—282, № 20; см. также Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Παρατηρήσεις..., стр. 862—863;

199) л. 76 об. Письмо неизвестного Иоанну Апокавку (?). Без заглавия. Начало: «Παρεκλήθην ὡποσοῦν τὸ γράμμα»;

200) л. 76 об. Определение Иоанна Апокавка по делу некоего Мануила Лувра, ложно обвиненного в злоупотреблениях. Σημείωμα. Начало: «Εὑρεθέντ(ων) ἡμ(ῶν) τ(ὴν) σήμ(ε)ρ(ον)»;

201) л. 76 об. Иоанна Апокавка письмо митрополиту Лариссы. Без заглавия. Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 279—280, № 19; см. также. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Παρατηρήσεις..., стр. 862;

202) л. 77—77 об. Иоанна Апокавка письмо Феодору Комнину, деспоту Эпирскому. Πρὸς τὸν κρατ(αιὸν) βασιλ(έα). Издано: Васильевский. Epirotica..., стр. 283—284, № 22; Пападопуло-Керамевс. Noctes Petrop., стр. 289—291, № 28; см. также, его же. Παρατηρήσεις..., стр. 863;

203) л. 77 об. Иоанна Апокавка (?) письмо неизвестному. Без заглавия. Начало: «Λέγουσιν οἱ πολλοὶ τότε». Конец утрачен;

204) л. 78. Иоанна Апокавка (?) решение по какому-то делу, связанному со взятием города Яннины. Начало утрачено. Начинается словами: «Συναθροισθεὶς ἀφανεία παραδοθῆναι». В тексте упоминается Феодор Дука;

205) л. 78—78 об. Георгия, епископа города Химары, питтакий Иоанну Апокавку. Πιττάκι(ον) ἀποσταλ(ὲν) παρὰ τοῦ ἁγιωτ(ά)τ(ου) ἐκείνου Χιμάρ(ας) κῦρ Γεωργί(ου) πρὸς τ(ὸν) μ(ητ)ροπο(λί)τ(ην) Ναυπάκτου κῦρ Ἰω(άννην), ὅτε καὶ νοσήσ(ας)

καὶ θανὼν ἤδη κατέκειτο νεκρὸς ἐπὶ ἡμέρ(ας) πέντε καὶ ἴσαις νυξὶ καὶ ἀνεβίω πάλιν. Начало: «Ὦ Ἁγιέ μου δέσποτ(α) καὶ αὐθέντ(α) μου· ἐξκαιδεκάτ(ην) εἶχεν ὁ δεκέμβριος μήν»;

206) л. 78 об. Иоанна Апокавка письмо архимандриту Иоанникию. Τοῦ Ναυπάκτου πρός τινα ἀρχιμανδρίτ(ην). Начало: «Τιμιώτ(α)τ(ε) ἀρχιμανδρίτα»;

207) л. 78 об. Иоанна Апокавка стих. Στίχοι τοῦ παναγιωτ(ά)τ(ου) μ(ητ)ροπο(λί)τ(ου) Ναυπάκτ(ου) εἰς τ(ὸν) μυστ(ικὸν) δεῖπν(ον). Начало: «Ἂν ἦν δυνατὸν καὶ μόν(ας) ψυχὰς βλέπειν»;

208) лл. 78 об.—79. На свв. мучеников Мину, Гермогена и Евграфа. Εἰς τ(οὺς) ἁγ(ίους) μάρ(τυρας) Μηνᾶν, Ἑρμογένην καὶ Εὔγραφον. Начало: «Ἐκκλησίας ἔντριτον οἶδα σπαρτίον»;

209) лл. 79—79 об. На тех же. Εἰς τ(οὺς) αὐτ(ούς). Начало: «Ἐκ τοῦ κόχλου πορφύρα, καὶ τοῦτο ξένον»;

210) л. 79 об. Стих на икону. Εἰς εἰκόνα χαιρετισμ(ὸν) ἱστορηθεῖ(σαν) καὶ κοσμηθεῖ(σαν) π(αρά) τινος, οὗ ὀφθαλμὸς ἔπαθε λευκώματι. Начало: «Ὀφθαλμός ἐστιν ἥλιος τῆς ἡμέρας»;

211) л. 79 об. Его же на Преображение. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὴν μεταμόρφωσιν. Начало: «Τὸ φ(ῶς) διαυγὲς πλὴν ἐν ὀστράκω μένον»;

212) л. 79 об. На могилу отца, матери и двоих детей. Εἰς τάφ(ον) π(ατ)ρ(ὸ)ς καὶ μ(ητ)ρ(ὸ)ς καὶ δύο παίδ(ων) αὐτῶν, θανόντ(ων) καὶ τῶν τεσσάρων ἐν τρισὶ μησίν. Начало: «Καινὸν πολυάνδριον εἷς οὗτος τάφος»;

213) лл. 79 об.—80. Стихи. Στίχοι ἀναγνωσθέντες ἐν τῇ ἁγία σορῷ, ἡνίκα πρώτως ἀνεγνώσθη ὁ λόγος τοῦ Χαλκηδόνος κῦρ Ἰωάννου τοῦ Κασταμονίτου, ὃν ἐποίησεν εἰς τὸν ἅγιον Γρηγόριον Θεόλογον, ὅτι καί τινες ἐδυσχέραινον καὶ αὐτὸς ὁ τηνικαῦτα μαΐστωρ τῶν ῥητόρων κῦρ Γεώργιος ὁ Τορνίκης, ὃς καὶ πρὸ δύο ἡμερῶν τῆς ἀναγνώσεως τοῦ τοιούτου λόγου ἀνέγνω ἐπιτάφιον εἰς τὸν Κοντοστέφανον ἐκεῖνον κῦρ Ἀνδρόνικον, καὶ πολλοὺς τῶν λογίων ἐκεῖσε συνεκαλέσατο.

214) л. 80—80 об. На то же чтение. Εἰς τὴν αὐτὴν ἀνάγνωσιν. Начало: «Πάλαι προφήτης ἓν σεραφεὶμ προβλέπει»;

215) л. 80 об. На тот же случай. Εἰς τὴν αὐτήν. Начало: «Σκηνῆς ἀπηγόρευσαν»;

216) л. 80 об. Другие стихи. Ἡ δὲ ἔννοια ἀπὸ καιροῦ· ὅτι θανόντος τοῦ μεγάλου Βασιλείου εἰς τὴν ᾱ τοῦ Ἰαννουαρίου, συνέβη καὶ ἡ μετάστασις τοῦ μεγάλου Γρηγορίου εἰς τὴν κὲ τοῦ αὐτοῦ μηνός.

217) л. 80 об. Стих. Εἰς τ(ὸν) ἐν τῷ παλατίῳ νιπτῆρα. Начало: Χαλκεύεται νῦν κατὰ δαιμόνων βέλη»;

218) лл. 80 об.—81. На св. Петра. Εἰς τ(ὸν) Πέτρ(ον). Начало: «Ἂν(θρωπ)ος ὡσεὶ χόρτος, ὡς καὶ σύ, Πέτρε»;

219) л. 81. Стих. Εἰς τ(ὸν) ἐν τῷ ἀνάπλω Χ(ριστὸ)ν τ(ὸν) ἑλκόμ(ενον), φοροῦντα στέφος ἀκάνθιν(ον) καὶ συναγωγῆς Ἰουδαίων ἱσταμ(ένων) ἐγγύθεν. Начало: «Ἂν ἀμπελῶνα τῆς γραφῆς ἐκμανθάνῃς»;

220) л. 81. На св. Марию Египетскую. Εἰς τ(ὴν) ὁσί(αν) Μαρί(αν) τ(ὴν) Αἰγυπτ(ίαν). Начало: «Νῦν ἐκ σκότους φῶς, ἐκ δὲ σαπρί(ας) μῦρον»;

221) л. 81—81 об. Иоанна Апокавка стих на богоявление. Τοῦ ἁγιωτ(ά)τ(ου) μ(ητ)ροπολίτ(ου) Ναυπάκτου κῦρ Ἰωάννου στίχοι εἰς τὰ ἅγια φῶτα. Начало: «Ἐγὼ λαλεῖν μ(ὲν) πρὸ χρόν(ων) ἐπαυσάμην»;

222) л. 81 об. Евстафия Солунского на св. Димитрия. Τοῦ ἁγιωτ(ά)τ(ου) Θεσσαλονίκης κῦρ Εὐσταθίου εἰς τ(ὸν) ἅγιον Δημήτριον. Начало: «Τίς ὁ σκοπός σοι τῆςδε τῆς λαβ(ῆς), μάκαρ»; Об этом тексте см. P. Wirth. Ein bisher unbekannter Demetrioshymnus des Erzbischofs Eustathios von Thessalonike. BZ, 52, 1959, S. 320;

223) л. 81 об. Евфимия Малакиса стих на Хумна. Τοῦ μακαριωτ(ά)τ(ου) μ(ητ)ροπο(λί)του Νέων Πατρ(ῶν) κῦρ Εὐθυμίου τοῦ Μαλάκη στίχοι γραφέντ(ες) εἰς τὸ λουτρ(ὸν) τοῦ Χούμνου, μέσ(ον) ὂν κήπου. Издано: Παπαδοπουλο-Κερα-

мевс. Noctes Petrop., стр. 89—90, без номера; его же. Εὐθύμιος Μαλάκης μητροπολίτης Νέων Πατρῶν. «Ἐπετηρὶς Φιλολογικοῦ Συλλόγου Παρνασσοῦ», VII, 1903, стр. 17—18, № 1;

224) л. 81 об. Юлиана Отступника стихи. Ἰουλιανοῦ τοῦ Παραβάτου στίχοι εἰς τὸ Ὄργανον. Издано (по другому списку): Juliani imperatoris quae supersunt. Rec. F. C. Hertlein, 1—2. Lipsiae, 1875, p. 611;

225) лл. 81 об.—85 об. Евфимия Торника слово увещательное императору Алексею Комнину. Λόγος ἐγκωμιαστικὸς εἰς τ(ὸν) βασιλέα κῦρ Ἀλέξ(ιον) τὸν Κομνην(όν) τοῦ παναγιωτ(ά)τ(ου) δεσπότ(ου) καὶ ὑπερτίμου κῦρ Εὐθυμ(ίου) τοῦ Τορν(ίκη) καὶ προτρεπτικὸς ἅμα, ὥστε ποιῆσαι ῥήτορα, ἀναγνωσθεὶς κ(α)τ(ὰ) τ(ὸν) καιρ(ὸν) τῶν Φώτ(ων), ὅτε οὐκ ἦν ῥήτωρ τις τοῦ τότε γεγονότος μ(ητ)ροπολίτου τῶν Παλαιῶν Πατρῶν. Издано: Παπαδοπουλο-Κερамевс. Noctes Petrop., стр. 103—115, № 1;

226) лл. 85 об.—88 об. Евфимия Торника монодия на Евфимия Малакиса. Τοῦ αὐτ(οῦ) μονῳδ(ία) εἰς τὸν ὑπέρτιμον Νέων Πατρῶν. Издано: Παπαδοπουλο-Κερамевс. Noctes Petrop., стр. 115—125, № 2; его же. Εὐθύμιος Μαλάκης, стр. 26—38, № 8.

227) лл. 88 об.—94. Иоанна Апокавка надгробное слово Димитрию Торнику. Τοῦ αὐτ(οῦ) ἐπιτάφιος εἰς τ(ὸν) πανσέβ(αστον) καὶ πάνσοφ(ον) λογοθέτ(ην) κῦρ Δημήτρ(ιον) τὸν Τορν(ίκην). Издано: Παπαδοπουλο-Κερамевс. Noctes Petrop., стр. 125—142, № 3;

228) лл. 94—97 об. Евфимия Торника (?) слово на смерть Алексея Комнина (сына Анны Комнины и Вриенния?). Издано там же, стр. 142—154, № 4;

229) лл. 97 об.—100. Его же слово надгробное митрополиту Афинскому. Τοῦ αὐτοῦ λόγος ἐπιτάφιος εἰς τ(ὸν) Ἀθηνῶν τ(ὸν) ὑπέρτιμον. Издано там же, стр. 154—162, № 5; Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἀθηναϊκὰ ἐκ τοῦ 12 καὶ 13 αἰῶνος. «Ἁρμονία», II, 1902, стр. 209—224, 273—293, (мне эта статья недоступна);

230) лл. 100—106 об. Его же слово императору Мануилу Комнину. Τοῦ αὐτ(οῦ) λόγος εἰς τ(ὸν) αὐτοκράτορα κῦρ Μανουὴλ τ(ὸν) Κομνην(όν) ἐκφωνηθ(εὶς) ὅτε εἰσῆλθ(ε) εἰς Κων(σταντινού)πολιν ὁ σουλτάνος προσελθ(ὼν) αὐτῷ. Издано: Παπαδοπουλο-Κερамевс. Noctes Petrop., стр. 162—187, № 6;

231) лл. 106 об.—110 об. Михаила Акомината монодия на Евстафия Солунского. Μονῳδία τοῦ ἁγιωτ(ά)τ(ου) Ἀθηνῶν εἰς τ(ὸν) ἀρχιεπί(σκοπον) Θεσσαλον(ίκης) κῦρ Εὐστάθιον. Конец утрачен. Издано по другому списку: Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου Τὰ σωζόμενα, 1, стр. 283—299;

232) л. 111. Евфимия Малакиса, митрополита Новых Патр, письмо патриарху Константинопольскому Феодосию I. Начало утрачено. Издано: Παπαδοπουλο-Κερамевс. Noctes Petrop., стр. 90—91, № 1;

233) л. 111—111 об. Евфимия Малакиса письмо Льву Монастириотису. Τῷ κριτ(ῇ) τοῦ βήλ(ου) κῦρ Λέοντι τῷ Μοναστηριώτ(ῃ). Издано там же, стр. 91—92, № 2; Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Εὐθύμιος Μαλάκης, стр. 18—19, № 2;

234) л. 111 об. Евфимия Малакиса письмо Евстафию, архиепископу Солунскому. Τῷ Εὐσταθ(ίῳ) Θε(σσαλο)νί(κης). Начало не читается. Издано: Παπαδοπουλο-Κερамевс. Noctes Petrop., стр. 92, № 3; его же. Εὐθύμιος Μαλάκης, стр. 19—20, № 3;

235) л. 111 об. Евфимия Малакиса письмо Андронику Каматиру. Τῷ σεβαστῷ καὶ μεγ(ά)λῳ δρουγγαρίῳ κῦρ Ἀνδρονίκῳ τῷ Καματ(η)ρ(ῷ). Начало стерто, конец утрачен. Издано: Παπαδοπουλο-Κερамевс. Noctes Petrop., стр. 92—93, № 4; его же. Εὐθύμιος Μαλάκης, стр. 20—21, № 4;

236) л. 112. Евфимия Малакиса, митрополита Новых Патр, письмо Андронику Каматиру. Начало утрачено. Издано там же, стр. 93—94, № 5;

237) л. 112. Евфимия Малакиса письмо Михаилу Акоминату. Τῶ Ἀθην(ῶν) κῦρ Μιχαὴλ τῶ Χωνει(ά)τ(η). Издано: Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 94, № 6; его же. Εὐθύμιος Μαλάκης, стр. 22—26, № 6;

238) лл. 112—113. Его же письмо Михаилу Акоминату. Τῶ αὐτ(ῷ) Ἀθην(ῶν) κῦρ Μιχα(ὴλ) τῶ Χωνειάτ(η). Издано: Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 94—98, № 7;

239) л. 113—113 об. Его же письмо Евстафию, архиепископу Солунскому. Τῶ Θεσσαλονίκης κῦρ Εὐσταθίω. Издано: Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 98, № 8; его же. Εὐθύμιος Μαλάκης, стр. 26, № 7;

240) л. 113 об. Михаила Акомината стихи на Богородицу. Без заглавия. Издано: Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 246—247, № 2;

241) лл. 113 об.—116 об. Надгробное слово Михаилу Акоминату, митрополиту Афинскому. Без заглавия. Издано: Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 236—246, № 1;

242) лл. 116 об.—117 об. Михаила Пселла письмо неизвестному. Τοῦ Ψελλ(οῦ) πρός τινα δυσχεράναντα ἐπὶ τῆ πρὸς αὐτ(ὸν) διὰ τ(ὴν) τοῦ χείλ(ους) ὄγκωσιν ἀστειότητι. Текст издан по другому списку: Μιχαὴλ Ψελλοῦ... Ἀνέκδοτα, стр. 245—248; см. также: Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Μιχαὴλ Ψελλοῦ ἐπιστολαὶ ἀνέκδοτοι. «Νέα Σιών», VII, 1908, стр. 497;

243) л. 117 об. Михаила Пселла письмо неизвестному. Τοῦ αὐτοῦ. Текст издан по другому списку: Μιχαὴλ Ψελλοῦ... Ἀνέκδοτα, стр. 490; см. также: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Μιχαὴλ Ψελλοῦ ἐπιστολαὶ ἀνέκδοτοι, стр. 497;

244) л. 117 об. Михаила Пселла письмо Дуке. Τοῦ αὐτοῦ. Текст издан по другому списку: Μιχαὴλ Ψελλοῦ... Ἀνέκδοτα, стр. 346—347; см. также: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Μιχαὴλ Ψελλοῦ ἐπιστολαὶ ἀνέκδοτοι, стр. 497;

245) лл. 117 об.—118. Михаила Пселла письмо Константину Дуке. Τοῦ αὐτοῦ. Издано по другому списку: Μιχαὴλ Ψελλοῦ... Ἀνέκδοτα, стр. 280; см. также: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Μιχαὴλ Ψελλοῦ ἐπιστολαὶ ἀνέκδοτοι, стр. 497;

246) л. 118. Михаила Пселла письмо кесарю. Τοῦ αὐτοῦ. Текст издан по другому списку: Μιχαὴλ Ψελλοῦ... Ἀνέκδοτα, стр. 306—307; см. также. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Μιχαὴλ Ψελλοῦ ἐπιστολαὶ ἀνέκδοτοι, стр. 497;

247) л. 118. Михаила Пселла письмо Константину Дуке (?). Τοῦ αὐτοῦ. Текст издан по другому списку: Μιχαὴλ Ψελλοῦ... Ἀνέκδοτα, стр. 283; см. также: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Μιχαὴλ Ψελλοῦ ἐπιστολαὶ ἀνέκδοτοι, стр. 497;

248) л. 118. Михаила Пселла письмо императрице Евдокии (?). Τοῦ αὐτοῦ. Текст издан по другому списку: Μιχαὴλ Ψελλοῦ... Ἀνέκδοτα, стр. 284; см. также: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Μιχαὴλ Ψελλοῦ ἐπιστολαὶ ἀνέκδοτοι, стр. 497;

249) л. 118. Михаила Пселла письмо неизвестному. Τοῦ αὐτοῦ. Начало: «φιλανθρωπότατε δέσποτά μου». Издано там же, стр. 499—500, № 1;

250) л. 118 об. Михаила Пселла письмо неизвестному. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς φίλ(ον) τινά. Издано там же, стр. 500—501, № 2;

251) л. 118 об. Михаила Пселла письмо неизвестному. Τοῦ αὐτοῦ. Начало: «Διὰ τοῦ παρόντος ἡμῶν οἰκειοτάτου θεράποντος». Издано там же, стр. 501, № 3;

252) л. 118 об. Михаила Пселла письмо племяннику. Τοῦ αὐτοῦ. Начало: «Λαμπρότατε καὶ ἠγαπημένε μοι ἀνεφιέ». Издано там же, стр. 501, № 4;

253) лл. 118 об.—119 об. Михаила Пселла письмо неизвестному. Τοῦ αὐτοῦ. Начало: «Καὶ πρὸ τῆς γραφῆς σου». Издано там же, стр. 502—504, № 5;

254) л. 119 об. Михаила Пселла письмо магистру. Τῷ μαγίστρῳ Πόθῳ καὶ κριτ(ῇ) Μακεδονί(ας) τῷ υἱῷ τῆς δρουγγαρί(ας). Начало: «Ὁ κακοπράτ(ης) οὗτος». Издано там же, стр. 505—506, № 6;

255) л. 119 об. Михаила Пселла письмо. Без заглавия. Издано по другому списку среди писем, принадлежащих Евстафию Солунскому: Eustathii metropolitae Thessalonicensis Opuscula, ed. Th. Tafel. Francofurti ad Moenum, 1832, p. 356—357, № 61;

256) л. 120. Михаила Пселла письмо; только маленький отрывок. Начало: «Ἄ δὴ καὶ μόνα». Издано: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Μιχαὴλ Ψελλοῦ ἐπιστολαὶ ἀνέκδοτοι, стр. 506, № 7;

257) л. 120. Михаила Пселла письмо неизвестному. Τοῦ αὐτοῦ. Начало: «Σύ με πεποίηκας γράψαι». Издано там же, стр. 506—507, № 8;

258) л. 120. Михаила Пселла письмо неизвестному. Без заглавия. Начало: «Ἀνέγνων τὸ ψήφισμα». Издано там же, стр. 507, № 9;

259) л. 120—120 об. Михаила Пселла письмо неизвестному. Начало: «Ὅταν μ(ὲν) λογίσωμαι τὸ πλῆθος τῶν ἀνιαρῶν». Издано там же, стр. 507—509, № 10;

260) лл. 120 об.—121. Михаила Пселла письмо Аристину. Τῷ Ἀριστηνῷ. Начало: «Μὴ οἷου, περιπόθ(η)τ(ε) ἀδελφέ, διὰ τὰς σὰς ἐπιστολάς». Издано там же, стр. 509—510, № 11;

261) л. 121. Михаила Пселла письмо неизвестному. Без заглавия. Начало: «Καινόν τινά μοι τρόπ(ον)». Издано там же, стр. 510—511, № 12;

262) л. 121—121 об. Михаила Пселла письмо неизвестному. Начало: «Ἀλλ' ἐγὼ ἐρωτῶ· διὰ τί...». Издано там же, стр. 511—512, № 13;

263) л. 121 об. Михаила Пселла письмо неизвестному. Начало: «Πολλοὺς μ(ὲν) καὶ ἄλλους ὠκειωσάμην». Издано там же, стр. 512, № 14;

264) л. 121 об. Михаила Пселла письмо неизвестному лицу духовного звания. Τοῦ αὐτοῦ. Начало: «Ἱερώτ(α)τ(έ) μοι ἀδελφέ, καὶ ὡς οὐκ ἐδίδου». Издано там же, стр. 512—513, № 15;

265) лл. 121 об.—122. Михаила Пселла письмо митрополиту Евхаитскому (Иоанну). [Τῷ μη]τροπολίτῃ Εὐχαΐτ(ων). Издано там же, стр. 513—515, № 16;

266) л. 122—122 об. Михаила Пселла (?) письмо неизвестному. Начало: «Ἐὰν ἠπιστάμην, ὅτι τὸ τῆς τιμιότητός σου γράμμα». Издано там же, стр. 515—516, № 17;

267) лл. 122 об.—126. Евфимия Торника ода в честь императора Исаака Ангела. Издано: Παπαδοπουλο-Κεραμεвс. Noctes Petrop., стр. 188—189, № 1;

268) лл. 126—127. Эпитафия. Τοῦ αὐτοῦ ἡρωελεγεῖα τοῦ Τορνίκη ἐπιτάφια. Издано там же, стр. 199—200, № 2;

269) л. 127—127 об. Его же стих. Ἡρωικὰ εἰς τὸν βίον. Издано там же, стр. 200—201, № 3;

270) л. 127 об. Его же стих. Ἡρωελεγεῖα ἐν ὀνείρῳ ῥηθέντα, ὅτε ὁ βασιλεὺς ἦν ὀργιζόμενος κατ'αὐτοῦ. Издано там же, стр. 201, № 4;

271) лл. 127 об.—130. Николая, митрополита Керкирского, стих. Στίχοι τοῦ μακαριωτάτου μητροπολίτου Κερκύρων κῦρ Νικολάου, οὓς ἐνεχείρισε τῷ ἁγιωτάτῳ πατριάρχῃ κῦρ Νικολάῳ καὶ τῇ ἱερᾷ συνόδῳ. Издано: Σπ. Λάμπρος. Κερκυραϊκὰ ἀνέκδοτα. Ἐν Ἀθήναις, 1882, p. 30—41, с некоторыми отличиями от печатного текста;

272) л. 130—130 об. Павла Катотика письмо Ксифилину. Τοῦ πρωτοπροέδρου κῦρ Παύλου τοῦ Κατωτικοῦ πρὸς τὸν πρωτοπρόεδρον καὶ προνοητὴν Λακεδαιμονίας τὸν Ξιφιλῖνον. Издано: Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ξιφιλῖνος,

πρωτοπρόεδρος καὶ προνοητὴς Λακεδαιμονίας. BZ, XIV, 1905, S. 564—567, № 1;

273) л. 130 об. Ответ Ксифилина. Ἀντίγραμμα πρὸς αὐτ(ὸν) τοῦ Ξιφιλίν(ου). Конец утрачен. Издано там же, S. 567, № 2;

274) л. 131. Отрывок какого-то письма. Начало: Ἀγάπης νόμον βεβίακ(εν)». Издано там же, S. 567, примечание 9;

275) л. 131—131 об. Макремволита письмо митрополиту Афинскому Николаю Агиофеодориту. Τοῦ Μακρεμβολίτου πρὸς τὸν ὑπέρτιμ(ον). Издано: Παπαδοπουλο-Κεραμевс. Noctes Petrop., стр. 247—248, № 3; его же. Ἀθηναϊκὰ ἐκ τοῦ 12 καὶ 13 αἰῶνος, стр. 209—224, 273—293;

276) На л. 131 об. помещен общий киноварный заголовок к нижеследующим словам митрополита Афинского Михаила Акомината: «Λόγοι τοῦ Ἀθηνῶν οἱ πρὸ τῆς ἀρχιερωσύνης αὐτοῦ»;

277) л. 131 об. Михаила Акомината письмо Никите Хониату. Τοῦ Ἀθην(ῶν) πρὸς τ(ὸν) ἀδελ(φὸν) αὐτοῦ κῦρ Νικήταν τὸν Χωνειάτην. Текст издан по другому списку: Μιχαὴλ Ἀκομινάτου Τὰ σωζόμενα, II, стр. 1—2, № 1;

278) л. 131 об. Михаила Акомината письмо Евстафию Солунскому. Τῶ Θεσσαλον(ίκης) κῦρ Εὐσταθίω. Издано по другому списку: Μιχαὴλ Ἀκομινάτου Τὰ σωζόμενα, II, стр. 2—3, № 2;

279) л. 131. Михаила Акомината письмо Константину Пигониту. Τῶ Πηγονίτ(η) κῦρ Κωνστ(α)ν[τίνῳ]. Только адрес, самого письма нет. Одно письмо Константину Пигониту напечатано там же, стр. 3—5, № 3;

280) л. 132. Михаила Акомината письмо Евстафию Солунскому. Начало утрачено. Издано там же, стр. 8—10, № 6, начиная со слов «Ἐπινήχεσθαι. Ἀλλὰ σύ, ὦ θεῖον καὶ κοινὸν ἀγαθόν» и до конца письма;

281) л. 132. Михаила Акомината письмо тому же Евстафию Солунскому. Πρὸς τὸν αὐτ(ὸν) Θεσσαλ(ονίκης) κῦρ Εὐστάθιον. Издано там же, стр. 10, № 7;

282) лл. 132—136. Михаила Акомината беседа. Πρὸς τοὺς ἀχθομ(ένους) διὰ τὸ ἀφιλένδεικτον. Издано там же, I, стр. 7—23;

283) лл. 136—147. Надгробное слово Никите Хониату. Ἐγκώμι(ον) εἰς τ(ὸν) μακάρι(ον) ἀρχιεπί(σκοπον) Χωνῶν κῦρ Νικήταν. Текст издан по другому списку там же, I, стр. 24—71;

284) лл. 147—149 об. Его же надгробное слово патриарху вселенскому Михаилу. Τοῦ αὐτοῦ ἐγκώμιον εἰς τὸν ἁγιώτ(α)τ(ον) καὶ οἰκουμενικ(ὸν) π(ατ)ριάρχην. Издано там же по другому списку, т. I, стр. 72—92;

285) л. 150—150 об. Беседа (?) на послание апостола Павла к Тимофею. Текст местами не читается. Этот отрывок написан другим писцом, чем вся рукопись. Некоторые документы этого сборника напечатаны или использованы также в ряде других работ, большей частью мне недоступных. См., например: Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἀθηναϊκὰ ἐκ τοῦ 12 καὶ 13 αἰῶνος, стр. 209—224, 273—293 (известная мне по библиографическим заметкам: BZ, XI, 1902, S. 684; BB, IX, 1902, стр. 287); его же. Κανονικαὶ πράξεις Γεωργίου Βαρδάνη καὶ Ἰωάννου Ἀποκαύκου. «Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος», IV, 1909, стр. 62—69; его же. Ἰωάννης Ἀπόκαυκος καὶ Νικήτας Χωνιάτης. «Πανηγυρικὸν τεῦχος τοῦ καθηγητοῦ Κ. Κόντου». Ἐν Ἀθήναις, 1909; его же. Διορθωτικὰ εἰς Εὐθύμιον Μαλάκην. «Ἐπετηρὶς Φιλολογικοῦ Συλλόγου Παρνασσοῦ», VIII, 1904, стр. 32—34; его же. Διορθώσεις εἰς Εὐθύμιον Μαλάκην καὶ Εὐθύμιον Τορνίκην. «Ἀθηνᾶ», 15 (1903), стр. 479—483 (известная мне по библиографическим заметкам: BB, XI, 1904, стр. 669; BZ, XIII, 1904, S. 584); N. Βέης. Λέων-Μανουὴλ Μακρός, ἐπίσκοπος Βελλᾶς. Καλουσπίτης, μητροπολίτης Λαρίσσης. Χρυσοβέργης, μητροπολίτης Κορίνθου. ΕΕΒΣ, II, (1925), стр. 122—148; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960; архим. Порфирий Успенский. Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 г. СПб.,

1856; N. B. Tomadakes. Οἱ λόγιοι τοῦ δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου. ΕΕΒΣ, 27 (1957), стр. 3—62 (известна мне по библиографической заметке: BZ, 51, 1958, S. 421). Собрание Порфирия Успенского. Некоторые листы сплетены неверно; переплет отстает; бумага обветшала и местами подклеена; начало, конец и некоторые листы утрачены.

ПБ, греч. № 250.

455. Межевая запись. XIII в.

Пергамен. Курсив, изобилующий сокращениями. Начальные буквы и названия местностей на полях написаны киноварью.

2 лл. 32,2×23,8 и 25,5×17,0. Число строк различно.

Откуда поступила р-сь в ПБ, установить не удалось.

Листы эти использовались для переплета какой-то книги, запачканы клеем и разорваны. Текст сильно пострадал, читается с трудом[14]. E. Muralt. Catalogue..., p. 70.

ПБ, греч. № 122.

(Окончание вып. 5 — в следующем томе).

[14] Публикация текста подготавливается Е. Э. Липшиц и мной.

СООБЩЕНИЯ

ТЕРМИН „РАБОТНИК" В РИЛЬСКОЙ, МРАЧСКОЙ И ВИРГИНСКОЙ ГРАМОТАХ XIV в.

Потребность в рабочих руках в феодальном поместье в Болгарии в XIV в. удовлетворялась главным образом за счет феодально-зависимого крестьянства: села или части сел давались в феодальную собственность вместе с их населением. Об этом свидетельствуют прежде всего специальные упоминания в грамотах о том, что село передается «вместе с людьми»[1]. В то же время, поскольку передача села вместе с людьми была само собой разумеющимся фактом, часто в жалованных грамотах не отмечалось специально, что вместе с землей передаются и люди[2].

Другим источником рабочей силы в феодальном владении была аренда. Грамота краля Милутина монастырю св. Георгия близ Скопле содержит данные о требеже — расчистке безземельными крестьянами необработанной или покинутой монастырской земли. Разработанные таким образом земельные площади оставались собственностью монастыря и эксплуатировались типично феодальным способом[3]. И, наконец, с известным основанием можно допустить, что в некоторых случаях источником рабочей силы в феодальных владениях Болгарии XIV в. являлся наем работников. Таких наемных работников Д. Ангелов видит в так называемых ратаях.

Конкретные данные о ратайстве имеются лишь в сербских документах, относящихся почти исключительно к Средней и Северной Македонии. Ратаи — это обедневшие крестьяне, вынужденные продавать свой труд за плату[4]. Естественно предположить, хотя об этом и не сохранилось достаточных сведений источников, что наемный труд спорадически существовал не только в Македонии, но и в других областях Болгарии. Известно, например, что наемные работники — «наѥмникы» — были наняты тырновским патриархом Иоакимом I (XIII в.) за плату деньгами[5]. Вопрос о наемном труде в этот период заслуживает специального рассмот-

---

[1] С. Новаковић. Законски споменици. Београд, 1912, стр. 403, XXIII; стр. 666, XI, XII.

[2] С. Новаковић. Указ. соч., стр. 609, X; 616, XL и др.; ср. также Д. Ангелов. Аграрните отношения в Северна и Средна Македония през XIV в. София, 1958, стр. 80.

[3] С. Новаковић. Указ. соч., стр. 618, LIII; Д. Ангелов. Аграрните отношения. . ., стр. 181.

[4] Д. Ангелов. Аграрните отношения. . ., стр. 199.

[5] И. Снегаров. Неиздадени старобългарски жития. «Годишник на Духовната Академия „Св. Климент Охридски"», III, 1953/54, стр. 167.

рения. Мы остановимся лишь на вопросе, можно ли видеть наемных работников в так называемых «работниках» Рильской и Мрачской грамот[6].

В иммунитетной формуле Рильской грамоты, изданной Иваном Шишманом 21 сентября 1378 г., говорится: «. . . никто из них (т. е. царских чиновников. — *С. Л.*) не должен брать на работу ни их человека, ни их работников»[7].

Термин «работники» в этом документе Д. Ангелов понимает как наемные работники, полагая, что здесь «человек», означающий зависимое от монастыря лицо, противопоставляется наемным работникам монастыря — ратаям[8].

Однако выше, в той же грамоте, читаем: «никто ѿ въсѣх болѣрь и работникъ цртва ми». «Работник» в данном случае означает царского чиновника. Очевидно, один и тот же термин, употребленный дважды в одинаковом контексте в одной и той же грамоте, не может иметь разные значения. И в первом случае термин «работник» должен означать административное лицо, только не царского чиновника, а монастырского служителя.

Таким образом, «человек» и «работник» не противопоставляются в этой грамоте, а речь идет только о разграничении этих категорий. Это тем более очевидно, что выше перед обоими этими терминами употребляется обобщающее наименование «люде»: «никто ѿ таковых да не смѣет забавити тѣм людем сто ѡца». Здесь под «люди» подразумеваются разные категории зависимого населения, в том числе и названные ниже «человек» и «работники». По-видимому, и «человек» и «работники» принадлежат к зависимым людям монастыря. Разница между ними заключается в том, что «работники» — это служители, исполняющие административные функции: надзиратели, сборщики ренты и т. д.

Далее употребление «работники» в смысле служители с административными функциями имеет место также в Виргинской грамоте. В ней имеется характерное выражение: «ѿ работникъ црв ми посилаемоіˣ по вса врѣмена по хораˣ и по градовѣхъ»[9], где «работник», бесспорно, означает царского административного чиновника[10].

Термин «работник» не имеет значения «наемный работник» и в Мрачской грамоте 1347 г., адресованной монастырю св. Николая. Выражение этой грамоты «и за всѧ моу люди и за всѧ моу работникы»[11] некоторые исследователи трактуют в смысле противопоставления наемных работников феодально-зависимому населению[12].

Однако надо учесть, что несколько ниже в грамоте имеется выражение: «ѿ всѣхъ болѣръ и работникъ црва ми», показывающее, что термин «работник» означает административного чиновника. Так что и выше термин «работник», по-видимому, означал монастырского служителя, исполняющего административные функции, и не противопоставлен термину «люди», а обозначает одну из категорий зависимого населения, подразумеваемого под обобщающим наименованием «люди».

---

[6] См. по этому поводу Д. Ангелов. Въпроси на феодализма в българските земи през XIII—XIV в. ИП, 1960, № 6, стр. 89.

[7] И. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 598.

[8] Д. Ангелов. Аграрните отношения. . ., стр. 179; его же. Въпроси на феодализма. . ., стр. 89.

[9] И. Иванов. Указ. соч., стр. 586.

[10] Ср. Д. Ангелов, М. Андреев. История на Българската държава и право. София, 1959, стр. 119.

[11] И. Иванов. Указ. соч., стр. 592.

[12] Д. Ангелов. Въпроси на феодализма. . ., стр. 89.

Так же как во втором случае, «работник» не противопоставлен «болярам», а означает одну из категорий «боляр».

То, что «работник» не противопоставляется «людям», становится очевидным, если мы процитируем не одну только фразу, а весь отрывок, касающийся перечисления различных категорий населения, полностью: «. . . и за вса моу люди и за вса моу работникы и за всѣ моу зевгелїа и за люди ѿрѣховѣнѣеже сѫт въ Срѣдци. . . парици и ѡтроци и технитаре или людие каковы либо». Мы видим, что на первом и последнем местах употреблен термин «люде», под которым подразумеваются все категории феодально-зависимого населения, перечисляемые здесь, — служители с административными функциями, жители города Средец, парики, отроки и ремесленники. На первом месте упомянуты «работникы» — административные служители, что, вероятно, означает, что они пользовались некоторыми привилегиями по сравнению с остальными категориями зависимого населения.

То, что работники представляли собой феодально-зависимое население, следует также из одной русской грамоты второй половины XIII в. (1267 г.). Текст гласит: «А что церковные люди: мастеры, соколницы, пардусницы или которые слуги и работницы. . . тяхъ да не замают ни на что, ни на работу, ни на сторожу»[13]. «Работники» здесь—феодально-зависимое население, подразумеваемое наряду с другими категориями под термином «люде».

И. Дуйчев справедливо указал, что в ряде случаев термин «работник» означает высшего государственного чиновника[14]. Он ссылается на выражение «всѣческыѣ работы царства ми» в Ватопедской грамоте Ивана Асеня II от 1230 г.[15], а также на приведенное выше выражение «работникъ црвами» Мрачской грамоты[16].

Таким образом, можно считать, что термин «работник» в Болгарии в XIV в. употреблялся в значении административного служителя. В государственном аппарате это были административные чиновники, обычно боляре, а в монастырских владениях — зависимые люди. «Работники» не имеют, таким образом, ничего общего с наемными работниками. В крупных феодальных владениях, вероятно, всегда были такие постоянные служители.

Кроме того, известно, что в феодальных владениях имелся свой аппарат для сбора податей с населения[17] — перпираки, житари, винари, овчии и др[18].

Важно также отметить, что «работникы», являющиеся, согласно болгарским и русским монастырским грамотам, частью феодально-зависимого монастырского населения, имелись в хозяйствах русских монастырей как феодально-зависимое население и в XV—XVI вв[19]. Только в XVI—XVII вв. начался процесс их постепенного превращения в работников,

---

[13] См. Ярлыкъ хана Менгу Тимура 1267 г. Собрание государственных грамот и договоров, т. II. СПб., 1819, № 2; ср. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. М., 1958, кол. 5: работникъ.

[14] И. Дуйчев. Рецензия на «Годишник на Софийския университет, богословски фак-т», т. XXII, 1944—1945 гг. «Годишник на Българския библиографски ин-т», т. I, 1948, стр. 557.

[15] И. Иванов. Указ. соч., стр. 577.

[16] И. Дуйчев. Указ. соч., стр. 557.

[17] Д. Ангелов, М. Андреев. Указ. соч., стр. 142, 145.

[18] Ср. также Рильскую грамоту. И. Иванов. Указ. соч., стр. 598.

[19] В. А. Петров установил, что в XVI в. в России термин «работники» обозначал низший разряд зависимых монастырских людей (В. А. Петров. Слуги и деловые люди монастырских вотчин XVI в. Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.—Л., 1960, стр. 146).

статус которых близок к статусу свободных наемных рабочих[20]. Отличие болгарских работников XIV в. от русских заключалось в том, что последние не несли административных функций в монастырях, а использовались в качестве основной рабочей силы в сельском хозяйстве[21].

Несомненно, вопрос о значении термина «работники» является частью нерешенного еще вопроса об использовании наемного труда в феодальных хозяйствах. Специальное его рассмотрение может явиться задачей дальнейших исследований.

С. Лишев

---

[20] В XVII в. эти монастырские люди по своему юридическому положению были близки к так называемым наймитам. Все же условия их экономического положения придавали этому найму феодальные черты и сближали эту категорию более с крепостными крестьянами, чем со свободными наемными рабочими нового времени. Следовательно, в России «работники» смыкались с феодальным населением даже в эпоху позднего феодализма (ср. В. А. Петров. Указ. соч., стр. 162).

[21] Ср. В. А. Петров. Указ. соч., стр. 135.

ГОРОДСКИЕ ВЛАДЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ МОНАСТЫРЕЙ В ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ

XIII—XIV века в истории Византии — это время расцвета крупного светского и церковно-монастырского землевладения[1].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники, в первую очередь императорские жалованные грамоты и описи владений — практики, дают возможность судить о больших размерах монастырской собственности в поздней Византии. Одним из проявлений экономического и политического могущества монастырей является рост их городских владений в последние века жизни империи.

Провинциальные монастыри, главным образом афонские, стремились к приобретению владений в крупных городах, прежде всего в Константинополе и Фессалонике. Стремление афонских монастырей проникнуть в столицу объясняется как экономическими, так и политическими мотивами. В Константинополе монастыри получали возможность находиться в непосредственной близости к патриаршему и императорскому дворам. Кроме того, монастырские странноприимные дома в столице были местом, где останавливались иностранные купцы. Столичные рынки становились доступными для продукции монастырских владений[2].

Выгодным в экономическом отношении было проникновение и в другие крупные города. Это также давало возможность сбывать продукцию на городских и пригородных рынках, не затрачивая значительных средств на транспортировку. Заинтересованность афонских и других крупных провинциальных монастырей в приобретении различного рода владений в городах и пригородах заставляла их домогаться императорских и патриарших пожалований такого рода, а также покупать городские земли.

---

[1] В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, 1880, ч. 210; И. Соколов. Крупные и мелкие властели в Фессалии в эпоху Палеологов. ВВ, XXIV, 1923—1926; P. Charanis. The Monastic Properties and the State in the Byzantine Empire. DOP, 4, 1948; idem. The Aristocracy of Byzantium in the Thirteenth Century. «Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A. Ch. Johnson». Princeton, 1951; idem. On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the 13th Century and Later. BS, X, 1951; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952; F. Dölger. Die Frage der Grundeigentums in Byzanz. «Byzanz und die europäische Staatenwelt». Ettal, 1953; Б. Т. Горянов. Крупное феодальное землевладение в Византии XIII—XV вв. ВВ, X, 1956; его же. Поздневизантийский феодализм. М., 1962.

[2] А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 75; П. Успенский. История Афона. Киев, 1871, стр. 17—23.

Императоры и патриархи, часто заинтересованные в политической поддержке Афона, способствовали экономическому проникновению афонских монастырей в крупные города. В период гражданской войны 40-х годов XIV в. обе борющиеся стороны, стремясь заручиться поддержкой влиятельного афонского монашества, щедро одаривали монастыри различного рода пожалованиями, в том числе и городскими владениями.

Интересной в этом отношении является простагма императора Иоанна VI Кантакузина монастырю Ватопеда[3].

Происхождение простагмы таково. Во время междоусобной борьбы Иоанна V Палеолога и Иоанна VI Кантакузина монастырь Ватопеда, как и ряд других афонских монастырей, стоял на стороне Кантакузина. Афонские монахи отправили посольство к императрице Анне Савойской, которая была крайне враждебно настроена по отношению к Кантакузину, с целью примирить их, т. е. заставить Анну пойти на уступки мятежной феодальной знати. Миссия афонских монахов оказалась неудачной, а представитель Ватопедского монастыря Савва был задержан и заключен в монастыре Хора в Константинополе. Но после победы Иоанна Кантакузина Савва стал первым кандидатом на патриарший престол[4]. Сразу же после своего победоносного вступления в Константинополь в феврале 1347 г. Кантакузин издал по просьбе ватопедских монахов, прибывших приветствовать победившего императора, простагму.

Согласно этой простагме, впоследствии подтвержденной сигиллием патриарха Исидора (октябрь 1347)[5] и хрисовулом императора Кантакузина (декабрь 1349)[6], афонский монастырь Ватопеда получил в управление константинопольский монастырь (τῆς θεοτόκου τῆς Ψυχοσωστρίας) со всеми его владениями как в столице, так и в провинции[7]. Это пожалование было сделано в ответ на просьбу монахов Ватопеда предоставить им владение в столице[8]. Ватопедский монастырь получил право назначать в монастырь τῆς Ψυχοσωστρίας игумена, который должен был навести порядок в монастыре[9] (возможно, он должен был повлиять на изменение политических симпатий монахов, которые до этого были на стороне низложенного Калеки). Необходимо было также улучшить хозяйство монастыря, которое, как утверждается в хрисовуле от 1349 г., находилось в полном запустении[10], тогда как хозяйство Ватопедского монастыря находилось в цветущем состоянии.

Владения монастыря Ψυχοσωστρίας состояли из нескольких домов, построенных монахами около монастыря; церкви св. Николая с подворьем и шестью домами подле странноприимного дома Пантелеймона[11]; нескольких владений в пригородах Константинополя; в Гераклее участка земли и мельницы; владений в городке Хариуполе, двух монастырьков

---

[3] F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 43—44, S. 120—125.

[4] Cantacuzenus. Historiarum libri IV. Bonnae, 1828—1832, III, 35, p. 213; А. Пападопуло-Керамевс. Жития двух патриархов XIV века—св. Афанасия и Исидора I. СПб., 1905, стр. 116, 25—30.

[5] F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . ., № 43—44, S. 121—123.

[6] Ibid., S. 123—125.

[7] Ibid., S. 122.

[8] Ibidem.

[9] Ibidem.

[10] Ibid., S. 123.

[11] Церковь св. Николая у Влахерн, недалеко от перевоза через Золотой Рог (R. Janin. Constantinople byzantine. Paris, 1951, p. 232). Эта церковь упоминается в «Хождении Стефана Новгородца» (М. Н. Сперанский. Из старинной новгородлитературы XIV в. Л., 1934, стр. 76).

в Памфиле; монастыря Кенхри, которому в свою очередь принадлежал ряд мелких монастырей; нескольких мельниц и виноградников. Кроме этих владений, принадлежащих монастырю Душеспасительницы, ватопедские монахи стали также обладателями ряда привилегий: получили право иметь корабль в 100 модиев вместимости, причем те из перевозимых продуктов и прочих предметов, которые были необходимы для их собственного потребления, освобождались полностью от пошлин, а те предметы, которые предназначались для продажи на рынках Константинополя, вместо 10% пошлины облагались только 2%; особые же товары, за которые обычно уплачивали пошлину в размере 25%, освобождались от этой экстраординарной пошлины. Кроме того, так как с передачей ватопедским монахам константинопольского монастыря предполагалось значительное увеличение объема торговли, им разрешалось в дальнейшем вместо корабля вместимостью в 100 модиев завести корабль вместимостью в 300 модиев. Таким образом, экономические выгоды, полученные Ватопедским монастырем в результате пожалования ему константинопольского монастыря Душеспасительницы оказались весьма значительными, но не менее значительными были, по-видимому, и политические последствия этого пожалования.

До 1347 г. большое количество мелких монастырей и имений в провинциях находилось во владении монастыря Душеспасительницы, стоявшего на стороне Калеки и враждебно настроенного по отношению к Кантакузину. После победы Кантакузина все эти владения и сам монастырь Душеспасительницы попали под власть Ватопеда, и это не могло не повлиять на политическую ориентацию монахов монастыря Душеспасительницы, тем более что Ватопедский монастырь назначал отныне игумена Душеспасительницы.

Если Ватопед во время гражданской войны был на стороне Кантакузина, то Лавра была на стороне Анны Савойской. Прибывший в Константинополь игумен Лавры Макарий показал себя непримиримым противником Кантакузина. Императрица и патриарх Иоанн Калека назначили его в бурное время восстания зилотов, поддерживавших правительство Анны Савойской, Апокавка и патриарха Калеки, митрополитом Фессалоники.

Монахи Лавры сумели получить от Анны Савойской ряд привилегий в Константинополе. Они просили патриарха передать Лавре ряд торговых домов, принадлежавших церкви, и странноприимный дом. Патриарх удовлетворил эту просьбу своих сторонников, а в дальнейшем—в 1343 г.—императорский хрисовул Иоанна V Палеолога подтвердил этот дар и закрепил за Лаврой дома, эргастерии и подворье[12]. В апреле 1355 г. Иоанн V подтвердил права афонской Лавры на монастырь Богоматери Живоносного Источника[13]. Это был старинный богатый монастырь, расположенный у западной стены Константинополя, вне города, у ворот Источника (Πηγή), ведущих к главной улице столицы[14].

Таким образом, в период гражданской войны афонские монастыри усилили свои позиции в столице и в других городах.

Патриарх Филофей сигиллием от февраля 1367 г. передал Лавре, кроме монастыря св. Димитрия у Широких ворот[15], и монастырь, располо-

---

[12] П. Успенский. Восток Христианский. Афон, ч. III. СПб., 1892, стр. 155.

[13] F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . ., № 55.

[14] R. Janin. Constantinople byzantine, p. 413; idem. La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. Paris, 1953, partie I, t. III, p. 232—237; там же см. библиографию о монастыре Богородицы Живоносного Источника.

[15] F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . ., № 83, S. 223—225; R. Janin. La géographie. . ., partie I, t. III, p. 95.

женный у пристани (πρὸς τὸν λιμένα), напротив Галаты. Филофей передал лавриотам этот метох, чтобы они имели подворье у морской пристани, «устраивали и улучшали местное хозяйство»[16].

Приобретение Лаврой владения в Галате, наиболее богатом торговом районе, где была сконцентрирована торговля итальянских купцов, весьма знаменательно. Оно свидетельствует о несомненных экономических выгодах, полученных лавриотами.

Все крупные афонские и другие провинциальные монастыри имели в столице, в других городах и в пригородах ряд владений, приобретенных или в результате пожалования, или путем покупки. Некоторые из этих владений были довольно значительными. Константинопольский монастырь Пантократор в 1313 г. получил землю в 1050 модиев около Серр и четыре стреммы под виноградником[17].

Хрисовул Стефана Душана от апреля 1348 г. называет среди владений Ватопедского монастыря хорафии и виноградники возле города Серр общей площадью в 500 модиев[18].

Один из запродажных актов свидетельствует о продаже Хиландарскому монастырю земли группой серрских крестьян, составившей в общей *сложности около 70 стремм*[19].

Количество примеров подобного рода можно было бы значительно умножить. Источники недвусмысленно свидетельствуют, что все крупные монастыри — Ватопедский, Ивирский, Эсфигменский, Ксенофонтовский, Лемвиотиссы, Кутлумушский — имели многочисленные владения (метохи, хорафии, виноградники, дома) в городах и пригородах[20].

Городские и пригородные земли, виноградники, оливковые рощи приносили монастырям большой доход, ибо транспортировка продуктов на городские рынки не представляла трудностей. Эти монастырские владения должны были играть немалую роль в снабжении городского населения продуктами питания. Документ 1421 г., представляющий собой арендный договор Ивирского монастыря с семейством Аргиропулов[21], проливает некоторый свет на способ эксплуатации монастырем городских земель, которые в силу своей близости к рынку имели особую ценность. Ивирский монастырь сдал в аренду семейству Аргиропулов на условиях улучшения хозяйства очень выгодный в торговом отношении участок сада (κηποπεριβόλια) около Золотых ворот Фессалоники (κατὰ τὴν γειτονίαν τῆς Χρυσῆς)[22]. Мы знаем, что невдалеке от Золотых ворот происходила знаменитая фессалоникийская ярмарка.

Аргиропулы, улучшив оросительную систему, сдавали в субаренду участки монастырской земли, заключая краткосрочные соглашения, притом прогрессивно с каждым годом увеличивали плату: в первый год они получали в качестве арендной платы 59,5 иперпиров, во второй год — 81 иперпир, а на семнадцатый год уже 115 иперпиров. Кроме денежной платы, арендаторы должны были каждую субботу подносить так называемые субботние подарки (τὰ συνήθη σαββατιατικὰ), т. е. приносить собственнику определенное количество овощей и фруктов натурой (λάχανα, σκόροδα, κρόμμυα, κολοκύνθια)[23]. Договор стал со временем более выгоден

---

[16] П. Успенский. Восток Христианский, ч. III, стр. 164.
[17] P. Lemerle. Actes de Kutlumus. Paris, 1946, № 8.
[18] А. Соловјев и В. Мошин. Грчке повеље српских владара. Београд, 1936, стр. 142; см. Б. Т. Горянов. Крупное феодальное землевладение. . . ВВ, X, 1956, стр. 125.
[19] Actes de Chilandar. ВВ, XVII, 1911, прил., № 1, № 109.
[20] F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . ., № 7, 9, 89.
[21] Ibid., № 102, 24.
[22] Ibid., № 102.
[23] Ibidem.

Аргиропулам благодаря их предприимчивости, чем монахам. Последние начали добиваться его расторжения, что им и удалось в конце концов.

В какой-то степени предпринимательский характер аренды Аргиропулов свидетельствует о проникновении в экономическую жизнь Византии новых форм земельных отношений. К сожалению, нет материалов, которые бы дали возможность судить, насколько жизнеспособными были эти отношения.

Монастыри приобретают в городах и пригородах не только земельную собственность и метохи, но и дома, ремесленные мастерские — эргастерии.

Принадлежавшие им в городах дома монахи сдавали в наем. Так, хрисовул Андроника III от 1330 г. закрепляет за Ксенофонтом в Фессалонике дома, имеющие двор (ἡ αὐλή) и помещения, сдаваемые внаем (ἐνοικιακῶν ὁσπητίων)[24].

Запродажный акт от апреля 1320 г. свидетельствует о покупке Ивирским монастырем в Фессалонике трех домов с двором и колодцем за сумму 60 иперпиров в венецианских дукатах (по курсу 12 дукатов на иперпир)[25]. В марте 1326 г. Георгий Визин продал Ивирскому монастырю четыре дома в Фессалонике, поблизости от ипподрома: двухэтажный дом с двускатной крышей и балконом, два двухэтажных дома, нуждавшихся в ремонте, и дом без крыши. При домах имелся сад с фиговыми деревьями, κηπήδιον, ἐν ᾧ καὶ συκάμινον δένδρον, и виноградный пресс[26].

В 1325 г. Михаил Комнин продал монастырю Хиландарь внутри Серр дома, крытые черепицей, навесы с двором и воротами (οἰκήματα ἐντὸς τοῦ κάστρου Σερρῶν χαμαίγαια κτιστοχεραμόσκεπα, ἰδιοπεριόριστα, μετ'αὐλῆς καὶ πόρτης)[27].

Дарственная от апреля 1326 г. свидетельствует о дарении некой Стаматики Хиландарскому монастырю домов в Серрах[28]. Император Андроник II Палеолог подтвердил хрисовулом владения монастыря Филофея пятью домами с дворами (οἰκήματα πέντε) в Серрах[29]. Ивирский монастырь владел в Фессалонике метохом св. Афанасия с его домами[30].

В 1347 г. хрисовулом Стефана Душана за Эсфигменским монастырем утверждается собственность на дома внутри Фессалоники[31]. В Смирне монастырь Лемвиотиссы владел несколькими домами[32]. Ватопедский монастырь владел в Фессалонике метохом во имя пресвятой богоматери с находящимися около нее домами[33] и домами в Верое[34].

В Серрах монастырь Ватопеда имел подворья, особо назван среди владений монастыря дом в торговом центре (εἰς τὸ ἐμπόριον) Серр[35].

---

[24] Actes de Xénophon. BB, X, 1903, № VIII, 98—100, p. 64.
[25] F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . ., № 111, S. 303.
[26] Ibid., № 112, S. 306.
[27] Actes de Chilandar, № 105, 11—13, p. 216.
[28] Ibid., № 108, p. 222.
[29] Actes de Philothée. BB, XX, 1913, № VI, 22—24, p. 19. Также владение Филофеева монастыря домами в Серрах подтверждается документом IX, 17, p. 24.
[30] F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . ., № 89.
[31] Actes d'Esphigménou. BB, XII, 1906, № XIV, 28, p. 31.
[32] MM, vol. IV, № XIV, p. 55; см. Г. В. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства, ЖМНП, 1880, ч. 210, стр. 157.
[33] W. Regel. Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῆς ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει Ἄθῳ μονῆς τοῦ Βατοπεδίου. СПб., 1896, p. 3. M. Goudas. Βυζαντινὰ ἔγγραφα τῆς ἐν Ἄθῳ μονῆς τοῦ Βατοπεδίου, ΕΕΒΣ, IV, 1927, p. 223.
[34] W. Regel. Op. cit, p. 18.
[35] Ibidem.

Часто покупаются и дарятся дворы[36], строения (ὁσπήτια)[37], кладовые (ἀνώγαιον)[38].

Монастыри начинают играть определенную роль и в ремесленном производстве византийских городов и пригородов, приобретая в собственность мастерские (ἐργαστήρια), лавки, пекарни, мельницы и т. д.

В 1313 г. монастырь Пантократор получает в дар от монаха Космоса Панкалоса три эргастерия в Серрах[39].

Ивирские монахи владели в Фессалонике лавкой, трактиром[40]. Часто владениями монастырей в городах были пекарни (φοῦρνος, μαγκιπεῖα)[41], мельницы[42].

В 1338 г. Феодора Кантакузина передает Кутлумушскому монастырю три эргастерия недалеко от торгового центра Серр[43-44]. Ивирские монахи владели в Фессалонике двумя эргастериями и скорняцкой мастерской (γουναράδικον)[45].

В хрисовуле Андроника III от 1330 г. среди владений монастыря Ксенофонта названы три эргастерия близ Фессалоники[46]. Монастырь Лемвиотиссы владел в окрестностях Смирны мастерской с водяной мельницей[47]. Итак, в XIII—XIV вв. провинциальные, главным образом афонские, монастыри, усиливают свои экономические позиции в городах, постепенно приобретая городские земли, виноградники, мастерские, лавки, пекарни, дома, хозяйственные постройки.

В XIII—XIV вв. влияние монастырей проникает не только в города, но и в κάστρα[48] — местечки полугородского типа, утратившие свое чисто военное, оборонительное значение[49].

Являясь владельцами земли, виноградников, эргастерий в городе и близ него, монастыри, естественно, занимались торговлей[50].

---

[24] Фессалоника: Actes de Lavra. Paris, 1937, t. 1, p. 2; Actes de Xénophon, № 223—224, p. 25; Серры: P. Lemerle. Actes de Kutlumus, № 18.

[37] В Серрах: В. Флоринский. Афонские акты и фотографии с них в собраниях П. И. Севастьянова. СПб., 1880, стр. 92; P. Lemerle. Actes de Kutlumus, № 8, 18; Actes de Chilandar, № 62, 55—57, p. 147; F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . ., № 9, 19—21, S. 441. В Веррое: W. Regel. Op. cit.. p. 18.

[38] P. Lemerle. Actes de Kutlumus, № 8, 18.

[39] P. Lemerle. Actes de Kutlumus, № 18. Д. Ангелов переводит ἐργαστήριον как магазин (см. Д. Ангелов. Към въпроса за средневековия български град. «Археология», 1960, кн. 3, стр. 20).

[40] F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . ., № 89; С. Лишев отмечает, что Зографский монастырь владел в Серрах 18 лавками, в Солуни — 30 (С. Лишев. За стоковото производство във феодална България. София, 1958, стр. 93).

[41] P. Lemerle. Actes de Kutlumus, № 8, 18; F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . ., № 89.

[42] В Серрах: P. Lemerle. Actes de Kutlumus, № 8; Г. Флоринский. Указ. соч., стр. 92; F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . ., № 9, 19—21. В Веррое: W. Regel. Op. cit., p. 18.

[43-44] P. Lemerle. Actes de Kutlumus, № 18.

[45] F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . ., № 89.

[46] Actes den Xénophon, № VIII, p. 64.

[47] MM, vol. IV, № III, p. 19.

[48] Ср. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 98; А. П. Каждан. Город и деревня в Византии XI—XII вв. XII Международный конгресс византинистов. Белград—Охрид, 1961, стр. 31; Кирстен считает, что ко времени Комнинов κάστρα стали городами в западноевропейском смысле слова (E. Kirsten. Die byzantinische Stadt. «Berichte zum XI. Internat. Byz. Kongr.». München, 1958, S. 25.

[49] Филофейский монастырь имел, например, недалеко от крепости Стеларий гостиницы, эргастерии, мельницу, сады, хорафии (Actes de Philothée. BB, XX, № III, 20—30).

[50] См. Д. Ангелов. По въпроса за стопанския облик на българските земи през XI—XIV вв. ИП, 1951, кн. 4—5; С. Цонев. Стоковото производство във феодална България. ИП, 1954, кн. 5, стр. 70.

Еще в XI в. ежегодно в великое воскресенье пасхи (κατὰ τὴν μεγάλην κυριακὴν τοῦ πάσχα) происходила ярмарка (πανήγυρις) при Бачковском монастыре, и там можно было найти все необходимое (πάντα γὰρ τὰ χρειώδη ἐν τῇ πανηγύρει ταύτῃ εὐχερῶς εὑρεθήσονται)[51]. Монастырь Богоматери в Стеларии был еще в XII в. владельцем πανήγυριν τῶν 'Ασωμάτων τὴν ἐτησίως γινομένην[52]. Монастырь Спасительницы имел торжище близ города Эноса[53], ярмарку в Неокастроне[54]. Монахи этого монастыря торговали оливковым маслом (ἐλαίος) в Эносе[55]. Зографский монастырь имел свой базар в Сардакии[56]. Филофеев монастырь ежегодно 8 ноября проводил торг внутри обители[57].

Метох св. Георгия, принадлежавший монастырю Филофея, имел в Фессалонике местечко, где ежегодно проходила ярмарка (τόπιον ἐν ᾧ τελεῖται κατ' ἔτος ἡ πανήγυρις)[58].

По хрисовулу Иоанна Палеолога от сентября 1356 г. монастырю Ватопеда дается разрешение иметь корабль вместимостью приблизительно в 700 модиев и беспрепятственно торговать в Константинополе и других городах[59]. Корабль монастыря Иоанна Богослова на острове Патмосе получил свободу торговли. Также право беспошлинной торговли получили два корабля (πλατύδια)[60] этого монастыря и два небольших корабля (σανδάλια)[61].

Итак, XIII—XIV вв. — это время усиленного проникновения крупных провинциальных, главным образом афонских, монастырей в города, в том числе и в столицу. Результатом такого проникновения был дальнейший рост экономического могущества монастырей, а также их политического влияния.

М. А. Поляковская

---

[51] L. Petit. Typikon de Grégoire Pacourianos pour le monastère de Petritzos (Bačkovo). ВВ, XI, 1904, p. 27, 4—6.
[52] Actes de Philothée. ВВ, XX, № III, 70—71, p. 12.
[53] L. Petit. Typikon du monastère de la Kosmosotira près d'Aenos. ИРАИК, XIII, 1908, p. 52, 32—33.
[54] Ibid., p. 52, 14.
[55] Ibid., p. 50, 1—4.
[56] П. Успенский. Восток Христианский, ч. III, стр. 620—621.
[57] Там же, стр. 132.
[58] Actes de Philothée, № VI, 58, p. 20.
[59] W. Regel. Op. cit., p. 25—26.
[60] MM, vol. VI, № LXI, p. 183.
[61] Ibid., № LXXXIX, p. 219.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ОБЗОР ЮГОСЛАВСКИХ РАБОТ ПО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ В 1957—1961 гг.

1. РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ И ВИЗАНТИЙСКО-СЛАВЯНСКИМ ОТНОШЕНИЯМ

Изучение истории Византии имеет большое значение для истории южнославянских народов. Византия отличалась высокими культурными и политическими достиженями; византийская культура оказала несомненное влияние на южных славян. Произошел естественный исторический процесс заимствования высшей культуры народами, стоявшими на более низком культурном уровне.

Достижения югославских ученых в области изучения истории Византии и византийско-славянских отношений нашли свое отражение в ряде исследований последних лет[1]. Важнейшим событием в области югославского византиноведения рассматриваемого периода было издание «Истории Византии» нашего ведущего византиниста академика Георгия Острогорского[2]. Наличие научного аппарата, обзора источников и литературы делает эту книгу доступной и необходимой для любого читателя, интересующегося византийской историей.

Исследуя процесс исторического развития Византии, Г. Острогорский показывает изменение общественных и государственных институтов в тесной связи с экономическим развитием, с аграрными отношениями и финансовыми проблемами. Разделение книги на части дается по принципу выделения отдельных общественно-экономических периодов.

В другой своей работе Г. Острогорский исследует историю административного, экономического, финансового и социального развития Византии со времени Юстиниана I до 1453 г.[3] Изучение проблем иммунитета, основанное на детальном анализе материала, привело Г. Острогорского к выводам, противоположным утверждениям П. А. Яковенко и К. Н. Успенского, а именно к заключению, что иммунитетные права в Византии начиная со второй половины VII в. и до XV в. все время расширялись, приобретая новую форму и содержание[4]. В специальной статье Г. Остро-

---

[1] О достижениях югославских византинистов в предшествующий период см. Б. Крекич, И. Николаевич-Стойкович. Византиноведение в Югославии в 1948—1956 гг. ВВ, XII, 1957, стр. 311—326.

[2] Г. Острогорски. Историја Византије. Београд, 1959.

[3] G. Ostrogorsky. Das byzantinische Kaiserreich in seiner inneren Struktur. «Historia Mundi», VI, 1958, S. 445—473.

[4] Г. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. ВВ, XIII, 1958, стр. 55—106.

горский рассматривает внутреннее положение Византии в период после битвы на Марице, когда Византия стала вассальным от Турции государством, обязанным уплатой дани [5]. Автор приходит к выводу, что харадж, который в Византии, так же как и в южнославянских землях, уплачивало все население, был упразднен после поражения турок в 1402 г. Однако это не облегчило положения населения, так как византийские власти продолжали собирать харадж в свою пользу. В другой статье Г. Острогорский показывает внутреннее положение Византии в период упадка на примере одного из владений святогорского монастыря Ивира — села Радоливо[6]. Давая в другой работе обзор внутреннего и внешнего состояния империи в VII в.[7], в период укрепления славян на Балканах, когда в Северной Италии сложилось Лангобардское государство, а империя подвергалась нападениям персов и авар, Острогорский приходит к выводу, что в это время византийская административная система функционировала лишь там, где существовали фемы; там же, где фем не было, не было и византийской администрации[8]. Специальное исследование Г. Острогорский посвятил византийским городам в период раннего средневековья. В результате тщательного изучения материалов источников, преимущественно списков епископских подписей на соборах (680, 692, 787, 869, 879 гг.), а также произведений патриарха Никифора, Феофана, Продолжателя Феофана и «Чудес святого Димитрия», автор пришел к выводу, что, в отличие от городов на Балканах, старые города в Малой Азии продолжали свое существование и в раннее средневековье [9].

Интересные выводы о титулатуре сербских правителей периода царства содержатся в работе академика М. Динича[10]. По мере укрепления Сербского государства изменялся и титул правителя, пока последний, наконец, не стал называться «царь сербов и греков».

Детальный обзор работ сербских ученых, посвященных исследованию произведения Константина Багрянородного, дал академик Н. Радойчич [11].

Ф. Баришич в результате тщательного анализа и сравнения источников о восстании Фомы обнаружил, что в источниках содержатся две версии [12] развития событий, связанных с восстанием Фомы. Первую версию дает Генесий и Продолжатель Феофана[13]; источником изложенной ими истории Михаила II явился, вероятно, Сергий Исповедник. Другая версия, в основе которой лежит письмо Михаила II Людвигу Побожному от 10 апреля 824 г., содержится во многих, не связанных между собой источниках. Проделав критический анализ обеих версий, автор доказывает

---

[5] G. Ostrogorsky. Byzance, État tributaire de L'Empire turc. ЗРВИ, 5, 1958, p. 49—58.

[6] Г. Острогорски. Радоливо — село святогорског манастира Ивирона. ЗРВИ, 7, 1961, стр. 67—84.

[7] G. Ostrogorsky. The Byzantine Empire in the World of the Seventh Century. DOP, 13, 1959, p. 1—21, idem. L'Exarchat de Ravenne et l'origine des thèmes byzantins. «Corsi de cult. sull' arte rav. e biz.». Ravenna, 24.3—8.4. 1961, fasc. 1, p. 99—110.

[8] G. Ostrogorsky. The Byzantine Empire. . ., p. 6.

[9] G. Ostrogorsky. Byzantine Cities in the Early Middle Ages. DOP, 13, 1959, p. 47—66.

[10] М. Динић. Српска владарска титула за време царства. ЗРВИ, 5, 1958, стр. 9—19.

[11] Н. Радојчић. Проучавање списа Константина VII Порфирогенита у српској историографији. ЗРВИ, 6, 1960, стр. 1—14.

[12] Ф. Баришић. Две верзије у изворима о устанику Томи. ЗРВИ, 6, 1960, стр. 145—169.

[13] F. Barišić. Les sources de Génésios et du continuateur de Théophane pour l'histoire de Michél II (820—829). Byz., XXXI, 1961, fasc. 2, p. 257—271.

подлинность первой. Ф. Баришичу принадлежит также очерк об изучении византийских источников в Далмации XVI—XVII вв.[14], где эти источники были известны в латинском и итальянском переводах.

Я. Ферлуга в книге, посвященной византийскому управлению в Далмации[15], на основе большого документального материала показывает развитие византийской системы управления Далмацией с VII в., когда эта система еще мало отличалась от системы управления в других провинциях, и до 1204 г., когда был положен решительный конец византийским притязаниям на эту область.

В раннем средневековье Далмация была архонтатом. Возникновение фемы Далмация Я. Ферлуга относит к 70-м годам IX в. Приор Задра являлся одновременно стратигом, т. е. наместником Далмации. Сепаратизм и автономия городов, которые тогда уже существовали, стали особенно сильны к XI в.

В XII в. в Далмации укрепили свою власть и влияние венецианцы и венгры. При императоре Мануиле I Комнине вновь усилилось византийское влияние на большей части территории Далмации, но смерть этого императора в 1180 г. означала конец византийской власти в этом районе.

В другой работе Я. Ферлуга останавливается на проблеме феодализма в Византии, обращая при этом особое внимание на термин λίζιος, появившийся в источниках с начала XII в. и относящийся главным образом к лицам западного происхождения и латинизированным феодалам Армении[16].

Б. Крекич на основе материалов дубровницкого архива повествует об участии Дубровника в битве генуэзцев с венецианцами при Тенедо на стороне генуэзцев[17]. В результате детального анализа двух до настоящего времени неизвестных документов с Корфы[18], Крекич показал, что первый из этих документов свидетельствует об автономном положении острова в составе Эпирского деспотата, а также дал анализ характера управления и общественных отношений. На основе второго документа автор сообщает ряд сведений о Феодосии, который был архиепископом при Михаиле II. Рассматривая торговые и экономические связи Дубровника с Византией и Левантом, Б. Крекич пришел к интересным выводам о создании в Дубровнике специальных торговых обществ для поездок с торговыми целями на Левант. Эти общества появились в первой половине XIV в. и развивались до 70-х годов XV в.[19]

Точно так же на основе архивного материала, в первую очередь материалов итальянского архива, Б. Крекич установил, что в средние века на Крите было известное количество славянского населения, главным образом дубровчан[20].

Благодаря использованию материалов государственного архива Дубровника Б. Крекичу удалось пролить некоторый свет на темную страницу

---

[14] Ф. Баришић. Византијски извори у далматинској историографији XVI—XVII в. ЗРВИ, 7, 1961, стр. 227—257.

[15] Ј. Ферлуга. Византиска управа у Далмацији. САН, Византолошки институт. Београд, 1957, стр. 169.

[16] J. Ferluga. La ligesse dans L'Empire byzantin. ЗРВИ, 7, 1961, p. 97—123.

[17] Б. Крекић. Дубровник и рат око Тенедоса (1378—1381). ЗРВИ, 5, 1958, стр. 21—47.

[18] Б. Крекић. Два документа о Крфу у XIII веку. «Год. фил. фак. у Новом Саду», књ. III, 1958, стр. 45—53.

[19] Б. Крекић. Трговачка друштва у средњевековном дубровачко-левантиском саобраћају. «Год. фил. фак. у Новом Саду», књ. IV, 1958, стр. 11—28.

[20] Б. Крекић. О неким нашим људима на Криту у средњем веку. «Год. фил. фак. у Новом Саду», књ. V, 1960, стр. 5—10.

монемвасийской истории в период папского протектората и установить, что начало протектората относится к 1462 г.[21]

В Париже недавно вышла книга Б. Крекича, посвященная взаимоотношениям Дубровника и Леванта[22] и являющаяся расширенным переизданием книги «Дубровник и Левант (1280—1460)», вышедшей в 1956 г. в Белграде в издании института византиноведения. Части этой книги, вошедшие в новое издание, заново переработаны и насыщены новым архивным материалом. Добавлены главы, которых не было в книге 1956 г., поставлены новые вопросы. И, наконец, новая книга отличается от издания 1956 г. еще в одном очень важном отношении; в ней даны в хронологическом порядке регесты 1442 документов дубровницкого архива.

Б. Ферянчич собрал все сведения, сообщаемые Константином VII Багрянородным о народах Югославии. Эта работа вышла в свет в виде II тома «Византийских источников по истории народов Югославии»[23]. Наряду с переводом текстов автор дает также детальный комментарий, приводя точки зрения различных исследователей, часто не совпадающие. В другой своей работе Б. Ферянчич рассматривает значение титула «деспот» в южнославянских землях и Византии начиная с 70-х годов XII в., когда этот титул появился, и до падения Константинополя под ударами турок[24]. Характер титула «деспот» почти не менялся на протяжении времени. Право пожалования его принадлежало только императору, и титул этот, особенно в первые века своего существования, был связан преимущественно с императорским двором. Однако в XIV в. деспотами являлись и правители отдельных областей Византийской империи. Б. Ферянчич, вопреки утвердившемуся в науке мнению, доказывает, что правители Эпира не имели титула деспота. Специальный раздел в книге посвящен деспотам Сербии и Болгарии.

Анализируя и сопоставляя хрисовулы Стефана Душана Тресковацкому монастырю[25], Б. Ферянчич указывает на ряд обстоятельств, заставляющих усомниться в подлинности некоторых из этих хрисовулов. Автор рассматривает также вопросы хронологии и связи друг с другом этих документов.

С. Чиркович посвящает специальную статью рассмотрению взглядов Константина Михайловича из Островицы, автора важного труда о турках, на Константинополь, как на новый Рим и на универсальное царство[26].

В другой статье Чиркович рассматривает интересный документ 1430 г. из венецианского государственного архива, относящийся к Пелопоннесу и содержащий упоминание о «соке»[27].

Рассматривая историю Стримона VII—X вв., М. Райкович показывает, что византийская военная и гражданская администрация имела в этой области ряд особенностей. В конце VII в. Стримон являлся клисурой, а в VIII в. составлял независимую Склавинию. С конца VIII—

---

[21] Б. Крекић. О Монемвасији у доба папског протектората. ЗРВИ, 6, 1960, стр. 129—135.

[22] B. Krekić. Dubrovnik (Raguse) et Levant au moyen âge. Paris, 1961, p. 400.

[23] Б. Ферјанчић. Византиски извори за историју народа Југославије, т. II. Београд, 1959, стр. 98.

[24] Б. Ферјанчић. Деспоти у Византији и јужнословенским земљама. Београд, 1960, стр. 226.

[25] Б. Ферјанчић. О повељама краља Стефана Душана манастиру Трескавцу код Прилепа. ЗРВИ, 7, 1961, стр. 161—168.

[26] С. Ћирковић. Идеја светског царства код Константина из Островице. ЗРВИ, 7, 1961, стр. 141—145.

[27] С. Ћирковић. Један помен соћа на Пелопонезу. ЗРВИ, 7, 1961, стр. 147—159.

начала IX в. усиливается византийская власть в Стримоне, что привело в середине IX в. к установлению там фемы[28].

Б. Радойчич на основе детального анализа византийских источников сделал попытку пересмотреть датировку венгерско-византийских войн и сербского восстания при Иоанне II Комнине[29].

Подробную характеристику развития македонских городов во время Юстиниана I дала Ф. Папазоглу[30].

Рассмотренными работами не исчерпываются все исследования в в области византиноведения и истории Югославии за последние годы. Во многих журналах опубликованы статьи, посвященные различным проблемам истории Византии и византийско-славянских отношений[31].

М. Живойинович

2. РАБОТЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ИСКУССТВА

Рассматривая работы югославских ученых в области средневековой археологии и истории искусства южных славян и Византии за период 1957—1961 гг., отметим в первую очередь работы библиографического характера, которым в рассматриваемый период уделялось значительное внимание. Сюда относятся библиография публикаций, библиографии работ отдельных авторов, библиографии работ, относящихся к отдельным местам археологических раскопок, и, наконец, библиография исследований, посвященных какому-либо определенному памятнику искусства.

Редакционной коллегии журнала «Старинар» (орган Археологического института) принадлежит заслуга составления первой библиографии работ за текущий период, посвященных археологии, искусству и истории культуры[32]. Эта чрезвычайно важная работа была начата в 1956 г. под редак-

---

[28] М. Р а ј к о в и ћ. Област Стримона и тема Стримон. ЗРВИ, 5, 1958, стр. 1—7.

[29] Б. Р а д о ј ч и ћ. *О хронологији угарско-византијских борби и устанку* Срба за време Іована II Комнина. ЗРВИ, 7, 1961, стр. 177—186.

[30] Ф. П а п а з о г л у. Македонски градови у римско доба. Скопље, 1957, стр. 377 +4 карты.

[31] См., например, V. M o š i n. Slavenska redakcija Prologa Konstantina Mokisijskog u svijetlosti vizantijsko-slavenskih odnosa XII—XIII vijeka. «Zbor. Hist. inst. Jugos. Akad.», vol. 2. Zagreb (1959), str. 17—68; B. K a t i č i ć. Der akzentuierte Prosarythmus bei Theophylaktos von Achrida. «Жива Антика», VII_1. Скопје (1957), стр. 66—84; i d e m. Le sort des consonnes géminées en grec. «Жива Антика», IX. Скопје (1959), стр. 129—132; i d e m. Σχήματα Γοργίεια u jednoj staroslovenskoj molitvi. «Slovo», 6—8. Zagreb (1957), str. 236—246. В ЗРВИ, 5, 1958, кроме рассмотренных статей, см. также И. Д у й ч е в. Няколко бележки към Кекавмен, стр. 59—70; С. Ћ и р к о в и ћ. О најстаријим турским златницима, стр. 71—75; И. П о п о в и ћ. Hrišćanska grčka onomastika u Hrvata, str. 77—100; i d e m. Питање хронологије грчких позајмица у источно-словенским језицима, стр. 101—109; Ф. Б а р и ш и ћ. Десет година Византолошког института, стр. 219—227. В ЗРВИ, 6, 1960 опубликованы следующие статьи: М. Д и н и ћ. Шпански најамници у српској служби, стр. 15—24; I. D u j č e v. L'ancien cartulaire du Monastère de Saint-Jean-Prodrom sur le Mont Ménécée, p. 171—175; I. Š e v č e n k o. Alexios Makrenbolites and his «Dialogue between The Rich and The Poor», p. 187—228; i d e m. Уз шесдесету годишњицу Михаила Динића, стр. 229; С. Ћ и р к о в и ћ. Библиографија радова М. Динића, стр. 230—236; Љ. Н и к и ћ. Библиографија радова академика Драгутина Анастасијевића, стр. 243—265; i d e m. Библиографија радова Филарета Граница, стр. 257—272. В ЗРВИ, 7, 1961 помещены следующие статьи: М. Д и н и ћ. Комес Константинус, стр. 1—11; М. Н. Т и х о м и р о в. Россия и Византия в XIV—XV столетиях, стр. 23—38; I. D u j č e v. Une ambassade byzantine auprès des Serbes au IX siècle, 58—60; I. P o p o v i ć. Quel était le peuple pannonien qui parlait μέδος et strava, p. 197—226.

[32] Répertoire d'archéologie, d'art et d'histoire culturelle, publications parues en 1955 sur les monuments historiques, stations archéologiques et recherches scientifiques en Yougoslavie. «Старинар», т. 7—8, 1956/57, p. 429—468. Библиография опубликована на французском языке и является, таким образом, доступной и читателям за рубежом.

цией Дж. Стричевича и при участии ряда компетентных научных сотрудников. С 1958 г. библиография стала выходить под редакцией Н. Мандич. В силу бесспорной значимости библиографии «Старинара» мы остановимся несколько подробнее на ее характеристике.

Библиография содержит полный обзор трудов югославских археологов и специалистов в области средневекового искусства. Она распадается на следующие разделы: общий раздел, состоящий в свою очередь из ряда подразделов (библиографии, энциклопедии, словари; институты, музеи, коллекции; техника, реставрация, хранение; конгрессы, конференции; журналы, сборники; общие труды, посвященные истории цивилизации, искусству и истории религии, народонаселение; антропология, палеоботаника). Следующий раздел охватывает труды, посвященные доантичному периоду, затем следует библиография античности, распадающаяся на ряд подразделов (общие работы; памятники и места археологических раскопок; исторические источники (исключая эпиграфику), литература, история языка; религия, мифология, культ; архитектура; скульптура; живопись, мозаика; ремесла, прикладное искусство; эпиграфика, нумизматика).

Библиография работ, касающихся средневековья, распадается на следующие разделы: политическая история; экономическая история; церковная история; исторические источники-хроники; документы; надписи; кодексы-инкунабулы; палеография; история югославянских языков; народная литература; народные верования; объекты археологических раскопок (некрополи, дороги, коммуникации); миграция населения; церковная архитектура; гражданская архитектура, скульптура, мозаика, стенная живопись, иконы; миниатюры, гравюры, ремесло, прикладное искусство, нумизматика, сигилиография, геральдика. В конце библиографии помещен указатель имен авторов.

Библиография за 1956—1958 гг. опубликована в последующих томах «Старинара»[33].

В «Старинаре» опубликованы также библиографии работ известных ученых В. Петковича[34], Н. Вулича[35] и М. Васича[36]. В других периодических изданиях появились библиографии работ Л. Карамана в честь его семидесятилетия[37] и С. Радойчича в честь его пятидесятилетия[38].

В связи с исполнившимся в 1962 г. пятидесятилетием проведения археологических раскопок на месте Царичного Града Институт археологии опубликовал под редакцией Н. Мандич полную библиографию работ, посвященных Царичному Граду и насчитывающую 106 работ[39]. Из всех объектов археологических раскопок за последние годы Царичин Град привлекает наибольшее внимание ученых. Согласно предположениям ряда исследователей здесь на месте рождения Юстиниана I был воздвигнут город, так называемая Prima Iustiniana.

Отметим также библиографию археологических раскопок в Сербии, которая с 1955 г. публикуется в «Старинаре» под редакцией М. Гарашанина и содержит не только уже опубликованные работы, но и краткие замечания о работах, находящихся еще в печати. Текст дается параллельно

---

[33] «Старинар», т. 9—10, 1958/59, стр. 407—444; т. 11, 1960, стр. 259—290; т. 12, 1961, стр. 259—329.

[34] «Старинар», т. 5—6, 1954/55, стр. XV—XXIV.

[35] «Старинар», т. 9—10, 1958/59, стр. XV—XXIV.

[36] «Старинар», т. 7—8, 1956—57, стр. XV—XX.

[37] Перистил. Зборник радова за историју умјетности и археологију. 1957, стр. 7—18.

[38] ЗРВИ, 6, 1960, стр. 238—242.

[39] Царичин Град, 1912—1962. Библиографија. Изд. Археолошки институт. Београд, 1962, стр. 5—16.

на сербо-хорватском и французском языках. Работы расположены в порядке хронологического следования находок[40]. Указанная библиография охватывает период 1955—1958 гг.[41] Научная значимость такого рода справочного материала признана научной общественностью, и в настоящее время археологическое общество Югославии приступило к опубликованию библиографии, охватывающей работы в области археологии и за предшествующий период, причем учитываются работы, относящиеся к раскопкам на территории всей Югославии. Первый том этой библиографии вышел в 1959 г.[42]

Далее в настоящем обзоре мы остановимся подробнее на работах исследовательского характера, вышедших в свет с 1959 г., поскольку эти работы не отражены в указанных библиографиях.

Ранневизантийский период, равно как и довизантийский, изучались в Югославии с различных точек зрения. О результатах раскопок Гераклеи Линцестис близ Битоля в Македонии сообщил Д. Стричевич[43]. Работа Д. Косо посвящена раннехристианским базиликам в районе Охридского озера. Особое внимание исследователь уделил рассмотрению мозаики пола[44]. Символическому значению мозаик пола Д. Косо посвятил другую свою специальную работу[45].

Д. Мано-Зиси в течение ряда лет занимается позднеантичными мозаиками Илирика. Некоторые предварительные результаты этих исследований отражены в специальной работе автора[46]. И. Остоич, занимавшийся раннехристианской архитектурой в Далмации, в частности, на острове Браче, дал описание остатков базилики, созданной мастерами местной каменотесной школы с центром в Салоне[47]. И. Петричиоли опубликовал фрагменты скульптуры VI—VIII вв. из Задра[48], тем самым положив начало изучению скульптурных украшений в Далмации этого периода. Ранними боснийскими памятниками занимался Д. Сергиевский. Он описал остатки раннехристианских базилик из Нерезов, Долца и Мокро[49]. Д. Баслер дал описание фрагментов раннехристианской базилики из села Оборци (Центральная Босния). Особое своеобразие этой базилике придают гробницы, расположенные под полом церкви[50].

В докладе Д. Бошковича, Д. Стричевича и И. Николаевич-Стойкович, тезисы которого были прочитаны на заседании археологической секции на XII Международном конгрессе византинистов в Охриде и вызвали

---

[40] Преглед археолошких ископавања у Н. Р. Србији 1955 године. «Старинар», т. 7—8, 1956/57, стр. 397—417.

[41] «Старинар», т. 9—10, 1958/59, стр. 367—389; т. 11, 1960, стр. 225—250; т. 12, 1961, стр. 271—287.

[42] Археолошки преглед. Изд. Археолошко друштво Југославије, I, 1959, стр. 1—192.

[43] Dj. Stričević. Les fouilles archéologiques d'Héracléa Lyncestis (1936—1938). Héraclée I, ed. Musée National de Bitola. Bitola, 1961, p. 35—41.

[44] Д. Косо. Ранохристијански базилики во областа на Охридското езеро (Basiliques paléochrétiennes dans le région du lac d'Ohrid). «Зборник на трудови. Народен музеј во Охрид», 1961, стр. 15—33.

[45] Д. Косо. О символичном значењу подних мозаика ранохришћанских базилика,. Перистил (2), 1957, стр. 53—56.

[46] Д. Мано-Зиси. Пролегомена уз проблеме касноантичног мозаика у Илирикуму. «Зборник Радова Народног музеја», 2. Београд, 1958/59, стр. 83—109.

[47] I. Ostojić. Starokršćanska bazilika i rimski spomenici u Povljima na Braču. «Prilozi povjesti umjetnosti u Dalmaciji», 12, 1960, str. 5—24.

[48] I. Petricioli. Fragmenti skulpture od VI do VIII. stoljeća iz Zadra. «Diadora, Glasilo Archeološkog muzeja u Zadru», I, 1959, str. 175—195.

[49] D. Sergejevski. Bazilike u Nerezima i Dolcu. «Glasnik zemaljskog muzeja u Sarajevu». N. S., 14, 1959, str. 163—173; idem. Bazilika u Mokrom. «Glasnik zemaljskog muzeja u Sarajevu», N. S., 15—16, 1961, str. 211—228.

[50] Д. Баслер. Базилика у Оборцима. Археолошка проблематика и конзерваторски захват. «Наше Старине», 7, 1960, стр. 59—72.

оживленную дискуссию, рассматривается вопрос о взаимоотношении архитектурных форм позднеантичного и средневекового периодов в центральных областях Балкан[51]. Факты, иллюстрирующие преемственность в архитектуре позднеантичного и средневекового периодов, свидетельствуют, по мнению авторов, об известной преемственности в развитии городов, в частности об оживлении городской жизни в некоторых позднеантичных городах в средние века. В докладе рассматривается также вопрос о возрождении архитектурных форм, характерных для базилик, в церковной архитектуре IX—XI вв. Затем содержится характеристика Круглой церкви близ Преслава; трактуется проблема проявления раннехристианских традиций в балканской средневековой архитектуре. Далее рассматривается вопрос о появлении трехапсидных церквей в Сербии и Македонии.

С содокладом по данному докладу на конгрессе выступил болгарский исследователь К. Миятев[52].

Из общих работ в области средневековой архитектуры укажем работу Д. Бошковича и К. Томовского, посвященную архитектуре Охрида[53].

На заседании секции средневекового искусства на XII Международном конгрессе византинистов был заслушан доклад советского исследователя В. Н. Лазарева, посвященный живописи Македонии XI—XII вв.[54] По мнению Лазарева, охридские фрески XI в. являются произведением местных славянских мастеров, тогда как памятники македонской живописи XII в. созданы константинопольскими мастерами или же местными, но под влиянием константинопольских. В качестве содокладчиков по этому докладу выступили О. Демус из Вены[55], С. Пелеканидис из Солуни[56] и С. Радойчич из Белграда[57]. До выхода в свет Актов конгресса, которые должны содержать полный текст выступлений участников, мы отсылаем интересующихся к резюме этих выступлений, опубликованному еще до начала конгресса[58].

В честь Международного конгресса византинистов в Охриде была организована выставка югославских икон. Каталог и обширное введение к нему написаны В. Дюричем[59]. Этот каталог представляет собой синтез современных знаний о югославских иконах и содержит полную библиографию работ об этом виде искусства. В связи с работой конгресса издательство «Югославия» выпустило на сербском и французском языках книгу С. Радойчича об иконах Сербии и Македонии[60], в которой наряду

---

[51] Dj. Bošković. Dj. Stričević, I. Nikolajević-Stojković. L'architecture de la Basse Antiquité et du Moyen Âge dans les régions centrales des Balkans. XIIe Congrès international des études byzantines. Rapports, VII. Belgrade-Ochride, 1961, p. 3—95.

[52] Rapports complémentaires. Résumés. XIIe Congrès international des études byzantines. Belgrade-Ochride, 1961, p. 67—70.

[53] Д. Бошковић, К. Томовски. Средневековната архитектура во Охрид (L'architecture médiévale d'Ohrid). «Зборник на трудови. Народен музеј во Охрид», Посебна издања, 1961, p. 71—100.

[54] В. Н. Лазарев. Живопись XI—XII вв. в Македонии. XIIe Congrès international des études byzantines. Rapportes, V. Belgrade-Ochride, 1961, p. 1—30.

[55] Rapports complémentaires. Résumés. XIIe Congrès international des études byzantines. Belgrade-Ochride, 1961, p. 51—53.

[56] Ibid., p. 54—59.

[57] Ibid., p. 60—64.

[58] Résumés des communications, XIIe Congrès international des études byzantines. Belgrad-Ochride, 1961, p. 1—127.

[59] В. И. Ћурић. Иконе Југославије. Београд, 1961, стр. 11—79. Каталог охватывает 92 экспоната.

[60] С. Радојчић. Иконе Србије и Македоније. Београд, 1961, стр. V—XV, 103 таблицы.

с кратким описанием сербских и македонских икон помещены весьма удачные репродукции некоторых из них.

Отметим далее несколько работ, посвященных средневековой стенной живописи. Р. Любинкович и М. Чорович-Любинкович, занимавшиеся в течение длительного времени средневековой живописью Охрида, опубликовали недавно результаты своих исследований[61]. С. Радойчич посвятил специальные работы рассмотрению милешевских фресок Страшного суда[62], надписи Μ ΄ΑΡΠΟΥ на Арильских фресках[63] и иллюстраций канона ὁ κανὼν εἰς ψυχορραγοῦντας в Святой Софии Охридской и капелле Св. Георгия в Хиландаре[64].

В. Дюрич в течение длительного времени занимается изучением живописи конца XIV—начала XV в., образцы которой сохранились в некоторых церквах так называемой моравской школы. Им подготавливается монография, опубликованы два специальных исследования[65]. Внимание Дюрича привлекла также живопись XIII в., которую он изучал по сохранившимся образцам из одной художественной мастерской[66]. Г. Бабич посвятила свое исследование вопросу об отражении в иконографии темы рождения богородицы[67], а Д. Медакович — изображению античных философов в живописи богородицы Левишской[68]. В работе М. Чорович-Любинкович рассматривается вопрос об отображении в памятниках сербского средневекового искусства культа св. Стефана[69]. Л. Миркович посвятил детальное исследование фрескам Маркова монастыря[70].

В целях изучения сербской средневековой живописи были скопированы фрески многих монастырей и выставлены в галерее фресок в Белграде. Выставки этих копий периодически организуются и в других городах Югославии, а также за границей. В связи с последней выставкой, организованной в Цетинье, был издан каталог экспонатов с введением, написанным М. Кашаниным[71]. С целью ознакомления и изучения орнаментов средневековой живописи Сербии и Македонии в музее прикладного искусства в Белграде организована выставка копий этих орнаментов[72].

---

[61] Р. Љубинковић, М. Ћоровић-Љубинковић. Средновековното сликарство во Охрид (La peinture médiévale à Ochrid) «Зборник на трудови. Народен музеј во Охрид», Посебна издања, 1961, стр. 101—148.

[62] С. Радојчић. Милешевске фреске Страшног суда. «Глас», 234, САН, од. друштв. наука, књ 7, 1959, стр. 69—79.

[63] Там же, стр. 89—94.

[64] С. Радојчић. «Чин бивајеми на разлучение души од тела» у монументалном сликарству XIV в. ЗРВИ, 7, 1961, стр. 39—52.

[65] В. Ћурић. Солунско порекло ресавског живописа. ЗРВИ, 6, 1960, стр. 111—128; его же. Фреске црквице св. Бесребреника деспота Јована Угљеше у Ватопеду и њихов значај за испитивање солунског порекла ресавског живописа. ЗРВИ, 7, 1961, стр. 125—138.

[66] В. Ћурић. Једна сликарска радионица у Србији XIII века. «Старинар», 12, 1961, стр. 63—76.

[67] G. Babić. Sur l'iconographie de la composition «Nativité de la Vierge» dans la peinture byzantine. ЗРВИ, 7, 1961, стр. 169—175.

[68] Д. Медаковић. Претставе античних филозофа и цивила у живопису Богородице Љевишке. ЗРВИ, 6, 1960, стр. 43—57.

[69] М. Ћоровић-Љубинковић. Одраз култа св. Стефана у српској средневековној уметности. «Старинар», 12, 1961, стр. 45—62.

[70] Л. Миркович. Да ли се фреске Маркова манастира могу тумачити житијем св. Василија Новога? «Старинар», 12, 1961, стр. 77—90.

[71] Средњевековне фреске. Изложба копија из збирке галерије фресака у Београду. Цетиње, 1961, стр. 3—50.

[72] З. Јанц. Орнаменти фресака из Србије и Македоније од XII до средине XV века. Музеј примењене уметности у Београду, 1961, стр. 7—42. Каталог содержит 76 таблиц, 498 чертежей и 4 таблицы с 12 репродукциями.

С. Радойчич занимался сербской миниатюрой XIII в.[73], он изучал также Хиландарский диптих венецианского происхождения, относящийся к концу XIII в.[74], а также связи между искусством миниатюры и живописью в Сопочанах[75]. И. Дюрич и Р. Иванишевич впервые опубликовали рукопись евангелия 1330 г.[76]

Статья А. Грабаря, опубликованная в Югославии, посвящена изображению святых в искусстве миниатюры и скульптуре[77]. И. Максимович, интересующаяся главным образом средневековой скульптурой, опубликовала на эту тему несколько статей[78] и монографию, посвященную киворию церкви св. Трипуна на Которе[79].

Сохранившиеся образцы сербской художественной вышивки XIV—XIX вв. собраны в Музее прикладного искусства в Белграде. Каталог выставленных экспонатов с вводной статьей и библиографией написан Д. Стоянович[80]. Р. Любинкович дал описание фрагментов витражей из монастыря Студеницы[81], имеющих художественное значение. М. Чорович-Любинкович посвятила свою статью описанию украшений южных славян и их локальных особенностей[82].

И. Николаевич

---

[73] С. Радојчић. Српске минијатуре XIII века. «Глас», 234, САН, од. друштв. наука, књ. 7. Београд, 1959, стр. 55—67.

[74] Там же, стр. 47—54.

[75] Там же, стр. 81—87.

[76] Ј. Ђурић, Р. Иванишевић. Јеванђеље Дивоша Тихорадића. ЗРВИ, 7, 1961, стр. 153—160.

[77] A. Grabar. Deux notes sur l'histoire de l'iconostase d'après des monuments de Yougoslavie. ЗРВИ, 7, 1961, p. 13—22.

[78] Ј. Максимовић. Студије о студеничкој пластици II — Стил. ЗРВИ, 6, 1960, стр. 95—108; е е же. Модел у слоноваči задарског каменог рељефа и нека питања преромaнске скулптуре. ЗРВИ, 7, 1961, стр. 85—96.

[79] Ј. Максимовић. Которски циборij из XIV века и камена пластика суседних области. Српска Академија Наука и Уметности. Посебна издања 145, од. друштв. наука, књ 38. Београд, 1961, стр. 3—122.

[80] Д. Стојановић. Уметнички вез у Србији од XIV до XIX века. Музеј примењене уметности у Београду, 1959, стр. 5—38. Каталог охватывает 105 экспонатов.

[81] R. Ljubinković. Sur un exemplaire de vitraux de monastère de Studenica. «Archaeologia Iugoslavica», 3, 1959, p. 137—141.

[82] M. Ćorović-Ljubinković. Bijoux communs aux Slaves du Sud et leurs variantes locales. Boucles et pendants d'oreilles. «Archaeologia Iugoslavica», 3, 1959, p. 111—119.

РЕЦЕНЗИИ

В. Н. ЛАЗАРЕВ. ФРЕСКИ СТАРОЙ ЛАДОГИ.

Москва, 1960. 100 стр. текста (с резюме на французском языке), 14 рисунков в тексте и 108 илл.

Отсутствие научной публикации росписи Георгиевской церкви в Старой Ладоге являлось существенным пробелом в истории древнерусского искусства.

Староладожская роспись, наряду со стенописью Аркажской церкви и фресками Нередицы, органически входит в круг памятников новгородской монументальной живописи развитого XII века. Из всех этих циклов она обладает наиболее высокими художественными достоинствами. Значение ее особенно возросло в связи с гибелью нередицких фресок во время Великой Отечественной войны.

Изучение староладожских фресок важно не только для реконструкции путей развития новгородского искусства, но и для выяснения ряда общих принципиальных вопросов развития искусства в XII столетии в странах, связанных с византийской культурой.

О фресках Старой Ладоги нельзя сказать, что они оставались полностью неизвестными в науке. Они вошли в поле зрения исследователей еще в период зарождения русской науки о древнерусском искусстве. Честь их первой публикации принадлежит В. А. Прохорову, издавшему рисунки с них, сопроводив их сведениями об открытии фресок и кратким описанием системы росписи [1]. Однако все последующие авторы касались староладожских росписей лишь в общих работах. До сих пор не были тщательно изучены ни общая система росписи, ни иконография отдельных изображений. Фрески не были подвергнуты детальному стилистическому анализу.

Естественно поэтому, что мнения авторов о данном фресковом цикле, не базировавшиеся на тщательном научном исследовании памятника, оказались чрезвычайно разноречивыми. Фрески датировали и началом, и серединой, и концом XII в., а иногда относили даже к XIII столетию. В противоречивых оценках староладожских фресок ярко отразились общие методологические концепции того или иного исследователя. Н. В. Покровский, оценивавший древнерусскую живопись с позиции современной ему академической эстетики, находил в этих росписях «признаки сильного падения искусства», сказывающиеся в «неправильном рисунке», «неудачных попытках изобразить движение» и т. д.[2] П. Муратов, напротив, счел их «высшим достижением византийско-русского XII века», находя, что они «выражают вкусы аристократической, княжеской Руси» [3].

Их то ставили ниже росписей Нередицы по художественным качествам [4], то признавали гораздо более значительными [5], а иногда предполагали, что они исполнены одним из мастеров Нередицы [6]; проводили аналогии с фреской черниговского Спаса и мозаиками Софии Киевской [7].

---

[1] В. А. Прохоров. Христианские древности и археология. 1871, кн. 1—4.

[2] Н. В. Покровский. Очерки памятников христианского искусства и иконографии. СПб., 1910, стр. 260—261.

[3] П. Муратов. Русская живопись до середины XVII столетия. «История русского искусства», под ред. И. Грабаря, т. VI. М. (б. г.), стр. 128—130.

[4] Н. В. Покровский. Указ. соч., стр. 261.

[5] П. Муратов. Указ. соч., стр. 134; М. И. Артамонов. Один из стилей монументальной живописи XII—XIII вв. ГАИМК. Бюро по делам аспирантов. Сборник первый. Л., 1929, стр. 56.

[6] М. К. Каргер. Живопись. «История культуры древней Руси. Домонгольский период», т. II. М.—Л., 1951, стр. 379.

[7] А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. 1937, стр. 72.

Разноречивы были и мнения о национальной принадлежности росписи. Еще В. А. Прохоровым были отмечены русские надписи на фресках, а советские исследователи указали на ряд стилистических особенностей, свидетельствующих о принадлежности стенописи новгородскому искусству [8]. Несмотря на это, в работах некоторых зарубежных авторов настойчиво повторяется мнение о том, что староладожская роспись была исполнена греческими мастерами [9].

Фрески до сих пор даже не были полностью репродуцированы. Литографии, помещенные у Прохорова, и рисунки с калек В. В. Суслова, изданные Н. Е. Бранденбургом [10], дают весьма приблизительное представление о памятнике, а в последующих работах воспроизводились лишь несколько отдельных фрагментов (главным образом чудо Георгия), да и то чаще всего с негативов, исполненных до реставрации 1933 г.

Своевременность издания староладожских фресок определяется еще и тем, что лишь в послевоенные годы при архитектурной реставрации храма были открыты последние из сохранившихся до нашего времени фрагментов живописи. Новых открытий в этой области ожидать трудно. Поэтому можно считать, что книга основана на изучении всех дошедших до нас участков росписи.

В. Н. Лазареву принадлежит заслуга научной публикации многих памятников древнерусского искусства. Особенно много сделано им в области монументальной живописи [11]. Рассматриваемая книга является блестящим образцом научной публикации стенописи. Успеху книги немало способствует высокий полиграфический уровень издания: великолепное качество репродукций, изящное художественное оформление тома (фотограф В. В. Робинов, художник И. И. Фомина). Об этой стороне дела, столь важной в книгах по искусству, к сожалению, еще нередко забывают наши издательства.

Как и в предыдущих работах автора, относящихся к данному жанру, фрески исследуются здесь многогранно: как с точки зрения общей системы росписи и иконографии отдельных изображений, так и со стороны стиля. При этом изучение публикуемого памятника перерастает в решение более широких художественных проблем.

Общей структуре росписи и иконографии отдельных сюжетов посвящена наиболее крупная по объему глава книги «Архитектура храма и система его росписи». Задача, стоявшая перед исследователем, была весьма сложной. От первоначальной росписи, покрывавшей все стены и своды Георгиевской церкви, осталась лишь незначительная часть. Многофигурные композиции сохранились фрагментарно, а идентификация отдельных фигур затрудняется во многих случаях утратой сопроводительных надписей. Автор, по собственному его выражению, оказался в роли «палеонтолога, восстанавливающего строение давно живших существ по нескольким скудным остаткам» (стр. 61).

Как в рассматриваемой работе, так и во многих предшествующих трудах В. Н. Лазарев уделяет иконографии большое место, с редкой эрудицией привлекая для решения спорных вопросов огромный сравнительный материал: памятники древней Руси, Византии, южнославянских стран, Кавказа, Италии; произведения монументальной и станковой живописи, миниатюры и прикладных искусств. Исследования В. Н. Лазарева далеки от изысканий представителей старой иконографической школы, традиции которой столь сильны и в современном буржуазном византиноведении. Он показывает, что иконография развивается не по своим абстрактным законам, но тесно связана с идеологическими условиями данной эпохи и потому является важным элементом содержания средневекового искусства. Только комплексное изучение как иконографии, так и стиля произведений может дать связную картину развития этого искусства [12].

Книга «Фрески Старой Ладоги» убедительно доказывает это положение. Приведенное в ней иконографическое исследование помогает освещению ряда важных историко-культурных проблем. По местоположению некоторых сцен (например, изобра-

---

[8] В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 29; М. К. Каргер. Живопись, стр. 379.

[9] Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin, t. II. Paris, 1926, p. 586, 588; Ph. Schweinfurth. Geschichte der russischen Malerei im Mittelalter. Haag, 1930, S. 11; D. Talbot Rice. Later Byzantine Painting, vol. I. The Twelfth and Thirteenth Centuries. «Eidos», 1950, № 3, p. 16.

[10] Н. Е. Бранденбург. Старая Ладога. СПб., 1896, табл. LXV—XC.

[11] Наиболее крупные из этих работ: В. Н. Лазарев. Росписи Сковородского монастыря в Новгороде. «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР». М.—Л., 1948, стр. 77—101; его же. Этюды о Феофане Греке. I. ВВ, VII, 1953, стр. 244—258; его же. Снетогорские росписи. «Сообщения Института истории искусств АН СССР», вып. 8. М., 1957, стр. 78—112; его же. Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в русской живописи XIV века. «Ежегодник Института истории искусств АН СССР. 1957». М., 1958, стр. 233—278; его же. Мозаики Софии Киевской. М., 1960.

[12] См. В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. ВВ, VI, 1953, стр. 221—222.

жение в куполе композиции «Вознесение») староладожская роспись имеет много общего с другими севернорусскими монументальными циклами (фрески Мирожа и Нередицы). Но она отличается от последних в сторону большей архитектоничности, ее регистры строго дифференцированы и тесно связаны с архитектурными членениями стен. Этот принцип сближает ее с византийскими стенописями той эпохи, заставляя отводить ей особое место среди новгородско-псковских росписей (стр. 21 и 39). Изображение на особо видных местах полуфигур архангелов Михаила и Гавриила, а также конного Георгия, культ которых был особенно популярен на Руси, указывает на то, что в общей системе староладожской росписи нашли отражение специфические черты русской художественной культуры (стр. 34, 39). Наличие некоторых изображений (Иоанн Милостивый), возможно, связано с местными новгородскими особенностями (стр. 27).

Одно из предположений В. Н. Лазарева, весьма осторожного в персонификации отдельных изображений, нам кажется возможным подтвердить. Предполагая, что юный воин, изображенный на пилоне южной стены у входа в диаконник, — Глеб, автор высказывает это лишь в качестве гипотезы, так как воин изображен без обычной для Глеба княжеской шапки (стр. 42). Однако такое изображение Глеба (вместе с Борисом) известно в мелкой пластике (каменный образок Загорского музея начала XIV в.) [13]. Вероятно, справедливо и предположение Н. П. Сычева, рассматривающего как Бориса и Глеба двух конных воинов, представленных в росписи Борисоглебской церкви в Кидекше, хотя они изображены также без шапок [14].

Более сомнительной нам представляется расшифровка расположенного ниже изображения юного мученика. В. Н. Лазарев склоняется к тому, что здесь представлен Севастьян (стр. 42). Однако Ю. А. Олсуфьев, изучавший фреску, когда надпись на ней была в лучшем состоянии, предлагал читать «Савва Стратилат». К этому чтению был близок и В. В. Суслов, что видно по его кальке, опубликованной у Бранденбурга [15]. И хотя, как указывает В. Н. Лазарев, в росписи Студеницы Савва Стратилат изображен старцем, этого не кажется достаточным для опровержения предложенной Ю. А. Олсуфьевым идентификации. Памятники более поздней поры, возможно, отражающие старые иконографические традиции, показывают, что в русском искусстве иконографические признаки Саввы Стратилата не были устойчивыми. Так, в иконных святцах XVI в. Гос. Русского музея он изображен средовеком [16].

Расшифровка этого изображения представляет интерес в связи с некоторыми общими особенностями состава росписи Георгиевской церкви. В нем имеется много общего с составом южнославянских стенописей: наличие редких изображений Анфима (стр. 35), мученика Агафона (стр. 43); изображение в центральной апсиде композиции «Поклонение жертве», столь распространенной в южнославянских росписях XII—начала XIII в. (стр. 23, 24); прием изображения в нижнем регистре росписи апсид полуфигур святых в орнаментальных обрамлениях (роспись усыпальницы в Бачково, 1083 г., храм Георгия в Расе, 60-е годы XII в.). Изображения Саввы Стратилата в искусстве этого времени редки и известны нам лишь по росписям Сербии (Студеница). Если мученик, представленный под Глебом, — действительно Савва Стратилат, то отмеченные связи получают еще одно подтверждение. Оговорим, однако, что мы не можем быть твердо уверены в том, что все перечисленные особенности были характерны лишь для искусства Болгарии и Сербии, так как до нас дошли только отдельные звенья из большой цепи памятников.

Центральное место в книге занимает глава «Стиль росписи и ее мастера». Опираясь на данные стиля, языковые признаки надписей, характер орнамента, а также на особенности системы и состава росписи, проанализированных в предыдущей главе, В. Н. Лазарев неоспоримо доказывает, что роспись исполнена русскими, а не греческими живописцами. Этот вывод имеет особо серьезное значение не только для изучения самой староладожской росписи, но и для правильного понимания одной из важнейших проблем развития средневекового искусства — проблемы формирования национальных школ.

До сих пор даже в работах крупных зарубежных исследователей не изжита недооценка местных элементов в развитии средневекового искусства стран, связанных в культурном отношении с Византией. Преувеличивая византийские влияния, эти исследователи отводят местным художникам весьма незначительную роль. Вот почему так важен установленный В. Н. Лазаревым факт наличия местных особенностей в староладожской росписи, наиболее византинизирующей среди новгородских стенописей зрелого XII столетия.

---

[13] Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960, стр. 21 и 138.

[14] Предположение Н. П. Сычева см. в кн.: Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, стр. 272, рис. 124.

[15] Н. Е. Бранденбург. Указ. соч., табл. LXXXVI, рис. 86.

[16] Инв. 1439.

Большой заслугой В. Н. Лазарева является пристальное внимание к процессу кристаллизации национальных черт в средневековом искусстве. В ряде своих последних работ он демонстрирует этот процесс на основе тщательного изучения конкретных явлений средневековой художественной культуры [17]. Вывод, полученный им в результате исследования староладожского фрескового цикла, является новым важным аргументом, подкрепляющим методологическую концепцию автора.

Как уже отмечалось, староладожская роспись датировалась исследователями весьма произвольно. Однако в последние десятилетия в советском искусствоведении установилась точка зрения, согласно которой фрески следует датировать концом XII в. (В. Н. Лазарев относил их к 80-м годам, М. В. Алпатов и М. К. Каргер — к концу столетия, без уточнения) [18].

В новой книге В. Н. Лазарев стремится уточнить дату росписи, опираясь на особенности архитектуры Георгиевской церкви, сведения письменных источников об истории города Ладоги, систему росписи и стиль фресок. Изображение чуда Георгия в апсиде диаконника необычно для византийских и древнерусских стенописей. Автор предполагает, что эта особенность объясняется постройкой храма в память одного из военных событий — героической обороны Ладоги от шведского нападения в 1164 г. В таком случае, учитывая обычай просушивать храм после постройки, нижним хронологическим пределом при датировке росписи можно считать 1167 г. Этой дате не противоречит и характер архитектуры церкви [19].

В. Н. Лазарев склоняется к тому, что стенопись была исполнена именно в 60-е годы, а не позднее (стр. 78—79). При этом автор исходит из того, что в развитии новгородского искусства XII в. наблюдается тенденция к эмансипации от византийских образцов и нарастанию местных новгородских признаков по мере приближения к концу столетия; староладожская же стенопись принадлежит к той группе памятников, где связи с византийским искусством еще весьма сильны.

Перспектива более точно датировать фресковый цикл весьма заманчива. Однако, несмотря на остроумие приводимых аргументов, нам представляется необходимым оставить вопрос о более точной дате росписи открытым. К этому побуждают следующие соображения.

Сам автор признает, что староладожская роспись исполнена значительно позднее, чем стенопись Спасо-Мирожского монастыря, датируемая им временем около 1156 г. (стр. 77), и что она имеет много общего с фресками Аркажа 1189 г. и Нередицы 1199 г. (стр. 78).

Фрески Эболи (1156 г.) и Нерези (1164 г.), привлекаемые В. Н. Лазаревым в качестве аналогий к ладожским, показывают, что в византийском искусстве 50—60-х годов уже сложились приемы «линейной стилизации» (стр. 89). Однако эти фрески, будучи памятниками совсем иного круга, весьма отличны от ладожских по многим другим художественным особенностям. Это сопоставление не дает верхней границы исполнения ладожской росписи. Орнаментальный характер рисунка и световых бликов встречается и позднее как в византийских, так и в русских памятниках.

В некотором противоречии с гипотезой В. Н. Лазарева находится и тот факт, что орнамент ладожской росписи, с его разноцветными фонами и мягкими завитками белых лент — побегов, наиболее близок к орнаменту именно тех русских рукописей, которые датируются концом XII, а некоторые — даже XIII столетием [20].

---

[17] В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской; его же. Константинополь и национальные школы в свете новых открытий. ВВ, XVII, 1960, стр. 93—101; его же. Живопись XI—XII вв. в Македонии. Доклад на конгрессе византинистов в Охриде в сентябре 1961 г.

[18] В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода, стр. 27; его же. Живопись и скульптура Новгорода. «История русского искусства», под общей редакцией И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова и В. Н. Лазарева, т. II. М., 1954, стр. 88; M. Alpatov, N. Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg, 1932, S. 274; М. К. Каргер. Новгород Великий. М., 1946, стр. 45; его же. Живопись, стр. 378 (здесь автор относит роспись к двум последним десятилетиям XII в.).

[19] Только вряд ли следует при датировке церкви ссылаться на то, что церковь Климента, построенная здесь в 1153 г. по заказу архиепископа Нифонта, восходит к иным архитектурным традициям и что, следовательно, Георгиевская церковь построена позднее (стр. 16 и 76). Строительство Нифонта представляет особое явление в древнерусском зодчестве, и параллельно могли существовать и иные архитектурные направления. Для датировки храма второй половиной XII в. вполне достаточен основной аргумент, приводимый автором: то, что Георгиевская церковь по своей архитектуре органически связана с группой новгородских построек этого времени.

[20] Евангелие апракос XII—XIII вв. из московского Архангельского собора (В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1884, табл. LVIII); Евангелие апракос XIII в. в Ярославском музее (С. О. Долгов. Описание евангелия XIII века, принадлежащего Ярославскому архиерейскому дому. ТАС, VII,

Рассматривая вопросы датировки, необходимо отметить и то обстоятельство, что пути развития новгородской живописи в XII в. были сложными. В. Н. Лазарев отмечает в ней два направления — «грекофильское» [21] и более самобытное. И если не подлежит сомнению общая тенденция к освобождению от византийских образцов и к нарастанию «новгородизмов» по мере приближения к концу столетия, то столь же бесспорно, что этот процесс не был равномерным. Среди памятников второго направления уже в середине века встречаются такие, в которых наблюдается решительный разрыв с византийской традицией: изображение деисуса в Мартирьевской паперти Софии (1144 г.), оборот иконы Знамения, находящейся в Новгородском музее (до 1169 г.,

---

т. III. М., 1892, стр. 52—57, табл. XXV—XXVI); Евангелие Тошинича, XII—XIII вв. (В. В. Стасов. Указ. соч., табл. LX). Обе последних рукописи В. Н. Лазарев относит к XIII в. (В. Н. Лазарев. Искусство Владимиро-Суздальской Руси. «История русского искусства», т. I. М., 1953, стр. 494, 496; его же. Живопись и скульптура Новгорода. «История русского искусства», т. II. М., 1954, стр. 134).

[21] О большой роли византинизирующих элементов в новгородской культуре XII в. свидетельствуют как сами художественные произведения, так и письменные источники. Не подвергая сомнению само существование «грекофильского» направления, приведем некоторые соображения относительно одного из летописных свидетельств.

В научной литературе неоднократно цитировалось указание Синодального списка Первой новгородской летописи о том, что в 1196 г. «испьса црковь на воротех архиепископ Мартурии святыя Богородиця, а писець Грьцин Петровичь» (В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода, стр. 43; Ю. Н. Дмитриев. Заметки по технике русских стенных росписей X—XII вв. «Ежегодник Института истории искусств. 1954». М., 1954, стр. 240—241; В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Новгорода. «История русского искусства», т. II, стр. 122; его же. Фрески Старой Ладоги, стр. 93). Здесь и далее цитируем Первую новгородскую летопись по изданию: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.

Наименование художника в приведенном отрывке возбуждает ряд вопросов. В древних текстах этнографическое или географическое происхождение лица указывается обычно после имени (Феофан Гречин, Исайя Гречин, Пахомий Серб, Андрей Фрязин, Матвей Фрязин, Лука Смолянин и т. д.). Употребление отчества («Петровичь») без имени известно для домонгольского периода только по отношению к князьям (Н. М. Тупиков. Исторический очерк употребления древнерусских собственных имен. ЗОРСАРАО, т. IV. СПб., 1903, стр. 83).

Стихирарь конца XII—начала XIII в. (ГПБ, Соф. 85) имеет следующую запись: «Аз, попин грешьный Сава, а мирьское ми Грьцин, написах книгы сия святыма цесарьма Костантина и Олены. . .» (Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, стр. 30). Эта запись была сопоставлена со свидетельством Первой новгородской летописи о «Гречине Петровиче» еще М. К. Каргером в устном докладе «О русско-византийских связях в архитектуре» на сессии Отделения исторических наук АН СССР по проблемам византиноведения в 1958 г.

Поп Савва, носивший мирское имя Гречин, неоднократно упоминается Первой новгородской летописью (под 1226 г.: «въведете Грьцина, попа Святую Константина и Елены. . .»; при выборах архиепископа в 1230 г. «рекоша некотории князю: есть чернець. . . именемь Спиридон. . ., а инии Осафа. . ., а друзии Грьцина»).

При выборах архиепископа в 1193 г. «инии хотяху Митрофана поставити, а друзии Мантурия, а сии хотяху пакы Гричина» (Новгородская первая летопись, стр. 65, 68, 231—232). В двух последних случаях сам контекст недвусмысленно подсказывает, что «Грьцин» (или «Гричин») употребляется в качестве имени.

Употребление в качестве личных имен самых разнообразных этнографических названий (Козарин, Мордвин, Черемисин, Чюдин, Чюхна) было особенно распространено в XV—XVII вв. (Н. Х. К вопросу о древнерусских некалендарных именах. «Этнографическое обозрение», кн. XVI, № 1. М., 1893, стр. 128), но встречается и в домонгольское время (А. И. Соболевский. Названия населенных мест и их значение для русской исторической этнографии. «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии». СОРЯС, т. XXXVIII, № 3. СПб., 1910, стр. 226). Например, «Варяжько» (ПВЛ под 980 г.), «Чюдин» (ПВЛ под 1068, 1072, 1078 гг.), «Ляшько» (один из убийц Бориса, ПВЛ под 1015 г.), «Торчин» («повар глебов именемь Торчин», ПВЛ под 1015 г., «муж» Давида и Олега Святославичей: «и сдумавше послаша к Давыду мужи свое, Святополк Путяту, Володимер Орогостя и Ратибора, Давыд и Олег Торчина», ПВЛ под 1100 г. См. Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Серия «Литературные памятники». Часть первая. Текст и перевод. М.—Л., 1950, стр. 55, 114, 121, 132, 92, 93, 181). С меньшей уверенностью укажем «Угринца» (запись Юрьевского евангелия 1119—1128 гг.: «аз грешьный Феодор напсах еуангелие се. . . Угриньц псал») и «Лотыша» (запись Евангелия 1270 г., Рум. 105: «аз Георгий сын попов, глаголемаго Лотыша с Городища. . .»).

см. стр. 94). Вполне правдоподобно, что в рамках первого направления этот процесс мог протекать менее интенсивно. Если не принять во внимание это обстоятельство, то мы невольно окажемся в положении тех исследователей, которые упускают из виду существование в средневековом искусстве различных одновременных направлений. Против такой методики справедливо возражает сам В. Н. Лазарев (стр. 74—75).

Приведенные соображения не дают полного основания для датировки росписи концом (80-ми или 90-ми годами) XII в. Но их достаточно для того, чтобы отнестись с большой осторожностью к предложенной В. Н. Лазаревым более ранней дате.

Одна из интереснейших глав книги — «Приемы линейной стилизации в живописи XII века и их истоки». Здесь получило свое наиболее яркое выражение то качество, которое присуще исследованиям В. Н. Лазарева: присутствие широкого историко-культурного фона, изучение памятника в непосредственной связи с его культурным окружением, с учетом многообразной художественной жизни породившей его эпохи. Сопоставление публикуемой росписи с византийскими и южнославянскими памятниками, как предшествующими по времени, так и современными, позволяет по-настоящему оценить своеобразный вклад новгородских мастеров в художественную культуру средневековья.

Глава необычна по методике исследования. Выделяя один прием, один составной элемент из целой системы художественных средств, автор концентрирует внимание на его эволюции. С тонкой наблюдательностью автор показывает, насколько различную роль играл этот прием в создании художественного образа в зависимости от принадлежности произведения к той или иной национальной и культурной среде.

Особенно убедительно положение В. Н. Лазарева относительно того, что широкое распространение и развитие «линейной стилизации» на Руси связано с большой ролью народных традиций в русской культуре той поры (стр. 90). Отметим, однако, что процесс нарастания линейных, графических элементов, выразившийся в староладожских фресках и примыкающих к ним памятниках в виде «линейной стилизации», т. е. в особом орнаментальном характере рисунка и пробелов, все меньше следующих за формой и все больше подчиняющихся ритму узора, имел и другую сторону. Утрата русским искусством XII в. многих живописных приемов предшествующей поры, восходящих еще к эллинистическим традициям, несомненно, связана с глубокими изменениями в общественной жизни и культуре того времени: с усилением догматического начала, с распространением аскетического духа под влиянием дальнейшего процесса феодализации, роста церковной идеологии [22].

* * *

Некоторым пробелом книги является то обстоятельство, что она посвящена лишь фрескам Георгиевской церкви, хотя живописное наследие Старой Ладоги не сводится к одной этой стенописи. В этом смысле название книги шире ее содержания.

Мирские имена такого типа известны и в южнославянской ономастике (пользуемся любезным указанием проф. Дж. Радойчича). Так, имя «Грьчин» часто встречается в сербских и македонских письменных источниках. Еще в первой половине XIV в. в македонском городе Штипе, в «подградии штинском» жили два человека с таким именем (Fr. Miclosich. Monumenta serbica. Wien, 1858, S. 62; Ст. Новаковић. Законски споменици српских држава средњега века. Београд, 1912, стр. 402). Таким образом, «Грьцин» могло быть личным «некалендарным» именем.

Как показывает обширный сохранившийся материал XV—XVI вв., такие имена часто не были связаны с действительным происхождением и национальностью лица (например, «Осий, Богдан и Тотарын Сопроновичи», княжеские бояре в Литве, 1466 г., Тупиков, стр. 443; было имя «Козарин», хотя в это время народа «козар» уже не существовало; встречаются сочетания типа «Русин да Мещерин Федоровы дети Черемисинова». — А. И. Соболевский. Названия населенных мест. . ., стр. 226).

Поэтому считать «Гречина Петровича» греком нет достаточных оснований. Это имя могло отражать его действительное происхождение, но могло и не зависеть от него.

Остается невыясненным еще один вопрос. Именем и отчеством, и особенно отчеством на «-ич», называли лиц, принадлежащих к высоким социальным слоям (см., например, Astrid Boecklund. Personal Names in Medieval Velikij Novgorod. Stockholm, 1959, p. 52).

Между тем Гречин Петрович — «писец», мастер-ремесленник. В новгородских письменных источниках мы знаем лишь одну аналогию: свидетельство той же Первой новгородской летописи, но младшего извода, под тем же 1196 г., о мастере-строителе церкви Кирилла на Нелезене «Корове Яковиче с Лубяней улицы».

[22] М. К. Каргер. Живопись, стр. 361—362.

Как известно, фресковую роспись имели еще четыре церкви XII в.: Успения, Климента [23], Спаса [24] и безымянная, находившаяся на берегу р. Ладожки [25]. В двух последних, раскопанных Н. Е. Бранденбургом, сохранились лишь «мраморировка» в нижних частях стен и незначительные фрагменты орнаментов и фигур. Детали климентовских фресок представляют больший интерес. Но наиболее значительны остатки росписи Успенской церкви. Внутри храма сохранилось шесть фрагментов. Один из них был открыт реставраторами Г. О. Чириковым и В. О. Кириковым еще в 1927 г.[26] Это изображение неизвестного мученика (по Репникову, Бориса) на восточной стороне юго-западного столба. Остальные открыты во время работ по архитектурной реставрации здания в 50-е годы. Это орнаменты на откосах двух оконных проемов северной стены и три поясных изображения в арках угловых камер, расположенных на уровне хор и примыкающих к жертвеннику и диаконнику. Здесь представлены Кирик (изображение прекрасной сохранности), неизвестный мученик-старец и неизвестный святитель (его лицо утрачено).

Фрески Успенской церкви по времени исполнения близки к георгиевским. Сходны орнаменты, красно-коричневый оттенок фонов. Однако они исполнены иными мастерами. Об этом свидетельствуют более массивные и грузные пропорции фигур, резкость широких зеленоватых санкирных теней на лицах, не столь изысканный и тонкий красочный строй, основанный на более скупой цветовой гамме.

Особое место среди росписей Успенской церкви занимает наружная фреска северного фасада, слева от портала. Она открыта в 1951 г. при разборке позднего придела. Сохранилась она фрагментарно. В трех арочных проемах приземистого купольного здания изображены четыре фигуры: по одной в двух левых арках и две в правой, причем от крайней фигуры здесь сохранилась лишь часть. Они одеты в короткие (до колен) подпоясанные одежды. У них пышные короткие волосы. Нимбы отсутствуют. Боковые фигуры обращены к центру, но позы их неодинаковы. Левая изображена склоненной, центральная — благословляет (?) ее. Обе правые стоят прямо. Слева от этой группы на желтом фоне изображено дерево. Фигуры же представлены на светло-синем фоне. Их силуэты очерчены очень уверенно, красноватым контуром. Черты лиц стерты, а на одеждах нет никаких следов красочного строя. Рисунок столь эскизен, что датировка фрески представляет большие трудности. Отметим, однако, что процарапанные поверх фрески граффити имеют признаки XIII—XIV вв. (начертания отдельных букв, характер процарапанного орнамента-плетенки). Не ставя сейчас своей задачей определение времени и сюжета изображения, укажем лишь на необычность фрески и ее значительный интерес. Возможно, это только часть большой композиции, располагавшейся и над порталом, и по его сторонам.

Фрески Климентовской церкви, судя по сохранившимся фрагментам, отличались и от георгиевских и от успенских, представляя еще один стилистический вариант. Сравнивая эти росписи, мы можем составить представление о богатстве и разнообразии художественной жизни Ладоги во второй половине XII в.

* * *

Публикация староладожской росписи существенно расширяет наши знания об истории новгородского искусства.

Сложение местных художественных школ составляет важную черту русской культуры периода феодальной раздробленности. Советскими учеными достигнуты большие успехи в изучении этого процесса в области зодчества. В сфере живописи сделано значительно меньше. Причина этого — не только в гибели и плохой сохранности произведений, но и в том, что многие памятники до сих пор еще остаются неисследованными.

В силу особенной исторической судьбы Новгорода, счастливо избегнувшего разрушительного татарского нашествия, нам удается проследить этот процесс в его искусстве более детально, чем в искусстве других русских областей. Но и здесь еще нельзя считать исчерпывающе изученным фонд памятников, находящихся в нашем распоряжении. Достаточно сказать, что такая уникальная стенопись, как роспись Анто-

---

[23] Н. И. Репников. Раскопки в городище Старая Ладога. Сб. «Старая Ладога». Л., 1948, стр. 62. Фрагменты хранятся в ГРМ и Гос. Эрмитаже.

[24] Н. Е. Бранденбург. Указ. соч., стр. 48 и 126, рис. 2 и табл. IX. М. К. Каргер сомневается в отождествлении этой церкви со Спасской (М. К. Каргер. Новгород Великий, стр. 44).

[25] Н. Е. Бранденбург. Указ. соч., стр. 49 и 127, табл. X.

[26] Н. И. Репников. Предварительное сообщение о раскрытии памятников древней живописи в Старой Ладоге. «Вопросы реставрации», т. II. М., 1928, стр. 193 и табл. у стр. 183.

ниева монастыря (1125 г.), до сих пор недостаточно изучена историками искусства, а расчистку ее вряд ли можно считать завершенной [27].

Аналогичная картина наблюдается и в изучении живописи других русских областей. Например, не расчищены и не исследованы фрески Кирилловской церкви в Киеве и Спасо-Мирожского монастыря в Пскове; ожидают своего исследования многие фресковые фрагменты, открытые археологами во время раскопок храмов.

Публикация этих памятников остро необходима для решения важнейших вопросов истории древнерусской культуры. Книга В. Н. Лазарева о староладожских ресках представляет важный шаг в этом направлении. Являясь образцовым монографическим исследованием, эта книга заставляет по-новому взглянуть и на многие более широкие художественные проблемы. Вот почему она уже успела занять видное место в советской научной литературе по истории древнерусского искусства.

Э. С. Смирнова

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНЕСА

(По поводу статьи Д. Л. Талиса „Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья". ВВ, XVIII, 1961)

Статья Д. Л. Талиса посвящена вопросам периодизации истории раннесредневекового Херсона. Тема этой статьи имеет, несомненно, не только узкокрымский, но и более общий интерес, так как раннесредневековый Херсон был теснейшим образом связан не только с Таврикой, но и с окружающими странами, и прежде всего с Византией. Но в силу одного этого трудно представить себе, что Херсон имел особую периодизацию своей истории, как это можно думать из заглавия статьи. Во всяком случае автор нигде не оговаривает, что периодизация истории Херсона отражает периодизацию истории Византии или одной лишь Таврики (впрочем, последнее также маловероятно).

В истории раннесредневекового Херсона Д. Л. Талис устанавливает следующие периоды.

1. Первый период охватывает V и первую половину VI в. и «является неотъемлемой частью предшествующего этапа развития» (стр. 61), т. е. античного.

2. Второй период начинается в середине VI в. и «охватывает примерно промежуток времени между серединой VI и серединой IX в.» (стр. 61). Этот этап, собственно, и является первым периодом средневековой истории Херсона (стр. 64).

3. Третий период, или, по Д. Л. Талису, второй основной средневековый период, обнимает, как это общепринято, время со второй половины IX по конец X в. (стр. 67 и сл.).

Предлагаемое разграничение, притом резкое, собственно раннесредневекового периода серединой VI в., насколько знаю, не встречается в историографии Таврики. Тем важнее обоснование такого хронологического членения, хотя и оно будет иметь очень ограниченное значение, так как относится к истории лишь одного города. Автор приводит следующие аргументы.

1) Уровень ремесленного производства Херсона в V и первой половине VI в. отнюдь не снизился, на что указывает продукция гончарного ремесла и особенно амфоры, сохранившие высокое качество и позднеантичные формы (стр. 55—57). Однако такой вывод нельзя признать доказательным хотя бы потому, что в количественном отношении этот материал ничтожен. Автор напрасно говорит о массовом изготовлении в раннесредневековом Херсоне амфор (стр. 57), так как именно массового характера эти находки лишены. Буквально несколько амфор V—VI вв., которые найдены в Херсоне за несколько десятков лет раскопок и которые удалось склеить, не могут, конечно, обосновать широкие выводы автора; тем более нет оснований датировать их в Херсоне специально первой половиной VI в. Характерно, что мы до сих пор не имеем в Херсоне ни одного более или менее целого образца самого распространенного в Северном и Западном Причерноморье типа амфор V—VI вв. — с глубоким и густым рифлением, хотя мелкие их обломки и часто встречаются. О форме этих амфор приходится судить по материалу из Болгарии и Румынии [1]. Сказанное только что о кера-

---

[27] Покойный Ю. Н. Дмитриев высказывал убеждение, что в Богородице-Рождественском соборе Антониева монастыря во многих местах под поздней записью еще скрыты участки древней живописи.

[1] В Болгарии такие амфоры хранятся в музеях Варны, Бургаса, Несебра (неизданы); в Румынии они известны из раскопок Истрии (Histria. Monografia archeologica, vol. I. București, 1954, рис. 382—385). Античные прототипы III и IV вв. см. H. S. R o-

мике вызывает сомнение в том, вообще производились ли в Херсоне амфоры и в V и VI вв. — как в первой, так и во второй его половине. Мы, признаться, склоняемся к отрицательному ответу. В противном случае картина была бы совсем иная. Что это так, показывает материал из слоев X в., давших действительно множество амфор: только массовостью находок можно обосновать заключение о их производстве на месте.

Автор ссылается даже на пифосы (стр. 56), но это недоразумение: ни одного раннесредневекового (т. е. V—VI вв.) пифоса в Херсоне не сохранилось и о форме их мы пока судить не можем, хотя и очень вероятно, что они удерживали формы позднеантичных пифосов. Ничего не говорит об уровне гончарного производства раннесредневекового Херсона и краснолаковая посуда (стр. 56—57, прим. 10); ее, правда, нередко находят в Херсоне, но она, несомненно, целиком привозная (этим то и объясняется ее абсолютное тождество с восточногреческой, что отмечает автор). Нет никаких оснований говорить и о массовом вывозе херсонских амфор на внешний рынок, ибо вне Херсона, в Юго-Западном Крыму, такого рода находки, и то в виде обломков, очень немногочисленны. Могу утверждать это на основании своих шестилетних раскопок раннесредневековых сельских поселений в этом районе Крыма.

2) Д. Л. Талис считает, что и продукция раннесредневекового металлообрабатывающего ремесла Херсона также носила массовый характер и имела широкое распространение (стр. 57). Автор имеет в виду литейные формы для отливки крестов, украшений и иконок, фибулы и пряжки, притом «весьма многочисленные». Но и этот тезис нельзя принять, так как погребальный инвентарь раннего средневековья в Херсоне, вопреки автору, сравнительно малочисленный, фибулы же вообще редки, а фибул, характерных для VI в., почти нет, что уже приходилось констатировать [2]. Что же касается упоминаемых автором литейных форм (стр. 57, прим. 14), то к раннему средневековью может быть отнесен лишь один предмет — глиняная форма с изображением двух святых из раскопок 1898 г.[3] Датировка V и VI вв. остальных форм — плод недоразумения; в частности, оба креста и форма для отливки креста из раскопок 1903 г.[4] относятся ко времени не ранее IX в. Таким же недоразумением является и ссылка на бронзовые кадила из Херсонеса, изданные Н. П. Кондаковым [5]: во-первых, они найдены, может быть, вовсе не в Херсонесе (их место находки неопределенное), во-вторых, они не V—VI вв., а значительно более поздние (Н. П. Кондаков датирует их XI в.). Таким образом, Д. Л. Талис может оперировать лишь одной раннесредневековой матрицей, а этого, конечно, недостаточно для каких-либо обобщений.

Столь же бездоказательны и данные об импорте и экспорте Херсона в V—VI вв. (стр. 63, прим. 35). Можно подумать, что все перечисленное автором основано на фактах, но на самом деле — это почти сплошные догадки, более или менее вероятные. Например, на чем построено утверждение, что в V—VI вв. из Малой Азии «в Херсон поступали ремесленные изделия из стекла и металла, металлы в сыром виде, строительные материалы (какие? — *А. Я.*), архитектурные детали. . .»? Ведь никаких определенных данных для такого утверждения у автора нет. Следовало бы подчеркнуть предположительность этого перечня предметов ввоза.

Но если другая группа материала, привлеченного Д. Л. Талисом, — керамика, действительно может быть датирована ранним средневековьем (V—VI вв.), то членение ее на группы до середины VI в. и второй половины VI в. пока не может быть установлено.

3) Д. Л. Талис указывает на большое значение в раннесредневековом Херсоне промыслового рыболовства, о чем свидетельствует множество рыбозасолочных цистерн, использовавшихся в городе до середины VI в. (стр. 58—59). Но и эта датировка предвзята: массовая ликвидация (засыпка) этих цистерн в большинстве случаев относится ко времени до VI в., на что уже указывал Г. Д. Белов на основании своих многолетних наблюдений во время раскопок [6]; признаться, возражения Д. Л. Талиса (стр. 59, прим. 21) просто непонятны. Могу добавить, что огромная цистерна, расположенная рядом с Уваровской базиликой, была также ликвидирована еще до VI в., что доказывается постройкой храма, бесспорно V в., триконхиальная апсидальная часть которого основана на субструкции, сооруженной внутри цистерны. Таким образом, существенные изменения в экономике Херсона, на которые указывает массовая ликвидация товарного производства соленой рыбы, относятся ко времени до VI в., а отнюдь не к середине этого столетия, как утверждает Д. Л. Талис.

---

b i n s o n. Pottery of the Roman Period. Chronology: The Athenian Agora, vol. V. Princeton—New Jersy, 1959, K. 108— стр. 68, табл. 15 и M. 272 — табл. 29.

[2] МИА, № 63, 1959, стр. 272.

[3] ОАК за 1898 г., стр. 116.

[4] ИАК, вып. 16, стр. 45.

[5] И. И. Т о л с т о й и Н. П. К о н д а к о в. Русские древности в памятниках искусства, т. IV. СПб., 1891, стр. 34—35.

[6] МИА, № 34, 1953, стр. 32.

4) О «резком спаде» экономической жизни Херсона, будто бы происшедшем именно в середине VI в., говорит, по мнению Д. Л. Талиса, хронология монет из раскопок городища (см. табл. 2), среди которых бóльшая часть относится к первой половине VI в. (включая, очевидно, монеты Юстиниана I—527—565 гг.) и значительно меньшая часть — ко второй половине VI в. Но это объясняется, конечно, не резким переломом в экономике города в середине столетия, а определенной активизацией жизни при Юстиниане I и начавшимся в конце VI в. упадком (в конце столетия, не позднее 602 г., выпуск монет в Херсоне вообще, как известно, прекратился). Таким образом, и монеты не содержат определенного указания на перелом в экономике Херсона именно в середине VI в.

Далее Д. Л. Талис подробно говорит об упадке города в VII, VIII и первой половине IX в. (стр. 62—63), на что уже не раз обращали внимание исследователи, и это не вызывает сомнений. Автор в этом отношении не прибавляет ничего нового, если не считать отнесение начала упадка к середине VI в., с чем, как сказано, нельзя согласиться.

Насколько искусственно разграничение двух этапов истории раннесредневекового Херсона серединой VI в., настолько натянуто и объяснение такого разграничения. Ибо ссылка на постепенную аграризацию Херсона (стр. 65—66) должна быть отнесена вообще к V—VI вв., но не специально к середине VI в. Кроме того, говоря (стр. 65) о переходе к экстенсивным формам земледелия и об опустошении сельскохозяйственной округи Херсона в V и VI вв. (хотя то и другое — только предположение, ничем пока не подкрепленное), автор, в сущности, противоречит сам себе, ибо на предыдущих страницах речь идет об определенном экономическом подъеме города, хотя и основанном на развитии транзитной торговли и ремесла.

Наконец, одну из причин упадка Херсона в середине VI в. автор справедливо видит в «резком ухудшении экономической конъюнктуры в бассейне Черного моря» (стр. 66—67). Но почему это ухудшение относится именно к середине VI в. — также остается непонятным.

Говоря далее о промежуточном периоде VIII в., автор указывает на приток в Херсон населения, о чем, по его мнению, свидетельствуют находки так называемой салтовской керамики — кухонных горшков со сплошным рифлением и гребенчатой волной и обломков серых больших сосудов, украшенных полосами лощения. Замечание это вызывает удивление, так как за все время раскопок Херсонесского городища найден всего один такой горшок[7], два сосуда с расширенным низом, аналогичных саркельским [8], и буквально несколько обломков парадных салтовских сосудов с лощением (обращает внимание отсутствие в статье Д. Л. Талиса каких-либо ссылок на этот материал). Заключить отсюда о притоке в Херсон нового населения — носителей салтовской культуры — было бы более чем рискованно. Неясно, какое указание на пришлое население в IX в. в Херсоне усматривает автор в письме Анастасия Библиотекаря (стр. 67). Крестовокупольный храм на херсонесском акрополе также вряд ли относится к VIII в., скорее к IX в.[9]

Далее автор переходит к периоду второй половины IX и X вв. — времени возрождения и относительного экономического процветания Херсона (стр. 67 и сл.), что уже давно является бесспорным. История этого периода освещена несравненно лучше, чем предшествующего времени, гораздо больше у нас и соответствующего археологического материала, к тому же более или менее надежно документированного. Однако и в рассмотрение этого периода автор вносит немало бездоказательного, а то и вовсе неверного.

Так, вызывает недоумение перечисление разнообразного кузнечно-слесарного (стр. 69, прим. 14), сельскохозяйственного инструментария (лемехи, мотыги, ножницы для стрижки овец и пр. — стр. 69), а также плотницкого, вообще строительного (пилы, топоры, зубатки, молотки и пр.) и костерезного (стр. 70, прим. 69). Автор не сопровождает это перечисление какими-либо ссылками на условия и место находок, стратиграфию их или на инвентарный номер и на публикацию вещей. Читателю и здесь приходится верить автору, что это действительно находки IX—X вв. Но это-то как раз и сомнительно.

Мне действительно известны такие предметы из херсонесского городища, но они почти исключительно происходят из верхнего слоя XII—XIII вв. или вообще являются беспаспортными.

Непонятно указание (стр. 70) на «развитое кораблестроение в Херсоне X в.», якобы засвидетельствованное Константином Багрянородным (De adm. imp., cap. 53) и Повестью временных лет (изд. 1950 г., ч. 1, стр. 37). На самом деле в русско-византийском договоре 945 г., включенном в русскую летопись, только упоминаются греческие кубары; не находим мы таких указаний и у Константина Багрянородного. Не

---

[7] МИА, № 63, 1959, стр. 312.
[8] Там же, стр. 313.
[9] Там же, стр. 217.

могут «развитое кораблестроение» подтвердить и находки больших якорей, опять-таки относящихся преимущественно к XII—XIII вв. (к сожалению, и здесь автор не дает ссылок на номера вещей или их публикацию). Д. Л. Талис правильно указывает на усилившиеся в IX—X вв. торговые сношения с Малой Азией, но и в этом отношении увлекается: вряд ли можно признать его утверждение, что среди ремесленных изделий, привозившихся оттуда в X в., главное место занимала поливная керамика (стр. 71). Основная масса такой керамики в Византии пока известна по раскопкам в Константинополе и Коринфе, а не в Малой Азии. Этим замечанием мы отнюдь не исключаем малоазийский привоз такой керамики, может быть даже доминировавший, но из наличного материал это пока усмотреть нельзя.

Рассматривая в целом статью Д. Л. Талиса, нельзя не отметить и ее положительные стороны: автор старается связать историю Херсона с историей Таврики, с одной стороны, и Византии — с другой; он не только констатирует основные явления в жизни города, но и ищет им объяснение; существенны его замечания о технике обработки металла (стр. 69) и о судьбах раннесредневековых монументальных зданий, которые восстанавливали в X в., чем и объясняются находки в этих зданиях вещей того времени (стр. 69, прим. 67).

Но мы возражаем против ничем не обоснованного разграничения истории города серединой VI в. и совершенно произвольных ссылок на материал, дата которого еще требует выяснения.

А. Л. Якобсон

РАННЕХРИСТИАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В УЛЬТРАКАТОЛИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

P. Testini. Archeologia cristiana (Notizie generali dalle origini alla fine del sec. VI). Declée e C°, editori pontifici. Roma—Parigi—Tournai—New York (1958—1959) (774 стр., 435 текстовых илл., 3 таблицы)

Книга о «христианской археологии» написана одним из составителей «Католической энциклопедии» Паскуале Тестини и выпущена международными «папскими издателями» Декле и К°. Книга заслуживает пристального внимания. Значительный объем, большое число иллюстраций, множество ссылок придают ей вид солидного научного труда. Автор его претендует на объективность; поэтому советскому исследователю необходимо установить, является ли эта объективность действительной или мнимой.

Книга состоит из четырех частей: 1) Пропедевтика, 2) Топография кладбищ, 3) Эпиграфика, 4) Культовые здания. Живопись, скульптура, малые предметы рассматриваются от случая к случаю, преимущественно для датировки зданий и захоронений.

Первая часть должна дать общее представление о письменных источниках. Абзац, которым она начинается, может служить «ключом» ко всей работе. Канонические евангелия, деяния и послания апостольские толкуются автором внеисторически; они будто бы «содержат в зачатке христианское мышление, от которого произошла структура рождающейся церкви» (стр. 4). Сама последовательность, в которой перечисляются эти составные части, полностью соответствует их расположению в каноническом Новом Завете: в порядке, обратном времени их возникновения [1]; но наиболее раннее — Откровение Иоанна — не упомянуто вовсе. Очень раннее Учение двенадцати апостолов («Дидахе»), несомненно возникшее ранее канонических евангелий [2], рассматривается после Нового Завета, как произведение более позднее (стр. 4—5). Поскольку Дидахе правильно датируется временем «ранее 150 г.», период создания всего Нового Завета тем самым отодвигается к I в. н. э.

К другим апокрифам Тестини обращается только после рассмотрения церковных авторов III—IV вв., уделяя им всего восемь с половиной строк (стр. 14—15); эти апокрифы автор считает подражанием каноническим книгам. Таким образом, он безоговорочно следует концепции церковников, полностью умалчивая о папирусах с весьма ранними вариантами евангелий и посланий [3].

Тестини едва упоминает (стр. 6) о таких ценных документах, как «Constitutiones apostolorum», составленных в Сирии около 380 г.[4], и «Testamentum domini», не ука-

---

[1] Я. А. Ленцман. Происхождение христианства. М., 1958, стр. 25—38.

[2] А. Б. Ранович. О раннем христианстве. М., 1959, стр. 466—467; Я. А. Ленцман. Указ. соч., стр. 43, 165—168.

[3] Литературу см. в кн.: Я. А. Ленцман. Указ. соч., стр. 37; его же. Вводная статья в кн.: А. Б. Ранович. О раннем христианстве, стр. 30—31.

[4] По Шпейдеру — во второй половине IV в. (A.-M. Schneider. Liturgie und Kirchenbau in Syrien. «Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen»,

зывая его даты [5]. Ничего не говорится о «Didascalia apostolorum syriace», вероятно, конца III в., поскольку фрагменты этого сочинения уже включены в переработанном виде в «Constitutiones apostolorum» [6]. Таким образом, приводимые автором краткие и произвольные выдержки из текстов не дают и не могут дать даже приблизительного представления об изменениях, происходивших в первоначально более демократической христианской литургии. Следовательно, введение не дает сведений, необходимых для понимания исторического развития культового здания, что становится особенно ясным при чтении последней, четвертой книги, относящейся к самим культовым зданиям.

Небезынтересно отметить, что в той же первой части имеется небольшой абзац (стр. 8) об антиеретических авторах с одной только ссылкой на работу К. Чеккели. Общие же сведения о самих ранних ересях даются не здесь, а в параграфе об «еретических надписях» (стр. 522—535), в то время как они относятся равным образом ко всем разделам книги; сведения эти очень кратки и совершенно не содержат указаний о социальной сущности и политическом значении еретических течений — о чем, как известно, пишут не только советские, но и многие буржуазные авторы. Нет даже упоминания о самих частично уже опубликованных гностических сочинениях, сохранившихся в коптских папирусах Хенобоскиона (Наг-Хаммади) [7], которые открыты в 1945 г.

Отсутствует также упоминание о галликанах и о несторианах. Автор, по-видимому, считает несторианское течение гораздо более поздним (стр. 594—595). Между тем несторианство должно было иметь широкое распространение в Сирии в IV в., особенно *до закрытия в* 389 г. *несторианской школы в Эдессе* [8].

Совершенно нет тех сведений, прямо касающихся структуры церкви, постройки культовых зданий, размещения захоронений, которые имеются в постановлениях церковных соборов и в кодексах, например в законе Феодосия II и Валентиниана (431 г.) о праве убежища [9]. Нет также и интереснейшего протокола об обыске в Цирте (403 г.) [10], который наглядно рисует состав и функции ранней церковной организации, особенно широкие в период до ее легализации; нет высказывания Иоанна Златоуста в пользу постройки церквей в больших имениях с целью сдерживать ропот недовольных.

В отличие от источников, касающихся ранней истории церкви, изложенных, как мы видим, односторонне и более чем кратко, автор уделяет много внимания и места тем, которые относятся к культу мучеников (стр. 15—63), в особенности тех мучеников, мощи которых будто бы находятся в Риме (текст «Depositio martyrum», стр.18—20; объемистая таблица римских итинериариев и списков, стр. 38—63 и т. д.). Характерно, что относительно более поздние (VII—X вв.) итинерарии, касающиеся римских святынь, рассматриваются не только гораздо подробнее, но и прежде, чем более ранние — палестинские.

Интересны данные (стр. 30—32, рис. 2—3) об ампулах Монцы, собранных в Риме для королевы Теодолинды на рубеже VI и VII вв.; но отсутствуют сведения об ампулах и о скульптурных евлогиях, привозившихся из Палестины и из Сирии, в частноти об евлогиях с изображением столпников. Так, автор «забыл» упомянуть о палестинском происхождении самих ампул Монцы, которое установлено

---

phil.-hist. Klasse, 1949, № 3. Göttingen, S. 59, Anm. 56); по Брайтману — в 370—380 и по Функу — в начале V в. (см. J. Lassus. Sanctuaires chrétiens de Syrie. Paris, 1944 (1947), p. 22, № 1).

[5] Шнейдер, например, датирует этот документ серединой V в. (см. A.-M. Schneider. Liturgie und Kirchenbau. . ., S. 51, Anm. 37).

[6] Ibid., S. 48, Anm. 19, 20. У Тестини «Дидаскалия» упоминается на стр. 538, но в узком контексте, в связи с вопросом о расположении епископского трона.

[7] Я. А. Ленцман. Происхождение христианства, стр. 44; его же. Вводная статья в кн.: А. Б. Ранович. О раннем христианстве, стр. 31—32; C. Daniel. Sur l'origine et la provenance des papyrus gnostiques coptes de Nag-Hammadi, «Studia et acta orientalia», III. Bucarest, 1960 (1961), p. 15—29.

[8] A.-M. Schneider. Liturgie und Kirchenbau. . ., S. 47. Шнейдер (S. 53) видит в анонимном несторианском «Expositio officiorum ecclesiae» «по крайней мере отражение ранней литургии» и возражает против его отнесения к Георгию Арбельскому. Ж. Лассю (J. Lassus. La liturgie dans les basiliques chrétiennes. . ., «Atti del VIII congresso di studi bizantini». Roma, 1951, p. 419, 422) считает, что эта несторианская литургия X в. безусловно восходит в основных своих чертах к литургии самого Нестория до его удаления после Эфесского собора, а затем изгнания.

[9] J. Lassus. Sanctuaires chrétiens. . ., p. 22—23, note 1 (с латинским текстом и переводом). У Тестини — беглое упоминание (p. 601, note 2).

[10] J. Lassus. Sanctuaires chrétiens. . ., p. 3, по тексту, напечатанному в DACL, s. v. Cirta.

еще Д. В. Айналовым [11] и в настоящее время общепринято [12]. Эти ампулы снабжены греческими надписями, разъясняющими характер культа в палестинских святилищах; однако мы не нашли упоминания о них ни в главе VII о надписях на малых предметах (стр. 487—493), ни в параграфе о палестинских надписях (стр. 514—515). Эти пропуски не случайны, они явно сделаны для умаления роли палестинского культа и искусства в пользу г. Рима.

Таким образом, вводная часть дает подробные, иногда даже слишком (в рамках данного издания) специальные сведения о христианских древностях г. Рима; зато все остальное освещено далеко недостаточно, непропорционально своему значению.

Вводная часть завершается перечислением некоторых авторов XX в. (стр. 72); в список попали среди других Ф. Дэльгер и даже А. М. Шнейдер, но не попали ни А. Грегуар, ни П. Лемерль, ни датский ученый Э. Диггве. Из представителей балканских стран мы находим только А. Булича; среди русских авторов упоминаются только Н. П. Кондаков и Д. В. Айналов, о советских исследователях не говорится вовсе.

Вторая часть книги, относящаяся к кладбищам, содержит много конкретных, частично новых сведений о собственности христианской церкви в первые века ее существования, причем излагаются разные теории относительно этого вопроса. Интересны данные о связях раннехристианских погребальных поверий и обычаев с языческими. Автор признает (стр. 79), что в отношении катакомб христиане не выдумали ничего нового, а просто вернулись к очень раннему типу массового захоронения; этот тип был связан со старым обычаем трупоположения и вполне разработан уже в IV—III вв. до н. э. в языческом ипогее в Анцио (стр. 78 и рис. 5) [13]. Определенное значение могут иметь данные о финансовой, организационной и особенно о технической стороне устройства коллективных захоронений в катакомбах. Материал сопровождается рисунками, изображающими рабочего с киркой (рис. 30) и различный инструмент (рис. 31). Хорошая цветная репродукция (табл. I) воспроизводит очень интересную фреску III в. из некрополя Марчеллино э Пьетро. Одетый в жалкую тунику проходчик работает при свете висячей глиняной лампы. Автор лично участвовал в изучении римских катакомб, что позволило ему достаточно ясно осветить эту тему [14].

Однако подземным некрополям г. Рима отводится непропорционально много внимания. Катакомбам посвящена и глава III о подземных погребениях вообще (стр. 92—111), и большая часть весьма подробно изложенного материала о христианских кладбищах Рима (глава VIII, стр. 163—256).

Кладбищам же остального христианского мира, включая всю остальную Италию, уделено всего полсотни страниц (глава IX, стр. 266—316); поэтому на долю замечательного некрополя г. Арля приходится, например, всего две строчки, а всей Галлии уделяется немного больше страницы (стр. 281—282, без рисунков). Не намного лучше освещены некрополи Испании (стр. 282—285, из них всего две страницы текста); но здесь все же имеются рисунки, воспроизводящие мало известные мавзолеи Сентселлес и Альберка. Зато замечательный по архитектуре и по росписям некрополь аль-Багават в Египте (стр. 293) не проиллюстрирован вовсе, хотя в нем сосредоточено множество ранних купольных гробниц крестообразного плана. Некоторое значение этой (IX) главе, как и главе (X) о иудейских некрополях, придают только библиографические ссылки.

Глава VIII о кладбищах Рима носит монографический характер. Она сопровождается картой окрестностей Рима и рассматривает в топографической последовательности все известные христианские некрополи, сопровождая их по мере возможности планами.

Автор в примечаниях привел большую библиографию, однако он все же упустил из виду важную позднюю работу Шнейдера [15], в которой систематизированы исследования катакомб, особенно за 30—40-е годы; можно подозревать, что это упущение не случайно. Тестини относится к числу тех авторов, которые весьма неохотно принимают достижения современной науки, приведшие к значительному снижению датировки катакомб, а тем самым — к умалению их роли в христианской археологии и в истории христианства. Шнейдер, придерживавшийся довольно умеренной дати-

---

[11] Д. В. Айналов. Эллинистические основы византийского искусства. СПб.' 1900, стр. 168—191.

[12] H. Leclerq. Monza. DACL, vol. XI, № 1, 1934, p. 2758—2759; J. Lassus. Sanctuaires chrétiens. . ., p. 166, № 1 etc.

[13] Автор пишет о нем без ссылок, как о вновь открытом; но он был известен раньше (см. A.-M. Schneider. Die ältesten Denkmäler der römischen Kirche. Festschrift der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Berlin—Heidelberg, 1951, S. 191).

[14] См. прим. 4 на стр. 202, где упоминается его статья о катакомбах Домитиллы. См. также P. Testini. Recenti scavi e scoperte nei cimiteri paleocristiani di Roma. «Studi Romani», X, № 4, 1962, p. 442—450.

[15] A.-M. Schneider. Die ältesten Denkmäler. . ., S. 166—195.

ровки росписей, все же не мог обнаружить в христианских катакомбах Рима памятников старше 200 г.[16] Если общинные кладбища возникли только в III в., то значит раньше христиан хоронили вместе с язычниками, без ярко выраженных христианских надписей и изображений [17]. Вплоть до легализации христианства в 313 г. его приверженцев из высших классов римского общества хоронили отдельно, в богатых мавзолеях, а не в общинных катакомбах. В катакомбах же богатые захоронения и саркофаги появились только с легализацией христианства и с торжеством культа мучеников [18]. Именно к этому времени относится наибольшее развитие римских катакомб, связанное с обогащением их декора, т. е. появляются катакомбы в том виде, в каком они предстают перед археологами в момент раскрытия и в дальнейшем перед посетителями.

О классовом характере изменений, произошедших в катакомбах после легализации христианства, Тестини умалчивает, как он вообще умалчивает и об отказе от принципов ранней «апостольской» церкви, об изменениях в социальном характере и в структуре и об аристократизации церкви. Весь этот процесс он искаженно характеризует как «неизменное развитие и полное включение христианства в социальную жизнь», которые противопоставляются «консервативности диаспоры» (стр. 318).

Больше всего места уделяется некрополю под собором Петра, хотя он вряд ли может считаться христианским: это языческий некрополь с немногими, вероятно поздними, христианскими захоронениями. Только один из мавзолеев, принадлежавший Юлиям, стал, судя по тематике возникших при переделке мозаик, христианским; это произошло скорее всего только в IV в. [19] Довольно многочисленные христианские надписи относятся все без исключения к типу граффити, и притом относительно поздних (конец III—IV в.). Некрополь под собором Петра был раскрыт при раскопках, связанных с поисками там останков самого апостола (стр. 164—185). К теме о мощах Петра автор возвращается еще раз в связи с некрополем на Виа Аппиа, около С.-Себастиано (стр. 225—231).

Такое внимание со стороны нашего автора понятно, так как прерогативы католической церкви основываются до наших дней на легенде о пребывании и мученичестве Петра именно в Риме, тем более что Петру будто бы было завещано Христом первенство среди других учеников. Вопрос о раскопках под собором Петра недостаточно освещен в нашей литературе. Поэтому мы позволим себе остановиться на нем хотя бы в самых общих чертах.

Согласно католической традиции древняя базилика, а значит и занявший ее место собор Петра, построены на месте цирка в Ватиканских садах, где при Нероне будто бы был казнен апостол Петр. Начатые до второй мировой войны и опубликованные частично в 1951 г. раскопки опровергли это предположение: под собором обнаружен большой языческий некрополь II—III вв., сходный по общему характеру и по типу богатых гробниц с некрополем Изола Сакра около Остии. В западной части Ватиканского некрополя имеется маленькая открытая площадка с глубоко лежащими могилами бедного люда, быть может, несколько более ранними, чем окружающие ее богатые мавзолеи; под ограничивающей эту площадку Красной стеной [20], вероятно, относящейся к концу II в. н. э.[21], несколько человеческих костей было спрятано в период, который не удается точно определить из-за многократных переделок и перестроек. Ни

---

[16] A.-M. Schneider. Die ältesten Denkmäler. . ., S. 176, 181—182 (первоначальные части катакомб Калликста); 185—186 (обе части катакомб Домитиллы); 189—190 (катакомбы Присциллы) и т. д. См. также P.-A. Février. La catacombe de Priscille et l'origine des catacombes. «Cah. Arch.», XI, 1960, p. 1—14.

[17] A.-M. Schneider. Die ältesten Denkmäler. . ., S. 193.

[18] Ibid., S. 194—195.

[19] Ibid., S. 170.

[20] Это наименование обусловлено сохранившейся интенсивной окраской немногих уцелевших частей ее поверхности.

[21] Попытку Я. Торпа (Hj. Torp. The Vatican Excavations. «Acta Arch.», vol. XXIV, 1953, p. 30—43) датировать Красную стену III в. н. э. нельзя признать достаточно убедительной, так как он (см. прим. 57—58 на стр. 40) основывается на устаревшей периодизации римских кладок, предложенной Ван-Диман. Датировка стены II в., принимаемая Д. Тойнби и Д. Уорд-Перкинсом (J. Toynbee, J. Ward-Perkins. The Shrine of St. Peter and the Vatican Excavations. London — New York, 1956, p. 32), тоже не может считаться безусловной. Тойнби и Уорд-Перкинс при датировке исходят из пяти черепиц 147—161 гг., обнаруженных в перекрытии стока под пандусом, связанным с Красной стеной. Но черепицы эти могли быть во втором употреблении; они дают только terminus post quem (E. Sjöquist. The Shrine of St. Peter. «Antiquity», vol. 31, № 121, 1957, p. 18) и не противоречили бы датировке пандуса, Красной стены и особенно эдикулы — III в. Вопрос остается открытым, как признают сами Тойнби и Уорд-Перкинс (p. 269).

официальная публикация, ни сам папа Пий XII [22] не утверждали, что эти кости принадлежали апостолу; они лежат для этого недостаточно глубоко [23]. С целью во чтобы то ни стало доказать идентификацию найденных древностей с могилой Петра, а «Трофей Гая» [24] — с реальной, обнаруженной раскопками крохотной эдикулой у Красной стены, в настоящее время ведутся новые археологические исследования [25]. Эдикула эта многократно перестраивалась и стала позднее главным культовым объектом той базилики IV в., которую обычно считают константиновской.

Противоречивость христианских источников и отсутствие подлинной сколько-нибудь ранней традиции [26] значительно затрудняют толкование найденного материала. Объективно установленным можно считать лишь то, что на месте, где позднее была построена базилика Петра, еще ранее существовал очень скромный христианский культ на мнимой могиле апостола.

О наличии такого культа свидетельствуют относительно поздние христианские граффити около самого предполагаемого «Трофея Гая». Однако ни в одном из них имя Петра до сих пор не обнаружено [27]. Но в одной из ниш мавзолея Валериев [28], удаленного от Красной стены и от «Трофея Гая» метров на 26, Маргарите Гвардуччи удалось уже после окончания работ и выхода в свет официальной публикации найти и расшифровать целый ряд граффити (надписей и рисунков), в которых верующие умоляют Петра о заступничестве [29]. Эти граффити, несомненно, предшествуют началу постройки базилики [30], но сделаны скорее всего в процессе длительной подготовки площадки под нее, т. е. уже в IV в.[31] Значит, базилика Петра построена на месте, которое связывалось с легендой о смерти апостола, возможно с конца II века [32], но скорее только с III или даже с IV в. н. э.[33] Этот более чем общий вывод получается также из самого выбора места для базилики; крутой поперечный (с севера на юг)

---

[22] В выступлении по радио в декабре 1950 г. папа Пий XII признал: «. . . невозможно с какой-либо степенью достоверности утверждать, что человеческие кости принадлежат апостолу» (Я. А. Ленцман. Вводная статья в кн.: А. Б. Ранович. О раннем христианстве, стр. 29; R. T. O'Callaghan. Vatican excavations and the tomb of St. Peter. «Biblical archaeologist», vol. XVI, 1953, № 4, p. 71).

[23] Th. Klauser. Die römische Petrus Tradition im Lichte der neuen Ausgrabungen. Köln—Opladen, 1956, S. 53—56, Anm. 94.

[24] «Трофей Гая» — небольшое памятное сооружение, известное по описанию пресвитера Гая в изложении Евсевия (см. Eusebius. Hist. Eccl., II, 25.5—7).

[25] N. C. Billet de Rome. «La nouvelle Clio», IV année, № 8, 1952, p. 325 (новые работы поручены А. Пранди и Маргарите Гвардуччи).

[26] A.-M. Schneider. Die ältesten Denkmäler. . ., S. 166—167; Th. Klauser. Op. cit., S. 28, 86 (даже дата смерти Петра забыта).

[27] R. T. O'Callaghan. Op. cit., p. 82, fig. 5. Официальная публикация не признала единственного намека на его имя, которое обнаружено А. Пранди на самой Красной стене (Hj. Torp. Op. cit., p. 50, note 102).

[28] Судя по рельефу с изображением обожествленного Марка Аврелия (идентификация М. Гвардуччи), он не мог быть построен ранее 180 г. (Hj. Torp. Op. cit.).

[29] A. Prandi. Lettre de Rome. «La nouvelle Clio», IV année, № 9—10, 1952, p. 395—97; H. Grégoire. Le tombeau de Valérius Herma et l'inscription relative à St. Pierre. Ibidem., p. 398—401, с транскрипцией граффити. А. Пранди (A. Prandi. Op. cit., p. 396) и А. Грегуар (H. Grégoire. Op. cit., p. 398, note 1) присоединяются к идентификации рельефа Марка Аврелия и к датировке мавзолея Валериев, предложенным Гвардуччи. Грегуар (H. Grégoire. Op. cit., p. 399) считает далее, что неграмотные христиане могли принимать Марка Аврелия за апостола Петра (ср. R. T. O'Callaghan. Op. cit., p. 82—83). Сам Тестини (стр. 167, прим. 1) относится к расшифровке этих граффити скептически.

[30] Так как ее подпорная стена закрыла вход в мавзолей и прикрыла часть ниши с граффити (R. T. O'Callaghan. Op. cit., p. 83; J. Toynbee, J. Ward-Perkins. Op. cit., p. 16).

[31] H. Grégoire. Op. cit., p. 401. О сложности и длительности подготовительных работ см. J. Toynbee, J. Ward-Perkins. Op. cit., p. 16—17.

[32] Th. Klauser. Op. cit., S. 85—86 (но ср. стр. 58—граффити только времени Константина); J. Toynbee, J. Ward-Perkins. Op. cit., p. 154—159.

[33] П. Лемерль (P. Lemerle. Les persécutions et le tombeau de St. Pierre. RA, t. XXXVIII, fasc. 2, 1951, p. 151—152), А. М. Шнейдер (A.-M. Schneider. Esplorazioni sotto. . . S. Pietro. BZ, Bd. 45,. Hf. 2, 1952, S. 494—95), Я. Торп (Hj. Torp. Op. cit., p. 49) считают, что культ мучеников был установлен римской церковью только в середине III в. как противодействие монтанистам, которые учредили его гораздо раньше: культ же самого Петра возник незадолго до постройки базилики. В частности, Шнейдер, соглашаясь с датировкой Красной стены II в., относит ниши в ней к III в., а начало культа Петра «ко времени после 300 г.».

склон Ватиканского холма потребовал огромных, вероятно многолетних подготовительных работ, земляных и строительных, для создания необходимой площадки. Если бы не было связанной именно с этим местом традиции, то остановились бы, конечно, на каком-либо другом, более удобном участке.

Вопрос осложняется наличием другой ранней традиции, согласно которой культ обоих апостолов, Петра и Павла, связывался также с Аппиевой дорогой. Раскопки обнаружили здесь восходящую к IV в. «базилику апостолов», а под ней — большой некрополь, сначала языческий, потом христианский [34]. Его живопись и надписи резко отличаются от ватиканских. Это привело к предположению, что здешний некрополь должен был скорее всего принадлежать какой-то группе схизматиков [35]. Хотя на Аппиевой дороге, в отличие от Ватикана, имена Петра и Павла и упоминаются во многих граффити, но и здесь тоже не удалось обнаружить реальных мощей; культ, по-видимому, сложился тоже у «пустой могилы», быть может в противовес культу, установленному в Ватикане другой группой верующих. Позднее, с переходом некрополя и мартирия на Аппиевой дороге в руки главной церкви и постройкой над ним «базилики апостолов», двойственная традиция сохранялась еще и в IV в., пока не восторжествовала традиция ватиканская [36].

Возвращаясь к рассматриваемой работе, следует отметить, что, несмотря на обилие рисунков, относящихся к ватиканским раскопкам (рис. 32—44), для недостаточно искушенного читателя может все же остаться не вполне ясной связь раскопанных древностей с так называемой константиновской базиликой и с существующим, сменившим ее собором XVI в., так как данные раскопок не нанесены на их совмещенный план (рис. 41); добавление плана основной публикации, повторенного у Торпа и у Клаузера [37], или более детальных планов, составленных Тойнби и Уорд-Перкинсом [38], освободило бы автора и читателя от чрезмерно подробных описаний, не вносящих, однако, в вопрос достаточной ясности.

Тестини принимает все мнимые указания на реальность захоронения Петра под алтарем собора: на рис. 34—35 воспроизводится то сомнительное упоминание начала имени апостола на Красной стене, которое не было включено в официальную публикацию. На стр. 172 это граффити датируется концом II—началом III в., что могло бы свидетельствовать о начале культа на 100 лет раньше, чем это вытекает из больших граффити мавзолея Валериев. Чтобы доказать, что портик с колонками, который автор идентифицирует с «Трофеем Гая», был построен ранее середины II в., привлекаются кирпичи с клеймами времени Марка Аврелия (стр. 173); между тем такие клейма могут служить только в качестве terminus post quem (см. данную рецензию, прим. 21).

Человеческим костям под Красной стеной Тестини придает особое значение. Однако даже боннский теолог Клаузер считает, что эти кости не только не принадлежат, но и не могли принадлежать Петру, так как в условиях, существовавших в период Римской империи, христианская община была лишена возможности получить для захоронения останки казненного [39]; английские археологи Тойнби и Уорд-Перкинс не могут не признать идентификацию останков недоказанной, но предлагают верить в нее [40]. Наш же автор сознательно соединяет две совершенно различные вещи; из наличия эдикулы («Трофея Гая») и из множества монет, свидетельствующих о более позднем культе, он делает вывод, что углубление с несколькими костями и есть та могила, которую считали уже во II в. могилой апостола (стр. 174). Вместе с тем отсутствие в этой могиле костей черепа и малое число других кажутся ему несомненным доказательством того, что это подлинные части тела казненного апостола (стр. 175 и

---

[34] F. Tolotti. Ricerche intorno alla Memoria Apostolorum. RAC, vol. XXIII—XXIV, 1947—1948, p. 9 sq., особенно табл. VI; табл. XVI (d); табл. XVII (c).

[35] A.-M. Schneider. Die Memoria Apostolorum an der via Appia. «Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen», phil.-hist. Klasse, 1951, № 3, S. 13—14; Th. Klauser. Op. cit., S. 73—76; H. Grégoire. Op. cit., p. 400. Д. Тойнби и Уорд-Перкинс (J. Toynbee, J. Ward-Perkins. Op. cit., p. 174, 178) вынуждены, хотя и неохотно, допустить такую возможность.

[36] A.-M. Schneider. Die Memoria Apostolorum . . ., S. 15; idem. Die ältesten Denkmäler . . ., S. 172—173; Th. Klauser. Op. cit., S. 82—83, 86.

[37] Hj. Torp. Op. cit., fig. 1; Th. Klauser. Op. cit., fig. 3 (с небольшими добавлениями).

[38] Тойнби и Уорд-Перкинс (J. Toynbee, J. Ward-Perkins. Op. cit.) дают на развороте рис. 2 (данные раскопок) и рис. 3 (реконструкции некрополя, каким он был до постройки базилики).

[39] Th. Klauser. Op. cit., S. 54—56, 86. С его точки зрения, это ничуть не подрывает историчности пребывания и казни Петра в Риме. Ср. A.-M. Schneider. Die Memoria Apostolorum . . ., S. 2.

[40] J. Toynbee, J. Ward-Perkins. Op. cit., p. 160—161, 182, особенно p. 229; по крайней мере со II в. «это мнение было и всегда будет источником благоговения» (devotion).

прим. 1; 177), наверняка положенные сюда первоначально между 64 и 67 гг. (стр. 178, 225, прим. 4).

Тестини верит далее как в перенесение мощей Петра из Ватикана в некрополь на Виа Аппиа во время гонений 258 г. (стр. 218, 227—228), так и в обратное их перенесение при Диоклетиане (стр. 229). После этого возвратившаяся часть мощей будто бы оказалась спрятанной уже не под Красной стеной, а в небольшой нише, подпирающей Красную стену стенки G (стр. 180); вокруг этой ниши сосредоточены те христианские граффити без упоминания имени Петра, о которых шла речь выше. И все это утверждается после того, как Шнейдер исторически еще раз доказал невозможность перенесения останков после казни вообще, во время гонений середины III в. в особенности, а в частности — в некрополь на Виа Аппиа, поблизости от которого находился пост римской полиции [41]; после того, как Клаузер блестяще показал, что поклонение телесным останкам было вообще чуждо духу раннего христианства, что само по себе уже исключало их перенесение [42]. Тестини не упоминает в этом контексте ни работы Шнейдера, ни труда Клаузера и не опровергает точки зрения ни того, ни другого. Он только в общем и целом отрицает само предположение о возможном перенесении или начале культа без перенесения или наличия мощей (стр. 225—226). Основываясь на более чем сомнительном открытии мощей Петра под ватиканским «Трофеем Гая», он только еще раз повторяет, что литературные данные будто бы «с этих пор подтверждаются неопровержимым образом» (стр. 225, прим. 4).

Дальнейшая судьба мемориальной эдикулы Петра (Тестини, стр. 180—185, рис. 41—44) относится по существу уже к константиновской базилике, т. е. к культовым зданиям, которым посвящена довольно значительная четвертая часть книги. Она составлена по такому плану: I — здания культа до церковного мира; II — здания культа после церковного мира — общие элементы базилик; III — типы и наименования базилик; IV — баптистерии. После этого следует V глава, в которой объединены § 2 (о покрытиях), § 3 (о базиликах) и § 4 (о центрических зданиях); названа эта глава «Типология культовых зданий», хотя речь идет здесь отчасти о конструкциях, отчасти о геометрической форме зданий, а «типы» сам автор различает по функциональному признаку (глава III). Наконец имеется и глава VI (стр. 672—751), представляющая обзор культовых зданий по «христианским районам».

Общие главы (I—V, стр. 559—571) в полтора раза объемистее этой последней главы; в них уже шла речь о многих местных особенностях, приводились примеры, специфические для того или иного района. Общая глава, конечно, необходима в книге, предназначаемой и для читателя-неспециалиста [43]. Но при столь большом объеме общих глав автор не сумел отделить общее от местного; получилось множество повторений, а иногда и троекратное возвращение не только к одному и тому же вопросу, но и к одному и тому же памятнику (например, к равеннскому Сан-Витале, к северо-сирийским храмам и т. д. и т. п.). Вместе с тем не создается достаточно ясного общего впечатления, так как материал раздроблен.

В то время, как вопрос о финансовой стороне устройства и эксплуатации катакомб изложен достаточно полно, для культовых зданий он не освещен вовсе. Сирийские надписи характеризуются как однообразные, мало интересные с эпиграфической стороны (стр. 515). А между тем именно среди этих надписей имеется много таких, которые дают интереснейший материал о средствах, на которые строились многочисленные храмы Северной Сирии. Лассю [44] удалось нарисовать достаточно ясную картину пожертвований на отдельные части какого-либо памятника. Обычно церковь строили вскладчину богатые владельцы имений; но иногда число жертвователей было столь велико, что возникала возможность постройки храма на средства мелких собственников.

Тестини уделяет сирийским надписям всего полторы страницы и совершенно не приводит материала о финансовой стороне строительства, по крайней мере в Сирии.

Автор указывает на роль строительной техники в создании основных типов и местных вариантов культового здания (стр. 556—558). Казалось бы, во всякой работе по археологии вопросы строительной техники должны быть изложены систематически, очень точно, так, чтобы эти данные могли лечь в основу исследования и датировки памятников. У Тестини же данные о строительной технике бессистемно разбросаны по тексту.

Так, о характерных для всей почти поздней империи кирпичных и смешанных кладках говорится в главе VI, об «особенностях культовых зданий по районам» —

---

[41] A.-M. Schneider. Die Memoria Apostolorum. . ., S. 5.

[42] Th. Klauser. Op. cit., S. 25, 73, 86. Небезынтересно, что, пренебрегая этими важными выводами Клаузера, Тестини высоко ценит саму работу (p. 168, прим. 2), когда она положительно относится к церковной традиции.

[43] Это сделано умело без излишних повторений у Д. Г. Дэвиса (J. G. Davies. The Origin and Development of Early Christian Church Architecture. New York, 1953).

[44] J. Lassus. Sanctuaires chrétiens. . ., p. 249—261.

почему-то только в связи со строительством г. Рима (стр. 679—680, рис. 346) [45]. Автор, по-видимому, не подозревает о широком распространении, особенно в IV—V вв., смешанных («слоеных») кладок, которым не так давно посвятил особое исследование С. Бобчев [46].

В качестве примера «сводов» приводятся только базилики в Тафка и в Нимре, в которых подпружные арки будто бы поддерживают цилиндрический свод (стр. 641—642). Между тем оба эти памятника являются образцами характерной для южной (и отчасти для центральной) Сирии системы покрытия из каменных плит, опирающихся на выпуски из стен и на поперечные арки (или на их забутовку) [47]. Это не свод [48], и ничего общего с распространенным по всей остальной империи цилиндрическим сводом такое покрытие не имеет.

Пантеон автор считает образцом «настоящего римского купола, основанного на принципе арки и свода из радиальных клиньев» (стр. 642); он описывает купол Пантеона, как будто бы пронизанный 18 «вертикальными (меридиональными? — *С. К.*) нервюрами, соединенными еще и поперечными» (стр. 643). Между тем при производившейся до войны реставрации Пантеона покойный ныне Теренцио установил, что купол Пантеона не имеет ни нервюр, ни клиньев; он построен именно по тому принципу «псевдокупола» [49], которому Тестини пытается его противопоставить (стр. 642, 653). «Новые» данные Теренцио, имеющие тридцатилетнюю давность, повторены не только в трудах Лульи, но и в таких общеизвестных изданиях, как Итальянская энциклопедия и энциклопедия Паули—Виссова—Кролля («Pantheon»), о которых Тестини не имеет, по-видимому, представления.

Пытаясь дать сведения о конструкциях из керамических элементов и о сводах, сделанных с частичным их применением, автор приводит рис. 317, который будто бы изображает «керамические трубки, включенные в конструкцию римских сводов». Между тем из семи схем рис. 317 (рисунок опубликован в перевернутом виде) только одна изображает трубки, а остальные — сопряжения бытовых сосудов. Ссылка на Лульи неточна: Лульи взял рисунок у Дурма (1905 г.), а Дурм — из статьи Бергау (1887 г.) [50]. Дурм и Лульи писали главным образом о римской архитектуре, для которой действительно было характерно применение бытовых сосудов. Тестини же пишет о строительстве IV—VI вв., которому более свойственны специальные керамические трубки; ему невдомек, что целый ряд итальянских (Моннере де Виллар, Джованнони, Вердзоне, Бовини) и французских (Лезин) исследователей [51] давно уточнил в отношении трубок указания Бергау и Дурма. В мавзолее Галлы Плацидии, как и в баптистерии православных, Тестини видит «нервюры, состоящие из нитей из керамических трубок или кривых черепиц, образующих недеформируемые кольца» (стр. 643); в действительности в мавзолее Галлы Плацидии из пустотелой керамики состоит только забутовка пазух, а самый парусный сводик сложен из кирпича; в баптистерии же православных нет никаких нервюр, так как из трубок сложен на растворе весь купол [52].

Все эти ошибочные сведения даются со ссылкой на объемистый труд Лульи [53], на ту самую восьмую его главу, посвященную аркам и сводам, в которой Лульи точно и подробно систематизирует новейшие достижения итальянских археологов.

Мы не нашли у Тестини даже упоминания о том, что из керамических трубок сложен замечательный купол равеннского Сан-Витале, представляющий самую крупную из известных конструкций этого рода (пролетом 15,5 м) [54]. Но зато на стр. 734 неверно указывается, будто бы из «легких материалов» сложена шестнадцатилопастная скуфья константинопольской церкви Сергия и Вакха. Между тем как раз купол Сергия и Вакха сложен из того же обыкновенного кирпича, что и все его арки и своды;

---

[45] В прим. 3 упоминается только коллективная статья, опубликованная в RAC за 1944—1945 гг. Автор, по-видимому, не знает о более ранней книге А. Фротингема (A. L. Frothingham. The monuments of christian Rome. New York, 1908).

[46] С. Бобчев. Смесената зидария в римските и ранневизантийските строежи. София, 1952; его же. Смесената зидария. . . «Известия на Археолог. институт», т. 24, 1961, стр. 153—202.

[47] J. Lassus. Sanctuaires chrétiens . . ., p. 50, fig. 25.

[48] С. А. Кауфман. Архитектура набатеев. «Вопросы всеобщей истории архитектуры», I. М., 1961, стр. 124, рис. 12—14; стр. 187—188, 197, 202.

[49] Подробнее см. С. А. Кауфман. О взаимосвязях ранневизантийских сводчатых покрытий с позднеримскими. ВВ, XX, 1961, стр. 190—192.

[50] Там же, стр. 199, рис. 6.

[51] Там же, стр. 201—210, стр. 224, рис. 6—12.

[52] Там же, стр. 207, прим. 89—91.

[53] G. Lugli. La tecnica edilizia romana. Roma, 1957.

[54] Подробнее см. С. А. Кауфман. Указ. соч., стр. 208—210, рис. 11—12 с литературой.

это хорошо показано на рисунках Шуази, а позднее — особенно детально — в монографии Эберсольта и Тьера [55].

Таким образом, можно смело сказать, что приводимые у Тестини сведения о конструкциях не только не полны, но находятся в противоречии с современной археологической наукой. Данные о финансовой и о технической стороне церковного строительства, т. е. о всей материальной его базе, отсутствуют. Тем самым материал о церковных зданиях значительно уступает материалу о некрополях.

В небольшой главе о храмах в периоде до признания христианства автор правильно опровергает почти все данные о так называемых «титульных» церквах Рима [56]. Достоверен *только комплекс древних зданий под базиликой Джованни в Паоло* (стр. 552—553 и рис. 269, по Краутхеймеру), дополнительно исследованный А. Пранди. Сходный процесс имел место при постепенном расширении помещений для христианского культа, обнаруженных под церковью С.-Приска [57]. Однако достоверное христианское назначение относится в обоих случаях к IV в.; к III же в. восходит только зародыш христианского культа. Таким образом, дом-церковь в Дура-Европос все еще остается самым ранним из сколько-нибудь развитых памятников этого культа, несомненно восходящим к III в. н. э. (стр. 554 и рис. 270). Отнесение же к периоду до легализации христианства церкви в Киркбице (стр. 555, рис. 271) в ее вполне развитом виде можно объяснить только недоразумением [58].

Для до константиновского периода автор как будто бы предполагает только залы собраний, совсем не похожие на культовые здания IV в. (стр. 555). Но на следующей странице говорится о каких-то необычайно быстрых успехах христианства в отношении строительства церквей во второй половине III в., каких именно — остается неясным. К наиболее ранним церквам автор возвращается на стр. 726 в совершенно неожиданном контексте сводчатых покрытий с подпружными арками, будто бы примененных во II в. н. э. в храме Арбелы. Однако из хроники Арбелы невозможно заключить ни о типе упоминаемых там церквей, ни тем более об их конструкциях [59]. В этом месте (стр. 726, прим. 2) автор допускает, что уже во II в. н. э., за 100 лет до дома-церкви в Дура-Европос, могли существовать самостоятельные церкви вроде описанной в хронике Арбелы. Если автор принимает указание этой хроники, то он должен был упомянуть о нем в главе о периоде до легализации христианства. Помещение же столь важного свидетельства в отрыве от основной темы иллюстрирует лишь фрагментарность, распыленность материала, отсутствие четкого плана в книге Тестини.

Русский историк церкви Н. Покровский давно предположил, что церкви, уничтоженные при гонениях III в., никак нельзя относить к домовым [60]. Того же мнения придерживался в наши дни Шнейдер. Исходя из предполагаемой численности римской общины, он считал, что дома-церкви («титульные церкви») не могли удовлетворять ее надобностям уже в середине III в.[61] По мнению Шнейдера, первые настоящие церкви Рима следует, по аналогии с Дура-Европос, с церквами Северной Африки и со свидетельством Оксирринхского папируса, искать около городских стен [62]. Только с легализацией христианства их для удобства должны были перенести в самый город. Эти соображения Покровского и Шнейдера кажутся убедительными: ведь до раскрытия в Дура-Европос дома-церкви, росписи которой случайно сохранились внутри глазиса, устроенного для усиления городской стены, мы не знали ничего реального и о той домовой церкви, о которой сообщают древние авторы. Подобные, тоже случайные обстоятельства могли сохранить и какие-то пока нам не известные ранние базилики. У Тестини мы не видим сколько-нибудь определенного взгляда и на этот важнейший вопрос; его подменяют противоречивые, не связанные друг с другом высказывания.

Переходя к обширным главам о культовых зданиях после легализации христианства, следует раньше всего подчеркнуть, что автор принимает их в самом узком смысле. В число культовых зданий он включает только сами церкви, баптистерии и отчасти — мавзолеи (так, в число культовых зданий попал мавзолей Теодориха). О монастырях едва упоминается на стр. 161 и в небольшом параграфе на стр. 601—

---

[55] Там же, стр. 212—213 с литературой.

[56] Сходные выводы, но по другим данным см. A.-M. Schneider. Die ältesten Denkmäler. . ., S. 195—197.

[57] C. C. van Essen. Strutture romane di S. Prisca a Roma. «Palladio», N. S., IX, 1959, fasc. I—II, p. 58—59, fig. 5—6.

[58] См. ниже, стр. 239 и прим. 72, 73.

[59] Моннере де Виллар (U. Monneret de Villard. Le chiese della Mesopotamia. Roma, 1940), на работу которого Тестини ссылается без указания страницы, в действительности (p. 61—65) отказывается судить как о том, так и о другом.

[60] Н. Покровский. Происхождение древнехристианской базилики. СПб., 1880, стр. 123—126, 130. Считая, что христианская базилика произошла от домовой церкви, Покровский признавал ее сходство с базиликами форумов (стр. 132).

[61] A.-M. Schneider. Die ältesten Denkmäler. . ., S. 196—197, Anm. 111.

[62] Ibid., S. 197, Anm. 112.

602 в числе «помещений, связанных с церковью»; единственная иллюстрация (297) — план Калат Семана и монастыря в Кафр Дериан (по Чаленко). Параграф (стр. 615—618) о диакониях, т. е. о церквах, выполнявших благотворительные функции и позднее превращенных в убежища и больницы, отнюдь не компенсирует этот важный недостаток. Автор ошибочно считает, что главным зданием монастыря неизменно оставалась церковь; в действительности же было много монастырей, особенно в Сирии VI в., в которых церковь занимала совсем немного места. Вопрос о монастырях и даже о подсобных зданиях, игравших столь значительную роль в раннем культовом строительстве, совершенно не разработан. Это не должно удивлять в книге, автор которой пренебрегает материальной основой строительства и эксплуатации культовых зданий.

Данные о ватиканской базилике Петра разбросаны: основные данные (стр. 180—185, рис. 41—44) рассматриваются в связи с некрополями, в частности с языческим кладбищем под базиликой; перспективный разрез (рис. 316) попал в параграф о двускатном покрытии базилик. В главе «Культовые здания христианских районов» автор возвращается к ватиканской базилике и добавляет ее перспективу (рис. 345).

Далеко не все новые данные о самой базилике и о ее культовом объекте учтены у Тестини. Раскопки подтвердили не только общее начертание плана и большие размеры базилики IV в., но и одновременность постройки нефов, трансепта и апсиды.

Это важное указание у Тестини отсутствует, как отсутствует и указание на то, что фундаменты под ряды колонн, разделявших нефы, упирались в поперечный фундамент трансепта [63]; между тем это свидетельствует о том, что непрерывный и выступающий трансепт рассматривался в те времена как совершенно особая часть базилики, отличавшаяся по форме, но сходная по функции с ротондой храма в Иерусалиме и с октогоном в храме Вифлеема, построенных несколько раньше ватиканского. Выяснилось (стр. 182), что почти до конца VI в. футляр, в который в IV в. был заключен «Трофей Гая», настолько возвышался над полом базилики, что литургию нельзя было служить на культовом объекте, как предполагалось ранее (стр. 182). На плане Тестини (рис. 41) место культового объекта не показано; он находился примерно на хорде апсиды, т. е. в глубине трансепта [64]. Таким образом, киворий с витыми колоннами рисовался на фоне апсиды, под мозаиками его полукупола (рис. 43). Литургию служили на переносном алтаре, который можно было устанавливать в трансепте, но также и в нефе, что было в обычае до конца IV в.[65]

Время постройки Константиновской базилики остается под вопросом (стр. 674) [66]. Однако мозаики [67] и граффити [68], обнаруженные в некрополе и несомненно предшествующие постройке базилики, позволяют предполагать, что ко времени Константина относятся только продолжительные подготовительные работы, а сама базилика могла строиться чуть ли не в течение всего IV в. Эта первоначальная базилика не подвергалась внутренним переделкам до VI в. В конце VI в., при Григории II, с ростом паломничества пришлось значительно поднять уровень пола в апсиде и в примыкающей части трансепта. Под апсидой была устроена полукольцевая крипта, первая известная нам; а алтарь оказался над культовым объектом, как и раньше в языческих героонах [69]. Это устройство послужило образцом для других полукольцевых крипт раннего средневековья. Следует заметить, что самой базилике автор уделил мало внимания по сравнению с более чем спорной предысторией ее культового объекта.

Мы лишены возможности рассмотреть критически весь материал Тестини. Остановимся на замечательных храмах Северной Сирии, которые вновь обратили на себя внимание за последние годы. Автор несколько раз говорит об этих храмах: в главе о периоде до легализации христианства; несколько раз по поводу частей церкви, а также в главе о «христианских районах». Сирийские церкви иллюстрируются четырьмя аксонометрическими схемами (рис. 271, 273, 291, 386), заимствованными из

---

[63] J. Toynbee, J. Ward-Perkins. Op. cit., p. 200, 207 и рис. 2.

[64] Ibid., рис. 2, 19; Th. Klauser. Op. cit., Abb. 3, 9.

[65] J. Toynbee, J. Ward-Perkins. Op. cit., p. 208.

[66] Клаузер (Th. Klauser. Op. cit., S. 94) считает возможным четыре даты, вплоть до 333 г.

[67] A.-M. Schneider. Die ältesten Denkmäler. . ., S. 170: «Мозаика Христа-Гелиоса, несомненно, раннеконстантиновская»; idem, in: F. Dölger, A.-M. Schneider. Byzanz. Bern, 1952, S. 40: «Мозаика с Христом-Солнцем вряд ли раньше 320 г.: только тогда день солнца делается днем рождества (321 г.)». См. также idem. Esplorazioni. BZ, Bd. 45, 1952, S. 494.

[68] А. Грегуар (H. Grégoire. Op. cit., p. 398, № 1) относит «к концу IV в. постройку базилики, которую называют Константиновской на основании поздних текстов», Сестон (W. Seston. Hypothèse sur la date de St. Pierre. «Cah. Arch».. II, 1947, p. 157—59) — к середине IV в. (при Констанции).

[69] Th. Klauser. Op. cit., S. 64, с прим.; Abb. 11—план устройства над криптой. У Тестини дана только перспектива (рис. 44).

трехтомной монографии Чаленко [70]. Небезынтересно проследить, как толкуются общеизвестные монографии Лассю и Чаленко, с которыми автор как будто бы знаком [71].

Для пополнения главы о мало известном периоде до легализации христианства в нее, кроме римских титульных церквей и дома-церкви в Дура-Европос, включена, как уже указывалось, очень интересная ранняя сирийская церковь, открытая Жоржем Чаленко между двумя виллами в Киркбице; она описывается у Тестини как будто бы имевшая уже в IV в. все элементы, типичные для развитой сирийской базилики: «виму (т. е. амвон) посередине зала, помещение для мощей, мартирий и т. д., указывающие на уже развившийся тип культового здания, которое следует скорее считать архаической церковью, или поздним осуществлением ранее существовавшей схемы» (Тестини, стр. 555, рис. 271).

В действительности Чаленко рисует историю церкви в Киркбице совсем иначе [72]. К первой трети IV в. может восходить только первоначальный простейший однонефный зал с примыкавшими к нему с юга портиком и двором; алтарная часть выделялась тогда лишь одной ступенькой. Выделение было усилено в середине IV в. добавлением «триумфальной» арки, а в V в. — также алтарной преграды и занавеса. Появление первых реликвариев в алтарной части Чаленко относит к середине V в., а пристройку отдельного мартирия — к VI или даже к началу VII в. Только тогда церковь в Киркбице приобрела тот вид, который воспроизведен Тестини и ошибочно отнесен им к IV в.[73] (стр. 555, 718).

Мы позволили себе остановиться на церковке в Киркбице, так как в ней Чаленко наиболее детально проследил развитие культового здания из жилого и постепенное его усложнение с отделением алтарной части; развитие это характерно для многих сирийских храмов.

Грубая ошибка допущена Тестини также на стр. 719 в отношении общеизвестных зданий в Дар-Кита. Наивный читатель может поверить, что в начале V в. (418 г.) Маркиан Кирис действительно построил здание, изображенное на рис. 386. Но на этом рисунке повторена аксонометрия Чаленко, изображающая не раннюю, северную церковь Павла и Моисея в Дар-Кита (418 г.), а находящуюся там же восточную церковь Сергия (537, 567 гг.) [74], сооруженную на полтораста лет позже. Базилика 418 г., построенная Маркианом Кирисом, имеет характерную для этого времени полукруглую апсиду, без признаков мартирия в примыкающих к ней помещениях [75].

Тестини (стр. 591) утверждает, будто бы южная камера около апсиды служила мартирием начиная с церкви в Фафертин (372 г.). Однако ни у Лассю, ни у Чаленко нам не удалось найти ни одного реального примера мартирия ранее рубежа IV и V вв. Мощехранилища обнаруживались до сих пор только в тех камерах, которые раскрыты в боковой неф аркой; в частности, реальных следов культа мучеников нет ни в первоначальной однонефной церкви Киркбице, ни в трехнефных ранних базиликах вроде базилики в Фафертин, ни даже в северной церкви Павла и Моисея в Дар-Кита [76].

Если мартирий, раскрытый аркой в боковой неф, и был обнаружен в ранних памятниках Северной Сирии, то при последующем детальном исследовании он оказывался результатом перестройки или добавлением V—VI вв. Так обстоит дело не только в однонефных церквах (Киркбице и Кфеир) [77], но и в ранних трехнефных базиликах (Синхар, Бурдж-Хайдар) [78], особенно подробно прослеживается этот процесс в со-

---

[70] G. Tchalenko. Les villages antiques de la Syrie du Nord, vol. I—III. Paris, 1953—1958.

[71] На стр. 718 имеются ссылки на монографию Чаленко; на стр. 554 — на работу Лассю (J. Lassus. Sanctuaires chrétiens de Syrie).

[72] G. Tchalenko. Op. cit., I, p. 329—336; II, табл. CIII—CVI; CCXI; X, 1.

[73] Аксонометрия воспроизводит рисунок Чаленко, подпись у Чаленко (табл. X, 1 — «Киркбице, IV век») не вполне точна, так как на рисунке изображен окончательный вид церкви в VI—VII вв. Тестини взял этот схематический рисунок и не поинтересовался подробным исследованием.

[74] G. Tchalenko. Op. cit., II, табл. IX, 3 и подпись к ней; табл. CXXXIV, № 24 (генеральный план Дар-Кита, на который нанесены обе церкви с их датами). Лассю (рис. 29) дает план церкви Сергия по Батлеру, с его датировкой по надписям.

[75] J. Lassus. Santctuaires chrétiens. . ., рис. 13.

[76] Предположение, будто бы для культа мучеников могли уже в IV в. использовать южные камеры, еще не раскрытые аркой (G. Tchalenko. Op. cit., I, p. 334, note 2 — p. 335, note), по-видимому, не подверждается исследованиями. Опубликованные до сих пор реликварии, необходимые для этого культа, относятся к камерам, раскрытым аркой, т. е. к таким, которые не старше пятого века.

[77] G. Tchalenko. Op. cit., II, табл. X, 2.

[78] Ibid., II, табл. IX, 1; J. Lassus. Sanctuaires chrétiens, p. 176, рис. 81.

борной базилике в Брад (395—402 гг.) [79]. Во многих случаях строители ограничивались при этом простой заменой двери аркой [80].

Раскрытый аркой мартирий появляется только с 20-х [81] или даже с 30-х годов [82] V в. и делается правилом с его середины. При этом в Северной Сирии культ мучеников не сливался с основным, оставаясь особым культом, отправлявшимся в отдельном помещении и в V и в VI вв.[83] Примерно одновременно шел во всей Сирии также и тот процесс отделения святилища алтарной преградой и занавесом [84], который прослежен Чаленко в Киркбице. В Палестине он, по-видимому, происходил одновременно или несколько позднее — в VI в.[85]

Лишенные нарфика, жертвенника, диаконика, занавеса и алтарной преграды, но часто уже, по-видимому, с амвоном в виде экседры, ранние сирийские церкви гораздо меньше подчеркивали иерархию между людьми, чем византийские. Святилище еще не было выделено ни ступенями, ни балюстрадой. Сирийская базилика в своем первоначальном виде напоминала о раннехристианской службе — таков вывод Лассю [86]; позднее он был подкреплен исследованиями Чаленко в Киркбице и смежных поселениях Джебель Бариша и Джебель аль Ала.

Та же проблема разрабатывалась параллельно также Шнейдером; не зная материалов Лассю и Чаленко, Шнейдер исходил преимущественно из ранних церковных текстов; в качестве археологического материала он пользовался главным образом публикациями Батлера. Шнейдер выбрал для изучения ранней литургии именно Сирию, так как для нее имелись и археологические данные, и источники, позволяющие проследить во всех деталях течение литургии [87], и притом в различные, последовательные периоды.

Демократической литургии конца III в., по-видимому, отвечают в Северной Сирии наиболее ранние храмы в Зебед и в Нуридже, еще лишенные камер по бокам единственной апсиды. Первое появление боковых камер во второй половине IV в. должно было быть вызвано, по мнению Шнейдера, введением сбора пожертвований в одной из камер, откуда дары несли уже не сами верующие, а диаконы (церковь в Фафертин. 373 г. — наиболее ранняя из датированных; церковь в Бабиске и т. д.). Раскрытие в V в. одной из камер большой аркой Шнейдер объясняет желанием придать выходу диаконов возможно большую торжественность, что соответствовало бы общей тенденции V в. («Testamentum domini»). В этом последнем отношении его опровергают Лассю и Чаленко, доказавшие на основе археологического материала, что раскрытое аркой помещение было в Сирии не диаконик, а мартирием.

Весьма убедительны приводимые Шнейдером аналогии сирийской базилики с жилой частью местной виллы; как в тех, так и в других портик и двор лежат к югу от главного корпуса, что обусловливалось климатическими условиями и позволяло устраивать отдельные входы: для мужчин в восточную часть нефа, а для женщин — в западную. Эти аналогии стали еще более убедительными в монографиях Лассю и Чаленко, много лет изучавших сами памятники. При некоторых расхождениях в частностях все три автора, представители разных поколений и разных наций, выражают общую прогрессивную тенденцию в науке.

Именно поэтому они, по-видимому, чужды Тестини: о работе Шнейдера по Сирии он не упоминает вовсе, тезисы же Лассю и Чаленко искажает или обходит. Сопоставляя «Constitutiones apostolorum» с «Testamentum domini» (стр. 589), автор не пытается объяснить расхождение между ними разным временем возникновения. Особенности некоторых весьма ранних и простых памятников он сводит к местной специфике (базилика в Зебед, стр. 720), забывая о сходных чертах в памятниках, лежащих в совсем другом районе (церковь в Нуридже). Здесь, как и в других случаях, автор явно идет

---

[79] J. Lassus. Sanctuaires chrétiens. . ., p. 168—171, рис. 71 (план); табл. XXVIII, 3, XXIX, 1—3, XXX, 1.

[80] Например, в храмах, построенных Маркианом Кирис на рубеже IV и V вв. в Бабиске и в Дар-Кита. Лассю (J. Lassus. Op. cit., p. 177) уже высказал предположение, что арка является в обоих случаях результатом перестройки; это подтвердил Чаленко (G. Tchalenko. Op. cit., I, p. 335, note).

[81] J. Lassus. Sanctuaires chrétiens. . ., p. 177.

[82] G. Tchalenko. Op. cit., I, p. 335, note.

[83] J. Lassus. Sanctuaires chrétiens. . ., p. 182, 216, 306—307.

[84] Ibidem.: поправки 1946 г. к монографии на основании исследований Чаленко (см. G. Tchalenko. Op. cit., I, p. 333, note 2: в V в. занавес уже предусматривался).

[85] Д. Крауфт (J. W. Crowfoot. Early Churches in Palestine. London, 1941, p. 51) считает, что в алтарной стене, совершенно отделяющей святилище, в Палестине пришли во второй половине VI в.

[86] J. Lassus. Sanctuaires chrétiens. . ., p. 215—216.

[87] A.-M. Schneider. Liturgie und Kirchenbau. . . (см. выше, стр. 229—230, прим. 4—6).

против прогрессивных положений и методов изучения культового здания в его историческом развитии. Но прямая, принципиальная полемика отсутствует: она подменяется довольно неуклюжимыми попытками обойти, смазать ту или иную проблему.

В книге Тестини имеется не только много повторений, но и много неточностей и противоречий. Так, на стр. 588 со ссылкой на рис. 288 описывается расположение скамей для клира, концентрическое с кривой апсиды; между тем на рис. 288 изображена полуциркульная скамья в прямоугольной апсиде, речь о которой идет на стр. 589. Другой пример: в примечании к стр. 728 имеется ссылка на Герцфельда, будто бы высказавшегося в пользу раннего появления подковообразной арки в Малой Азии; но в соответствующей главе его труда речь идет о ранней постройке в Нисибисе, т. е. на р. Тигр. Подобные расхождения и неувязки встречаются на каждом шагу.

Большим недостатком книги является диспропорция в показе памятников отдельных стран. Наиболее слабо представлены памятники на территории Советского Союза, так как автор вовсе не знает ни русской дореволюционной, ни советской литературы. Не на много полнее материалы о Франции, Германии, Северных Балканах. Так, из интереснейшего комплекса двух огромных базилик IV в. в Трире показана в слишком мелком масштабе только одна (рис. 359). Датировка перестроек на стр. 695 расходится с их датировкой в подписи к рисунку.

При всех отмеченных недостатках книга могла бы быть использована как материал по некоторым недавно опубликованным памятникам или мало известным работам. Однако и такое использование значительно затруднено ввиду отсутствия хотя бы простого алфавитного указателя и систематической библиографии. Сведения в списке иллюстраций (стр. 753—766) неполны и не всегда точны. Книга принадлежит автору, недостаточно опытному для составления столь сложного труда; он не сумел с должной убедительностью раскрыть даже свои столь спорные тезисы.

Рассматриваемая книга представляет не «христианскую археологию», а скорее археологию ультракатолическую. Как видно из приводимых нами примеров, материалы подобраны и подтасованы с определенной целью: подкрепить археологическими данными примат римской церкви, снизить значение других центров раннего христианства и всеми средствами создать ложное впечатление, будто бы культ мучеников и поклонение мощам, на которых зиждется католичество, были присущи христианству чуть ли не с самого его возникновения.

С. А. Кауфман

АННОТАЦИИ

„BYZANTINOBULGARICA", I. Sofia, 1962

В Софии под редакцией Д. Ангелова начал выходить сборник «Byzantinobulgarica», посвященный проблемам византиноведения и средневековой истории Болгарии. Первый том составлен главным образом из работ болгарских ученых — преимущественно на французском языке (лишь две статьи написаны по-английски и одна — по-русски). Тематика сборника разнообразна: помимо социально-экономической и политической истории, в статьях сборника рассмотрены вопросы истории культуры, археологии, нумизматики, филологии.

Сборник открывается статьей Д. Ангелова об успехах византиноведения в Болгарии («La byzantinologie en Bulgarie et ses recents acquisitions», p. 3—29). После краткой характеристики первых болгарских медиевистов и византинистов автор рассматривает в систематическом порядке труды, вышедшие после 9 сентября 1944 г.: общие работы, исследования, посвященные падению рабовладельческого общества и вторжению варваров, труды по истории византийского господства в Болгарии, по истории византийского феодализма в XIII—XIV вв. и т. д.

Значительная часть статей затрагивает проблемы социально-экономической истории. В. Велков прослеживает эволюцию аграрных порядков во Фракии в IV—VI вв. («Les campagnes et la population rurale en Thrace au IVe—VIe siècle», p. 31—66); по его мнению, поворотным моментом в аграрном развитии этой области явилась последняя четверть IV в.: увеличение числа колонов, их прикрепление к земле, упадок городского (куриального) землевладения — все это знаменовало формирование во Фракии «византийской деревни» со всеми характерными для нее чертами. В то же время Велков подчеркивает сохранение здесь свободного крестьянства, ряды которого пополнялись за счет вторжения варварских племен.

Варварские вторжения стали предметом специального изучения В. Тыпковой-Заимовой («Sur les rapports entre la polulation indigène des régions balkaniques et les «barbares» au Ve—VIIe siècle», p. 67—78). Исследовательница признает, что вторжение варваров (в том числе и славян) объективно содействовало историческому прогрессу, так как приводило к разрушению рабовладельческих поместий; вместе с тем, по ее мнению, не приходится говорить о существовании осознанного союза между варварами и трудящимися массами империи — напротив, сельское население (рабы, колоны, свободные землевладельцы) страдало от варварских вторжений еще больше, чем крупные собственники и горожане, и искало спасения в горах.

Статья П. Тивчева посвящена вопросу, который до последнего времени не был предметом монографического изучения, — византийским городам XI—XII вв. («Sur les cités byzantines aux XIe—XIIe siècles», p. 145—182). Обильный материал этой работы, почерпнутый преимущественно из письменных источников, свидетельствует об экономическом подъеме византийских городов в конце XI и XII в. и о попытках ряда городов добиться политической самостоятельности.

Г. Цанкова-Петкова стремится в своей статье («La population agraire dans les terres bulgares sous la domination byzantine aux XIe—XIIe siècles», p. 299—311) выяснить природу владельческих прав византийского крестьянина, выступая как против взглядов Б. А. Панченко, считавшего крестьянина свободным собственником, так и против теории Ф. И. Успенского (поддержанного Б. Т. Горяновым), согласно которой византийский парик вовсе не обладал правом распоряжаться своим наделом. Решение проблемы Цанкова-Петкова видит в том, что государству и феодалам принадлежала лишь феодальная nuda proprietas.

За пределы собственно византиноведческой тематики выходит статья Б. Цветковой о влиянии некоторых византийских и балканских учреждений на феодальный

строй Оттоманской империи («Influence exercée par certaines institutions de Byzance et des Balkans de Moyen âge sur le système féodal Ottoman», p. 237—257).

Три статьи сборника относятся к сфере политической истории. И. Венедиков рассматривает надписи Крума, характеризующие статус Фракии в составе Болгарского государства («La population byzantine en Bulgarie au dèbut du IXe siècle», p. 261—277): из этих данных, в частности, он делает вывод, что на службе Крума находилась значительное число византийских стратигов, носивших христианские имена (Лев, Яннис, Вардан, Кордила, Григора).

Статья П. Петрова «Восстание Петра и Бояна в 976 г. и борьба комитопулов с Византией» (стр. 121—144) касается одного эпизода болгарской истории конца X в., скудно освещенного в источниках, — восстания комитопулов против Византии. Опираясь на свидетельство польского хрониста XV в. Яна Длугоша, Петров устанавливает, что одновременно с восстанием комитопулов в Западной Болгарии Северо-Восток страны был охвачен другим восстанием — под руководством Петра и Бояна (Petrus et Baianus); отражение этих событий он усматривает также в «Записке греческого топарха» [1].

Наконец, Б. Примов, анализируя на основании переписки Иннокентия III взаимоотношения папского престола с кретоносцами, Византией и Болгарией («The Papacy, the Fourth Crusade and Bulgaria», p. 183—211), приходит к заключению, что папа несет известную ответственность за изменение направления IV крестового похода, поскольку он не наложил на венецианцев и крестоносцев суровых кар за разграбление Задара. Однако Примов коренным образом расходится с М. А. Заборовым, полагая, что изменение направления похода в интересах венецианцев противоречило политике Иннокентия. Далее, Примов полагает, что политика папства в отношении Калояна потерпела неудачу.

Проблемы истории литературы рассмотрены в двух статьях. И. Снегаров подробно анализирует источники для изучения жизни и деятельности Климента Охридского («Les sources sur la vie et l'activité de Clement d'Ochrida», p. 79—119), приводя в конце статьи разночтения к «Житию Климента» по Охридской рукописи. Р. Браунинг издал в сборнике по Cod. Barocc. 131 письмо Михаила Италика Феодору Продрому и письмо Продрома Италику, известные уже С. Д. Пападимитриу. В пространном комментарии Браунинг, в частности, останавливается на упомянутом в письме Продрома «деле Капсорима» и в соответствии со своим пониманием этого места уточняет предложенную Пападимитриу датировку письма. Браунинг затрагивает также вопросы о стиле византийской эпистолографии и о богомильстве.

Т. Герасамов издал в сборнике 53 золотые монеты (перпера) Андроника II и Андроника III («Les Hyperpères d'Andronic II et d'Andronic III et leur circulation en Bulgarie», p. 213—236), происходящие из нескольких болгарских кладов. По мнению издателя, золотая византийская монета попадала в Болгарию в уплату за хлеб, который покупали здесь венецианские и генуэзские купцы.

Более частный характер носят работы И. Гылыбова о произношении в старобългарском языке («Les données de l'onomastique byzantine et grecque touchant la prononciation du «ѣ» vieux bulgare», p. 313—320) и С. Бояджиева — о соборе V в. в Несебре («L'ancienne église métropole de Nesebăr», p. 321—346). Сборник завершается критической статьей С. Станчева («Pliska — théories et fait», p. 349—365), где автор выступает против Д. Кранджалова, отвергая теорию романо-византийского происхождения Плиски.

А. К.

„'ΕΛΛΗΝΙΚΑ", XII—XVII, 1952—1962

Журнал «Эллиника», выходящий в Салониках (в настоящее время под редакцией профессоров Салоникского университета — византиниста Стилпона Кириакидиса и историка новогреческой литературы Линоса Политиса), — не специально византиноведческий журнал: наряду с проблемами византинистики, там представлена как античная, так и новогреческая тематика. Однако по понятным причинам ни статьи по древней истории, ни статьи по новой истории Греции, как правило, здесь рассматриваться не будут.

Журнал состоит обычно из четырех разделов: статьи, заметки, рецензии и хроника. Бóльшая часть материалов печатается на греческом языке, но допускаются французские и английские работы и крайне редко — немецкие. Основное внимание уделяется, как мы увидим ниже, проблемам византийской филологии.

По своей политической ориентации журнал связан с англо-американским и французским научным миром и довольно критически относится к западногерманской науке. Это проявляется не только в чрезвычайно редком употреблении немецкого языка, но и

[1] Статья Петрова вызвала резкие возражения М. Войнова (ИП, 1963, кн. 2, стр. 122—132).

в резкости полемики с западногерманским византиноведением и, особенно, с прогермански настроенными греческими учеными, как И. Караяннопулос. Для антигерманской направленности журнала особенно показательна статья М. Андроникоса о проблеме «дорийского вторжения» (XIII, 1954, 221—240), где автор, поддерживая, в частности, Г. Чайлда, выступает против концепции ряда немецких ученых об индогерманизации Греции в результате дорийского вторжения. Отвергая (на основе археологического материала) эту концепцию, Андроникос допускает лишь переселение небольших греческих племен из Северной в Южную Грецию.

Отношение к Советскому Союзу в журнале довольно настороженное. Иногда вдруг проскальзывают выпады против «коммунистической диктатуры» рядом с прославлением ООН (в статье С. Кириакидиса о Втором афинском морском союзе XV, 1957, 330—349). Работы на русском языке не рецензируются. Однако следует обратить внимание и на другую сторону: в журнале нашли положительную оценку различные издания в странах народной демократии, в том числе книга J. Irmscher, D. B. Schelow. Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes. Berlin, 1961 (С. Кириакидис.— XVII, 1962, 391 сл.); в ряде работ заметен интерес к русским источникам; проблема славянства в Греции трактуется сравнительно объективно (к этим вопросам мы еще вернемся).

Для понимания философско-исторических установок журнала небезынтересна статья Н. Влахоса, который ставит вопрос о назначении истории как науки (XV, 49—53). Наряду с признанием исторической закономерности («история есть серия фактов, из которых каждый последующий имеет причины в предыдущих») и рассмотрением исторического процесса как результата действий не отдельных личностей, а общества, мы находим у Влахоса характерную для буржуазной апологетики мысль, будто история, раскрывая постоянное сотрудничество между народом и правительством, воспитывает патриотизм.

Среди статей по византиноведению значительная часть — издания текстов и связанные с этим исследования в области палеографии. Л. Политис характеризует ряд греческих рукописей, преимущественно из архивов афонских монастырей Каракаллы и Лавры (XVI, 1958/9, 126—136); Е. Какулиди характеризует рукопись Дионисия Ареопагита (Cod. Palat. Theol. gr. 162) и датирует ее 1253 г. (XVI, 232—236); статья М. Манусакаса посвящена стихотворным надписям Никифора Мосхопула, епископа Крита и Лакедемона (около 1300 г.), на рукописях его библиотеки (XV, 232—246). Д. Закифиносу принадлежит новое издание надписи 1027 г. (CIG, 8704), где идет речь о построении храма, который должен был подчиняться не местному епископу, а судье и стратигу фемы Пелопоннес [1] (XV, 95—111). В обширном комментарии издатель приводит ряд параллелей из современных памятников и останавливается, в частности, на употреблении топонима Лакедемон в византийских источниках, в том числе на печатях. Проблемы сигиллографии затронуты в обширной рецензии С. Кириакидиса на изданную В. Лораном коллекцию печатей К. Оргидана (XIII, 387—392); особенно существенно рассмотрение (в связи с печатью № 239) вопроса об образовании фемы Филиппополь при Иоанне Цимисхии. В специальной заметке А. Кириакиду-Несторос (XVI, 179—188) рассматривает моливдовул XI—XII вв. с именем св. Феодора Вафирриакита, изданный Г. Шломберже в 1891 г., и локализует храм св. Феодора близ Рисия, а не в центре Малой Азии (в приложении к статье исследованы известия синаксаря Константинопольской церкви о восстании Варды Склира).

Особого внимания заслуживает работа Г. Феохаридиса (XVII, 1962, 1—23). Он впервые издал по рукописи Дионисиева монастыря на Афоне хрисовул Иоанна VI Кантакузина от ноября 1347 г., в котором император жалует великому папию Димитрию Дуке Кавасилу ποσότης в 250 перперов в награду за его верность и в возмещение потерь, которые паний понес за свою верность Кантакузину (речь идет, естественно, о возвращении Кавасилу земель, конфискованных у него восставшими зилотами). Хрисовул является еще одним документом, свидетельствующим, что ποσότης составляла основное содержание пронии-экономии, а не была дополнительным, из пронии вырастающим пожалованием налогов. В комментарии Феохаридис разбирает преимущественно просопографические вопросы. Два других документа — сигиллии патриарха Антония от 1391 и 1392 гг.— опубликованы французским палеографом Ж. Даррузе (XVI, 137—148).

Вопросы социально-экономической истории рассматриваются не часто и обычно не очень глубоко. Не случайно поэтому, что слабая книга А. Хаджиниколау-Маравы о византийском рабстве [2] получила на страницах журнала положительную оценку (Э. Криарас.—XII, 1952, 194—198); основное пожелание рецензента сводилось к расширению сведений об отношении к рабству отцов церкви.

---

[1] Анализ этой надписи см. также М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии XI—XII вв. «Уч. зап. Великолукского пед. ин-та», 3, 1958, стр. 342 сл.

[2] Помимо критических оценок М. Я. Сюзюмова и моей (ВВ, V, 1952, стр. 280—284; ВДИ, 1952, № 4, стр. 121—128), см. рецензию П. Лемерля с негативными выводами (REG, 64, 1951, p. 527 sq.).

Наиболее значительная статья, касающая социально-экономической проблематики, принадлежит Д. Палласу (XIV, 1955, 87—105). В первой части ее Паллас приходит к выводу, что уменьшение количества находок византийских монет VII—VIII вв. объясняется натурализацией экономики, основой который стала сельская община (на рубеже VIII—IX вв. она, по мнению автора, была подчинена феодальными силами). Варварские вторжения, полагает Паллас, сыграли лишь вторичную роль, усугубив процессы, вызванные внутренним развитием. Во второй части статьи автор, признавая достоверность данных письменных источников и топонимики о вторжениях славян (напомню, что многие греческие исследователи стараются опровергнуть эти свидетельства), рассматривает археологический материал, использованный Э. Вернером и другими византинистами; по мнению Палласа, фибулы из Нового Анхиала и музея Спарты были изделиями византийских мастеров. Рассуждения Палласа недостаточно убедительны: фибулы с человеческим лицом, широко распространенные на славянской территории, вполне могли быть изготовлены и мастерами-славянами. Впрочем, разумеется, археологические данные вообще редко могут иметь этническую определенность (вспомним спор об этнической принадлежности черняховской культуры!) — важно, что Паллас признает самый факт славянского проникновения в Грецию.

В этом отношении к нему примыкает и Г. Сулис, автор рецензии на работу Ф. Дэльгера «Ein Fall slavischer Einsiedlung im Hinterland Thessalonike im 10. Jhdt.» (XII, 1953, 401—404) [3].

Работа Дэльгера направлена против националистических увлечений ряда греческих ученых, отрицавших славянское вторжение в Грецию и утверждавших, что термин Σκλάβος имеет по преимуществу апеллятивное значение («раб»). Дэльгер показал, что этот термин приобретает апеллятивное значение только с XII в. (на самом деле с XI [4]), а до того являлся этниконом (славяне). Сулис поддерживает мысль Дэльгера и ссылается на новые данные, подкрепляющие тезис немецкого ученого о расселении в районе Солуни в X в. славян (обращает на себя внимание хорошее знакомство Сулиса со старой русской литературой).

Вопросы административной истории империи затронуты в нескольких статьях. Так, С. Кириакидис выступил с критикой некоторых работ И. Караяннопулоса (XVII, 219—251). Он утверждал, что при Константине I сохранялся языческий культ императоров, а также отвергал взгляд Караяннопулоса (следующего в этом вопросе за Дэльгером) на происхождение термина «фема»; согласно Кириакидису, фемой первоначально называлось место, на котором располагались стратиоты, затем — территориальная единица, где размещалось боевое подразделение (ср. также его заметку: XIII, 339— и рецензию на Караяннопулоса: XVII, 406—409). Наконец, Е. Христофилопулу исследовала частный вопрос о στέμμα — головном уборе, который василевсы надевали во время своих выходов на господние праздники (XV, 279—285).

Большое внимание уделялось в журнале вопросам топографии. Французский ученый Р. Гийан посвятил три статьи частным вопросам топографии Константинополя (XIV, 106—122; XVI, 77—94; XVII, 95—104). В салоникском журнале вполне естествен интерес к проблемам солунской топографии: помимо сравнительно общей работы Г. Феохаридиса (XIII, 26—70), сюда относятся несколько частных статей А. Ксингопулоса (XIII, 331—336; XIV, 453—457), Г. Сотириу (XIV, 158 сл.), Д. Евангелидиса (XIV, 159 сл.). Истории солунского Нового монастыря и связанных с ним церковных деятелей Макария Хумна (ум. около 1382 г.) и солунского митрополита Гавриила (1397—1416/9) посвящены две статьи французского ученого В. Лорана (XIV, 40—86; XIII, 241—255).

Политическая история Византии представлена немногочисленными статьями. В. Лаурдас убедительно полемизирует с Ф. Дворником, стремившимся поставить под сомнение раскол церкви при Фотии: изданное В. Грюмелем (REB, XI, 1953, p. 129—155) послание папы Стефана V к Василию I заставляет отказаться от этих сомнений (XIV, 170—172); А. Ксингопулос рассматривает надпись на иконе XVII—XVIII вв. и ставит вопрос об отождествлении (в официальном политическом мировоззрении) Иоанна Апокавка, вождя антизилотского движения в Солуни, с патроном города св. Димитрием (XV, 122—140); Г. Колиас, опираясь преимущественно на известие Игнатия Смоленского (текст приводится в новогреческом переводе), анализирует политическую борьбу в Византии в конце XIV в.— восстание Иоанна VII против Иоанна V в 1390 г. (XII, 34—64); Л. Политис обращает внимание на содержащиеся в Мюнхенской рукописи (Cod. Monac. 194) заметки о падении Константинополя (XVI, 231 сл.).

Общие вопросы истории византийской философии поставлены С. Кириакидисом в рецензии на книгу B. Tatakis. La philosophie byzantine. Paris, 1949 (XIV, 223—232). Автор справедливо упрекает Татакиса за его попытку рассматривать русскую обще-

---

[3] Более подробно эти мысли развиты им в другой статье: G. Soulis. On the Slavic Settlement in Hierissos in the Xth Century. Byz., 23, 1954.

[4] Производное от термина σκλάβος в значении «раб» употреблено уже в завещании XI в. из Бари.

ственную мысль (в том числе Достоевского и Бердяева) как непосредственное продолжение византийской; Кириакидис характеризует такую попытку как антиисторическую.

Многие статьи касаются творчества отдельных византийских авторов: Э. Криарас дважды рассматривал «Лимонарь» Иоанна Мосха (XII, 188—194, 376—379); французский ученый Ж. Бонпер издал сокращенное «Житие Симеона Нового столпника» (в трех версиях) (XIII, 71—110). Особое внимание уделялось Фотию и его ученику Арефе Кесарийскому. В. Лаурдас, исследовав X гомилию Фотию (XIV, 168—170), показал, что она должна быть отнесена ко времени Михаила III, а не Василия I, как думали до тех пор [5]. Далее, Лаурдас опубликовал новое письмо Фотия болгарскому князю Борису-Михаилу с извещением о смерти Василия I (XIII, 263—265); издатель датирует письмо временем между 29 августа и декабрем 886 г. Важную проблему стилистических принципов Фотия и его отношения к классическим и раннехристианским авторам поднимает Г. Л. Кустас (XVII, 132—169); однако сводя литературную деятельность Фотия к гармоничному сочетанию классического и раннехристианского наследия, он не ставит вопроса о том, как константинопольский патриарх использовал это наследие для решения актуальных проблем своего времени. Наконец, Лаурдас приходит к выводу, что схолии к «Амфилохиям» Фотия из Лаврской рукописи 449 принадлежали Арефе (XII, 252—272); в конце этой статьи он полемизирует с А. Грегуаром и на основании рукописной традиции приходит к выводу, что Фотий действительно был автором всех «Книг против манихеев» [6].

Чрезвычайно существенна публикация, осуществленная Лаурдасом совместно с английским ученым Р. Дженкинзом: они издали 8 новых писем Арефы, являющихся ценнейшим источником по истории политической борьбы в Константинополе в начале X в. (XIV, 293—372). Вместе с Л. Г. Вестеринком Лаурдас опубликовал некоторые схолии Арефы по Cod. Vindob. Phil. gr. 314 (XVII, 105—131). Наконец, отмечу большие рецензии С. Кириакидиса на издания двух сочинений Константина Багрянородного — «О фемах» (А. Пертузи) и «Об управлении империей») (Д. Моравчик) (XVI, 375—386).

Авторам XI—XII вв. почти не уделено места на страницах журнала, если не считать компилятивной статьи Л. Бенакиса о том, что обзор Аристотелевой «Логики» не принадлежит Михаилу Пселлу (XVI, 222—226). Несколько заметок касаются творчества писателей более позднего времени. С. Кириакидис предлагает поправку к Пахимеру (XIV, 174—176); Д. Паллас останавливается на взаимоотношениях Максима Плануда с современными ему художниками Исайей и Мельхиседеком, затрагивая в этой связи вопрос об отношении палеологовской живописи с современным ей гуманизмом (XII, 94—96); В. Лаурдас помещает маленькую заметку о Николае Кавасиле (XIII, 337 сл.).

Проблемы народной литературы (по традиционному делению) рассмотрены в ряде статей. Небольшая заметка Г. Спиридакиса посвящена народным сатирическим песенкам византийского времени (XV, 275—278); несколько работ явилось откликом на издание Дж. Маврогордато Гротта-ферратской рукописи «Дигениса Акрита»; критически оценивая это издание, Кириакидис, К. Данкицис и А. Цопанакис предлагают к нему ряд поправок (XIV, 542—559; XVI, 226—230; XVII, 75—94); сюда же примыкает и статья Кириакидиса о соотношении «Дигениса» и турецкой народной повести о Кёроглу (XVII, 252—261).

Издание М. Пишаром стихотворного романа «Каллимах и Хрисороя» вызвало рецензию Э. Криараса (XVI, 253—264) со множеством поправок к тексту; затем последовала статья Б. Кнёса (XVII, 274—295), поставившего под сомнение тезис о том, что автором романа был Андроник Палеолог, сын севастократора Константина (начало XIV в.). Наконец, Е. Цолакис предложил поправки к чтению трех первых стихов «Повести о четвероногих» (XVII, 318—324).

Две статьи были посвящены греческим поэтам из Сицилии и Южной Италии (М. Джиганте — XIII, 111—121, Дж. Скиро — XVII, 170—187).

В журнале опубликовано несколько работ по среднегреческому языку: Криарас предлагает объяснение отдельных слов ряда византийских авторов от Малалы до Леонтия Махеры (XV, 191—192. Ср. его же— XIV, 160—168); частные вопросы среднегреческой лексики, синтаксиса и морфологии затронуты Н. Андриотисом (XII, 15—33; XV, 1—25). Две работы посвящены проблемам топонимики (Д. Вайакакос— XV, 203—219; И. А. Фомопулос — XVI, 70—76).

---

[5] Независимо от Лаурдаса к тому же выводу пришли Р. Дженкинз и К. Манго (R. J. H. Jenkins, C. A. Mango. The Date and Significance of the Xth Homily of Photius. DOP, IX—X, 1956, p. 123—140).

[6] Помимо указанной Лаурдасом литературы, см. еще Е. Э. Лишиц. Вопросы павликианского движения в освещении современной буржуазной историографии. ВВ, V, 1952, стр. 235 сл.

В журнале находят отражение (хотя и не часто) вопросы истории византийского искусства (А. Орландос — XV, 88—94; А. Ксингопулос — XIII, 256—262; Г. Бакалакис — XIV, 3—22).

Наконец, там опубликована обширная библиография новых работ по новогреческой тематике, учитывающая также некоторые труды, касающиеся византиноведения (XIII, 397—491; XIV, 245—284).

А. К.

„ГРЪЦКИ ИЗВОРИ ЗА БЪЛГАРСКАТА ИСТОРИЯ"

София, т. II (1958, 378 стр.); т. III (1960, 329 стр.); т. IV (1961, 358 стр.)

Болгарская Академия наук выпустила в свет II, III и IV тома «Греческих источников по болгарской истории». Издание иноязычных (в том числе и латинских) источников было начато несколько лет назад; первый том греческой серии вышел из печати в 1954 г. Он включил в свой состав памятники III—VI вв., от Дексиппа до Козьмы Индикоплова; II—IV тт. обнимают следующий период — с середины VI до середины X в., от новелл Юстиниана до хроники Генесия. Каждый том открывается введением, где кратко характеризуются тексты и сообщаются основные сведения, которые могут быть извлечены из них для воссоздания социально-экономической, этнической и политической истории болгарского народа. Тексту каждого источника предшествуют сведения об авторе и его трудах, список рукописей, изданий и литературы; источник дается параллельно на языке оригинала и в болгарском переводе. Комментарий дан в подстрочных примечаниях; указатель, помещенный в конце каждого тома, является одновременно и именным, и предметным. В греческом тексте указаны страницы издания, которое здесь воспроизводится,— это дает возможность быстро обратиться к существующим публикациям.

Во II том «Греческих источников» вошла бóльшая часть тех произведений, которые по праву считаются классическими и хорошо изученными памятниками ранней истории славянства. Это «Тайная история», «История войн» и трактат «О постройках» Прокопия Кесарийского (в переводе Ив. Дуйчева и Д. Дечева), отдельные главы из «Стратегикона» Псевдо-Маврикия (переведенные Г. Цанковой-Петковой) и обширные отрывки из «Истории» Феофилакта Симокатты (в переводе В. Бешевлиева). Эти авторы занимают почти половину I тома. Здесь же приведен текст Historia ecclesiastica Евагрия (в переводе В. Тыпковой-Заимовой), сообщающего много сведений о нападениях гуннов и аваров на империю и о судьбах старого фракийского населения; ряд текстов не относится непосредственно к истории славян, но расширяет представления о состоянии балканских земель перед славянским завоеванием или во время его. Это — новеллы Юстиниана (особенно новелла от 15 июня 535 г., запрещающая отнимать у земледельца его надел за долги, и от 19 мая 544 г., разрешающая духовенству продавать церковные имущества для выкупа населения, захваченного в плен «варварами»); «Путеводитель (Συνέκδημος)» Гиерокла первой трети VI в., содержащий ценные сведения о топонимике империи, а также отрывки из Иоанна Лида («О свидетельствах», «Об управлении Римским государством»).

III том состоит из менее крупных памятников, и притом самого различного характера — агиографических, панегирических, повествовательных. Здесь выделяются «Деяния Дмитрия Солунского» (перевод В. Тыпковой-Заимовой), принадлежащие перу солунского архиепископа Иоанна и неизвестного солунского священника. Этот важный памятник содержит богатые свидетельства об осаде Солуни славянами, действовавшими огромными племенными массами, об усвоении славянами византийской военной техники, об отношениях внутри аваро-славянского племенного союза. Другие агиографические источники представлены «Деяниями Дазия», содержащими сведения о распространении христианства в Мезии, и отрывками из жития Стефана Нового, где сообщается о походе императора Константина V против «скифов», болгар. Среди нарративных памятников выделяются обширные тексты из хроники Феофана (перевод В. Бешевлиева и Г. Цанковой-Петковой) и Бревиария Никифора (перевод В. Бешевлиева), сообщающие много данных о протоболгарах Куврата, племенном союзе Аспаруха, о болгарском государстве эпохи Крума. «Слово об аваро-славянской осаде Царьграда в 626 г.» содержит сведения о славянах, которые были главной силой в войске, осаждавшем столицу; Пасхальная хроника позволяет судить о том, что в августе 626 г. именно славяне заставили аварского кагана отступить от Константинополя; Bellum avaricum Георгия Писидийского сообщает важные сведения о протоболгарах. Отрывки из актов VI и VII соборов дают представление об исторической географии страны и о церковных и административных переменах в болгарских землях.

В IV том вошло 27 памятников, освещающих развитие Болгарии и болгаро-византийских отношений с начала IX и до первой четверти X в. Ряд источников характеризует войны 811—814 гг., в частности неудачный поход Никифора I в Болгарию; это — жития патриарха Никифора, Николая Воина Студита и Феодора Студита,

жития Петра Патрикия и Иоанникия. Особенно подробно описывает поход 811 г. анонимный ватиканский отрывок «Об императоре Никифоре и как он оставил кости в Болгарии», впервые опубликованный всего три десятилетия назад. Хроники Георгия Амартола (перевод Ив. Дуйчева) и Генесия (перевод Г. Цанковой-Петковой и П. Тивчева) являются источниками для истории восстания Фомы Славянина, повествуют о быте и обрядах протоболгар. В IV томе много места занимают материалы эпистолярного характера, а именно письма патриархов Фотия и Николая Мистика, в свое время переведенные еще В. Златарским и митрополитом Симеоном, но заново отредактированные и прокомментированные П. Тивчевым, а также письма императора Романа Лакапина. Переписка является ценным материалом для суждения о характере болгаро-византийских отношений в начале X в. Житие Евариста повествует о византийском посольстве в Болгарию в 843—856 гг.; житие Георгия Декаполита — о восстании славянских племен в Солунской области.

«Греческие источники» — уже не первое издание, собирающее воедино свидетельства византийцев о южных славянах. Несколькими годами раньше сходную работу проделал Византиноведческий институт в Белграде, выпустивший два тома «Византийских источников по истории народов Югославии». Любопытно сравнить обе публикации. «Византийские источники по истории народов Югославии» публикуют тексты в значительно препарированном виде; приводятся лишь отрывки, содержащие непосредственные упоминания о славянах, весь остальной текст дан в пересказе. Напротив, в «Греческих источниках по болгарской истории» тексты помещаются полностью (или почти полностью) и число памятников, опубликованных в софийском издании, значительно больше (64 против 20). Составители софийского издания свели комментарий до минимума, в большинстве случаев они отсылают читателя к литературе; в белградской же публикации приводятся различные толкования источников, характеризуется состояние спорных проблем в литературе, упоминаются параллельные места, комментарий носит вполне самостоятельный исследовательский характер. Следует отметить и третье различие. Болгарская публикация приводит греческий текст источников, что заметно поднимает научный вес издания, позволяя его использовать взамен существовавших до сих пор и ставших редкостью собраний памятников.

М. Ф.

ДВА СБОРНИКА СТАТЕЙ Ф. ДЭЛЬГЕРА

В 1956 г. появился под названием «Византийская дипломатика» сборник статей известного западногерманского ученого Ф. Дэльгера, объединяющий 20 его работ, опубликованных в различных изданиях между 1929 и 1954 гг.[1] Не будет преувеличением сказать, что византийская дипломатика как самостоятельная дисциплина создана Дэльгером, которому принадлежат и регесты императорских грамот, доведенные ныне до 1341 г.[2], и четкая классификация императорских дипломов, и разработка метода атрибуции простагм по подписи императора, не говоря уже об издании множества хрисовулов и простагм (преимущественно из афонских собраний). Тем более досадно, что Дэльгер, блестящий знаток библиографии, не упомянул о самом значительном своем предшественнике — русском ученом П. А. Яковенко, который в 1917 г. предложил уже в основных чертах ту же классификацию грамот императорской канцелярии [3], какую лет десять спустя после него разработал Дэльгер.

В своих работах Дэльгер уделял преимущественное внимание императорским дипломам, меньше останавливаясь на чиновничьих и частно-правовых грамотах [4]; впрочем, некоторые замечания по этому вопрому мы найдем кое-где в рецензируемом

---

[1] F. D ö l g e r. Byzantinische Diplomatik. Ettal, 1956.

[2] F. D ö l g e r. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, 4. Teil. München—Berlin, 1960. Первая часть вышла в 1924 г.

[3] П. А. Яковенко. Исследования в области византийских грамот. Грамоты Нового монастыря на Хиосе. «Уч. зап. Юрьевского ун-та», 1917. Отмечу попутно еще один пробел в использовании русской византиноведческой литературы: на стр. 69 Дэльгер говорит об известных фотографиях афонских актов из коллекции П. И. Севастьянова и ссылается на публикацию их Т. Флоринским, однако он не знает,что часть этой коллекции, хранящаяся ныне в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве, была описана А. Викторовым («Собрание рукописей П. И. Севастьянова». М., 1881, стр. 90 сл.); в числе этих снимков были неизвестные Флоринскому фотографии грамот из архива монастыря св. Павла.

[4] Классификация различных типов византийских деловых документов, включая купчие грамоты, дана Дэльгером в публикации: F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948. Специально о практиках см., помимо этого, F. D ö l g e r. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon. München, 1949.

сборнике (например, стр. 340 — о византийских дарениях, стр. 346 сл.— о расписке чиновника в получении денег и т. п.).

Помимо чисто дипломатических вопросов (в том числе проблемы подлинности документов), в сборнике попутно затрагиваются административная история (например, развитие византийской императорской титулатуры — стр. 103 сл.) и — что для нас особенно интересно — отдельные моменты социально-экономической истории (преимущественно формы византийских повинностей и методы их взыскания). Впрочем, эта тема рассматривается Дэльгером ad hoc, в связи с разбором публикации вазелонских актов (стр. 350 сл.) и моминского издания афонских документов (стр. 302 сл.).

Второй сборник [5] носит гораздо более разнородный характер; включенные в него 30 статей (опубликованных до этого в различных изданиях в 1929—1959 гг.) не связаны единой тематикой. Сюда вошли общие (подчас популярные) характеристики Византийской империи и публикации документов, статьи по внешней политике Византии и византийской филологии, по административной истории и истории идей.

Среди публикаций, включенных в сборник, особое внимание привлекает составленный в 1302 г. практик женского богородичного монастыря Кантакузины, близ Солуни, рисующий крошечное хозяйство, рента которого состояла из 4 номисм ежегодно, не считая натуральных поборов (вино и сыр) и ангарий.

Спорные проблемы затронуты Дэльгером в двух статьях, касающихся «Земледельческого закона» (стр. 241 сл., 263 сл.): прежде всего, Дэльгер выступает против теории Г. Вернадского, отнесшего составление этого памятника к царствованию Юстиниана II (отмечу попутно, что критика теории Вернадского уже в 1945 г. была дана Е. Э. Липшиц) [6], и рассматривает «Земледельческий закон» как неофициальную компиляцию из «Корпуса» Юстиниана I. Что касается неофициального характера «Закона», то взгляды Дэльгера вполне могут быть приняты; однако его попытка свести в с е нормы этого памятника к римскому праву наталкивается на серьезные возражения. Действительно, Дэльгер сопоставляет текст «Земледельческого закона» с Юстиниановым корпусом и устанавливает, что 15 статей византийского памятника имеют аналогии в римском праве. Однако это рассуждение не доказывает его тезиса. Кодекс Хаммураби неоднократно сопоставляли с разными памятниками, даже с «Салической правдой», но сходство отдельных статей вавилонского и франкского сборников никак не может свидетельствовать о непосредственном влиянии одного из них на другой. Определенная общность юридического мышления существует у всех народов, и она приводит к известному сходству законодательных постановлений.

Однако весь характер «Земледельческого закона»: бесчисленные повторения, противоречия, отсутствие структурной стройности — заставляет сближать его с варварскими правдами. Кстати сказать, давно уже было отмечено сходство статей в этих последних с конкретными нормами «Земледельческого закона» [7]. Более того. Мы найдем в нашем памятнике и прямые противоречия римскому праву, например в трактовке вопроса о superficies. Ж. Малафосс проследил, как схолиасты «Земледельческого закона» пытались восстановить в правах соответствующий тезис римского права[8].

В рецензируемом сборнике помещена и статья Дэльгера о ранневизантийском городе (стр. 107 сл.). Этот вопрос еще недавно не привлекал внимания историков — теперь вокруг него ведутся ожесточенные споры. Дэльгер придерживается теории континуитета византийского города, которую разделяют такие видные ученые, как Г. Острогорский и П. Лемерль. Однако теории континуитета противоречат археологические и нумизматические данные, свидетельствующие о серьезных экономических сдвигах в византийском городе VII в. На это обстоятельство было указано не только в советской, но и в зарубежной историографии [9], но Дэльгер, к сожалению, игнорирует новую постановку вопроса.

Творческая манера Дэльгера своеобразна: после издания «Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung» в 1927 г. он по сути дела избегал публиковать обобщающие работы по основным вопросам византиноведения; его наблюдения, основанные на огромном количестве источников и на тщательном изучении литературы, разбросаны по множеству статей, рецензий и заметок, являющихся важным справочником для каждого византиниста. Публикация подобных сборников, снабженных удобными указателями и дополненных сносками на новую литературу, облегчает пользование распыленными по самым различным журналам трудами Дэльгера.

А. К.

---

[5] F. D ö l g e r. Παραστορά. Ettal, 1961.

[6] Е. Э. Л и п ш и ц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, стр. 100 сл.

[7] Е. Э. Л и п ш и ц. Указ. соч., стр. 132 сл.

[8] J. de M a l a f o s s e. Les lois agraires à l'époque byzantine. «Recueil de l'Acad. de législation», 19, 1949, p. 47 sq.

[9] См., например, D. I. P a l l a s. Τὰ ἀρχαιολογικὰ τεκμήρια τῆς καθόδου τῶν βαρβάρων εἰς τὴν Ἑλλάδα. «Ἑλληνικά», XIV, 1955, σελ. 93.

Д. Паллас прямо говорит о переходе в VII в. к натуральной экономике.

FRANK THIESS. DIE GRIECHISCHEN KAISER. DIE GEBURT EUROPAS.

Hamburg—Wien, 1959

Перед нами солидная книга в 927 страниц с картами, многочисленными иллюстрациями, хорошим указателем, обильными ссылками на источники в конце книги. Автор — Франк Тисс — опытный и своеобразный популяризатор истории: его произведения *нечто среднее между романом и историческими очерками.*

Рецензируемая книга посвящена истории Византии и смежных стран Востока и Запада с 565 до 717 г. н. э. Как показывает и самое заглавие, автор рисует образы византийских императоров, крупных политических деятелей, римских пап, персидских царей, арабских вождей. В то же время описываются важнейшие политические события, перевороты, войны. Разумеется, характеристика крупных политических деятелей, императоров имеет определенное значение: нужно выяснить, в интересах какой прослойки господствующего класса проводил данный правитель свою политику, какие методы применял он для подавления трудящихся, задерживал или ускорял своею деятельностью осуществление исторических закономерностей. А иногда, как указывал Ф. Энгельс, *не писать о личной жизни правителя было бы равносильно* фальсификации истории [1]. Но в книге Тисса тщетно мы стали бы искать глубокий анализ политической деятельности правителей. Перед нами только романтически описанные биографии императоров Византии и тех политических деятелей, с которыми они сталкивались. Это только занимательное чтение с указанием источников.

Подобную книгу можно было бы вовсе обойти вниманием, если бы не бросалась в глаза особая политическая направленность автора. Прошло то время, когда Византию вместе с Россией старались изображать как страну деспотизма и противопоставлять Западной Европе как цитадели свободы! Теперь Византию стараются причислить к западному лагерю, к Европе, в противовес «Азии»! По мнению Тисса, Юстинианов *Свод законов с его продолжениями, христианские идеи «о достоинстве человека»*, о защите человека от насилий со стороны к о л л е к т и в а — все это изобретения «западного гения», от Америки до границ Восточной Европы.

Книга начинается со смерти Юстиниана I в 565 г. Его преемники — Юстин, Тиберий, Маврикий — наделяются чертами заботливых правителей, солидных, величественных, но оказавшихся в чрезвычайно трудной ситуации! Совершенно иными чертами рисуется Фока — «коронованный пролетарий» (стр. 324). С разными намеками на современность автор старается привести читателя в трепет, сообщая об ужасающих злодеяниях и глупости этого императора. Тисс приводит все детали источников, враждебных Фоке, даже преувеличивая ужасы «революции», как он называет *выступление Фоки. Подробно описывается правление Фоки*, гражданская война и одновременно персидское вторжение, террор Боноса в Египте, массовое физическое уничтожение знати в Константинополе и в провинции. Зато с каким восторгом изображает Тисс Ираклия, героя «освободительной революции», спасшей Византию от кровавого террора и гибели (стр. 362—376)!

Биография Ираклия начинается разделом «Спаситель» (так расценивает этого императора Тисс). Сравнительно бледно обрисованы преемники Ираклия. Зато сильно, эмоционально описывается правление «тигра», как называет Тисс императора Юстиниана II. Страшный террор, направленный против знати, ужасающие зверства, политические ошибки — все объясняется Тиссом только психикой Юстиниана, этого демонического императора с отрезанным носом. Нет никаких попыток объяснить столь острую борьбу во время его правления.

Тисс касается также истории Персии. Движение Маздака он называет «революцией коммунистов» (стр. 91—94), что и определяет его отношение к маздакитам. Большое значение придается борьбе империи против арабов.

Книга имеет подзаголовок: «Рождение Европы». Судя по названию, можно было бы ожидать рассказа о возникновении нового феодального общества в Европе. Но в книге Тисса даже нет слова «феодализм». Европа, по его мнению, рождалась в борьбе против семитов-арабов. А роль Византии заключалась в том, чтобы оказывать сопротивление арабскому наступлению и дать возможность молодой Европе окрепнуть.

Книга заканчивается неутешительным заключением: человечество всегда будет вести войны — за свободу, права и религию. С помощью занимательного чтения Тисс пытается рекламировать «свободный мир». Безусловно, книга читается легко и с интересом, в ней много подробностей бытового характера. Но с научно-исторической стороны книга Тисса представляет собою колоссальный шаг назад — чуть ли не к историографии XVII века!

М. С.

---

[1] См. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. XV, стр. 233.

I. SORLIN. LES TRAITÉS DE BYZANCE AVEC LA RUSSIE AU X-e SIÈCLE.

„Cahiers du monde russe et soviétique", 1961, II, № 3, p. 313—360; № 4, p. 447—475

Историография русско-византийских договоров, этого важнейшего источника по истории Древней Руси и ее ранним связям с Византией, пополнилась новой работой И. Сорлэн. Во вводной части статьи автор подводит некоторые итоги изучения русско-византийских отношений IX в. Она разделяет мнение А. Грегуара и его ученицы Ж. да Коста Луйе о житии Георгия Амастридского, считая, что содержащиеся в нем сведения о походах русских на Византию в первой половине IX в. были записаны не ранее X в. Знакомство же Византии с руссами произошло еще в начале IX в., когда там появились русские купцы. Сорлэн подробно разбирает свидетельства византийских источников о первом русском походе 860 г. и последовавших за ним дипломатических сношениях с Русью. Вслед за А. Грегуаром и Ф. Дворником она уточняет дату крещения части руссов, сообщаемую «Жизнеописанием императора Василия». Автор его, Константин Багрянородный, желая приписать честь крещения своему деду Василию I, вступившему на престол 23 сентября 867 г., умышленно перенес дату крещения с лета 867 г. на более позднее время.

Что касается самих договоров, которым и посвящена основная часть работы, то Сорлэн интересует главным образом проблема их подлинности. Несмотря на то, что договоры сохранились только в Повести временных лет [1], Сорлэн не считает их сочинениями древнерусского летописца, а подлинными документами, переведенными с греческого почти одновременно с заключением договоров. Наблюдения С. П. Обнорского об отличиях языка грамот, факт раннего распространения грамотности в русском обществе, подтвержденный недавними находками берестяных грамот, — убедительные доказательства подлинности договоров. Однако Сорлэн, как и все предшествующие исследователи договоров, не может объяснить особенности формуляра договора. Она то склоняется к мнению С. Микуцкого, что тексты ПВЛ — переводы греческих копий, составленные специально для русских, то объясняет их различия происхождением. Почти в унисон с последней советской исследовательницей договоров М. И. Корнеевой-Петрулан [2] она полагает, что договор 911 г. составлен русской стороной, 944 г. — византийской, 971 г. — опять русской.

Несколько непоследовательно решает она вопрос о договоре 907 г. и предшествовавшем ему походе. Приводя сведения Тактики Льва VI и «De administrando imperio» Константина Багрянородного о русских судах и их частых походах на Византию, она приходит к выводу, что «никакой решающий аргумент не запрещает считать» поход 907 г. реальным, как это делают Г. Острогорский и А. Васильев. Однако, исходя из практики Византии возобновлять свои договоры через 30 лет, можно допустить возобновление договора 860 г. в начале X в. и без всякого похода. В целом Сорлэн не высказывается определенно по поводу договора 907 г. Жаль, что вопреки А. А. Шахматову, доказавшему наличие текстуальных заимствований договора 907 г. из последующих — 911 и 944 гг., автор считает текст акта 907 г. совершенно независимым от 911 г. И. Сорлэн не обращает должного внимания и на другое свидетельство компилятивного характера текста: язык договора 907 г. слишком близок к русскому языку конца XI в.

Очень интересны наблюдения Сорлэн над договором 911 г. — официальным документом русского происхождения, носящим следы утверждения в Византии. Согласно Н. А. Лавровскому и С. Микуцкому, вводная и заключительная части были написаны греками, что убедительно показывает буквальный перевод на греческий, предложенный Сорлэн. Она правильно объясняет некоторое противоречие в заголовке и тексте договора тем, что переговоры были начаты при императорах Льве и Александре и завершены уже после провозглашения соправителем Константина. Основной же текст договора написан русскими, доказательство чего Сорлэн видит в характере договора, предусматривавшего лишь обязанности русских — сохранять мир с Византией и подчиняться чужим обычаям во время пребывания в Константинополе.

Иной характер носит, по мнению Сорлэн, следующий договор, зафиксировавший и обязательства Византии по отношению к русским. Как показал Микуцкий, византийская часть договора предусматривала свободу русских от уплаты таможенных налогов. К ней по настоянию русских были добавлены преамбула и заключение.

---

[1] Укажем, кстати, что И. Сорлэн предостерегает от пользования русским переводом Повести Д. С. Лихачева, как далеким от подлинника, и его комментариями, называя их неполными (стр. 323).

[2] М. И. Корнеева-Петрулан. К изучению состава и языка договоров русских с греками. «Уч. зап. МГУ», вып. 150. Русский язык., М., 1952, стр. 255—281.

Сорлэн уточняет дату заключения договора. В Византии текст его был ратифицирован в течение 944 г., еще при жизни императора Романа, указанного в договоре. Дата же ПВЛ — 945 г. — является, по Сорлэн и Микуцкому, датой ратификации договора на Руси, куда и был направлен один из противней договора.

Наконец, договор 971 г., заключенный после поражения Святослава и по своему существу отвечающий интересам Византии, Сорлэн считает «древнейшей русской княжеской грамотой». Особенности ее формуляра склоняют автора к мысли, что грамота, условия которой были продиктованы греками, то ли в русском, то ли в византийском лагере, была составлена русскими.

Таковы основные выводы автора относительно происхождения договоров. Не менее интересна и оценка Сорлэн их значения для истории русско-византийских отношений и внутреннего развития Руси. Начнем с последнего. Указывая различные значения термина «Русь» в X в., автор специально оговаривает, что, пока речь идет о русско-византийских отношениях, этот термин следует понимать, как «географическое и политическое единство, включающее все земли славян и финнов, подчиненные власти скандинавов» (стр. 315). Если преувеличение власти скандинавов в статье Сорлэн кажется случайным элементом, не вытекающем органически из рассматриваемого ею материала, то ее представление о Руси X в. как сравнительно высоко организованном государстве не вызывает возражений. Пожалуй, лишь несколько преждевременно говорить о «нации» во главе с Киевом. Очень интересны наблюдения Сорлэн о внутренней основе Древнерусского государства. Указание в договорах городов, расположенных не только на пути из варяг в греки, но и в стороне от него, таких, как Полоцк и Ростов, показывает, по мнению Сорлэн, что Русь созидалась не только на *основе торговли и не только возле торговых путей* (стр. 347). *Появление* в Византии не только купцов, но и путешественников и воинов, пишет далее автор, дает основание заключить, что торговля не была единственной связью между городами, не была и единственным мотивом заинтересованности Руси в Византии. Эти выводы автора далеко расходятся со столь модными теперь на Западе теориями В. О. Ключевского о роли торговли в Древней Руси. Существенные наблюдения делает Сорлэн и о развитии русской культуры в течение X в. Она отмечает, что на протяжении первой половины X в. на Руси распространялась грамотность, что у русских князей появились собственные «канцелярии».

В некотором противоречии с общим представлением Сорлэн о Русском государстве находится отрицание ею русского «закона», русского права. Она пишет: «По крайней мере преувеличение говорить о каком-то русском праве в начале X в. Тем более преувеличение полагать, будто Византия его учитывала». Между тем и в договоре 911 г., и в договоре 944 г. шла речь о русском «законе». Советские историки показали близость норм статей 3-й (911 г.) и 12-й (944 г.) Краткой редакции Русской Правды.

Русско-византийские отношения X в., по Сорлэн, не ограничивались только экономической областью, но включали в себя и политические обязательства сторон. Одним из условий договора 944 г. было обязательство русских оказывать военную помощь Византии. Особенно важными были взаимоотношения Руси и Византии в связи с Херсоном, «Корсунской страной». Очень правильно мнение Сорлэн, что русские овладели Тьмутараканью лишь около 964—965 гг. Однако русские стали проникать в эти районы уже в 40-х годах X в., чем и вызвано было беспокойство Византии из-за возможных нападений русских на византийские земли (так трактует Сорлэн статью 7-ю договора 944 года, сильно испорченную при переводе). Автор предполагает, что с расширением власти русских на юг и на восток связана и 10-я статья этого же договора. Согласно этой статье, русские обязывались помогать в борьбе против Черных булгар (волжских, по мнению Сорлэн), либо уже отчасти подчиненных русским, либо вторгавшихся в области, подконтрольные русским.

В оценке значения самих договоров для развития русско-византийских отношений Сорлэн не совсем последовательна. Она то говорит, что в договорах идет речь только об обязанностях русских (стр. 329), то делает исключение для договора 944 г., содержащего и обязательства Византии (стр. 456).

Несмотря на некоторые внутренние противоречия отдельных выводов автора, статья Сорлэн ценна признанием ею подлинности договоров, новыми наблюдениями над историей самих текстов. Кроме того, Сорлэн впервые предлагает западноевропейскому читателю перевод договоров на французский язык [3].

А. Х.

---

[3] Можно лишь сожалеть, что автору осталась неизвестной публикация договоров в «Памятниках русского права», которую А. А. Зимин снабдил переводом на русский язык и комментариями («Памятники русского права», сост. А. А. Зимин. М., 1952, стр. 3—70). Эта публикация была высоко оценена иностранными учеными.

O. JUREWICZ. ANDRONIK I. KOMNENOS.

„Państwowe wydawnictwo naukowe", 1962, 177 str.

Небольшая книга польского ученого О. Юревича посвящена жизни и политике одного из интереснейших деятелей византийской истории — последнего Комнина, Андроника I. В I главе Юревич кратко характеризует положение Византии в правление трех первых императоров этой династии. В соответствии с состоянием литературы он уделяет основное внимание внешней политике Алексея I, Иоанна II и Мануила I, лишь кратко характеризуя внутреннее состояние империи. В частности, в главе совсем ничего не сказано об административных реформах Алексея и его преемников, без чего, мне кажется, трудно понять и административные мероприятия Андроника, во многом знаменовавшие возвращение вспять, к докомниновским временам. Городам посвящена лишь случайная фраза на стр. 18, хотя новые исследования все больше убеждают в том, что на время первых Комнинов приходился подъем провинциальных городов [1]. Подчеркивая феодальный характер византийского общества XII в., Юревич усматривает суть византийского феодализма в системе проний, полагая, что это были обширные территории, переданные в лен аристократам; однако, на мой взгляд, военно-ленный характер комниновской принии и обширность прониарских владений XII в. пока еще не были доказаны.

Тщательно и подробно описывает Юревич родословную Андроника, отцом которого был Исаак Комнин, младший сын Алексея I, а матерью, по предположению Юревича, дочь русского князя Володаря Ростиславича (тетка Ярослова Осмомысла); это предположение хорошо объясняет дальнейшие связи Андроника с Галицким двором (стр. 40 сл.). Некоторые детали нуждаются в исправлении: Юревич считает Комнинов знатью малоазийского происхождения, но Г. Мурну, на которого он ссылается в обоснование своего тезиса (стр. 7), как раз держался другого взгляда и выводил Комнинов из Фракии; смерть Ирины Дукены вряд ли можно безоговорочно датировать 1123 г., а смерть ее сына севастократора Андроника — 1122 г. (стр. 32): по-видимому, Андроник принимал участие в византино-венгерской войне во второй половине 20-х годов, а мать, как известно, пережила его.

Три следующие главы детально рассматривают судьбу Андроника в правление его кузена Мануила I: его воспитание при дворе, начало его деятельности, разрыв с императором, бегство из Константинополя, пребывание в Галицкой Руси, странствия на Востоке. Говоря о пребывании Андроника в Грузии, следовало бы привлечь известия ираноязычного поэта Хакани, рассказывающего об участии Андроника в походе грузинского царя Георгия III против Бек-Барса в конце 1173—начале 1174 г. В армии Бек-Барса принимали участие аланы, хазары (?), сарир, а также русские на кораблях [2]. В главе VI Юревич прослеживает борьбу Андроника за императорскую власть.

Центральное место в книге принадлежит VII главе, где автор переходит к описанию внутренней и внешней политики Андроника-самодержца. Юревич исходит из невозможности признать Андроника «крестьянским царем», каким он любил себя изображать и каким его иногда объявляли (в том числе и М. В. Левченко). Андроник не был «защитником народных масс от феодальной эксплуатации» (стр. 114). Но вместе с тем внутренняя политика императора, полагает исследователь, действительно была выгодна народу: характеризуя ее как антифеодальную, Юревич считает, что Андроник осуществил «оздоровление аграрных отношений в провинциях», ограничил церковное и прониарское землевладение, нормализировал торговлю и т. д. (стр. 139 сл.). Если и говорить о его ошибке, то она состояла в том, что Андроник не искал опоры ни в крестьянстве, ни в столичном плебсе (стр. 141).

Думается, что этот тезис Юревича, сохраняющего традиционное преклонение перед Андроником, нуждается в пересмотре. Уже И. Тивчев в работе, вышедшей одновременно с рецензируемой книгой, показал, основываясь на одном из лаврских актов, что «Андроник, как и его предшественники, защищал права крупных феодальных сеньоров» [3]. К тому же выводу приводят и письма Михаила Хониата, из которых

---

[1] См. H. Glykatzi-Ahrweiler. Les fortresses construits en Asie Mineur face à l'invasion seldjucide. «Akten des XI. Intern. Byzantinisten-Kongresses». München, 1960, p. 182, n. 3; А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 248; его же. Город и деревня в Византии в XI—XII вв. «XIIe Congrès Intern. des études byzantines». Rapports. Belgrade—Ochride, 1961, p. 31 sq.; P. Tivčev. Sur les cités byzantines aux XIe—XIIe siècles. «Byzantinobulgarica», I, 1962, p. 145 sq.

[2] V. Minorsky. Khāqāni and Andronicus Comnenus. «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», XI, 3, 1945, p. 557 f. О Хакани см. также О. Вильчевский. Хронограммы Хакани. «Эпиграфика Востока», XIII, 1960, стр. 59 и сл.

[3] P. Tivčev. Le régne de l'empereur de Byzance Andronic Ier Comnène (1183—1185). BS, 23, 1962, p. 34 sq. (ср. мою рецензию — ВИ, 1962, № 11, стр. 201 сл.).

следует, что при предшественнике Андроника в Афинах была проведена податная скидка и наместник Просух составил соответствующий катастих. Однако, когда Андроник пришел к власти, в Афины был послан другой правитель, деятельность которого тяжело ударила по бедноте (τῶν πτωχοτέρων)[4]: осуществленная при Андронике I податная скидка оказалась выгодной властелям (τοῖς δυναμένοις)[5].

И политика Андроника в отношении городов отнюдь не была столь благоприятной, как полагает Юревич; узурпатор, бесспорно, опирался на константинопольскую чиновную и торгово-ремесленную знать, но провинциальные города были враждебны новому режиму: именно оттуда исходили основные движения, направленные против Андроника.

Для изучения политической программы Андроника могли быть привлечены и некоторые неизданные произведения, например речь Григория Антиоха к патриарху Василию Каматиру, одному из самых ревностных сторонников Андроника. Эта речь содержится в известном Эскуриальском сборнике Y.II.10. Антиох сообщает о чистке клира, осуществленной вновь поставленным патриархом. «Все здание церкви, — читаем мы в речи, — очищено и вытряхнут из него собранный там мусор несправедливости» (л. 254 об.). Оратор подчеркивает демократизм Василия, что также соответствовало официальной программе Андроника: «Ты не закрываешь дверей, не преграждаешь доступ стучащимся. Напротив, ты растворяешь все входы» (л. 254). Наконец, мы узнаем, что церковь вынуждена была распроститься с частью своих богатств: теперь она, говорит оратор, не покрывалась чуждыми ей накладными украшениями, которые собирала вчера и позавчера, — ее красота стала природной (л. 255).

На стр. 123 Юревич останавливается на деятельности кравчего Алексея Комнина, который, по его мнению, был послан к половцам, а затем бежал в Сицилию и выступил одним из организаторов норманского вторжения. Автор не учитывает, однако, работы Х. Лопарева, считавшего, что Алексей ездил не к половцам, а на Русь [6].

Красочно и ярко изобразив конец императора, Юревич стремится показать, что память о нем продолжала жить у византийцев (стр. 134). Однако приводимые им примеры сомнительны. Вряд ли Андроник акритского цикла — это Андроник Комнин: обычно в нем видят Андроника Дуку, полководца начала X в. Стихотворение Цеца из Cod. Paris. 2644, как теперь выяснилось, не имеет никакого отношения к Андронику I [7]. Монодия Михаила Италика (?) из Cod. Vaticc. 131 относится не к Андронику I, а к севастократору Андронику, уже упомянутому выше [8].

Несмотря на некоторые недочеты, книга Юревича — наиболее подробное и удобное пособие для изучения деятельности Андроника Комнина.

А. К.

EUSTAZIO DI TESSALONICA. LA ESPUGNAZIONE DI TESSALONICA.

Testo critico introduzione annotazioni di S. Kyriakidis, proemio di B. Lavagnini, versione italiano di V. Rotulo. Palermo, 1961, p. LXIV + 193

Сочинению византийского ритора и церковного деятеля XII в. Евстафия Солунского, носящему условное название «О взятии Солуни», в последнее время повезло: в 1955 г. был издан его немецкий перевод, выполненный Г. Хунгером [1], а вслед за тем греческий исследователь С. Кириакидис подготовил новое критическое издание текста, снабженное итальянским переводом В. Ротуло. Книга вышла в серии «Testi e monumenti», издаваемой Сицилийским институтом византийских и новогреческих исследований (vol. 5.).

Сочинение Евстафия посвящено захвату Солуни норманнами в 1185 г., свидетелем которого был автор, занимавший в то время пост солунского архиепископа. Кроме того, книга является первостепенным источником для изучения деятельности Андроника Комнина. Множество бытовых деталей превращает «О взятии Солуни» в ценнейший памятник для изучения византийской жизни XII в. Отмечу, наконец,

---

[4] Mich. Chon., ed. S. Lambros, II, p. 42, 14—17.

[5] Ibid., p. 54. 21—22.

[6] Х. Лопарев. Алексей Комнин на Руси и в Сицилии. ЖМНП, ч. 311, 1897, июнь, стр. 415 и сл.

[7] M. A. Magri. Il carme inedito di Giovanni Tzetzes De imperatore occiso. «Bollettino Comit. per la prepar. di ediz. naz. d. class. gr. e lat.», 9, 1961 (см. BZ, 55, 1962, S. 135).

[8] R. Browning. Unpublished Correspondance between Michael Italicus, Archbishop of Philippopolis, and Theodore Prodromos. «Byzantinobulgarica», I, 1962, p. 281.

[1] Die Normannen in Thessalonice («Byzantinische Geschichtsschreiber», Bd. III). Graz—Wien—Köln, 1955.

что Евстафий сообщает и некоторые детали, любопытные для истории нашей родины. Мы узнаем, например, что аланы и грузины принимали участие в обороне Солуни (p. 88.22—23); что лазские и ивирские головные уборы были в ту пору модными у высшей знати империи (p. 50.26—27; 82.8—11). Более существенно известие Евстафия о пребывании на Руси (διὰ Ταυρικῆς καὶ Σκύθιδος γῆς) Алексея Комнина, который приходился внучатым племянником Мануилу I (p. 58.24—26). По словам Никиты Хониата, он был сослан к скифам Андроником I[2].

Основную часть книги занимает текст, снабженный филологическим и реальным комментарием, и параллельный итальянский перевод. Текст издан по единственной сохранившейся базельской рукописи (Bibl. publ. Basilensis A. III.20), которую П. Маас считал автографом Евстафия. Однако Кириакидис убедительно показал, что рукопись содержит ошибки, которые можно считать ошибками переписчика, и, следовательно, не является авторским манускриптом (p. XVII). Последнее обстоятельство определило характер издания: если считать рукопись автографом, конъектуры издателя были бы недопустимы. Но поскольку перед нами копия (хотя и близкая по времени к написанию сочинения), Кириакидис с полным основанием предлагает ряд убедительных конъектур, например p. 24.14; 84.28—29; 108.11 и 12; 118.8, меняющих смысл. Очень важна смелая вставка (p. 66.20—22), ликвидирующая ошибку рукописи, где успение богородицы было отнесено к 6 августа. Непонятна, однако, поправка к p. 10.21: текст и сноска дают одно и то же слово.

Кириакидис обычно учитывает конъектуры прежних издателей и переводчиков, однако он не всегда отмечает, кому принадлежит данная эмендация. Например, поправки к p. 40.13 и 21 были уже сделаны (по рукописи) А. Мариком [3]. Кириакидис исправляет по рукописи большое количество ошибочных чтений первого издателя Т. Тафеля, некритически воспринятых и в переизданиях труда Евстафия.

В филологическом комментарии указаны параллельные места в сочинениях Евстафия, а также античных авторов и некоторых византийских писателей (главным образом Никиты Хониата). Напомню попутно, что употребление слов ἐξαθερίζειν (p. 18.2) и ἄναλλος (p. 120.34) в других сочинениях Евстафия отмечено в словаре Лиддла и Скотта. Выражение δοῦναι τόπον (p. 100.4) встречается в неизданном стихотворении Евстафия «На св. Димитрия» (стк. 4). Привожу полностью текст этого маленького стихотворения по рукописи Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Греч. CCL, л. 81 — об.[4]

Τοῦ ἁγιωτάτου Θεσσαλονίκης κῦρ Εὐσταθίου Εἰς τὸν ἅγιον Δημήτριον

Τίς ὁ σκόπος σοι τῆσδε τῆς λαβῆς, μάκαρ,
ἕλκεις ἀτρέστως εἰς βάθος τὸν σφαγέα
ἢ τοῦ προκύπτειν κωλύεις περαιτέρω;
δοκῶμεν οὖν γε τῇ σφαγῇ δοῦναι τόπον,
μή πως κενεμβατοῦσα τὴν πλευρὰν φύγῃ
καὶ δεσποτικὸν οὐχ ὑποσταίης πάθος.

Реальный комментарий — к неудобству читателя — разделен на две части: одни сведения приводятся в сносках под переводом, другие — в примечаниях после текста (p. 163—183). Комментарий в сносках рассчитан преимущественно на неспециалиста: в частности, там разъясняются элементарные мифологические имена, отсутствуют ссылки на специальные работы. Примечания в конце книги носят исследовательский характер.

Текст издан аккуратно. В добавление к приведенному в книге списку укажу еще три несущественные опечатки: на стр. 92.24 следует читать ἐνόπλους, на стр. 112.12: κωτίλλαντες, на стр. 148.12: εἰς.

В переводе Ротуло нередко исправлены ошибки, допущенные в указанном выше издании Хунгера. Например, εἰς Ἰουδαϊκὴν ἀχαριστίαν (p. 112.21) переведено здесь (p. 113) nell'ingratitudine propria dei Giudei вместо ошибочного Judasundank в немецком переводе (S. 107); ἐθνικοί (p. 62.15) Хунгер (S. 64) несколько вольно передает Volk, тогда как у Ротуло (p. 65) мы находим более точное: gente delle province. Трудное и важное место (p. 66.26—27), которое иные исследователи рассматривают

---

[2] Nic. Chon., p. 384. 14—15.

[3] A. Maricq. Le manuscrit d'Eustathe de Thessalonique: «La prise de Thessalonique en 1185». Byz., 20, 1950, p. 85.

[4] В. Г. Васильевский. Описание Порфирьевского сборника византийских документов (Греч. № CCL). «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1883 год. Приложение». СПб., 1885, стр. 25; P. Wirth. Ein bisher unbekannter Demetrioshymnos des Erzbischofs Eustathios von Thessalonike. BZ, 52, 1959, S. 320.

как доказательство константинопольского происхождения Евстафия, Хунгер (S. 68) решительно переводит: die wie wir aus Konstantinopel waren, тогда как у Ротуло стоит более неопределенное и близкое к оригиналу: quanti con noi (μεθ' ἡμῶν) erano di Costantinopoli (см. список опечаток. О толковании этого места — p. XXXVIII).

Изданию предпослана подробная статья, где Кириакидис характеризует предыдущие издания и переводы сочинения Евстафия, анализирует особенности рукописи, рассматривает содержание труда «О взятии Солуни» и, что особенно интересно, исследует жизнь и деятельность Евстафия.

Евстафий, называемый здесь Катафлороном[5] (несклоняемое имя, подобно «Катакалон»), архиепископ Солунский, был одним из крупнейших византийских литераторов второй половины XII в. Однако его творчество до сих пор еще не стало предметом специального анализа[6] — поэтому сводка данных о его биографии, приводимая Кириакидисом, весьма полезна. Впрочем, Кириакидис ограничивается по преимуществу внешним описанием жизни Евстафия. Определение деятельности солунского архиепископа носит скорее моральный («Евстафий был хорошим пастырем» — p. XLVIII), нежели социальный характер, хотя Кириакидис и отмечает его принадлежность к знатной фамилии (p. XXXVII). По-прежнему остается необходимым выяснить то место, какое занимал Евстафий в борьбе политических группировок того времени, чем определялось его отношение к политике Мануила I, кем были те многочисленные враги, о которых Евстафий пишет, какие причины вызвали те требования реформы монашества, какие постоянно выдвигал солунский архиепископ. Очень существенно было бы, в частности, собрать многочисленные высказывания Евстафия, одобрительно отзывавшегося о том, что Мануил I привлекал в Константинополь иноземных воинов: быть может, эти пролатинские тенденции нашего писателя в какой-то мере могут объяснить, почему ему удалось довольно скоро найти общий язык с норманской знатью в завоеванной Солуни. Конечно, было бы несправедливо упрекать Кириакидиса в том, что введение к изданию не переросло в специальную монографию, но труд греческого ученого показывает, как мало мы еще знаем о Евстафии Солунском.

Установление отдельных моментов жизни Евстафия, как отмечает сам Кириакидис, часто затруднено недостатком сведений. Для определения времени рождения Евстафия очень важно упоминание в одной из его речей о том, что он был еще молод к моменту, когда бог вознес Мануила I «на царственную высоту». Кириакидис (p. XXXIX) понимает это место в его прямом смысле и относит к вступлению Мануила I на трон в 1143 г. — в отличие от П. Вирта, который полагал, хотя и без достаточных оснований, что Евстафий имел в виду провозглашение Мануила севастократором[7]. Вместе с тем Кириакидис высказывает вполне вероятное предположение, что «молодость» Евстафия в 1143 г. была литературной фикцией, тогда как на самом деле он был уже взрослым человеком.

Год смерти Евстафия может быть указан с большей точностью, чем это делает Кириакидис (p. XL): terminus post quem — не сентябрь 1193 г., а 1195 г.[8]

Вопреки Кириакидису (p. XLV), Евстафий не занимал должности начальника прошений (ἐπὶ τῶν δεήσεων). 19-е послание Евстафия, на котором основывается Кириакидис, было предметом специального анализа Э. Курца, показавшего, что пост начальника прошений занимал не автор, а адресат этого послания. Курц внес соответствующую поправку в лемму 19-го послания и убедительно выяснил, что адресатом его был начальник прошений Никифор Комнин, которому Евстафий писал неоднократно[9]. По мнению Кириакидиса, Евстафий стал магистром риторов, в 1172—1174 гг. (p. XLVI) — но он уже назван в лемме речи 1166/8 г.[10] Вряд ли сле-

---

[5] Ж. Даррузе (J. Darrouzès. Deux lettres de Grégoire Antiochos écrites de Bulgarie vers 1173. BS, 24, 1963, p. 74) полагает, что Катафлорон — имя не Евстафия, а его дяди.

[6] К сожалению, незаслуженно забыта большая работа о Евстафии: А. В. Говоров. Евстафий, митрополит Солунский, писатель 12-го века (К характеристике внутренней истории Византии). «Православный собеседник», 1883, январь, май, октябрь.

[7] См. мои критические замечания в аннотации на работу Вирта: ВВ, XXIII, 1963, стр. 305.

[8] P. Wirth. Ein neues Terminus ante quem non für das Ableben des Erzbischofs Eustathios von Thessalonike. BZ, 54, 1961, S. 86f. Ср. также заметку: V. Laurent BZ, 55, 1962, S. 174. Работа Вирта, однако, вышла одновременно с рецензируемой книгой.

[9] Э. Курц. Евстафия Фессалоникийского и Константина Манассии монодии на кончину Никифора Комнина. ВВ, XVII, 1910 (1911), стр. 287 сл. Эта работа осталась неизвестной и Вирту: см. его рецензию на публикацию С. Кириакидиса (BZ, 55, 1962, S. 80 f.).

[10] W. Regel. Fontes rerum byzantinarum, f. 1. Petropoli, 1892, p. 126. 1—2. О дате см. P. Wirth. Untersuchungen zur byzantinischen Rhetorik des XII. Jhdts. München, 1960, S. 24.

дует в настоящее время называть Михаила Акоминатом (p. LIX) — это фамильное имя не засвидетельствовано в источниках.

В целом же рецензируемое издание — ценный труд, позволяющий продвинуться вперед в изучении творчества Евстафия Солунского.

А. К.

I. ŠEVČENKO. ÉTUDES SUR LA POLÉMIQUE ENTRE THÉODORE MÉTOCHITE ET NICÉPHORE CHOUMNOS.

Bruxelles, 1962 (Corpus Bruxellense Historiae Byzantinae, Subsidia III), p. 330

Изучение идейной и политической борьбы в Византии XIV в. еще только начинается. Одним из важнейших препятствий для подобного исследования является неизданность многих текстов, в результате чего мы просто не знаем взглядов самых известных писателей или неверно представляем себе их отношения между собой.

Профессор Колумбийского университета И. И. Шевченко сделал немало для расширения наших знаний об идейной жизни империи в первой половине XIV в. В частности, он издал любопытный диалог Алексея Макремволита, показывающий, сколь ожесточенными в ту пору были противоречия между богатой верхушкой византийского общества и беднотой [1]. В рецензируемой работе исследователь снова вводит в оборот не изданные до сих пор памятники.

В основе исследования лежат два трактата Феодора Метохита, издаваемые по *венской рукописи (Vindob. Phil. Gr. 95): «Опровержение несведующих»* (Ἔλεγχος κατὰ τῶν ἀπαιδεύτως χρωμένων τοῖς λόγοις) (стр. 188—217) и «Второе опровержение» (Ἔλεγχος δεύτερος πρὸς τοὺς αὐτούς) (стр. 218—265). Оба текста опубликованы критически и сопровождаются французским переводом.

Изданию предшествует детальный анализ взаимоотношений между Феодором Метохитом и Никифором Хумном — двумя влиятельнейшими вельможами при дворе Андроника II. Современные исследователи (в том числе Р. Гийан) представляют их друзьями; и действительно, сохранилась переписка между ними, носящая дружеский характер. Однако дружеские отношения были лишь временными (стр. 20).

Шевченко в доказательство этого тезиса подвергает прежде всего анализу изданные еще в 1831 г. два памфлета Никифора Хумна, полемизирующего с каким-то анонимным противником. Шевченко удается прийти к неожиданному выводу — этим противником Хумна был великий логофет Феодор Метохит (стр. 34 сл.). При этом оказывается, что трактаты Метохита, издаваемые в рецензируемой книге, направлены как раз против памфлетов Хумна (стр. 46 сл.).

Полемика между Хумном и Метохитом разворачивалась вокруг вполне академических вопросов — о стиле (и в частности о стиле Фукидида), о преимуществах астрономии перед физикой. Тем не менее Шевченко прав, подчеркивая, что страстность споров заставляет предполагать, что подлинная причина дискуссии носила политический характер (стр. 145). Шевченко, устанавливая, что дискуссия протекала в середине 20-х годов XIV в. (стр. 144), приходит затем к выводу, что она была связана с соперничеством обоих вельмож. Это соперничество зародилось еще в начале XIV в. (между 1305 и 1312 гг.), когда Метохит оттеснил Хумна от руководства политической жизнью страны (стр. 150). Оно свидетельствовало о существовании при дворе Андроника II двух политических партий. Шевченко предполагает, что потерпевшего поражение Хумна поддерживал маркиз Монферратский Феодор Палеолог (стр. 163 сл.).

В эпилоге Шевченко рассматривает борьбу Хумна и Метохита как столкновение двух честолюбцев, как чисто личное противоречие (стр. 167 сл.). Вряд ли только личной завистью ограничивались эти противоречия, вряд ли только честолюбивые планы отдельных вельмож в этом государстве, которое Шевченко справедливо называет феодальным (стр. 6), определяли возникновение «партий» при константинопольском дворе. В конечном итоге спор шел между разными группами феодалов, о разных путях феодального развития [2] и в какой-то мере подготавливал гражданскую войну 40-х годов. Однако выяснить конкретные линии социальных противоречий пока еще не удается.

Книга содержит пять приложений, где рассмотрены некоторые частные моменты биографии Метохита и издан анонимный трактат первой половины XIV в. «В защиту новых и древних мудрецов, подвергшихся несправедливой критике» — по Vindob. Theol. Gr. 174 и Vatic. Gr. 122 (см. о нем стр. 61 сл.). Книга содержит ряд снимков с рукописей и удобный указатель.

А. К.

---

[1] I. Ševčenko. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between the Rich and the Poor». ЗРВИ, кн. 6, 1960 (см. мою рецензию — ВИ, 1960, № 10, стр. 193 сл.).

[2] См. об этом М. Я. Сюзюмов. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. «Византийские очерки». М., 1961, стр. 61.

PH. GRIERSON. COINAGE AND MONEY IN THE BYZANTINE EMPIRE. 498—c. 1090.

„Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo". Spoleto, 1961, p. 411—453

Статья одного из крупнейших современных нумизматов Ф. Грирсона является полезным обзором истории монетного обращения в Византии VI—XI вв. Автор характеризует прежде всего византийскую золотую чеканку, устанавливая, в отличие от традиционных представлений, что ухудшение качества номисмы началось еще в правление Михаила IV (1034—1041) (стр. 417); он рассматривает разные типы солидов меньшего веса, полагая, в частности, что тетартерон предназначался для областей, недавно отвоеванных у арабов, и по весу соответствовал арабскому динару (стр. 421 сл.). Серебряный милиарисий VIII в., резко отличающийся от гексаграма VII столетия, Грирсон считает возникшим под влиянием арабского дирхема; причем первыми монетами этого типа были, по его мнению, милиарисии Льва III, которые прежде приписывались Льву V (стр. 427): термин βασιλεὺς Ῥωμαίων на легенде этой монеты мог, полагает Грирсон, принадлежать и Льву III, поскольку он встречался на печатях этого императора. Тезис этот все же остается спорным — как потому, что эволюция императорской титулатуры на разных типах документов протекала поразному [1], так и в силу неопределенности свидетельств о применении этого титула до 812 г.[2] В XI в. в связи с «серебряным голодом» чеканка милиарисиев сокращается (стр. 430).

Бросающаяся в глаза особенность в истории бронзовой чеканки VI—VII вв. — исчезновение мелкой монеты (в 5 и 10 нуммов) и увеличение процента крупной (в 40 нуммов=1 фоллу); при этом вес фолла только за время царствования Ираклия уменьшился вдвое, а попытка возобновить в конце VII в. чеканку тяжелых фоллов оказалась недолговечной (стр. 436 сл.). Бронзовая монета подвергалась постоянной перечеканке, иногда через 5—10 лет после выпуска (стр. 443 сл.). Грирсон отмечает это обстоятельство, но указывает, что причина подобной перечеканки неясна.

В последнем разделе рецензируемой работы ставится ряд вопросов, связанных с использованием нумизматического материала для экономической истории Византии. Действительно ли стабильность золотой чеканки до середины XI в. была выражением экономической стабильности или, напротив, известная степень «инфляции» может лучше обеспечить хозяйственные потребности общества (стр. 444 сл.)? Можно ли уменьшение числа монетных находок связывать с сокращением денежного обращения (стр. 445 сл.)? Какое влияние оказала византийская монета на западноевропейские государства (стр. 446 сл.)? Все эти вопросы ставятся, но не решаются Грирсоном, хотя он и отмечает ряд важных фактов, как, например, «поразительное совпадение» статистики монетных находок при раскопках в разных городах или практическое исчезновение византийских монет в западных кладах со второй четверти VII в.

Думается, впрочем, что западный мир — во всяком случае начиная с X в. — хорошо знал византийскую монету, которая проникала туда, несмотря на запрет вывозить золото, и оставила о себе память как в письменных источниках, так и в виде подражаний [3]. В частности, больше милиарисиев, чем это кажется Грирсону (стр. 452), проникало в Прибалтику: наряду с кладом в Оксарве, который автор упоминает в этой связи, можно назвать и клад в Велла (Эстонская ССР), содержавший свыше ста серебряных монет Василия II и Константина VIII [4].

А. К.

---

[1] F. D ö l g e r. Byzantinische Diplomatik. Ettal, 1956, S. 130.

[2] Ibid., S. 135, A. 24.

[3] См. A. S u h l e. *Der byzantinische Einfluss auf die Münzen Mitteleuropas vom 10. bis 12. Jahrhundert.* «Aus der byzantinistischen Arbeit der DDR», II, 1957.

[4] И. В. С о к о л о в а. Византийские монеты клада Велла. «Труды Гос. Эрмитажа», 4, 1961.

ПУБЛИКАЦИИ

ПАЛЛАД АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

ЭПИГРАММЫ *

С именем Паллада (ок. 360 — между 430 и 440 гг.), последнего «языческого» поэта-эпиграмматиста, связан поздний расцвет греческой эпиграммы. Паллад был школьным учителем грамматики, прожил полную лишений жизнь и лишь на склоне лет, возможно, был принят на государственную службу. «Может быть,— говорит И. Ирмшер [1],— он, подобно великому насмешнику Лукиану, закончил свою жизнь мелким чиновником».

Паллад жил в трагическое для греческой культуры время. После жестокого кризиса III века, охватившего все стороны жизни рабовладельческого общества, его закат приближался неотвратимо. Римская империя к концу IV в. окончательно распалась на две части — Восточную и Западную. Кризис, особенно на Западе, все более углублялся. Между гибнущим язычеством и христианством, особенно на Востоке, шла ожесточенная борьба. Реформаторская деятельность императора Юлиана (361—363 гг.), имевшая целью возродить язычество, влить в него новые силы, потерпела поражение вместе с гибелью своего вождя. Последовал ряд декретов христианских императоров, завершившийся миланским эдиктом Феодосия I (391 г.): жестоко карались все, кто совершал жертвоприношения языческим (эллинским) божествам, повсеместно разрушались храмы и статуи древних богов; религиозное изуверство христиан уничтожало неповторимые памятники античной архитектуры и искусства.

В 415 г. толпа фанатиков-христиан, подстрекаемая епископом Александрии Кириллом, растерзала в церкви Ипатию, последовательницу неоплатонической философии, к кружку которой принадлежали Паллад, Синесий из Кирены и другие талантливые приверженцы гибнущей эллинской культуры. Закатилась еще одна «ума и знания блестящая звезда» [2].

Сторонник уходящего эллинства, противник христианства, Паллад понимал обреченность своих идеалов. Глубокую печаль поэта вызывает этот закат эллинства. Богиня Тихе (Судьба), прежде приносившая счастье людям, теперь сама стала несчастной, а ее храм превращен в харчевню [3] (эпиграмма 33; AP IX, 183).

По своим философским взглядам Паллад — эклектик, но мотивы эпикуреизма, этой «истинной философии Римской империи», у него все же преобладают. Пусть враждебна Судьба, поэт порою зовет к тому, чтобы (если только возможно) «жребию наперекор радость в душе ощутить» [4].

В Палатинской антологии Палладу принадлежит 151 эпиграмма, и около 20 эпиграмм приписываются ему предположительно [5]. Это богатое наследие следующим образом распределяется по книгам антологии [6]. В книге V (любовные эпиграммы) — всего одна эпиграмма Паллада; в книге VI (посвятительные эпиграммы) — 3; в книге

---

* Вступление, перевод и комментарии Ю. Ф. Шульца. Эпиграммы № 80 и 127 переведены Ф. А. Петровским.

[1] И. Ирмшер. Паллад. Перевод с немецкого И. Черновой. ВВ, XI, 1956, стр. 247—270.

[2] Паллад. «Ипатии» (эп. 41, AP, IX, 400).

[3] Паллад. Эп. 78. (AP, X, 77).

[4] Паллад. Эп. 33. (Ар, IX, 183)

[5] Основные издания греческой антологии, куда вошли эпиграммы Паллада: 1) Epigrammatum anthologia Palatina ed. Fr. Dubner, vol. I—II. Parisiis, Firmin — Didot, 1864—1888 (далее — Дюбнер); 2) Anthologia Graeca. B. I—XVI. Griechisch-Deutsch ed. Hermann Beckby, Bd. I—IV. München, 1957—1958 (далее — Бекби).

[6] Следует сказать, что это деление в известной мере условно.

VII (эпитафии) — 10; в книге IX (описательные эпиграммы) — 38; в книге X (увещательные эпиграммы) — 48; в книге XI (сатирические эпиграммы) — 47. XV книга, где помещены эпиграммы «смешанного» содержания, содержит всего одну эпиграмму Паллада. Наконец, в XVI книге, представляющей собой антологию Плануда [7], византийского филолога-монаха (1260—1310 гг.),— 3 эпиграммы Паллада.

Эпиграммы, приписываемые Палладу, распределяются по V—XI книгам антологии, но более всего их в XI книге (9 эпиграмм).

Творчество Паллада многообразно. Поэт высмеивает монашество, порицает богатство и богачей, прославляет умеренность и скромность в жизни, сетует на бедственное положение грамматика. Во многих эпиграммах он обрушивается на своих идейных противников — Гессия и Фемистия. Несчастный в семейной жизни (имя его жены — Андромаха — означает буквально «воюющая с мужем»), Паллад нередко нападает на женщин в едких строках. Однако Паллад — преимущественно эпиграмматист-сатирик, блестящий мастер именно этого рода эпиграмм. В целом его стихотворения «отличаются высокими поэтическими достоинствами. Стихи его чрезвычайно изящны и правильны; содержание их проникнуто тонким и грустным юмором, полным глубокого смысла» [8]. Необычайно трогательна эпиграмма, посвященная Ипатии. Несколько других эпиграмм ученые также считают посвященными этой замечательной женщине.

Современники дали Палладу прозвище «Метеор» («высокий», «возвышенный»); этим они вынесли высокую оценку эпиграммам выдающегося поэта.

Оценивая роль Паллада в истории греческой эпиграммы, можно согласиться с мнением И. Ирмшера, что Паллад «заново открыл для своей эпохи эпиграмму (эпиграмматическое наследие II—III вв. н. э. сравнительно невелико.— *Ю. Ш.*) и подготовил расцвет этого жанра в период Юстиниана» [9]. Этот последний расцвет (уже всецело на византийской почве) представлен творчеством Македония, Юлиана Египетского и главным образом Павла Силенциария и Агафия из Мирины, известного историка царствования Юстиниана.

Уже упоминавшаяся обширная статья И. Ирмшера убедительно показала, что исследование творчества Паллада «должно быть включено в программу», цель которой «изучение жизни позднеантичного Египта», а также «византийского города, византийской литературы и культуры» [10].

Ниже приводится первый русский перевод всех эпиграмм Паллада, включающий также эпиграммы, приписываемые ему предположительно. Полный «корпус» эпиграмм сопровождается историко-литературными и реальными примечаниями. В ряде случаев мы отсылаем читателя к развернутому толкованию отдельных стихотворений Паллада, которое дает И. Ирмшер в своей статье.

Перевод осуществлен по изданию Ф. Дюбнера, а также по новейшему изданию Греческой антологии Германа Бекби, упомянутым выше. В примечаниях использован критический аппарат обоих названных изданий антологии.

I. Эпиграммы Паллада

1

(AP, V, 257)

Я убедился, что Зевс не такой уж и влюбчивый, если
Ради такой красоты он превращаться не стал.
Право, не хуже Европы она и не хуже Данаи,
В нежности Леде самой не уступает она.
Может быть, Зевсу противны блудницы? Пожалуй. Я знаю:
Царственных девушек он только и рад соблазнять.

2

(AP, VI, 60)

Вместо быка и взамен золотого подарка Исиде
Ей, умастив, принесла кудри Памфила свои.
Радость богине от них, и не меньшая, чем Аполлону,
Радость была от даров, присланных Крезом ему.

---

[7] Сборник, состоящий из семи книг,— сокращение антологии Кефалы (так называемой Палатинской антологии) с добавлением некоторых отсутствующих в ней эпиграмм.

[8] Ф. А. Петровский. Вступительная статья к сборнику «Греческая эпиграмма». М., 1960, стр. 17.

[9] И. Ирмшер. Указ. соч., стр. 270.

[10] Там же.

3

(AP, VI, 61)

Дивное лезвие, ты преисполнено счастья: Памфила,
Волосы срезав тобой, их посвятила богам.
И не людьми изготовлено ты, но у печи Гефеста.
Молот подняв золотой, голову вкруг обвязав
Ярко блестящей повязкой, — скажу я словами Гомера, —
Сделала Прелесть сама ловкой рукою тебя.

4

(AP, VI, 85)

Панц, и поножи, и копье, и шлем, и щит свой огромный
Гордиоприлярриос здесь посвятил Тимофей.

5

(AP, VII, 607)

Как-то старушка Блоха, питая к наследникам зависть,
Все, что имела, взяла в виде наследства... себе.
И во мгновение ока прыжком устремилась к Аиду,
Чтобы и траты и жизнь мерой измерить одной.
Все достоянье проев, напоследок и жизнь загубила:
Лишь растранжирив добро, прыгнула прямо в Аид.

6

(AP, VII, 610)

Некто похитил жену, но и счастие брака похитил
Демон какой-то, сгубив многих на свадьбе самой.
Брак этот, хоть и один, двадцать пять породил погребений,
Этот единственный брак в смерть обратился для всех.
Пенфесилея — невеста, жених, ты — Пенфей многослезный,
Брак ваш злосчастный богат гибелью многих людей.

7

(AP, VII, 681)

Ты не за честью себе, а за смертью своею уехал;
И, хоть и хром, побежал прямо к Аиду в чертог,
Гессий, и Мойр обогнавший. Лелея заветную думу,
Мнил ты пойти далеко, но отошел навсегда.

8

(AP, VII, 682)

Гессий не умер, повержен богинею Мойрой, — напротив,
Сам он своею рукой Мойру низринул в Аид.

9

(AP, VII, 683)

«Лишку ни в чем», — говорил из семи мудрецов наилучший.
Ты же, о Гессий, презреть эти решился слова.
Хоть и ученый, как неуч подвергся за то порицанью,
Ибо возжаждал, увы, в небо подняться к богам.

Беллерофонта Пегас ведь сбросил когда-то на землю:
Дерзкий стремился познать звездные в небе пути.
Тот хоть конем обладал и негнущейся юною силой,
Гессий же справить нужду не расхрабрится никак.

10

(AP, VII, 684)

Пусть же никто из людей не дерзает равняться с богами,
Тщетно не зарится пусть он на великую власть.
Гессий нам служит уроком: высоко вознесшийся, был он
Вскоре низвергнут: не смог счастье бегущее взять.

11

(AP, VII, 685)

В поисках гибель свою ты обрел и крушение счастья,
К власти стремился, достичь цели желая своей.
Да, удостоился чести ты, Гессий; лишь после кончины
Почесть последнюю ты, символы власти, обрел.

12

(AP, VII, 686)

Бавкал увидел в Аиде умершего Гессия; тот же
Был еще более хром. Бавкал спросил у него:
«Как это, Гессий, скажи, ты приходишь в жилище Аида
Без погребенья и гол, странный какой-то мертвец»?
Тотчас ответил ему с печалью великою Гессий:
«Знай, честолюбье всегда смерть за собою ведет».

13

(AP, VII, 687)

Культа Аммонова ложь едва лишь Гессий изведал,
Тотчас изгнанником он смерть увидал пред собой.
Проклял он замысел свой и науку, и верящих проклял
В то, будто логика есть в том, что астролог изрек.

14

(AP, VII, 688)

Гессия двое Калхантов сгубили своей ворожбою:
Кресло ипатов ему наобещали они.
О человеческий род, и пустой, и собой раздраженный,
В вечном неведенье ты вплоть до последнего дня.

15

(AP, IX, 5)

Груша, ты сладостный труд рук прилежных моих, ибо летом,
Нежную взрезав кору, я привил тебе новую ветку, —
И прижилась она, став выше всех, и плоды заменила:
Снизу все те же дички, а вверху ароматные груши.

16

(AP, IX, 6)

Дикою грушей была я. Ты сделал меня ароматной,
Ветку привив, и тебе я возвращаю твой дар.

17

(AP, IX, 119)

Если властитель желает льстецов со вниманием слушать,
Многих погубят тогда гнусные их языки.
Вот почему человек справедливый поистине должен
Всех ненавидеть льстецов, как и внимающих им.

18

(AP, IX, 165)

Женщина — гнев божества, воздаянье злосчастное людям;
За похищенье огня мы получили ее.
Мужа сжигает заботой и горем его иссушает,
Юности тотчас она скорую старость несет.
Даже и Зевс не живет без тревог с златотронною Герой:
Он с олимпийских высот часто ее низвергал;
Под облаками висела, качаясь: известен Гомеру
Был на супругу свою Зевса великого гнев.
Так, никогда и не может жена не ссориться с мужем,
Пусть хоть в чертоге златом с ним сочеталась она.

19

(AP, IX, 166)

Мудрый Гомер говорил, что любая из женщин негодна:
Пусть целомудренна, пусть плюха, — но пагубны все.
Ведь из-за блуда Елены возникло мужей истребленье,
А Пенелопы была верность причиной убийств.
Да, из-за женщины лишь появилась на свет «Илиада»,
И «Одиссеи» виной лишь Пенелопа была.

20

(AP, IX, 167)

Жен, этот новый огонь, за огонь мы имеем от Зевса.
Если б ни женщин совсем нам не знавать, ни огня!
Пламя не вечно и гаснет, а женщина — вечное пламя,
Ибо не гаснет, но жжет, воспламеняясь сильней.

21

(AP, IX, 168)

«Гибельный гнев» я привел к себе в дом, — бедняга, женился.
И ремесло у меня с «гнева» начало берет.
Горе! Я гневом задавлен: двойное засилие гнева!
Гнев ремесла и еще бабы воинственной гнев.

22

(AP, IX, 169)

И для меня, кто учил грамматике, «гнев Ахиллеса»
Также причиною был «гибельной» бедности. Пусть
Он бы с данайцами вместе меня погубил, ополчившись,
Нежели голод убьет, спутник науки моей.
Чтоб Агамемнон когда-то похитить сумел Брисеиду,
Как и Елену — Парис, должен я жить в нищете.

23

(AP, IX, 170)

Брюхо бесстыдное я пристыдил суровою речью.
Мнил воздержаньем унять чрево в нелегкой борьбе;

Если ж моя голова поставлена выше желудка,
Разве не справиться ей с тем, что пониже ее?

24

(AP, IX, 171)

Вас, многослезные книги, орудия Муз, продаю я;
Ваше искусство хочу я на другое сменить.
Вы, Пиериды, прощайте! Прощай же и слов изощренность:
Ибо того и гляди синтаксис сгубит меня.

25

(AP, IX, 172)

Счастье, прощай! И Надежда, ты больше меня не тревожишь;
Хватит и лжи, наконец: я уже в гавань вошел.
Пусть я бедняк, но свобода со мной неразлучна, и в жизни
Прочь я богатство гоню, нагло теснящее нас.

26

(AP, IX, 173)

Пять начинают грамматику строк — сплошное проклятье:
В первой содержится «гнев», «гнев тот ужасный» в другой;
После «ужасного» вновь для данайцев «тысячи бедствий».
Третья низводит строка «многие души в Аид».
Речь о «корысти» в четвертой идет и о «псах плотоядных»,
В пятой строке, наконец, — «птицы» и «яростный Зевс».
Разве найдется грамматик, чтоб после пятерки проклятий,
После пяти падежей не был подавлен вконец!

27

(AP, IX, 174)

Здесь обучают все те, на кого разгневан Серапис,
Кто начинает с азов «гибельный гнев» толковать.
Месяц прошел, — ученик приходит с условленной платой,
Спрятав в папирусный лист жалкую бедность свою.
И, словно жертву, слагает пред кафедрой, как на могилу,
Руку вперед протянув, маленький свертоček свой.
Но ведь бывает: иной похищает и малую плату,
С медью мешает свинец, долг отрицает совсем.
Если же кто-либо за год отдать обещал золотыми,
В месяц последний уйдя, сменит учителя он,
Нагло его обманув и нарушив договор прежний;
А у грамматика труд прахом идет годовой.

28

(AP, IX, 175)

Я продаю Каллимаха и Пиндара также и с ними
Все падежи продаю, в бедность злосчастную впав.
«Синтаксис», мой благодетель, расторгнут вконец Дорофеем,
Ибо с бесчестною он вестью явился ко мне.
Ты же, мой милый Феон, соверши благое деянье,
Чтобы не кончить мне жизнь в тяжких цепях нищеты.

29

(AP, IX, 176)

Ты пригласил меня, ритор. Хотя опоздал я к обеду,
Честь я с собою унес, сделавшись другом твоим,
Большим, чем был: не в еде для души наслажденье — в почете;
Если окажешь ей честь, этим она и сыта.

30

(AP, IX, 180)

Судьба людей дурачит до конца их дней,
Ее непостоянен и коварен нрав.
Смятенье сеет, мелет и разносит вздор;
Она торговка ныне, не богиня, нет,
И с ремеслом подобным сходен нрав ее.

31

(AP, IX, 181)

Как погляжу, на свете извратилось все,
Несчастным стало Счастье на глазах у нас.

32

(AP, IX, 182)

Как, и Судьба — госпожа испытала несчастное счастье?
Счастье дающая, как стала несчастною ты?
Ныне и ты научайся терпеть нашествие бедствий,
Беды познаешь сама, что посылаешь другим.

33

(AP, IX, 183)

Счастье, и ты изменилось и только насмешки достойно.
Нечего больше тебе счастья останков жалеть;
Прежде имевшая храм, оказалась под старость в харчевне,
Поишь горячим питьем смерти подвластных людей.
Демон капризный, теперь зарыдай над своей же бедою:
Как и у смертных людей, кончилось счастье твое.

34

(AP, IX, 377)

Тантал не ел ничего. Ведь плоды на трепещущих ветках
Вверх убегали тотчас, выше его головы.
Пищи лишенный, не мог он и жажду испытывать, если б
Даже и смоквы плодов спелых и сочных поел,
И чернослива лесного, и яблок — бесплотные тени
Могут ли там от плодов жажду земную терпеть?
Мы же едим, если нас пригласят, лишь пряную пищу:
Перепелов и сыры, жирных соленых гусей,
Дичь и телятину, все запивая одним лишь бокалом.
Значит, страдаем мы все, Тантал, не меньше тебя.

35

(AP, IX, 378)

Как-то убийце, что спал, говорят, у стены обветшалой,
Ночью Серапис предстал и прорицанье изрек:
«Ты, почивающий здесь, поднимайся немедля, другое
Выбери место себе, о злополучный, для сна».
Тот пробудился и только успел от стены удалиться, —
Ветхая, тотчас она рухнула наземь за ним.
Жертвы наутро богам спасенный злодей совершает,
Думая, что божество даже убийц бережет.
Ночь наступила опять, и опять явился Серапис:
«Думаешь ты, — он сказал, — я негодяев храню?
Не дал теперь я тебе умереть, не изведав мучений,
Лишь потому, что тебя я берегу для креста».

36

(AP, IX, 379)

Есть поговорка: «И свиньи кусают бесчестного». Я же
Думаю, что не совсем правильны эти слова.
Даже и свиньи кусают достойных и скромных, а злого
Грозный не тронет дракон, в страхе его сторонясь.

37

(AP, IX, 393)

На правителей Египта

Нет, безупречных и кротких правителей не было вовсе.
Качества эти и власть несовместимы, увы;
Полон сочувствия вор, а наглец — воплощенная честность:
Два эти свойства свои власть вымещает на нас.

38

(AP, IX, 394)

Золото, лести отец, порожденье тревоги и горя,
Страшно тебя не иметь; горе — тобой обладать.

39

(AP, IX, 395)

«Нет, — говорил Одиссей, — ничего драгоценней отчизны»,
Ибо на острове он Кирки не ел пирога.
Стоило б только хоть пар от него исходящий увидеть,
Даже и десять тогда он бы забыл Пенелоп.

40

(AP, IX, 397)

Некогда с поля сраженья спартанец бежал, и предстала
Мать перед ним, и к груди сына приставила меч:
«Будешь, — сказала, — живой ты для матери вечным позором,
Спарты могучей презрев древний, священный закон.
Если же будешь сражен материнской рукою, — несчастной
Матерью стану, чиста перед отчизной своей».

41

(AP, IX, 400)

Ипатии

Смотрю и внемлю я, склоняясь пред тобой;
И в звездный Девы храм я возношусь тогда:
Ведь, словно небеса, чисты дела твои,
Ипатия, а ты изысканности слов,
Ума и знания блестящая звезда.

42

(AP, IX, 401)

Дружбы законы Природа в любви своей к людям открыла,
Средства общенья найдя с теми, кто в дальнем пути.
Это — перо и бумага, чернила и букв начертанье,
Символы чьей-то души, что истомилась вдали.

43

(AP, IX, 441)

Медного Зевсова сына я видел в пыли перекрестка;
Прежде молились ему — ныне повергли во прах.
И потрясенный сказал: «О Трехлунный, от зол охранитель,
Непобедимый досель, кем ты повержен, скажи»?
Ночью, представ предо мною, промолвил мне бог, улыбаясь:
«Бог я, — и все же познал времени власть над собой».

44

(AP, IX, 484)

Некогда с ветрами мех Одиссей получил как подарок,
В море плывя, и ему был этот дар дорогим.
Мой же, вот этот Эол, обладающий ветреным сердцем,
Птицу мне вздумал послать, ветром наполнив ее.
Ты дуновенье крылатое шлешь, ну да — дуновенье,
Но не могу я, поверь, ветры сгущенные есть.

45

(AP, IX, 486)

Ту колбасу, что ты сам, завязав ее крепко, прислал мне,
Раб развязал, — и нашел воздухом полный пузырь.

46

(AP, IX, 487)

Ты мне свинью подложил, что откормлена фигами Кипра,
Мясо сухое ее вызвало жажду во мне.
Фигой хотел накормить... Заколи меня лучше, как жертву,
Или же в горле пожар кипрским вином погаси.

47

(AP, IX, 489)

Чадо грамматика дочь породила в любви сочетавшись,
Роды в котором мужской, женский и средний слились.

48

(AP, IX, 502)

Жажду Кондита! Но где получил он имя кондита?
Произношеньем оно эллинским чуждо устам.
Если ж из римских корней вытекает оно, то, уверен,
Ты, наиримский из всех, истинный знаешь ответ.
Дай мне его поскорей! Ведь желудок, страдающий тяжко,
Требует, как говорят, жаждет такого питья.

49

(AP, IX, 503)

Не без причин я сказал, что в юбке какая-то сила
От божества. Ведь вчера сам я ее применил:
Четырехдневной страдал лихорадкой больной, но тотчас же
Снова здоровым он стал, словно целебный Кротон.

50

(AP, IX, 508)

Коль кто-нибудь желает светлым видеть день,
С тобою встретясь, светлый день узнает он.

Но если он захочет в горе быть, тогда,
С тобой не встретясь, черный он узнает день.

51

(AP, IX, 528)

На дом Марины

Боги Олимпа теперь христианами стали и в доме
Этом беспечно живут, ибо пламя им здесь не опасно,
Пламя, кормящее тигель, где плавится медь на монету.

52

(AP, IX, 773)

Медник, расплавив Эрота, его перелил в сковородку;
И не случайно: она тоже умеет сжигать.

53

(AP, X, 34)

Если забота важна, то о ней прояви беспокойство;
Если ж заботится бог, что же заботишься ты?
Без божества никакой беззаботности нет и заботы:
Ибо забота его — знать все заботы твои.

54

(AP, X, 44)

Друг захотел поживиться и пишет: «О брат — благодетель!»
Если же нечего взять, пишет он коротко: «Брат!»
Даже такие продажны слова! Никогда не услышать
Мне «благодетель», ведь я дать ничего не могу.

55

(AP, X, 45)

Если представишь себе, человек, что делал родитель,
Свой совершая посев, спесь твоя сгинет тотчас.
Грезящий вечно Платон преисполнил тебя самомненьем,
Ибо бессмертным тебя, отпрыском неба назвал.
Ты же из глины. И так возомнил! Мог придумать такое
Тот, кто в напыщенный вздор речи свои обрядил.
Если же хочешь найти ты слова справедливые, знай же:
Каплей нечистою ты, похотью грубой рожден.

56

(AP, X, 46)

Право, уменье молчать у людей — величайшая мудрость.
Мог бы и сам Пифагор эти слова подтвердить.
Зная искусство речей, других обучал он молчанью,
Верное средство найдя против волнений людских.

57

(AP, X, 47)

Пей молчаливо и ешь. Ведь в страданьях не следует чревом
О мертвеце горевать, — так и Гомер говорил.
Даже Ниобу, двенадцать детей потерявшую сразу,
Мысль о еде отвлекла от размышлений о них.

58

(AP, X, 48)

«Пусть никогда госпожою не станет служанка», — такая
Есть поговорка. И я тоже на это скажу:
«Кто побывал в адвокатах, вовек да не будет судьею,
Пусть красноречьем его сам Исократ превзойден.
Ибо привыкший за деньги служить наподобие шлюхи,
Разве сумеет в суде честно дела разбирать?»

59

(AP, X, 49)

И муравей, и комар, говорят, преисполнены гнева;
Так и ничтожная тварь гнев заключает в себе.
Ты же велишь, чтобы я, беззащитный, не думал о гневе,
Чтобы и словом одним я не дерзнул уязвить
Тех, кто делами язвят!? После этого мне остается,
Рот свой заткнув, замолчать и не дышать, наконец.

60

(AP, X, 50)

Я отрицаю, что Кирка, как сказано было Гомером,
Делала либо свиней, либо волков из людей,
К ней приходивших; но эта, на хитрости ловкая шлюха,
Всех обирала, кого ей удалось соблазнить.
И человеческий разум отняв, их, поддавшихся чарам,
После — уже не людей — в доме держала своем,
Где и кормила, подобно лишенной рассудка скотине.
Но, умудрен, Одиссей голову не потерял.
Не по внушенью Гермеса, на собственный разум надеясь,
В нем он лекарство нашел против ее колдовства.

61

(AP, X, 51)

Лучше завидуют пусть, чем жалеют, — вот Пиндара слово.
Люди завидуют тем, кто беспечально живет;
Тех же, кто в жизни несчастен, жалеют. Но я не желаю
Лишнего счастья себе, как и участья людей.
Лучше всего — середина: высоко подняться — опасно;
Если же ниже других ты опустился — позор.

62

(AP, X, 52)

Славно, отлично, Менандр, ты сказал, что божественен Случай;
Здесь как воспитанник Муз ты говорил и Харит:
Часто гораздо ценнее влачащихся долго раздумий
То, что случайно и вдруг кстати открылось тебе.

63

(AP, X, 53)

Если мы видим, как сладко живется убийцам на свете,
Надо ль дивиться тому? Этим нас Зевс наградил.
Ибо и он, ненавистник, убил бы родителя злобно,
Если бы Кронос-отец мог, как и мы, умереть.
Но не убив, он карает отца с титанами вместе,
Словно злодея, связав, в пропасть бросает его.

64

(AP, X, 54)

Смерть не одна лишь чахотка приносит с собою; нередко
Тучность без меры таит тоже кончину в себе.
Служит примером тому Дионисий, тиран Гераклеи,
Той, что на Понте: ему выпал подобный удел.

65

(AP, X, 55)

Если ты всюду хвастливо кричишь, что жене не подвластен,
Вздор ты болтаешь; ведь ты, как говорится, не «ветвь
Крепкого дуба, не камень утеса». Тебе, как и многим,
Если не всем, суждено быть под началом жены.
«Если сандалией, — ты говоришь, — не дерется супруга,
Коль не распутна она, — надо молчать и терпеть».
Я же скажу, что твоя только более легкая участь:
Продали в рабство тебя честной жене и не злой.

66

(AP, X, 56)

Признака ясного нет распознать добродетельность женщин:
Жертвам насмешек, мужьям, эти слова говорю.
И безобразная вовсе не может унять подозрений,
Может распутной не быть та, что красива на вид.
Есть и такая, — красива, и все же она не уступит
Щедрым подаркам; но есть множество женщин таких,
И не красивых собой, но погрязших в безудержном блуде,
Падких безмерно на тех, кто не жалеет даров.
Но неужели, скажи, если женщина гневные брови
Хмурит сурово, совсем видеть не хочет мужчин, —
То не порука тому, что она добродетельна? Впрочем,
Шлюхи бывают: на вид — это серьезность сама.
Но и веселые есть, и любезные есть в обращенье
Скромницы, коль вообще скромные женщины есть.
Верно по возрасту судят об этом? Но вот Афродита,
Старость и та не дает ей от страстей отдохнуть.
Клятвами нас, наконец, убеждают; но чтоб им поверить,
Надо двенадцать богов новых найти и других.

67

(AP, X, 57)

Пусть проклянет божество и желудок и пищу желудка!
Это по их лишь вине гибнет умеренность в нас.

68

(AP, X, 58)

Наг я на землю ступил и нагим же сойду я под землю:
Что ж я напрасно тружусь ради кончины нагой?

69

(AP, X, 59)

Кто ожидает кончины, скорбит и терзается тяжко;
С жизнью простившийся чужд этой язвящей тоске.
Так, не рыдай же над тем, кто навеки прощается с жизнью:
После кончины своей он перестанет страдать.

70

(AP, X, 60)

Пусть ты богат. Ну так что же? Коль час твой последний настанет,
Разве сумеешь с собой деньги в Аид унести?
Тратишь ты дни, не жалея, на то, чтоб умножить богатства;
Как ни старайся, но дней ты не прибавишь себе.

71

(AP, X, 61)

Прочь от богатых, бесстыдных, домашних тиранов бегите:
Бедность — стыдливости мать — не переносят они.

72

(AP, X, 62)

Не рассуждает Судьба и знать не желает законов;
Не размышляя, она — деспот — царит над людьми.
Честных людей ненавидит, но любит зато нечестивых,
Этим являя свою, смысла лишенную власть.

73

(AP, X, 63)

Бедный не жил никогда и поэтому смерти не встретит:
Жил он, казалось, но был трупом при жизни живым.
Лишь для счастливых людей и стяжавших богатства без меры,
Только для них, говорю, смерть — это жизни конец.

74

(AP, X, 65)

Страшное плаванье жизнь; налетают жестокие бури;
Хуже, чем в море, тогда терпим крушение мы.
Если же кормчий Судьба нас по жизни ведет наудачу,
Словно по волнам плывем, не различая пути,
С ветром попутным одни, а другие с противным, — и все же
Все направляемся мы в гавань одну под землей.

75

(AP, X, 72)

Жизнь — это сцена и смех: так учись беззаботно смеяться,
Тяготы сбросив ее, — или страданья влачи.

76

(AP, X, 73)

Если влечешься, Судьбою влеком, так влекись, не противясь;
Как ты ни бейся, — и все ж будешь Судьбою влеком.

77

(AP, X, 75)

Все мы, живущие в мире, вдыхаем колеблемый воздух,
Тянем ноздрями его, смотрим на солнечный блеск.
Все мы при жизни своей лишь орудья, что служат тому лишь,
Чтобы дыханьем своим жизнь продолжать на земле.
Если же кто-либо это дыханье рукою закроет,

Жизнь погубивши, в Аид сам он себя низведет.
Значит, мы, люди, — ничто; а еще преисполнены спеси
Мы, кто и живы-то все малостью воздуха в нас.

78

(AP, X, 77)

О человек, не напрасно ль в стараниях ты и волненьях,
Если с рожденья Судьбой рабство тебе суждено?
Лучше оставить все это и вовсе с Судьбой не бороться;
Долей довольный своей, в жизни покой возлюби.
Лучше, однако, всего, если только возможно, стремиться,
Жребию наперекор, радость в душе ощутить.

79

(AP, X, 78)

Брось же грустить и рыдать. Коль сравнить бесконечность могилы
С временем жизни твоей, разница будет большой.
А потому до кончины, пока ты не съеден червями,
Душу не мучай свою, словно уже обречен.

80

(AP, X, 79)

Ночи проходят, и мы ежедневно рождаемся снова:
Прошлые дни никакой прибыли нам не дают.
День, миновавший вчера, для нас пропадает бесследно,
И начинаем опять жизнь мы сегодняшним днем.
Не называй же, старик, никогда ты себя многолетним:
Нет на сегодня того, что миновало вчера.

81

(AP, X, 80)

Жизнь человека — игрушка Судьбы — горька и несчастна;
Между богатством она и нищетою бредет.
Этих, принизив сначала, возносит Судьба, а другие
Вниз с высоты облаков сводятся ею в Аид.

82

(AP, X, 81)

О радость жизни нашей, как мгновенна ты!
Оплачьте невозвратный, быстрый лёт годов.
Сидим мы и порою предаемся сну,
В работе иль в безделье, — а года бегут,
Бегут и нам, несчастным, на земле несут
Любому катастрофу и последний час.

83

(AP, X, 82)

Не кажется ли нам, что мы еще живем,
Мы, эллины, упав под тяжестью невзгод
И жизни видимость считая бытием?
Иль мы еще живем, а жизнь уже мертва?

84

(AP, X, 83)

В поясе шитом богач и льстецы бесконечной толпою...
Но поразмыслить ему — тягость, несчастье и казнь.

85

(AP, X, 84)

Слезы рожденье мое и кончину мою омывали;
Множество слез на земле видел я в жизни своей.
О человеческий род, многослезный, ничтожный и бренный,
Ты появился на свет, чтобы рассыпаться в прах.

86

(AP, X, 85)

Всех нас готовят для смерти и кормят для смерти, как будто
Мы — это стадо свиней, годное лишь на убой.

87

(AP, X, 86)

Пускай не щедро я, но все-таки кормлю
Детей, жену, раба и птиц, и даже пса:
Ведь алчным нет лестецам дороги в дом ко мне.

88

(AP, X, 87)

Когда над жизнью беглой не умножим смех
И над Судьбою-шлюхой, что терзает нас, —
Себе же уготовим без исхода боль,
Везде злодеев видя, что счастливей нас.

89

(AP, X, 88)

Тело — мученье души, ее Мойра, Аид, Неизбежность,
Бремя, оковы ее и средоточие мук.
Если ж из тела она изойдет, значит, сбросив оковы
Смерти, умчится она к богу бессмертному ввысь.

90

(AP, X, 89)

Если Молва — божество, то враждебна она и речами
Лживыми эллинов нас рада всегда обмануть.
Если ж в беде ты, тотчас же Молва соответствует правде:
Так и Молву упредить может стремительность бед.

91

(AP, X, 90)

О зависть худшая, коль ненависть язвит
Счастливейших людей, любимцев божества!
Так мы, безумные от зависти своей,
Рабами глупости становимся тотчас.
Мы, эллины, — лишь прах ушедшего навек,
Надежды мертвые у нас — на мертвецов:
Настолько в жизни все извращено теперь.

92

(AP, X, 91)

Когда любимца бога кто-то злом язвит,
Он предстает пред всеми как большой глупец:

Ведь на себя же бога ополчает он,
В нем возбудивши зависть и великий гнев:
Людей, любимых богом, мы должны любить.

93

(AP, X, 92)

Когда ты суд вершишь, прекрасно говоря,
Мой соловей тогда приносит в дар тебе
Святую эпиграмму для правдивых уст:
Тебя кто славит, славит справедливость тот.

94

(AP, X, 93)

Лучше спокойно стерпеть даже самую тяжкую долю,
Чем богачей-гордецов спесь и надменность сносить.

95

(AP, X, 94)

Наверное, и бог — философ, если он
Не отвечает гневом на хулу тотчас,
Но, выжидая время, тяжелей еще
Казнит людей несчастных и свершивших зло.

96

(AP, X, 95)

Я ненавижу того, кто по самой натуре двуличен,
Кто на словах лишь хорош, а по делам — негодяй.

97

(AP, X, 96)

Лишь только поразмыслю о делах людских,
О переменах жизни, что приходят вдруг,
И о Судьбе неверной, чей неровен бег, —
Она дарит богатством тех, кто нищим был,
И богача лишает всех его богатств —
То погрузившись в злую заблуждений тьму,
Я все кляну, поскольку все неясно мне.
И как могу себе я подчинить Судьбу,
Что из засады тайно поражает нас
И непотребной девки проявляет нрав?

98

(AP, X, 97)

Литру годов довершив с грамматикой тяжкою вместе,
Мертвых советником я ныне спускаюсь в Аид.

99

(AP, X, 98)

Всякий невежда сумеет сойти за премудрого, если
Речи скрывает свои, словно постыдный недуг.

100

(AP, X, 99)

Часто я взвешивал, Секст, и дружбу твою и спесивость,
И легковесней найдя дружбу твою, а затем
Более тяжким — бесчестье, я дружбу с тобою отринул,
Больше не в силах терпеть спеси бесчестье твоей.

101

(AP, XI, 54)

Женщины дразнят меня стариком и советуют даже,
К зеркалу взгляд обратив, жизни руину узреть.
Белые будь у меня или черные волосы — это
Мне безразлично теперь: я уж к закату иду.
Но ароматною мазью, венками из листьев прекрасных,
Бромием прочь я гоню сонмище тяжких забот.

102

(AP, XI, 55)

Вышить мне дай, чтобы Вакх треволнения жизни рассеял,
Чтоб потеплело опять хладное сердце мое.

103

(AP, XI, 62)

Всем суждено умереть. И никто предсказать не сумеет,
Даже на завтрашний день, будет ли жив человек.
Ясно все это познав, человек, веселись беззаботно,
Бромия крепко держа — смерти забвенье — в руках;
И наслаждайся любовью при жизни своей однодневной,
Все остальное отдав на попеченье Судьбы.

104

(AP, XI, 204)

Остолбенел я, увидев ритора Мавра: слоновый
Хобот, по фунту — губа, голос — убийственный рев.

105

(AP, XI, 255)

Мемфис курносый на сцене сыграл и Ниобу и Дафну:
В «Дафне» он деревом был, камнем — в «Ниобе» своей.

106

(AP, XI, 263)

Комику Павлу во сне явился Менандр и промолвил:
«Чист пред тобой я, а ты всюду позоришь меня».

107

(AP, XI, 280)

Лучше наместника суд испытать, для разбойников страшный,
Лишь бы Геннадий-хирург в лапы тебя не забрал.
Тот, справедливый и грозный, разбойникам головы рубит,
Этот же, плату беря, сводит невинных в Аид.

108

(AP, XI, 281)

На ученого врача Магна

Магн опустился в Аид. И в смятенье владыка Аида
Молвил: «Пришел он сюда, чтоб воскресить мертвецов».

109

(AP, XI, 283)

На префекта Дамоника

Многие многоречивы, но даже они не сумеют
Выразить в многих словах страстность речений твоих.
Но одному у тебя удивляемся мы парадоксу:
Как ты, воруя, слезу можешь пустить без труда?
Ты из Халкиды явился, наш город до тла обобравший,
Вор, и, воруя у нас, плачешь корыстной слезой.

110

(AP, XI, 284)

Из лотофагов земли сей великий явился Ликаон,
Тот, что в Халкиде рожден, антиохийствует здесь.

111

(AP, XI, 285)

Бабьему — трудно поверить — дивимся мы нраву такому:
Лил он, воруя, слезу; жертву ограбив, жалел.
Кто, и воруя, был чист, воровал, оставаясь невинным,
Весь осквернённый, и грязь даже на теле его.

112

(AP, XI, 286)

Ничто не хуже женщин, пусть прекрасны те;
Ничто раба не хуже, пусть прекрасен он;
И все ж без неизбежных ты не можешь зол.
Ты мнишь, что к господину расположен раб?
Прекрасен раб, сломавший две ноги себе.

113

(AP, XI, 287)

Жену-урода взявший на беду себе
Едва зажжет светильник, — и темно в глазах.

114

(AP, XI, 288)

С цирюльником схватился как-то раз портной;
И в битве иглы бритву победили враз.

115

(AP, XI, 289)

О хищный и мгновенный этой жизни бег!
Проценты за год точный ростовщик сводил,
И вот мгновенно умер, и в такой момент
Сжимая в крючьях пальцев свой былой доход.

116

(AP, XI, 290)

Некто все пальцы в работу пустил, на счетах считая,
Но неожиданно смерть с ним свои счеты свела.
Счеты живут и теперь, но душа их живая — хозяин —
Уж не считает на них, с жизнью окончив расчет.

117

(AP, XI, 291)

Что пользы граду в том, что пишешь ты стихи,
Беря такие деньги за хулу, и ямб
Продать всегда готовый, как торгаш елей?

118

(AP, XI, 292)

На ритора Фемистия

Сидя на троне небесном, ты сделался вдруг одержимым
Креслом серебряным; о, этот безмерен позор!
Выше ты некогда был, а теперь ты сделался низким.
Книзу сюда поднимись: пал ты, поднявшись наверх.

119

(AP, XI, 293)

Пообещав мне коня, ты, Олимпий, лишь хвост мне доставил,
Хвост, на котором без сил кляча повисла твоя.

120

(AP, XI, 299)

Ты оскорбляешь меня. Все стерплю и терзаться не стану:
Кто оскорбляет других, злобой наказан своей.

121

(AP, XI, 300)

Как ты болтлив, человек, а ведь скоро ты ляжешь в могилу.
Лучше молчи и, живя, помни о близком конце.

122

(AP, XI, 301)

Солнце — наш бог светозарный, но если бы светом надменным
Он засиял с высоты, я бы отринул и свет.

123

(AP, XI, 302)

Нет, не меня оскорбил ты, а бедность мою. Даже Зевса,
Если б он жил в нищете, всякий бы здесь оскорблял.

124

(AP, XI, 303)

Если я беден, что ж делать? Невинного что презираешь?
В этом повинен не я; это ошибка Судьбы.

125

(AP, XI, 304)

Люди низки и хвастливы. И если найдем человека,
Что на других не похож, это — какой-то недуг:
Но рассудительный ближним болезни такой не откроет,
Будет стараться в груди этот недуг утаить.
А у тебя нараспашку душа: никого не обманешь,
Ни проявляя испуг, ни нарядясь храбрецом.

126

(AP, XI, 305)

Выкормыш глупости, чадо бесстыдства и круглый невежда,
Что ты занесся, скажи, не разбираясь ни в чем?
Если грамматики рядом, тогда ты платоник; но если
Рядом платоник, тогда сведущ в грамматике ты.
Мечешься ты между ними, о неуч; в тебе совершенно
Знаний грамматики нет, как и Платоновых догм.

127

(AP, XI, 306)

Александрию покинув, ты двинулась в Антиохию.
После Сирийской земли мчишься в Италию ты;
Мужа-вельможу тебе не поймать! Ведь из города в город
Скачешь без устали ты, тщетно гонясь за мечтой.

128

(AP, XI, 307)

Сын у тебя Эрот, а супруга твоя — Афродита.
Не без причины, кузнец, ты и хромаешь еще.

129

(AP, XI, 317)

Мне подарили осла. Ленивый, он все упирался.
Будет в дороге стоять тот, кто отправится с ним.
Лени потомок, осел, тягота, зевота, дремота;
Если ж его повернуть, первым помчится назад.

130

(AP, XI, 323)

Ворон и льстец меж собой различаются буквой единой.
В прочем и ворон и льстец схожи друг с другом во всем.
А потому берегись, дорогой мой, созданья такого:
Льстец — это ворон, но рвет не мертвецов, а живых.

131

(AP, XI, 340)

Клялся я тысячи раз, что не буду писать эпиграммы:
Ими я злобу к себе многих глупцов возбудил.
Но Пантагата едва пафлагонскую рожу завижу, —
И не могу побороть страсть к эпиграммам в себе.

132

(AP, XI, 341)

Лучше всего — похвалить, а злословье вражду вызывает;
Но ведь злословье само это «аттический мед».

133

(AP, XI, 349)

Как, расскажи мне, измеришь ты мир и пределы земные:
Малое тело твое — только частица земли.
Прежде исчисли себя и себя самого ты постигни;
Сможешь исчислить тогда, как беспредельна земля.
Если ж не можешь измерить и бренности малого тела,
Как же сумеешь познать меру безмерности ты?!

134

(AP, XI, 351)

Сдал я каморку вчера одному пивовару; сегодня ж
Там предо мною предстал страшный кулачный боец.
«Кто ты, — спросил я его, — как в моем оказался ты доме?»
Он же, готовый к боям, поднял кулак на меня.
Тотчас же я убежал, убоявшись свирепого мужа,
Вдруг увидав пред собой не пивовара — бойца.
Я Полидевком, кулачным бойцом, и Кастором также,
Зевс, заклинаю тебя, чуткого к жарким мольбам:
«Ты отрази от меня забияку кулачного: слаб я,
Чтоб ежемесячно с ним биться в кулачных боях».

135

(AP, XI, 353)

Дочь Гермолика сошлась с обезьяной огромной; и вскоре
Род Гермопитеков был ею на свет порожден.
Лебедем сделавшись, Зевс произвел Елену от Леды,
Кастор и с ним Полидевк им от нее рождены.
А с Гермионою Коракс сошелся; и вскоре бедняжка
Стадо Гермесово злых демонов нам родила.

136

(AP, XI, 355)

Ты говоришь: «Я все знаю». Но все твою видят незрелость.
Пробуешь все, — своего ж нет ничего у тебя.

137

(AP, XI, 357)

Сын и родитель вступить в состязанье решили друг с другом,
Кто поскорее из них сможет богатство проесть.
Так и проели они до конца достоянье. Осталось
Им напоследок одно — это друг друга сожрать.

138

(AP, XI, 371)

Блюд, вызывающих голод, меня знатоком не считай ты,
Блюдом из тыквы стремясь ныне меня накормить.
Я ведь не ем серебра, на котором ты пищу подносишь,
Хитро уставив поднос голодом этим сплошным.
Тех, кто постился, найди, чтоб на них свой опыт проделать,
И удивляйся, смотря на опустевший поднос.

139

(AP, XI, 373)

На поэта — игрока в кости

Есть у поэтов, служителей Муз, Каллиопа богиня.
Ну, а богиню твою все Таблиопой зовут.

140

(AP, XI, 377)

Жалкую птичку жуем мы все на званом обеде;
Нас же, несчастных людей, птицы другие клюют.
Да, под землею терзают два коршуна Тития; нас же
Целых четыре едят коршуна здесь, на земле.

141

(AP, XI, 378)

Нет, не под силу терпеть ни грамматику мне, ни супругу:
Толку в грамматике нет, несправедлива жена.
Злая кончина и гибельный рок породили обеих.
Пусть от грамматики я, хоть и с трудом, убежал,
Но не могу я оставить супругу мою Андромаху:
Брачный мешает контракт и Авзонийский закон.

142

(AP, XI, 381)

Женщина — горечь, но дважды приносит она наслажденье:
Лежа на ложе любви, лежа на смертном одре.

143

(AP, XI, 383)

Так и ослиные судьбы бывают легки и враждебны;
Четвероногим и тем Крон назначает удел.
Этому также ослу тяжелое выпало время:
Жил в Алабархии он, стал у грамматика жить.
Ныне, мой ослик, держись, ибо нет у грамматиков даже
Полного слова ячмень, — есть лишь огрызочек: «кри».

144

(AP, XI, 384)

На монахов

Вот «одиноких» толпа. Это как же — толпа «одиноких»?!
Лжет «одиночество» их в сонмище этом людском.

145

(AP, XI, 385)

Эта любовь твоя — ложь. Да и любишь-то ты поневоле.
Большей неверности нет, нежели так полюбить.

146

(AP, XI, 386)

Нику печальную некто вчера в нашем городе встретив,
Молвил: «Богиня, скажи, что приключилось с тобой?»
Сетуя громко, она, и судей кляня, отвечала:
«Ныне Патрикию я — ты лишь не знал — отдана».
Ника — и та загрустила: ее против правил Патрикий
Взял на лету, как моряк ветер попутный берет.

147

(AP, XI, 387)

Все мы обедаем раз; но отведав обед Саламина,
Мы, возвратившись домой, вновь накрываем на стол.

148

(AP, XV, 20)

В молчанье жизни тяжкой ты пройди пути;
Само безмолвно время, — подражай ему.
Живи, таясь! Не можешь, — так умри таясь!

149

(AP, XVI, 207)

Статуя Эрота

Этот Эрот обнажен и поэтому весел и ласков,
Ибо ни лука, ни стрел огненных нет у него.
Держит совсем не напрасно в руках он цветок и дельфина, —
Знаки, что властвует он и на земле, и в морях.

150

(AP, XVI, 282)

В обличье дев смеемся мы, Победы, здесь,
Неся победу граду, что правдивость чтит.
Нас написал художник, этот град любя,
И облик наш достоин нас, богинь-Побед.

151

(AP, XVI, 317)

Гессий стоит: безъязык и безгласен. Коль статуя это,
Ты, о Делиец, ответь, статуя — камень иль он?

* * *

II. Эпиграммы, приписываемые Палладу

1

(AP, V, 71)

Дочь Протомаха и Никомахи ты взял себе в жены,
И поселилась война в доме, Зенон, у тебя.
Прелюбодея-дружка поищи-ка на роль Лисимаха:
Освободит он тебя от Андромахи твоей.

2

(AP, V, 72)

Вот она жизнь. В наслажденье она. Отойдите заботы!
Краткое время отпущено нам; мы сегодня с Лиэем,
Хоры — сегодня, венки из цветов и подруги — сегодня:
Радость сегодня вшитай, ибо в завтра никто не заглянет.

3

(AP, VII, 339)

Был я на свет порожден, не свершив никаких прегрешений;
Только родился — и вот, бедный, спускаюсь в Аид.
В связи родителей смерть заключалась! О ты, неизбежность,
К смерти безжалостной ты прямо подводишь меня:
Из ничего я рожден и опять в ничто превращаюсь,
Снова в ничто, и ничто — весь человеческий род.

Дай же в грядущем, товарищ, вина искрящийся кубок,
Горьких забвенье забот, Бромия мне поднеси.

4

(AP, IX, 9)

Часто молил я тебя, и всегда, Зевс-отец, благосклонно
Плаванье ты даровал благополучное мне.
Дай и теперь мне счастливо проплыть и, спасенье даруя,
После нелегких трудов в тихую гавань введи.
Дом и отчизна — вот радости жизни, а все треволненья
Наши людские — не жизнь, это — мученье одно.

5

(AP, IX, 57)

Что, не смолкая весь день, ты, несчастная дочь Пандиона,
С уст разливаешь своих песни печальной напев?
Или скорбишь по девичеству ты, что отнял когда-то
Дикий фракиец Терей, злобно насилье свершив.

6

(AP, IX, 134, 135)

Ныне прощайте, Судьба и Надежда: я выбрал дорогу.
Ваших услад мне уже не изведать. Уйдите же обе,
Вы, кто повинны бесспорно во многих людских заблужденьях.
Фантасмагории нам вы внушаете ложные, словно
Призраки сна, уверяя, что все наяву совершится.
Сгинь же, презренная дева, виновница мук! Уходите
Обе! *Не мною играйте, — другими, кто явится после;*
Кто и не ведает вовсе, о чем ему следует думать.
Счастье земное — обман и бессильно помочь человеку
Или, вернее сказать, ты на свете его и не сыщешь.

7

(AP, IX, 399)

Солнце — и то превзошел твой сверкающий сладостно разум,
Ясный учености свет на людей струя постоянно,
Мягко сияющий, милый, лучащийся так благодатно.

8

(AP, IX, 501)

Жители мертвые город цветущим оставили. Мы же,
Ныне живущие в нем, видим, что он уже мертв.

9

(AP, IX, 573)

Ты не садись, человек, за чужую трапезу вовсе,
Чтобы себе на позор радовать чрево свое.
Плачешь и ты, если плачет и мрачно настроен хозяин,
А засмеется, — за ним тотчас смеешься и ты.
Нет тебе нужды совсем ни в смехе этом, ни в плаче,
И за компанию лишь плач и веселье твое.

10

(AP, X, 118)

Как я возник? И откуда? Пришел, чтоб уйти безвозвратно?
Что я постигнуть могу, коль не могу ничего?
Из ничего я возник и в свое возвращусь состоянье,
То есть в ничто, и ничто — весь человеческий род.

Так поднеси мне струю наслажденье дарящего Вакха:
Противоядие в нем от существующих бед.

11

(AP, X, 121)

Тот не опасен, кто явно тебя ненавидит; опасней
Тот, кто обманно игру в дружбу с тобою ведет.
Предупрежденные, мы избегаем врага, но беспечны
К тем, кто о дружбе своей нам непрестанно трубит.
Злейшим врагом я считаю того человека, который
Друга доверье к нему употребляет во зло.

12

(AP, XI, 273)

Ты и свихнулся, и ногу свихнул. Поистине верно:
Что у природы внутри, то и снаружи у ней.

13

(AP, XI, 279)

Может ли счастье познать хоть один из грамматиков, если
Вечно в его голове гнев, раздраженье и желчь.

14

(AP, XI, 294)

Ты по богатству богач, а по жизни бедняк; и богат лишь
Не для себя, а для тех, кто унаследует все.

15

(AP, XI, 295)

Если стоит Дионис у тебя в пиршественном зале,
Плющ ты сорви у него и венком увенчай из латука.

16

(AP, XI, 310)

Кудри, румяна и мед, воск и зубы — все ты купила;
Лучше б за те же купить физиономию всю.

17

(AP, XI, 343)

Два у Сильвана слуги: то Вино и Сон, и отныне
Больше ни Муз, ни друзей он уж не может любить:
Первый, едва он проснется, так сладостно губит рассудок;
В спальне храпящим его держит все время второй.

18

(AP, XI, 354)

Равный Платону, второй Аристотель, и мудрости высшей
Тонкий знаток Никострат как-то услышал вопрос;
Был он к нему обращен и касался души: «Подобает
Смертной ее называть, или бессмертна она?
Тело имеет, иль вовсе она бестелесна? Конкретна,
Иль отвлеченный предмет, иль сочетает в себе

То и другое?» И вот, углубившись в мудреные книги,
Стал о душе изучать он Аристотеля труд.
Стал он в глубины «Федона» вникать, что написан Платоном,
Истины всюду сбирать, вооружая себя.
В плащ завернулся затем и, погладив кончик бородки,
Он, поразмыслив, такой всем изрекает ответ:
«Смертна ль природа души, иль бессмертна она, — я не знаю,
И вообще ничего мне неизвестно о ней;
То ль бестелесна, телесна ль она... ты сойди к Ахеронту —
Будешь с Платоном тогда знать достоверно о том;
Если угодно, возьми с амбракийца пример Клеомброта
И, подражая ему, с крыши низвергни себя.
С телом расставшись своим, себя самого ты познаешь
И нерешенный вопрос сможешь тогда разрешить.

19

(AP, XI, 410)

Мудрость какая на деле у киника (с палкою был он
И бородой) показал нам превосходно обед.
Киник, усевшись за стол, от редьки, бобов воздержался,
Ибо, как он пояснил, доблесть — не раб живота.
Стоило только ему белоснежную матку увидеть,
Мигом был ею смущен хмурый кинический ум.
Так, вопреки ожиданью, он просит ее и съедает,
И говорит, что она доблести не повредит.

20

(AP, XI, 430)

Если ты думаешь, что с бородой вырастает ученость,
То бородатый козел есть настоящий Платон.

КОММЕНТАРИИ

I. Эпиграммы Паллада*

2, ст. 4. О дарах Креза Аполлону сообщает Геродот (I, 50).
3, ст. 5. Илиада, XVIII, 382.
4, ст. 1. По образцу гомеровских форм: δῶ вместо δῶμα — дом; βρῖ вместо βριθύ — тяжесть, Паллад сокращает слова: θώραξ — панцирь в θῶ, κνημίς — поножи в κνῆ и κράνος — шлем в κρᾶ;
ст. 2. Значение слова Гордиоприлярриос неясно. Дюбнер (I, стр. 231) полагает, что Паллад высмеивает «варварское» произношение греческих слов центурионами императорских легионов в Константинополе. Ср. primipilarius или primipilaris — центурион 1-й центурии 1-го манипула 1-й когорты римского легиона. Евтолмий Иллюстрий Схоластик (ок. 400 г. н. э.), автор 4-х эпиграмм Палатинской антологии, написал ответ на эту шутку Паллада:

«Поножи, панцирь, Афины копье, шлем и щит свой огромный
Отпрыск Меммия Руф Геллий повесил как дар»

(перевел Ю. Ф. Шульц)

(AP, VI, 86)

5, ст. 1. В оригинале φύλλο — женское имя, означающее буквально: «блоха».
6, ст. 5. Понфесилея (Πενθεσίλεια) и Пенфей (Πενθεύς) — имена, созвучные слову πέντος — скорбь, траур.
7. Египтянин Гессий, о котором идет речь, и Гессий, упоминаемый в письмах Либания, — одно и то же лицо. См. о нем И. Ирмшер. Паллад. ВВ, т. XI, 1956, стр. 257—258 и прим. 90—93);
ст. 4. Гессий был казнен за обращение к оракулу.
9, ст. 1. Изречение, приписываемое одному из семи мудрецов — Питтаку Митилен-

* Первая цифра обозначает номер эпиграммы по порядку, вторая —номер стихотворной строки.

скому (VII—VI вв. до н. э.). Ср. эпиграмму Неизвестного (АР, IX, 366). См. «Греческая эпиграмма». М., 1960, стр. 377—378;
ст. 8. Игра слов: Γέσσιος и χεσεῖν — испражняться — непереводима.

11, ст. 4. «Символы власти...» — секиры (в фастах), но не как принадлежность консульского звания, а как орудие казни (Гессий был казнен).

12, ст. 5 — пародирует стих Гомера (Илиада, XVI, 48):

«Мрачно вздохнув, провещает к нему Ахиллес быстроногий» [1].

13, ст. 1. Аммон — ливийско-египетское божество, отождествлявшееся с греческим Зевсом.

14, ст. 1. Калхант — прорицатель в стане ахейцев. Имя, ставшее нарицательным.
ст. 2. «Кресло ипатов...», т. е. консулов, наместников Египта.

18, ст. 2. Речь идет о похищении огня у богов Прометеем;
ст. 4. Ср. Гесиод. Труды и дни, 704—705;
ст. 6—7. Паллад смешал два места Илиады — одно, где говорится о наказании Зевсом Гефеста (I, 590 слл.), и то, где речь идет о наказании Геры (XV, 18 слл.):

«Или забыла, как с неба висела? Как две навязал я
На ноги наковальни, а на руки набросил златую
Вервь неразрывную?...»

19, ст. 4. Намек на истребление женихов возвратившимся Одиссеем (Одиссея, XXII);
ст. 5. В ужасах, описанных в Илиаде, виновна женщина — Елена; отсюда пословица: «Целая Илиада бед».

20, ст. 1. См. прим. к эпиграмме 18.

21, ст. 1. сл. Намек на начало Илиады, служившее предметом изучения на первых уроках грамматики (см. прим. к эпиграмме 26);
ст. 4. Намек на жену поэта Андромаху, имя которой буквально означает: «сражающаяся с мужем».

22, ст. 4. Новый намек на 1-ю песнь Илиады: слово λιμός — голод — в связи с явлением итацизма ассоциировалось (на слух) со словом λοιμός — чума.

23. Ср. эпиграмму 67 (АР, X, 57).

24. Ср. эпиграмму 28 (АР, IX, 175).

25. Ср. среди приписываемых Палладу эпиграмм эпиграмму 6 (АР, IX, 134, 135).

26. Ср. эпиграмму 21 (АР, IX, 168). Намек на начало Илиады, первые пять стихов которой:

«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля)».

27, ст. 1. Серапис — вавилонское божество, культ которого был введен в Египте Птолемеем I (323—285 гг.). Божество жизни, смерти и исцеления;
ст. 2. Снова намек на Илиаду. См. прим. к предыдущей эпиграмме;
ст. 8. О чеканке фальшивой монеты в подобной ситуации сообщает Фемистий (Orationes, XXI, 261 C). См. также И. Ирмшер. Указ. соч., стр. 251—252 и прим. 31—36.

28. Толкование этой эпиграммы различно. Вероятнее всего, Дорофей — отец ученика, разорвавший выгодный для Паллада договор (он же σύνταξις!). На этой точке зрения стоит И. Ирмшер (указ. соч., стр. 253);
ст. 5. Чтение Θέων (вместо рукописного θεῷ), принятое Мейнеке и Штадтмюллером, позволяет считать, что Паллад обращается к Феону, отцу Ипатии (см. эпиграмму 41. АР, IX, 400). И. Ирмшер (указ. соч., стр. 253, прим. 46) считает его маловероятным из-за разницы в возрасте, разделявшей Паллада и Феона. Г. Бекби (III, стр. 110) одобряет это чтение. В переводе отражена последняя точка зрения.

30. Лемма: «На храм Тихе (Судьбы), превращенный в харчевню». Ср. эпиграмму 33 (АР, IX, 183), ст. 3:

«Прежде имевшая храм оказалась под старость в харчевне».

О подобном случае в Византии сообщает Иоанн Лидийский (De mensib., p. 52. Jac., 4, 132).

31, ст. 1. Ср. эпиграмму 90 (АР, X, 90), ст. 7.

33. Имеет ту же лемму, что и эпиграмма 30.

34. Ср. эпиграмму Галла (I в. до н. э.) «На кубок с изображением Тантала». См. «Греческая эпиграмма», стр. 178.

35, ст. 1. Возможно, что речь идет о руинах разрушенного в 391 г. христианами храма Сераписа;

[1] Все цитаты из Илиады даются в переводе Н. И. Гнедича.

ст. 12. «Для креста...», т. е. для распятия на кресте.

38. Широко распространенный мотив. Ср. Лукиан. Харон, 17, где подобная мысль вложена в уста Гермеса-Психопомпа, провожавшего в Аид души умерших.

39, ст. 1. См. Одиссея, IX, 34:

«Сладостней нет ничего нам отчизны и сродников наших» [2];

ст. 3. См. Одиссея, I, 57:

«... Но напрасно желая
Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий».

40. Принадлежность этой эпиграммы отрицал Штадтмюллер (см. Бекби, III, стр. 791). Ср. аналогичную эпиграмму Эрикия Кизикского (AP, VII, 230).

41. Ипатия — дочь математика и поэта Феона (см. эпиграмму 28), последовательница школы неоплатоников. Учила в Александрии. К ее кружку принадлежали Паллад и Синесий из Кирены. В 415 г. она была зверски убита в церкви толпой фанатиков-христиан, подстрекаемых епископом Кириллом. Известный русский ученый — невропатолог и переводчик Греческой антологии Л. В. Блуменау (1862—1931 гг.) написал о ней драматическую поэму «Ипатия»;

ст. 2. «Звездный девы храм...» — т. е. Астреи (*от греч. ἄστρον — звезда*), дочери Зевса и Фемиды, отождествлявшейся с Дике, богиней справедливости. В знаках Зодиака — созвездие «Девы». Ипатия — это как бы сошедшая на землю Астрея.

43, ст. 3. «Трехлунным» Геракл назван, как плод длившейся три ночи связи Зевса с Алкменой;

ст. 2 и 4. Возможный намек на Миланский эдикт Феодосия I (391 г.) о повсеместном разрушении языческих храмов и уничтожении изображений богов. Все *совершавшие жертвоприношения и обряды в честь древних богов жестоко наказывались*. Ср. эпиграммы Паллада 30—33 (AP, IX, 180—183).

44, ст. 1. Подарок от Эола. См. Одиссея, X, 19 сл.:

«Дал он мне сшитый из кожи быка девятигодового
Мех с заключенными в нем буреносными ветрами...».

46, ст. 1. На о-ве Кипре, как свидетельствует Антифан (см. Афиней, III, p. 95, F.) *множество свиней откармливались для жертвоприношений Афродите*.

47. Ср. эпиграмму Авзония (Ep. 61):

«На свадьбу приглашенный как-то ритор Руф,
Себя желая выказать
Грамматиком искусным, молодым изрек
Такое пожелание:
«Рожайте деток вы мужского, женского,
А также рода среднего»

(перевел Ю. Ф. Шульц).

48, ст. 1. Кондит — conditum (vinum) — вино, приправленное медом и перцем;
ст. 4. «Наиримский...» — Ῥωμαϊκώτατος. Полагают, что адресатом Паллада был не просто римлянин, но римлянин, носивший имя Роман (Romanus). Известно, что в 391 г. один Роман занимал пост «comes Aegypti».

49, ст. 1. Ююба (Ramnus jujuba, L. или Zizyphus vulgaris) — колючий кустарник (деревцо) из семейства крушиновых. Кора его корней применялась как возбуждающее средство, а плоды — как обволакивающее;
ст. 4. Кротон — приморский город в Южной Италии. Его здоровый климат вошел в поговорку.

50. Возможно, что и эта эпиграмма адресована Ипатии.

51. В антологии к имени Паллада здесь добавлен эпитет «Метеор» — «возвышенный», «высокий». Марина (в лемме) — младшая дочь императора Аркадия. Время жизни ее: 403—449 гг. Вероятно, речь идет о ее константинопольском дворце (?). Изображения языческих богов были перенесены в ее дворец для христианского культа и таким образом спасены от уничтожения.
ст. 3. В оригинале: φόλλις — мелкая медная монета весом в $^1/_4$ унции, т. е. около 6,8 г.

52. Примыкает к эпиграмме Неизвестного (AP, XVI, 194) «На статую Эрота», которую Дюбнер приписывает Палладу:

«Медный Эрот огненосный в огонь угодил: перелили
В пламенный тигель его, мукой за муки воздав»

(перевел Ю. Ф. Шульц).

---

[2] Все отрывки из Одиссеи даются в переводе В. А. Жуковского.

54, ст. 2.Подобное обращение было общепринятым и не относилось только к родственнику. Ср. Гораций. Послания, I, 6, 54.
55, ст. 4. Ср. Theogn., 887.
57, ст. 2 сл. См. Илиада, XXIV, 602 сл. и 613:

«Пищу забыть не могла и несчастная матерь Ниоба,
Матерь, которая разом двенадцать детей потеряла».
. . . . . .
«Плачем по них истомяся, и мать вспомянула о пище».

60, ст. 1. См. Одиссея, X, 210 слл.;
ст. 9. См. Одиссея, X, 277 слл.
61, ст. 1. См. Pind., Pyth., I, 85. Ср. Геродот, III, 52.
62. Фрагмент 291 (Коск, III). Ср. также Pind., Pyth., 9, 135.
64, ст. 3. Дионисий правил в 337—336 гг. (умер в 305 г. до н. э.).
65, ст. 3. Ставшее пословицей место из Одиссеи (XIX, 163):

«... Уж верно не отрасль
Славного в древности дуба, не камень от груди утеса».

66, ст. 18. Неясно, о каких 12 богах идет речь. Полагают, что это намек на 12 апостолов (см. Бекби, III, стр. 815).
69. Сентенция в духе стоицизма Эпиктета.
76, ст. 2. Ср. Софокл. Эдип в Колоне, 1694. Эпиграмма-дистих аналогичного содержания приписывается (в издании Bidez-Cumont, p. 220) императору Юлиану:

«Жребий влечет — и влекись; если ж ты недоволен влеченьем,
Сам же себе навредишь, жребием все же влеком»

(перевел Ю. Ф. Шульц).

77, ст. 3 сл. Ср. эпиграмму-пародию Агафия Схоластика (AP, XI, 372), а также Эпихарм. Фрагмент 10 (Vorsokrat., Diels).
80. Сентенция в духе стоической философии. Ср. Сенека. Письма, 58, 22: «Никто из нас не является тем, кем он был в юности; никто из нас не является утром таким, каким он был вчера. Подобно водам рек быстро меняются наши тела. Все, что ты видишь, проносится вместе со временем...».
84. Дюбнер полагает (II, стр. 281), что между первым и вторым стихом этой эпиграммы выпали две стихотворные строки.
87, ст. 1. Ср. Эврипид, Фрагменты, 54, 3.
88. Эта эпиграмма написана на стене купальни в Эфесе. Ср. Катулл, 52.
89. Сентенция в духе учения платоников. Эта эпиграмма, как и следующая, 90-я, вероятно, написана в 394 г., когда Феодосий одержал победу над узурпатором Евгением (см. Бекби, III, стр. 817).
91, ст. 6. Намек на Христа, в воскресение которого верят христиане.
92, ст. 1. Этот стих, как и второй стих предыдущей эпиграммы, — насмешка над Феофилом, патриархом Александрии (его имя означает буквально: «Любимый богом»), который в 391 г. разрушил языческие храмы города.
98, ст. 1. «Литру годов...» — т. е. 72 года. Одна литра равна римскому фунту (12 унций или 327,45 г), из которого со времени Константина чеканили 72 золотые монеты, солида (введен в обращение с 312 г.).
99, Ср. Публилий Сир, Т 2: «Молчание глупому заменяет мудрость».
101. Эта эпиграмма — подражание Анакреонту (XI).
102. В издании Якобса [3] и Дюбнера эта эпиграмма объединена с предыдущей (AP, XI, 54).
103. Ср. Марциал, I, 15 и Эврипид. Алкеста, 782.
104. Лемма: «На ритора египтянина».
105. Эта эпиграмма переведена на латинский язык Авзонием (Ep. 84);
ст. 2. Намек на известный миф о превращении Дафны в лавр и Ниобы в камень (скалу).
108. Известен ряд врачей, носивших это имя. В конце IV в. н. э. один из них жил в Александрии (Eunapios. Vit. soph., p. 497, ed. Boisson).
109, ст. 5. Халкида — город на о-ве Эвбее, близ побережья Аттики и Беотии.
110, ст. 1. «Из лотофагов земли...», т. е. из Северной Африки. Ликаон — прожорливый волк (от греч. λύκος);
ст. 2. «Антиохийствует здесь...», т. е. предается противоестественному разврату [подобный намек есть и в следующей, 111-й эпиграмме (AP, XI, 285), ст. 4]. Подробнее см. И. Ирмшер. Указ. соч., стр. 266.

---

[3] Anthologia graeca sive lusus poëtarum graecorum ex recensione Brunckii. Indices et commentarium adiecit Fridericus Jacobs. Vol. 1—5. Lipsiae, 1794—1795.

112, ст. 1—2 принадлежит Менандру («Отдельные сентенции», 413 и 133). См. Бекби, III, стр. 829.
114. Насмешка над тупой бритвой цирюльника.
115. Лемма: «На менялу».
116. Лемма: «На менялу».
117. Лемма: «На Никандра» (подробнее неизвестен). Ср. Марциал, XII, 46.
118. Лемма Палатинской антологии: «На философа, ставшего префектом города (Константинополя. — *Ю. Ш.*) при Валентиниане и Валенте». Эпиграмма направлена против ритора Фемистия из Пафлагонии (ок. 320—390 гг.), бывшего префектом в 383—384 гг. См. И. Ирмшер. Указ. соч., стр. 256—257;
ст. 2. «Креслом серебряным...», т. е. постом крупного государственного чиновника (Фемистий был с 355 г. членом константинопольского сената).
123. Ср. эпиграмму Паллада 94 (AP, X, 93).
124, ст. 2. Ср. Гесиод. Труды и дни, 717—718.
127. Лемма: «На блудницу».
128, ст. 2. Этот кузнец должен был носить имя Гефеста.
129, ст. 1. Эпитет осла (в оригинале) — Ἀντίσπαστος. Так называется стихотворный размер, состоящий из ямба и следующего за ним трохея (⏑ – – ⏑ – ⏑);
ст. 4. В оригинале: ὑστάτιον πρότερον — известная фигура речи.
130. Лемма: «На льстецов». В эпиграмме игра слов: κόραξ — ворон и κόλαξ — льстец в написании разнятся лишь одной буквой (см. ст. 1 эпиграммы). С учетом этого примечания возможен следующий вариант перевода:

«Только лишь „лямбдой“ и „ро“ различаются коракс и колакс,
А в остальном меж собой коракс и колакс равны.
А потому, дорогой, опасайся такого созданья:
Колакс — что коракс, но рвет не мертвецов, а живых».

132, ст. 2. «Аттический мед...», т. е. в злословии высшая сладость. Мед из Аттики считался самым лучшим.
133, ст. 6. Ср. Сенека. Epist. ad Lucill., 88.
134, ст. 7—8. Полидевк — сын Леды от Зевса. Его брат Кастор славился как «укротитель коней»;
ст. 10. «Ежемесячно...», т. е. при получении условленной платы за снятую комнату.
135, ст. 1—2. Насмешка над уродливой супружеской парой;
ст. 5. Коракс — буквально: «ворон». *Это слово как имя собственное встречается* в эпиграмме Диодора (AP, VII, 632);
ст. 3—6 Буассонад считал самостоятельным стихотворением (см. Бекби, III, стр. 831).
136. Ср. Марциал, III, 79.
137. Ср. эпиграмму Лукиана из Самосаты (AP, IX, 367). Перевод см. «Греческая эпиграмма», стр. 245.
138. Ср. Марциал, XI, 31.
139, ст. 2. Таблиопа — от слова tabula или tabla — доска для игры в кости.
140, ст. 2. Смысл неясен. Под этими «птицами» подразумевают: клеветников (Опсопей), воров (Буассонад) и прожорливых гостей (Якобс). См. Дюбнер, II, стр. 390.
ст. 3. Титий — гигант, низвергнутый в подземное царство Аполлоном и Артемидой за покушение на честь их матери Лето (Латоны).
141, ст. 6. «Авзонийский закон...», т. е. италийский. Вероятно, намек на конституцию Константина от 331 г., вошедшую в Кодекс Феодосия (III, 16, 1) под названием «De repudiis» (О расторжении брака).
142. Ср. эпиграмму Паллада 18 (AP, IX, 165). Это двустишие Проспер Мериме взял эпиграфом к своей новелле «Кармен».
143, ст. 4. Алабархия — таможня, деловой центр Александрии.
ст. 6. «Кри» («κρῖ») — сокращенная эпическая форма вместо κριθή — ячмень. Бедный грамматик вынужден даже укорачивать слова. Для 5—6 стихов эпиграммы возможен следующий вариант перевода:

«Ныне, мой ослик, держись! Ведь живя у грамматика, часто
Будешь ты видеть МЕНЯ, но ЯЧМЕНЯ не найдешь».

144. Эпиграмма основана на игре слов. Греческое слово μοναχός — монах буквально означает: «одинокий», «уединенный».
146, ст. 4. Патрикий — историческая личность, астролог, процветавший при императоре Иовиане (363—364 гг.). О какой победе здесь идет речь — неизвестно.
148, ст. 3. «Проживи незаметно» (λάθε βιώσας) — известное положение эпикурейской философии. В данном случае Паллад, вероятно, имеет в виду слова неопифаго-

рейца Аполлония Тианского (см. Филострат. Жизнеописание Аполлония Тианского, 8, 28).

149. См. Дюбнер, II, стр. 627: Цец. (Chil., V hist., XI, 500) упоминает о картине, на которой Эрот был изображен с теми же атрибутами. Ср. также Фуртвенглер (Eros in der Vasenmalerei, 1874, S. 65).

151. Гессий — вероятно, тот же, что и в эпиграммах AP, VII, 681—688. Ср. Ювенал, VIII, 52.

II. Эпиграммы, приписываемые Палладу

1. Принадлежность: «Руфина или Паллада Александрийского»;
ст. 1. Протомах — буквально: «первый в битве»; Никомаха — «победительница в битве»;
ст. 3. Лисимах — «прекращающий битву»;
ст. 4. Андромаха — «воюющая с мужем». Ср. эпиграмму Паллада 21 (AP, XI, 378).
2. Принадлежность: «Того же автора».
3. Лемма: «Паллада или Лукиана». Принадлежность первому отрицает Якобс. Стихи 5—6 почти дословно повторяют 3—4 стихи эпиграммы AP, X, 118 (эпиграмма 10 из приписываемых Палладу);
ст. 8. Бромий — буквально: «шумный» — эпитет Вакха.
4. В Палатинской антологии — Юлия Полиена (софист и историк, родом из Сард, жил в середине I в. до н. э.). Палладу ее приписывает Codex Mediceus.
5. Авторство Паллада подтверждено антологией Плануда (XIII—XIV вв.);
ст. 1. «Дочь Пандиона...» — Филомела, сестра Прокны. Муж Прокны, фракийский царь Терей, обесчестил Филомелу и вырезал ей язык. По мифу, она была превращена в соловья (или ласточку).
6. Принадлежность Палладу отрицал Якобс (см. Дюбнер, II, стр. 177). У Дюбнера (II, стр. 26) обе части соединены в одну эпиграмму (134, 135). В издании Бекби (III, стр. 86) это — две самостоятельные эпиграммы в 8 и 3 стихотворные строки, т. е. на одну строку больше, чем у Дюбнера. Эта строка следующая:

Γράψε τίς; οἶδε θεός, τίνος εἵνεκεν; οἶδε καὶ αὐτός.
«Кто написал? — Знает бог. — Для чего? — Знает он и об этом»
(перевел Ю. Ф. Шульц).

7. Принадлежность Палладу отрицал Дюбнер (II, стр. 211). Возможно, как и эпиграмма AP, IX, 400, адресована Ипатии.
8. Принадлежность: Паллада (Штадтмюллер). Ее отрицал Пэк. См. Бекби, III, стр. 796.
Лемма: «На город Берит» (ныне Бейрут). Дюбнер считал эту лемму фальшивой (Дюбнер, II, стр. 221).
9. В антологии Плануда приписывается Лукиллию (эпиграмматист-сатирик эпохи Нерона. Старший современник Марциала, автор около 130 эпиграмм). Схолиаст (Schol. Wech.) приписывает ее Палладу. Ср. Марциал, II, 53 и IX, 10.
10. Лемма (в антологии Плануда): «Неизвестного или Паллада»;
ст. 3—4. См. прим. к эпиграмме 3 (из приписываемых Палладу).
11. По мнению Клода де Сомеза (Салмазий), французского гуманиста, нашедшего в 1606 г. в Гейдельберге (в Палатинской библиотеке) Палатинскую антологию, эпиграмма принадлежит Никарху или Палладу (см. Дюбнер, II, стр. 284). Никарх жил в I в. н. э.
12. В антологии Плануда: Паллада.
13. Палладу приписывается в целом ряде рукописей. Бекби (III, стр. 680) относит ее к Лукиллию. За авторство Паллада стоят: Дюбнер (II, стр. 383), Франке, Цервез (см. Бекби, III, стр. 828).
15. ст. 2. Намек на прокисшее вино, заменявшее собой уксус, приправу латука. Ср. аналогичную эпиграмму Лукиана (AP, XI, 396):

«Часто, мой друг, ты вино присылал мне, и часто, бывало,
Благодарил я тебя, нектара сладость вкусив.
Если ты любишь меня и теперь, то не шли: не нуждаюсь
В этом вине я — латук кончился весь у меня»
(перевел Ю. Ф. Шульц).

19 и 20. Эти эпиграммы приписываются также Лукиану.

Ю. Ф. Шульц

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР Н. В. ПИГУЛЕВСКОЙ

14 января 1964 г. исполнилось семьдесят лет Нине Викторовне Пигулевской, члену-корреспонденту АН СССР, профессору Ленинградского государственного университета, доктору исторических наук, бессменному члену редакционной коллегии «Византийского временника» и его постоянному сотруднику.

Выдающийся специалист по истории Византии и средневековой истории стран Ближнего Востока, Нина Викторовна Пигулевская (Стебницкая) родилась в Петербурге, в семье, давшей русской культуре и науке многих видных деятелей. Свое историческое и филологическое образование Нина Викторовна начала в 1912 г. на Бестужевских курсах под руководством крупнейших специалистов: Ф. Ф. Зелинского, И. М. Гревса, А. А. Васильева, И. И. Толстого, О. А. Добиаш-Рождественской и др. Окончив в январе 1918 г. Высшие курсы, она была оставлена для подготовки к профессорской деятельности по кафедре истории Византии. Одновременно с аспирантурой Нина Викторовна занималась на восточном факультете Ленинградского университета у академика П. К. Коковцова по группе семитских языков (1918—1922 гг.). Этим сразу определились основные направления ее научной деятельности, те области науки, которым она посвятила в дальнейшем все свои творческие силы: история Византии и сириология.

Свою первую большую научную работу Нина Викторовна выполнила по заданию академика Н. Я. Марра — это было описание всех сирийских рукописей Ленинграда («Каталог сирийских рукописей Ленинграда» был издан в 1960 г.). Глубокое изучение рукописей, причем не только сирийских, позволило Нине Викторовне овладеть разнообразным кругом рукописных источников и написать ряд работ, получивших высокую оценку. Акад. И. Ю. Крачковский отмечал в 1938 г.: «Хорошее историческое образование, углубленное изучение семитических языков, в особенности сирийского, систематическое в течение многих лет проведенное описание всех находящихся в Ленинграде рукописных памятников выработало из нее специалиста единственного в своем роде. Ее знания не лежат мертвым капиталом, а все время претворяются в признанные работы». 13 апреля 1938 г. по предложению академиков П. К. Коковцова и И. Ю. Крачковского ей была присуждена без защиты ученая степень кандидата филологических наук, а через год (22 июня 1939 г.) за ее фундаментальное исследование «Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник», являющееся «крупным событием в нашей науке» (академик И. Ю. Крачковский), ей была присуждена степень доктора исторических наук. Этот труд был первым из серии больших исследований Нины Викторовны, в которых она, опираясь на тщательное и глубокое изучение разнохарактерных и разноязычных источников (греческих и восточных), впервые дала в советской исторической науке определение способа производства ближневосточных обществ раннего средневековья, существовавших как на территории Византии, так и на территории сопредельных государств. В 1941 г. Нина Викторовна издает книгу «Сирийские источники по истории народов СССР».

Следующая монография писалась ею в тяжелых условиях войны и блокады. Несмотря на лишения и напряженную административную работу по спасению рукописных богатств Института востоковедения, организации эвакуации его сотрудников (с 1942 г. она являлась заместителем директора Института востоковедения, с которым неразрывно связана ее деятельность с 1938 г.), Нина Викторовна продолжала работу над исследованием «Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.», которое она завершила в 1943 г. в эвакуации (опубликовано в 1946 г.). В 1944 г. Нина Викторовна возвращается в Ленинград. Значительное время она отдает преподавательской работе в университете (к чтению лекций она приступила в 1939 г.), активно помогает академику И. Ю. Крач-

ковскому в организации Восточного факультета, много сил отдает кабинету Ближнего Востока Института востоковедения, который она возглавляет по сей день. За большие научные достижения ее избирают 4 декабря 1946 г. в члены-корреспонденты АН СССР.

Целеустремленность и творческая глубина Нины Викторовны находят свое выражение в ее дальнейших исследованиях, посвященных все той же большой проблеме — проблеме перехода от рабовладельческого строя к феодальному на Ближнем Востоке—и имеющих огромное значение для выяснения социально-экономической истории, политического и международного положения Византии, ее культурных и религиозных связей. В 1951 г. появляется ее труд «Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком», в 1956 г. — «Города Ирана в раннем средневековье» (французский перевод с предисловием известного ориенталиста Клода Каэна опубликован в Париже в 1963 г.), недавно ею сдана в печать обобщающая монография «Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. н. э.», комплексно разрабатывающая сложные формационные проблемы и дающая глубокий анализ предпосылок возникновения ислама. Наряду с этими объемистыми капитальными трудами Нина Викторовна публикует большое число ценных статей, посвященных разным вопросам исторического и филологического порядка. Ее перу принадлежат более 120 трудов (в том числе семь больших монографий), многие из которых опубликованы за рубежом или переведены на иностранные языки.

Нина Викторовна ведет большую общественную работу. Она является ответственным редактором «Палестинского сборника», возглавляет Ленинградскую межинститутскую группу византинистов, состоит членом ряда ученых советов и научных обществ, принимает активное участие в организации Всесоюзных сессий по византиноведению, истории древнего Востока, арабистике, семитологии и т. д. Она участник ряда международных конгрессов и совещаний (в Кембридже, Мюнхене, Праге, Варшаве, Охриде), на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве возглавляла работу V секции по византиноведению и смежным дисциплинам. В 1960 г. она читала курс лекций в Париже и в том же году была избрана членом «Азиатского общества» в Париже.

За выдающиеся заслуги она дважды награждена орденом «Знак почета», а также медалями СССР. В январе 1964 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в области советской исторической науки и в связи с семидесятилетием со дня рождения Н. В. Пигулевская награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Нина Викторовна Пигулевская встречает свой славный юбилей в расцвете творческих сил, окруженная всеобщим уважением коллег и учеников. Редколлегия «Византийского временника», Сектор византиноведения Института истории АН СССР и все советские византинисты поздравляют Нину Викторовну Пигулевскую, выдающегося знатока истории средневекового Ближнего Востока и одного из виднейших представителей современного византиноведения, с ее семидесятилетием и желают ей доброго здоровья и дальнейших творческих достижений на благо советской науки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы и истории
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИРА — Вопросы истории религии и атеизма
ВО — Византийское обозрение
ВС — Византийский сборник
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГХМ — Государственный херсонесский музей
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗНОРАО — Записки Нумизматического отделения Русского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСАРАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРВИ — Зборник Радова. Византолошки институт
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности
ИП — Исторически преглед
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАК — Материалы археологической комиссии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МНО — Московское нумизматическое общество
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПВЛ — Повесть временных лет
ППС — Православный Палестинский сборник
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
СОРЯС — Сообщения Отделения русского языка и словесности
ТАС — Труды Археологического съезда
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
BNJ — Byzantinische-Neugriechische Jahrbücher
BS — Byzantinoslavica
Byz. — Byzantion
BZ — Byzantinische Zeitschrift
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum

CTh	— Codex Theodosianus
CJ	— Codex Justinianus
DACL	— Dictionnaire d'archéologie chrétienne et litourgie
DOP	— Dumbarton Oaks Papers
ΕΕΒΣ	— Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
MGH	— Monumenta Germaniae Historica
MM	— F. Miklosich et J. Müller. Acta et diplomata Graeca medii aevi
PG	— J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca
RAC	— Rivista di archeologia cristiana
RE	— Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
REB	— Revue des Études Byzantines
REG	— Revue des Études Grecques
SBAW	— Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

З. В. Удальцова (Москва). Положение рабов в Византии VI в. . . . 3
Р. Гийан (Париж). Очерки административной истории Ранневизантийской империи (IV—VI вв.) 35
Р. Бенедикти (Будапешт). Экскурс о Фуле у Прокопия Кесарийского 49
А. П. Каждан (Москва). Два новых памятника XII столетия 58
Н. А. Мещерский (Петрозаводск). К истории текста славянской книги Еноха 91
Б. Л. Фонкич (Москва). О рукописной основе текста Альдовского издания трагедий Софокла 109
Г. К. Вагнер (Москва). К судьбам византийского наследия во владимиро-суздальской пластике 121
Н. К. Голейзовский (Москва). Заметки о творчестве Феофана Грека 139
А. М. Гилевич (Севастополь). Новый клад херсоно-византийских монет 150
К. В. Голенко (Москва). Монеты из раскопок Анакопийской крепости в 1957—1958 гг. 159
Е. Э. Гранстрем (Ленинград). Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 5. Рукописи XIII в. 166

Сообщения

С. Лишев (София). Термин «работник» в Рильской, Виргинской и Мрачской грамотах XIV в. 198
М. А. Полякovская (Свердловск). Городские владения провинциальных монастырей в поздней Византии 202

Критика и библиография

Обзоры

М. Живойинович, И. Николаевич (Белград). Обзор югославских работ по византиноведению в 1957—1961 гг. 209

Рецензии

Э. С. Смирнова (Ленинград). Рецензия на кн.: В. Н. Лазарев — Фрески Старой Ладоги 219
А. Л. Якобсон (Ленинград). О некоторых спорных вопросах истории раннесредневекового Херсонеса 226
С. А. Кауфман (Москва). Рецензия на кн.: P. Testini. Archeologia cristiana 229

Аннотации

«Byzantinobulgarica», I 242
«Ἑλληνικά», XII—XVII, 1952—1962 243
«Гръцки извори за българската история», т. II—IV 247

Два сборника статей Ф. Дэльгера 248
F. Thiess. Die griechischen Kaiser 250
I. Sorlin. Les traités de Byzance avec la Russie au X-e siècle 251
O. Jurewicz. Andronik I. Komnenos 253
Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica 254
I. Ševčenko. Études sur le polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos 257
Ph. Grierson. Coinage and Money in the Byzantine Empire 258

Публикации

Ю. Ф. Шульц (Москва). Паллад Александрийский. Эпиграммы 259
К 70-летию Н. В. Пигулевской 290
Список сокращений 292

**Византийский временник,
том XXIV**

*Утверждено к печати
Институтом истории Академии наук СССР*

Редактор издательства *Ф. Н. Арский*
Технический редактор *Л. И. Матюхина*

Сдано в набор 3/I 1964 г. Подписано к печати 25/V 1964 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 18,5 + 1 вкл. Усл. печ.
л. 25,34 + 1 вкл. Уч.-изд. л. 25,5 (25,3 + 0,2 вкл.).
Тираж 1200 экз. Т-07768. Изд. № 1906. Тип. зак. № 604.
Темплан 1964 г. № 51

Цена 1 р. 54 к.

Издательство «Наука»
Москва К-62. Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия., д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
80	8 св.	ἀεβαστοκρατορίδην	σεβαστοκρατορίδην
137	9 св.	«Вознесения» [93]	«Вознесения» [92]
182	6 св.	'Н	«'Н
200	7 св.	ѡрѣховѣнѣеже	ѡрѣховѣнѣ еже
200	27 св.	црвами	црва ми
207	28 св.	[24]Фессалоника	[36]Фессалоника
226	8—9 св.	ресках	фресках
241	10 св.	т.	т. е.
244	17 св.	трактурется	трактуется
245	1 св.	касающая	касающаяся

Имеются в продаже вышедшие тома сборника «Византийский временник»: IV—VI, VIII—XI, XIV—XXIII.

Готовятся к печати очередные XXV и XXVI тома.

В XXV томе «Византийского временника» будут опубликованы статьи З. В. Удальцовой (Москва) «Византиноведение в СССР после Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1934 гг.)»; М. Я. Сюзюмова (Свердловск) «Научное наследие Б. А. Панченко»; А. П. Каждана (Москва) «Загадка Комнинов (опыт историографии)»; Я. Н. Любарского (Великие Луки) «Об источниках „Алексиады" Анны Комниной»; Э. Франчеса (Бухарест) «Народные движения осенью 1354 г. в Константинополе и отречение Иоанна Кантакузина»; Р. М. Бартикяна (Ереван) «Заметки о византийском эпосе о Дигенисе Акрите»; Е. Э. Гранстрем (Ленинград) «Каталог греческих рукописей ленинградских собраний. Вып. 5. Рукописи XIII в.» (окончание); В. Н. Залесской (Ленинград) «Новейшие археологические находки из Херсонеса» и К. Н. Голенко (Москва) «К некоторым вопросам хронологии монет позднего Боспора». В том включены также сообщения, обзор М. А. Заборова (Москва) «Крестовые походы в работах русских историков начала XX в.», рецензии и аннотации на недавно опубликованные работы советских и зарубежных византинистов. В конце тома публикуется указатель статей по византиноведению в изданиях периферийных университетов, составленный З. Д. Титовой.

В XXVI томе «Византийского временника» будут опубликованы статьи М. Я. Сюзюмова (Свердловск) «Византийский город (середина VII—середина IX в.)»; К. В. Хвостовой (Москва) «К вопросу об особенностях налогообложения в Византии в XIV в.»; В. П. Мутафчиевой (София) «К вопросу о землевладении в Сирии в XIV—XV вв.»; Л. Н. Гумилева (Ленинград) «Биография тюркского хана в „Истории" Феофилакта Симокатты и в действительности»; З. В. Удальцовой (Москва) «Законодательные реформы Юстиниана»; А. П. Каждана (Москва) «Григорий Антиох и его сведения по истории Болгарии XII в.»; И. Н. Лебедевой (Ленинград) «Списки хроники Псевдо-Дорофея в собраниях Советского Союза»; В. В. Кропоткина (Москва) «Новые находки византийских монет на территории СССР»; В. Н. Лазарева (Москва) «Три фрагмента расписных эпистилиев и византийский темплон»; Н. Н. Воронина (Москва) «Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в.»; статьи по истории византийского искусства В. Д. Лихачевой (Ленинград) и Н. К. Голейзовского (Москва). В томе публикуются также рецензии и аннотации на новые работы советских и зарубежных византинистов.

Заказы на сборник «Византийский временник» принимаются «Академкнигой» и «Международной книгой».

Адреса магазинов «Академкнига»: *Москва,* Центр, Б. Черкасский пер., 2/10 — контора «Академкнига», магазин «Книга—почтой»; *Москва,* ул. Горького, 6 (магазин № 1); *Москва,* ул. Вавилова, 55/5 (магазин № 2); *Ленинград,* Литейный проспект, 57; *Свердловск,* ул. Белинского, 71-в; *Киев,* ул. Ленина, 42; *Харьков,* Уфимский пер., 4/6; *Алма-Ата,* ул. Фурманова, 129; *Ташкент,* ул. Карла Маркса, 29; *Баку,* ул. Джапаридзе, 13; *Новосибирск,* Красный проспект, 51.

Зарубежные индивидуальные заказчики оформляют заказы через контрагентов В/О «Международная книга» на местах.